

А. П. БОГДАНОВ

МОСКОВСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА
ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVII ВЕКА

МОСКВА — 2001

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ**

А.П.БОГДАНОВ

**МОСКОВСКАЯ
ПУБЛИЦИСТИКА
ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ
XVII ВЕКА**

МОСКВА—2001

042(02)1

Рецензенты: Б.М.Клосс, Б.Н.Морозов, А.А.Преображенский,
Л.Н.Пушкарев, Г.А.Санин, Ю.А.Тихонов

Верстка и оформление: А.П.Богданов.

Богданов А.П.

Московская публицистика последней четверти XVII века. — М.: Институт российской истории РАН, 2001. — 492 с.: ил.

В монографии обобщены результаты изучения всего комплекса московских публицистических памятников периода, непосредственно предшествовавшего преобразованиям Петра I. Источники, значительная часть которых введена в научный оборот автором, характеризуют важнейшие стороны политической и общественной жизни России с точки зрения представителей Государева и патриаршего двора, чиновников центральных ведомств, духовенства и посадских людей столицы. Содержание вопросов, затронутых в публицистических произведениях с периода реформ царя Федора Алексеевича (1676-1682) до крутой смены политического курса России, ознаменовавшегося началом Северной войны, меняет традиционные представления об уровне общественной мысли предпетровской России. Источники заставляют по новому смотреть на политические проблемы и культуру страны в критические десятилетия, когда она стояла перед выбором путей дальнейшего развития. Автор разрабатывает методы изучения историко-литературных источников «переходного времени», в частности, способы «прочтения» аллегорического языка русского барокко. Впервые рассмотрены типы литературно-публицистических источников конца XVII в. и такое особое явление, как политическая гравюра. Значение наблюдений над комплексом памятников, сыгравших роль «моста» между «древнерусской» рукописной традицией и публицистикой «новой России», выходит за хронологические рамки монографии.

ISBN 5-8055-0071-X

© Институт российской истории
РАН, 2001 г.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «публицистика» многомерно. Его содержание применительно к данной книге следует определить. Лексический и смысловой корень «публичный» (лат. *publicus* — общественный) В.И. Даль разъясняет как «всенародный, оглашенный, явный, известный». Наиболее употребимо узкое определение публицистики как «литературы по общественно-политическим вопросам» или даже «рода», «вида литературы, посвященной злободневным общественно-политическим вопросам современности». В наше время очевидно, что сведение публицистики к литературе сугубо исторично: во-первых, оно отражает ситуацию тех времен, когда наиболее мощным средством воздействия на умы был печатный текст; во-вторых, выражает исключительный интерес к динамическим, а не гомеостатическим факторам государственной и общественной системы.

Первое не подходит к временам, когда печатный станок все больше сдает позиции радио и телевидению, а также и тому периоду, когда живое слово (проповедь, орация, речь глашатая) или целое действие (скажем, коронация монарха) воздействовало на общественное мнение, по крайней мере, не меньше письменного. Второе также нужно объяснить. В общественных науках доселе господствует интерес к оппозиционным взглядам и их публичному выражению. Ученый в России или, например, в США непременно отнесет к публицистике подрывной памфлет, прокламацию, воззвание левых или правых, но, скорее всего, затруднится сделать то же с царским манифестом или президентским посланием, независимо от того, что они могут отражать мнение и формировать общественно-политическую позицию значительной части подданных или граждан. Согласить-

ся с таким подходом в целом и в частности для публицистики в России XVII в. нельзя.

Итак, в частном определении «московской публицистики последней четверти XVII в.» мы будем учитывать реально существовавшие способы «всенародного оглашения» взглядов на злободневные вопросы государства и общества, а также исследовать сферу и характер воздействия публицистических произведений на подданных Российской державы (в значительно меньшей степени — на иностранцев). Разумеется, все памятники известны в письменном (включая надпись на фреске) или печатном (текстовом или изобразительно-текстовом, подобно политической гравюре) виде. Многие из них создавались или были оформлены как литературное произведение. Некоторые из них (например, проповедь или духовное завещание патриарха), отнесены в «Словаре книжников и книжности Древней Руси» к литературным жанрам допетровского времени; некоторые (вроде государевых объявительных или патриарших богомольных грамот) вызывают определенные колебания литературоведов. Сделанная выше оговорка относительно определения «публицистики» отражает, прежде всего, реальные проблемы отбора источников и тот факт, что функциональное значение и общественное звучание памятника *первостепенно* относительно его жанровых и иных узкоспециальных особенностей.

Московской публицистикой последней четверти XVII в. мы считаем «всенародное», преднамеренно широкое изъявление взглядов столичных властей и граждан по острым общественно-политическим вопросам, сделанное устно, письменно и/или изобразительно, причем изъявление, направленное на формирование общественного мнения. Объектом изучения, с некоторыми ограничениями, является выражение в различных жанровых формах общественно значимых позиций, отражающее столкновение взглядов по наиболее волновавшим столичные власти и горожан вопросам статуса, политики и развития Российского государства в начале периода преобразований.

Из данной работы исключены безусловно относящиеся к истории публицистики, но по своей сложности и обширности (в том числе географической) требующие специальных монографий идейные столкновения официальной Церкви и староверов, а также связи и противоречия фундаментальной для России идейной системы «царь и народ», которую мы надеемся пред-

ставить в специальной книге. Такие ограничения, как «Москва» и «московская публицистика», отнюдь не связаны с *московоцентризмом* (автор весьма далек от него). Это лишь отражение в *последовательности* работы историка реальной ситуации последней четверти XVII в., когда даже в местном (городском и провинциальном) летописании решительно преобладало сознание главенства единого (Российского, Московского) государственного интереса над частными запросами и мнениями.

Следует уточнить, что предметом исследования в монографии являются не сами по себе памятники (им посвящены специальные источниковедческие работы), а отраженные в них *взгляды* на современное авторам Российское государство, его статус, миссию, политические проблемы и общественные нужды. Взгляды эти исследуются по системообразующим направлениям, от общего к частному и в связи с реальными проблемами, волновавшими Москву накануне петровских преобразований. Это позволяет в значительной мере (хотя и не вовсе) уклониться от рассмотрения двусторонней публицистики Раскола Русской православной церкви и оставить в стороне отдельные интересные, но так и не получившие широкого общественного резонанса в столице произведения.

Предлагаемая книга — не источниковедческое произведение, не история общественной мысли и *не страницы истории культуры* Москвы конца XVII в. Здесь не исследуется в целом поэтическое слово, громко звучавшее в это время при царском дворе, в домах знати и даже в некоторых семьях простых горожан,— все те замечательные прозаические и стихотворные орации, застольные тосты, надписи на предметах интерьера и могильных плитах, заказывавшиеся придворным поэтам, наконец, созданные литераторами планы изобразительно-литературного оформления палат. Прекрасный период расцвета *поэзии Московского двора* будет рассмотрен в целом в специальной книге, с публикацией многих ранее неизвестных памятников. В данной работе используются отдельные произведения, безусловно, с учетом всех особенностей литературной системы.

Исследование публицистики выдвигает на первый план более суровую тему *борьбы* взглядов, связанной с выбором путей развития России, борьбы бескомпромиссной и зачастую весьма жестокой. Трудно назвать публициста или просто активного участника публицистических столкновений, избежавшего тяж-

кой кары. Почти все осмелившиеся на это крупнейшие политические деятели (начиная с канцлеров А.Л.Ордина-Нащокина, А.С. Матвеева и В.В.Голицына), ученые и поэты подвергались ссылке; иеромонах Сильвестр Медведев заслужил казни на Красной площади; митрополит Игнатий Римский-Корсаков первым из русских литераторов был объявлен сумасшедшим... Даже представители высшей власти, царь Федор Алексеевич и патриарх Иоаким, казалось бы, мирно скончавшиеся на своих престолах, жестоко страдали, не в силах добиться желанной степени утверждения их воззрений в умах и деяниях россиян.

Формы борьбы были многообразны, от торжественных демонстраций определенных взглядов и оценок на пышных церемониях, от мягких убеждений и своеобразных интерпретаций той или иной идеи до разжигания прямого, иногда вооруженного столкновения. О значении публицистической борьбы за умы для дальнейшего развития России следует судить читателю. Задача данной книги — рассказать о ее содержании и ходе, начиная с принятого на высшем официальном уровне в начале 1676 г. нового определения Российской державы. Этим событием, отраженным в Чине венчания на царство просвещенного государя Федора Алексеевича (и подтвержденным в Чине венчания Ивана и Петра летом 1682 г.), открывается первая глава предлагаемой вниманию читателя книги.

Хронологически основной материал монографии охватывает последнюю четверть XVII столетия. Это время царствования Федора Алексеевича (1676—1682), правления царевны Софьи Алексеевны (1682—1689) и царицы Наталии Кирилловны (1689—1694), а также первые годы относительно самостоятельного царствования Петра Алексеевича, когда он постепенно шел к формированию собственного политического курса. В истории Русской православной церкви последняя четверть века — время двух последних патриархов, Иоакима (1674—1690) и Адриана (1690—1700). На это время приходятся находившиеся в центре внимания публицистов тяжкие и кровопролитные войны с Османской империей и Крымским ханством (1673—1681 и 1686—1700 гг.). Жаркие споры о введении в России высшего образования начались несколько раньше, во второй половине 1660-х годов, но широко развернулись в Москве уже в царствование Федора. Эта борьба, как и борьба мудроборцев, обряженных в одежды «грекофилов», с просветителями, обличен-

ными как «латинствующие», продолжилась и в начале XVIII в., однако уже без прежней остроты. Изучаемые *общественно значимые* споры и комплексы публицистических источников рассматриваются в их естественных хронологических рамках. Изложение выходящего за границы последней четверти XVII в. материала несколько сокращается (без ущерба для основного содержания) лишь в случаях, когда относящиеся к теме взгляды, произведения и ситуации хорошо отражены в научной литературе. Намечены в монографии и публицистические линии, уходящие из XVII в. в будущее; но лишь намечены — воздействие яркой и талантливой публицистики предков на потомков является отдельной интереснейшей темой.

Рассматривая проблему *воздействия публицистики на общество*, необходимо учитывать, что оно далеко не всегда и даже чаще всего не прямое. Более тонкая интерпретация необходима даже в тех очевидных на первый взгляд случаях, когда народ в ответ на призыв «выборных» подстрекателей берется за оружие и прямо по списку побивает «изменников-бояр и думных людей», или люди разных чинов выписывают основные идеи из публицистической книги и распространяют эти «тетради по рукам». Публицистический призыв важен, но не менее важно понять, почему он был воспринят, какую *уже сложившуюся* систему взглядов он затронул, вызвав соответствующую (положительную или отрицательную) реакцию. Так, во время Московского восстания 1682 г. народ поднялся на защиту представлений об *общем благе* и *правде* как функции единого организма — Российского самодержавного православного царства; тех представлений, которые пропагандировал в объявительных грамотах царь Федор Алексеевич; тот самый государь, который при вступлении на престол утвердил в Китае венчания концепцию Российского самодержавного православного царства; того царства, которое народ, по своему о нем представлению (выраженному в речах «выборных» ораторов и повестях), взялся защищать от «изменивших» державе «верхов» во главе с патриархом, который, в свою очередь, имел собственное представление о сути державной концепции, отраженное в его, Иоакима, публицистике... Очевидно, что духовная и человеческая среда, в которой жили и творили публицисты, в которой развивались, сталкивались и воспринимались (или отвергались) их взгляды, в целом составляет важнейший объект исследования.

К *основным источникам* отнесены собственно публицистические памятники: чины царского венчания, государевы объявительные и патриаршие богомольные грамоты и публичные указы (включая столь специфические источники, как «объявления у смертной казни и наказания»), ориентированная на распространение переписка высоких персон и участников жарких споров, прозаические и стихотворные речи-орации, обращенные к царскому и патриаршему двору, к войскам или отдельным общественно значимым адресатам, проповедные слова и церковные обличения, «оказиональные» (посвященные определенному событию) стихи и поэмы, влиявшие на общество или крупных деятелей «подносные» книги, рассуждения и трактаты, а также привлекавшие заметный интерес полемические книги и «тетради». Относительно новыми средствами борьбы за умы стали в Москве конца «бунташного века» политические гравюры и брошюры, изданные по заказу властей и частных лиц за рубежом или в самой столице и распространявшиеся по Европе и в России. В целях политической пропаганды московские государственные деятели умело использовали сообщения в западные газеты. Для утверждения определенных взглядов и оценок все шире применялись парадные портреты, начиная с парсуны царя Федора в Архангельском соборе, живописные изображения событий и иные «художества», украшавшие праздники по случаю важнейших событий; во время Московского восстания 1682 г. и подавления «стрелецкого бунта» 1698 г. строились памятники-стелы¹.

Велико количество и разнообразие дополнительных источников, характеризующих среду жизни и творчества публицистов, сферу действия публицистики и ее восприятие в обществе. Здесь нередко имеем дело уже не с отдельными памятниками, а с целыми фондами и собраниями. Документация царей, Боярской думы, высших государственных должностных лиц и центральных учреждений, а также патриарших приказов сосредоточена в основном в Российском государственном архиве древних актов. В Синодальном, Чудовском и других собраниях Государственного исторического музея хранится важнейшая часть произведений патриархов Иоакима и Адриана и их ближайше-

¹ *Лаврентьев А.В.* Люди и вещи. Памятники русской истории и культуры XVI—XVIII вв., их создатели и владельцы. М., 1997. С. 177—202.

го окружения. Представительный комплекс поднесенных членам царской семьи рукописей и книг находится в Отделе рукописной и старопечатной книги Библиотеки Академии Наук, хотя интересующие нас рукописи рассредоточены по многим, прежде всего центральным собраниям. В ходе работы было проведено полное обследование относящихся к теме рукописей Российской государственной и Российской национальной библиотек, Древлехранилища Института русской литературы РАН («Пушкинского дома»), собраний и коллекций Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН, Владимиро-Суздальского музея-заповедника и Псковского областного краеведческого музея; также в исследовании привлечены рукописи из собраний Томска, Киева и Харькова.

Важной чертой изучаемого времени было создание обширных авторских архивов (частично рассредоточенных по разным собраниям, но поддающихся воссозданию). Рассмотрев их в целом, мы можем значительно лучше представить взгляды и творческую лабораторию таких крупнейших публицистов, как Симеон Полоцкий, Сильвестр Медведев, Карион Истомин, Евфимий Чудовский, Игнатий Римский-Корсаков, Иоанникий и Софроний Лихуды. Не менее важно, что вокруг крупных книжных центров — Московского патриаршего двора, новгородского Софийского дома, епархиальных, монастырских и воеводских скрипториев и библиотек (подобных собранию Афанасия Холмогорского или Флорищевой пустыни) — интенсивно развивалось летописание. Более того, создание кратких летописцев, хронографцев, повременных и дневниковых записей, воспоминаний о событиях своего времени стало в последней четверти XVII в. поистине массовым занятием. Благодаря исследованию этой обширной рукописной традиции мы имеем возможность глубже разобраться в мыслях и мироощущении москвичей, проследить воздействие публицистики на разные слои общества, охарактеризовать перипетии борьбы за умы.

Исследование объекта такого масштаба и сложности, как публицистика и ее среда, было бы абсолютно невозможно без предварительных фундаментальных разработок: выявления, изучения и издания источников, исследования жизни и творчества действующих лиц, политической и церковной истории, без специальных трудов по литературе, образованию, экономике, государственному управлению, дипломатии, военному делу и дру-

гим сторонам жизни России конца XVII в. Такой фундамент мы имеем в результате самоотверженного труда многих поколений ученых XVIII—XX вв.

Интерес к событиям и взглядам предпетровского времени и начала царствования Петра I не угасал на протяжении всего XVIII столетия. Большая работа по изданию важнейших памятников эпохи развернулась с 1770-х годов (в трудах Н.И.Новикова, Ф.О.Туманского и др.). В первой половине XIX в. она была продолжена в капитальных изданиях Археографической экспедиции и Археографической комиссии Российской императорской Академии Наук, в Собрании государственных грамот и договоров, Полном собрании законов Российской империи и др. Во второй половине XIX в., опираясь на появившуюся к тому времени массу общеисторических исследований и археографических описаний, значительный вклад в расширение источниковой базы по истории и культуре конца «бунташного столетия» внесли исследователи жизни и творчества крупнейших литераторов начала эпохи преобразований. Тема «писатель и время» была глубоко раскрыта в трудах И.А.Татарского, И.А.Шляпкина, А.А.Прозоровского, И.П.Козловского, С.Н.Брайловского, М.Н.Сменцовского, К.В.Харламповича и др. Знания по истории литературы и образования в России конца XVII в. были значительно углублены в работах С.К.Смирнова, А.В.Горского, А.Н.Попова, А.Н.Пыпина, А.И.Соболевского и др.

Немало ценнейшего для истории общественной мысли и публицистики материала содержали историко-политические изыскания Н.Г.Устрялова, М.П.Погодина, С.М.Соловьева, Н.И.Костомарова, И.Е.Забелина, Е.А.Белова, В.О.Ключевского, Н.Я.Аристова и др. В советское время эти изыскания были значительно расширены в трудах М.М.Богословского, М.Н.Тихомирова, А.А.Новосельского, Л.В.Черепнина, В.И.Буганова, Я.Е.Водарского, Н.Ф.Демидовой и др. Были подготовлены капитальные публикации документов по важным событиям внутренней и внешней политики. Крупный вклад в историю литературы и общественной мысли России второй половины XVII в. внесли изыскания и издания памятников в исследованиях В.М.Пузикова, А.М.Панченко, Л.Н.Пушкарева, М.А.Алпатова, А.Н. Робинсона, В.К.Былинина, Л.У.Звонаревой и др. Благодаря работам С.Л.Пештича, С.Н. Азбелева, Е.В.Чистяковой, А.И.Рогова, А.М.Сахарова, К.Н.Сербиной и др. заметно углубились наши пред-

ставления о составе историографических памятников и уровне исторической мысли изучаемого периода. Помимо существенного расширения источниковой базы, современные исследования содержали существенные для нашей работы новые взгляды и оценки, направляли внимание на перспективные направления дальнейших изысканий.

Использование накопленных в литературе знаний было невозможно без обширных самостоятельных исследований, начинающихся работой в архиве и постепенно, шаг за шагом, приближающих автора к историческому синтезу. К исследованию публицистических источников мы обратились четверть века назад; первая работа по теме была издана в 1977 г. За это время состав введенной в научный оборот публицистики заметно расширился. Удалось выявить в архивах, изучить и опубликовать несколько десятков остро актуальных в «бунташном» столетии произведений Сильвестра Медведева, Игнатия Римского-Корсакова, Кариона Истомина и его заказчика — патриарха Иоакима, Иоанникия и Софрония Лихудов, а также иных, не столь заметных в общественной жизни конца XVII в. авторов. В связи с исследованием политической публицистики было найдено и издано созданное по заказу Посольского приказа «Истинное и верное сказание» Иоганна ван Келлера. Часть новооткрытых публицистических памятников еще ожидает публикации. Впервые были изданы ценные исторические сочинения и записки: «Генеалогия» Игнатия Римского-Корсакова, Летописец князя Ф.Ф.Волконского, «Хронографец» Боголепа Адамова и «хронографец» конца XVII в., Беляевский летописец, краткая редакция Летописца 1619—1691 гг., редакции Краткого Московского летописца, Повесть о Московском восстании 1682 г., донесения Гильдебрандта фон Горна датскому правительству, книга «Град царства небесного» и библиотечные записки Кариона Истомина. Новому исследованию и научному переизданию подверглось «Созерцание краткое» Сильвестра Медведева и Записки И.А.Желябужского. В сотрудничестве с Е.В.Чистяковой была осуществлена полная академическая публикация фундаментальной «Скифской истории» А.И.Лызлова.

Постепенное приближение к теме данной монографии шло по нескольким направлениям. В ходе исследования исторической мысли в России последней четверти XVII в. был выявлен и изучен широкий круг записок современников, отразивших зло-

бодневные вопросы того времени. В трех монографиях и ряде статей были рассмотрены жизнь, творчество и взгляды историков Игнатия Римского-Корсакова, Сильвестра Медведева, Андрея Лызлова, патриаршего летописца Исидора Сназина, царя Федора Алексеевича и их окружения. Две книги и специальные статьи были посвящены истории царствования Федора и правления царевны Софьи, а также патриаршества Иоакима (1674—1689) и Адриана (1689—1700); еще в двух книгах анализировались церковные «нестроения» и споры второй половины «бунташного века». В ходе изысканий по истории панегиристики удалось расширить круг источников и решить целый ряд проблем, связанных с придворной литературой стиля московского барокко; в этом контексте рассматривалась и политическая гравюра конца XVII в. Серия статей и публикаций была посвящена вопросам образования и педагогической мысли в Москве накануне реформ Петра I, проблемам научных знаний и мировоззрения россиян этого переломного периода нашей истории.

Данная монография не повторяет предшествующие работы но, безусловно, опирается на накопленный в них материал и достигнутое в ходе многолетних исследований понимание событий жизни России в начале коренных преобразований. Автор учитывал, что не все читатели в достаточной степени знакомы с историографией и современным пониманием проблем истории России последней четверти XVII в. По ряду вопросов и сегодня не затихают споры, некоторые разработки еще недоступны широкому кругу специалистов, ряд новооткрытых фактов политической и культурной истории нуждается в специальном обосновании и пояснениях, которые было необходимо привести в книге для прояснения сути публицистических выступлений.

Монография снабжена *Указателем* имен (с краткой аннотацией действующих лиц), основных источников, архивных фондов и использованных рукописей. Этот несколько усложненный системный указатель необходим, поскольку в книге содержится большое количество уточненных сведений о личностях, памятниках и манускриптах, необходимых для развития историко-культурных исследований самого разного профиля.

Глава I

СТАНОВЛЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ДЕРЖАВЫ

РОССИЙСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ САМОДЕРЖАВНОЕ ЦАРСТВО

Для изучения подходов московских публицистов к реализации общего представления о Российской державе, ее статусе и миссии, необходимо увидеть державную идеологию в целом, установить формулировку исходных идей, найти общую основу сопоставления различных взглядов. В области государственной идеологии такой отправной точкой является позиция верховной власти. Не менее очевиден и первостепенный источник изучения в высшей степени официальной формулировки основ государственной идеологии России XVI—XVII вв. Это *чины царского венчания*: акты наиболее торжественной церемонии взаимодействия высших представителей светской и духовной власти.

Из массы политических идей, развивавшихся в духовной и светской публицистике, исторической и родословной литературе и т.п., чины венчания отражали лишь признанные на высочайшем уровне, безусловно ортодоксальные представления о Российском государстве, основах власти и миссии самодержца. Путь политической идеи через частные, полуофициальные и официальные сочинения к наивысшему признанию в церемонии царского венчания характерен и для самих чинов, отражавших вначале лишь *представления* государственных мужей о смысле и форме торжественного действия (до их практической ре-

лизации), а со временем превратившихся в неукоснительно соблюдаемые сценарии коронации.

Особенностью чинов венчания как источника является их идеальная сопоставимость. Отдельные памятники столь тесно текстологически и функционально связаны, что образуют единую систему, содержание которой значительно богаче информационной емкости каждого из чинов. Система эта имеет внутренние структурные уровни, официально фиксируя подразумеваемое и объявленное значение публичных действий царя и архипастыря. Важно отметить, что в отличие от вступления на престол и принятия присяги подданных, венчание на царство в минимальной степени зависело от злободневной политической конъюнктуры. К тому же особенности отдельного чина, не связанные с главными тенденциями развития государственной идеологии, не получали значения прецедента, четко выделяясь как временные, случайные отклонения в жизни системы.

Время этой жизни, включая предродовое состояние, ограничено периодом от зарождения Московского царства до становления Российской империи. В великокняжеский период, до Ивана III, подобных чинам актов не существовало. До времени официального принятия Петром I императорского титула и утверждения указа о престолонаследии в системе царского венчания накопились изменения, вылившиеся в качественное ее преобразование при коронациях царя Федора Алексеевича (1676), Ивана и Петра Алексеевичей (1682).

К периоду преобразования в обобщенной форме выраженной чинами государственной идеологии относятся публицистические выступления в Кремле, в Успенском соборе и при царском дворе, отразившие столкновение мнений по важнейшим вопросам державной политики. Только разобравшись в историческом смысле «переоценки ценностей» на уровне высшей власти мы найдем ключ к пониманию картины, которая открывается при обращении к произведениям отдельных персон.

Изучение официальной государственной идеологии Российского царства XVI—XVII столетий несколько выходит за рамки данной работы. Но обращение к *полному комплексу* чинов венчания необходимо с точки зрения источниковедения, поскольку эта система памятников не была должным образом рассмотрена в историографии, а анализ отдельных чинов изучаемого времени не может быть доказательным вне системы.

Прежде всего, уточним состав комплекса важнейших официальных источников о государственной идеологии России царского периода. Этого в полной мере не сделал даже Е.В.Барсов, единственный, кто за два последних столетия выступил с «историческим очерком чинов царского венчания»². Не вдаваясь в разбор путаницы, внесенной в историю текста ранних чинов поколениями исследователей, обратимся к установленным фактам.

4 февраля 1498 г. в Успенском соборе московского Кремля великий князь Иван III лично и через митрополита с Освященным собором благословил на великое княжение внука своего Дмитрия Ивановича (сына безвременно почившего Ивана Ивановича Молодого). Чин этого обряда был написан, но известен нам лишь в производных редакциях³. Лучшее представление об архетипной редакции **чина венчания Дмитрия-внука** дают Пространная редакция, наиболее близкая по времени к самой церемонии, и Формулярная редакция, приспособившая текст для возможной коронации Василия III (между весной 1502 и осенью 1505 г.)⁴. Более существенную правку испытали позднейшие Летописная и Чудовская редакции, включившие элементы «Сказания о князьях владимирских».

Венчание на царство Ивана IV 16 января 1547 г. после вступления государя в совершенные лета не сразу было осознано как выдающееся событие; даже ближайшие соседи-поляки не были о нем извещены. Оно описано в Краткой редакции **чина венчания Ивана IV**, основанной на Летописной редакции чина Дмитрия-внука и известной в составе Летописца начала царства, Никоновской и более поздних летописей. К моменту выхода русской дипломатии на международную арену с требованием

² Барсов Е.В. Древне-русские памятники священного венчания царей на царство в связи с греческими их оригиналами. С историческим очерком чинов венчания в связи с развитием идеи царя на Руси (далее — Барсов) // ЧОИДР. М., 1883. Кн. 1. С. I—XXXV. 1—160.

³ Подробнее о составе и соотношении редакций чинов Дмитрия-внука и Ивана IV см.: Тихоток И.А. К вопросу о византийских образцах царской коронации Ивана Грозного. (Готовится к печати). Благодарю автора за возможность ознакомиться с этой ценной работой.

⁴ Обе далее цитируются по изданию: Идея Рима в Москве XV—XVI века. Источники по истории русской общественной мысли. Предварительное издание / Публ. Н.В.Синицына, Я.Н.Щапов. М., 1989 (в литературе упоминается также издание Roma, [1993]). № 17, 18. См. также: СГГиД. Ч. II. М., 1819. № 25; Барсов. № V.

признать царский титул московского самодержца в середине 1550-х гг. возникла Пространная редакция чина Ивана IV, восходящая уже не к Летописной, а к Формулярной (или даже архетипной) редакции чина Дмитрия-внука⁵. Составители Пространной редакции подошли к делу основательно, используя, помимо чина Дмитрия-внука, описание коронации византийского императора Мануила II Палеолога из Хождения Игнатия Смольянина⁶ и цитаты из Поучения императора Василия Македонянина сыну Льву. «Сказание о князьях владимирских», отчасти использованное в тексте Краткой редакции, в Пространной образовало уже обширное вступление о происхождении царских инсигний — знаков высшей власти, в число которых (дополнительно к оплечьям-бармам и шапке чина Дмитрия-внука) были включены крест, скипетр и цепь. Впервые в предполагаемую церемонию венчания было введено миропомазание (кроме прежнего причащения).

Пространная редакция чина Ивана IV завершила собой ряд публицистических чинов и с небольшой редакционной правкой легла в основу **чина венчания Федора Ивановича** — документа, уже представляющего собой, как и все последующие чины, сценарий реального торжественного действия. Наряду с более поздними чинами (за исключением Годуновского), эта редакция не только распространялась в списках, но и хранилась в царском архиве⁷.

Для полноты представления о размышлениях официальных лиц над формой и содержанием чинов венчания следует отметить проанализированную недавно И.А.Тихонюком рукопись Саровского собрания РГАДА (Ф.187, № 30) с переводом позднего византийского коронационного чина (по периодизации Г.А.Острогорского: XIII в. — 1453 г.). Перевод был выполнен Евгрипским митрополитом Иоасафом, привезшим в 1561 г. в Москву грамоту Константинопольского патриарха Иоасафа

⁵ ДРВ. М., 1788. Изд. 2-е. Ч. VII. С. 1—35; *Барсов*. № VII—VIII. Пространная ред. далее цит. по изданию: *Идея Рима... № 18*. Ср.: *Щапов Я.Н.* К изучению «Чина венчания на царство Ивана IV» // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1996.

⁶ Его списки имелись в Посольском приказе и в составе официального митрополичьего формулярника: ГИМ. Синодальное собр. № 562.

⁷ Ныне чины хранятся в IV-м отделе Древлехранилища РГАДА.

Ивану IV, возжелавшему подтвердить свой царский титул у восточного духовенства. Сама грамота более столетия пользовалась вниманием московских властей. Помимо перевода, сделанного сразу по получении, она в переводе Константина Христофорова вошла в книгу «Титулярник или корень великих государей российских», составленную Посольским приказом при царе Алексее Михайловиче⁸.

Известная по упоминанию в «Истории о великом князе Московском» А.М.Курбского патриаршая «книга... царского венчания» легко узнается в Саровской рукописи, озаглавленной: «*Чин и устав о венчании и о поставлении царском*. Переводил на Москве митрополит Егривский Иасаф с патриарша потребника цареградского, лета 7069 (1560) месяца декабря (в) 13 день. А прислал тот потребник ко царю и великому князю патриарх Цареградской Иасаф с митрополитом Егривским Иасафом же со благословением вместе, что прислал патриарх благословенные грамоты на царство царю и великому князю».

По наблюдениям И.А.Тихонюка, подтвердившим более общие рассуждения Е.В.Барсова⁹, греческий образец не оказал влияния на Пространную редакцию чина Ивана IV и последующие чины XVI в. Однако он остался в Посольском приказе и позже переписывался, как и созданный там формуляр «*Поставления великих князей русских*, откуда бе и како начаша ставитися на великое княжество святыми бармами и царским венцем в 6403 (895 г.)»¹⁰. «Поставление» опиралось на исторические реалии (древнее использование барм, шапки и т.п.) и в еще большей степени на историческую публицистику. Однако обращает на себя внимание его злободневная привязка к основаниям, на которых Иван IV просил, а Константинопольский патриарх соборно утвердил в 1560 г. царский титул: родство с цареградскими кесарями через супругу Владимира Святого Анну Багрянородную, венчание царским венцом Владимира Мономаха и т.п.

Все это — интересные с точки зрения истории политической мысли памятники, но текстологический анализ показывает, что развитие чинов венчания русских царей связано только с частью их: от архетипной редакции чина Дмитрия-внука, изу-

⁸ Греческий оригинал и оба перевода грамоты: *Идея Рима...* № 19.

⁹ Опубликованного три византийских чина венчания: *Барсов*. № II—IV.

¹⁰ *Барсов*. № VI.

чаемой нами по Пространной и Формулярной редакциям, через Пространную редакцию чина Ивана Грозного — к сценариям коронаций Федора Ивановича и последующих царей, вытекавшим один из другого с учетом общей традиции.

Чин венчания на царство Федора Ивановича 31 мая 1584 г. сохранился полностью, в формулярном виде, судя по повествовательному началу переработанном из нарративного текста¹¹.

Чин венчания Бориса Годунова 3 сентября 1598 г. дошел в единственной рукописи, вложенной Новгородским митрополитом Исидором в Софийский дом и в дальнейшем претерпевшей все приключения, выпавшие на долю библиотеки Соловецкого монастыря. Видимо, уже при изготовлении «тетрадей» для Исидора текст был сокращен: снято описание начала и продолжения церемонии, — но действие в Успенском соборе изложено полностью¹². При текстологическом сопоставлении нетрудно заметить, что чин Бориса Федоровича, созданный на основе чина Федора Ивановича, включает сделанную в том правку и, в свою очередь, отличается переводами и пояснениями устаревших выражений. Смысловые отличия чина Годунова проявились, прежде всего, в мотивации его венчания, по традиции излагавшейся в речах царя и патриарха. Ъ чине Годунова к царским инсигниям было добавлено «яблоко» — держава, врученная Борису после возложения венца и перед принятием скипетра. «И сие яблоко, — пояснял значение новинки патриарх Иов, — знамение царствия твоего; и яко убо сие яблоко прием в руке свои держиши, тако убо держи и вся царствия, вданная ти от Бога, от враг блюдимо и непоколебимо». Значительно подробнее был изложен чин миропомазания, включивший, помимо прочего, четыре велеречивые молитвы патриарха о богоутвержденности нового помазанника, по примеру поставления властителей и царей от древних пророков, благочестивого папы и блаженных патриархов. Молитвы, как и присяга Годунову, отразили мучавшее узурпатора беспокойство об укоренении его династии.

Царь Федор Борисович Годунов «сел» на отцовский престол, принял благословение духовенства и присягу подданных¹³, но

¹¹ Идея Рима... № 20.

¹² ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 8. Далее цит. по изд.: ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. № 145.

¹³ СГГиД. Ч. II. № 83, 85, 87; ААЭ. Т. 2. № 32, 34; АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 55.

был свергнут и убит до коронации. Царь Дмитрий Иванович (Лжедмитрий I) напротив, благополучно венчался 30 июля 1505 г. «по обыкновенному обряду» (как отметил С.М.Соловьев), но чин его венчания не сохранился, лишь частично отразившись в чине царицы Марины Юрьевны (см. ниже). Это и не удивительно, учитывая, сколь должно было уступать ему венчание Василия Шуйского, убившего всенародно признанного государя. Проведенное в непристойной спешке 1 июня 1606 г., всего через две недели после ужасной резни в ночь с 16 на 17 мая и «избрания» царя Василия толпой черни 19 мая¹⁴, венчание Шуйского (в отличие от Лжедмитриева) состоялось даже до поставления патриарха!

Чин венчания Василия Шуйского оказался таким же куцом, как и сам царь. Его текст не включает предварительных распоряжений и оканчивается перед миропомазанием, а вместо обязательной записи выступления царя имеет помету: «говорить речь»¹⁵. Подробности церемонии были Василию Ивановичу памятливы, он ведь совсем недавно выступал главным распорядителем на царских венчаниях Лжедмитрия I и его супруги. Видно, что сценарий был набросан лишь в общих чертах, и, тем не менее, в соответствии с прежними чинами. Если в своем отсутствующем в тексте выступлении Шуйский и импровизировал, то отнюдь не столь смело, как с предшествующей коронации клятвой в Успенском соборе, врезавшейся в память современников именно своей необычностью¹⁶.

Подчеркнуто обстоятелен и традиционен **чин венчания Михаила Федоровича Романова**, избранного на престол с утвержденной грамотой¹⁷, как и Борис Годунов¹⁸. Он полностью охватывает события с вечера дня, предшествующего коронации 11 июля 1613 г., до последующего «пира зело честна и велика», устроенного «без мест» (вне местнических расчетов). Чин включен в нарядно изукрашенную образом книгу об избрании и венчании Михаила, созданную в Посольском приказе¹⁹. Явное вли-

¹⁴ СГГид. Ч. II. № 140—142; ААЭ. Т. 2. № 44; ДАИ. Т. 1. № 151.

¹⁵ ААЭ. Т. 2. № 47.

¹⁶ Летопись о многих мятежах и о разорении Московского государства... М., 1788. С. 102—103; и мн. др.

¹⁷ СГГид. М., 1813. Ч. I. № 203; и др. публикации.

¹⁸ ААЭ. Т. 2. № 7; и др. публикации.

¹⁹ Далее цит. по: СГГид. М., 1822. Ч. III. № 16. С. 70—87.

яние чина Бориса Годунова прослеживается в церемонии вручения державы (на сей раз вместе со скипетром). Однако особые молитвы исчезли из чина помазания, оставшись частным экспериментом Бориса и его друга патриарха Иова²⁰. На то, что чин Михаила восходил не только к чину Бориса, указывает поименная роспись действующих лиц, появившаяся при Лжедмитрии I и характерная затем для всех Романовых. Сходно с чином Марины Юрьевны описаны и стрелецкие караулы.

Чин венчания Алексея Михайловича 28 сентября 1645 г. составлен по образцу отцовского с различными усовершенствованиями и подробностями²¹, в частности, относительно состава и нарядов участников (равно светских и духовных лиц), а также церемонии пира, на котором государь подчеркнуто холодно обошелся с престарелым патриархом Иосифом. Множество живых подробностей церемонии свидетельствует, что имеющийся в нашем распоряжении чин после церемонии был уточнен сравнительно со сценарием, руководствуясь которым «против государя («на чертожном месте») стоял и царскому поставлению и венчанию чин строил ево ж государев посольской думной дьяк Григорей Васильев сын Львов»²².

Аналогично «строили» думные дьяки Посольского приказа **чин венчания Федора Алексеевича** 18 июня 1676 г. (Григорий Карпов сын Богданов)²³, а затем **чин венчания Ивана и Петра Алексеевичей** 25 июня 1682 г. (Емельян Иванович Украинцев)²⁴. Как и следовало ожидать исходя из состояния государственных архивов периода после пожара 1626 г., по коронационным

²⁰ Об особых отношениях Бориса и Иова см.: *Богданов А.П.* Русские патриархи. М., 1999. Т.1. С.10 и след.

²¹ Процесс работы высокопоставленных лиц над текстом чина Алексея, начиная с составления выписок из чина Михаила и кончая уточнениями, внесенными после церемонии венчания, тщательно рассмотрен по подлинным рукописям: *Морозова Л.Е.* Две редакции чина венчания на царство Алексея Михайловича // *Культура славян и Русь*. М., 1988. С.457—471.

²² Три списка чина см.: РГАДА. Ф. 135. Отд. IV. Руб. 1. № 12. Третий список, составленный по итогам церемонии, опубли.: ДРВ. Ч. VII. № 5. С. 234—303.

²³ ДРВ. Ч. VII. № 6. Далее цит. по изд.: ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 2. № 648. С. 42—68.

²⁴ ДРВ. Ч. VII. № 8. С. 403—484. Далее цит. по изд.: ПСЗ-I. Т. 2. № 931. С. 412—439.

торжествам Алексея Михайловича и его потомков сохранились не только сами чины, но записи в дворцовых разрядах и рабочие материалы. Неопубликованным остается обширное дело о подготовке и проведении коронации Алексея Михайловича²⁵. Неосуществленным остался и выявленный Л.Е.Морозовой замысел нового венчания Алексея уже как государя Великой, Малой и Белой России.

Венчание на царство Алексея Михайловича уникально благодаря использованию источника, несколько неожиданного теоретически, зато естественного практически: *Чина наречения и поставления в патриархи* его деда, *Филарета Никитича Романова* 22 июня 1619 г. Высокоторжественный чин «великаго государя» (а не господина) святейшего патриарха Филарета должен рассматриваться в контексте довольно богатой истории архиерейских чинов. Но реальный соправитель царственного сына (и своей «великой старицы» супруги) постарался придать чрезвычайно высоко ценившейся им церемонии сходство с царским венчанием, вплоть до активного использования центрального момента коронации — диалога царя и патриарха²⁶. И все же главной деталью чина Филарета стали не речи, а особая молитва о воцарении русского государя над всей Вселенной, заимствованная, в переработанном виде, из печально знаменитой молитвы Бориса Годунова при заздравной чаше²⁷. Именно *Молитва Филарета* вошла во все последующие чины царского венчания, впервые прозвучав при коронации Алексея в речи патриарха Иосифа (С. 265—266). Этого показалось мало — и в чин было введено еще одно выступление патриарха с этой молитвой, завершавшее церемонию в Успенском соборе (С. 295—296).

Чин Алексея Михайловича стал классическим образцом традиции, заложенной в пространной редакции чина Ивана IV и не столько менявшейся, сколько шлифовавшейся преемниками Грозного. Лишь сын Алексея Федор, взяв за основу чин отца, внес в церемонию кардинальные изменения по образцу позд-

²⁵ РГАДА. Ф. 156. Исторические и церемониальные дела. оп. 1. № 95. Лишь небольшой отрывок из него о царских инсигниях приведен у Барсова в Приложениях. Разрядные записи см.: Дворцовые разряды. СПб., 1882. Т. 3.

²⁶ СГГиД. Ч. 3. № 45.

²⁷ *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в Хронографы русской редакции. М., 1869. С. 217—218.

них византийских чинов. Не случайно Е.В.Барсов подчеркнул, что «наибольшую полноту греческого чиноположения представляет венчание Федора Алексеевича» (С. XXIII). После речи царя о его желании короноваться патриарх Иоаким вопрошал: «Како веруеши и исповедуеши Отца и Сына и Святаго Духа?» В отличие от всех русских предшественников царь Федор торжественно прочел Никео-Цареградский символ веры. Далее, помимо инсигний на Федора Алексеевича была по образцу греческих императоров возложена царская одежда. Его миропомазание началось по приобщении патриарха и епископов, но до приобщения дьяконов, и не перед Царскими вратами, как ранее, а в самом алтаре, подобно священникам.

Очевидно, византийские образцы были наконец-то извлечены из-под спуда. О том, что это была не случайная находка ученого и распорядительного молодого государя, свидетельствует включение упоминавшейся греческой грамоты в подготовленный до коронации Федора «Титулярник». Но личное участие государя в детальной разработке церемонии несомненно.

Юный царь Федор Алексеевич проявил изрядное усердие не только в усовершенствовании самого чина венчания (в сотрудничестве с посольскими дьяками), но и в чисто организационной работе по линии Разряда, благодаря чему там сложилась своя «История о венчании»²⁸. Еще 16 июня, за два дня до торжества, царь Федор указал, чтобы не только «золотчики» (о нарядных уставных костюмах коих государь проявлял особую заботу²⁹), но также стряпчие, дьяки и «гости» (избранные купцы) явились на венчание в золотых облачениях. Нарушителей Федор Алексеевич в характерной энергичной манере приказал гнать с Постельного крыльца, от Садовых дверей и с сеней перед Золотой палатой в закуток меж Столовой и Сборной палат. Караульных стрельцов царь предупредил на Красное крыльцо и ближние переходы «людей боярских и иных мелких чинов отнюдь никого не пускати», чтобы толпа не заступала пути главным участникам действия. Следовало заблаговременно, «доложая святейшего патриарха, выслати из церкви народ незнатных людей и очистить» место в Успенском соборе, «чтобы золотчи-

²⁸ *Бычков Ф.А.* Разрядные записки о венчании на царство царя Феодора Алексеевича. М., 1883. (То же см.: ЧОИДР. 1882. Кн. I).

²⁹ ПСЗ-I. Т. 2. № 850, 855 и др.

ком было где стати и от множества народа тесноты великия не было»³⁰.

При подготовке к венчанию на царство Ивана и Петра Алексеевичей в Посольском приказе крепко задумались над нововведениями Федора Алексеевича, сделав «перечень из чиновной книги» его коронации. По размышлении решено было сохранить и развить тенденции чина Федора, сравнив ново созданный сценарий действия с «Перечнем из чиновной книги о венчании на царство царя Алексея Михайловича» с «отменами», то есть изменениями, вносимыми в чин Ивана и Петра³¹.

На последнем чины венчания московских государей кончаются, хотя они и оказали влияние на характер коронационной церемонии позднейших императриц и императоров. Впрочем, первый опыт «цесарского», то есть императорского венчания принадлежал еще Лжедмитрию I, который в нарушение традиции короновал и свою супругу Марину Юрьевну Мнишек. Это произошло 8 мая 1606 г., немедленно после обручения. Сохранившийся **чин венчания Марины Юрьевны**, за исключением краткого указания на порядок обручения и поздравлений новобрачной в Грановитой палате, старательно следует чинам коронации Федора Ивановича и Бориса Годунова, упоминая отдельные особенности венчания самого Лжедмитрия и детально описывая церемонию вплоть до пира³². Несмотря на неизбежные инновации и некоторую особенность состава участников венчания, этот чин вполне вписывается в систему и должен использоваться при изучении ее развития.

Детальный анализ эволюции коронационного действия является темой специальных исследований³³. Отметим лишь главные моменты развития церемонии венчания, устранив попутно два связанных с ней заблуждения. Широко распространенная в летописании XVII в. и перекочевавшая из него в труды историков мысль, будто процедура венчания великих князей идет еще от Владимира Святого, то есть почти не менялась с конца IX по

³⁰ Бычков Ф.А. Разрядные записки... С. 7—8.

³¹ Барсов. № IX—X.

³² СГГиД. Ч. II. № 138.

³³ *Богданов А.П.*: Чины венчания московских царей // Культура средневековой Москвы XIV—XVII вв. М., 1995. С. 211—224; *он же*. Теория симфонии светской и церковной власти (по чинам венчания русских царей XVI—XVII вв.). (В печати); и др.

конец XV в., до благословения на великое княжение Дмитрия-внука, явилась миру благодаря усердию служащих Посольского приказа во второй половине XVI в. Чин «поставления великих князей русских» отразил чисто идеологическую реальность, представление, какой и насколько древней *должна быть* традиция, сложившееся к моменту, когда возникла потребность такую традицию иметь. На деле же именно чин Дмитрия-внука следует рассматривать как зерно, из которого проросла вся пышная церемония царского венчания.

Более устойчивым заблуждением историков, порожденным, в частности, прилежным чтением сочинений А.М.Курбского, но главным образом — представлением о византийских корнях идеи царской власти на Руси, было убеждение, что русский чин царского венчания возник на основе константинопольского. Почти с таким же успехом можно было сослаться и на римские образцы: первые довольно долго имели минимальное, вторые — ни малейшего отношения к отечественной процедуре, хотя идея наследия Первого Рима эксплуатировалась при создании чинов не менее активно, чем Второго. Поиск же реального объяснения изменений в коронационном действе ведет к смысловой стороне ритуала, разрабатывавшегося, прежде всего, как *торжественное утверждение суверенных, державных основ верховной власти*. За возможным исключением чина Дмитрия внука (создававшегося и, видимо, перерабатывавшегося в контексте решения острого вопроса о престолонаследии), венчания российских государей никогда не имели практического, связанного с конкретной политической борьбой значения: они служили лишь оформлением уже решенного вопроса о престолонаследии и устраивались *после* реального воцарения.

Преждедествовавшее венчанию вступление царя на престол знаменовалось и закреплялось благословением духовенства и присягой подданных. Здесь спешка была велика: даже в сравнительно спокойное для династии время приболевшего Федора Алексеевича³⁴, а после него юного Петра под руки влекли в Грановитую палату принимать присягу Государева двора «того

³⁴ См.: ПСЗ-И. № 619—620, 622, 624; ДАИ. Т. 7. СПб., 1859. № 1—2; СГГиД. Т. IV. М., 1826. № 103—104; *Койзм Б.* Исторический рассказ или описание путешествия... // Посольство Кунраада фан-Кленка к царям Алексею Михайловичу и Федору Алексеевичу. СПб., 1900. С. 415—420, 429—433.

ж часу» по кончине предшественника³⁵. Взошедший на престол и принявший присягу чинов двора царевич (или претендент) становился великим государем царем. Следующие недели подъячие центральных приказов были загружены написанием и рассылкой крестоцеловальных грамот во все уездные города и полки, где одновременно с приведением к присяге новому царю служащих и окрестных жителей грамоты переписывались и отправлялись в села, станицы, на промыслы и зимовья, в пограничные отряды и т.п. К венчанию же готовились спокойно, с расстановкой, месяцами (за исключением, разве что, узурпатора Василия Шуйского). Но и Шуйский напрасно торопился: преступлением, изменой государю считалось именно нарушение крестного целования, как заявили в знаменитой речи о прекращении междоусобия патриархи Иов и Гермоген³⁶.

Если церемония Дмитрия-внука представлялась самим составителям чина сравнительно камерной³⁷, а венчание Ивана IV не произвело особого впечатления на современников, то уже в Пространной редакции чина Грозного подчеркивался в *высшей степени публичный характер* замышляемой церемонии. Помимо московского дворянства, духовенства и многого множества чиновников на венчании предусматривалось присутствие «всенародного множества православных крестьян, им же несть числа», «всенародного многого безчисленного множества» (С. 80, 93).

Именно о таком людском море, остро нуждающемся в устроении, повествует чин Федора Ивановича (С. 107, 119—120). При венчании Марины Юрьевны практичный Лжедмитрий I назначил «по пути устраивати народы» 6 стрелецких полковников, 20 сотников, личную охрану и стрелецкий полк. Этот караул сохранился при венчании Михаила Федоровича, когда «народа» стало, если это возможно, еще больше, а главное — «все людие» выражали чувства, на которые надеялся Иван Грозный в Пространной редакции своего чина, веля звонить колокола с самого начала церемонии и рассылать по храму надзирателей.

³⁵ См.: Богданов А.П. Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // ЛХ за 1980 г. М., 1981. С. 197—206.

³⁶ ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 67.

³⁷ В чине упоминается семья великого князя, архиереи и клир больших кремлевских соборов, бояре, князья и «все лучшие люди». С. 69, 71 и др.

При венчании Михаила не только в Успенском соборе, но и вне стен его люди, согласно чину, стояли «со страхом и трепетом, со мноюю сердечною радостию, дивящиеся царскому чудному тому происхождению, и славу возсылающе всеильному Богу, и благодарственными похвалами похвалища царя» (С. 86). Михаил Федорович еще с вечера накануне торжества велел начать службу «по монастырям и по всем церквам», надо полагать, Москвы (С. 70). Алексей Михайлович, учитывая просторы страны, отдал приказ заранее: «К тому дню, в которой... венчаться... велел государь в соборней... церкви и по всем церквам Московского государства молити Бога, и пречистую его Матерь, и святых чудотворцов, и всех святых, и пети всенощное бдение». В столице благовест звучал с рассвета до начала венчания. «Всенародное многое безчисленное множество православных крестьян» в Кремле было «мужеска полу и женска» (С. 298), а на Ивановской площади толпились «иноземцы, которые ему, великому государю, служат в холопстве, и окрестных великих государств всякие люди, их же не бе числа» (С. 235—236, 238—239, 251).

Федор Алексеевич постарался еще более усилить впечатление всеобщего праздника. Привычное употребление в чине венчания понятия «всенародный» приобрело свойственный взглядам царя Федора оттенок «международный». При упоминании иноземцев, вместе с россиянами радовавшихся воцарению Федора, а позже Ивана и Петра, было снято «холопство». Впрочем, международная публичность царского венчания подчеркивалась самим назначением в «чиностроители» дипломатов.

Именно при царе Федоре, когда публичность акта венчания достигла апогея, радикально меняется *инициатива* главных исполнителей действия и его *мотивировка*. Символично, что вначале руководство церемонией полностью принадлежало великому князю-деду: Иван III «благословил внука своего... великим княжеством» и предложил сделать то же митрополиту (С. 67—68). В редакциях чина Ивана IV инициатива логично переходит к венчаемому сироте: церемония начинается «по совету великого князя» митрополиту (С. 78). Но юный государь ссылается на волю отца, а митрополит Макарий подтверждает это основание (С. 82). Буквально то же мы видим при венчании Федора Ивановича (С. 109). В чине Бориса Годунова не сохранилось традиционного начала, однако и здесь в основном тексте именно царь заявляет, что его «благословила и повелела быти... царем» цари-

ца Ирина—Александра. Всем известно, что Борис организовал свое «избрание», и патриарх сыграл в этом главную роль. В самом чине Годунов предлагает Иову благословить его «по Божией воле и по вашему избранию». Но родовое начало остается главным мотивом венчания (С. 239—240). Даже в чине вовсе уж не легитимного царя Василия Шуйского митрополит признает факт законного наследования престола.

Соборно избранный «всею землею» Михаил Романов во вступительной речи обратился не только к митрополиту, но к священству «и всему православному христианству», требуя от духовенства, чтобы его, уже избранного царя, «по... избранию... благословили» (С. 74). Однако юноша сам «изволил венчаться» и «велел» митрополиту начать действие (С. 70). Также сын его Алексей самолично «изволил венчаться... и восприяти в руку свою прародителей своих прежних великих государей и отца своего... скифетр и царский чин... и помазаться святым миром... и причастится... от руки патриарха» (С. 233). Во время венчания архиереи действовали «по его государеву... приказу и по повелению». Мотивируя законность венчания, Алексей Михайлович заявил, что отец его «благословил царством... и всеми хоругви правления... и велел нам на то царство... венчаться... да о том... и вам... Иосифу патриарху, и бояром, и царскому своему сингклиту приказал... И ты б, — повелевал царь архипастырю, — на царство... нас... благословил, и святым миром помазал, и венчал бы» (С. 258—259).

Аналогичное обоснование воцарения задумывал Алексей Михайлович и для своих сыновей. Царевич Алексей Алексеевич был представлен двору и иноземцам как наследник престола в 1667 г.³⁸, но не пережил отца. Торжественное «объявление» Церкви, двору и народу нового наследника Федора Алексеевича 1 сентября 1674 г. сопровождалось рассылкой по стране объявительных грамот и богатыми пожалованиями дворянству³⁹.

Благословение отца еще упоминалось при венчании царя Федора. Но младшие сыновья Алексея — Иван и Петр — венчались уже вовсе без завещательного мотива. Если первоначально

³⁸ *Забелин И.Е.* Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Ч. II. М., 1915. С. 173—178, 185—187, 596—599; Бумаги Флорентинского центрального архива, касающиеся до России. Ч. 2. М., 1871. С. 388—431.

³⁹ СГГид. Т. IV. № 97.

в «верхах» думали обыграть версию «завещания» царства Петру, то вскоре пришли к формуле, что Федор не «завещал» и даже не «велел» братьям венчаться, а просто «оставил... царство», на котором они «учинилися» и «восприяли обще» скипетр и державу⁴⁰. Несмотря на наличие официальных «соборных актов» об избрании каждого⁴¹, Иван и Петр, по чину, не указывают никакого мотива венчания, кроме Божьей воли. «И ты б, — говорили они патриарху Иоакиму, — ...по Божии воли и благодати ... на царства... нас благословил и... помазал... и венчал бы». Эти особенности чина Ивана и Петра можно отчасти объяснить сложной обстановкой Московского восстания 1682 г. Однако они связаны с более серьезными изменениями в чинах венчания, начавшимися еще в спокойное время Федора.

Изменение мотивации царского венчания всех трех сыновей Алексея совпадает с крутой сменой инициатора этого торжественнейшего действия. С 1676 г. «по совету и согласию» царей церемонией руководит *патриарх*. Именно он демонстративно распоряжается на всех этапах коронации, приказывая сделать каждый шаг как духовным, так и светским лицам. В этом не было практической необходимости при наличии письменных сценариев и в присутствии внимательного суфлера из Посольского приказа. Очевидно, что настойчивые указания, впервые вложенные составителями чина Федора в уста патриарха Иоакима, имели глубоко символический смысл в церемонии «всемирной радости» празднования по поводу «всемирной радости».

Столь крупное изменение взаимодействия светского и духовного владык было связано с закономерным развитием представлений о правовых основах самодержавной власти и ее фун-

⁴⁰ Ср.: РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. Ч. 5. Св. 1682 г. № 4. Л. 1—17; № 5; кн. 205; ф. 50. Сношения с Нидерландами. Оп. 1. Св. 1682 г. 24. Л. 1—9; ф. 74. Сношения с Пруссией. Оп. 1. Св. 1682 г. № 1; оп. 2. № 34. Л. 1—6; ф. 32. Сношения с Империей. Оп. 1. Кн. 29 (опубл.: ПДС. Т. VI. СПб., 1864. Стлб. 1—214); ф. 89. Сношения с Турцией. Оп. 1. Кн. 24. I; ф. 96. Сношения со Швецией. Оп. 1. Кн. 110; и др.

⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Безгласный стол. Стлб. 65. Ч. II. Л. 1—8 (копия: БАН. 32.4.3). Ср.: СПб. ИРИ. Собр. грамот. № 2869. Л. 1—22; *Объявительные грамоты* с актом см.: Восстание 1682 г. в Москве. Сб. документов. М., 1979. № 204. Л. 254—257; АИ. Т. V. № 82. Ср. *богомольную грамоту* патриарха: СГГиД. Т. IV. 132. С. 412—413 (ср. № 133—134).

циях — от родовых к государственным. Историки поспешили заклеить соответствующую простую схему С.М.Соловьева. Великий историк-архивист и впрямь не блистал теоретическими рассуждениями: его идеи большей частью заложены в контекст конкретно-исторического повествования. Однако при продолжении начатой им последовательной работы с государственными архивами частенько выясняется, что наблюдения Соловьева над развитием политического самосознания значительно точнее и справедливее плодов социально-философской эрудиции.

Действительно, в исходном для комплекса чинов венчания чине Дмитрия-внука господствует родовое начало: *«Божшим изволением от наших прародителей великих князей старина наша то и до сих мест: отцы великие князи сыном своим первым давали княжество великое»*. Здесь и в последующих чинах обязательным было указание на законность власти деда и отца благословяемого государя. Отраженные чином представления о «Святой Руси», «Новом Израиле», о Москве как «Новом Иерусалиме», сочетавшие в себе идеи богоизбранного народа и наследования, не были еще дополнены теорией «Третьего Рима». Молитва о «царе над людьми своими Израиля» (С. 73) здесь, как и в поздних чинах, отнесена к подданным московского самодержца, хотя, строго говоря, должна распространяться на все христианство или хотя бы на благочестивое православное «стадо Христово». Отсутствие идеи «Третьего Рима» в государственном обиходе конца XV в., помимо чина Дмитрия-внука, убедительно прослеживается и по дипломатическим документам. «Государь наш — великий государь уроженный изначяла от своих прародителей», утверждал русский посол в 1489 г., тогда как его начальство в Москве поясняло: «Мы Божию милостию государи на своей земле изначяла, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы»⁴².

Официальная реализация идеи «Третьего Рима» как продукта родового начала (что хорошо выражено в «Сказании о князьях владимирских») относится лишь ко времени Пространной редакции чина венчания Ивана IV, причем преимущественно к внешнеполитической сфере. В полном виде концепция сформу-

⁴² Идея Рима... № 1. С. 5—6. См. подробно: *Синицына Н.В.* Третий Рим: истоки и эволюция русской средневековой концепции. (XV—XVI вв.). М., 1998.

лирована в наказе послу боярину И.М.Воронцову в 1556 г.: «Государство наше Русское от начала особне съдержится нами, извечными государи русскими, почен от Августа кесаря римского и до Рюрика, иже был государем в Великом Новгороде. И от Рюрика правнуку его, блаженному во святых поминаемому Владимиру Святославичю, иже крести Русскую землю, и титуло царского именования на себя положил, им же и ныне на святых иконах вообразуется. И от великого Владимира внуку его, Владимиру Манамаху Всеволодичю, иже титулом царского именования венчан бысть с прошением мира греческаго царя Константина Манамаха. И от славнейшаго Владимира Манамаха государство Русское по коленству доиде нам, на нем же... венчаны есмя по прародителей наших венчанью, яко же от начала было в роде нашем»⁴³.

Однако и во внешних сношениях версии римского наследия варьировались. Например, в уже упоминавшейся переписке с Константинопольским патриархом важнейшим аргументом было родство с византийскими кесарями через Анну Багрянородную. В других случаях упор делался исключительно на происхождение Рюрика от императора Августа⁴⁴. Иногда же, при ссылаках на Рюрика и Владимира Святого, вовсе не упоминался Владимир Мономах⁴⁵.

При этом в предназначенной для внутреннего пользования Пространной редакции чина Ивана IV о Рюрике и Владимире Святом даже не вспоминали, в отличие от константинопольских инсигний Мономаха, введенных в церемонию венчания, хоть и без публичных объяснений инновации. Только в описательной части этой редакции чина Ивана Грозного отмечено значение креста, «что прислал тот греческий царь Костянтин Манамах на поставление великим князем руским з бармами и з царским венцом» (С. 83). Государь делал вид, что венчание происходит «по древнему нашему царскому чину», имея в виду новосотворенное «Поставление великих князей русских», а митрополит должен был подтвердить, что это право старины «от Бога». Впрочем, по Пространной редакции не венчали, и ее смелость суть дерзость публицистического памятника.

⁴³ Идея Рима... № 8; ср. № 9, 13.

⁴⁴ Там же. № 10—12, 16.

⁴⁵ Там же. № 14—15.

Интерес к наследию Первого и Второго Рима отнюдь не сказался сразу и заметным образом на утверждении в чинах XVI в. основ самодержавной власти. Наследование своей родовой старины оставалось важнейшим при венчании Федора Ивановича, указавшего, что «именоватися и описыватись в титуле царем и великим князем и отчичем и дедичем» завещано ему отцом (а отнюдь не легендарными предками. С. 109—110). На старину ссылается даже Борис Годунов, старавшийся, с деятельной помощью патриарха Иова, представить и свое «избрание» выполнением приказания Федора и супруги его царицы Ирины. Как законный наследник Грозного был всенародно возведен на престол Дмитрий Иванович (Лжедмитрий I). В чине Василия Шуйского подчеркивалось, что Годунов был «не от царского корени», но «избран бысть на царство», тогда как сам Василий происходит «от святого князя Владимира и от великих государей царей российских», передававших престол от отца к сыну. Поэтому Василию «довлеет быти на престоле прародителей своих и венчатися царьским венцем по древнему вашему царьскому обычаю», говорил выступавший от имени Церкви Новгородский митрополит Исидор, вспомнив, наконец, легенду о ветхих русских «царях» (С. 104—105).

Идея «Третьего Рима» в полной мере приобрела значение государственной при первых Романовых, когда она впервые была включена в важнейшее для церемонии царского венчания событие (значение которого все более подчеркивалось начиная еще с чина Ивана IV) — в диалог царя и архипастыря, утверждавших основы самодержавной власти. В поисках корней царства после бурных и соблазнительных для подданных событий Смуты Михаил Федорович заявил, что коли Федор Иванович приходится ему «дядей», то и венчается он «по прежнему нашему царскому чину и достоянию», идущему от Рюрика и Владимира Мономаха, «иже превысочайшую честь и царский венец и диадиму от греческаго царя... восприим... от него же великие российские государи царствия венцем венчашуся» (С. 73—74). Очевидный разрыв в династии заставил и митрополита Ефрема подчеркнуть преемственность «царского чина и достояния» через возложенный на голову Михаила Романова Мономахов венец (С. 77—78). Имена были произнесены — недоставало только излюбленного Иваном Грозным, но так и не включенного в чины венчания российских самодержцев кесаря Августа, вос-

торженно именовавшегося в сочинениях XVI и XVII вв. «обладателем Вселенной».

Обе проблемы — династическую и вселенскую — разрешил многомудрый и бестрепетный патриарх Филарет Никитич. Едва вырвавшись из польского плена, он при своем поставлении на патриарший престол заявил, что его сын законно сидит «на престоле прародителей: ... прадеда... Иоанна Васильевича... и деда... Феодора Ивановича... и прочих прежде бывших царей российских»⁴⁶. Филарета нисколько не смутило, что таким образом он как бы объявляет себя «сыном» царя Федора Ивановича. Идейный, поддержанный всем пафосом церемонии смысл неразрывности династии был важнее достоверной родословной. Не остановился Филарет Никитич и перед заимствованием важной мысли из молитвы его старейшего и злейшего врага Годунова, не шутя заставлявшего публику «на трапезах и вечерях» поднимать за него заздравную чашу с пространном тостом. Текст прилагался. Ослушники наказывались. Нелепость годуновской затеи не помешала Филарету узреть в молитве полезные элементы. В самом деле: Борис превозносился как богоизбранный государь «всея Вселенныя, Великия России самодержец, единый подсолнечный христианский царь, многих государств государь и обладатель». Испивающие (то есть за малым исключением весь российский народ) обязаны были истово желать роду Годуновых:

«Чтобы все великие государи христианския и бусорманския приносили честь его царскому величеству по его царскому чину и достоянию, чтоб его царская рука высилася и имя его славилося от моря и до моря и от рек до конец Вселенныя надо всеми недруги его, к чести и повышению его царского величества имени, а к преславным его царствам к прибавлению и расширению, к вечной славе и похвале. Чтоб все под небесным светом великие государи христианские и бусорманские его царского величества послушни были с рабским послужением по его царской воле и повелению, и от посечения бы меча его, от храброго подвига, все страны бусорманские его царского величия имени трепетали с боязнию, и с великим страхом... Святая бы непорочная христианская вера сияла на Вселенней превыше всех, я(ко) же под небесем пресветлое солнце, тако же честь и слава

⁴⁶ СГГиД. Ч. III. С. 200.

его царского величества высилая превыше всех великих государств на веки веком»⁴⁷.

Памятью о том, что Борис I по сомнению метил в императоры, — как тогда говорили, в цесари, — но цесарем стал Лжедмитрий, Филарет Никитич при поставлении своем в патриархи молился за сына без годуновского нетерпения, с большим достоинством: «Да тобою, пресветлым государем, благочестивое ваше царство паки воспрославит и распространит Бог от моря и до моря и от рек до конец Вселенная, и расточенная во благочестивое твое царство возвратит и соберет воедино, и на первообразное и радостное возведет, во еже быти на Вселенной царю и самодержцу христианскому, и возсияти, яко солнцу посреде звезд» (С. 200—201).

Россияне отнеслись к этому пожеланию с должным вниманием. Молитва Филарета вошла при внуке его Алексее в чин венчания на царство (1645), а при правнучке Федоре, когда «расточенное» было уже возвращено с умножением, стала одной из основ имперской концепции Российского православного самодержавного царства, на новом идейном уровне сменившей теорию Москва — Третий Рим (1676).

Но прежде концепция римского наследия должна была полностью реализоваться в высшем государственно-идеологическом акте царского венчания. Включая в чин молитву Филарета, Алексей Михайлович пожелал обозначить границы «расточенного» наследия российских самодержцев шире, чем представлял их практичный Филарет, не забывший Речи Посполитой захваченных в Смуту территорий. Даже в немалой степени реализованная в царствование Алексея идея «освобождения» древнерусских земель православной Малой и Белой России выглядела слишком приземленной, скоропреходящей (ныне сказали бы — тактической) на фоне величия Вселенной. Тут-то и вспомнился царю и патриарху Иоасафу издавна связанный с легендарной властью над Вселенной кесарь Август.

В чине Алексея Михайловича царь и патриарх не только дружно ссылались на наследие Мономаха — Второй Рим, но высказали явное притязание на Рим Первый, откуда «изыде великих государей царей российских корень и самодержавствовали в Велицей России от превысочайшаго перваго великаго князя

⁴⁷ *Попов А.Н.* Изборник... С. 217—218.

Рюрика, еже ото Августа кесаря, обладающего всею Вселенною» (С. 260). Итак, первой составляющей корня российских государей было легендарное наследие римского императора Октавиана Августа через Рюрика. Второй — просвещение Руси святым крещением от Владимира Святого (женитьба коего на царевне Анне Багрянородной в чинах не упоминается). Третьей — передача византийским императором Константином Мономахом князю Владимиру Всеволодовичу царских инсигний: ими же с тех пор венчаются российские «самодержавницы», которые до самого Алексея Михайловича «на сем царском престоле неподвижими быша».

Этим, однако, дело не исчерпывалось. В чине Алексея аккумулировались и были переданы его детям все идейные мотивы, накопившиеся вокруг главного основания царской власти — прямого, «по старине», наследования. Державная концепция Рима отнюдь не вытеснила восходящий по меньшей мере к «Слову о законе и благодати» митрополита Илариона (XI в.) идейный комплекс «Святой Руси», «Нового Израиля», оставила в неприкосновенности благодарственные молитвы Богу, «еже благословил еси воздвигнути царе в языке твоём святом» (чин Дмитрия-внука. С. 73, ср. с. 68).

При этом легко заметить, что сознанием ущемленности или ущербности своего царства Романовы в середине века отнюдь не страдали. Уже Алексей восхвалял Михаила за то, что страна при нем процвела свыше «всех великих государств», а слава царя сама заставляет врагов желать мира или, не дожидаясь на себя беды, обращаться в российское подданство. Алексей и Федор последовательно восхвалялись преемниками как хранители веры, защитники Церкви, рачительные хозяева государства и победители врагов, сделавшие свои имена славными и страшными меж великих христианских и мусульманских государств во всем мире. Дважды повторяемая в каждом чине (Алексея, Федора, Ивана и Петра) молитва Филарета была сделана еще воинственной: слава и распространение Российского царства до конца Вселенной связывались с победой богодарованных государей над врагами и покорением всех стран, хотящих войны.

Именно такими должны быть самодержцы, претендующие на объединение народов в едином царстве Христа, о котором, собственно, и говорит молитва Филарета. Но Российское царство, даже наследуемое «Божиим велением» по старине и возве-

денное к римским и византийским императорам имело недостаточно сакральный характер. Это ясно понимал Федор Алексеевич, риторически задавший вопрос, зачем собственно нужно царское венчание, и ответивший так: оно «будет всем Российскаго царствия православным христианом всякаго чина и народа в радость, и во умножение во вся окрестныя христианския государства славы, на страх и трепет бусурманскому имени» (С. 44). Иными словами, государь четко сознавал пропагандистское значение наиболее важной, торжественной и пышной церемонии среди множества красочных действий, разыгрывавшихся в Москве соединенными усилиями Государева двора и Русской православной церкви при участии «всенародного множества людей».

В высшей степени публичном действе венчания Алексея Михайловича было, кажется, все, чего может пожелать благочестивая и царелюбивая русская душа. Вся страна в заранее объявленный день слушала с утра благовест и шествовала на торжественную службу в храмы, в Кремле гуляние было «мужеска полу и женска», даже на Ивановскую площадь перед соборами допускались «иноземцы, которые ему, великому государю, служат в холопстве, и окрестных великих государств всякие люди, им же не бе числа». Роскошь драгоценных, двойного покрытия матерчатых дорожек, расчертивших соборную площадь, гвардия, выстраиваемая со времен Ажедмитрия, «чудное прохождение» духовенства и государя с придворными в лучших нарядах их дворца в собор — и потом, после венчания, шествие с осыпанием золотом и серебром из Успенского в Архангельский и Благовещенский соборы: даже не подпущенному близко простолюдину было на что посмотреть! В соборе чин торжественной службы должен был вполне импонировать патриарху, согласно сценарию утверждавшему, перво-наперво, что страна наша суть Святая Русь, народ российский, благодаря истинной христианской вере, есть богоизбранный Новый Израиль, святой язык, царское священство и т.д., а Москва — Новый Иерусалим (что подметил еще Иван III, а не изобрел Никон)⁴⁸.

⁴⁸ Этот набор библейских понятий отнесен не к христианской Церкви в целом или хотя бы к Вселенскому православию — но исключительно к россиянам, начинавшим строительство великой державы, когда последний из древнейших центров православия был только что «похищен агарянами» и превратился из Царьграда в Стамбул.

К венчанию на царство Алексея Михайловича в 1645 г. «всемирное» действие достигло, казалось, высшей точки своего развития, вобрав в себя все накапливавшиеся полтора века идейные основания власти российских самодержцев. Иначе и не могло быть: ведь во время церемонии в Успенском соборе Церковь *подтверждала* наиболее общие санкции царской власти, освящая своим авторитетом правомочность государей и значение для мира Русского государства. Но лишь *подтверждала*, поскольку инициатива царского венчания неизменно, с его замысла Иваном III, принадлежала самодержцам: они всецело распоряжались на церемонии и, обращаясь к митрополитам и патриархам, высказывали по ходу действия идеи, которые высшие духовные лица одобряли и развивали в ответных речах и молитвах.

Сорок лет спустя, при венчании Федора Алексеевича, картина кардинально переменялась. Теперь всем действием единолично распоряжался патриарх Иоаким, и именно от его лица давались указания каждому светскому и духовному участнику церемонии. Священные основы царской власти (а значит — духовные устои державы) выдвинулись на первый план, решительно затмив древний родовой, наследственный принцип.

Юный царь получил слишком хорошее образование, чтобы надеяться потрясти христианский мир теорией «Третьего Рима» (он сам рассматривал древний мир сквозь призму концепции «четырех монархий»). Неувядаемая идея «Святой Руси» выглядела сильнее, тем более что церковное понятие «Нового Израиля», вообще-то распространяющееся на все христианство, сужалось в XVII в. до рамок одной из основных конфессий, что само по себе отделяло православное Российское царство от Священной Римской империи германской нации, например.

Однако православие выходило за рамки объединенной Великой, Малой и Белой России не только на Западе (где православное духовенство подчинялось в 1676 г. патриарху Константинопольскому), но главным образом — на Ближнем Востоке. Святорусская идея годилась только для домашнего употребления, тогда как восточными православными понятие избранности неукоснительно переносилась на всю Церковь. «Святая Христова Церковь, язык свят и царское священство, Новый Израиль, — публично восклицал по поводу этого набора понятий греческий учитель и московский придворный оратор Софроний Лихуд, — святейший, глаголю, Вселенский собор Константино-

польский, Александрийский, Антиохийский и богохранимаго сего царствующаго града Москвы святейший престол»⁴⁹.

Общепризнанного сакрального центра, вроде Мекки и Медины, установив контроль над коими, турецкий султан смог объявить себя «повелителем правоверных», в православии не было. Иерархически в православии первенствовал Константинополь, патриарх коего оставался старшим на Востоке с византийских времен. Однако Царьград, увы, давно именовался Стамбулом... А Московский патриарх, вследствие просчетов политиков конца XVI в., усугубленных отцом царя Федора, числился на Востоке едва не последним в ряду вселенских православных патриархов. В свою очередь и патриарху Иоакиму вовсе не хотелось тесно связывать харизму «святого царствия» с выходящим за границы Великой, Малой и Белой России вселенским православием и тем более с невероятными размерами «расточенного» с римских времен внешнего наследия. Это подразумевало ставку на войну, а Иоаким был, мягко говоря, не воинственен.

Обоих по разному мыслящих, но, безусловно, умных властодержцев — царя Федора и патриарха Иоакима — волновало, что понятие богопоставленности царя при господстве родовой идеи наследия всех древних кесарей и великих князей, сводится к банальному признанию, что «всякая власть от Бога». Староверы, среди которых актуальным становился образ царя-Ирода, и уже витала мысль об Антихристе (есть ведь и от него власть!), были своего рода барометром устаревания официальной идеологии. Не случайно концепция «Третьего Рима», едва получив признание на высшем государственном уровне, обернулась в устах староверов против самих властей⁵⁰.

⁴⁹ Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII в.: Литературные панегирики / Публ. *А.П.Богданов* (далее — Памятники). М., 1983. № 27. С. 215.

⁵⁰ Основной тезис концепции — «два Рима падоша, а третий стоит и четвертому не быти» (идуший от Послания Филофея: Идея Рима... № 24) — трактовался староверами как сбывшееся пророчество о «падении» Москвы (в никонианство), за коим следует приход Антихриста (зри: властей предержажих) и конец времен. См.: Три челобитные справщика Савватия, Саввы Романова и монахов Соловецкого монастыря. СПб., 1862; *Субботин Н.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. Т. 3—4, 6—7. М., 1878, 1885; *Смирнов П.С.* Внутренние вопросы в расколе в XVII в.: (Исследования из начальной истории раскола по вновь открытым па-

Но православного *царства* нигде в окружающем мире не было: Российская держава была единственной, способной утвердить свою основу и миссию в качестве прообраза и предтечи земного царства Христа в мире православия и стать центром православной вселенной, надеющейся на освобождение от «агарянского мучительства».

Все изменения, внесенные в чин венчания по благословению патриарха Иоакима волей царя Федора Алексеевича (и развитые затем в чине Ивана и Петра), служили одной цели. Старательное уподобление византийскому императору, причащение царя в алтаре со священниками, подчеркнутая передача инициативы патриарху, коему предписано было максимально ярко выделить божественную основу царской власти («От Бога поставлен еси, Богом венчанный царь» и т.д.), обрело смысл благодаря изменению одной, краткой, но главной формулы чина венчания.

Древний родовой принцип, переживший невзгоды Смуты и лишь утвердившийся при новой династии, был отодвинут Федором Алексеевичем на второй план. Новый государь венчался прежде всего *«по преданию святых восточных Церкви»* и лишь во вторую очередь *«по обычаю древних царей и великих князей российских»*.

Во избежание недопонимания, в чине Федора эта формула повторялась трижды. В чине Ивана и Петра она использовалась пять раз. Не только слова — сама церемония зримо объясняла и оттеняла смысл формулы, что самодержец венчается «по преданию святых восточных Церкви». Это было продемонстрировано максимально наглядно. Люди не могли не заметить, что на царском венчании распоряжается исключительно патриарх. В ходе церемонии, выслушав обычную речь царя о желании короноваться, Иоаким по византийскому образцу спросил: «Како веруеши и исповедуеши Отца и Сына и Святаго Духа?» В ответ Федор Алексеевич, в отличие от всех своих русских предшественников, торжественно произнес Никео-Цареградский *символ веры*. Затем, помимо шапки Мономаха, барм, скипет-

мятникам, изданным и рукописным). СПб., 1898; *Гурьянова Н.С.* Крестьянский антимонархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск, 1988; *Бубнов Н.Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. Источники, типы и эволюция. СПб., 1995; и др.

ра и державы, на царя, согласно чину императоров, была возложена *царская одежда*. Далее, причастие и миропомазание Федор принял по приобщении патриарха и епископов, но до приобщения дьяконов. Наконец, церемония сия проходила не на специальном месте перед царскими вратами, а в самом алтаре — *царь утроблялся священнослужителю!*

Российское самодержавное царство стало на самом высоком официальном уровне **Российским православным самодержавным царством**. Идеологическое обоснование власти московских государей было приведено в соответствие с реальным державным, имперским по сути статусом Новой России, признанным как внутри страны, так и на международной арене⁵¹.

Единственное во Вселенной православное царство получило прочную и в принципе независимую от какого-либо наследования державного права (или трансляции империума) идеологическую основу. Абсолютное суверенное право существования прообраза и предтечи земного царства Христа позволяло, разумеется, претендовать на миссию центра православной вселенной, ждущей освобождения от «агарянского мучительства». При желании — учитывая потребность избавления народов от христианской схизмы вкупе с просвещением святым крещением мусульман, буддистов, иудаистов и язычников — Российское православное царство могло нести свет истинной веры по всей Ойкумене, до концов земли.

Но в то же время законным становился тезис, что, как Уделу пресвятой Богородицы, России нечего больше желать, незачем учиться и изменяться и нет смысла расширять свои рубежи. Избранным на земле в качестве прообраза Царствия небесного довольно в ожидании Второго пришествия хранить древнее отцепданное благочестие и стройными рядами шествовать под чутким руководством патриарха — сквозь смертный сон — прямо в Райские кущи.

Эта альтернатива не осталась незамеченной публицистами конца XVII в. Более того, она была сознательно *заложена* в официальную трактовку обновленного представления о Российской державе, одним из авторов которой был патриарх.

⁵¹ Не даром все-таки С.М.Соловьев, не раскрывая причин, начал с царствования Федора Алексеевича повествование о Новой истории России!

РОССИЯ И ВСЕЛЕННАЯ

Между формулировкой любой державной формулы и, казалось бы, вытекающими из нее действиями лежит область толкований, которая, собственно, и является предметом государственной публицистики. Абсолютный суверенитет Российского православного самодержавного царства был несомненен, но начал, подобно идеологии каждой мировой державы, лишь одно — что это государство лучшее в мире⁵². Любая перспектива в *этом* мире (его конечность была общеизвестна) становилась предметом разногласий и полемики. *Достигнут ли идеал внутреннего устройства, или жизнь в России следует улучшать*, в том числе обращаясь к полезным достижениям внешнего мира? Этот вопрос стал центром жесточайшего спора просветителей и «мудробо́рцов», не желавших даже в области науки выходить за рамки «древнего отцепреда́нного благочестия» в границах Российской державы и тяготеющего к ней (как царства лишенного) православного Востока. Следует ли счастливым россиянам расширить границы благословенного царства «до краев земных», или мир вне «Удела пресвятой Богородицы» вообще не заслуживает внимания?

Видимое разнообразие ответов русских публицистов последней четверти «бунташного века» на подобные вопросы в значительной мере сводится к более или менее осознанному использованию набора элементов единой державной теории, отраженной чинами венчания Федора Алексеевича, а за ним Ивана и Петра. Бросается, однако, в глаза и отличие, вытекающее из своеобразия представлений о сущности понятия «держава» в публицистических сочинениях и чинах. Последние были призваны сформулировать основы *государственности*. Первые с древнейших времен неизменно задавались вопросом, «откуда есть пошла Русская земля» (и лишь затем — «кто начал первее княжити» или, в трактовке изучаемого времени, «царствовать»).

Подходы эти, конечно, не были разделены стеной. Во многом они прямо соответствовали, отражаясь в парных, одноуровневых понятиях. Так, *древность*, исконность великокняжеского

⁵² Точка зрения староверов, что Российское государство *было* лучшим в мире, а в настоящем оно пало и теперь мир должен погибнуть, здесь не рассматривается как выходящая за рамки государственной идеологии, хотя и опирающаяся на нее.

(царского) рода, отраженная уже в чине Дмитрия-внука, есть идея того же порядка, что блестяще сконструированная историком и публицистом Игнатием Римским-Корсаковым концепция происхождения своего рода от Адама или явно недооцененные исследователями (но воспроизводящиеся из века в век) легенды о первородности «породы российской» сравнительно со многими «племенами земными»⁵³. Аналогично *вера* давала основание говорить в самых ранних чинах о богоизбранности государей «Нового Израиля», не развивая глубоко присущую историографии XVI—XVII вв. концепцию «Удела Богородицы» или, по выражению А.М.Курбского, «Святорусской земли». От веры был всего один логический шаг до *Церкви*. Однако чтобы официально сделать ее «предание» первым основанием государственной власти, сходно с образцом византийским, самодержавию понадобилось изрядное время, в течение которого Русская православная церковь как организация (еще до превращения в департамент Петровской империи⁵⁴) стала своеобразной частью государственного аппарата⁵⁵.

Также и российскому обществу, по крайней мере часть членов которого искренне отдавала жизнь вначале «за святых Божию церкви», затем «за святую православную веру» и, в третьих, «за государево крестное целование»⁵⁶, суждено было испытать раскол прежде, чем «святых Божию церкви» единого сообщества верующих смогли превратиться в глазах верных подданных в «Церковь» как структуру иерархическую⁵⁷. Идея царства, раз-

⁵³ См.: Игнатий Римский-Корсаков. Генеалогия / Публ. А.П.Богданов. М., 1994; Богданов А.П. Летописец и историк конца XVII века: Очерки исторической мысли «переходного времени». М., 1994. С. 36—46; *он же*. От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995. С. 126—139.

⁵⁴ См.: Богданов А.П. Перо и крест. Русские писатели под церковным судом. М., 1990. Гл. 4—5.

⁵⁵ Детально эта эволюция прослежена в моей книге «Русские патриархи»; журнальный вариант см.: Патриархи России // НР. 1992. № 10—11; 1993. № 1—4, 10—12; 1994. № 1—11; 1995. № 4, 7—12; 1996. № 2, 4—5, 9; 1997. № 1—2.

⁵⁶ Яркий пример см. в источнике: Богданов А.П. Летописец русского воеводы XVII века // Прометей. М., 1990. Т. 16. С. 100—110.

⁵⁷ Об этом механизме см.: Богданов А.П. Перо и крест. Гл. 3; *он же* и Буганов В.И. Бунтари и правдоискатели в Русской православной церкви. М., 1991. Гл. 5—6. Ср. также развитие образа Успенского собора: от конкретного главного храма до символа единства Церкви.

вивавшаяся на основе древлепреданного, от дедов и отцов, а затем и по наследию римских и византийских кесарей, права именоваться царями, сопровождалась в публицистике и историографии разработкой представления о наличии государственности у «российского рода» с древнейших времен.

Любопытно, что отраженная еще в «Повести временных лет» идея «призвания варягов», столь ярко проявившаяся в развитии теории «Третьего Рима» и в высшей степени свойственная родовому самосознанию российского дворянства, приходит в литературе XVII в. в острое противоречие со славянской идеей и фактически сводится на нет с помощью легендарного образа Гостомысла и его «правнуки» Ольги, популярностью едва ли не превзошедшей Владимира Святого. Впрочем, и роль последнего в становлении российского «царства» обыкновенно связывается с верой, без упоминания о привнесении в жилы княжьего потомства крови династии Багрянородных. Владимир прежде всего креститель в чинах венчания, а в глазах летописцев — один из крестителей, освятивших землю и миссию Руси.

Разумеется, теория «Третьего Рима» шире обоснования права самодержцев, для которого она использована в чинах. Ее более глубокий смысл выходит за рамки древней наследственности царей и соотносится с самим Российским царством. Русь есть единственное и последнее из сменявших друг друга благочестивых царств. С этим убеждением связана, в частности, мысль, что не только Первый Рим погиб, отпав от правой веры в латинскую ересь, но и благочестивый Царьград не устоял перед мусульманским натиском «за умножение грехов». Ведь если благочестие не является твердой гарантией того, что царство «стоит и стоять будет», может быть поставлена под сомнение миссия «Третьего Рима»⁵⁸!

Мысль, что Россия есть прообраз вселенского царства Христа или даже само это царство (расхождение, значение которого

⁵⁸ Ср. предсказание о падении Третьего Рима (если не о наступлении царства Антихриста и Конца света, как толковали предсказание экстремисты, то о смертельной угрозе благочестивому царству) в популярнейшей среди читателей XVII в. — и среди исследователей — «Книге о вере» (М., 1648), с почтением процитированной даже патриаршим летописцем Сидором Сназиным (ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 164; ср. С. 103—104). Концепция «Третьего Рима» была хорошо знакома читателям и по изложению в «Кормчей» (М., 1653).

потребует специального рассмотрения), очевидно вытекала из этого общего смысла теории «Москва Третий Рим». Следовало только синтезировать имеющиеся элементы политических концепций и подчеркнуть важность именно церковного основания царской власти⁵⁹. Что царь — блюститель Церкви и благочестия, мыслили издавна. Правость веры зависела от царства — верили многие еще в XVI в. (это любил подчеркивать, например, Иван Грозный). Но теория «Третьего Рима» начинала на высшем официальном уровне приниматься на вооружение почти одновременно с учинением в России патриаршего престола, в тесной связи с признанием благочестия восточных патриархов, оставшихся без царя, под властью мусульман!

Отсюда вытекал смущавший в XVII в. умы вопрос: что важнее, Церковь или царство? Любопытно, что, несмотря на стойкую нелюбовь историков к графу А.С.Уварову, приписываемая ему формула «самодержавия, православия, народности» настолько усвоилась, что ответ на вопрос о соотношении царства и священства, данный еще царем Федором Алексеевичем, не поражает необычностью в христианском мире и вообще в мировой практике. Сделав «предание Церкви» первым аргументом царствования, старший брат Петра на высшем официальном уровне утвердил давно бытовавшую в обществе идею, что, во-первых, Церковь и царство неразделимы, во-вторых — Церковь требует наличия царства как необходимого условия церковного благочиния. Вопрос, таким образом, снимается: нет истинного благочестия без царства, как нет и благочестивого царства без церковного основания.

В православном царе объединены оба условия, гарантирующие установление земного царства Христа. Так декларировала высшая светская и церковная власть, так верило большинство бравшихся за перо, насколько можно судить по выявленной к настоящему времени литературе последней четверти XVII в. А как же остальной православный мир, не осененный крыльями двуглавого орла и лишенный к своему несчастью царя благочестивого? Се — камень преткновения, или дорожный знак, от ко-его расходились пути раздумий и убеждений, в полном соответ-

⁵⁹ Согласно с византийскими образцами. Отсюда видно значение заблуждения исследователей, считавших, будто цареградские чины *изначала* лежали в основе русского чина венчания.

ствии сказочной народной премудрости: «Налево пойдешь — коня потеряешь» и т.д. Выделение, акцентирование любого элемента понятия «Российского православного самодержавного царства», полезное для той или иной концепции, неизбежно вело к утрате некоторого количества и качества системного целого, которое, как известно, всегда больше суммы частей.

В феврале 1687 г. в речах к отправляющимся в I Крымский поход войскам выдающийся ученый и публицист Игнатий Римский-Корсаков, сведя воедино и усилив момент миссии православного самодержавного царства, фактически растворил идею «Российского». В его концепции, едва ли не полностью пропали родовые элементы обоснования отечественной державности. Не только мыслей о древности славян и Руси, свойственных коллегам-историкам и летописцам, но и родословной легенды Рюриковичей, и аргументов наследия Первого Рима — мы не найдем в сочинениях Игнатия. Даже «преславнейший Август», на наследие коего особенно любил ссылаться Иван IV, приведен Игнатием исключительно как пример, уподобляясь которому Иван Грозный расширил «Российския земли», завоевав Казанское, Астраханское и Сибирское «царства татарския»⁶⁰.

Эти ограничения никак нельзя признать случайными, учитывая громадную историческую эрудицию Римского-Корсакова и тот факт, что он неизменно доказывал право православных российских царей наследовать «всю Вселенную», царствовать над всеми без исключения народами, народившимися по Потопе и «рассеянными» Господом «по лицу вся земли» при Столпотворении. Каламбур «Россия» и «рассея(л)» (Бог народы), конечно, не аргумент, а дань стилю барокко, богатому на именные (как правило, наполненные глубоким смыслом) ассоциации, — хотя Игнатий и выразил надежду, что «мудрейшие» еще «протраннейше» разработают его литературную находку и познакомят автора со своими заключениями.

Реальное право на объявленную в чинах венчания экспансию Российской державы «до конец Вселенныя» давало, разумеется, православие, как определяющее свойство царства. В *«Слове благочестивому и христолюбивому российскому воинству»*, где

⁶⁰ «Слово благочестивому и христолюбивому российскому воинству» см.: Памятники. № 15. С. 155. Об Игнатии и его речах см.: *Богданов А.П.* От летописания к исследованию. Ч. 1 (с библиографией).

наличие неправославных христиан подчеркнуто не упоминается, Римский-Корсаков вполне отчетливо прояснил историческую перспективу высочайше утвержденной идеи (С. 155—156): «Многочисленного российского воинства храбрством да подаст Бог познати им, неверным языком, имя свое святое, христианского именованя, и да будет, по гласу Спаса нашего, едино христианское стадо и един пастырь Господь наш Иисус Христос по всей Вселенной. И от него поставленнии по образу небеснаго его царствия содержащии российския скиптродержавства пресветлии наши цари самодержцы и великие государи такожде да будут в царском их многолетном здравии всея Вселенныя государи и самодержцы».

Эта воистину мессианская идея требовала адаптации к реальности с помощью подчиненных идей, обосновывающих неизбежность грядущих потрясающих успехов пусть многочисленного и храброго, но все же человеческого российского воинства. Логично было бы сослаться здесь на опыт создания мировых держав, в частности, на чрезвычайно популярную на Руси историю Александра Македонского. Только ведь множество современных Игнатию авторов специально выясняло причины не только возвышения, но и падения всех этих империй...

Новоспасский архимандрит Игнатий Римский-Корсаков обошел столь нежелательные ассоциации по подсказке ученых греков братьев Лихудов, в речи перед царским двором в марте 1685 г. (см. ниже) выдвинувших два тезиса, которые четко прозвучали в проповеди Игнатия и в разных вариантах столетия повторялись потом в Российской державе: царство с Божьей помощью неуклонно разрастается в мире благодаря высшей избранности своей идеи, а его экспансия ведет охваченные державой народы не к смерти и порабощению — но к свободе и просвещению (С. 170):

«Обрящу вас предивных, понеже побараете Христа ради. И Христос, ради державнейшаго, благочестивейшаго и святейшаго вашего царствия, святое ваше царствие умножает православия и веры ради Христовы — и Христос сопротив того взаим умножает славу вашу».

«О чудо предивное и образ, еже воевати тако, никогда слышанный: воюете не для того дея, дабы смерти предали победеннаго, но к животу (жизни.— *А.Б.*) — се есть приносить его ко благочестию истиннаго света, просвещающаго всякаго челове-

ка, грядущаго в мире. Не яко его во узилище предати — но во еже свободити его от страшных вериги адовы!»

Расширение земного Христова царства до пределов Вселенной, по Игнатию, — это *основание* державной идеи Российского православного самодержавного государства и его царственная *функция*. Святое царствие и Христос, говоря современным языком, образуют в мире самодостаточную, саморазвивающуюся систему, где православие побуждает Бога к расширению царства, а последнее умножает славу Господа и побуждает его к дальнейшему пособию благочестивому государству.

Христолюбивое российское воинство, несущее на своих знаменах столь возвышенные и гуманные ценности, — воистину есть «Новый Израиль», «Род избранный», «Царское священство», «Язык свят», «Люди обновления», «Копья Господа» и т.п. — как считает Игнатий и сколь бы справедливо ни уверяли Лихуды, будто подобные эпитеты относятся к православию в целом. Всех многочисленных примеров бессмертной памяти героев Ветхого завета и русской истории, щедро приведенных Римским-Корсаковым, мало, чтобы отразить величие миссии и неоспоримость победы армии «царей христианских». «Христолюбивое воинство» выше идеи «избранного народа», как образ Владимирской Богородицы — «мысленный кивот» — превосходит кивот ветхозаветный: ведь о Богородице, по Игнатию, «умствовати подобает, яко та едина доволна есть не единому роду израилскому — но всем родом христианским противу всякому врагу в пособие»⁶¹!

После коронационной реформы Федора Алексеевича великий государь уже не просто Богодарованный и Богом венчанный владыка (это давно было общим местом официальной идеологии). Римский-Корсаков логично развивает заложенную в чинах 1676 и 1682 гг. мысль о «Святом (или «святейшем», подобно титулованию патриарха) *царствии*». Эта хитроумная мысленная конструкция охватывает ветхозаветный и христианский опыт божественной помощи и вовлекает укорененную идею «Святой Руси» в русло осознания священности России царственной, самодержавной. Не даром царь Федор Алексеевич, скромный по

⁶¹ Подробное сравнение ветхих и новых святынь см. в написанном Игнатием «Слове к православному воинству о помощи пресвятой Богородицы»: Памятники. № 16.

натуре, вынужден был специальным указом запретить хотя бы письменно уподоблять его Богу⁶²! Что, впрочем, не воспрепятствовало книжникам вскоре уподобить его сестру Софью — Софии-Премудрости Божией (см. в разделе «Борьба за власть»).

Однако легко заметить, что светлая идея освободить население Ойкумены от вериг адовых в сочинениях Игнатия и государственной идеологии *in corpore* оставалась неоперациональной, относясь к *статусу*, но не определяя конкретной *функции* Российского православного царства. Во Вселенной Римского-Корсакова было предостаточно безобразий, возмутительных для ревнителя православного самодержавия. Достаточно было взглянуть на модные тогда в России глобусы и карты (которыми нередко украшали стены), открыть излюбленный Игнатием и его современниками Атлас Меркатора, чтобы ужаснуться размаху и распространению учений «латын» и «люторов», магометан и прочих «неверных язык». К тому же во дворце (куда был вхож архимандрит родового монастыря Романовых) регулярно делались доклады о зарубежных новостях⁶³.

Нельзя сказать, чтобы православные «верхи» были вовсе не обеспокоены ужасными нравами соседей по Вселенной и шествием значительной части человечества к вечной гибели. Даже знаменитый осторожным обращением со словом придворный поэт, восторгаясь в Рождественской орации 1688 г. величием Божьего творения, при описании частей света и континентов Земли сетует на богомерзкую политическую организацию, злобожество и даже вовсе безбожие множества стран и народов.

Вот что говорил во дворце Карион Истомина, например, об Америке (где протестантские колонии были еще весьма слабы):

«Четверта есть часть	Земли Америка
Не многи сты лет	явленна велика.
И тысящми лет	бысть она незнанна,
Морем широким	зело отлиянна.
Окружность Земли	градусы явили,
Что антиподы	люди под нас жили.
В той части люди	и царства многия
Иноязычни,	в жителстве разныя.
Веры в них в Бога	правыя не бяше,

⁶² Именной указ от 8 июня 1680 г.: ПСЗ-1. № 826.

⁶³ См.: РГАДА. Ф. 155. Вести-Куранты (и материалы к ним).

В болвохвалстве всяк	народ забавляше.
Не писмен бысть люд,	и нравами глупы,
Народ на народ	биется во трупы.
Ныне там вера	в сотворшаго Бога
Разума римски	церкви в ересь злога.
Добро б из россов	в ту часть полетела,
Церкве восточны	в себе люд имела.
Тщанье имети	благо царем росским
Да промысл творят	разумом господским» ^{64!}

И позже, на рубеже 1692—1693 гг., Истомин напоминал юному наследнику российского престола, что «Волкохищна Америка / Людми в нравах, в царствах дика»; люди там имеют нужду в одежде, пропитании и, главное, в правой вере⁶⁵. Идее Вселенского царства было на чем развернуться, и, тем не менее, она никогда, до краткого периода в XX в., *не была развернута*. Объясняется это и свойственным россиянам отношением к войне, к которому обратимся ниже, и множеством конкретных причин. В случае с Игнатием Римским-Корсаковым это было важное идейное соображение, позволяющее логично решить критическую для его концепции проблему Вселенского православия и Российского царства.

Теория Российского православного самодержавия в том виде, как она была отражена в чинах венчания, лишь по видимости оставляла открытым вопрос о благочестии не охваченных царством православных. Проблема благополучно решалась, поскольку, во-первых, Церковь и царство объявлялись неразделимыми, во-вторых — речь шла о единственном православном царстве: Российском. В православном царе были объединены оба условия, гарантирующие установление земного царства Христа для всех временно лишенных царства православных Востока. Весьма неприятные для церковной и светской власти рассуждения об утрате благочестия «греками» можно было воспринимать как иллюстрацию закономерных проблем Церкви, кото-

⁶⁴ Богданов А.Л. Естественнаучные представления в стихах Кариона Истомина // Естественнаучные представления Древней Руси. Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные книги». Астрология. Минералогия. М., 1988. С. 273—274.

⁶⁵ Богданов А.Л. Памятник русской педагогики XVII века. (Поэтический триптих Кариона Истомина для начальной школы) // ИИИ СССР. М., 1989. С. 143.

рой следовало срочно помочь найти умиротворение под крыльями двуглавого орла.

Православные *вне границ России* политически и в общественном сознании делились на две основных категории: «русских» и «греков». Первые находились в пределах Речи Посполитой, вторые были подданными Османской империи⁶⁶. Существовало, конечно, и православное население земель, отошедших к Швеции — но его еще со времен патриарха Филарета жестоко третировали по неподтвержденному подозрению в склонности к лютеранской «схизме»⁶⁷. Особое отношение к православным «из российского роду» — белорусам и малороссам — чрезвычайно характерно для творчества Симеона Полоцкого и многих других публицистов III четверти XVII в. Война с Речью Посполитой за освобождение «расточенных» и «похищенных» захватчиками земель Древней Руси не в последнюю очередь велась ради спасения утесняемого православия. Ближе к концу столетия незавершенность процесса воссоединения православных восточных славян стимулировала публицистический пафос популярнейшего в Великой, Малой и Белой России «Синописа»⁶⁸. Но вышедший первым изданием после Андрусовского перемирия, русско-польского оборонительного союза и, главное, после начала в 1673 г. совместной войны двух славянских государств с Турцией и Крымом, «Синописис» уже в начальной редакции (не говоря о последовавших за Чигиринскими походами изданиях) заострял идею объединения славян против османской агрессии.

Древняя, свойственная еще первоначальным летописям, концепция славянского единства должна была ярко проявиться в

⁶⁶ Попытка Арсения Суханова доказать, что православные славяне в пределах Османской империи и под церковной властью патриарха Константинопольского во многом противостоят «грекам» и ближе к россиянам (так же, как в патриархиях Иерусалимской, Александрийской и Антиохийской паству составляют в основном не греки, но «жиды и арапы»), не привлекла должного внимания властей, хотя сочинение Арсения в последней четверти XVII в. было чрезвычайно популярно. См.: *Белокуров С.А.* Арсений Суханов. Ч. 1—2. М., 1894; *Богданов А.П.* Автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова // ИОИ. М., 1989. С. 175—205.

⁶⁷ *Богданов А.П.* Страсти по Филарету // НР. 1994. № 3.

⁶⁸ *Чистякова Е.В., Богданов А.П.* «Да будет потомкам явлено...»: Очерки о русских историках XVII века и их трудах. М., 1988. С. 50—59.

русской историографии времен жестокой борьбы с Турцией и Крымом (в войнах 1673—1681 и 1686—1700 гг.). В конце концов, страшная резня в первую войну шла на Правобережной Украине, а во вторую — когда армии канцлера В.В.Голицына и генерала Г.И.Косагова рвались вышибить дух из Крымского ханства — ужасные дела творились в Подолии, где турки бились с нашими союзниками—поляками. Страдания единоплеменных и большей частью единоверных братьев не могли не вызвать острого сочувствия русских публицистов и проповедников, помнивших завет, что «больше тоя любви несть, еже положить душу за други своя». Но у Римского-Корсакова вовсе отсутствует идея помощи русским, славянским православным! В пламенных речах своих он вещает исключительно о российских подданных — и о единоверных «греках», которые ждут от непобедимых царских полков помощи и освобождения.

Дело, конечно, не в том, что в разгар борьбы с Турцией и Крымом воинственный Игнатий не желал подчеркивать враждебность к православию столь ненадежного союзника по Священной Лиге, как Речь Посполитая⁶⁹, в которой продолжалась католическая реакция против русских по роду и православных по вере христиан. Публицист попросту считал процесс объединения исконных русских земель в целом завершенным: если и оставались за чужими рубежами какие-то малости, то не стоящие внимания геополитического мыслителя (вроде как со шведами следовало общаться новгородским воеводам, а не высоким московским властям). «В наши лета, с Божиею помощию, — говорил армейским командирам Римский-Корсаков, — наипаче распространи царство свое Российское и расточенныя отчины царствия Российскаго храбрством и подвигом своим собра воедино благочестивый и самодержавный великий государь наш... Алексей Михайлович... Малую убо и Белую Россию, от многих лет польским краем похищенную и заблуждающую в прелести латинской, яко пастырь добрый от уст зверя исторже и в милости царствия своего благочестиво спасе» (С. 155).

⁶⁹ Об уклончивой, если не прямо изменнической политике Речи Посполитой во время Крымских походов, свидетельствуют современные источники. См: *Богданов А.П.* «Истинное и верное сказание» о I Крымском походе — памятник публицистики Посольского приказа // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 57—84.

Так что на момент начала нового похода победоносных царских полков на «агарян» в 1687 г. понятие «самодержавие вся Вселенная» было ограничено Игнатием рамками России и Константинопольского наследия. Мифологемы теории «Москва — Третий Рим»: «просвещение» России крещением при Владимире Святом, венчание Владимира Мономаха византийскими императорскими инсигниями и наречение его «царским именованием» «по Божию благоволению от цареградскаго царя» и духовенства, — толкуются Римским-Корсаковым как аргументы *безусловного* права российских царей на Византийское наследство: «Но о сем убо сия, тако суть, и несть быти инако — но точию яко все царство Ромейское, еже есть греческое, приклоняется под державу российских царей Романовых... Яко российский род обладати имать Ромейским, еже есть греческим царством» (С.165—166).

Речь идет отнюдь не только о наследовании имперского статуса, но об отвоевании государства, согласно различным предзнаменованиям *временно* покоренного мусульманами и непременно подлежащего освобождению. Кем? Во-первых — христианами. Во-вторых — «российским родом». В третьих — «с прежде создательными» того царства, то есть вместе с «греками».

Божественно предопределенное создание Вселенского православного царства, прообразом коего является царство Российское, видится Римскому-Корсакову следующим образом. Сначала вдохновляемые его речью российские войска двинутся на юг: «в защищение святых Божиих церквей, на свобождение плененных христиан от безбожных агарян, на очищение от злб татарских южня земли, на восхождение Новому Израилю, яко же древле сыновом еврейским в Хананейскую землю». Затем, когда «вашими мужествы прославится Господь Бог, всяко они грекове, яко к первовенчанным своим греческим православным царем вскоре прибегнут под державу богохранимых великих государей **всяя России** (выделено Игнатием.— А.Б.). И обще, яко людии христоименитии, грекове и россы, прося Божии помощи, имате побеждати сквернаго турка».

В подтверждение такого стремления «греков» Римский-Корсаков подробно ссылается на приветствие российским «кесарям» от ученых братьев Иоанникия и Софрония Лихудов, произнесенное вскоре по приезде их в Москву. До последнего времени мы не могли проверить правильность передачи Игнатием

их позиции⁷⁰. Правда, в дипломатических донесениях Иоанникия Лихуды канцлеру В.В.Голицыну 1688 г. сообщалось, будто «всех родов и народов желание есть, как тем, которые в Вене живут, яко же и те, что в Венеции живут, яко без всякого усумления о отоманском мучительстве, весьма победоносцем быти и в Цареграде царствовать, кроме Московских самодержцев, некому; сего ради немцы и венецияне, а наипаче бедные греки, волохи и мултяне победу по вся дни под Крымом от войск вашего царского пресветлаго величества прилежно ожидают»⁷¹.

Однако в обнаруженном недавно сборнике ораторских произведений «самобратий»⁷² имеется обширная проповедь, в панегирической части которой приведено извлечение непосредственно из использованной Игнатием недошедшей до нас рацеи Лихудов, причем с прямой отсылкой на нее: «Тако и тогда первое предрекохом, егда вашего тиша(й)шества пречестнейших лиц насладихомся, и ныне же сие... во исполнение показати молимся»⁷³. — Так говорили Лихуды царям Ивану и Петра и царевне Софье на пасхальном приеме во дворце 27 марта 1687 г., вспоминая свою речь 9 марта 1685 г.,⁷⁴ когда они действительно впервые обращались к российским властям, ибо приехали в Москву 6 марта⁷⁵.

Хотя Игнатий Римский-Корсаков и братья Лихуды пересказывали, по-видимому, разные части первой греческой орации 1685 г., сходство их позиций не вызывает сомнений (оба текста цитируются по публикации в «Памятниках»):

⁷⁰ Единственная известная в литературе орация Лихудов периода регентства не содержала подобных высказываний: РГАДА. Ф.375. № 22. 18 л. Автограф, черновик. Опубл.: *Лермонтова Е.Д.* Похвальное слово Лихудов царевне Софье. М., 1910.

⁷¹ ПДС. Т. X. СПб., 1871. Стлб. 1368—1370. Подробнее см. ниже раздел «Россия в Священной лиге».

⁷² Сборник из 24-х неизвестных ранее произведений Лихудов конца 1680—1690-х гг. см.: Владимиро-Суздальский историко-культурный музей-заповедник (далее — ВСМЗ). В—5636/112. Q. 129 л. Описан: *Памятники*. С. 19—22, 39—42. Часть текстов опубл. там же. № 17—19, 27.

⁷³ *Памятники*. № 17. С. 183.

⁷⁴ О ней упоминается в документах, см.: *Смирнов С.К.* История Московской славяно-греко-латинской академии. М., 1885. С. 23.

⁷⁵ *Сметцовский М.Н.* Братья Лихуды: Опыт исследования из истории церковного просвещения и церковной жизни конца XVII и начала XVIII веков. СПб., 1899. С. 55.

... Непобедимым в Божии помощи кесарем в приветствии своем глаголаху: яко имеете,— рече,— ныне начало и власть во златом яблоце вашем Востока и запада, и по том уповаем благоволением Отца, и Сына, и Святаго духа, въкупе со престолом цареградским, который по законом ваш есть, и самодержавство всея Вселенная. ... Да зрит убо мужество ваше, каковое греки намерение имеют, яко седмохолмный, еже есть Царьград, по законом нарицают пресветлых наших и самодержавнейших царей **всея России** отчинный их престол. И како не имате тщатися, дабы пресветлии царие всея России царствовали и в нем, по древнему греческому православному закону.

... Благочестия вашего дея образом солнца возпросияете, за еже ко всем благодарно милости вашей произливатися имате, правды ради же и православия. Ничто же на небеси и на земли светлшее и креплшее, им же всякаго врага и супостата под нозе ваша покорите, агарянския сыны победивше, погрузите престол Конс(тан)тинополский под закон ваш — яко же царие благочестивейшии и православнейшии и преемники тогдашних наших царей светлейших — восприимете и всея Вселенная по достоянию самодержцы покажется.

Итак, древний православный закон и благочестие, гарантируемое царством, есть первое и главное основание как высшего статуса Российского православного государства, так и его миссии — превращения во Вселенское Христово царство в рамках православной вселенной. Последняя ограничивалась, судя по контексту всех публицистических выступлений, Великой, Малой и Белой Россией вкпе с европейскими владениями бывшей Византийской империи.

Простирались ли идеи экспансии двуглавого орла далее — сказать затруднительно по отсутствию каких-либо иных конкретных суждений о границах «самодержавия всея Вселенная». Но обращают на себя внимание три обстоятельства. Во-первых, войска, к коим обращался Римский-Корсаков, шли в поход на Крымский полуостров, без занятия коего наступление регуляр-

ной армии в направлении на Балканы было вскоре, на военно-политическом совещании представителей Москвы и Киева в 1688 г., справедливо признано невозможным⁷⁶. Во-вторых, с середины XVII в. в речах греческого духовенства к царю Алексею Михайловичу настойчиво звучали предложения отвоевать у турок именно Константинополь, занять «превысочайший престол великого царя Константина, прадеда вашего», «освободить народ благочестивых и православных христиан от нечестивых рук»⁷⁷. В третьих, границы экспансии определялись Игнатием слишком уж близко к отдельным русским и в особенности иноземным дипломатическим проектам того времени. Значит ли это, что желанные пределы могли быть с легкостью расширены при достижении поставленной цели?

Акцент на *православии* царства существенно снижал значение понятия *Российское*, входившее неотъемлемой частью в систему взаимоопределяющих понятий. Снять определение *Российское* было в принципе невозможно. Но Игнатий мог подчеркнуть превосходство избранной им акцентации в единой системе понятий, представив, например, соратников князя Святослава Игоревича «скифами, с болгары совокупшимися», против которых получал помощь Богоматери и св.Феодора Стратилата благочестивый царь Иоанн Цимисхий. Благочестие тогда «вражью сотре силу», «нечестивые варвары» «преславною побеждени быша победою» (С.177).

Этот пример помогает понять, почему патриарху Иоакиму и основной массе книжников оказалась чуждой идея, будто Россия обретает державность благодаря православию вместе с миссией объединить всех «христоименитых людей» в своих пределах. Да и при чем здесь все люди и различные племена Вселенной? Для многознающих новгородских митрополичьих и московских патриарших летописцев, вроде Сидора Сназина или Боголепа Адамова, именно славянский род, Русская земля и ее древнейшие правители-самодержцы (от Мосоха ли, от Славена

⁷⁶ См.: *Востоков А.* Посольство Шаковитого к Мазепе в 1688 г. // Киевская старина. 1890. Т. 29. Апрель—июнь. С. 199—206.

⁷⁷ Подробнее см.: *Кантепов Н.Ф.* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях. Изд. 2-е. Сергиев-Посад, 1914 (и др. его соч.); *Фонкич Б.Л.* Греческое книгописание в России в XVII в. // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 28—30.

и Руса или от Гостомысла) были самыми лучшими, древними и, коли на то пошло — издавна благочестивыми (не младше «греков»). Летописцы с легкостью иллюстрировали исконную изобретательность славян, а в особенности Руси, которая с прародительских времен включала (как подчеркивает, например, Сназин) в число своих племен, вперемешку со славянами, мордву, мерю, мурому, чувашей, чудь и прочие народы, составлявшие в XVII столетии добрых подданных православного Российского государства: *Русской земли*.

Пример Сназина особенно знаменателен, поскольку в его летописи ярко отразилась официальная при патриаршем дворе со времен Никона «грекофилия». В противовес публицистике староверов, в публицистике официальной Церкви второй половины XVII в. все более четко проводилась сформулированная еще в Послании Филофея мысль о различии падения двух Римов. Первый Рим пал морально, отступив, по мнению православных ортодоксов, от правой веры. Вторым Римом — Константинополь — пал только физически, был захвачен мусульманами, причем «греки» не только сохранили свое благочестие, но и остались «учителями веры». Старинное противопоставление правоверного Константинополя католическому Риму усилилось при патриархе Иоакиме (1676—1690), возглавившем крестовый поход против «западного зломысленного мудрования». Сочетание официальной «грекофилии» с неистовым «обличением латынников» отражено не только публицистикой, но и общерусским летописанием последней четверти XVII в. Составитель патриаршего Летописца чудовский монах Исидор (из новгородских дворян Сназиных) все версии крещения Руси, начиная с легенды об апостоле Андрее Первозванном (использовавшейся обычно как аргумент независимости русского православия от «греков») перетолковал в том смысле, что российские народы и земли «веру святую православную от греков прияша ... по абычаю и уставом греческим». Греческое духовенство летописец поминает часто и одобрительно, а злым козням «латынников» против православных греков и Руси приписывает тьму бедствий, даже возникновение новгородской ереси «жидовствующих»⁷⁸.

⁷⁸ ПСРА. Т.31. С.27, 33, 34, 36, 39, 43—44, 46—48, 80, 103—106, 108—112, 123 и др.

Игнатий Римский-Корсаков тоже не прочь был (в окружных посланиях⁷⁹) поискать злодейственные иноземные «корни и нити» вполне отечественных схизм, в том числе несчастных новгородских еретиков. Но его антилатинские сочинения стоят в публицистике «грекофилов» особняком: Римский-Корсаков не страдал ксенофобией. У «мудроборцев» во главе с патриархом сильным мотивом обличения «отпавшего» Первого Рима служило стремление «угасить малую искру западного зломысленного мудрования» и не дать ей на Руси разгореться в «пламень», способный «попасть православия восточного истину». Игнатий же строго отделяет вопросы веры от «языка и учения», в особенности от «свободных наук». В публицистическом «Доводе вкратце» он почти демонстративно доказывает преимущества греческого языка перед латинским с точки зрения истории науки и с использованием латинских авторитетов⁸⁰. Здесь и особенно в «Генеалогии» вероисповедание авторов вообще не является фактором оценки их сочинений. Там, где речь не шла о православном вероучении и богослужении, Игнатию было в высшей степени безразлично, каким богам молились высокочтимые им исторические авторитеты.

Полемиические «*Возобличение на лютеранский катехизис*» и «*Слово на латин и лутеров*» являют резко отрицательное отношение Римского-Корсакова к западному христианству. Но в политическом плане публицист требует от правительства только запрета отправления неправославных христианских культов на территории России, отнюдь не предлагая искоренить иноверие, как это делал в своих проповедях патриарх Иоаким⁸¹. Особен-

⁷⁹ См.: Послания блаж. Игнатия митрополита Сибирского и Тобольского, изданные в Православном собеседнике. Казань, 1855. Ср.: *Воронова Л.Б.* Археографический обзор списков сочинений Игнатия Римского-Корсакова // Исследования по истории общественного сознания эпохи феодализма в России. Новосибирск, 1984. С. 185—201.

⁸⁰ РГБ. Ф. 173. П. № 35. Опубл.: *Кантлеров Н.Ф.* О греко-латинских школах в Москве в XVII в. до открытия Славяно-греко-латинской академии // Прибавления к творениям св. отцев в русском переводе. Ч. XLIV. М., 1889. С. 672—679.

⁸¹ БАН. Архангельское собр. С. 202. Опубл. по другому списку: *Лебедев А.* Полемиическое сочинение конца XVII века против латинян // ЧОИДР. 1884. Кн. 3. Отд. 2. С. I—IV, 1—32. См. также: *Цветавев Д.* Из истории иностранных исповеданий в России в XVI и XVII веках. М., 1886. С.214—236.

но бросается в глаза, что, полемизируя с католиками, протестантами и староверами, призывая к войне с мусульманскими государствами, Игнатий никак не затрагивает веры российских мусульман и не призывает, вслед за своим другом патриархом, разорить их мечети (не говоря уже о «мольбищах» язычников).

Между тем, именно единоверие с населением захваченных турками европейских земель выдвинуто Римским-Корсаковым как серьезнейший мотив «возвращения» русским самодержцам византийского наследия. Можно даже заметить, что идея наследования Второму Риму в значительной степени переносится публицистом из династически-государственной в церковную сферу. Право российских государей на Константинопольский престол в выступлениях Игнатия мотивируется реальной возможностью исполнения древних предречений, что «российский род обладати имать ромейским, еже есть греческим царствием», когда «обще, яко люди христоименитии, грекове и россы» победят «сквернаго турка». Идея наследственного права российских государей на византийский престол, декларированная теорией «Москва — Третий Рим», отходит в публицистике Игнатия на второй план. Он отдает должное знаменитой легенде о царских инсигниях, присланных императором Константином Мономахом великому князю Владимиру Всеволодовичу, но рассматривает ее в контексте более общей теории: «яко царство ромейское, еже есть греческое, за многое время... по части приношася в Россию», начиная с крещения Владимира Святого.

Патриарший летописец Сназин идет еще дальше, тщательно подсчитывая, «коль краты руссы прежде Владимира (Святого.— А.Б.) даже до царствия его крестишася». Согласно Римскому-Корсакову, только Владимир Мономах был «великий государь царь» на Руси, законно венчанный цареградским духовенством «в Киеве тем царским венцем». По Сназину же, в соответствии с официально признанной в середине XVI в. (и вошедшей затем в Степенную книгу) версией «Сказания о князьях Владимирских», первым «великим князем» был Рюрик, а «царем и великим князем и самодержцем Росийским» — Владимир Святой. Впрочем, царский чин российского государя «обновлялся», согласно летописцу, неоднократно: Юрием Долгоруким, Даниилом Галицким, Василием Дмитриевичем и последующими «Богом избранными» и «богодарованными наследниками державы царствия».

Идея преемственности русского царства от греческого старательно разрушена в летописи Сназина постоянными напоминаниями о параллельности существования византийского и российского самодержавия. А бегло отмеченному происхождению Рюрика от римского императора Августа отведено весьма небольшое место в истории русской государственности, углубленной на целые тысячелетия, во времена, предшествующие Иову и Моисею. Сназин, как легко обнаружить, опирался на весьма популярные во второй половине XVII в. легенды, со времен Никона развивавшиеся в новгородском митрополичьем и московском патриаршем летописании. Более всего ему импонировала «История еже о начале Руския земли и о создании Новаграда и откуда влечашеся род славянских князей», явившаяся еще на ранней стадии подготовки знаменитого Свода 1652 г. в Новгороде⁸². С тех пор повесть была весьма популярной у себя на родине, в Великом Новгороде⁸³. Она вошла затем в Цветник 1665 г.⁸⁴, в Хронограф Арсения Суханова, Архивский список патриаршего свода 1670-х гг.⁸⁵ и множество списков подготовленного при дворе патриарха Иоакима Хронографа Русского 3-го ряда III-й редакции⁸⁶.

⁸² ГИМ. Музейное собр. № 3058. См.: *Лаврентьев А.В.* К вопросу о списках свода 1652 г. в связи с историей его создания // Проблемы изучения нарративных источников по истории русского средневековья. М., 1982. С. 48—51.

⁸³ Выдержку из нее по «Степенной новгородской» привел *В.Н.Татищев* (История Российская. Т. I. М.-Л., 1962. С. 310—311), а на многочисленность ее списков указал *Н.И.Костомаров* (Северорусские народоправства во времена удельно-вечегового периода. История Новгорода, Пскова и Вятки // Исторические монографии и исследования. Т. 7. СПб., 1886. С. 4—6).

⁸⁴ ГИМ. Синодальное собр. № 908. Повесть цитировалась: *Буслаев Ф.И.* О народной поэзии в древнерусской литературе // Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. II. Древнерусская народная литература и искусство. СПб., 1861.

⁸⁵ РНБ. F.XVII.17; РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД. № 351/800. См.: *Клосс Б.М.* Никоновский свод и русские летописи XVI—XVII веков. М., 1980. С. 282. Прим. 32; *оп же.* Избранные труды. Т. I. Житие Сергия Радонежского. М., 1998. Ч. III. Гл. XIV. Житие Сергия в составе летописных сводов XVI—XVII вв.

⁸⁶ *Попов А.Н.* Обзор хронографов русской редакции. Вып. 2. М., 1869. С. 198—205. Текст опубликован по списку Хронографа 1679 г.: *Попов А.Н.* Изборник... С. 442—447.

«История», старательно наложенная Сидором Сназиным на легендарную хронологию от Потопа, возводила великих князей Славена и Руса к правнукам Афетовым Скифу и Зардану, основавшим в Северном Причерноморье «Скифию Великую». Этого летописцу показалось мало, и он включил в повествование статью на основе популярной повести о Мосохе, сыне Афета, который якобы в 2373 г. от Сотворения мира явился в район над Черным и Азовским морями и там «народи московитов от своего имени»⁸⁷. Получилось, что именно эти московиты и были скифами, коих в 3099 г. объединили и повели на освоение новых территорий легендарные князья Славен и Рус. История основанного в 3113 г. Славенска (позже ставшего Новгородом), переселений и завоеваний славянских племен (вместе с финно-угорскими) начинается в летописи значительно ранее древнееврейской и тем более римской истории. Что же касается истоков государственности, о которых уже столько столетий полемицируют норманисты и антинорманисты, то по патриаршей летописи сам Александр Македонский не решился воевать с владельческими русскими князьями и прислал им грамоту на вечное владение землей и народами от Балтики до Каспия.

Много веков спустя Гостомысл правил огромным государственным образованием, которое Сназин описывает и как обширный племенной союз, и как «Рускую землю». А завещание правителя пригласить для усмирения усобиц «властодержца и государя от роду царьскаго» (им оказался Рюрик) было выполнено, по вычислениям летописца, лишь через четыре столетия после кончины Гостомысла! Впрочем, при обосновании идеи исконного суверенитета Руси как древнейшего в мире государства, Сидор Сназин не был оригинален ни с точки зрения замысла, ни в выборе источников. Разногласия в последней четверти XVII в. возникали главным образом в области критики тех или иных легендарных текстов.

Если, например, Тихон Макарьевский в своей Латухинской степенной (весьма популярной, в авторских и производных редакциях, и в XVIII столетии) просто предпочел старой Степен-

⁸⁷ Повесть опубликована по списку Хронографа конца XVII в. (РГБ. Собр. Румянцева. № 458. Л. 468—470): *Попов А.Н.* Изборник... С. 438—442. Об источниках повести см.: *Попов А.Н.* Обзор хронографов... Вып. 2. С. 203—204.

ной книге тексты из Свода 1652 г., то составитель крупнейшего летописного памятника «Бунташного века» — Новгородской Забелинской летописи — воспользовался исходными материалами к Своду и не преминул попенять автору «Синописа» за смешивание правых сведений о Славене и Русе с недостоверной, по мнению летописца Софийского дома, повестью о Мосохе⁸⁸. Последняя, несмотря на крайний москвоцентризм (а может и благодаря ему), была чрезвычайно популярна. Она особенно привлекала летописцев тем, что приводила Мосоха Афетовича напрямик на берега реки, названной в его честь Москвой. И хотя «един московский народ» населил затем чуть не всю Европу, «истинный же столп языка словенского в Московстей земли».

Повесть о Мосохе была ярко выраженным сочинением учебного историка, сознательно конструировавшего максимально древнюю основу «Московского государства». В ряде хронографов в заглавии повести специально указано, что она составлена «из дву кроник полских, которые свидетельствованы з греческою, и з чешскою, и с угорскою кроникою» (т.е. сверены с греческой, чешской и венгерской хрониками). Глухие отсылки «ко множеству кроник» польских и венгерских есть и в тексте, где фигурируют также «Ксенопон старый писатель» и некий древний «писец римский». Но реально источники повести следует искать преимущественно среди польских авторов, развивавших «сарматскую теорию». Так, «лист» Александра Македонского (отличный по редакции от приведенного в «Истории еже о начале Русския земли»), со ссылкой на чешскую хронику цитируется, как показал еще А.Н.Попов, по Хронике Мартина Бельского.

От теории «Третьего Рима» повесть, увы, не оставляла камня на камне, ибо славяне, они же «Московский народ», живописались и разрушителями Трои (вместе с греками), и основателями Венеции, и насельниками «Римския области» (где их язык затем «извратился»), а также пленителями Филиппа, отца Александра Македонского, завоевателями и владыками Рима доготов. Очевидно, что столь древний и славный народ не нуждался в выведении «царского корени» ни от своего младшего родича-Афетида Августа, ни тем более от поздних византийских императоров. Ряд признаков позволяет полагать, что повесть о Мо-

⁸⁸ См. автограф Новгородской Забелинской летописи: ГИМ. Собр. И.Е. Забелина. № 261. Л. 220—223 об.; ср. л. 11—14 об., 223 об.—227.

сохе возникла даже ранее сказания о Славене и Русе, но бытовали они, несмотря на явные противоречия, вместе. Так, Хронограф 3-го разряда III-й редакции был выделен А.Н.Поповым на основании наличия именно этих сочинений.

В условиях, когда солидные летописцы стремились предложить читателю даже и противоречивые сведения (лишь временами, как составитель Новгородской Забелинской, склоняясь к их критике, или, подобно Сназину, стараясь вовсе избежать явных оценочных сопоставлений), бытование текстов, с которыми обычно связывают теорию «Третьего Рима», не исключалось. О нем свидетельствуют многочисленные списки сочинений XVI века, и прежде всего обширная рукописная традиция Степенной книги. Степенная высоко ценилась и нередко полностью включалась в летописные своды последней четверти XVII в. Но замечания о преемственности «царства» Рима в новом контексте звучали как второстепенные подтверждения очевидной идеи древнего величия славян, Руси и Московского государства.

В этом отношении показательно продолжение редакционной работы над повестью «О зачале царствующаго великаго града Москвы, како исперва зачася». Редактор патриаршего свода 1680-х гг.⁸⁹ первоначально переписывал ее основной текст⁹⁰ с дополнениями по другим редакциям⁹¹. Идея преемственности, сформулированная в первых строках повести, была сохранена редактором в первоизданной чистоте: «Вся убо христианская царства в конец преидоша и снидошася во едино царство нашего великаго государя по пророческим книгам, то есть Российское царство: два убо Рима падоша, третий же стоит, а четвертому не быти. Поистинне же сей град именуется Третий Рим». Надобно только помнить, что уподобление трех Римов основано в повести на «знамени» кровопролития!

⁸⁹ См.: Богданов А.П. Летописец 1686 г. // ТОДРА. Л., 1985. Т. XXXIX. С. 112—114; *он же*. Летописец 1686 г. и патриарший летописный скрипторий // Книжные центры Древней Руси. XVII век. Разные аспекты исследования. СПб., 1994. С. 64—89.

⁹⁰ Ср.: РГБ. Собр. Румянцева. № 413. Л. 119—126; Идея Рима... Приложение. С. 194—197 (доп. статьи на с. 197—199).

⁹¹ Согласно припискам на полях у первого и последнего листа: «Сия повесть свожена где у ково сия повесть услышитца или увидитца, и брано, и свожено, и сходило — толко где справлено речи мало нечто; а сводил не с одново переводу»; «Сей повести где конец, что свожена не в одно время».

Увы, обстоятельства «зачала» Москвы «по пролитии ... кровей многих» оказалось для редактора патриаршего свода более важными, чем мысль, что иные столицы мира тоже основаны на крови и смертоубийстве. Помещенные далее тексты: «О создании царствующаго града Москвы 2 перевод, кое правее всех сказаний» (Л. 126—127), и «третий перевод, кой правее» двух первых (Л. 127—132), — не содержали и следа рассуждений о трех Римах. При этом заметим, что редактор свода по Румянцевскому списку почерпнул переработанный им затем текст повести с упоминанием идеи «Москва — Третий Рим» из протографа⁹² и в следующую редакцию свода этот вариант уже не попал. В отличие от повести, «История или сказание о царстве русском», отобранная редактором Румянцевского кодекса при создании этого огромного комплекса материалов по русской и мировой истории, была в дальнейшем помещена на почетное место между Василиологионом с «Описанием вин, ими же к погибели и разорению царства приходят» — и Степенной книгой, продолженной Новым летописцем и Летописцем 1686 г. до современных составителю событий⁹³.

Некогда популярнейшее «Сказание о князьях владимирских» с «Родством князей русских», легендами о происхождении «кесаря Августа» и его потомка Рюрика, — отразилось лишь в одной из многих редакций патриаршего свода. Оно помещено в приложениях среди переписки с турецким султаном, татарских ярлыков, «Сказания о царе Казарине и его царице» и т.п. занятных «исторических» сочинений⁹⁴. Составитель протографа еще одной крупной патриаршей летописной компиляции, отразившейся в «Хронографце» чудовского иеромонаха Боголепа Адамова⁹⁵ и известной нам по редакциям с Летописцем 1619—1691 гг., также использовал статью об Октавиане Августе, от коего затем произвел князя Рюрика и «корень» дома Романовых⁹⁶.

⁹² Ср.: ГИМ. Синодальное собр. № 153. Л. 1—4.

⁹³ РНБ. F.XVII.16.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД. № 20/25. Л. 841 об.—851, все дополнения на л. 829 об.—884 об.

⁹⁵ *Богданов А.П.* «Хронографец» Боголепа Адамова // ТОДРА. Л., 1988. Т. ХLI. С. 381—399.

⁹⁶ ПСРА. Т. 31. С. 180—205; *Богданов А.П.* Редакции Летописца 1619—1691 гг. // ИИИ СССР. М., 1982. С. 124—151; *он же.* Летописец 1619—1691 гг. // ТОДРА. Л., 1985. Т. XXXIX. С. 111—112.

Но и составитель патриаршей компиляции при Иоакиме, и редакторы времен Адриана использовали легенды о наследии Августа и Мономаховом венце в более широком контексте концепции избранности Московского государства и российских самодержцев среди «всех племен земных». «Часть» России в мире была, по их мнению, предопределена еще со времен Ноя, ибо происхождение Руси и принадлежащего ей «достояния царьского» идет от Ноева сына, «великого в патриарсах». Не менее древней является и роль Москвы как благодарованного исторического ядра России, куда со временем переместился вместе с священными реликвиями и центр мирового православия, непременно зависимого от самодержавия. Все редактирование компиляции показывает стремление патриарших летописцев выделить миссию Москвы, Московского государства, его великих князей и царей, как в строительстве и «распространении» богоизбранной державы, так и в укреплении православной веры.

Краткие сочинения, подобные «Хронографцу» Боголепа Адамова, ясно показывают, что именно среди многочисленных исторических сообщений обширных компиляций представлялось русским книжникам конца XVII в. наиболее важным и ценным. Например, получению Владимиром Мономахом византийских царских инсигний Боголеп придавал большое значение, отметив, что они «и доднесь царьского величества в казне милостию Божиею соблюдаются»⁹⁷. Автор «Хронографца» даже впал в некое противоречие с последующим рассказом об «учинении» современного царского титула Василием III, уверяя, что после Мономаха «наследницы его, от него приимше образ, венчахуса венцем царьским»⁹⁸. Однако во всех сочинениях патриарших книжников подчеркнуто, что инсигнии были *завоеваны* князем Владимиром, «егда ходил войною к Царюграду!» Их получение толкуется автором «Хронографца» именно в качестве свидетельства, что Мономах «бе зело храбр в бранех». Ведь еще Владимир Святой «писася царем и великим князем и

⁹⁷ Фраза из Чина венчания на царство, отсутствовавшая в компиляции — источнике Адамова.

⁹⁸ РГБ. Ф. 218. Собр. Отдела рукописей. № 65. I. Л. 29 об., 32. В компиляции об этом сказано осторожнее: «...и оттоле даже и донныне тем царским венцем венчаются благочестивыя царие, егда помазуются на великое Московское царство...» (РГБ. Ф. 199. Никифоровское собр. № 69. Л. 27 об.).

самодержцем российским», а Византия стала давать дань городам русским уже после войны Олега с императором Львом Премудрым⁹⁹. О родстве Рюрика с кесарем Августом Боголеп (в отличие от источника) вовсе не упоминает. Вместо этого он подробно рассказывает о Гостомысле, правнучка коего, «девица прекрасна и премудра» Ольга, обеспечила родство Рюриковичей с первоначальными русскими князьями.

Само единство римского наследия уже не представлялось Боголепу Адамову несомненным. Например, в выписках из «Хрисмологиона», после записи о царе Константине, говорится, что тогда, «аще и с великим прением между греков и французов, обаче начая царство римское от Короля Великого, аще и донныне пребывает в немец». Посему «цари римлянонемецкие» перечисляются Боголепом так же, как и греческие¹⁰⁰. Уважение к ветви римского наследия, представленной Священной римской империей германской нации, своеобразно выразил один из виднейших деятелей правительства регентства окольничий Ф.Л.Шакловитый. Желая укрепить власть царевны Софьи в глазах московского общества, он в 1689 г. предложил поместить ее коронационный портрет на груди двуглавого орла, на крыльях которого аллегорически изобразить «семь добродетелей» правительницы, подобно тому, как изображены гербы семи курфюрстов на гербе римского императора¹⁰¹. Соответствующие портреты были созданы, гравюру Леонтия Тарасевича отпечатали и распространяли в Москве (на портрете Софьи «с добродетелями» гравера Блотелинга, изданном Шакловитым в Амстердаме, орел отсутствует)¹⁰².

Вспомним, что сочинения и переводы, вышедшие еще при канцлере А.С.Матвееве из стен Посольского приказа, такие как «Хрисмологион», «Титулярник» и творчески использованный

⁹⁹ РГБ. Ф. 218. № 65. I. Л. 27—29 об. Ср.: Никифоровское собр. № 69. Л. 11 об. и след.

¹⁰⁰ РГБ. Ф. 218. № 65. I. Л. 82, 84 об.—86 об. Ср. с принадлежавшим Боголепу Адамову списком «Хрисмологиона»: ГИМ. Собр. Уварова. № 1325 (408). 216 л.

¹⁰¹ Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках / Публ. А. Труворов. Т. I. СПб., 1884. Стлб. 596.

¹⁰² Два «орловых» портрета Софьи хранятся в Государственном историческом музее, один в Русском музее. О гравюрах см. ниже, а разделе «Прообраз политического плаката».

патриаршими летописцами «Василиологион», — отдавали должное суверенитету многих великих мировых держав. В последнем, например, ряд великих иноземных владык начинался с ассирийского царя Нина и оканчивался кесарем Феодосием Великим, после смерти коего «начашася великия беды в Греческом царствии и во церкви Христове. И того ради мы конец царей греческих царя Феодосия поставляем», — заметил книжник, переходя к «степеням» российских самодержцев¹⁰³.

Самому царю Федору Алексеевичу наиболее научной представлялась, согласно «Учению историческому»¹⁰⁴, доступно изложенная Марком Юстином и позже подхваченная польскими авторами древняя концепция четырех мировых монархий. Она, однако, никак не соприкасалась с историей славян и Руси, которую, по мнению ученого самодержца, еще следовало написать «по обычаю историков»: с глубокой древности «по чину и по веком до сих времен». Философствующий царь или царствующий философ (по выражению автора «Учения») справедливо сомневался в «исправности» множества отечественных летописей и повестей¹⁰⁵. Однако чем они были «неисправнее» относительно древних источников, тем ярче выражали широко бытовавшие в последней четверти XVII в. представления россиян о своей истории и месте ее в бытии человечества.

В этом смысле интересны наполненные изрядными фактическими ошибками и, тем не менее, популярные кратчайшие летописцы и хронографы, дающие наиболее обобщенный взгляд на основные этапы русской и мировой истории, а в сумме — пеструю картину разногласия мнений, характерную для России последней четверти «бунташного века». Как и сочинение Боголепа Адамова, новонайденный Хронографец 1682 г. представляет собой не столько популярный памятник, сколько краткие ученые выписки и заметки по византийской и русской истории. Здесь подчеркивается, что Москва заняла место столицы православного мира после взятия Константинополя турками¹⁰⁶.

¹⁰³ РГБ. Собр. Румянцева. № 413. Л. 78; и др. списки.

¹⁰⁴ Оpubл.: *Замысловский Е.Е.* Царствование Федора Алексеевича: Ч. I. Обзор источников. СПб., 1871. Приложения. С. XXXV—XLII.

¹⁰⁵ *Чистякова Е.В., Богданов А.П.* «Да будет потомкам явлено...». С. 3—11.

¹⁰⁶ *Богданов А.П.* Хронографец конца XVII века о Московском восстании 1682 г. // ИИИ СССР. М., 1988. С.101—108. Заметка о Москве и Константинополе: РГАДА. Ф. 196. Собр. Мазурина. № 659. Л. 320.

Составитель ставшего популярным в следующем столетии «Краткого ведения о народе славенороссийском и московском» близко к сердцу воспринял идею последовательной смены мировых монархий. За родословием сынов Ноевых он поместил перечни великих царей израильских, персидских (вавилонских), македонских, египетских, римских и константинопольских, после которых следовало «Зачало в России великому княжению и царем» с Рюрика. Стремление к простоте схемы привело к явным ошибкам. Статьи о Владимире Святом остались в хронографическом повествовании о царстве греческом, то есть до Рюрика, а в рассказе о русском *царствии* сохранились упоминания о византийских императорах¹⁰⁷. В последующих редакциях (XVIII века) эти несоответствия были выправлены началом «царей российских» с Ивана IV¹⁰⁸. Однако не во всех.

В Барсовской редакции «Краткого ведения» текст начинался с рассуждения о причинах образования государств¹⁰⁹. Далее следовали статьи: «Царство Ассирийское»; «Государство Персское»; «Греция»; «Македония»; царство египетское (без заглавия) и «Царство Римское». В рассказ о Македонской державе вставлена популярнейшая среди книжников «Александрия», а после сведений о Первом Риме, значительную часть коих составило, как обычно, повествование о Христе, следуют аналогичные первой редакции «Краткого ведения» (но сохранившиеся не полностью) главы о греческом и российском царстве (с Рюрика).

Так называемый «Костромской летописец» 1680-х гг. свидетельствует, что в «Кратком ведении» был использован более ранний пространный (и восходящий в конечном итоге к Хронографу Русскому) текст «Родословия от Адама перваго дни, и от коего колена его поидоша царие, судия и владельцы». Именно в этом источнике была заложена приведшая к хронологическим несоответствиям схема начала русского царствия от Рюрика *после* завершения линии государей Царьграда¹¹⁰.

¹⁰⁷ ГИМ. Собр. Уварова. № 148. Л. 41 и след.

¹⁰⁸ РГБ. Собр. В.М.Ундольского. № 810. 14 л.; № 811. 31 л.; Собр. Амфилохия. № 76/М—787. Л. 276—291; СПб. ИРИ. Колл. 238. Оп. 1 (5). № 52. Ср. иную компиляцию того же времени и хронологического охвата: РНБ. Собр. Вяземского. Q.ССХI. 237 л.

¹⁰⁹ «Кая вина первеншая бысть, чесо ради людие совокупишася в содружество»: ГИМ. Собр. Барсова. № 2339. Л. 14 и след.

¹¹⁰ РНБ. Собр. Погодина. № 1600. Л. 1—73 (летописец продолжается, с

Позже, в «Летописце от Адама в кругах» (окончательно сложившемся, как и «Краткое ведение», во второй четверти XVIII в. на основе «Летописца выбором»), всем этим государственно-родословным проблемам было найдено логичное решение. Древнейшая мировая история «от Адама» с праотцами, первыми пророками, городами (Вавилоном, Иерусалимом, Троей, Царьградом и Римом) и царями была представлена в двух частях: «Роды ветхозаветные, новозаветные» и т.п. — и «Родословие монархии вселенная». Им соответствовали две части русской истории: «Начало и описание Российской земли» с легендарной тысячелетней историей славянских племен, их правителей и городов (Новгорода, Киева и Москвы) — и «Родословие великих князей, государей царей и императоров Российских» (точнее — два родословия, учитывая тщательно маскировавшийся в XVII в. разрыв династии между Федором Иоанновичем и Романовыми)¹¹¹.

Мировая история свидетельствовала о благодетельности веры и монархии; история отечественная представлялась совершенным осуществлением этих идей. Возможно, именно в таком направлении простирался замысел царя Федора Алексеевича, но в последней четверти XVII в. до его осуществления было еще довольно далеко, по крайней мере, в общественном сознании. Об этом свидетельствует наиболее популярное в конце «бунташного века» произведение, основанное на переработке текста «Летописца выбором» — «Краткий Московский летописец». Здесь были реализованы две тенденции развития сочинения-источника: накопление столичных сведений и стремление представить историю Руси от Адама (отраженное, напр., в Фаддеевском списке «Летописца выбором»¹¹²). Возможно, для решения последней задачи составитель использовал какое-то из отдельно бытовавших малоизученных пока сочинений по ветхозаветному родословию, доведенному до евангельских времен, вроде «Летописца библейного вкратце»¹¹³. Важно отметить, что

дополнениями, до л. 113, причем костромская рукопись также включает выписки из Александрии (Л. 118 об.—148). Ср. также: ГИМ. Собр. Черткова. № 115 А—Б.

¹¹¹ ИРЛИ. Отд. пост. Оп. 23. № 91. 46 л.; РГБ. Ф. 344. Собр. Шибанова. № 268/М—6228. 25 л.; и др. списки.

¹¹² РГБ. Ф. 312. Собр. Фаддеева. № 34. Л. 117—119 об.

¹¹³ На него указывают и поздние памятники, вроде «От летописца Московского», начинающегося с родословия, аналогичного «Краткому»

стремление иметь подобный «Летописец от Сотворения света» было в равной мере свойственно и автору, близкому к кругу придворных литераторов¹¹⁴, и составителю провинциального Краткого Казанского летописца¹¹⁵.

«Краткий московский летописец» соединяет российскую историю с Адамом действительно лаконичным исчислением лет между важнейшими событиями и лицами: Потопом, Столпотворением, Авраамом, Исходом, Давидом и Вавилонским пленением. Владимирская легенда, возводившая «корень» Рюрика к кесарю Августу, оказала на составителя несомненное влияние. От Пленения счет лет ведется до Александра Македонского, а от него — до Августа кесаря. Рюрик прямо называется потомком последнего, а его «сродник» Олег строит град Москву и «садит» в ней князя Юрия Владимировича, «сродника своего». Хронологические неувязки в линии такого «родства» нисколько не смущают летописца. Но так было только в протографе памятника¹¹⁶.

Уже редактор первой сохранившейся рукописи летописца (церковнослужитель, близкий по взглядам к Нарышкиным и патриарху Иоакиму) не понял или не принял версии «Сказания о князьях владимирских», исключив из текста всякое упоминание о Рюрике и его родстве¹¹⁷. Александр и Август остались в первой редакции чисто хронологическими вехами. Во второй редакции «родство» Августа и Рюрика сохранилось, однако выпал Александр, роль коего во владимирской легенде сложнее понять¹¹⁸. Лишь в третьей редакции «Краткого Московского летописца», сохранившейся в списках не старше второй четверти XVIII в., легенда изложена полностью — при одновременном

Московскому летописцу». См.: РГБ. Ф. 214. Собр. Оптиной пустыни. № 241. Л. 121 об.—125.

¹¹⁴ См. «Летописец преименитого царствующаго града Москвы» в сборнике с сочинениями Кариона Истомина, А.А.Виниуса, Дмитрия Ростовского и др.: РНБ. Эрмитажное собр. № 22. Л. 21—29 об.

¹¹⁵ РГБ. Ф. 228. Собр. Пискарева. № 185. Л. 1—107 об.

¹¹⁶ Об истории текста см.: *Богданов А.П.* Краткий Московский летописец // ИИИ СССР. М., 1991. С. 140—160 (с публикацией второй и третьей редакции).

¹¹⁷ *Буганов В.И.* Краткий Московский летописец конца XVII в. из Ивановского областного краеведческого музея // ЛХ за 1976 г. М., 1976. С. 293 (с публикацией текста).

¹¹⁸ Он якобы имеет отношение к основанию Царьграда через свою сводную сестру, но константинопольское наследство не отражено в «Кратком Московском летописце» вовсе.

отказе от второй, более близкой авторам традиционных исторических сочинений XVII в. линии включения российской истории в хронологию от Адама, также проводившейся от Августа. Ведь «при том Августе кесаре римском» происходили евангельские события от Рождества до Успения Богородицы, с перенесения иконы коей во Владимир «ис Царяграда великим князем Андреем Боголюбским» в 1155 г. любили начинать повествование о русской истории редакторы «Летописца выбором» и других популярных во всех слоях общества кратких памятников.

Образ Владимирской Богоматери, написанный, по преданию, самолично евангелистом Лукой, зримо воплощал идею России как счастливого «удела пресвятой Богородицы», находящегося под особым божественным покровительством: мысль, свойственная, вообще говоря, разным христианским народам. Описание появления на Руси чудотворной иконы Богородицы кисти апостола Луки сразу же после статьи об Успении Девы Марии ясно говорило, что в глазах многих россиян, редакторов, переписчиков и читателей «Краткого Московского летописца», отечественная история являлась непосредственным продолжением истории священной. Образ Владимирской Богоматери прославлен на Руси паче иных чудесами государственными, прежде всего дарованием дружинам русских князей преславных побед над «злбожными татарами», утишением мятежей и междоусобиц, не говоря уже о самоличном, практически без помощи воинства, ограждении страны Богородицей от нашествия ужасных полчищ Тимура Тамерлана.

Даже Игнатий Римский-Корсаков, в обосновании особой миссии России вовсе не упоминавший о наследии Первого Рима, публично признавал, что «православное Великороссийское государство, жребий самая Богоматере, ея помощью разширися, ея пособием утвердися, ея хранением в своей крепости доселе пребывает и ея утверждением врагы своя и супостаты преславно побеждает». Однако и идея жребия Богоматери, как и концепция имперского наследия, не занимает сколько-нибудь существенного места в историко-публицистической концепции Игнатия. Единственное упоминание этой идеи, заданное темой «Слова к православному воинству о помощи пресвятыя Богородицы», включено в общехристианские рамки. «Всяк град и страна христианская ея святым стоит заступлением», — говорил Римский-Корсаков прежде, чем упомянуть о ее российском «жре-

бии». «Вся вселенная негли древле бы от истины Божия за грехи наша была истреблена, — заключил оратор, — аще бы не хodataйством своим Мати милосердия к милости благоутробие Его преклоняла»¹¹⁹.

Авторы больших и насыщенных материалом летописей были весьма довольны своей историей, нисколько не претендуя на внешнюю экспансию (что касается повергнутых «татарских царств» и земель, отвоеванных у Речи Посполитой — супротивники сами виноваты: почто неправедно жили и утесняли «христоименитых» русских людей?!). При таких, похоже, вообще характерных для россиян настроениях понятно, почему в молитву Филарета в чинах венчания пришлось внести мысль о покорении не просто всех встречных и поперечных «языков» — а именно «брани хотящих», прямо-таки напрашивающихся на умиротворение под крыльями двуглавого орла.

Убеждение, что Российское царство самое славное и грозное, сквозит и в крупных сочинениях, описывающих события отечественной истории на фоне и в связи с историей других великих держав. Что же говорить о кратких летописцах, зачастую отражающих известное по фольклору и народной повести «переходного времени» представление, будто за пределами Руси находятся царства сказочные или хотя бы не вполне реальные, где Бог знает, что может происходить?!¹²⁰ Для сочинителей множества кратких летописцев «внешней», выходящей за рубежи Святорусской земли истории как бы не существовало. Отсель начинались сказки и бывальщины. Из-за гор и морей являлись различные орды и крестоносцы, страшила и диковины; в тридевятые царства отправлялись изумленные странники и сказочные царевичи, туда стремились, не покидая самоходных печей, наши Емели.

Многие из владевших грамотой россиян понимали, что Земля круглая, что в Америке живут не буквальные «антиподы» — а голые и голодные краснокожие племена. При дворе регулярно слушали сводки зарубежных вестей (которые, как показал Б.Н.Морозов, в списках доходили и до крестьян Севера). Купцы, судя по изобилию рукописных словариков, учили своих от-

¹¹⁹ Памятники. С. 178.

¹²⁰ Ср.: *Демин А.С.* Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993.

прысков иноземным речам. Четыре пятых армии носило оружие и форму общеевропейского образца. Да только рассказы побывавших вонне воспринимались россиянами в массе подобно повести, что увидел некий западный любознатец, выглянувший за плоский круг Земли. Даже испытанным воинам становилось не по себе, когда они оставляли Русскую землю «за холмом», будто далее начинались иные законы природы и жили племена неведомые (хотя какие уж неведомые, например, половцы?). Профессиональные дипломаты испытывали сильнейшую ностальгию, вроде того посланника в Стамбуле, что заставлял посольского подьячего надевать сарафан и петь «Во поле березка стояла...», заливая тоску водкой, со слезою смешанной.

Пришедшее из потаенной глубины веков поклонение Матери сырой земле в христианской России, уделе Богородицы, освященной ее чудотворным Владимирским образом, незримо направляло мысли россиян. Могучее сознание своей земли было свойственно и первопроходцам, отмечавшим обретение новых огромных пространств не столько памятными знаками (вроде знаменитого «Русского теса» Ермака Тимофеевича через Уральский хребет) — сколько расширением границы Руси в душах своих. Вопрос требует детального изучения, однако уже сейчас можно предполагать, что каждый гребок весла морехода, каждый отпечаток лаптя первопроходца, не говоря уже о чудесах новых подвижников, отмечал Русскую землю — отнюдь не завоевание земли чуждой и потому россиянину для жизни непригодной. Даже в лесах под новосрубленным Албазинским острогом, когда поднаперло воинство Цинской империи к Амуру-батьюшке, выехал навстречу казакам святой псковский князь Довмонт, помог добыть пушнину и ободрил постоять за святую Русь верой и правдою. Литературоведческие изыскания было бы полезно связывать с летописцами, в которых фигурируют Адам, Ной, Богородица, — и за сим история хранимой ее чудотворной иконой Святорусской земли. Остающийся за пределами истории мир, возможно, существует и даже «знаем» (например, по хронографам, космографиям, атласам и т.п.). Только значения он не имеет почти никакого. В текст может быть включена и огромная — притом чрезвычайно популярная среди читателей — «Александрия»; но можно ли поручиться, что переписчик относился к ней иначе, чем к повести «О Бове королевиче»?

Изоляционистская тенденция, при всей ее внутренней комфортности, российской благожелательности к разнообразным народам, верованиям и обычаям (опиравшейся на отсутствие необходимости защищать свою самооценку) — увы, неизменно означала застой. В последней четверти XVII в. это блестяще продемонстрировал пример патриарха Иоакима, стойко сопротивлявшегося всем, в том числе и весьма полезным Русской православной церкви приобретениям и реформам. Исключение составило только подчинение власти московского патриарха митрополии Киевской (находившейся ранее под юрисдикцией Константинопольского патриархата), а вместе с ней — и всего православия на землях Речи Посполитой по договорам 1686 г. Мало того, что московский патриарший двор бурно торжествовал¹²¹. — Сообщением о рукоположении в Москве 8 ноября 1686 г. Киевского митрополита Гедеона Святополка Четвертинского заканчивался специально созданный Летописец 1686 г., венчавший этим событием крупный патриарший летописный свод¹²², последовавший за сводом 1670-х гг.¹²³

Патриарх не стремился к территориальным приобретениям вообще; и на Украине, еще в древности «отпавшей» от правой веры (как подчеркнул его летописец Сназин), а ныне несущей в себе опасную искру «западного зломысленного мудрования» — в особенности. В отличие от Римского-Корсакова, Иоаким не считал, что «Малая и Белая Русь» возвращены в «прежнее царствование» Алексеем Михайловичем: Летописец 1686 г. отметил, что до 1686 г. вопрос о принадлежности Киева юридически решался в пользу Речи Посполитой. Удовлетворение Иоакима было тем паче странно, что радостью он был обязан не собственному «всякому тщанию»¹²⁴, а усердным дипломатическим мерам не-

¹²¹ Выписку из патриаршей богомольной грамоты и отклики современников на это торжество см.: Книга записная. Томск, 1973. С. 76; ДРВ. Ч. VII. СПб., 1775. С. 338; РНБ. Погодина 1559. Л. 42; ГИМ. Вострякова 852. Л. 369; Черниговская летопись по новооткрытому списку // Киевская старина. 1890. № 5. С. 88; *Левицкий О.* Летопись Самовидца по новооткрытым спискам. Киев, 1878. С. 163.

¹²² *Богданов А.П.* Летописец 1686 г. // ТОДРА. Л., 1985. Т. XXXIX. С. 112—114.

¹²³ *Клосс Б.М.* Никоновский свод... С. 280 и след.

¹²⁴ Как старался уверить Киевский митрополит Варлаам Ясинский в составленном в 1700 г. историко-публицистическом сборнике «Икона, или изображение великие соборные Церкви Всероссийскаго и

навидимого им правительства регентства, сумевшего, хотя и не сразу, уломать хитроумных восточных патриархов¹²⁵. Более того, подчинение Киевскому митрополиту православного духовенства Речи Посполитой было узаконено именно в договоре о Вечном мире, по коему Россия вступала в Священную лигу для войны с «агарянами»¹²⁶ — той самой войны, против которой, как увидим, усердно проповедовал Московский патриарх!

Разумеется, патриаршие летописцы не преминули подлить свою ложку дегтя в бочку правительственного меда, подчеркнув клятвопреступный характер действий российской дипломатии, трижды подтверждавшей «пред святым Евангелием свое царское обещание... что Киев (и Смоленск.— А.Б.) отдать королю польскому». В.В.Голицын и царица Софья окончательно лишили поляков этой надежды — и как ни рыдал король Ян Собеский, а вынужден был ратифицировать договор после крупных поражений в Молдавии и при Каменце, под угрозой нового нашествия басурман в пределы Речи Посполитой. Разрыв Бахчисарайского мирного договора России с Турцией и Крымом (1681), благоразумно заключенного царем Федором Алексеевичем, когда его коварно бросили союзники, стоил сей королевской «жертвы». Между тем в Летописце 1686 г. подчеркивается, что именно нарушение «перемирных лет», клятвопреступление было причиной гнева Божия — и страшного поражения России в войне 1632—1634 г. (которую начал патриарх Филарет, в результате провала померев от горя и обиды).

всех северных стран патриарша престола»: РГБ. Ф. 29. Собр. И.Д. Беяева. № 1625.

¹²⁵ Сложные переговоры Посольского приказа, в которых принимала участие царица Софья, начались еще в 1682 г. и, после ряда неудач, в результате блестяще проведенного дипломатического маневра завершились на рубеже 1685/1686 гг. Им посвящена вся посольская книга 20 и часть книги 21 о сношениях с Турцией и другие дела (РГАДА. Греческие дела. Св. 7195 г. № 3 и др.). Наиболее полный обзор переговоров см.: *Кантевер Н.Ф.* Характер отношений... С. 460—466.

¹²⁶ О нем подробнее см. ниже раздел «Россия в Священной лиге». См. также: *Греков И.Б.* «Вечный мир» 1686 г. // Краткие сообщения института славяноведения АН СССР. М., 1951. № 2; *Богданов А.П.* Василий Васильевич Голицын // «Око всей Великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI—XVII вв. М., 1989. С. 202—214; *он же.* Первые российские дипломаты. М., 1991. С. 47—56.

Позиция Иоакима в области внешней политики тем более любопытна, что, радуясь получению власти над Киевской митрополией и православием на землях Речи Посполитой, при сем обличая добившихся этого дипломатов и предрекая поражение в войне, вступление в которую России было главным условием этих приобретений, патриарх был сторонником мира соседних славянских государств. Мира, в основе которого лежал союз против угрозы со стороны Турции и Крыма! Так, деятельность канцлера А.Л.Ордина-Нащокина — яростно добивавшегося мира с Речью Посполитой пусть даже и ценой уступки Киева¹²⁷ — высоко оценивается и подробно описывается в патриаршем летописце. Тонкость состояла в том, что Нащокин был склонен на уступки (а правительство регентства обошлось без оных) ради военно-политического союза России и Польши. Иоаким же «отличился» еще на русско-польских переговорах 1678 г., потребовав уступить Речи Посполитой города и казну ради мира, при том исключив (как и хотели поляки) статью о союзе. «Лихи на нас были ближние бояре... — говорили потом королевские послы,— но теперь дай Бог здоровья патриарху Московскому, он... государя духовными беседами склонил к вечному миру с нами!»¹²⁸ Драматическое выступление Иоакима в пользу мира при любых уступках и с единственным условием охранения православия в Речи Посполитой выглядело вполне предательски — особенно учитывая, что функцию защиты православия царь Федор и так считал безусловной.

На тяжелых переговорах о мире, когда поляки грозили войной, государь отказался даже говорить, если не будет снята статья о допущении в России католического богослужения. Царь согласен был обсуждать судьбу Киева и иных земель, но о вере «сказал, чтоб и помину не было!» Выступление патриарха на стороне поляков под предлогом защиты православия было, по

¹²⁷ Подробнее см.: *Галактионов И.В., Чистякова Е.В.* А.Л.Ордин-Нащокин — русский дипломат XVII в. М., 1961.

¹²⁸ Подробнее о переговорах см.: РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. Книги 186—188; *Таннер, Бернгард*. Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. // ЧОИДР. 1891. Кн. 3 (158). Отд. 3. С. I—XI. 1—203. Цит. с. 82; *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей в царствование Федора Алексеевича // ЖМНП. 1888. № 1; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. VII. Т. 13. М., 1962. С. 219; и др.

меньшей мере, неуместно. Послы Речи Посполитой требовали вернуть им Киев, и Иоаким, похоже, не имел ничего против этого ужасного для православных украинцев условия. Неуважение, выказываемое позже московским архипастырем к украинским архиереям (оборонявшим православие от наступления католицизма с его ударным отрядом ученых иезуитов), огульное объявление их «латинствующими еретиками» (!) — все говорило о страхе Иоакима перед украинской схоластической теологией.

«Велия радость» присоединения Киевской митрополии объяснялась именно получением *власти* над непокорными киевлянами¹²⁹. Не случайно Киевским митрополитом в Москве был поставлен подозрительный с точки зрения благочестия, зато послушный Гедеон, а не десятилетиями исполнявший обязанности местоблюстителя Киевского престола твердый в вере и просвещенный Лазарь Баранович, который усилиями Иоакима и Гедеона стал (по собственному признанию) «яко мертвый забвен»¹³⁰, вследствие чего и втянулся в политическую борьбу¹³¹. Возможно, в расширении власти и закреплении таким (силовым) путем своего авторитета в православии русском (о славянском со времен Арсения Суханова церковные власти старались не распространяться), а за счет умаления Константинопольской патриархии (отнятием ее самой обширной области) — и на православном Востоке, кроется причина радостного торжества патриарха Иоакима вопреки его обыкновенному изоляционизму при окончательном закреплении Малой Руси в составе Российского государства.

Между тем, неприятие Иоакимом идеи оборонительного союза с Речью Посполитой и в особенности войны против общих неприятелей-басурман, со временем усиливалось. Первоначально, в тяжелейшие годы войны России один на один с Турцией и Крымом (после позорного сепаратного стовора поляков с неприятелем) патриарх издал последование молебного пения «Во время нахождения супостатов» (М., 1677) и санкционировал цар-

¹²⁹ Подробно см.: *Богданов А.П.* Русские патриархи. М., 1999. Т. 2.

¹³⁰ Ср.: Письма Лазаря Барановича. Изд. 2-е. Чернигов. 1865; *Соловьев С.М.* История России. М., 1962. Кн. 7. С. 402—403, 434—435; *Сумцов Н.Ф.* К истории южнорусской литературы семнадцатого столетия. Киев. [б.г.]. Вып. 1. С. 160—161, 164—170, 173—178.

¹³¹ *Богданов А.П.* Политическая гравюра в России периода регентства Софьи Алексеевны // ИОИ за 1981 г. М., 1982. С. 235—237.

ские указы 1678—1680 гг. об эстраординарных налогах «на избавление св. Божиих церквей и для сохранения православных христиан... против наступления турецкого султана»¹³². Но уже во второй половине 1680-х гг., когда Россия воевала вместе с Речью Посполитой, Империей и Венецией под благословением папы Римского, а правительство регентства допустило столь резко отвергнутое царем Федором католическо-лютеранское богослужение в Москве, изоляционизм патриарха Иоакима расцвел ярким цветом, вплоть до публичного объявления о погибельности войны с «агарянами». — Против которых, по мнению патриарха, воевать было собственно не зачем, как незачем России вести вообще какие-либо войны, связанные с возможностью территориальных приобретений и нарушения завершенности того земного Христова царствия, которое Святая Русь собою являет и коее требует неусыпного охранения от всякой искры тлетворного «разума».

МИР И ВОЙНА

Имперские амбиции Игнатия Римского-Корсакова с высот нашего времени (если допустить, что XX век отличается прогрессом в области гуманизма) проигрывают в сравнении с пламенными обличениями бедствий войны в проповедных речах патриарха Иоакима. Архипастырь (а точнее сказать — его талантливый референт Карион Истомирин) взывал прямо к душам россиян, испокон веков произрастающих в убеждении, что можно перенести все — «лишь бы не было войны». Между тем и архимандрит Игнатий, как русский человек (вослед всем без исключения летописцам), признавал мир высшей жизненной ценности. Разница состояла лишь в представлении, что есть истинный мир и, соответственно, чем является в человеческой жизни война.

Целостную систему взглядов на войну предложил учитель царевичей Алексея и Федора (а предположительно и царевны Софьи) Симеон Полоцкий в своем трактате «*Беседа о брани*»¹³³.

¹³² ПСЗ-I. № 750, 799, 804; АИ. Т. V. СПб., 1842. № 23, 29, 39, 42; ДАИ. Т. 8. СПб., 1862. № 28, 40.

¹³³ ГИМ. Синодальное собр. № 660. Л. 183—198. В целом его позиции в вопросах войны и мира рассмотрены: *Лузиков В.М.* Общественно-

Посвятившему теме войны немало стихотворных строк и неоднократно обращавшемуся к ней в проповедях Симеону была не чужда мысль, что дьявол, этот «враг мира», разрушает мир и досаждает людям бранью «попущением Божиим» за человеческие грехи. Это нормативное суждение дополнялось тезисом о людской жадности, побуждающей стремиться к присвоению чужого («Желание богатств брани возбуждает» и т.п.). Хотя Бог не дал человеку природных орудий нападения и защиты, охваченные жадностью люди производят оружие для уничтожения себе подобных, хотя нельзя осуждать тех, кто применяет оружие для защиты от врагов. Лишь когда вместо «моего» и «твоего» в человеческой речи будет слышаться «наше», «тогда желанный мир во мире будет». Но это, как понимал просветитель, мечты. В реальном же мире война часто может быть не только неизбежна, но и необходима, праведна. Более того, еретичеством было бы объявлять все вообще войны нечестивым злом¹³⁴.

В «Беседе о брани» Симеон Полоцкий осудил позицию Эразма Роттердамского, утверждавшего, будто учение Христа запрещает христианам вести какие бы то ни было войны. Симеон отрицает мысль Эразма, что «Христос превозносил мир, из всех вещей — наилучшую, и порицал войну, вещь наиболее пагубную»¹³⁵. Опираясь на тексты Ветхого и Нового заветов, Полоц-

политические взгляды Симеона Полоцкого // Научные труды по философии Белорусского гос. ун-та им. В.И.Ленина. Вып. 2. Ч. 2. № 46. Минск, 1958. С. 25-36; *Пушкарев А.Н.* Общественно-политическая мысль России: Вторая половина XVII века. Очерки истории. М., 1982. С. 202—212, далее цит. с. 203, 205—206. О «Беседе» см. также: *Робинсон А.Н.* Стиль достоверности // Культурное наследие Древней Руси. Л., 1976. С. 230—234; и др.

¹³⁴ См. тексты: *Симеон Полоцкий.* «Орел Российский» / Публ. *Н.А.Смирнов.* СПб., 1915; *он же.* Избранные сочинения / Публ. *И.П.Еремин.* М.-Л., 1953; *он же.* Вирши / Публ. *В.К.Былинкин, Л.У.Звонарева.* Минск, 1990; *Кориунау А.Ф.* Хрэстаматыя па старажытнай беларускай літаратуры. Мінск, 1959; *Пузиков В.М.* Стихи Симеона Полоцкого // Из истории философской и общественно-политической мысли Белоруссии: Избранные произведения XVI — начала XIX вв. Минск., 1962; *Прашкович Н.И.* Из ранних декламаций Симеона Полоцкого («Метры» и «Диалог краткий») // ТОДРА. Т. XXI. М.-Л., 1965; Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. / Публ. *А.М. Панченко.* Л., 1970; и др.

¹³⁵ Ср.: *Роттердамский, Эразм.* Жалоба мира // Вопросы философии. 1955. № 5. С. 124—137 (с указ. всех его антивоенных трактатов).

кий доказывает, что Бог запрещает далеко не всякую войну: «Свободно есть царство граждане своя защищати». Защита от нападения вообще является *естественным законом*, «а занеже то закон есть естества, никакo верить мощно есть, еже ему евангелием упразднену быти». Война противоположна миру, но она же может быть средством, путем к миру. Отрицательно следует относиться к той войне, которая ведет к миру злomu; положительно — к праведной войне, посредством которой устанавливается *добрый мир*.

Праведность войны Симеон Полоцкий определяет соблюдением четырех важнейших условий. Первое из них — объявление войны законной высшей государственной властью. Только она может «объявить брань», чтобы державе «обиды явные отразити». Вторым условием является содержание этих «обид»: справедливой причиной войны может стать лишь ущерб, наносимый неприятелем всему государству, всем подданным. Начинать войну из-за сомнительной причины — грех. Третье условие — *добрая* цель войны; таковой может быть лишь стремление к установлению *доброго мира*. Иные цели, например, расширение государства и завоевание новых земель, Симеон *теоретически* порицает. Добрая цель подразумевает, кроме того, что столь бедственное средство, как война, используется лишь по исчерпанию всех мирных средств решения конфликта. Наконец, четвертым условием является «приличный способ» ведения войны: сражаться следует лишь с носящими оружие; нельзя убивать, грабить и притеснять мирных жителей, детей, жен, стариков, монахов, купцов, крестьян и т.п. Четыре условия выстроены иерархически, но нарушение любого из них превращает войну в *неправедную*.

Теоретическое порицание Симеоном Полоцким *расширения государства* как цели войны вовсе не значило, что он исповедовал идею святости *существующих* границ. Очевидно, что сами границы могли быть установлены несправедливо, неправедно. В таком случае война за *возвращение* своих земель государем, исчерпавшим мирные средства, достойна всяческих похвал. Не даром при первой же встрече с царем Алексеем Михайловичем, явившимся во главе полков в отвоеванный у поляков Полоцк, Симеон славил воинов-освободителей:

«Вы з неволи увесь русийский народ свободили
И ереси из земли давной русской скоренили».

Национально-государственное единство Великой, Малой и Белой России неразделимо для поэта с единством конфессиональным, причем в лоне всей Восточной православной Церкви (ведь православное духовенство Белоруссии и Украины относилось в его время к епархии Константинопольского, а не Московского патриарха). Однако, именно российского *царя* в многочисленных поэтических сочинениях Симеона

«Лобзает вся Россия Белая з Малою,

Вери просветится светом под тобою».

Полоцкий, как показали исследователи его богатого творческого наследия, много сделал для идеологического обоснования воссоединения Украины и Белоруссии с Россией. Вполне справедливыми, на его взгляд, были и прибалтийские претензии царя Алексея Михайловича. Например, в поэме «Орел Российский» мыслитель призывал государя «расширить свою власть морем и землею» над всей польской Лифляндией. Когда «с середины 70-х годов XVII в. борьба с Турцией стала главным направлением внешней политики России»¹³⁶, Симеон Полоцкий, как подчеркнул Л.Н.Пушкарев, обратился к проблеме «борьбы с усиливающейся агрессией Турции». В связи с началом войны против Османской империи (1673) он просил царя Алексея Михайловича вступить за Украину, на *польской* части которой (согласно Андрусовскому перемирию)

«Турчин всегордый со вселютым ханом

На мучительство бедным христианом

Многие грады уже разорил есть,

Божие дома в пепел обратил есть,

Без числа люди во плен похищени,

Такожде мечем мнози убиени».

К воцарившемуся в 1676 г. своему ученику Федору Алексеевичу поэт обращается с призывом «мечем поразити» агрессора, захватившего уже много «царств» и ныне «прелюте зияющего» на царство Российское (в «Песне о святом Феодоре Стратилате»). Другой ученик Полоцкого, Сильвестр Медведев, продолжая просветительский труд учителя и активно выступая в качестве придворного поэта, в 1681 г. желал царю Федору, чтобы Господь:

¹³⁶ Алтатов А.М. Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. // История и историки. М., 1966. С. 113.

«Премрачную же луну Турские державы
Да просветит своя светом вскоре славы»¹³⁷.

И Симеон Полоцкий, и Сильвестр Медведев не сомневались в конечном сокрушении Османской империи и освобождении поработенных ею *православных* народов. Вопрос стоял лишь о том, насколько «вскоре» осуществится эта справедливая миссия России и когда, наконец, наступит долгожданный *добрый мир*.

Как православный государь не считал для себя зазорным договариваться о мире с турецким султаном, так патриарх Иоаким по просьбе Федора Алексеевича обращался в декабре 1678 г. к стамбульскому муфтию, признавая в нем законного духовного главу мусульман, дабы совместно остановить имперские устремления двух держав:

«Надеемся,— писал Иоаким,— что вы, первый и начальнейший блюститель мусульманского закона, на показание своей духовности, о покое и тишине всенародной большой подвиг свой и учение предложите, и всяким образом хитростно военное расширение удержите, и плод в том правды пред Господа Бога в дар принести похочете, и народам своим милость и покой ходатайством у султанова величества упросите, и *рати... пресечете*» (выделено мной.— А.Б.)¹³⁸.

Действительно, исходная точка определения *мира* во всех рассуждениях XVII в. — есть отсутствие *войны*. Позиция Иоакима в отношении войны безупречна. Война в его проповедях представляется самым страшным бедствием, какое только может обрушиться на род человеческий. Она ужаснее голода, эпидемий и стихийных бедствий, во-первых, с точки зрения опустошительности:

«Никогда убо толико глады и моры, огни и звери, реки и моря людей погубиша, яко меч военный и огнестрельныя козни пожроша. Зане в малыя часы превеликия множества народа острием меча и огнепалным оружием падоша. И земли вконец нежителством опустошишася, и во иноверныя языки горко пле-

¹³⁷ «Стихи крассогласны в похвалу преподобныя мученицы Евдокии» опубл.: Панченко А.М. Материалы по древнерусской поэзии // ТОДРА. Т. XXVIII. Л., 1974. См. также «Благожелательное приветствие» на рождение царевича Илии Федоровича и поэму на второй брак царя: *Дурново Н.Н.* Приветство брачное Сильвестра Медведева // Записки Харьковского ун-та. 1912. № 3; и др.

¹³⁸ *Соловьев С.М.* История России. Кн. VII. Т.13. М., 1993. С. 215.

нишася всякаго рода и возраста. Неисчислимая бо военных пагублений во Святом писании и летописях обретаеся»¹³⁹.

Война ужаснее всего и в моральном смысле: если другие бедствия суть прямые наказания Божии, то их легче терпеть с надеждой на милосердие Отца небесного. «Егда же войну и неприятелей на ны попускает — тогда рукою неприятелей наших немилосердно биемся и разоряемся всеконечно. Тем же легчайша рука Отцева, неже(ли) злаго неприятеля» (С. 125). Вполне в духе Эразма Роттердамского патриарх Московский обличает любую войну, войну как таковую. Война вообще проистекает из человеческой греховности, в особенности — из алчности и желания чужого добра; резня военная приравнивается патриархом к убийству домашнему, семейному восстанию брата на брата и чад на родителей (С. 119).

При этом начатая правительством война с Турцией и Крымом, неведомо, относится ли к наказанию за грехи и приведет ли к спасению или гибели? Является ли вселенским катаклизмом? Служит ли необходимой защитой от «беззаконных» и «бесовских» магометан (ненависть Иоакима к мусульманам прорывается даже здесь) — или особенно погибельным завоевательным походом? При помощи витиеватого пера Кариона Истомина патриарх столь запутал вопрос, что слушателям ясно было одно: такое страшное бедствие, как война, России не нужно! Собственно, она не нужна и самим «варварам-махометанам»: «Зане Российскаго государства с оными злыми варвары о земли поселения брани бы творити не о чем, разстояния бо имать до предел доволное» (С. 120).

Только по злобе к Христову имени, как и предсказывал Господь, россияне «ненавидятся от беззаконных и проклятых в безбожности народов... И непрестанно братию нашу мечем пожидают и пленуют, и государство благочестивых великих государей наших царей разоряют всеконечно и пустошат многая лета непрестанно». Что (изумительно слышать от изоляциониста) относится и ко всем христианам: «где ли имя Христово имяну-

¹³⁹ Цитируется *Слово* патриарха Иоакима 21 февраля 1687 г., произнесенное им, согласно приписке Кариона Истомина на черновом автографе сочинения, «в соборной церкви пред молебном при благочестивых царех и царевне бояром и воеводам в полки идущым». Памятники. С.125 (и коммент. на с.270—272). Далее ссылки на эту публикацию речей Иоакима и Игнатия в тексте.

ется в людех, всюду таковии дивии басурмани люди Божия воюют и погубляют непрестанно, и пустошат многия страны и государства, и несносныя тяжести людем христианским сотворяют, яко вправду от таковаго их проклятаго безчеловечия и пагубнаго воевания не едина страна христианская погиге, не едина запусте, не едина разорися и обагрися кровию» (С. 119—120).

Гибель на брани и в плену, гибель телесная и душевная — главные результаты этих войн. Особенно губительна война *наступательная*: «ибо в первых сами себе люди, идуще из страны в страну, изнуждают, убыток и убожество носят; второе — недостаток и нужду всякую зело терпят и другим во взятии требования (конфискации. — А.Б.) в дороге творят; третье — от уныния и скорби в пьянстве погибают; четвертое — в нечистотах сквернятся; пятое — гневом Божиим за неправды мечу и огненнорелльному побиению предаются» (С. 124).

Воистину, речь патриарха заставляла задуматься над заданными им вопросами: «Государство благочестивое и веру православную от агарянского безбожия и житие наше не должно ли защищать? И братии своей христианом помогати и свободдати языческаго пленения и разорения, не велит ли закон?» Закон-то велит, к тому же варвары, «оних погубивше, и нас до конца подвигнутся разоряти» (С. 120). Только ужасы войны представлены Иоакимом рельефно, цели ее и причины — донельзя туманно, результаты же — угрожающе: «Аще убо и по воли Божией брани бывают, но чесого ради, во благое ли, или в пагубление за грехи человеческия и неправды, мало разумеют...» (С. 129).

И это говорилось в лицо государям и царевне Софье, всему правительству и командному составу армии при официальных проходах полков в тяжкий поход на Крым! А в обычных праздничных проповедях этого периода предречения поражения затеи ненавидимого Иоакимом правительства регентства звучали чуть ли не открытым текстом. Но общая идея: что Российскому царству не нужны никакие войны (так же, как и никакие перемены), — проходила в выступлениях патриарха, по библейскому выражению, «красной нитью». *Добрый мир* для Иоакима в прямом смысле — *отсутствие войны*.

Близкий друг патриарха Игнатий Римский-Корсаков понимал «добрый», справедливый, истинный мир по иному. «Даруй нам глубокий и неотъемлемый мир!» — молил он Господа, чтобы «все люди твои» могли пройти свой земной путь «в тишине»,

«во всяком благочестии и чистоте». Такой постоянный мир и душевный покой связан с отсутствием *опасности войны* и посему речь о нем Игнатий завел непосредственно после молитвы о могуществе «православных и верных наших царей». В «*Слове благочестивому и христолюбивому российскому воинству*» оратор просил Бога «осенить над главою их в день брани, укрепить их мышцу, возвысить их десницу, удержавить их царство, *покорить им вся варварския языки, брани хотящия!*» (С. 171).

Также и в «*Слове к православному воинству о помощи Пресвятыя Богородицы*» Игнатий подчеркнул, что самодержцы и царица Софья отправляют полки в Крымский поход, ревнуя о благочестии и поборая за православную веру, «тщаливе защищая едину святую соборную апостолскую Церковь, любезне заступающе православныя христианы», как стражи, врученные от Бога Российской державе. Православные воины должны, по словам публициста, сражаться ныне, «жены ваша и любимая чада от расхищения и плена агарянского *предсоблюдающе*», то есть избавляя страну от будущих напастей. Цари «посылают вы, — объяснял ратоборцам Игнатий, — да Божиєю благодатию, Царицы небесныя помощию, теплыми российских чудотворцов молитвами и всех святых заступлением, умным воевод и начальных промыслом, а вашим послушанием и от Бога данным храбрством — укротите стремление агарянское, воспятите лютое их на ны уготование и лукавыя их советы суетны и безделны сотворите». Речь прямо идет о превентивном нападении «на лютыя честнаго креста Господня ненавистники, и на присныя всех христоименитых людей супостаты, разорители и мучители» (С. 178—179).

Ярко выраженный экспансионизм Игнатия Римского-Корсакова, столь проигрывающий миролюбивой гуманистической позиции Иоакима, опирается, однако, на реалии векового противостояния креста и полумесяца. Увы, и геополитическая проблема, и концепции ее решения столь мало изменились за прошедшие столетия, что даже риторические обороты сторонников и противников превентивных «оборонительных» действий остаются прежними.

Поскольку деление на мусульман и христиан (и последних по конфессиям) является в геополитике реальным признаком опознания «свой-чужой», попытки уклониться от сего факта в принятии государственных решений остаются не более чем наивным и часто вредоносным идеализмом. — Как бы ни хоте-

лось, повторяю, избежать столь грустного отклонения от чистой и светлой идеи космополитического братства.

Позиция русского мыслителя XVII в. по крайней мере, логична и, как показало время, реализуема. Более чем столетний мир на Кавказе и много десятилетняя пауза в перманентной резне, свойственной Средней Азии, показали впоследствии, что предложение Игнатия обезопасить Российское государство от внешней опасности путем принятия потенциальных агрессоров под крылья двуглавого орла было вполне реалистично. В конце концов, публицист и историк опирался на весьма обширный опыт взаимоотношений с мусульманами и язычниками в процессе продвижения границ России от Нижнего Новгорода и Вятки до Амура и Камчатки.

Великая российская держава, повторяю, уже имела место и нуждалась лишь в последовательном идейном обосновании своей практики. А, учитывая прирост территории за истекшее столетие, перспектива торжественного молебна всех православных в храме святой Софии Константинопольской отнюдь не выглядела фантастической для российских воинов, их союзников по Священной лиге (поляков, австрийцев, венецианцев) и, как увидим ниже, для самих европейских мусульман. Наше внимание должно привлечь, пожалуй, только то обстоятельство, что «глубокий и неотъемлемый мир» в рамках православия не простирался, в глазах Игнатия, за пределы Европы. Публицисту, впрочем, предстояло еще самому пересечь границу Азии и, в качестве митрополита Сибирского и Тобольского, распространить Русскую православную церковь до Пекина.

Ликвидация враждебных государственных образований в совокупности со «спасением и просвещением» тамошних народов путем принятия в российское подданство (и привлечения затем в православие) было наиболее радикальным способом утверждения истинного мира. Наряду с ним Римский-Корсаков счел своим долгом разъяснить соотечественникам и второй смысл премудрой молитвы о покорении православным самодержцам «всех варварских языков, *брани хотящих*» (как было уточнено в чинах венчания на царство со времен Алексея Михайловича). Зловещий оскал демона войны, видящийся нам за этой расширительной формулировкой (сколько «браней» начиналось с тезиса, что противник сам ее «хочет»!), не привлекал внимания Игнатия. Зато он прекрасно сознавал и толковал слушателям

способ отвращения разнообразных варваров от желания воевать с Россией. Воинство, по его словам, должно «мужественно и крепко, смело и храбро» шествовать на неприятеля во исполнение царского указа и для обороны всего православия, в защиту веры и Церкви — и в «царскую честь же и славу». Вера и царева воля, Церковь и государево достоинство — категории, казалось бы, несопоставимые. Однако они объединены понятием православного царства и конечным результатом похода «всего православия *благостояннаго ради мира и тишины*» (С. 136).

Действительно, с точки зрения снижения военной опасности слава русского оружия, о которой в унисон вещают последнюю тысячу лет (по крайней мере, со времен князя Святослава Игоревича) выдающиеся отечественные полководцы, уступает представлению о чести и достоинстве Российской державы в лице ее самодержцев (слова о коих обычно не цитируются даже в речах А.В.Суворова). Ведь на практике вопрос о нанесении урона какому-либо государству решается, прежде всего, не из расчета его военных возможностей (что было бы, говоря словами Римского-Корсакова, «противно достоинству храбрых»), а сообразно склонности оной державы свою честь и достояние защищать.

Психология политическая в данном случае вполне сходна с уголовной: убеждает не столько тяжесть наказания, сколько представление о неотвратимости его. Римские «предки» Корсакова положили эту идею в основу своей государственной политики. Россияне же к 1680-м гг. накопили огромный опыт прямого применения на восточных рубежах уголовного законодательства. Смысл действий «крепкостоятельных воевод», как легко обнаружить (но не принято писать), состоял в том, что агрессор наказывался за уголовные преступления: убийства, поджоги, грабеж, угон мирных жителей в рабство, а номинальные подданные — еще и за осуществление сих злодеяний преступным «скопом и заговором». Разбитие «злодеев» не рассматривалось как военный подвиг, а вешая зачинщиков, царские воеводы ни коим образом не видели в этих ханах, мурзах и тайшах иноземных владык и полководцев.

Прелесть мысли, что агрессор есть уголовник, не внедрилась, к сожалению, в сознание политиков и вояк, несмотря на Нюрнбергский процесс. Да и тот, к слову сказать, не приравнял всякое военное нападение к умышленному убийству, грабежу и насилию, подлежащему полицейскому пресечению и судебному

преследованию. Ахти нам! — как сказал бы Игнатий Римский-Корсаков. — Человечество не созрело для принятия подлинно гуманистической идеи мира, и потому проповедники ее практической реализации, вроде патриарха Иоакима, обычно лукавят, прикрывая свои эгоистические интересы.

Любопытно, что на запад от Волги и Дона принятая и вообще на территории Российского государства прогрессивная идея уравнивания военных бандитов в правах с бандитами обычными не распространялась. Все Крымское ханство — от Приазовья до Белгорода Днестровского — рассматривалось как заграница¹⁴⁰, а набеги его многочисленных грабительских команд — как своеобразная форма военных действий. Ко всем напастьям добавлялось еще представление о крымских ханах как последних ордынских «царях», от коих московские великие князья слишком долго заимствовали власть и сам титул.

Римский-Корсаков не склонен был, вслед многим публицистам (включая царя Ивана Грозного), трактовать приобретение «царств татарских» в качестве обоснования права российских государей на царский титул. Взятие Казанского, Астраханского и Сибирского царств видится ему закономерным процессом расширения «преславного государства и царства Российския земли», наряду с «исторжением» от Речи Посполитой «Малой и Белой России, от многих лет польским краем похищенных» (С. 155). Лишенные царского ореола, наследники Золотой Орды остаются в публицистике Игнатия лишь «погаными татарами», «зверьями», живущими ради «мучительных умыслов»: «еже расторгнути нас, и жены наша, и чада наша, еже покорыстоватися нами» (подобно врагам Иуды Маккавея. С. 158—162). Коли так, на них следует «яко же на зверей вооружатися, сущих без помощи Божии. И аще татарове сии без помощи Божии, яко же и зверие они, — риторически восклицал оратор, — то почто нейти на них, и поразити их, и отъяти днесь поношение Российское, понеже сии иноплеменницы уничижают и безчествуют повеление Бога жива и в гордыне безумства своего хвалятся!?»

Хочет Римский-Корсаков или нет, в речах его обнажена оскорбленная гордость российского дворянства, еще в XVI в. рва-

¹⁴⁰ Что закреплялось, в частности, обозначением границ и сфер влияния в Бахчисарайском мирном договоре 1681 г. и его последующих (менявшихся в процессе ратификации) версий.

вшегоя истребить «поганого ханишку», которого царь Иван Васильевич величал «любительным братом» и победителей коего казнил без пощады. Ордынские «царевичи», занимавшие первые места при Московском дворе, бесчисленные «князья», притекавшие в Россию из безвестности и нищеты, чтобы получить богатство и власть в ущерб лучшим русским родам: никто не старался исчислить, насколько остро-оскорбительной воспринималась идея ордынского «царского» наследия всякими Секериными, Саблиными, Солнцевыми-Засекиными и прочими мелкими «служилыми по отечеству» (не говоря о захудавших Рюриковичах, вроде князей Волконских), поколениями воевавшими с теми, кого самодержавная власть искони считала знатнее и выше их.

Вооруженный концепцией православного Российского царства, Игнатий смог открыто толковать идею ордынского царского наследия как оскорбление. «Слышаху бо, каковою хулою православных в России аки подданных укоряют!» Крымцы «в слепоте безумства своего» принимают любительные царские поминки «не яко жалование православных государей, но со многою буетию яко дань годовую». Оратор изображает обычную сцену приема московских поминок в Крыму, когда российских посланников хулят, бесчестят и смертно пытаются, при этом крымцы показывают «на саблишки свои», заявляя: «Сии нас жалуют, а не они» (т.е. не цари). От оскорбления послов, считает Римский-Корсаков, хула и досада восходят к самому Богу, Церкви, самодержавным государям и всему государству.

Стерпительна ли таковая «хула и досада, приносимая от поганых татар? — вопрошает оратор. — Ей, нестерпима, и терпение без пользы!» Нам говорят, отмечает Игнатий, что следует терпеть обиды и воздавать любовью. Однако Писание являет примеры жесточайшей мести Бога, не спускающего оскорблений Себе и верующим в Него. Изрядную богословскую проблему примирения морали Ветхого и Нового заветов Римский-Корсаков решает афористически: «Но аз глаголю — достоин поношения и досады претерпевати особныя, мне же и тебе, иже между нами бывающыя, таковыя бо досады стерпительны суть, но не к Богу, и царем, и всему государству восхождающыя. Сицевыя бо досады стерпительны быти не могут!

Как суд Божий настигал сотни тысяч врагов Израиля, «так оубо достоин за Божественную славу и царскую честь российским воинством храбрствовати, а не немужественным быти и в домех

своих на боку лежати и тем хотети мужество показати. Без подвига бо никтоже венчан бывает. И како потом от великих самодержцев восприимет славу, и честь, и превходящее достоинство, еже во время подвига дома пролежавый? Но не тако, ваше мужество, не тако: но яко мужественнии львы на лисицы, яко же крилатии орли на зайцы, на сопротивныя татары с помощию Божию шествуйте» (С. 163—164).

Воинственность речи Римского-Корсакова не должна мешать заметить изрядное сокращение его имперского горизонта: Константинополь принадлежал туркам, а «сопротивныя татары», столь нестерпимые государевой чести, были всего лишь вассалами Блистательной Порты. И если правительство регентства в лице осторожного князя В.В.Голицына, царевны Софьи и даже бестрепетного Ф.Л.Шакловитого весной 1687 г. еще не заявляло о завоевательных целях похода на Крым, — то и в пламенных выступлениях Игнатия идея разгрома ханства скорее подразумевалась, нежели ясно формулировалась.

Проблема войны и мира с «искони злодейственными» степными соседями России была значительно подробнее и глубже проработана младшим современником Римского-Корсакова — московским дворянином Андреем Ивановичем Лызловым в фундаментальной *«Скифской истории»*¹⁴¹.

Объектом исследования в «Скифской истории» являются кочевые народы Юго-Восточной и Восточной Европы, связанные своим происхождением и протяженностью государственных образований с Азией, Аравийским полуостровом и Северной Африкой. Но описание свойств и деяний «скифов» дано Лызловым в более широком системном, как сказали бы сейчас, контексте взаимодействий оных народов с земледельческими племенами и государствами Европы. Определенным автором *предметом* исследования служит история «скифских» завоеваний и порабощения земледельческих народов, главным образом в Европе (хотя по сути своего метода Лызлов не может обойтись без геополитического синтеза в рамках исторически обозримого пространства Вселенной¹⁴²). На деле этот предмет рассматри-

¹⁴¹ Андрей Лызлов. Скифская история / Публ. А.П.Богданов, под ред. Е.В. Чистяковой. М., 1990. Творчеству Лызлова посвящена часть 3 в нашей кн.: От летописания к исследованию: Русские историки последней четверти XVII века. М., 1995.

¹⁴² Оно включает Евразию (за вычетом Юго-Восточной Азии), Аравию

вается в контексте процесса многовековой борьбы между «скифами» и земледельцами, продолжавшегося при жизни автора и в значительной мере облаченного в религиозную форму противостояния креста и полумесяца, что служило обострению и закреплению конфликта.

Рискну предположить, что обозначенный Лызловым конфликт не утих и поныне: актуальность «Скифской истории», к величайшему сожалению, по сей день остра, и ограничивается только ее *хронологическими рамками*. Автор начинает повествование с мифологических времен, но последовательное изложение событий ведется от Чингисхана и завершается последней четвертью XVI в. Интересующие автора и читателя современные сведения и публицистические оценки в тексте «Скифской истории» выделены как авторские отступления и пояснения.

В отличие от Игнатия Римского-Корсакова, А.И. Лызлов полагает главной задачей историка не столько убедительное изложение актуальных взглядов на смысл и взаимосвязь событий, сколько поиск *закономерностей* в бурных исторических коллизиях, непосредственно затрагивающих Россию. Баланс вопросов и ответов смещен в «Скифской истории» в область проблемности, тогда как старшие коллеги Лызлова в большей мере склонялись к публицистичности. Задача автора состояла в обоснованном выявлении, отборе и изучении событий и явлений, достоверно характеризующих «скифов» и систему их взаимоотношений с оседлыми народами с древности до новейшего времени с целью понять причины успехов и поражений сторон и определить перспективы этого развивающегося конфликта. Именно достижение *понимания* — если не всего механизма истории, то отдельных его сторон — делало «Скифскую историю» исключительно важной в глазах читателей и ученых последователей автора.

Крупнейший исследователь «Скифской истории» Елена Викторовна Чистякова подчеркивает в многочисленных трудах, что этот памятник русской исторической мысли — обобщающая

и Северную Африку: то есть пространство сильных этногенетических, исторических и культурных взаимосвязей от Китая и Восточной Сибири, через Центральную Азию и Индию — до Атлантического океана. То, что даже наиболее освещавшийся историографией с древнейших времен регион от Балтики до Сахары и от Атлантики до Урала и Персидского залива не имеет до сих пор терминологического обозначения, дает некоторое представление о степени новизны и смелости научной мысли русского автора XVII в.

работа, не имеющая до сего дня аналогов по широте охвата проблемы и своим влиянием на последующих историков получившая значение важного этапа в развитии отечественной историографии. «Скифская история» должна была, по замыслу автора, дать ответ на вопрос о происхождении сложившейся к XVII столетию ситуации ожесточенного противоборства славянского, христианского, оседлого мира с огромной Османской империей и воинственными причерноморскими ордами. Слагаемыми проблемы генезиса этой конфликтной геополитической системы были вопросы о происхождении и истории многих народов и государственных образований, их гибели и поглощении, о развитии конкретных политических коллизий, роли отдельных ключевых событий и личностей и т.п.

Лызлов совершенно справедливо выдвинул на первый план проблему «скифов» как постоянно действующего в обозримый исторический период фактора политической ситуации, которая имела, как чувствовал историк, прочную основу в общественной организации ряда народов. Автор не имел научных оснований, чтобы определить внутренний смысл общности татаро-монгольских и османских завоевателей и связал государственные образования, представлявшие угрозу независимости и самому существованию оседлых христианских народов, в первую очередь этногенетически. Он углядел тюркскую общность, выходящую за пределы племен, обобщенно именуемых татарами, и турками-османами (между прочим, справедливо отнеся к ней болгарскую языковую группу). К тому же автор убеждал читателя, что происхождение общности, названной им «скифами», сказалось не только в языке: ее отличают «единако наречие, одинакий обычай, одинакий порядок военный»¹⁴³. Этот-то обычай и военный порядок ряда государственных образований (то, что в наше время назвали бы внутренней организацией и свойствами системы) позволил Лызлову создать капитальное исследование, логично объединяющее события с древних времен до конца XVI в.

Авторское оглавление предлагает довольно четкую картину четырех разделов или этапов истории «скифов». Три из них уже завершились прекращением «пакостей» соседям-земледелцам со стороны народов, которые «чуждими трудами и граблением

¹⁴³ «Единаякий» в данном случае означает не тождественный, но одно-типный, сходный, подобно русскому и польскому языкам.

непрестанно жили». Четвертый, по упованию Лызлова, в скором времени должен был окончиться аналогично. И с ним, следовало надеяться, шла к концу сама «скифская история». Исторiku было необходимо как можно нагляднее провести отождествление истории турок и орд, основная часть которых уже прекратила свое «скифское» существование, превратившись в *мирных подданных* Российской державы.

Структура и содержание книги свидетельствуют о главенствующем в концепции Лызлова желании видеть единый объект, *развивающийся* во времени. Идея развития, — определявшая повышенное внимание автора к происхождению источников, прослеживающаяся в его работе с топонимами и др. специальными признаками, а главное — последовательно реализованная при анализе причинных связей конкретных исторических ситуаций, — составляет краеугольный камень исторического метода Лызлова и лежит в основе всей его концепции. Вульгарное толкование христианской и, в частности, православной метафизики не признает за ней идею развития совершенно безосновательно. Богосозданную статику отстаивало в XVII в. только крайне реакционное, «мудроборческое» и изоляционистское крыло русских духовных писателей и пастырей. Сторонники же внутренних реформ и внешней экспансии развивающейся Российской державы исходили из представления о необходимости построения царства Божия на земле (конечно, под скипетром православных самодержавных государей) и, как наиболее ярко выразил Игнатий Римский-Корсаков, горячо надеялись на качественные изменения в геополитической ситуации.

А.И.Лызлов считал своим долгом доказать, что уже многие столетия эти перемены идут в нужном направлении, подкрепляемые некоторыми закономерностями (вроде тенденции постепенного перехода кочевников-грабителей к оседлости и нормальному хозяйствованию, основанному на земледелии) и факторами, главный из которых — неустанная борьба Российского государства и других народов, имеющая основания завершиться победой. Богатейшие аналогии приведены историком при детальном исследовании проблемы. В первую очередь они касались, разумеется, сложной военно-политической ситуации двух войн с Турцией и Крымом, в которых автор участвовал, пребывая в непосредственном окружении князя В.В.Голицына. Это и близкие примеры удачных походов русских войск к Перекопу в XV в., их вторжения в Крым и побиения россиянами

самых турок в XVI в. Это высокая оценка роли крепостей вообще и в частности — «городового строения» при Борисе Годунове, положившего конец крупным вторжениям крымского хана на Русь. Кроме того — это раскрытие значения дипломатии и международных союзов, спасительности мудрых и гибельности необдуманных, а в особенности предательских договоров. Это стремление, вопреки летописной традиции, подчеркнуть независимость Казанского взятия от влияния православной Церкви на государственные решения. Это объяснение побед и поражений в длительной борьбе с татарами, которая, как показывало уже завершённое покорение большей части «Скифии», непременно окончится умиротворением последнего в Европе ханства: Крымского.

Содержит «Скифская история» и массу все более сложных примеров и аналогий, вплоть до анализа остро волновавшего русских книжников XVII в. вопроса, каким образом государство ширится и богатеет, а при каких условиях распадается и гибнет. Для русского читателя примеры крушения орд и ханств из-за борьбы за власть и внутренних раздоров среди населения были достаточно понятны. Тем более близко воспринимались читателями «бунташного века» обстоятельства падения Византии «несогласия ради и междоусобных нестроений царей греческих (писал Лызлов, заметим, при *двух* царях на Руси.— А.Б.), паче же всего того государства жителей», когда спорам внутри императорского «синклита» сопутствовало озлобление против «верхов» обнищавших «всенародных человек».

Следует учитывать и чисто дворянскую направленность авторских наблюдений и оценок, отражавших настроения искавшей более прочного места в государстве группы мелких и средних феодалов, призванных реформами Федора Алексеевича на регулярную и обязательную, преимущественно военную, службу. Лызлов упорствует во мнении, что Золотая Орда погибла от «ее междоусобных браней и нестроения», но «паче же от пленения воинства Российскаго». Судьбоносная роль армии подчеркивается историком постоянно. Причем армии регулярной: не даром много места отводится похвалам организации турецкого воинства и заботам султанов о его вооружении и снабжении, в особенности их попечительности над оружейными и судостроительными мануфактурами, стараниям достичь превосходства турецкой артиллерии и флота (роль которого в Средиземномор-

ских войнах и обеспечении господства в Причерноморье хорошо раскрыта).

Автор отдает должное военной реформе великого визиря Мехмет-паши Соколу, хоть тот и был злым врагом Руси. Также и военные реформы времен Ивана IV и Бориса Годунова описаны в «Скифской истории» в качестве залога последовавших за ними успехов русского оружия. «Ибо и гигант без обороны и оружия, — со знанием дела констатирует автор, — еще бы и лютейший и сильный был, побежден бывает от отрока, оружие имущего». Регулярная армия базировалась не только и не столько на поместном землевладении, организацию коего в Турции конца XVI в. автор склонен приукрашивать, сколько на деньгах, составлявших в Новое время «кровь войны». Лызлов, — а вместе с ним, надо полагать, изрядная часть дворянства, — горячо приветствовал умножение государственных доходов за счет интенсивного развития экономики и политики меркантилизма, однако склонен был считать, что при перераспределении средств армию обделяют.

Он неоднократно подчеркивал, что власти, «мужи благородные и нарочитые» вкуче с всякими богатеями становились «губителями сущими своего Отечества», не раскошелившись на армию. В Византии «сами греки въконец объюродеша: изволиша с сокровищами вкуче погибнути, в землю их закопывающе, нежели истощити их на оборону свою и имети жен и детей и прочее стяжание во всякой свободе». Лызлов сочувственно приводит слова султана Мехмеда II Фатиха (Завоевателя) обреченным на казнь константинопольским вельможам: «О народе безумный! Где ваш прежде бывший разум? Ибо сим сокровищем не точию мне, но и не вем кому, могли бы есте не токмо отпор учинити, но и одолети» (Л. 237). Не без удовольствия приводит историк и сведения о том, как сами султаны стали прятать под землю огромные богатства, явно готовя себе гибель.

О русском воине XVII в. уже нельзя было сказать, как о князе Святославе Игоревиче: «Грозен и лют этот муж, ибо презирает золото, а любит только острое железо». Грозная армия, по мнению Лызлова, стоила очень дорого, требовала современного вооружения, наилучшего снаряжения и щедрого снабжения. Если, конечно, государство не стремилось к гибели. Эта мысль вскоре стала неотъемлемой частью петровской идеологии «государственной пользы», созданной в противовес концепции ца-

ря Федора Алексеевича о «пользе всенародства». Надо ли говорить, что состоящему на строевой службе дворянству требовался царь-полководец: «бодро осмотрительный» и благочестивый законный монарх, который, советуясь с синклитом, однако самодержавно повел бы страну к новым территориальным приобретениям, подобно излюбленному Лызловым Ивану Грозному.

Не скрывает историк восхищения и перед властью великих султанов-завоевателей, поддерживавших в армии железную дисциплину и постоянную готовность к войне. Но мы не будем обвинять в этой связи историка, который, в конце концов, предупредил, что когда «паши и иные султанские начальники, яко пиявицы, высасывают кровь из подданных своих», наступает гибель «трудоу и промыслов», возникает «зело много пустынь безмерных и опустошенных стран», страдают города, хиреет в руках иноземных посредников торговля, приходит «ко убожеству... общенародство». Значит — оскудевает государственная казна и меньше становится «золотых солдат», слабеет армия и в результате появляется великолепная возможность разгромить главный оплот «скифов».

Как отметила Чистякова, автор «на протяжении всей книги ... подчеркивает, что в результате упорного всенародного сопротивления турки периодически терпели поражения и их победы были преходящи... Лызлов спешит сообщить, турецкая армия нередко «возвращалась с великою тцетою и постыдением» ... что даже в момент наивысших военных успехов Турция была уязвима»¹⁴⁴. В равной мере, замечу, это касалось татарских орд и ханств, чей путь якобы повторяли османские завоеватели — тот самый путь, который после ужасных страданий многих народов и долгих кровавых войн волей-неволей вел «скифов» в покорение «российским православным самодержавным государям».

«Скифская история», задуманная в сражениях у Днепра, книга, о которой мечтал автор в горящих степях Дикого поля и под стенами Перекопа, стала фундаментальным историческим трудом, обеспечившим царскому стольнику высокое место в числе первых подвижников отечественной науки, и, одновременно, крупным *публицистическим* сочинением, обосновавшим политику России по отношению к мусульманскому миру на основе мирового опыта отношений оседлых народов со «скифами». В тру-

¹⁴⁴ Андрей Лызлов. Скифская история. С.378.

де Лызлова были рассмотрены древнейшие сведения о борьбе греков, персов и римлян с кочевниками от Черного до Аральского морей, об обороне Руси от хазар, печенегов и половцев, о гуннах, готах, гепидах, о прародителях славян и прочих народов, об образовании Венгерского и Болгарского государств. Особое место в книге занимает история Монгольской империи, а также взаимоотношений Руси, великого княжества Литовского, Польши, Германии, Молдавии, Валахии и Рима с монголо-татарскими ордами¹⁴⁵.

Подробнее автор рассмотрел историю Казанского ханства, учитывая происхождение разных народов, оказавшихся на его территории, вникая в детали внутривластной борьбы и взаимоотношений этого государственного образования с многочисленными соседями и соседями соседей. Книга последовательно знакомит нас с длительной политической и вооруженной борьбой Московского государства против орд, завершившейся разгромом Казанского, Астраханского и Сибирского царств и освобождением подвластных им народов от наиболее варварского угнетения.

Еще более тщательно прослежена в книге история Крымского ханства — последнего осколка Золотой Орды. Лызлов описывает географию, природные богатства и древнюю историю Крыма, где ордынцы явились лишь завоевателями культурного разноязыкого населения. Политическую историю Крымского ханства он последовательно характеризует со второй половины XV в., а генеалогию ханов ведет с эмира Эдигея. Сведения исторических источников автор дополняет современными наблюдениями, превращая свое исследование в своеобразную энциклопедию знаний о жестоком и сильном противнике. Лызлов приводит много интересных сведений о быте крымских

¹⁴⁵ В духе ученой историографии своего времени Лызлов стремился решить проблемы этногенеза разных народов, тщательно разбирал мнения различных ученых, старался понять, как и почему сложились условия для монголо-татарских завоеваний, образования Золотой Орды и ее распада. При анализе политической обстановки особое внимание уделено позициям Москвы, Литвы и Польши, выступлению на политическую арену Крыма и Турции. В орбиту этой проблемы включено было множество государств и народов Центральной и Южной Европы, Кавказа, Ближнего Востока, Средней Азии, Приуралья и Сибири, взгляд Лызлова простирался до Китая и Индии.

татар, их вере и обычаях, в особенности — военном строе. Его интересует и выносливость их лошадей, и способы переправы через водные преграды. Он отмечает опасность их внезапного, дисциплинированного наступления и слабость обороны, предостерегает от военных хитростей татар, подчеркивает их силу, мужество и презрение к смерти, скрытое от поверхностного наблюдателя широким употреблением приемов ложного отступления и заманивания.

Любопытно представлены в «Скифской истории» события конца XV в., когда в ходе борьбы с генуэзскими колониями ханство попало в вассальную зависимость от вызвавшей помочь ему Турции, захватившей не только Кафу и другие крепости в Крыму, но также Белгород, Очаков и Азов, близ которых жили покорные ханам (и более оседлые) причерноморские татары. С 1475 г., то есть с захвата Кафы, турки оказывали все более сильное влияние на политику Крыма и использовали его военные силы для развития своей агрессии, в том числе и в Российские пределы. Политические взаимоотношения Бахчисарая со Стамбулом и Москвой представлены в «Скифской истории» в системе взаимоотношений этих столиц с Казанским ханством, Ногайской ордой и кавказскими княжествами, Литвой и Польшей, Молдавией и Валахией, а также в контексте связей с более отдаленными соседями, включая ханства Туркестана. В каждой части своего труда автор учитывал внутреннюю историю изучаемых государственных образований, их историческую географию, давал характеристику хозяйственной деятельности, обычаям и верований, военной организации, детально реконструировал развитие ситуации на международной арене, стараясь объяснить все, что могло, по его мнению, заметно отражаться на ходе исторических событий.

Всегда помня о дидактическом значении истории, автор стремился донести до «нелестного читателя» представление «о многом подвиге и мужестве предков своих, сынов Российского царствия». Но, даже повествуя о жестокости ордынских нашествий, о трагической судьбе покоренных народов и обращаемых в рабство пленников, о «зловерии» и таких неприятных обычаях, как нелюбовь к чистоте и поедание сырого мяса, Лызов не пытается представить «скифов» некими зверями лютыми. Напротив, он воздает должное подвигам их героев, мудрости военачальников, подчеркивает сильные стороны самых «за-

коренных в грабительстве» народов и их правителей, отмечает такие положительные, по его мнению, моменты их истории, как строительство городов, развитие ремесел и торговли, дипломатические успехи. Достоинства неприятеля, естественно, возвышались в глазах историка заслуги соотечественников, сумевших «воспятить оных варваров лютое на ны уготование». Однако весьма сильно в книге проявляется и любопытство ученого, стремившегося полнее представить реальную жизнь людей.

Значительная часть «Скифской истории» посвящена анализу происхождения и истории турок-осман. Подробно рассматривая историю вторжения турок в Европу, историк учитывает деятельность не только непосредственно столкнувшихся с завоевателями народов, но и правителей Франции, Испании, Римских пап, султанов Марокко и Алжира, рассказывает о борьбе за господство на Средиземном море. В результате читателю становится ясно, что успехи турок зависели не только и даже не столько от их силы и военной слабости непосредственных противников, сколько от разобщенности, взаимной вражды, корыстолюбия, недалекости, а порой просто глупости и предательства христианских правителей¹⁴⁶.

Согласно «Скифской истории», сила завоевателей не есть нечто постоянное и неизменное, даже если рассматривать ее саму по себе, вне реальных обстоятельств (например, внутренней смуты, которая нередко могла привести к гибели турецких войск). Османская империя прошла период подъема, нанесла европейским странам мощные удары в эпоху наивысшего расцвета и постепенно стала клониться к упадку в военном, политическом и экономическом отношениях. Султаны давно перестали быть крупными полководцами и государственными деятелями. Ожесточенная борьба за власть «в верхах» (очевидцем которой Лызлов был и в России, где с 1676 по 1689 г. было свер-

¹⁴⁶ Для характеристики проникновения автора в материал важно заметить, что под международной ситуацией он подразумевает политические, экономические и религиозные связи в регионе от Северной Африки и Испании до Индии и Китая. Говоря об исламе, Лызлов приводит подробные сведения о его зарождении, источниках (манихейство, иудаизм, христианство ряда сект, элементы язычества), о первоначальной социальной базе, способах его распространения, в особенности на завоеванных землях, об основных течениях этой религии и особенностях ее усвоения разными народами.

гнуто четыре правительства), дворцовые, в том числе вооруженные перевороты (особенно яркий из которых на родине историка произошел в 1689 г.) — все это ставит политику в зависимость от мелочных соображений, лишает государственных деятелей стратегической инициативы, разлагает армию, в которой хваленые янычары, по мнению автора, уже более опасны для трона, нежели для врагов. По этим и многим иным причинам некогда грозная Османская империя теряет боеспособность.

«Скифский» характер самих завоевателей, благосостояние которых рождалось войнами и поддерживалось грабежом покоренных народов, подрывает саму основу государственной экономики: сельское хозяйство и промыслы, ремесло и торговлю. Говоря об отсутствии стимулов у производителя, неуверенного, что может сохранить не только результаты своего труда, но свободу и саму жизнь, Лызлов считает, видимо, разумеющимся, что, как вообще заведено у «скифов», таких стимулов нет и у хазев-турок, ибо все в стране фактически принадлежит султану. Османская империя еще очень сильна, она держит в своих руках огромные богатства, имеет многочисленную армию и флот, развитое производство вооружения и военного снаряжения. Но в ней уже процветает казнокрадство, трещит по швам система управления, доходы пожираются огромными расходами на содержание султанского двора, наконец — золото прячется в глубокие колодцы под дворцом, как это делали византийские правители, обрекшие свое государство на разорение и гибель.

Горячее стремление к избавлению народов от агрессии и неволи (вкуче с приобретением в поместья и вотчины плодородных населенных земель), трезвый расчет историка и военного породили призыв Лызлова к народам, объединенным Священной лигой, покончить с Османской империей и Крымским ханством «во дни наша», завершив тысячелетнюю «скифскую историю». Все менее устойчивым становилось положение османских завоевателей, против которых готовы были восстать десятки попираемых ими народов. И политика, и публицистика подтверждали, казалось, правоту Лызлова, призывавшего российских ратоборцев идти на помощь этим народам: «Уже бо тамо нас убози христиане, братия наша, с радостью и надеждою ожидают, готовы суще на своих и наших супостатов помощь подати». Эта уверенность автора «Скифской истории» во всеобщем выступлении против османского ига опиралась на многовековой

опыт героической борьбы славян с завоевателями. Лызлов близко воспринимал трагедию не только славянских народов, с одинаковой болью повествуя о разорении русских городов и земель болгар, сербов, молдаван, поляков, албанцев, греков и др. Его книга рассказывает, как эти народы сражались с турками и татарами, в то время как «кralи и властители христианские изволяху между собою жестокие брани простирати»¹⁴⁷.

«Скифская история» давала читателям не только обоснованные политические и военные уроки, но и новое представление о происходящих в мире событиях. Не злая воля и тем паче не искони злодейственное свойство татар и турок, а исторически сложившиеся обстоятельства жизни народов привели к смертельной борьбе на рубежах от Азова до Адриатики. Выражая надежду на скорое освобождение народов Венгрии, Болгарии, Молдавии, Валахии, Сербии, Хорватии, Албании, Македонии и Греции от османского ига, призывая многие страны подать своим поработанным братьям «помощь и свободу», русский историк отнюдь не призывал к уничтожению «агарянского семени», к тотальной войне за веру.

Не истребление «неверных», а *обуздание агрессора* — вот пафос книги Лызлова. Ведь и венгры, и многие народы Поволжья были прежде «скифами» (сами поляки-шляхтичи считали себя сарматами), а затем стали жертвами «скифов», нуждающимися в совместной защите. Освободительная война, помощь борющимся против завоевателей исторически оправдана — показывает «Скифская история». В то же время автор порицает покорение мирных народов, на конкретных примерах демонстрирует гибельность нарушения международных договоров, в том числе и с «басурманами».

Руководствуясь, прежде всего, не предвзятыми идеями, а конкретным историческим материалом, Лызлов не впадает в

¹⁴⁷ Автор отдавал должное и подвигам конкретных героев этой борьбы, причем выбор Лызлова, его оценки были, как правило, справедливы: Владислав Ягелло и польские короли-рыцари, великие князья литовские Альгирдас и Витаутас, венгерские короли Бела IV, Янош и Матиаш Хуньяди, молдавские господа Стефан Великий и Ион Водэ, сербы Лазарь Хребелянович, Милош Обилич и Стефан Лазаревич, босниец Степень Вукич, албанец Георгий Скандербег, генуэзцы Джованни Джустиниани и Андреа Дориа, — все они и ныне известны далеко за пределами своих стран.

присущие многим политическим трактатам утопии. Он видит сложность международной ситуации и необходимость вооруженной борьбы с агрессором. Однако историк сумел увидеть и другое. Согласно «Скифской истории» справедливый мирный договор — такое же оружие, как сильная армия. Конечная победа над «скифами» — это мирное сосуществование народов и даже религий. Такой урок ученый и публицист извлек из вековой череды кровавых войн, вражды племен и государств, истории героических подвигов и страшных преступлений.

Именно благодаря глубине осмысления исторических фактов книга Лызлова приобрела большое значение в истории русской общественной мысли, стала необходима читателям. Множество рукописей «Скифской истории» не сохранилось, но и сейчас Е.В.Чистяковой удалось выявить 32 ее списка¹⁴⁸. Рукописная традиция книги оказалась богаче, чем всех остальных исторических сочинений конца XVII — начала XVIII в., включая популярные краткие летописцы. Переписывать «Скифскую историю» начали незамедлительно. По крайней мере 3 рукописи относятся к периоду до начала Северной войны¹⁴⁹ и 7 — к следующим годам царствования Петра I¹⁵⁰. Многие ранние экземпляры книги прекрасно написаны, иллюминированы и дорого оформлены. За несохранившийся до наших дней экземпляр, проданный в конце XVII в. Игнатию Римскому-Корсакову, запрашивали огромную по тем временам сумму в 9 руб. 50 коп.¹⁵¹ В крепких досках, обтянутых дорогой тисненой кожей, и в простых картонных переплетах, экземпляры книги бережно хранились и старательно переписывались до последней четверти XVIII в., когда «Скифская история» была издана Н.И.Новиковым¹⁵². Первое издание выдающийся просветитель посвятил Петру Хлебникову (заказавшему в 1770 г. для себя список

¹⁴⁸ См.: *Андрей Лызлов*. Скифская история. С. 345-354, 386-390.

¹⁴⁹ ГИМ. Синодальное собр. № 460; РГБ. Собр. В.М.Ундольского. № 783; БАН. 32.4.27.

¹⁵⁰ ГИМ. Музейное собр. № 2368 и 3408; собр. Вострякова. № 868; собр. Уварова. № 538; собр. Хлудова. № 227; Научная библиотека МГУ. 5.Гл 27; Государственный архив Тверской области. № 187.

¹⁵¹ *Оглоблин Н.* Бытовые черты начала XVIII в.: XIV. Дело об «Истории Скифской» // ЧОИДР. 1904. Ч. III. Смесь. С.11 и сл.

¹⁵² Скифийская история... от Андрея Лызлова прилежными труды сложена и написана лета 1692. Ч. 1. СПб., 1776; 2-е изд. Ч. 1—3. СПб., 1787.

книги с рукописи академика Г.Ф.Миллера¹⁵³). Были рукописи «Скифской истории» в библиотеках дворян (А.П.Вольнского, Н.М.Муравьева и др.), в собраниях духовенства, у купцов и промышленников, распространялись в России и за ее пределами. Они сохранились в Москве и Петербурге, Твери и Ярославле, Великом Новгороде и Самаре, в Вильнюсе и Париже.

Преизрядное впечатление произвело сочинение Лызлова на историков. Первые ссылки на «Скифскую историю» обнаружены уже в «Подробной летописи от начала России до Полтавской баталии». В 1713 г., как раз после Прутского похода, по тексту книги была издана «Повесть о Царьграде»¹⁵⁴. Василий Никитич Татищев внимательно читал и правил, видимо, готовя к изданию, принадлежавший ему список; в 1745-1746 гг. по указанию историка с него была снята не сохранившаяся до нашего времени копия¹⁵⁵. Близкое знакомство со «Скифской историей» Татищев проявил в переписке с П.И.Рычковым, утверждая, между прочим, что «она к татарской истории много потребна»¹⁵⁶. Рычков был согласен с этой оценкой и, как показала Чистякова, «в своих работах о татарах, об истории Оренбургского и Астраханского краев и главным образом в «Опыте казанской истории древних и средних веков»... использовал материалы «Скифской истории». В рецензии на «Опыт...», — продолжает современный историк, — помещенной в «*Gottingische Gelehrte Anzeigen*» (1760. Bd. 2. S. 1340—1349) А.Шлецер писал, что ее недостатки проистекают из того, что автор использовал труд А.И.Лызлова, а не западноевропейских историков. Рычков отвечал, что рецензия Шлецера показывает «самовольство сочинителя ее», а «неуважение тех писателей, которых я, в некоторых местах, употреблял, не заслуживает возражения»¹⁵⁷.

Другой немецкий член Российской Академии Наук, Герард Федорович Миллер, отнесся к сочинению Лызлова с большим вниманием. Он тщательнейше выправил текст, отметив на по-

¹⁵³ ГИМ. Собр. Уварова. № 145.

¹⁵⁴ В том же столетии она была переиздана в Болгарии: *Сперанский М.Н.* Из истории русско-славянских литературных связей. С. 211-224.

¹⁵⁵ БАН. 32.4.27; Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела БАН. М.-Л., 1956. С. 186.

¹⁵⁶ *Пекарский П.* Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова // ИОРЯС. Т. II. СПб., 1867. № 1. С. 20.

¹⁵⁷ *Андрей Лызлов.* Скифская история. С. 387.

лях «погрешности»¹⁵⁸, и, как указала Чистякова, переводил на немецкий язык фрагменты «Скифской истории». Рост интереса к книге среди ученых и читателей во время русско-турецких войн 1768—1774 и 1787—1791 гг. и присоединения к России Крыма в 1783 г. вполне понятен. С этим интересом и было связано издание «Скифской истории» Новиковым, несколько исправившим текст в интересах читателей (и затруднившим его использование учеными). Позже, на рубеже XVIII и XIX столетий книгой интересовались граф Н.П.Румянцев и члены его кружка, Н.А.Мурзакевич и Евгений Болховитинов. Весьма внимательно отнесся к содержанию «Скифской истории» Николай Михайлович Карамзин, 15 раз использовавший ее сообщения в примечаниях к своей «Истории государства Российского»¹⁵⁹.

К сожалению, позднейшие исследователи постепенно забыли о «Скифской истории», упоминавшейся в основном в словарях среди произведений древнерусских писателей (Е.Болховитинова, А.Старчевского, Г.Геннади и др.). Редкие специалисты при углубленном изучении частных проблем привлекали сведения «Скифской истории» уже в советское время¹⁶⁰, пока труды Е.В.Чистяковой не вернули Лызлову известность как наиболее крупному из первых русских ученых историков. Именно ее попечением и неустанным тщанием «Скифская история» вошла не только в учебные курсы¹⁶¹, но и в серию «Памятники исторической мысли», где занимает ныне достойное место среди произведений, проложивших пути развития нашей науки.

В контексте проблемы «истинного мира» важно отметить, что не менее Игнатия Римского-Корсакова желавший покончить со «скифской» опасностью «во дни наша» (в ходе успешной

¹⁵⁸ РГАД□. Ф. 181. Собр. МГАМИД. № 56.

¹⁵⁹ *Карамзин Н.М.* История государства Российского (любое изд.). Кн. III. Прим. 367; кн. V. Прим. 40, 287, 289, 383, 384; кн. VIII. Прим. 319, 325, 327, 338, 341—344; кн. IX. Прим. 391.

¹⁶⁰ *Семенов-Зусер С.А.* Скифская проблема в отечественной науке. Харьков, 1947. С.11—12; *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. С. 47; Очерки по истории изучения ислама в СССР. М., 1954; и др.

¹⁶¹ *Чистякова Е.В.* Историография XVII и первой четверти XVIII века // Историография истории СССР: с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1961. Гл. 3.; Изд. 2-е, дополненное. М., 1971; *она же.* Освещение проблем исторической мысли XVII в. в общем курсе истории СССР // Изучение и преподавание истории в высшей школе. Калининград, 1981. С.66—71.

войны Священной лиги с Турцией и Крымом), А.И.Лызлов воздавал должное мирным договорам и настаивал на необходимости их соблюдения как мусульманами, так и христианами. Разумеется, сравнение публицистических выступлений Римского-Корсакова с фундаментальной исторической монографией Лызлова требует осторожности. Но нам удалось обнаружить более обстоятельный источник, в котором Игнатий обобщил исторический опыт взаимоотношений Руси с кочевниками: опыт, на основе которого публицист выступал за решительную войну с «варварскими языками, брани хотящими» для «предсоблюдения» чести и безопасности Российского государства.

*Летописный свод Игнатия Римского-Корсакова*¹⁶² был начат в стенах Спасо-Ярославского монастыря в 1683–1684 гг. Важнейшие исторические тексты, составившие основу свода, были получены Игнатием в результате тесных контактов с книжниками патриаршего летописного скриптория во второй половине 1680-х — начале 1690-х гг.¹⁶³ Глубокие знания патриарших книжников и приемы их работы произвели немалое впечатление на ученого Новоспасского архимандрита. Римский-Корсаков использовал эти приемы при единообразном отборе, редактировании и подгонке друг к другу текстов источников, составивших основную часть его Летописного свода. Соединение материалов в Свод произошло либо до весны 1692 г. в Москве, либо, что значительно более вероятно, не ранее весны 1693 г. в Тобольске, куда Игнатий прибыл в сан митрополита¹⁶⁴.

¹⁶² ГИМ. Забелина 263 (подлинник). Подробно см.: *Богданов А.П.* Общерусский летописный свод конца XVII в. в собрании И.Е.Забелина // *Русская книжность XV-XIX вв.* М., 1989. С. 183—209.

¹⁶³ Здесь, в Кремле, Римский-Корсаков нашел Летописец посольских дел второй-третьей четверти XVII столетия, активно переработавшийся летописцами патриарха Иоакима, а также собрание летописных известий второй половины XVI в., отразившее интереснейшую митрополичью и патриаршую летописную традицию «Великого разорения» и «Смуты», существование которой только предполагалось исследователями. Между прочим, в этой традиции скрывались и до сих пор загадочные корни сибирского летописания.

¹⁶⁴ Там, в частности, был найден последний источник первой редакции свода: богомольная грамота о царском венчании Ивана и Петра Алексеевичей, хранившаяся в Софийском доме и ранее уже использованная местным чиновником М.Г.Романовым в Сибирском летописном своде.

Тот факт, что повествование в Своде Римского-Корсакова не было сразу доведено до современности и оканчивалось 1682-м годом, объясняется политической ситуацией после свержения правительства регентства (1689), на которое обрушились официальные «обличения», неприемлемые для митрополита. Похвалы царевне Софье и ее сподвижникам, обвиненным в государственной измене, вряд ли были допустимы в Своде, создававшемся с помощью различных писцов вполне публично, а не келейно. Еще меньше следовало ждать от Игнатия похвального описания мероприятий боярского правительства, отвергшего горячо отстаиваемый публицистом внешнеполитический курс, а самого литератора удалившего в почетную ссылку.

Только после возобновления Петром военных действий России в составе Священной лиги против Турции и Крыма, Игнатий вновь обратился к Своду, пополнявшемуся до этого писцом Софийского дома из богомольных грамот. Для освещения Азовских походов и дальнейших боев русской армии в Приазовье Римский-Корсаков привлек богатый материал собранной (и в значительной мере сочиненной) Карионом Истоминым «книжицы» торжественных грамот Петра I и патриарха Адриана о победах русской армии в Азовских походах, достойно венчавший в Своде повествование о борьбе россиян с кочевниками и расширении территории державы с древнейших времен¹⁶⁵.

Полное сопоставление Свода с сохранившимися источниками совершенно определенно выявляет тенденцию Игнатия. От борьбы древнерусских князей с племенами Дикого поля и их отношений с Византией составитель переходит к подробному сбору материалов о татарах и появлении в Европе турок, освобождении Руси от ордынского ига, завоевании Казанского, Астраханского и (с важными подробностями) Сибирского ханств, о «возвращении на первое паки царствие» Украины и наступлении россиян на юг, к Черному и Азовскому морям, в сражениях с Османской Портой и Крымским ханством. Материалы, отвлекающие внимание от этой центральной тенденции, безжалостно отбрасываются и сокращаются; даже отношения Руси с Ли-

¹⁶⁵ Ср.: ГИМ. Чудовское собр. № 98/300. Л. 339—340, 351—395 об. (автографы Истомина, черновики); РГБ. Собр. Тихонравова. № 634. Л.185—212 об. (его же автографы, беловики); и др. Подробнее см. ниже, в разделе «Россия в Священной лиге».

твой, столь подробно изложенные летописцами, затрагиваются в первую очередь в связи с вековой борьбой против татарских орд и вставшей за их спиной в последние столетия Турцией. Весьма характерна также резко негативная оценка Ивана Грозного в опричный период его деятельности, довольно прозрачно связанная с поворотом интересов царя от близкого, как казалось тогда, одоления недобитого Крыма — к Ливонии. Если бегство Курбского и Вишневецкого довольно завуалировано противопоставлено антипатриотической (и попросту антирусской) деятельности царя-тирана, то яркое описание мужества казнимого венчанным зверем купца Харитона Белоулина, который своей стойкостью заставляет царя прекратить безумные расправы¹⁶⁶, весьма четко свидетельствует о позиции Римского-Корсакова в период, когда, оставив наступление на юг, Петр направил стопы на запад и заставил страну содрогнуться от омерзительных стрельческих казней.

Между прочим, Свод Римского-Корсакова отразил древнейшую летописную редакцию замечательной повести о неггибаемом госте Харитоне (созданную вскоре после 1581 г.). Она явно соответствовала надежде Игнатия, что радостная, с именем Господа на устах гибель за правду, может потрясти и образумить даже злейшего тирана. Однако воплотить эту надежду Сибирскому митрополиту не удалось. Можно предположить, какие известия из Москвы, свидетельствовавшие о решительной победе «нового» внешнеполитического курса (почти на столетие сохранившего ослабленного, но злобного соседа России в Крыму), заставили Игнатия зимой 1701 г. оставить свою епархию и неожиданно объявиться в Москве. Вновь, как и при Иване Грозном, страна давала передышку полураздавленному Крымскому ханству (и к нему в прибавку едва отбивавшейся от союзников-христиан Османской империи), чтобы истощить свои силы и ресурсы в затяжной войне на северо-западе. По всей видимости, Игнатию не довелось добраться до царя Петра. 23 марта 1701 г. он был схвачен уже в Кремле и первоначально заперт в Чудовском монастыре. Вскоре неукротимого митрополита от греха подальше перевели в подклет Симонова монастыря, где, как полагают (точных сведений о таких делах обыкновенно нет), к 13 мая

¹⁶⁶ *Альшиц Д.Н.* Древнерусская повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина // ТОДРА. Т. XVII. М.-Л., 1961. С. 255—271.

уморили голодом. Широко известное современникам объявление о безумии Римского-Корсакова логично толковать в связи с тем, что ему удалось-таки начать свою проповедь. В противном случае довольно было объявить, что глубокий старец отошел от дел на покой, и запретить его в какой-либо тихий монастырь...

Сейчас достаточно констатировать, что воинственность Игнатия и Лызлова вытекала не только из представлений об исторической миссии единственного в мире православного царства. В немалой степени это был *эмпирический* вывод из событий отечественной и всеобщей истории, когда, во-первых, лишь решительные наступательные действия против «скифов» существенно способствовали вожделенному миру, во-вторых, только разгром их враждебных государственных образований давал на время безопасность границ, наконец, одно включение их территорий и населения в состав Русского государства мешало вскорости угнездиться на том же месте близ родных рубежей новому и как правило еще худшему врагу.

Именно эту мысль подчеркнул в апреле 1693 г. придворный поэт Карион Истомин, произнося перед царем Петром Алексеевичем речь по случаю вручения ему русского перевода древнеримской *«Книги о хитростех ратных»* с разъяснением, почему российскому государю *необходимо* быть искусным полководцем¹⁶⁷. Благоразсудный литератор связал понятие *войны* с христианской идеей борьбы (как известно, «всяк человек в мире сем есть борец или воин, борец с плотью, с миром, с дьяволом»). Борьба, брань, война началась в раю, и сопровождает всю историю человечества. Строго говоря, речь идет о борьбе душевной, против искушений дьявола. Но в Священном писании и святоотеческой литературе враги «видимыя и невидимыя» были основательно связаны. И в мирные дни готовиться к брани учил Иоанн Златоуст; «вооружите из себя людей на войну», сказал Моисей, организуя воинство против Мадианитян, Чис 31), сильных и ученых мужей превознес Иисус Сирах (Сир 44), в науке ратоборства прославились Иисус Навин и Давид, показав, что «и поборати, и побеждати враги, аще видимые, аще невидимые, искусства и обучения потребно человеком зело, зело».

¹⁶⁷ РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД. № 257/462. «Вручение» на л. 2—9.

О переводе сочинения Фронтиня и орации Истомина см.: *Пушкарев Л.Н.* Общественно-политическая мысль России. С. 212—215.

Война, хотят этого люди, или нет, существует, поэтому единственный достойный обсуждения вопрос — насколько необходимо людям *учиться военному делу*, «како бы от всяких обижений неприятельских избавитися, от силы их сохранитися и в мирное себе жительство приобрести». Карион утверждает, что воинское искусство необходимо было всегда, а нынешним россиянам — в особенности. Оно «еже аще и во вся времена века сего бе потребно, обаче в сем настоящем времени паче сие в делах воинских учение быти разумею потребнейше... Тем же и видимая брани противу неприятелей видимых, иностранных язычников... народу нашему славенороссийскому великого царства Московского воинских дел искусство имети должно». К чести поэта, он не развивает легко вытекавшую из его рассуждений крестоносную идею (на основе уподобления видимых врагов невидимым). Речь идет о *защите* Российских пределов от османской и крымской угрозы, о пресечении опасных набегов и захватов «полона».

Обращение к легендарной истории славян (о популярности которой говорилось выше при рассмотрении взглядов поборников «Святорусской земли») потребовалось Кариону для ответа на вопрос, «откуда же онии мужи славные победы и одоления над всеми являху? Точию,— отвечает он,— от воинскаго совершеннаго искусства и приснаго в нем обучения». Впрочем, подвиги предков, о которых рассказывал молодому Петру Карион, способны были впечатлить не только пылкого юношу. Своё название *славяне* получили за славные во всем мире подвиги на поле брани. Их мужество, храбрость и воинское искусство было известно во времена Александра Македонского. Сам кесарь Август не дерзал сразиться с ними, зато славянские воины «досягаше» Рима! Согласно польским хроникам Длугоша и Стрыйковского, говорил Истомин царю Петру Алексеичу, славянский князь Одон штурмом взял Рим и 13 лет держал его под своей властью. На таком историческом фоне особенно блекло выглядели успехи россиян в текущей войне на южных рубежах, объявленной в 1672 г., начатой в 1673-м, прерванной Бахчисарайским миром (1681) и вскоре разгоревшейся вновь (1686—1700).

Глава 2

ПУБЛИЦИСТИКА И ПОЛИТИКА

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1673—1681 гг.

Проблемы войны и мира не случайно глубоко волновали Игнатия Римского-Корсакова и его друга патриарха Иоакима Савелова. Два дворянина ушли от мира в надежде обрести душевный покой и единение с Богом. 33-летний московский дворянин Иван Петрович Савелов удалился в Киевский Межигорский монастырь из рейтарского строя и в 1655 г. принял постриг, плача о «злых делах и многом прегрешении... в военных случаях полковых»¹⁶⁸. Участник победоносного похода российской армии на Запад в 1654 г. вспоминал не славное отвоевание Смоленска, Полоцка, Витебска и Орши. 40 лет Иоаким истово каялся в том, «прогневал Творца моего владыку». Пьянство среди воинов, сквернословие и божба, азартные игры и невозможность спешно получить отпущение грехов угрожали, казалось ему, самому спасению души. А «проклятые» командиры-иноземцы еще и «посмеивались благочестию, ругались и по прелести их хулы износили» за то, что благочестивые воины искали помощи в молитве, а не ратном учении. Божий гнев был ужасен: жена и четверо детей Ивана-Иоакима скончались от мора¹⁶⁹, не затронувшего армию, но опустошившего центр страны.

¹⁶⁸ *Смирнов П.* Иоаким патриарх Московский. М., 1881; *Барсуков А.П.* Всероссийский патриарх Иоаким Савелов. СПб., 1891; *Савелов Д.М.* Вековая несправедливость. М., 1915; и др.

¹⁶⁹ *Барсуков Н.П.* Житие и Завещание святейшего патриарха московского Иоакима // ОЛДП. Т. XLVII. М., 1879. С. 3 и след.

Около 40 лет от роду принял постриг стольник Илья Александрович Корсаков (впоследствии доказавший право своего рода писаться «Римскими» по происхождению от консульской династии Фабиев). В Крестомаровской пустыни Нижегородского уезда он предавался ученым трудам, руководствуясь в жизни забытыми, казалось бы, идеями нестяжания и природного равенства людей¹⁷⁰. Мирные занятия монаха Игнатия прервало очередное наступление Османской империи в Восточной Европе. Летом 1672 г. турецкие войска вторглись на земли Речи Посполитой. Верная своим союзническим обязательствам, энергично готовилась к войне и Россия. Еще весной, 30 мая 1672 г., придворный поэт Симеон Полоцкий не просто поздравлял царя Алексея Михайловича с рождением сына Петра, но прозревал в царевиче залог полной победы над Османской империей:

«Яко да покориши бусурманскую главу

Вся страны же и царства под твою державу».

Петр, уповал Симеон, освободит Царьград от власти турок, вернет храм Софии Константинопольской в лоно православия и сокрушит «все бусурманские ереси»¹⁷¹. Во многих стихах Полоцкий скорбел об участи Украины, на которую вторглись «турчин всегордый со вселютым ханом»; в «*Слове к православному воинству*», включенном в сборник его проповедей Сильвестром Медведевым, российское воинство призывалось освободить плененных мусульманами православных братьев. «Почти во всех своих стихотворных приветствиях царю и его семейству, написанных в начале 70-х годов,— заметил Л.Н.Пушкарев,— Полоцкий напоминает монарху о необходимости защитить украинцев от «томительства под супостатом». Он подчеркивает, что турки и татары на протяжении многих лет разоряли южные окраины Русского государства, угоняли людей в рабство, лили христианскую кровь, словно воду, и то же самое ожидает Россию и сейчас, если русские и украинцы не встанут, как один, на своих врагов — турок и «поганных скифов», на защиту своей родной земли»¹⁷².

¹⁷⁰ Богданов А.П. От летописания к исследованию. С. 44—56.

¹⁷¹ Голубев И.Ф. Забытые вирши Симеона Полоцкого // ТОДРА. Т. XXIV. Л., 1961. С. 254—259.

¹⁷² Вечера душевная. М., 1680. Л.90 об. и сл. Подробнее см.: Лузиков В.М. Общественно-политические взгляды Симеона Полоцкого. С. 25—36; Пушкарев Л.Н. Общественно-политическая мысль России. С. 205—207. Цит. с. 206.

Весной 1673 г. русско-украинские войска двинулись к Днепру, чтобы в кровопролитной борьбе спасти от османского владычества преданную своим гетманом П.Д.Дорошенко и оставленную Речью Посполитой Правобережную Украину; на Воронежских верфях были заложены первые 25 кораблей морского флота; корпус стрельцов и казаков под началом прославленного воеводы полковника Г.И.Косагова выступил на штурм Азова¹⁷³. В это время Игнатий Корсаков выехал в Запорожье¹⁷⁴ со «*Словом к православному и христоименитому запорожскому воинству, вегда принесенней быти всечестней иконе... Алексия митрополита Киевскаго и всеа России чудотворца в благочестивыя полки их, собрания противу нечестивым турком и татаром*»¹⁷⁵.

«Слово» достаточно точно датируется по содержанию. Оно было произнесено в начале войны, когда царь Алексей Михайлович, по словам Игнатия, «меч от Бога себе данный на отмщение злочестивым возьмет (а не «взем» — А.Б.) во прекрепку си десницу и вам такожде творити повелевает» (Л. 359). В прямом смысле государь так и не «взем» меч в свою руку, но зимой-весной 1673 г. царский поход на султана действительно готовился. Об этом было объявлено воеводам и иноземным «потентатам», а в Путивле, где планировался сбор войск, строилия для Алексея Михайловича походный двор. Тогда же «запорожскому воинст-

¹⁷³ О военных действиях на Украине и в Приазовье в 1673—1675 гг. см.: *Бантыш-Камениский Д.Н.* История Малой России от водворения славян в сей стране до уничтожения гетманства. Изд. 3-е. Ч. 2. М., 1842. С. 131—141; *Соловьев С.М.* История России. Кн. VI. М., 1961. С. 449—498 и др.; *Костомаров Н.И.* Руина. Гетманство Брюховецкого, Многогрешного и Сагайдачного // Собр. соч. Исторические монографии и исследования. Кн. VI. Т. XV. СПб., 1905. С. 229—269; *Загоровский В.П.* Изюмская черта. Воронеж, 1980. С. 7, 76—86.

¹⁷⁴ Запорожцами в XVII в. называли и все левобережное казачество, однако, поскольку автор ни разу не упоминает гетмана и старшин, он явно обращался к запорожцам-сечевикам.

¹⁷⁵ ГИМ. Чудовское собр. № 99/301 (сборник Кариона Истомина). Л., 355—365 об. Список прямой крупной украшенной скорописью неизвестной руки на бумаге со знаком: Лев в гербовом щите под короной, типа Каманина и Витвицкой № 515—519 — 1671—1681 гг. «Слово» было опубликовано Сильвестром Медведевым в сборнике «Вечера душевная» (М., 1680. Л. 94 и сл.), основу которого составляют проповеди Симеона Полоцкого. Однако от речей Симеона «Слово» весьма отличается по стилю и содержанию, а с последующими речами Игнатия сходствует вплоть до фразеологии.

ву» был дан указ о войне с Крымским ханством и Оттоманской Портой. Весной по просьбе сечевиков к ним был отпущен из Москвы с запасами «полевой вождь» Иван Серко, «страшный Крыму промышленник и счастливый победитель, который их всегда поражал и побивал и христиан из неволи свободжал». В предстоящей жестокой войне позиция Запорожья играла немалую роль, — и Игнатий был как раз тем человеком, который мог всколыхнуть чувства буйных сечевиков.

Речь Корсакова имела лишь внешнее сходство с традицией витиеватых «казаний», сконструированных по правилам схоластической риторики. Выражаясь «высоким слогом», Игнатий не забавлялся «плетением словес» и мелкой дидактикой (столь характерными для современной ему московской орации), оставаясь ясен и точен в слове и мысли. Направляясь прямо к цели, автор крупными мазками рисовал общую картину борьбы христиан с «агарянами», вдохновляя слушателей сознанием важности роли, которая отведена им в этой борьбе. В характерной для всех своих речей к воинам манере, Корсаков убеждал, обращаясь к основным интересам слушателей.

Вера была для запорожцев важным связующим звеном с покинутой родиной. И Игнатий начал «Слово» притчей о Соломоне, который создал себе прекрасный престол на шести степенях, отовсюду охраняемый 12-ю золотыми львами. Престол же Господень, — сказал оратор, — православная Церковь. Она создана Богом и ограждена «львами не позлащенными, но всякаго злата дражайшими, ибо живыми и словесными... на защищение от всякаго врага и супостата». Эти львы — «вы есте, христоименитии людие, вои Царя небеснаго и его же земле наместника суца», царя Алексея Михайловича. Вы, говорил оратор, славным оружием пуще львов терзаете злодеев, нападающих на православных, «вы перс(я)ми вашими аки неборимую стеною Российскую землю ограждаете и от навет нечестивых бисормян защищаете. Вы неусыпнии стражие жребия пресвятыя Богородицы... сотвористесь и скории отмстителие врагом злым Богом поставлены есте!»

Как поборал зверя Давид, вещал оратор, так ныне запорожцы бьются со «львами лютыми и медведями жестокими, нападающими на стадо Христово и восхищающими от него агнцы и овцы — мужеский, глаголю, пол и женский», они настигают злодеев и поражают, освобождая полон и уничтожая врага. «И тако

вашим промыслом мир желанный Церкви восточней, братии и сродником вашим сотворяете, радость, веселие и безбедство приносите», заслуживая благодарной молитвы от всех христиан. Преследование казаками уходящих с Руси татар выделялось в «Слове» не случайно. Весной 1673 г., когда хан Селим-Гирей бросил «весь Крым» на русский рубеж, пытаясь «проломить Белгородскую черту», и, разбитый во множестве кровавых схваток между Новым Осколом и Верхососенском, рассеял тысячи всадников по менее защищенным «украинам»¹⁷⁶, смелые действия запорожцев на степных шляхах могли спасти немало «христоименитых людей» от лютой смерти и ужасного плена.

Все это не слухом, продолжал Корсаков, «но самим делом» знает единый под Солнцем благочестивый царь, «един высочайший столп и утверждение Церкви», второй Давид, веры распространитель, «всех правоверных защитник и благодетель, свет очию всех христиан правоверных!» Отчески любя запорожцев, царь, по словам оратора, высек их подвиги у себя в сердце в «радеет» о них всечасно: об этих неутомимых бойцах за христианство, освободителях своих братьев, сродников, друзей, соседей; ибо вы, — говорил сечевикам Игнатий, — «мир и тишину желанную породе российской оружием вашим крепце содеваете!»

Ради того же блага царь сам подымлет меч отмщения супостатам и запорожцам «такожде творити повелевает», предрекая им победу над «гордой силой» и давая в помощь чудотворную икону митрополита Алексия, «вашего единостранника, черниговского родимца — но всех православных христиан скорого помощника и покровителя — да... его святым ходатайством песнь победную воспоете, светлое деюще торжество по одолении врагов злоковарных!» Ибо этот святой чудотворец, — указывал оратор, — имеет дивную силу, «еже брани утоляти, ярость зверообразных скифов во кротость прелагати и устремление их во страх и бегство претворяти».

Обратившись к истории, Корсаков напоминал слушателям о великой чести, с которой Алексей был принят в Орде, когда исцелил царицу Тайдуллу и с богатыми дарами «возвратился во свояси, мир нося православным христианом, яко овцам кротким от волка хищнаго и лютаго зверя». Продолжая свой рассказ по Степенной книге, автор поведал и о втором хождении Алек-

¹⁷⁶ Загоровский В.П. Изюмская черта. С. 81.

сия в Орду, когда святитель «лютейшаго варвара... сына Чанибекова Бердебека, устремившася пленити землю Русскую, своим уветливым увещанием... удержа от лукаваго предприятия». Совершая такие подвиги при жизни, ныне святой «много паче... силен есть сотворити: луки враг ваших сокрушити, мечи сломати и самы попати», ибо и имя его есть Пособитель!

Немало сил затратил оратор, чтобы внушить, будто несколько сотен воинов, которые Запорожье обычно могло двинуть в поход, непременно одолеют орды басурман, беря пример с Давида, Иезекии и иных ветхозаветных героев. По его словам, сам Бог велит иереям сказать в год брани: «вы выходите днесь на рать врагом вашим, не убойтесь, ниже устрашитесь, и не уклонитесь от лица их», ибо Господь перед вами идет на врагов ваших. С турецким султаном, перекопским ханом и всеми их воеводами «мышца плотная», — с вами же Бог, говорил Игнатий, ибо вы бьетесь за его славу, за святую Церковь, за плененных братьев. «Ополчится Господь за вас, — повторяет оратор, — яко вы перс(я)ми вашими аки стеною необоримою ограждаете православныя христианы!»

Победа с теми, кто идет на супостата «единым сердцем, единою душою... Тако бо в едино совокупленным вражия сила одолети не возможет, яко и стрел во едином снопце никто же сломиши доволен — тыя же паки по единой разлученныя и малая ломит сила!» Победа с теми, кто вручил дела свои Матери Божией, кому покровитель сам святой Алексей, закрывающий омофором от вражеских стрел и сокрушающий пастырским железом «лютая оружия сопротивных». И будут запорожцы, перефразирует Библию Игнатий, страшны в очах врагов, «да един от вас поженет тысящу и два двигнета тьмы!»

Конкретное вначале, «Слово» Корсакова постепенно достигает высокого обобщения. Оратор призывает запорожцев не просто в новый поход, но на освобождение «немощного» христианства *всех земель*, «яже от благочестивых царей злочестивии врази неправедно восхитиша». — Да все это «паки взыщут во державу благоверному нашему государю царю», чтобы вновь звучали благочестивые молитвы в оскверненных ныне храмах. Так оборонительная война, начатая Россией по союзному обязательству перед Речью Посполитой, превращается в устах Игнатия в священную войну с «басурманством», в этап великой борьбы за *объединение всех православных земель под крыльями российско-*

го двуглавого орла. «Не нам, Господи, не нам, но имени твоему даждь славу... ныне и во вечныя веки!» — заключил свое пламенное выступление Корсаков.

Неподдельная эмоциональность «Слова» свидетельствовала о глубоком убеждении Игнатия в необходимости освобождения Европы от «агарян» и о бесспорном лидерстве Российского царства в этой борьбе. Мысль эта стала едва ли не главной в творчестве публициста и историка. Между тем война, начатая в 1673 г. под знаком прекрасной идеи оборонительного союза славянских государств против мусульманской агрессии в Европе¹⁷⁷, стала крупнейшим дипломатическим поражением правительства канцлера А.С. Матвеева — друга и покровителя восшедшего на патриарший престол в 1674 г. Иоакима. Польша, на помощь коей устремилась, согласно союзному договору, Россия, не столько сражалась, сколь была сражаема. Не успели русские полки собраться в поход, как Речь Посполитая уже потеряла Каменец-Подольский и заключила с турками позорный Бучачский мир, не только нарушив союзнические обязательства, но прямо *поставив Россию под удар*, «уступив» неприятелю Правобережную Украину с *Киевом*.

Хотя чрезвычайными усилиями российской дипломатии этот договор удалось разорвать, Польша оставалась союзником ненадежным и опасным. Матвеев крупно просчитался, надеясь привлечь к союзу иные христианские государства Европы. Посольства в Рим и Венецию, Священную Римскую империю Германской нации, Англию, Францию, Испанию, Швецию, Голландию, Курляндию, Бранденбург и Саксонию (а также в традиционно неприятельский туркам Иран), не добились ни малейшей помощи¹⁷⁸. Тем не менее, российские войска уже в 1673 г. были брошены в массированное наступление и увязли в кровавых боях,

¹⁷⁷ Идея была четко сформулирована еще в речи царевича Алексея Алексеевича в 1667 г.: *Лубиенец С. де*. Исторический рассказ о торжественном въезде... господ... посланных... королем польским... к светлейшему Алексею Михайловичу московскому... / Публ. М.Д. Бутурлини // Бумаги Флорентинского центрального архива, касающиеся до России. Ч. 2. М., 1871. С. 388—431.

¹⁷⁸ См.: *Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 1. М., 1894. С. 24—25, 120—121, 163, 188, 231; Ч. 2. М., 1896. С. 18, 208, 237; Ч.3. М., 1897. С. 9—10, 145; Ч. 4. М., 1902. С. 12—14, 82, 191, 258; АЮЗР. Т. XI. СПб., 1878. С. 104.

развернувшихся на огромном фронте от Днестра до Азова. Турецкий султан лично командовал походом на Правобережье, где его форпостом был хорошо укрепленный Чигирин — столица гетмана-изменника П.Д.Дорошенко. Крымский хан всей ордой ломился через «засечную черту» — укрепленную границу России с Диким полем. В свою очередь русские полки пробивали выход в Азовское море. Под командой прославленного воеводы Г.И.Косагова построенный на Воронежских верфях военноморской флот вместе с донцами бороздил Азовское и Черное моря «для промыслу над турецкими и крымскими берегами»¹⁷⁹.

К воцарению юного Федора Алексеевича в начале 1676 г. Правобережная Украина была пустыней, на которую с ужасом взирали гетманы-соперники Дорошенко и Самойлович («от Днестра до Днепра духа человеческого нет...»)¹⁸⁰. У России имелись в наличии повышенные налоги и, при огромной недоимке, постоянные экстренные поборы, ограниченные мобилизационные ресурсы и распыленные на чрезвычайно растянутом фронте регулярные войска, которые были достаточно боеспособны, но составляли меньшую часть армии¹⁸¹. Уже через несколько месяцев, в октябре 1676 г., провал курса Матвеева обнажился с ужасающей ясностью. Польский король Ян Собеский заключил с неприятелем новый сепаратный мир. По предательскому Журавинскому договору Речь Посполитая не только «уступала» Турции и Крыму «свою» Украину — но обещала военную помощь против России. Однако царь Федор, пожаловав боярство князю Василию Васильевичу Голицыну (который уже 18 лет пребывал в стольниках), вовремя отправил его с чрезвычайными полномочиями на Украину. Русская дипломатия, подкрепленная энергией талантливых военных (Г.Г.Ромодановского, Г.И.Косагова, И.И.Ржевского и др.), одержала первую тактическую победу.

17 октября, когда Ян Собеский готовился подписать унижительный договор, перед царем Федором и Боярской думой бы-

¹⁷⁹ Страшная и опустошительная русско-турецкая война 1673—1681 гг. упорно не замечается большинством историков, несмотря на массу архивных материалов о ней, собранных *В.П.Загоровским* (Белгородская черта. Воронеж, 1969; Изюмская черта; и др.).

¹⁸⁰ *Костомаров Н.И.* Руина. С. 490—495; *Соловьев С.М.* История России. Кн. VI. С. 449—498; и др.

¹⁸¹ О ресурсах российского правительства и мерах царя Федора Алексеевича см.: *Богданов А.П.* В тени Великого Петра. М., 1998.

ли брошены клейноты Правобережной Украины вместе с турецкими значками, взятыми в сдавшемся без крови Чигирине. Теперь место решающих битв было определено: инженеры и гвардия укрепляли Чигирин, Ромодановский собирал в своей армии лучшие регулярные полки. Энергично готовился к обороне и Киев, хотя турки не могли идти на него в обход Чигирина ни по военным, ни по политическим соображениям. Российская армия получила возможность дать генеральное сражение под Чигирином. Разгром 60-тысячной армии Ибрагим-паши летом 1677 г. предотвратил страшивший Москву удар турок на Киев и захват ими всего Правобережья. Противоборство великих держав явственно сосредоточилось на Чигирине. И в то же время в Москве (как и в Стамбуле) разгорелся закулисный конфликт между благоразумными дипломатами и решительно настроенными военными.

Первое, после более чем столетнего перерыва, боевое столкновение с собственными войсками Османской империи¹⁸², чрезвычайно беспокоило московские власти. Перед лицом грозящего нашествия патриарх Иоаким издал и разослал по стране последование молебного пения «*Во время нахождения супостатов*» (М., 1677). В то же время многие были захвачены всеобщим энтузиазмом и надеждой на скорую, решительную победу, царившими в русских и украинских войсках¹⁸³. Игнатий Римский-Ко-

¹⁸² Перманентная война с ее вассалом, Крымским ханством, практически не утихала, см.: *Багалея Д.И.* Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887; *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI—XVII вв. Т. 2 // Ученые записки МГУ. Вып. 94. 1946; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л., 1948 (здесь приведен и более поздний материал); *Апанович О.М.* Запорожская Сечь в борьбе против турецко-татарской агрессии 50-70-х годов XVII в. Киев, 1961; *Wóycik Z.* Rzeczpospolita wobec Turcji i Rosji 1674—1679. Studium z dziejów polskiej polityki zagranicznej. Wrocław, 1976; *Фаизов С.Ф.* Взаимоотношения России и Крымского ханства в 1667-1677 гг. (от Андрусовского перемирия до начала первой русско-турецкой войны). Автореф. Саратов, 1986; и др.

¹⁸³ Высокий боевой дух войск и до победы над Ибрагим-пашой отмечает в своих дневниках даже полковник Патрик Гордон, не упускавший случая сообщить о всевозможных недостатках в армии. См.: Дневник генерала Патрика Гордона. М., 1892. С. 101—194; *Gordon P.* Sixteen Further Letters of General Patrick Gordon / Ed. S.Kononov // Oxford Slavonic Papers. 13 (1967). P. 72—95.

расков, наводивший порядок в церковных уставах на возрождающихся после разгрома восстания Соловках (1676—1680), отметил торжество российского оружия завершением к 1 декабря 1677 г. первой части своего *Ирмология* — свода церковной музыки для всего православного мира¹⁸⁴. Игнатий отразил в рукописи синтез славянских певческих традиций «в сербах, и в болгарях, в Белоруссии», нотации «старых московских требников и прежних греческих переводов», глубокое знание старого (времен Иоанна Златоуста) и новогреческого многоголосого пения.

Однако не всем россиянам казалась близкой перспектива скорого начала православной службы в храме Софии Константинопольской. На памяти были ужасы Великого разорения России после славных побед над Казанским, Астраханским и Крымским ханством. Не случайно именно в это время в Москве явились, наконец, труды описавшего эти победы и ужасы А.М.Курбского. Согласно владельческой записи, книга сочинений и переводов обличителя тирании и православного просветителя князя Андрея Михайловича, центральное место среди которых занимала «История о великом князе Московском», была «писана... в дому боярина князя Василья Васильевича Голицына» накануне первого Чигиринского похода, 22 января 1677 г. Передающий владельческую запись список с нее был сделан уже во время похода на Украину¹⁸⁵. Он включил материалы, развивающие политическую направленность «Истории» (перевод частей «Хроники Сарматии Европейской» Александра Гваньини¹⁸⁶),

¹⁸⁴ Рукопись с авторскими крюками и пометами см.: РНБ. Соловецкое собр. № 277/282. Соловецкий Ирмологий явился значительным событием русской музыкальной культуры XVII в. В нем были даны «все ирмосы осмогласникаладычных же и Богоматере праздников всего лета», Октоих, Обиход (включая заздравное пение под поднятие чаши), Праздникарь и, наконец, добавленное по просьбе братии Всенощное бдение Зосиме Соловецкому. Сравнение литургической музыки Игнатия и Николая Андреевича Римских-Корсаковых являет родство душ первого композитора фамилии с величайшим в ней. В ряде распевов (например, на текст «Приидите поклонимся») музыка «бунташного века», исполняемая «нескоро, со сладкопением», возвышенная и мощная, достигает редкостной красоты и воспринимается подлинным символом расцветающей России.

¹⁸⁵ И ныне хранится в Центральной научной библиотеке Харьковского государственного университета, № 168.

¹⁸⁶ «О обычаях царя и великого князя Иоанна Васильевича» и «Описание царства Московского»: кн. 7, ч. 3 и 1 «Хроники».

поэму Симеона Полоцкого на смерть царя Алексея Михайловича (1676 г.), а также перевод повести Андрея Тарановского «О приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань» — единственного подробного повествовательного источника о первой русско-турецкой войне¹⁸⁷. Последующие списки сборника распространялись среди избранного круга придворных. Они принадлежали боярину и дворецкому Б.М.Хитрову (1679), патриарху Иоакиму, С.Б.Ловчикову (1680-е гг.), Ф.П.Орлову (ок. 1684), одна рукопись 1680-х гг. не имеет владельческой записи¹⁸⁸. Логично предположить, что переводы из Гваньини и Стрыйковского были сделаны во время спокойного для армии Голицына первого Чигиринского похода членом свиты главнокомандующего Андреем Ивановичем Лызловым. По крайней мере, именно он в марте 1682 г. дополнил сборник переводом 2 главы 1-й книги и 1-3 глав 4-й книги Хроники Стрыйковского¹⁸⁹. В этой редакции «Сборник Курбского» принадлежал в XVII в. стольнику Ф.И.Дивову и занял заметное место в рукописной традиции кодекса¹⁹⁰. Лызловым же сборник в Голицынской редакции основательно использовался при работе над фундаментальной «Скифской историей».

История трагичного для турок похода 1569 г. в российские пределы свидетельствовала, в частности, о могуществе дипломатии, способной уравновесить несопоставимые военные силы и содействовать сокрушительному поражению превосходящего по численности и вооружению неприятеля. Однако ее нелегко было понять по одному сочинению Тарановского, без использования дипломатических архивов¹⁹¹. Значительно больше для понимания стратегической ситуации в 1677/78 гг. давало сочине-

¹⁸⁷ Довольно, впрочем, известного к тому времени на Руси в составе весьма популярной Хроники Мацея Стрыйковского. См.: *Рогов А.И.* Русско-польские связи в эпоху Возрождения (Стрыйковский и его хроника). М., 1966.

¹⁸⁸ См.: *Лурье Я.С., Рыков Ю.Д.* Археографический обзор // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 277—286.

¹⁸⁹ ГИМ. Синодальное собр. № 460. См. запись на л. 376: «Ныне же переведено от славено-польского языка во славнороссийский язык труды и тщанием Андрея Лызлова, стольника его царского пресветлого величества, лета от Сотворения мира 7190, от воплощения же Слова Божия 1682, месяца марта».

¹⁹⁰ *Лурье Я.С., Рыков Ю.Д.* Указ. соч. С. 282—286.

¹⁹¹ См.: *Богданов А.П.* Первые российские дипломаты. С. 15—33.

ние Симона Старовольского «Двор цесаря турецкого и жительство его в Константинограде», впервые напечатанное в 1646 г. в Кракове и за полстолетия выдержавшее пять изданий. Русское правительство заинтересовалось этой книгой незамедлительно. В реестре № 2 Турецкого двора Посольского приказа за 1646 г. (РГАДА) Н.А.Смирнов нашел упоминание о переводе первых 16 глав сочинения Старовольского. В 1649 г. дьяком Г.Кунаковым правительству было доставлено новое издание книги. А всего во второй половине XVII в. появилось *восемь* русских переводов «Двора»¹⁹².

Не только описание турецких арсеналов и мощного военного производства, но в еще большей мере сведения о доходах и расходах султанов, пронизывающие все повествование (включая «утехи» в серале), о традициях и религии, давали представление о военно-экономическом могуществе Османской империи и идеологических основах ее агрессии в Европе. Даже эти устаревшие данные в достаточной мере подтверждали убеждение царя Федора и его единомышленников, что Турция не смирится с поражением на Украине и в максимально благоприятных для себя условиях способна если не победить на поле брани, то довести Россию до разорения худшего, чем в недавнюю войну с Польшей и Швецией. Заключение Лызлова в «Скифской истории», что причиной успешной агрессии турок была, во-первых, разобщенность и даже вражда между христианами, а во-вторых — массивность действий султанов, бросавших

¹⁹² Шесть из них описаны: *Иссерлин Е.* Лексика русского литературного языка второй половины XVII в.: Автореф. Л., 1961. К ним следует прибавить перевод, отмеченный в описи РГАДА, и перевод краковского издания 1689 г., сделанный князем М.Кропоткиным в Белграде (РГБ. Собр. Пискарева. № 173). Рукописи указаны Е.В.Чистяковой. Перевод Андрея Лызлова, согласно авторской записи законченный в ноябре 1686 г. и почти полностью включенный им в «Скифскую историю», был лучшим в XVII в., в частности, наиболее аналитическим (он проанализирован: *Чистякова Е.В.* «Скифская история» А.И.Лызлова и труды польских историков XVI—XVII вв. // ТОДРА. Т. XIX. М.-Л., 1963. С. 351—152). Живой рассказ Старовольского о достопримечательностях Стамбула и жизни султанского двора был тщательно адаптирован Лызловым для русского читателя с помощью пояснений и комментариев в квадратных скобках и на полях, без вторжения в авторский текст (*Андрей Лызлов.* Скифская история. С. 279—342, 444—445 и комм.).

все свои силы и средства на одного противника, появилось как следствие тщательного исторического анализа, позже описываемых событий. Но дипломатам 1670-х гг. не надо было догадываться о последствиях войны один на один с Османской империей, особенно при информированности о настроениях таких активных соседей, как поляки и шведы. Даже стольник свиты Голицына, не говоря уже о высокопоставленных лицах, наверняка имел между двумя Чигиринскими походами достаточно информации для верных умозаключений.

Сам царь Федор Алексеевич знал польский язык, однако в 1678 г. по его указу в Посольском приказе был сделан новый, очень точный перевод сочинения Старовольского. В это же время государь лично изучил (по справке Посольского приказа) историю русско-турецких дипломатических отношений с 1613 г. и отправил мирное посольство в Стамбул. Он убедился, что только сравнив Чигирин с землей, две державы получают шанс на выход из войны¹⁹³. С другой стороны, огромное значение придавали Чигирину поляки. С ними как раз истекала последняя пролонгация Андрусовского перемирия, по которому Россия была обязана вернуть Речи Посполитой Киев и ряд других городов. Уступка Украины туркам, по мнению воинственно настроенных панов, не давала повода даже помыслить о переходе Правобережья к Москве¹⁹⁴.

Однако просто «разорить» Чигирин россиянам было невозможно. Турецко-крымская военщина притязала минимум на *все* Правобережье. Ее следовало остановить и строго наказать, чтобы благоразумные дипломаты смогли закрепить мирным договором достигнутое военно-политическое *status quo*. Преподать урок туркам и татарам должны были русские и украинские военные, которые, в свою очередь, не могли думать о разрушении Чигирина иначе, как о катастрофе¹⁹⁵. Угроза военного поражения заботила всех, вплоть до государя, лично вникавшего в де-

¹⁹³ РГАДА. Ф. 89. Кн. 15—17; историческую справку см.: кн. 14. Ч. 3.

¹⁹⁴ *Потов А. [Н.] Русское посольство в Польшу в 1673—1677 годах.* СПб., 1854; *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Польшей...; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 184—188; *Таннер, Бернгард.* Описание путешествия польского посольства в Москву в 1678 г. / Публ. *Ивакин И.* // ЧОИДР. 1891. Кн. 3 (158). Отд. 3. С. I—XI, 1—203.

¹⁹⁵ См. документы миссий В.М.Тяпкина и А.Ф. Карандеева: РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Свитки 1677 г. № 24, 25, 31, 37.

тали энергичных мероприятий по укреплению Киева и Чигирина¹⁹⁶. Царь и его ближайшие советники беспокоились напрасно. Кампания 1678 г. прошла в точном соответствии с их секретным планом. Огромная армия великого визиря Кара-Мустафы понесла тяжкие потери в жестоком многодневном сражении за Чигиринские высоты; сам Чигирин, по словам храброго Гордона, «был оставлен, но не покорен»¹⁹⁷; его развалины остались в утешение туркам; командующий российской армией Г.Г.Ромодановский в отличном порядке отвел войска к Днепру, где русские и украинские полки дружно контратаковали, обратили неприятеля в бегство и без помех ушли на Левобережье; визирь, подсчитав потери и сравнив с землей остатки Чигирина, удалился в сторону Буга, на котором запорожский атаман Иван Серко сжег мосты; наконец, подоплека событий осталась тайной не только для современников, но и для исследователей¹⁹⁸.

За Днепром Ромодановский подал в отставку; отводить войска на зимние квартиры пришлось уже В.В.Голицыну¹⁹⁹. В глазах армии и народа заслуженный воевода был обесчещен, о его «измене» ходили самые дикие слухи. 15 мая 1682 г. князь Григорий Григорьевич был разорван на части, защищая царский дворец от разъяренных стрельцов и солдат. Его сын Михаил, служивший в Чигиринских походах помощником отца, во время Московского восстания чудом избежал позорной смерти (и позже был обвинен Петром в сговоре со стрельцами). Оба унесли в могилу тайну падения Чигирина по *прямому указу царя Федора Алексеевича*, повелевшего держать все в секрете²⁰⁰. Именной, то есть принятый без обсуждения в Думе указ государя от 11 июля 1678 г. говорил о разрушении Чигирина без обиня-

¹⁹⁶ ДАИ. Т. 9. СПб., 1875. № 28, 37, 44. I—II, 45, 47. I—III; и др.

¹⁹⁷ Дневник генерала Патрика Гордона. С. 185.

¹⁹⁸ Тайна оставления Чигирина не раскрыта даже в наиболее глубоких исследованиях Чигиринских походов по архивным документам, см: *Попов А.[Н.] Турецкая война в царствование Феодора Алексеевича // Русский вестник. 1857. № 6. С. 143—180; № 7. С. 285—328; Водарский Я.Е. Международное положение Русского государства и русско-турецкая война 1676—1681 гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 518—531.*

¹⁹⁹ *Загоровский В.П.* Изюмская черта. С. 101; ПСЗ-I. Т. 2. № 706.

²⁰⁰ «А сее бы нашу грамоту,— писал государь,— держали у себя тайно, и никто б о сем нашем великаго государя указе, кроме вас, не ведал» (СГГиД. Т. IV. № 112. С. 365; ПСЗ-I. Т. 2. № 729. С. 166—168).

ков: командирующему с сыном предписывалось вступить в переговоры с Кара-Мустафой для восстановления «исконной братской дружбы и любви» между царем и султаном. «Буде никакими мерами до покоя достигнуть, кроме Чигирина, визирь не похочет, — приказывал Федор Алексеевич, — и вам бы хотя то учинить, чтоб *тот Чигирин*, для учинения во обеих сторонах вечного мира, *свесть, и впрядь на том месте... городов не строить*» (выделено мной. — А.Б.)

Единственная предосторожность предписывалась князьям Ромодановским: «того смотреть и остерегать накрепко, чтоб то чигиринское сведение не противно было малороссийским жителям!» Но в то время для украинцев Чигирин был политическим центром едва ли не более важным, чем Киев. Посему русское командование предприняло все, чтоб турки *сами* взяли крепость и чтобы у казаков, первыми ударившихся в бегство, не было поводов для возмущения... хотя бы московским правительством. Конечно, вовсе скрыть дело под покровом тайны было невозможно. Так, до Гордона дошел слух, что Г.Г.Ромодановский в десятых числах июля получил царское предписание вывести чигиринский гарнизон и взорвать крепость, если нельзя будет удержать ее²⁰¹. Однако даже поляки, даже турецкоподданный Юрий Хмельницкий, для которых одно заявление, что Чигиринская трагедия была задумана Москвой, было бы на вес золота, не смогли найти оснований для политического обвинения.

Всю тяжесть подозрений и позора принял на себя Г.Г.Ромодановский, выполнивший тайный царский указ несмотря на то, что он явно противоречил и собственным убеждениям командирующего, 20 лет исправно защищавшего Украину²⁰², и указу царя «по совету» с патриархом Иоакимом и приговору Боярской думы от 12 апреля 1678 г., в котором повелевалось заявить туркам, что *вся Малороссия издревле царская и лишь «на некоторое время от подданства... отлучилась... а у турецких султанов никогда Малая Россия в подданстве не бывала»*²⁰³.

²⁰¹ Дневник генерала Патрика Гордона. С. 168; ср.: *Потов А.* Турецкая война... С. 215—216.

²⁰² С 1657 г. князь командовал Белгородским полком — главной русской армией на юго-западе.

²⁰³ ПСЗ-І. Т. 2. № 723. Цит. с. 157, 159; СГГид. Т. IV. № 111. Ср. с наказом 1677 г.: *Забелин И.Е.* Приговор бояр относительно Чигиринского похода 185 г. М., б/г. С. 5—6.

В.В.Голицын на этот раз удачно избежал обвинения в измене, хотя и не пытался специально подставить Ромодановского. Перед походом Василий Васильевич боролся за назначение главнокомандующим для проведения своей политики умиротворения турок, но победили сторонники войны — и утвердили князя Григория Григорьевича, взявшего защиту Чигирина на свою личную ответственность²⁰⁴. В качестве последнего штриха трагедии самопожертвования, разыгравшейся на глазах будущего автора «Скифской истории», следует вспомнить, что младший сын Ромодановского уже давно находился в крымском плену и подвергался истязаниям всякий раз, когда отец бил татар. Зная о страданиях Григория Григорьевича, царское правительство никогда не сомневалось, что они не заставят полководца щадить противника. И эта многолетняя жертва Ромодановского выглядела напрасной, когда он подчинился указу оставить Чигирин...

Цена дальновидной политики умиротворения турок была довольно высока и для государства. «Разорить и не держать Чигирин отнюдь невозможно, и zelo безславно, и от неприятеля страшно и убыточно», — заявлял царскому представителю Тяпкину в 1677 г. Ромодановский. Беспокойство охватило россиян уже при первых вестях об оставлении Чигирина; патриарх Иоаким 26 августа 1678 г. призвал всю страну молиться за государя «и за вся люди от нахождения варваров»²⁰⁵. Московское правительство, по обыкновению, пыталось представить кампанию победоносной; свои потери убитыми определяли в 3290 человек, ранеными — в 5430 человек, тогда так турецко-крымские — в 30-60 тысяч²⁰⁶. Однако же, Ромодановскому было опасно показаться в Москве, «чтобы народ не взволновался; так сильно против него негодование»²⁰⁷. На Украине страх и возмущение были гораздо сильнее. Обвиняли вместе с Ромодановским гетмана Самойловича — и не без оснований. Князю Григорию Григорьевичу было велено согласовать «Чигиринское сведение» с гетманом: прежде тот резко выступал против этой акции но, по-видимому, учитывал роль Чигирина как ставки правобережных гетманов-соперников. Когда после ухода армии Кара-Мустафы зна-

²⁰⁴ РГАДА. Ф. 124. Оп. 1. Св. 1678 г. № 11.

²⁰⁵ ДАИ. Т. 8. СПб., 1862. № 33. Цит. С. 101.

²⁰⁶ *Смирнов Н.А.* Россия и Турция... С. 159—162.

²⁰⁷ *Попов А.* Турецкая война... С. 321—322, ср. С. 325—326.

чительная часть Правобережья перешла на сторону Юрия Хмельницкого, Самойлович бестрепетно приказал согнать оттуда население на Левый берег и выжечь оставшиеся города, местечки, села и хутора²⁰⁸.

Важным средством пропаганды не только для Украины, но для всего Российского государства был издаваемый центром просвещения Восточной Европы «*Синописис*» (греч. «свод», «обозрение»): первая печатная книга по истории Руси. В 1678 г. Киево-Могилянская коллегия предприняла второе издание этого популярнейшего произведения, дополненное описанием разгрома Ибрагим-паши («О первом басурманском приходе под Чигирин»). Следующее издание (Киев, 1680), содержавшее описание героической битвы за «Чигиринскую гору» в 1678 г., подчеркивало исконную драматичность борьбы с басурманами²⁰⁹ и оправдывало жертвы, принесенные на алтарь свободы²¹⁰.

Возмущение Малороссии было учтено царем Федором при принятии тяжкого решения оставить Чигирин и постепенно «утишено». Неожиданной была острая реакция вроде бы спокойных *мусульманских подданных* России, воспринявших падение Чигирина как признак слабости «Белого царя». «Твой, великаго государя, город Чигирин турские и крымские люди взяли и твоих государевых людей побили, — доносили Федору Алексеичу о мотивах вспыхивавших тут и там восстаний, — а они де потому и будут воевать, что их одна родня и душа: они де, турские и крымские — там станут битца, а они, башкирцы и тотара — станут здесь (в Приуралье и Сибири.— А.Б.) битца и воевать»²¹¹.

Но проявившийся в границах державы мусульманский фактор потонул в более широкой и мощной волне восстаний *кочевых народов*, прокатившейся по стране в 1678-1679 гг. Возмущением были затронуты, используя принятое в XVII в. определение, *инородцы* самых разных вероучений и языков: калмыки, татары, башкиры, киргизы, ногайцы, тувинцы, тунгусы, ханты, самоеды, коряки и т.п., — от Поволжья и Урала до Даурии и Камчатки. Энергичные меры царского правительства по защите инородцев от «обид» и по сыску «неправд» местных властей,

²⁰⁸ Там же. С. 321; Соловьев С.М. История России. Кн. VII. С. 215—216.

²⁰⁹ Вставное «Сказание о Мамаевом побоище» заняло четверть книги.

²¹⁰ Статья «О свободе или вольности славянской». О памятнике см.: Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено...». С. 50—59.

²¹¹ ДАИ. Т. 8. № 15; ср. АИ. Т. 5. СПб., 1842. № 40.

требования «к иноземцам держать ласку и привет» и предоставлять им «жить по своей воле» — перемежались кровавыми боями русских с кочевниками на огромных пространствах²¹².

Попытки либерального царя Федора простереть «милостивое и кроткое» правление на инородцев и жестокое преследование им «неправедных» воевод были широко известны. Тем удивительнее оказался взрыв волнений и восстаний по всему российскому Востоку при распространении слухов об успехе турок и крымских татар, мало или вовсе незнакомых большинству возмущившихся племен и кланов, в том числе буддистских и языческих. Понятие *скифы*, положенное А.И.Лызловым в основу его будущей монографии, было крайне жестоко сформулировано самой жизнью. Причины для недовольства могли быть различными, однако кочевники (прежде всего скотоводы, но также охотники и рыболовы) проявили свою общность *против земледельцев*. Документы отлично фиксируют эту особенность: резне подвергались и русские, и инородческие села и деревни, прилежащие земледелию и вообще оседлому способу хозяйствования.

Указы царей, отчеты воевод и атаманов о боевых действиях весь XVII век повествуют о попытках племенной знати кочевников вернуть в свою власть (а то и просто в рабство) оседавших на землю инородцев без особого различия языков и веры. Но события 1678-1679 гг. явили общность гораздо более широкую, далеко выходящую за рубежи России. И международная политика правительства царя Федора Алексеевича, а позже канцлера В.В.Голицына, искавших союза с *христианскими государствами*, отчетливо подразумевала необходимость совместной обороны именно и исключительно *оседлых, земледельческих народов*, противопоставленных «*скифам*».

Если скифский фактор был теоретически трудно различим, но практически действен — то понятие *христианского мира*, древле входившее в мыслительный арсенал и активно использовавшееся политиками, подвергалось дискредитации. Поведение короля Яна Собеского и всей Речи Посполитой — как будто взявшихся отвергнуть идеи христианского и славянского единства своим клятвopреступным союзом с басурманами — не просто угрожало россиянам, но оскорбляло в лучших чувствах тех,

²¹² ДАИ. Т. 7. СПб., 1859. № 61; Т. 8. № 15, 44.I—XXV; АИ. Т. 5. № 40, 44, 53.

кто пошел в бой ради спасения родственников по вере и крови соседей, для защиты от общей угрозы агарянского нашествия. Не лучше обстояло дело и с иными «христоименитыми странами», казалось, забывшими о вере в борьбе за земли и сферы влияния. Само решение о вступлении России в войну оказалось трагической ошибкой правительства А.С.Матвеева, поскольку в том же 1672 г. все предполагаемые христианские союзники бросились терзать друг друга. Чигирин был оставлен до того, как Империя, Испания, Голландия и Пруссия прекратили, наконец, кровопролитную войну против Франции, Англии и Швеции.

Сразу по заключении Нимвегенского мира (1679), на время остановившего европейское междоусобие, Россия вновь предприняла энергичную попытку сколотить христианскую коалицию для совместного отражения турецко-татарской агрессии. Не боясь насмешек над «варварами-московитами», не понимающими «европейской конъюнктуры», послы царя Федора Алексеевича в 1678-1681 гг. проводили во всех западных столицах одну линию, твердя о необходимости хоть на время отложить распри и мобилизовать ресурсы, чтобы остановить, а по возможности и «воспятить» наступление басурман. Добиться этой цели не удавалось вовсе не от недостатка ума и гибкости российских дипломатов, недооценка коих нередко приводила западных политиков к печальным последствиям²¹³. Западная геополитическая мысль Нового времени, отягощенная остротой противоречий внутри небольшого европейского региона, еще не пришла к пониманию необходимости стратифицировать международные проблемы по степени их жизненной важности. Россия была вынуждена пойти на крайние меры, чтобы антитурецкая коалиция возникла хотя бы в условиях реальной военной опасности.

Слабость идеи христианского единства проявились при первых же после гибели Чигирина переговорах. В ответ на призыв к христианской совести, король Ян Собеский и магнаты требовали «возвращения» Украины, а имперский канцлер отмахнулся от союзного соглашения 1675 г., по которому Россия уже провела военную демонстрацию на границах Швеции²¹⁴. Уме-

²¹³ См., напр.: *Богданов А.П.* Московское восстание 1682 г. глазами датского посла / Пер. текстов *В.Е.Воззри* // ВИ. 1986. № 3. С. 78—91.

²¹⁴ ПДС. Т. V. СПб., 1858; РГАДА. Ф. 32. Сношения с Империей. Оп. 1. № 26—28; Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. № 189—191.

рить реваншистские настроения шляхты удалось ценой невероятно трудных и многочисленных посольств 1678—1682 гг., причем в ходе переговоров отсутствие вопроса о Чигирине и Правобережье (исключая Киев) сыграло весьма важную роль²¹⁵. Западный фланг России остался в безопасности. Спорные проблемы северных территорий, при обоюдной демонстрации неприязни, по потаенному согласию со Швецией были отложены, к вящему успеху пограничной торговли²¹⁶. Тесная взаимовыгодная связь с Нидерландами, Данией и Пруссией, которые усердно вынашивали планы антишведской коалиции (подогревавшиеся Францией, недавней союзницей Швеции), весьма способствовала спокойствию северных рубежей России²¹⁷.

Изрядную сложность представляли отношения с Францией, насколько было известно Посольскому приказу, упорно интриговавшей против России через вторые руки. Россияне же окольным путем вышли на Римского папу, дабы тот оказал влияние на Францию. Демонстративно теплый прием великолепного посольства П.И.Потемкина в Англии (открывшей постоянную резидентуру в Москве) и особенно в Испании должен был еще более насторожить правительство Людовика XIV. Конечно, предложение Потемкина объединить силы Франции и ее злейшего врага — Священной Римской империи германской нации, давало иноземцам повод посмеяться над варварством московитов. Этот смех был бы более сдержанным, знай французские дипломаты о том, что Посольскому приказу были ведомы их усилия

²¹⁵ РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. № 192—204. Ср.: *Конфеева Т.Н.* Русско-польские отношения во второй половине XVII века (1667-1686). Автореф. Л., 1952; *Французова Е.Б.* К истории русско-польских отношений в последней трети XVII в. // ИЗ. Т. 105. М., 1980. С. 280—293.

²¹⁶ РГАДА. Ф. 96. Сношения со Швецией. Оп. 1. № 102—109. Ср.: *Форстен Г.В.* Сношения Швеции и России во второй половине XVII века. 1668—1700 // ЖМНП. 1899. № 6 (Ч. 323). С. 312—338.

²¹⁷ РГАДА. Ф. 53. Сношения с Данией. Оп. 1. № 16—23; Ф. 74. Сношения с Пруссией. Оп. 1. № 5; *Замысловский Е.Е.* Сношения России с Швецией и Данией в царствование Федора Алексеевича. СПб., 1889; *Ловягин А.М.* Посольство Кунраада фан Кленка к царям Алексею Михайловичу и Феодору Алексеевичу. СПб., 1900; *он же.* Голландец Кленк в Московии // ИВ. 1894. № 9. С. 760—791; *Белов М.И.* Россия и Голландия в последней четверти XVII в. // Международные связи России в XVII—XVIII вв. (Экономика, политика, культура). М., 1966; *Богданов А.П.* Московское восстание 1682 г. глазами датского посла; и др.

поддержать войну Турции против России, как и то, что они еще более заинтересованно подталкивали Блистательную Порту выступить против Габсбургов. В сложившихся условиях российское правительство способствовало успеху тайных, как казалось французам, усилий дипломатов Людовика XIV. Единственное, чего реально добивались русские послы, было удержать Францию от нарушения нейтралитета на Рейне, когда турецко-татарские орды ворвутся в восставшую против Империи Венгрию и устремятся далее, к Вене. Этот успех был достигнут²¹⁸.

В то время, когда христианское единство оказалось фикцией, басурманы также не проявили должной общности с султаном, после захвата Мекки и Медины гордо именовавшимся «главой всех мусульман». Правда, опасность объединения мусульманских государств и орд против уверенно наступавшей в Азии христианской державы оценивалась в Посольском приказе высоко. Мирный договор с калмыцким ханом, например (1677), был после падения Чигирина фактически разорван, поскольку влиятельнейший тайша Аюка заключил союз с Крымом (1680) и послал своих всадников воевать с Россией²¹⁹. К объединению усилий с Турцией и Крымом, по достоверным известиям, склонялись также Бухарское, Хивинское и Юргенчское ханства. В то же время русский резидент в Персии (издревле политически и конфессионально противостоявшей Блистательной Порте, но обеспокоенной русской политикой на Кавказе) отнюдь не обнадеживал царя Федора Алексеевича возможностью вступления шаха в большую войну с Турцией²²⁰.

Что еще важнее — сама Турция не проявляла особой заинтересованности в объединении мусульманских государственных образований, граничивших с Россией. Не исключено, что в этом сказывался трагический опыт раздоров с подобными союзниками, приведших к почти полной гибели турецкого экспедиционного корпуса в 1569 г. Клановая организация османской ар-

²¹⁸ РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. № 6—9; Ф. 35. Оп. 1. № 19. Ср.: *Капустин М.* Сношения России с Западною Европою во второй половине XVII века. М., 1858; и др.

²¹⁹ РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. № 6; СГГиД. Т. IV. № 107; *Соловьев С.М.* История России. Кн. VII. С. 233—234.

²²⁰ РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. № 20—21; Ф. 109. Оп. 1. № 6. Ср.: Ф. 110. Оп. 1. № 9; Переписка, на иностранных языках, грузинских царей с российскими государями, с 1636 по 1770 гг. СПб., 1861. С. 89—112.

мии хорошо хранила историческую память: особенно янычары, пострадавшие столетие назад более всех. Из книги Старовольского московский двор хорошо знал, что грозные янычары давно не являлись главной силой могучего и разнообразного турецкого воинства. Они составляли меньшинство даже в пехоте и использовались в регулярных боях в крайнем случае. Зато как политическая сила, неоднократно сметавшая султанов и менявшая всю верхушку власти в Османской империи, янычары со временем лишь укреплялись. Это было ведомо московскому правительству и умело использовалось на практике. В 1678 г. на Чигиринских высотах мощный удар был нанесен *именно янычарскому корпусу*, в наивыгоднейших условиях не возмогшему противостоять русским «выборным» солдатам и стрельцам. Это, как и следовало ожидать, сильно укрепило партию мира в Стамбуле и среди турецких сателлитов.

Валашский господарь, сообщая в Москву об огромных, до 30 тысяч человек, потерях Кара-Мустафы, выступил посредником. В Посольском приказе были систематизированы разведывательные и дипломатические материалы по Османской империи (1677—1678) и проанализированы результаты миссии А.Поросукова (1677—1679). Посланники и гонцы в Стамбул и Бахчисарай тщательно подготовили почву для переговоров²²¹, на которые выехал опытный дипломат В.И.Тяпкин²²².

В результате был заключен **Бахчисарайский мир** (1681), согласно которому Россия на 20 лет без потерь выходила из войны, отказавшись помогать неверным христианским союзникам так же, как султан и Крымский хан презрели интересы вопивших о помощи «скифов», вроде тайши Аюки, чьи азиатские владения по умолчанию оставались в сфере геополитических интересов России. Мир, часто критикуемый в исторических исследованиях как пораженческий и убыточный, фактически позволял России делать приобретения в Диком поле по левую сторону от Днепра, все более и более угрожая Крымскому ханству, а на правом берегу закреплял за царем Киев, прочно огражденный

²²¹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. № 14—22; Ф. 123. Оп. 1. № 60—61; *Веселовский Н.И.* Неудавшееся посольство в Крым стольника Б.А.Пазухина в 1679 г. // *ЧОИДР.* 1912. Кн. 30. С. 179—216.

²²² *Статейный список* стольника В.Тяпкина и дьяка Н.Зотова в 1681 г. в Крым // *Записки Одесского общества истории и древностей.* 1850. Т. 1; *Соловьев С.М.* История России. Кн. VII. С. 224—225.

от польских притязаний соглашением о *нейтрализации* остального Правобережья. Ни Россия, ни Турция не должны была строить там крепостей и вводить регулярные войска, казаки и татары получали право мирно держать там рыбные ловли, промыслы и кочевья. О вторжении третьей стороны — Речи Посполитой, которой прежде принадлежали эти земли — не могло быть и речи. Предательство, равно противное христианам и мусульманам, было таким образом жестоко наказано. Условия мира, согласно документам миссии Тяпкина, были заблаговременно одобрены украинским гетманом и старшиной как лучшие, нежели прежний неверный союз с поляками.

Убыточность Бахчисарайского мира явна с точки зрения *предполагаемых возможностей*, упущенных московским правительством в результате решения об оставлении Чигирина. Но следует учесть, что Россия вступала в войну, когда мыслимые позже благоприобретения несомненно принадлежали Польше и на Правобережье сфера царских интересов ограничивалась Киевом. Само взятие Чигирина благодаря энергичным военно-дипломатическим действиям В.В.Голицына стало *вынужденной* мерой в условиях измены союзника. Поэтому то, что Правобережье оказалось разменной картой при умиротворении противоборствующих держав, можно реально оценивать лишь с точки зрения *всей* протяженной и драматичной политической игры.

Османская империя была не вполне удовлетворена условиями договора. Уже при ратификации турки постарались изменить его редакцию, добиваясь всеми правдами и неправдами снятия ограничений на строительство крепостей в низовьях Днепра²²³. Фактические нарушения договора с их стороны ясно показывали компромиссный характер перемирия, необходимого лишь для высвобождения сил, брошенных вскоре на Империю и Польшу. Со своей стороны Россия отказалась от борьбы только в условиях международной изоляции и незавершенности внутренних реформ, проявив зрелость политической мысли. Война в понимании царя Федора Алексеевича, князя Василия Голицына и их единомышленников рассматривалась как инструмент политики, подчинялась политике, а не определяла

²²³ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. № 20—22; ПСЗ-І. Т. 2. № 916 (Адрианопольская 1681 г. и Константинопольская 1682 г. ратификации Бахчисарайского договора).

ее²²⁴. Именно такое соотношение войны и мира, вооруженной борьбы и дипломатии, было отражено позже в «Скифской истории» Андрея Лызлова и отличало ее от бескомпромиссных сочинений Игнатия Римского-Корсакова.

Расчет Москвы, опиравшийся на представление о принципиальной агрессивности Османского государства, в которую не желали верить западноевропейские политики, оказался совершенно справедливым. Уже в июле 1683 г. 200-тысячная армия Кара-Мустафы устремилась к Вене, и только помощь со стороны Яна Собеского (в немалой степени инспирированная русской дипломатией) спасла истощенную осадой столицу Империи от разгрома. На Средиземном море Венеция вынуждена была сражаться за свои сокращающиеся владения. Турки сами заставили западные государства объединяться перед лицом общей опасности и образовать **Священную лигу** на условиях, которые ранее тщетно предлагали московские дипломаты. Союз Империи, Речи Посполитой и Венецианской республики под эгидой Римского папы Иннокентия XI (1684) был основан на отказе от сепаратных договоров с Портой и требовал энергичных усилий по расширению Лиги за счет христианских стран, прежде всего, как было прямо сформулировано в договоре, — России.

Роли диаметрально переменились. Теперь уже западные государства, связанные тяжелой и кровопролитной войной с Турцией и Крымом, вынуждены были на дипломатических переговорах и особенно в публицистике взывать к христианской солидарности перед лицом османской агрессии. Россия, оставаясь сторонним наблюдателем, могла быть уверена, что рано или поздно члены Священной лиги примут все ее требования, начиная, разумеется, с отказа Польши от территориальных претензий к своему будущему союзнику.

Однако что бы там не замышляли политики, озабоченные многолетней перспективой международных отношений, как бы ни противостоял военным планам патриарх Иоаким, армия (и прежде всего дворянство) не могла смириться с отступлением перед турками в 1678 г. Речь шла не только о патриотизме, про-

²²⁴ Подробнее см.: *Богданов А.П., Галактионов И.В., Лукичев М.П. и др.* «Око всей великой России». С. 179—228; *Богданов А.П.* Первые российские дипломаты. С. 33—60; *он же.* Федор Алексеевич // ВИ. 1994. № 7. С. 59—77; *он же.* Царь Федор Алексеевич // Филевские чтения. М., 1994. С. 1—48; и др.

фессиональной гордости и увлеченности имперской идеей, развиваемой Римским-Корсаковым: все российское дворянство испытывало *острый земельный голод*, а служилые по отечеству южных уездов, составлявшие основу регулярной кавалерии, рвались в бой, чтобы выбиться из *нищеты*. В результате смотров 1677—1679 гг. было установлено, что на одного дворянина и сына боярского в южных районах приходится в среднем меньше одного тяглого двора! Стоять на краю черноземов и быть нищими в виду бескрайнего Дикого поля из-за турецкой или татарской опасности было просто нестерпимо²²⁵. Даже привилегированное *московское дворянство*, имевшее поместья и вотчины по всей территории России, исключая Сибирь, за счет роста своей численности (к 1681 г. его списочный состав включал 6385 служилых людей) обнищало изрядно²²⁶.

Правительство способно было удовлетворять лишь самые неотложные нужды в пожалованиях: безземельным военным и чиновникам, дабы они не «отбыли» службы, а также власть поддерживавшим и фаворитам, что для «верхов» всегда является наиглавнейшим. Для этого существовало лишь три способа: передел существующих владений, закрепощение новых категорий населения и имперская экспансия. Дворянство, естественно, с алчностью смотрело на дворцовые владения, составлявшие по переписи 1678 г. 88 тысяч крестьянских дворов, в то время как все вместе думные чины владели 45-ю тысячами дворов. Еще привлекательнее выглядели церковные владения, в которых насчитывался 116461 двор! Только за патриархом было более 7 тысяч дворов, тогда как самый богатый среди бояр имел около 4600, а средний боярин — всего 830 дворов (окольный — 230, думный дворянин — 150 и т.д.)²²⁷. Собственные владения государь мог раздавать невозбранно, но не бесконечно, ибо это бы-

²²⁵ *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. II. М., 1916.; *он же.* Материалы по истории общего описания всех земель Русского государства в конце XVII в. // Исторический архив. Т. VII. М., 1951.; *Загоровский В.П.* Изюмская черта. С. 36—40; *Чернов А.В.* Вооруженные силы русского государства в XV—XVII вв. М., 1954. С. 156—158; ПСЗ-1. Т. 2. № 744, 745, 855 и др.

²²⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 151.

²²⁷ *Новосельский А.А.* Роспись крестьянских дворов, находившихся во владении высшего духовенства, монастырей и думных людей по переписным книгам 1678 г. // ИА. М.-Л., 1949. С. 88—149.

ло противно всей философии феодального государства. Если при Алексее Михайловиче за тридцать лет было роздано 13960 дворов дворцовых крестьян, а при Федоре Алексеевиче за шесть лет — 6274 двора, то диктовалось сие как политической необходимостью, так и щедростью государя²²⁸. Отсутствие рачительного хозяина в правление царевны Софьи и в особенности Нарышкиных сопровождалось пожалованием за 17 лет (1682—1699) более 24 тысяч дворов, причем одни Нарышкины присвоили себе более 6500 из них, перекрыв все раздачи дворцовых владений при царе Федоре²²⁹.

Попытки секуляризации во всех странах Европы были трудны. Не то, что отобрать церковные землевладения — ограничить их рост в России не удалось даже запретительными статьями Соборного уложения. Буквально перед смертью, в марте 1682 г. царь Федор Алексеевич с помощью собора представителей светских феодалов утвердил решение о конфискации вотчин, поступивших в церковное владение после 1649 г. в нарушение Уложения²³⁰. Возможно, не правы были современники, твердившие об отравлении государя заговорщиками. Однако трудно оспаривать факт, что именно патриарх Иоаким возглавил дворцовый переворот в день смерти Федора Алексеевича 27 апреля 1682 г.²³¹, после которого был поставлен крест на большинстве реформ государя и, разумеется, на решении о частичной секуляризации.

Не удовлетворяло земельного голода, но помогало его несколько сдерживать укрепление сословных перегородок между всеми слоями общества, включая феодалов. Прежде всего, речь шла о последовательной политике избавления от «белых» (не

²²⁸ Между прочим, князь В.В.Голицын как доверенное лицо царя получил 2186 дворов, выдвинувшись в число богатейших людей страны.

²²⁹ Очерки истории СССР. С. 149. Ср.: *Crummey R.O. Aristocrats and Servitors. The Boyar elite in Russia, 1613—1689.* Princeton, 1983. P. 114—115.

²³⁰ См.: *Черепнин Л.В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 348—396.

²³¹ *Богданов А.П.* Летописные известия о смерти Федора и воцарении Петра Алексеевича // ЛХ за 1980 г. М., 1981. С. 197—206; *он же.* Начало Московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях // ЛХ за 1984 г. М., 1984. С. 131—146; *он же.* Нарративные источники о Московском восстании 1682 г. // ИИИР. М., 1993. С. 77—108; М., 1996. С. 39—62.

тяглых) дворов, афористически выраженной в именном указе Федора Алексеевича от 29 октября 1677 г.: «Беломестцов, которые живут на тяглых землях, а по договору тяглою с той земли не платят — и тех сводить»²³². Одновременно в ходе **военно-окружной реформы** производилась генеральная чистка армии: не дворяне и разорившиеся вконец служилые по отечеству выписывались из конницы в солдаты (которые содержались в основном за счет черносотных крестьян и торгово-промышленного населения Севера); окрестянившиеся солдатские и драгунские полки обращались в тягло; вся масса чинов городской службы была упразднена — дворян записывали в регулярную кавалерию, не дворян в пехоту, негодные увольнялись. С осени 1678 г. «даточные люди» — крестьяне и холопы, выходившие на службу с дворянами нестройными толпами — пожизненно записывались в полки. В 1679 г. дворянство обязывалось к службе в регулярных полках по военным округам под угрозой лишения поместий и сословного статуса. Действительная служба подразумевала денежное и хлебное жалование, ставшее подспорьем для малоземельных дворян. Однако выплата его в полном объеме едва не поставила страну на грань экономического краха.

«Роспись перечневая ратным людям, которые в 1680 году росписаны в полки по розрядом», показывает, что Россия могла выставить в поле одну из самых больших в мире регулярных армий. В ней насчитывалось (исключая Сибирь): солдат 61288 (41 полк); рейтар 30472 (с драгунами — 43908 человек; 26 полков); стрельцов 20048 (21 полк); строевых казаков 14865 (4 полка). Только Государев двор с его сотенной службой и военными холопами оставался бастионом ветхой старины (16097 всадников). Армия эта существовала не только на бумаге: в том же 1680 г. князь В.В.Голицын продемонстрировал ее на южных рубежах, окончательно убеждая Турцию и Крым в необходимости примирения с Россией. В числе 129300 русских ратников было 52,5% солдат и стрельцов, 26,5% рейтар и драгун, по 8% казаков и московских дворян. Одновременно гетман Самойлович выставил в поле ровно 50000 казаков. Итого перед неприятелем замаячило чуть не 180 тысяч воинов при 400 орудиях (не считая украинских)²³³.

²³² ПСЗ-I. Т. 2. № 707.

²³³ Чернов А.В. Указ. соч. С. 168—169; Очерки истории СССР. С. 451.

Это было уже сопоставимо с мощью Османской империи — под Вену Кара-Мустафа привел 200000 ратников (включая силы вассальных государств) — однако поставило страну на грань экономического краха. Активная забота царя Федора Алексеевича о развитии, упорядочении и государственной защите отечественной торговли и промышленности²³⁴ окупилась, когда недостаток средств на содержание действующей армии вынудил правительство с весны 1678 г. вводить чрезвычайные налоги на Церковь, дворянство, купечество, черносошное крестьянство и дворцовое хозяйство, начать генеральную ревизию казны центральных ведомств и даже выколачивать застарелые казенные долги с придворных. Скрепя сердце патриарх Иоаким санкционировал царские указы 1678—1680 гг. об экстраординарных налогах «на избавление св. Божиих церквей и для сохранения православных христиан... против наступления турского султана»²³⁵.

3 мая 1681 г. царь в торжественной форме тепло поблагодарил купцов и промышленников, которые «по его государскому указу в его государскую казну на жалованье ратным людем давали десятиные, и задаточные, и иные денежные многие (сборы.— *А.Б.*), не жалея пожитков своих, желая при помощи Божии на неприятеля победы» и оказав государю «незабвенную» услугу²³⁶. Не благодарил Федор Алексеевич откупщиков, которым вынужден был отдать не только питейное дело, но и сбор косвенных налогов, составлявших основную часть бюджетного прихода. Если про выборных «целовальников» было точно известно, что они воруют изрядно²³⁷, то откупщики повсеместно являлись ворами в законе; отмена откупов стала важнейшим делом государя сразу по выходу из войны²³⁸.

Даже в чрезвычайных условиях, когда царь требовал любую полушку тут же, «с великим поспешением» отсылать «на дачу в... жалованье ратным людем», он стремился сохранить хозяйство земледельца как базу всей экономики и строжайше запрещал

²³⁴ См.: ПСЗ-И. Т. 2. № 659, 660, 662, 666, 678, 693, 713, 771, 831, 833; СГГиД. Т. IV. № 105; ДАИ. Т. 7. № 10; Т. 8. № 85; Т. 9. № 15, 65.

²³⁵ АИ. Т. 5. № 23, 29, 33, 37, 42; ПСЗ-И. Т. 2. № 750, 795, 798, 799, 801, 802, 804, 849, 861; ДАИ. Т. 8. № 28. I, III—XII, 40.

²³⁶ СГГиД. Т. IV. № 124; ПСЗ-И. Т. 2. № 864.

²³⁷ Пришлось в 1678 г. с согласия патриарха Иоакима отменить им присягу, чтобы хоть душ не губили!

²³⁸ СГГиД. Т. IV. № 125—126; ПСЗ-И. Т. 2. № 859; ДАИ. Т. 7. № 66.

владельцам брать деньги и хлеб на экстренные налоги «с крестьян своих» (а не из закромов помещика-вотчинника). Но главным следствием усилий по преодолению финансового кризиса стало сохранение введенного в 1679 г. после тщательной подготовки **подворного обложения**: *единого налога* вместо множества поборов, сумма которого была *снижена* сразу и неоднократно понижалась в дальнейшем, все более *справедливо распределяясь* в соответствии с экономическим развитием регионов²³⁹.

Послепетровские историки, начиная с В.Н.Татищева, видели в снижении налогов и прощении недоимок только урон для казны (а в представления советских историков-экономистов подобные меры царского правительства вообще не укладывались). Между тем, желание царя «полюготить» налоги и повинности, брать их «с убавкою», «чтоб им в том лишние тяжести и убытков не было», «чтобы богатые и полные люди пред бедными в льготе, а бедные перед богатыми в тягости не были», наконец, «чтоб наше великого государя жалованье и милостивое призрение... было ведомо», — желание, подтверждавшееся в каждом (предназначенном для объявления народу) указе конкретными цифрами льгот в прямом обложении каждого уезда и его среднего двора²⁴⁰, — было основано на издревле известной закономерности. Любопытнейшим вопросом для модной ныне политологии должно стать не то, почему царь *снижал* прямое обложение, — он просто умел считать, — а что заставляет российские власти век от века идти на огромные убытки казне, прямое обложение *увеличивая*? Существуют экономические правила многократного прироста казенной прибыли от косвенных налогов, составляющих основную статью бюджета, при облегчении и более разумном распределении прямого обложения.

²³⁹ См.: *Латто-Данилевский А.С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890; *Миллюков П.Н.* Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892; *он же.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905; *Дьяконов М.А.* Очерки по истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898; *Веселовский С.Б.* Сошное письмо. Т. II; *Устюгов Н.В.* К вопросу о раскладке повинностей по дворовому числу в конце XVII в. // Академику Б.Д.Грекову ко дню 70-летия. М., 1952; и др.

²⁴⁰ ПСЗ-1. Т. 2. № 779, 899; ААЭ. Т. 4. № 250; АИ. Т. 5. № 48, 49, 77; ДАИ. Т. 8. № 36.1—III; и др.

Федор Алексеевич, еще в военном 1679/80 финансовом году имевший 55,7% дохода от таможенных и кабацких сборов с мелкими пошлинами²⁴¹, при настойчивом усовершенствовании их механизма и унификации расчетов²⁴² добился путем снижения прямого обложения огромного роста казенной прибыли²⁴³. *Зажиточные подданные* обеспечивали развитие экономики лучше, чем государственно ограбленные. Увеличение числа зажиточных тягловцев за счет освоения *новых плодородных земель* представлялось особенно заманчивым, поскольку русский хлеб не только был основой экономического могущества державы, но часто прямо использовался вместо денег. Федор Алексеевич уже в 1679 г. распорядился принимать налог хлебом «в торговую таможенную орленую меру» и позаботился об изготовлении достаточного количества стандартных медных мер во избежание злоупотреблений²⁴⁴. Возможность «хлебного пополнения» за счет черноземных «диких полей» отвечала настоятельной потребности содержания пехоты на жаловании (соответствующая часть подворного обложения так и называлась: «стрелецкий хлеб») и кавалерии на поместном окладе (с денежными выплатами). Экспансия в Диком поле означала укрепление могущества державы и рост ее военно-экономического потенциала непосредственно в ходе наступления на черноземы, которое уже началось. Увы, экспансия эта была крепостнической.

Андрей Иванович Лызлов (оказавшийся в 1678 г. на острие атаки в Диком поле), справедливо живописав в «Скифской истории» разорение Турции собственной военщиной, поспешил оговориться, что все эти потери не так уж важны, поскольку султан имеет «от стран своих наибольший прибыток, нежели доходы серебра». Это — введенная около столетия назад великим визирем Мехмет-пашой Соколу (который организовал войну с Россией в XVI в.) система пожизненного «обладания» селами и деревнями — *тимарами* — под условием военной службы, во многом напоминающая ранние русские поместья. Восторг стольника Лызлова перед тимарами, благодаря которым султан, по его

²⁴¹ При положительном сальдо! См.: Миллюков П.Н. Государственное хозяйство. С. 551—568.

²⁴² ПСЗ-1. Т. 2. № 713, 831, 833, 872-874, 876, 879, 880, 882, 904.

²⁴³ Очерки истории СССР. С. 116, 132; и др.

²⁴⁴ СГГиД. Т. IV. № 117; ПСЗ-1. Т. 2. № 770, 817; АИ. Т. 5. № 37; ДАИ. Т. 8. № 38.IV—V.

словам, может без затраты «единого сребреника» содержать до 150000 конников и поднять их на войну одним мановением руки, вполне понятен. Русский крепостник «забывает», что пишет о враге, когда вещает о двойной пользе тимаров. Во-первых, они «только содержат в крепости подданных султанских, яко [те] и двинутися не могут тако скоро, донеле же бы не приспели на них те воинства, яко соколы некия» (выделено мной.— А.Б.). Во вторых, когда часть турецких «помещиков» остается «в домех управления ради подданных своих», другая всегда готова «на войну, идеже бы прилучилась». «И тако, — похвалает устройство неприятеля историк, — то надлежит и к целости государственной, дабы не зачиналися бунты, и к воинскому делу суть многою помощию». Собственно, Лызлов считает организацию тимаров первым «наикрепчайшим основанием государства Турецкаго». Второе основание — насильственный набор христианских детей в янычары, но Андрей Иванович подчеркивает ложность мнения, будто последние определяют «крепость сил турецких». Еще бы! Ведь и в России регулярная пехота, в особенности выборные солдаты и стрельцы, сыграв главную роль в Чигиринских походах, возглавили в 1682 г. Московское восстание и претендовали на место «надворной пехоты» — в противовес дворянам-кавалерам²⁴⁵.

Подготовка русско-турецкой войны стала началом генерального наступления крепостников на юг. Летом 1672 и весной 1673 г. царь Алексей Михайлович объявил о раздаче Церкви и «всяких чинов служилым людям для хлебнаго пополнения» зе-

²⁴⁵ В путивльские стрельцы сбежали крестьяне Лызловых — Сныткины, но были возвращены и заставлены «жить для работы в Москве». Во время Московского восстания 1682 г. они, «собрався с воровскими многими людьми, приходили к отцу ево на двор, и хотели убить ево до смерти, и дом их разорить». Андрей Иванович, разумеется, был в дворянском ополчении под Троицей, готовясь по приказу главнокомандующего В.В.Голицына выступить в карательный поход на Москву. После поражения восстания бережливые хозяева вновь приспособили Сныткиных к работе, но как только Андрей Иванович отправился в Крымский поход, один из бунтарской семьи крепостных, «разоря дом ево и пограбя многие пожитки, с двора у него ушел». Андрею Ивановичу пришлось целый год судиться, чтобы опровергнуть заявление Сныткина в Разрядном, а затем в Малороссийском приказах, «будто оне ему не крепки». См.: *Андрей Лызлов. Скифская история*. С. 357.

мель на южных рубежах. Дворянам обещались огромные прибавки: в 1000 четвертей боярину, по 800 окольных и т.п., даже стрелецким сотникам и сокольникам сулили по 100 четвертей! Надо было лишь победить в войне... Едва вступив на престол, Федор Алексеевич должен был удовлетворить просьбы дворянства и, пока идет завоевание земель дальних, наделять свободными землями вокруг пограничных крепостей (в будущих военных округах) русского юго-запада. Вскоре царь разрешил дополнительно до половины поместий «в крайних городех из диких поль продавать в вотчину, а имать за четверть по полтине» — чуть не даром!²⁴⁶ К концу лета 1676 г. юный государь пожаловал поместьями и деньгами все дворянство Севского полка Ромодановского, весной 1677 г. бояре приговорили отписывать дворянам пограничных городов в поместья те земли, на которых они поселились, а поскольку пожалования и самозахваты частенько превосходили оклады — решено было утверждать владение поместьями не по окладам и сохранить систему продажи земель в вотчину, в оклад не входившую²⁴⁷. В 1678 г. правительство с удовлетворением отмечало рост «хлебного пополнения» с юга, а крестьянское население южной границы, благодаря государственной политике освоения и защиты земель, достигло 470 тысяч человек, против 230 тыс. в 1646 г.²⁴⁸

Но только высвобождение армии из сражений с турками, успокоившимися после разрушения Чигирина, позволило основательно взяться за ограждение новой территории. Огромная и дорогостоящая российская армия выводилась на южные рубежи в 1679 и 1680 гг. не только для того, чтобы продемонстрировать туркам и татарам готовность продолжить войну в случае неудачи переговоров. Важно было, конечно, под предлогом всячески раздуваемой правительством военной опасности реально поставить в строй расписанных по полкам, дивизиям и военным округам военнотружущих и сим провести военно-окружную реформу в жизнь. Но хозяйственная сметка государя позволила сочетать политические потребности, строительство армии и устремления дворянства. За два года силами действующей

²⁴⁶ ПСЗ-1. Т. 2. № 632, 638.

²⁴⁷ Там же. № 658, 682, 690.

²⁴⁸ *Александров В.А.* Организация обороны южной границы Русского государства во второй половине XVI—XVII в. // Россия, Польша и Причерноморье в XV—XVIII вв. М., 1979. С. 170.

щей армии была возведена мощная Изюмская черта, отодвинувшая укрепленную границу на юго-западе на 150-200 км к югу. 21 ноября 1680 г. царь Федор Алексеевич получил «строевые книги и чертеж новой черты», огородившей (валом 8,5 м толщины и 7 м высоты вкупе со рвом до 5,3 м шириной и 6,4 м глубиной, усиленным десятками крепостей) территорию в **30 тысяч квадратных километров**. Еще большие территориальные приобретения сулила Новая черта. Она велась от Верхнего Ломова через Пензу на Сызрань, отсекая огромную часть Дикого поля от набегов крымских татар и всевозможных разбойников (1676—1684)²⁴⁹. Грабить на прочно завоеванной Россией плодородной земле могли отныне только дворяне и воеводы²⁵⁰.

Они, да и сам царь Федор Алексеевич видели в строительстве укрепленных рубежей не просто защиту земледельцев от кочевников, а остро необходимое ограждение крепостного хозяйства. Зажиточный, защищенный крестьянин «должный оброк своему господину да воздает» (как выразился придворный литератор Сильвестр Медведев). Земледельцы, думавшие иначе, немедленно восчувствовали на себе тяжесть руки феодального государства. При известии о завершении укреплений на новой границе, по всем старым рубежам прокатился слух, будто «веле-но им, крестьяном, дать всем свобода». Толпы народа, «покиня дома свои, а иныя села и деревни, в которых они жили, помещиков своих дворы пожгли» и пошли на новые земли, объявляя, как доносили воеводы, «будто по твоему, великого государя, указу дана им воля и льгота на многие годы». Федор Алексеевич немедленно распорядился выслать карательные отряды, над бунтовщиками «промышлять боем», «воров (государственных преступников.— А.Б.) переимать всех», по двое от каждой группы повесить, а остальных бить кнутом. «Победа», вскоре одержанная полковником Альбрехтом над крестьянами, была лишь малой вехой в генеральном наступлении крепостников по всему европейскому югу России: от западной границы до Волги.

²⁴⁹ См.: *Загоровский В.П.* Изюмская черта.

²⁵⁰ Как отметил вскоре строитель Изюмской черты генерал Г.И.Косогов, «в прежних городках по Новой черте люди не пребывают же от воеводцкого крахоборчества: без милости бедных людей дерут» (*Водарский Я.Е.* Население России в конце XVII — начале XVIII века. М., 1977. С. 178—181).

Слишком долго засечные черты были отверстой раной феодального душевладения. Интересы обороны границ заставляли московское правительство в 1630-х гг. записывать беглых крепостных в пограничные дворяне; до последнего года царствования Алексея Михайловича беглецов, записавшихся в порубежную службу, не выдавали с границы. Федор Алексеевич начал с отмены указа отца о невыдаче беглых (1676), а в 1678 и 1680-81 гг. провел массовые сыски по всероссийским переписям²⁵¹. В сочетании с народной колонизацией и массовыми раздачами земель помещикам, тесно связанное с реорганизацией дворянства в ходе военной реформы (и в немалой степени вызвавшее ее) крепостническое землевладение укрепилось и сделало в царствование старшего брата Петра I решительный шаг на юг²⁵².

Но дворянство все же не было удовлетворено. Земледельцы, привыкшие к относительной вольности на старых Белгородских и Сызранских засеках, протянувшихся от Ахтырки до Симбирска, как и множество новопоселенцев, стремившихся к свободе от помещиков и громивших перед уходом их усадьбы, двинулись далее в Дикое поле, прорываясь всеми правдами и неправдами за Изюмскую и Новую черту на Дон, Воронеж, Самару и другие реки черноземной полосы. Помещикам ни к чему была земля без рабочих рук: если не крепостных, то хотя бы арендаторов. Не устраивала их и норма эксплуатации, ограниченная на юге относительно легким выбором земледельцев между закрепощением и опасностями Дикого поля. Срок сыска беглых даже для 87 городов старой Белгородской черты не превышал трех лет: увеличение его сильно ударило бы по южным помещикам со стороны более северных феодалов и собственных крестьян, немедля пустившихся бы в дальнейшие бега.

²⁵¹ Новосельский А.А. Побег крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII в. // Труды института истории РАН ИОН. М., 1926. Вып. 1. С. 342—343; его же. Отдаточные книги беглых как источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в. // Труды МГИАИ. Т. II. М., 1946. С. 127—152; Черепнин Л.В. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства // ИЗ. Т. 4. С. 42—52; ПСЗ-1. Т. 2. № 768; ДАИ. Т. 8. № 40. С. 139—145 (сводка распоряжений о сыске даточных); и др.

²⁵² Новосельский А.А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. // ИЗ. Т. 4. С. 21—40; сравни: *Hellie, Richard*. Enserfment and Military Change in Moscow. Chicago & London, 1971.

Необходим был новый рывок на юг, покорение всего Дикого поля и установление естественной границы, в которую уперлись бы русские беглецы. Новому правительству Софьи и Голицына, пришедшему к власти после смерти Федора, в ходе борьбы с Московским восстанием²⁵³, потребовалось выбросить далеко в степи, на рубежи рек Самары, Орла и Воронежа, сеть крепостей, ставящих под угрозу покорения России само Крымское ханство. Но и этого было мало дворянству: Дикое поле требовалось долго осваивать, заселяя пустоши, смиряя тамошних свободолюбивых земледельцев и промысловиков. Иное дело — добрые христиане-земледельцы, в большинстве славяне, жившие в восточной части европейских владений Османской империи. Их освобождение от турецкого ига — более тяжелого, чем российское крепостничество, как подчеркивал Лызлов — манило дворянство до потери здравого рассуждения. Призрак креста над святой Софией Константинопольской, мечтания о проливах²⁵⁴ укрепились с этого времени в «верхах» русского общества. Противоречие между желанием, основанном на внутренних потребностях, и реалиями окружающего мира, с которыми обязаны были считаться политики, в 1680-х гг. расширялось, драматически трансформировав представления современников и потомков о целях и результатах Крымских походов.

РОССИЯ В СВЯЩЕННОЙ ЛИГЕ. 1686—1700 гг.

Значительная часть дворян и немало представителей других слоев общества придавали Крымским походам огромное значение, отвечавшее представлениям россиян о настоятельнейших внешнеполитических задачах державы. Южное направление внешней политики было в 1680-х гг. важнейшей сферой интересов представителей всех сословий, и прежде всего — дворянства. Не все, подобно Игнатию Римскому-Корсакову в его

²⁵³ Которое взволновало чуть не все рубежи: Астрахань, Царицын, Тамбов, Козлов, Белгород с округой, Киев, Переяславль, Батурин, Нежин, Чернигов, Добрый, Гремячий, Одоев, Смоленск, Псков, Новгород и Холмогоры. См.: *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII века. М., 1969. С. 123—126, 320—337; Восстание в Москве 1682 г. Сб. документов. М., 1976. С. 62, 65, 68.

²⁵⁴ Позволивших бы россиянам, при успехе военной авантюры, выйти на Ближний Восток и в Северную Африку раньше англичан.

Летописном своде или составителю Летописца 1686 г., уделяли основное внимание проблемам борьбы Русского государства с османско-крымской агрессией в XVI—XVII вв., однако история православно-мусульманских отношений вызывала заметный интерес у всех общерусских летописцев. Современники пристально наблюдали за событиями на юге Российского государства, записи о которых составляют значительную часть общерусских сведений даже в городских и провинциальных летописях. В более острой форме южное направление дипломатических и военных усилий государства выделялось в публицистических сочинениях. Оно не просто превалировало над всеми иными внешнеполитическими проблемами, но было *единственным*, вызывающим столь острый общественный интерес.

Так, тонкая дипломатическая игра, которую правительство Софьи-Голицына блестяще провело со странами — участницами Балтийского конфликта, добившись продления перемирия со Швецией без юридического признания ее захватов и зарезервировав образование русско-франко-датской антишведской коалиции²⁵⁵, вовсе не отражена современными авторами. Запись о «подтверждении» мира со шведами в 1680-х гг. появляется лишь в сочинении 1710 г.²⁵⁶ О важных переговорах с Цинской империей и подписании Нерчинского мирного договора сообщают хорошо осведомленные редакторы Сибирского летописного свода 1680-х и 1689-90 гг., работавшие буквально во время событий²⁵⁷. Однако эти события не упоминаются в сочинениях других авторов (включая митрополита Сибирского и Тоболь-

²⁵⁵ См.: РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 23; оп. 1. Ч. 2. Св. 1684 г. № 1—4; ф. 96. Оп. 1. Ч. 1—2. Книги и свитки 1684 г.; *Форстен Г.В.* Сношения России и Швеции... // ЖМНП. 1898. № 2, 4—6; 1899. № 6, 9.

²⁵⁶ РГАДА. Ф. 181. № 625. Л. 26.

²⁵⁷ Особо следует отметить, что составитель Головинской редакции 1689 г. был близок к Тобольскому воеводе А.П.Головину, отцу великого и полномочного посла Ф.А.Головина, и ведал многие детали переговоров в Даурии (РГБ. Ф. 173. I. № 628/141. Л. 157—158, 175—175 об. О даурских событиях см. также: Л. 145—146 об., 147 об.—151, 152, 172, 174 об.—175, 176-178). Записи свода остались неиспользованными даже в фундаментальной публикации и наиболее глубоком исследовании по истории Нерчинского договора: Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 2. М., 1972; *Демидова Н.Ф.* Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г. // Россия в период реформ Петра I. М., 1973. С. 289—310.

ского Игнатия), все внимание которых было сосредоточено на Юге и Западе Российской империи.

Развитие южного направления внешней политики, как объяснялось в Летописце 1686 г., было теснейшим образом связано с решением польского вопроса. Разумеется, урегулирование отношений с Речью Посполитой на основе сохранения за Российским государством отвоеванных в тяжелой борьбе белорусских и украинских земель имело большое самостоятельное значение. Однако логика решения давнего спора о принадлежности Киева и ряда других городов определялась в 1680-х гг. именно нараставшей заинтересованностью короля и магнатов в военной помощи со стороны России против турецко-татарского натиска на их собственные владения. Стольник М.Ф.Шайдаков писал о посольских съездах с 1683 г.²⁵⁸, но остальные авторы сосредоточили внимание на переговорах в Москве 1686 г., когда был, наконец, подписан договор о Вечном мире. Большинство летописцев отметило значение долгожданного умиротворения соседних славянских государств²⁵⁹, о котором широко извещали объявительные и богомольные грамоты правительства и патриарха, призывавшие торжественно отметить это событие²⁶⁰.

По-видимому, популяризировался и сам текст договора о Вечном мире, процитированный в Летописце 1686 г. и отраженный Летописцем думного дворянина А.Я.Дашкова²⁶¹. В договоре подчеркивалась мысль, что польский король чуть не даром «уступил» России спорные территории на Украине и в

²⁵⁸ БАН. 16.14.24. Л. 572 об.

²⁵⁹ См. Записки Желябужского, Сибирский летописный свод, Свод Игнатия Римского-Корсакова, Летописец Леонтия Боболинского, Спасо-Прилуцкий летописец и др.

²⁶⁰ Указания на грамоты см.: *Богданов А.П.* Россия при царевне Софье и Петре I: Записки русских людей. М., 1990 (далее: Записки Желябужского). С. 208—209; Книга записная. С. 80 (Сибирский летописный свод в ред. 1686 г.; ср. ред. ДРВ. Ч. VI. М., 1774. С. 397); ГИМ. Собр. И.Е.Забелина. № 263. Л. 398—398 об.; ср.: ГИМ. Собр. Уварова. № 591. Л. 188 об.; БАН. 16.14.24. Л. 574; Черниговская летопись... С. 88.

²⁶¹ РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 827—829 об.; ИРЛИ. Отд. пост. Оп. 23. № 257. Л. 976—979 об.; ГИМ. Синодальное собр. № 153. Л. 221—225; РГБ. Собр. Румянцева. № 356. Л. 553 об.—555; РНБ. Собр. Погодина. F.XVII.16. Л. 622 (в сокращении); РНБ. Эрмитажное собр. № 567. Л. 160 об.—161.

Белоруссии; лишь в самом конце сообщалось, что Россия обязалась вступить в антитурецкую Священную лигу²⁶². Эта особенность текста соответствовала потребностям обоих правительств, не желавших делать заметным *вынужденный* характер взаимных уступок: территориальных с польской стороны и политических с российской. Как бы то ни было, правительство регентства получило хорошую основу для пропаганды своих успехов; даже весьма осведомленные в дипломатии авторы — составитель Летописца 1686 г. и думный дворянин А.Я.Дашков — не упоминали вовсе об обязательствах России. На второй план вступление России в Священную лигу было отодвинуто и в «Сказании» о Крымском походе, написанном нидерландским резидентом в Москве Иоганном Вильгельмом фан Келлером осенью 1687 г. по заказу и в соответствии с позицией Посольского приказа²⁶³.

Между тем, бывший генеральный подскарбий, стародубский священник Роман Ракушка-Романовский, и вслед за ним Г.Грабянко, отметили, что польское правительство пошло на заключение Вечного мира лишь в связи с необходимостью вовлечения России в войну с Турцией и Крымом, «що цесар подтвердил, за изволением папежским, жеби за одно на турки и татар войну поднесли, оставивши згоду»²⁶⁴. Главным результатом Вечного мира назвали военный союз России с Лигой два немецких автора, сочинения которых в русском переводе переписывались в *патриаршем скриптории*, причем первый из них утверждал, что российские государи «от различных, как от цесарских, так и от полских послов призваны суть к приступлению в тогдашний союз против наследнаго неприятеля и к пременению перемирья в Вечный мир с короною полскою, к которому они лета 1686-го склонилишася за вечное уступление, которое им корона польская обоими города, Киевом да Смоленским, учинила. И обещалися они с Турскою Портою и с татарами мир разорвать, котораго разрыву действо впредь уведано будет» (сочинение 1686 г.)²⁶⁵.

Действительно, не только польское и имперское, но и венецианское правительство, и даже Бранденбург настойчиво «при-

²⁶² РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 205; ПСЗ-1. Т. 2. № 1186.

²⁶³ Богданов А.П. «Истинное и верное сказание»... С. 57—84.

²⁶⁴ Левицкий О. Летопись Самовидца... С. 165—166; Грабянко Г. «Действия презельной и от начала поляков кривавшой небывалой брани...» Киев, 1854. С. 234.

²⁶⁵ БАН. 17.4.15. Л. 207 об.—208; 45.10.16. Л. 418 об.

зывали» Россию в Священную лигу²⁶⁶ (как было решено еще в момент ее основания в 1684 г.²⁶⁷), тогда как видимость не заинтересованности России в войне на южном фронте создавалась отечественными дипломатами из тактических соображений. И все же указания на *сделку*, по условиям которой страна разрывала с трудом установленный мир с Турцией и Крымом, были недружественными по отношению к правительству регентства. Не случайно одно из них появилось в сочинении автора, близкого к сыну известного противника союза с Польшей гетмана Ивана Самойловича, а другие распространялись из круга самого яркого ненавистника войны — патриарха. Создававшийся вместе с крупным Сводом патриарха Иоакима Летописец 1686 г., отмечая успехи русской дипломатии, постоянно подчеркивал клятвoprеступный характер ее маневров после Андрусовского перемирия, невольно напоминая читателю о Божией каре, постигшей армию М.Б.Шейна, пытавшуюся в нарушение «перемирных лет» отвоевать захваченные Польшей города при патриархе Филарете. И смерть Филарета от великого огорчения после провала клятвoprеступного нападения на соседнее государство, и казнь боярина Шейна как «изменника», весьма близко перекликались с мрачными пророчествами Иоакима участникам Крымских походов, его призывом «препону сотворити и казнити» нового главнокомандующего — князя В.В.Голицына.

Изобилие при московском дворе недругов Софьи Алексеевны, канцлера В.В.Голицына, главы Стрелецкого приказа Ф.Л.Шакловитого (фактического министра внутренних дел и фаворита царевны) и др. сторонников «милостивого» и «премудрого» политического курса, весьма способствовало распространению порочащих их слухов. Весь ход новой русско-турецко-крымской войны невозможно было понять без учета внутреннего «несогласия христианского», которое вместе с «междоусобием христомысленных государств» в полной мере раскрылось Андрею Лызову в качестве важнейшего фактора успехов «скифской» агрессии именно во время Крымских походов 1687—1689 гг. Не лень и развращение нравов «рыцарского сословия», не склон-

²⁶⁶ См.: РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Ч. 2. Св. 1685 г. № 1; оп. 2. № 1—4, 6; ф. 74. Оп. 1. Ч. 2. Св. 1687 г. № 1; оп. 2. Кн. 35; оп. 5. № 2 и др.

²⁶⁷ См.: *Бабушкина Г.К.* Международное значение Крымских походов // ИЗ. Т. 33. М., 1950. С. 166.

ность многих воинов «на боку лежать и тем хотеть храбрость свою показать», как морализировали Андрей Курбский и Игнатий Римский-Корсаков, а *реальная разобщенность христианских сил*, равно внутри одной страны и между государствами — явились для автора «Скифской истории» ключом к пониманию целых веков поражений и отступления сильных и храбрых христианских воителей перед лицом «басурман», когда отвага отдельных героев и победы полководцев раз за разом сводились на нет безумным своекорыстием и раздорами властителей²⁶⁸.

Подписание 21 апреля 1686 г. договора о Вечном мире с Польшей правительство регентства незамедлительно использовало для укрепления своих позиций во внутренней борьбе. Вечный мир действительно являлся крупной победой российской дипломатии: Польша отказывалась от претензий на территории, фактически отошедшие к России после кровопролитной войны середины столетия и временно оставленные за ней по Андрусовскому перемирию, отказывалась от притязаний на возвращение захваченных русскими войсками полона и добычи, брала обязательство прекратить преследование православной церкви и оставляла управление православной иерархией на своих землях Киевскому митрополиту. Кроме того, в договоре содержались статьи, способствующие быстрому урегулированию постоянно возникавших пограничных споров²⁶⁹.

Даже сторонники патриарха (в Летописце 1686 г.) должны были оценить статью договора, гласившую, что «благословение

²⁶⁸ Как было уповать человеку рассуждающему на высшие силы и божественную предопределенность победы «христиан над агаряны», когда патриарх в Успенском соборе чуть ли не предрекал российским войскам поражение? Что означал союз с католическими державами, если наличие «иноверцев» в царских полках вело, по уверению православного архипастыря, к душевной и телесной гибели? Лызлов волей-неволей вынужден был отказаться от провиденциального объяснения событий, столь не соответствующего политическим коллизиям, в которых он сам был участником. Мало того, текущие события убеждали, что ни басурман, ни тем более христиан нельзя рассматривать как единые монолитные образования: столкновения происходили между сложными и внутренне противоречивыми организмами, когда лишь меньшая степень дезорганизации и большая целеустремленность склоняли на ту или иную сторону чашу весов победы.

²⁶⁹ Соловьев С.М. История России. Кн. VII. С. 372—374; Греков И.Б. «Вечный мир» 1686 г.; и др.

и рукоположение всем духовным приимать, которые есть в Польше и в Литве во благочестии пребывают, приимать благословение в богоспасаемом граде Кieve, от преосвященнейшаго Киевскаго митрополита по духовному их чину и обыкновению, безо всякаго препинания и вредительства». Особое значение этой статье придавал в глазах современников тот факт, что еще в ноябре 1685 г. впервые Киевский митрополит Гедеон был рукоположен не в Кieve по благословию из Константинополя, а патриархом Всея Руси в Москве²⁷⁰! Переговоры Посольского приказа о переподчинении Киевской митрополии от Константинопольскаго патриарха — Московскому, в которых приняла участие лично царевна Софья, начались в «бунташном» 1682 г. и завершились полной победой лишь в начале 1686 г.²⁷¹ С заключением Вечнаго мира патриарх Иоаким, бурно торжествовавший по поводу рукоположения Гедеона, укрепил свою духовную власть над всем славянским православием севернее Чернаго моря. Но этой победой его временное сотрудничество с правительством регентства и закончилось...

Иоаким и стоявшие за его спиной многочисленные «петровцы», отброшенные от власти в 1682 г. из-за неспособности справиться с взрывом народнаго гнева и осторожно затушить тлеющие угли возмущения, могли только злобствовать, видя, как правительство регентства умело обращает всенародную радость Вечнаго мира в собственный политический капитал. «Величайшими и державнейшими великими государями» должны были писаться отныне русские цари во внешних сношениях в то время, когда не только Дания или Нидерланды, но крупнейшие западные государства одно за другим признавали их высший статус (на уровне императорскаго). *«Того же году, — гласит летопись, — июня в 16 день указали великие государи челобитные писать свое царское титуло великим государем царем полное: **Всея Великия и Малыя и Белья России самодержцам**»* (выделено мной.— А.Б.)²⁷².

²⁷⁰ См. отклики: РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 829 об.; ИРЛИ. Отд. пост. Оп. 23. № 257. Л. 979 об.; ГИМ. Синодальное собр. №153. Л. 225; РГБ. Собр. Румянцева. № 413. С. 2379; № 364. Л. 555; Книга записная. С. 76; ДРВ. Ч. VII. М., 1775. С. 338; РНБ. Собр. Погодина. № 1559. Л. 42; ГИМ. Собр. Вострякова. № 852. Л. 369; Черниговская летопись... С. 88; *Левшицкий О.* Летопись Самовидца... С. 163.

²⁷¹ См. выше, гл. I. Прим 125.

²⁷² Цит. : *Соловьев С.М.* История России. Кн. VII. С. 372.

Ярость противников Софьи вызвал тот факт, что с июня 1686 г. в полном царском титуле стали писать, наравне с именами государей, имя царевны-правительницы (до того использовалось лишь во внутренних документах госаппарата)²⁷³. Для венчания царским венцом, которое только и могло прочно закрепить первенствующее положение Софьи в государстве, ярко проявившееся в ее руководящей роли на переговорах о Вечном мире, этого было мало, но правительство использовало ситуацию максимально эффективно. Уже извещая страну о заключении Вечного мира, светские власти намекали на облегчение дворянской службы и передавали в собственность помещикам пятую часть земель, которыми они пользовались за военную службу. Были произведены весьма значительные поместные раздачи, регулярная армия «обрадована царский милостью», пожалована деньгами и сукнами; служащие приказов одаривались казной²⁷⁴.

Для награждения виднейших участников переговоров: В.В. Голицына, Б.П.Шереметева, И.В.Бутурлина, Е.И.Украинцева и др., — составлена была историческая справка о наиболее выдающихся мирных договорах России, среди которых Вечный мир признавался славнейшим и заслуживающим наибольшего государева пожалования²⁷⁵. Не только почести, но и размер выплаченных дипломатам сумм немедленно вызвал острую зависть. При дворе толковали о незаконном обогащении В.В.Голицына, который будто бы предназначенные польским послам 200 тысяч рублей «с теми польскими послы разделил пополам», хотя послы официально получили 146000 рублей, а Голицын был награжден отдельно²⁷⁶. Порочащие правительство слухи тонули в волне всеобщей радости по поводу умиротворения с Польшей и восторгов дворянства в связи с объявлением о начале решительной войны против «агарян». Но так было лишь до тех пор, пока реальная политика не расходилась с общественными ожиданиями. Новой и весьма важной чертой ситуации стала теснейшая связь внутренних и международных отношений, *российского и*

²⁷³ См.: *Лермонтова Е.Д.* Самодержавие царевны Софьи по неизданным документам // РС. 1912. Февраль. С. 436—438.

²⁷⁴ *Греков И.Б.* Вечный мир 1686 г. С. 97; РГАДА. Ф. 210. БК—12, пометы.

²⁷⁵ РГБ. Ф. 29. № 104/1631. Д. 7 А—Б.

²⁷⁶ Записки Желябужского. С. 13; ПСЗ-1. Т. 2. № 1186; РГАДА. Ф. 181. № 20/25. Л. 827 и др. списки; впрочем, в списке ГИМ. Синодальное собр. № 153. Л. 221 об. названа цифра в 100000 руб.

мирового общественного мнения, перепады которого крайне заботили правительства всех стран, в особенности (учитывая неустойчивость регентства) московское.

В Польше и Литве, чьи власти долго сопротивлялись заключению Вечного мира, радостное известие о союзе с Россией стихийно отмечалось в городах и местечках праздничными богослужениями. За исключением части магнатов, шляхты и самого короля Яна Собеского, писали русские посланники, «всяких чинов люди учиненному миру и союзу... велми рады и о том святом покое молебствовали». Надежда на облегчение бремени войны, сообщали из Империи агенты Посольского приказа, вызвала ликование всенародства. Свой восторг лично выразил венецианский дож, писавший в Москву, что ныне на Россию «вся Еуропа зрит» с надеждой на победу над общим неприятелем. Особенно радостно восприняли весть о вступлении России в Священную лигу на покоренных турками христианских землях — в Молдавии, Валахии и др., население которых, как докладывали московскому правительству, «с упованием смотрит на Россию и лишь от нее ждет спасения от турецкого ига». В Стамбуле султан, по выражению русского посланника, проведая о «союзе с Москвой», «зело со всем бусурманством задрожал» и принялся лихорадочно менять план кампании, отзывая войска и т.п. Поход великого визиря, за которым должен был следовать сам султан с гвардией, был отменен. Крымская орда осталась за Перекопом, ее сильнейшее левое крыло (Белгородская орда) не выступило в Венгрию. Польско-имперские войска почти без сопротивления взяли Будин, Ян Собеский устремился в Молдавию и Валахию, где местное ополчение присоединилось к его армии²⁷⁷.

Не дожидаясь ратификации Вечного мира в Польше, Москва развернула активную подготовку военных действий, отправив посольства во Францию, Англию, Голландию, Швецию, Данию, Испанию, Бранденбург и Флорентийское герцогство «для склонения их к союзу и вспоможению противу турок и татар»²⁷⁸,

²⁷⁷ ПДС. Т. IV. С. 1321, 1376—1397; Подробнее см.: *Богданов А.П. и др.* «Око всей великой России». С. 210 и след.

²⁷⁸ РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 19, 20; Оп. 1. Ч. 2. Св. 155—156; Оп. 2. Кн. 114; Ф. 53. Оп. 1. Ч. 2. Св. 1687 г. № 2; Ф. 74. Св. 1687 г. № 1; Оп. 2. Кн. 36 и мн. др. Из них только Бранденбург согласился на реальную военную помощь Лиге: Ф. 74. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 6; Оп. 1. Ч. 2. Св. 1688 г. № 1.

а также гонцов в Польшу и Венецию для согласования планов предстоящей кампании²⁷⁹, приступив к сбору денежных средств и составлению мобилизационного плана²⁸⁰. Не меньшее значение имела подготовка идеологическая. Однако при попытке поднять боевой дух воинства правительство столкнулось с немалыми трудностями. В первую очередь ободрение требовалось дворянам *московских чинов*, которые не попали в роспись регулярных полков по военно-окружной реформе царя Федора Алексеевича (1679), но оказались-таки в «*регулярстве*» постановлением «*Собора великих ратных и земских дел*» от 12 января 1682 г., принятом по инициативе В.В.Голицына²⁸¹. Они были наиболее обеспечены землей и крестьянами и наименее склонны к тяготам дальнего похода, да еще в рядах менее чиновного дворянства.

Московским чинам велено было собираться в поход раньше всех, в конце зимы 1687 г., и именно к ним обратил пламенное «Слово» Новоспасский архимандрит Игнатий Римский-Корсаков, позабыв свои разногласия с правительством регентства по

²⁷⁹ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Ч. 2. Св. 1687 г. № 2, 3; ф. 79. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 229—230; оп. 1. Ч. 5. Св. 1686 г. № 20, 22; св. 1687 г. № 3 и др.

²⁸⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 2. Св. 1687 г. № 2 и др.

²⁸¹ Подлинник соборного постановления опубли.: СГГид. Т. IV. № 130. С. 396—410 (с подписями участников Собора); ПСЗ-1. Т. 2. № 905. С. 368—379 (без подписей). См. также: Сильвестра Медведева «Созерцание краткое дел 7190, 91 и 92, в них же что содеяно во гражданстве» / Публ. А.А.Прозоровский // ЧОИДР. 1894. Кн. 4. С. 20—33. Царский указ см.: ДАИ. Т. 9. № 88. Историки, с легкой руки Сильвестра Медведева, сосредоточили внимание на проведенной мимоходом отмене местничества, тогда как большинство пишущих современников этого события даже не заметило, проявив интерес прежде всего к работе созданной в связи с решением Собора палаты родословных дел. Ср.: Соловьев С.М. История России. Кн. VII. С. 252 и след.; Приложение IV; Маркевич А.И. Русская историография в отношении к местничеству. Киев, 1879; *он же*. О местничестве. Ч. I. Киев, 1879. Гл. ХLI; *он же*. История местничества в Московском государстве XV—XVII вв. Одесса, 1888; Ключевский В.О. Боярская дума в Древней Руси. Изд. 5-е. Пг., 1919; Волков М.Я. Об отмене местничества в России // ИСССР. 1977. № 2. С. 53—67; Черепнин Л.В. Земские соборы...; и др. Ср. публ. текстов: ПСРЛ. Т. 31 (Мазуринский летописец и Летописец 1619—1691 гг.); Богданов А.П. Редакции Летописца 1619—1691 гг.; *он же*. Хронографец конца XVII века; *он же*. Краткий Московский летописец; *он же*. Хронографец Боголепа Адамова // ТОДРА. Т. ХLI. Л., 1988; *он же*. Россия при царевне Софье и Петре I. С. 28—44; и др.

вопросу свободы вероисповедания. Видимо, 21 февраля он произнес речь перед средним и низшим командным составом московских полков, выступающих в I Крымский поход. 14 марта богато оформленный экземпляр «*Слова благочестивому и христоролюбивому российскому воинству*» был поднесен царевне Софье Алексеевне; в 1689 г. Афанасий, архиепископ Холмогорский и Важский, сделал список с авторской рукописи. «Слово» стало выдающимся образцом русского ораторского искусства XVII в.²⁸²

С идеологической точки зрения выступление Игнатия на соборной площади в Кремле было прямым противодействием патриарху, в то же самое время произносившему свою речь перед царями, Софьей, боярами и воеводами в Успенском соборе. Выражая откровенную ненависть к «варварам махOMETанам», называя их «свиньями» и т.п., Иоаким акцентировал внимание на «страстях» войны, описанных заметно ярче вялого подтверждения необходимости вступить в сражение с «агарянами»²⁸³. Патриарх не мог прямо обличить политику правительства перед лицом всего двора, собравшегося на торжественные проводы своих родичей в поход, но делал это в других проповедных речах. В «*Разсуждении о общении с проклятыми*» он под угрозой отлучения запрещал воинам не только «дружество имети» со своими разноплеменными сослуживцами-иноверцами, но и говорить с ними, есть вместе, даже омыwać и хоронить их тела.

Словом на текст двадцатой главы пятой книги Моисея патриарх стремился посеять в армии рознь, прямо подстрекал православных воинов против «иноверцев» в своих рядах, в уста которых оратор вкладывал всяческие поношения на православие. Войну Иоаким объявлял не волей, но «попущением» Бога (наравне с «гладом, или бедой, или знамением огня»). В походе, по его словам, «напастию стеснени... да не надеющиеся будем на себе или на иноверцев-еретиков, но на Бога жива»; иноверцы же «гнев Божий особно за свое их зловерство в людия Божия привлекают». Развивая тему «о уповании на Бога», патриарх утверждал, что наемные специалисты — «люди мнимии вымышленники и в ратех храбрии, а верою еретики и христианской вере

²⁸² Содержание его подробно рассмотрено: *Богданов А.П.* «Слово воинству» Игнатия Римского-Корсакова — памятник политической публицистики конца XVII в. // ИИИ СССР. М., 1984. С. 131—158; текст опубл.: Памятники. № 15.

²⁸³ Памятники... № 12 (текст Кариона Истомина).

противники и ругатели явнии — не помощь ни в чем». Их присутствие в войсках предвещает поражение, от которого не спасет надежда «на сильныя же цари, и непобедимыя кесари, и князи» — на них «надежда полагатися не имат, зане человецы суть, в них же несть спасения».

Слушатели архипастырских проповедей могли уловить, что успех похода не слишком обрадовал бы патриарха, лукаво рассуждавшего, что «многи вещи есть, в них же с ползою нашею мнимою — бываем побеждени». Уместно вспомнить, что с помощью патриарха разошлась молва о поражении II Крымского похода (1689). Не без удовлетворения коснулся этих ударов по правительству регентства Иоаким и в завещании: «Яко и нынешних лет, в Крымския походы, егда на крымских татар российския царския полки ходиша, аз смиренный о всем вышеписанном, яко старец съий, глаголах не обвинюся, учих, и молих, и доносих началствующим с молением и написании, еже бы еретикам-иноверцам над христианы в полках начальниками не быти. И меня благородная государыня царевна София Алексеевна в том послушати тогда не изволила; такожде и князь Василий Голицын, вождь бывший в те походы царскаго пресветлаго величества премногих полков, не сотвори сего, — и что содеяся в полках, каковы поступки быша, многим зримо бе и есть всем ведомо»²⁸⁴.

В противоположность Иоакиму, Игнатий в своем «Слове воинству» горячо приветствует Крымский поход и безоговорочно предрекает войскам победу. Если патриарх ни разу не называл в своих проповедях имен Софьи или Голицына, то архимандрит приветствует их в первых же словах речи. Римский-Корсаков, еще недавно упрекавший канцлера за благоволение к иноверцам, вовсе не упоминает о мнимых противоречиях православных и иноверных воинов русской армии, подчеркивая единство всего Российского государства в священной борьбе с «агарянами»; он уверенно «подправляет» позицию патриарха, живописуя его вместе со всем освященным собором как неутомимого «о вас, мужественных, храбрых и... крепкоутвержденных ратоборцах богомольца». Если речи Иоакима были перенасыщены тре-

²⁸⁴ РГБ. Собр. Тихонравова. № 634. Л. 106—107 об., 108—111; ГИМ. Чудовское собр. № 98/300. Л. 107—115 об., 117—122 об., 131—134; и др. Ср. слова и грамоту патриарха на II Крымский поход: ГИМ. Чудовское собр. № 98/300. Л. 53—54 об., 60—61, 329—331; *Барсуков Н.П.* Житие и Завещание... С. 131—132 (цитата на с. XVIII неверна).

бованиями детального соблюдения православных правил и ритуалов — то Игнатий и о них не вспоминает вовсе. Среди множества обещанных им от царского имени материальных и духовных наград воинам: земель, денег, чинов и чести, благодарности Отечества и близких, спасенных от бедствий войны, воздаяния от освобожденных народов и т.д., — не упоминается та награда, что обычно называлась первой: Царствие небесное. Те, кто, возможно, падет на брани, ободряются обещанием чести и славы для их фамилий и царского вспоможения их семьям.

Каждым словом публицист вдохновлял полуполковников, ротмистров, капитанов, пятисотских и сотников, есаулов и прочих командиров на полную и окончательную победу в великой многовековой борьбе Руси с полчищами кочевников, христианства — с басурманами-завоевателями, помогал увидеть поход против последыша Золотой Орды, Крымского ханства, в контексте глобальных задач Российского государства — щита и меча христианских народов, средоточия правой веры, законнейшего наследника Константина Великого, Богом избранного освободителя попранной врагом Византии. Блестяще сочетая «высокий» и «низкий» стили, оратор то показывал, что за российской армией — все святое в этом мире и в вышнем — то говорил о «едва постижных» тяготах похода, которые по плечу лишь «мужем крепким и храбрым», достойным настоящей славы, — и язвительно обличал «лежебок, иже болезни себе не сущия притворили, помыслиша себе в сердце успокоение — истинно же рещи явное безчестие!»

Речь Игнатия не была болтовней придворного красноречия. Сам дворянин в прошлом, он отлично понимал бессмысленность праздничного словесного звона для людей, идущих в опасный и трудный поход. Напоминая о мощи русской армии, Римский-Корсаков не скрывал силу противника, говорил о предстоящей смертельной борьбе. Оратор подчеркнуто апеллировал к мужеству воинов. «Нетрудныя же вещи, малыя, легкия, — говорил Римский-Корсаков, — недостойная быти достоинства храбрых, и таковыя приличны суть лежебоком домашним, не хотящим за православие и за врата дому изыти». Задачей Новоспасского архимандрита было дать командирам то чувство своей нравственной правоты, то сознание духовной и исторической общности с героями многовековой борьбы за Отечество, которые побудили бы их всеми силами стремиться «отъяти днесь

поношение Российское», заставили бы каждого сказать воинам перед лицом сильного врага: «Встанем за изгнания людей российских, и ополчаемся за люди православныя наши и святыя. Препояшемся и будем сыны сильных. Не убойтесь множества их, и стремления их не ужасайтесь! Воспоминайте убо, како Господь Бог подаваше российскому воинству на поганых татар дивную победу... яко видевше противнии вашу дерзость, яко готови есте или жити, или умрети крепко, отбегут от лица вашего!»

Верное решение своей публицистической задачи Римский-Корсаков нашел в обращении к истории. «Слово, — озаглавил он свою речь в книге, — ...от Божественных писаний и от царственных летописцев». Важнейшим источником «Слова» стала Степенная книга, дополненная библейскими примерами. В подтверждение справедливости своих суждений Игнатий дал точные ссылки на источники. В книжном варианте текста библейские цитаты приведены по-гречески (из Септуагинты). Как и латинские цитаты в «Генеалогии», они сопровождались дословным переводом. Ссылки на источники были отделены от основного текста и проставлены на полях²⁸⁵. В отличие от хорошо разработанных на Западе и уже применявшихся в России форм ссылок на печатные издания, отсылки к сочинениям, бытовавшим в рукописях, представляли принципиальную трудность. Ведь следовало вначале выделить само произведение и установить, насколько стандартизирован его текст в многообразных списках. Эта капитальная работа, выполняющаяся веками, была знакома Игнатию по археографическим статьям в западных изданиях античных авторов, но теперь предстояло начать труд над существовавшими исключительно в рукописной форме русскими историческими памятниками (который мы до днесь продолжаем с переменным успехом). Зная, что многочисленные списки Степенной книги имеют единообразное членение на степени и главы, автор нашел унифицированную форму точных ссылок на рукописный текст: «Степень 10, главы 2 и 4», «Степень 1, глава 74»; «Степень 6, глава 50»; «Степень 13, глава 24»;

²⁸⁵ Такая форма примечаний издавна бытовала в европейской книжности и была довольно широко распространена на Руси большей частью в церковной литературе и употреблялась в пестрой смеси с разноплановыми маргиналиями (хотя во второй половине XVII в. ссылки все чаще делались, среди прочих справочных сведений, на полях документов в доклад царям и Боярской думе).

«Степень 4, глава 50» и т.д. Именно такую форму ссылок на полях использовал затем автор «Скифской истории», стоявший в феврале 1687 г. на Соборной площади Кремля в рядах слушателей Игнатия²⁸⁶.

Если в «Генеалогии» Римский-Корсаков предлагал славою предков поддерживать доблесть представителей отдельных родов — то в «Слове воинству» он обратился к историческим корням подвига во имя России, являя слушателям светлые образы ратоборцев, издревле проявляющих «дивную и мужественную храбрость» в сражениях с кочевниками. Игнатий рассказывал о подвиге князя Мстислава Удалого, в единоборстве поразившего богатыря Редедю, о битвах с половцами князей Владимира Мономаха и Давыда Святославича, о славных победах в Диком поле князей Всеволода Юрьевича, Владимира Глебовича и Святослава Юрьевича, о мужестве Дмитрия Донского, что на Куликовом поле «без сумнения скочив на подвиг, и напреди выеха, и в лице ста противу окаянному волку Мамаю». «Все же оглавление писания сего таково, — говорил Римский-Корсаков, — яко да мужественно, храбрым и смелым сердцем, шествуете на поганья татары, и яко да поревнуете прежде храбрствовавшим и преславное государство и царство Российския земли разширившим», как царь Иван Васильевич «приобрете с Божию помощю к Российскому царствию царства татарския: Казанское, Астраханское и Сибирское», как царь Алексей Михайлович Малую и Белую Россию, «от многих лет польским крадем похищенную ...от уст зверя исторже».

С исторических позиций рассматривает Игнатий и святых заступников российского воинства. Так, апостол Андрей Первозванный должен, по его словам, выступить за россиян, раз в июле 1644 г. десница его была пренесена к царю Михаилу Федоровичу в Москву. Апостол Павел, при жизни учитель и строитель Церкви, на небесах поддержит новых ее защитников. Василий Великий «во святителях меч есть обоюдосекательный на ерети-

²⁸⁶ А.И.Лызов специально просил направить его в полк В.В.Голицына (в котором служили и многие его родичи) и прошел с ним оба Крымских похода, также, как ранее оба Чигиринских похода. В ноябре 1686 г. он закончил свой перевод книги «Двор цесаря турецкаго», завершив его призывом к решительной борьбе с османскими завоевателями (ГИМ. Синодальное собр. № 460 и др. списки). Это сочинение он включил позже в «Скифскую историю».

кы и враги Церкви Христовой»; конечно же, он поможет «тезоименному своему, царскому же верному слуге князю Василию, упросит у Христа Бога... прострети меч на варвары махометаны и поженет их».

Залогом святости ратного дела нынешних воинов называет Римский-Корсаков земную деятельность святого Петра митрополита во славу Москвы, святого Алексия митрополита, «не убо явшегоса... ордынских царей», святых Ионы митрополита и Ионы архиепископа Новгородского, что предрекли князю Василию Васильевичу, «яко ординские царие не имут одолети Российской державе». Вдохновляющим примером в земной жизни был святой Филипп митрополит, среди ужасов опричнины (описанных в излюбленном Лызловым Сборнике А.М.Курбского) «положивый душу за московския народы и не попустивый разделитися Российскому царствию». — Одна эта оценка опрично-земской России XVI в. должна была привлечь внимание к глубине исторической мысли Римского-Корсакова. Видит Игнатий над российским воинством благословение святого Сергия, «иже древле молитвою своею вооружил великого князя Дмитрия Иоанновича... татар победити». Роль Сергия Радонежского и значение Куликовской битвы для ряда современных исследователей выглядят сомнительными, но Римский-Корсаков в любом случае прав, апеллируя к *представлениям народа о своей истории*, которые царь Федор Алексеевич признавал критерием истины и в ученом исследовании.

Трудно упрекать автора XVII в. за смешение реальных событий с легендарными, когда он говорил, например, о небесной помощи святых князей Бориса и Глеба сроднику своему Александру Невскому «на неистовыя немцы». Святой князь Александр тоже приведен в пример бессмертного мужества, когда в сече с рыцарями «отступника краля... сам уязви мечем в лице». В связи с историческими событиями упоминает Игнатий и Богородицу, помогавшую Мстиславу Удалому и другим ратоборцам. Ведь она «во время великого княжения... Василия Дмитриевича» лично обратила вспять от российских пределов орды Темир-Аксака!

Историческими примерами, которые воинство должно постоянно «в памяти имети», становятся в речи Игнатия библейские события. Автор подробно доказывает, что российская армия во всем подобна Иисусу Навину, боровшемуся с Амаликом,

Давиду, шедшему на Голиафа, Иезекие, выступившему против Сенахерима. «Тако убо достоин за божественную славу и царскую честь российским воинством храбрствовать, а не немужественным быти и в домех своих на боку лежати и тем хотети мужество показать, — говорил оратор.— Без подвига бо никто же венчан бывает!» Бог с теми, кто сам хранит мужество, как показывают истории пророка Елисея и других библейских героев, примеры подвигов русских князей и святых.

Специальный исторический экскурс автор предпринял для того, чтобы призвать российское воинство к освобождению Константинополя. Он рассказывает, как «царство ромейское, еже есть греческое, за многое время сих настоящих времен по части приношася в Россию» (от Владимира Святославича до «российских царей Романовых»²⁸⁷), как еще при строительстве Константинополя явилось о том знамение Константину Великому, как предречена была миссия России святым Мефодием Патарским и императором Львом Премудрым, как современные греки устами Иоанникия и Софрония Лихудов зывают отвоевать «царей всея России отчинный их престол».

Римский-Корсаков, как мы помним, высоко ценил «глубокий и неотъемлемый мир», о нем просил он Господа. Но в то же время ясно давал понять слушателям, что ныне, по вине агарян, мира нет, что басурманы «уничужают и бесчествуют» Российское государство, называя периодически посылаемые в Крым «любительные поминки» годовой данью, оскорбляя и мучая русских посланников, беспрестанно творя разбой на российской границе. Потому прежде, чем просить мира, Игнатий просит Бога *покорить* «мужественным, храбрым и крепким российским людем» «вся варварския языки, брани хотящия».

Уповая на небесное заступничество и опыт русской истории, благочестивое стремление поревновать древним подвигам и личный интерес воинов, на мощь страны и мудрость ее правителей, оратор не сомневается в правоте Российского государства и его конечной победе над мусульманской агрессией в Европе.

²⁸⁷ Основой аргументации Римского-Корсакова стало глубоко укорененное среди россиян убеждение в перемещении центра мирового православия в Россию, конкретно сформулированное в популярнейшем в Москве 1680-х гг. памятнике; см.: Богданов А.П. Автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова. С. 175—205.

По иному оценивал идущую войну патриарх Иоаким. В слове на евангельский текст молитвы *«Да будет воля твоя»*, с которым патриарх должен был тогда же, 21 февраля 1687 г., обратиться к полковым священникам, он собирался выразить явное неприятие этой войны, высказать сомнение в ее справедливости и исходе. Правительство, впрочем, сумело избежать еще одной патриаршей инсинуации: на чтение этого слова (согласно пометке его автора Кариона Истомина) не было оставлено времени в церемонии отпуска полков²⁸⁸. Зато Римский-Корсаков выступил вскоре перед огромным собранием войск за городом, у стен Новодевичьей обители, вручая полкам икону Одигитрии.

«Слово к православному воинству о помощи Пресвятыя Богородицы» энергично и сжато развивало мысль предыдущей речи Игнатия. Оратор, опираясь на традицию, отраженную в чинах царского венчания, назвал воинов российской армии «Новым Израилем, Родом избранным, Царским священством, Языком святым, Людьями обновления», — то есть подлинными наследниками библейских «избранников». Воины — «стена православия», уды и любимые чада великих государей Ивана, Петра и царевны Софьи, «копие Господеви и царем христианским». Они преемники и «ветхаго Израиля», побеждавшего врагов силой «кивота Господня», и византийских императоров, успешно сражавших «нечестивых варваров» (готов, персов, сарацин, скифов и болгар) благодаря «пречюдной помощи» Богородицы. Не ссылаясь в подносном экземпляре «Слова» на источники, Римский-Корсаков в тексте говорит о тех авторах, кто «ея пречюдной помощи со благодарствием хвалу восписуют».

Воспев могущество девы Марии от Евангелия и византийской истории, Игнатий затем все ее заботы переносит на Россию. «Но вскую сицевыя истории воспоминаю всем вам добре сведущим, — говорил он, — яко всяк град и страна христианская ея святым стоит заступлением. Паче же, яко и само православное Великороссийское государство, жребий самыя Богоматере, ея помощию разширися, ея пособием утвердися, ея хранением в своей крепости доселе пребывает и ея утверждением врагы своя и супостаты преславно побеждает». Принесенная от государей в полки Путеводительница — залог победного торжества над всеми супостатами.

²⁸⁸ Памятники. № 13 (публикация и комментарий).

Борьба с Османской Портой и Крымским ханством приобретает в устах Римского-Корсакова характер *священной войны*. Но священная война для России — не то, что мусульманский гезават или католические крестовые походы. Не завоевание мира или отвоевание святых мест — а защита и освобождение угнетенных народов от агрессоров определяет ее сущность. Российские войска идут «на лютыя честнаго креста Господня ненавистники и на присныя всех христоименитых людей супостаты, разорители и мучители», своих жен и детей «от расхищения и плена агарянского предсоблюдающе», чтобы «от Бога данным храбством укротить стремление агарянское, воспятить лютое их на ны уготовление и лукавыя их советы суетны и безделны сотворить».

«Дело же вам предлежащее, — говорил Игнатий, — есть дело не ваше, но дело Божие, занеже о вере православней кафолической, о славе Бога небеснаго, о свобождении Церкви, лютое и нестерпимое от враг гонение страждущия, и о братии вашей, во пленении агарянском сущей, работою же паче египетския обремененной, имате подвизатися».

В отличие от «Слова воинству», «Слово о помощи Богородицы» содержит и церковно-дидактические элементы. Игнатий требовал от воинов духовной чистоты, «ибо чистая голубица пресвятая Богородица в нескверных обыче гнездах водворятися». Уверив ратоборцев в том, что «добронадежно есть, еже вам враги супротивныя победити и корыстями их дома исполнити ваша», оратор призвал к воздержности от «лукавых делес» и к молитвам. Впрочем, в отличие от Иоакима, спасение воинских душ Римский-Корсаков связывал не столько с их богомольностью (для обоих ораторов довольно сомнительной), сколько со святостью их воинского труда, «ибо о Божией ратующим славе яко победити есть славно, тако и умрети душеспасенно»²⁸⁹.

Отредактированные и оформленные Игнатием по всем правилам книжного искусства, «слова» его к воинам вошли в число лучших историко-публицистических произведений XVII в. Заботы Новоспасского архимандрита о рукописном «издании» тщательно доработанных текстов своих выступлений свидетельствуют, что в *оказиональные*, посвященные конкретным событиям сочинения публицист вкладывал глубокий смысл, который стремился донести до власть предержащих и сохранить

²⁸⁹ Памятники. № 16 (публикация и комментарий).

для истории. О том, что российским государям принадлежит наследие Византии, и именно сейчас пришло время «погрузить престол Константинопольский под закон ваш», 27 марта 1687 г. напомнили юным царям и царевне Софье братья Иоанникий и Софроний Лихуды. Разумеется, в произнесенном перед царским двором воскресном «*Слове на востание Господа нашего Иисуса Христа*» ученые греки особо апеллировали к правительнице Софье, которая скипетры отеческия... в премудрости и мужестве утвердила еси». Царевна — «истеннейший и известнейший царем скипетр», повторяли ораторы; «наипаче мудрейшая София тишайшим и сладчайшим братиям известнейший скипетр показалася, не яко сестра токмо, но яко чадолюбивая мать тех учащи и поучаемых руководствующи на толикого царствия строения». Именно ей, как надеялись Лихуды, предстояло добиться, чтобы российские цари «всея Вселенныя самодержцы по достоянию показались»²⁹⁰.

Следует подчеркнуть, что и патриарх Иоаким, делясь своими сомнениями относительно успехов правительства регентства только с высшими чинами двора, в жанре пастырской проповеди, обязан был, как официальное лицо, публично поддержать Крымские походы в *благословенных грамотах*, адресованных воеводам и читавшихся для поднятия духа *перед полками*²⁹¹. Благословенными грамотами Иоаким, по давнему обычаю архипастырей, удаивал всех «нашей мерности возлюбленных во Господе сынов» — боевых воевод. Обращаясь 10 апреля 1687 г. к главнокомандующему князю В.В.Голицыну (кого, по патриаршей проповеди, следовало за политику свободы вероисповедания «остановить и казнить»), Иоаким, как ни в чем не бывало, шлет ему благословение и благопожелания. Заодно патриарх выражает надежду, что князь позаботится об ушедших с ним в поход «сущих нашей мерности по крови ближних»²⁹². 6 мая 1687 г. особыми благословенными грамотами патриарха были осчастливлены все высшие командиры действующей армии: кн.

²⁹⁰ Там же. № 17. Цит. с. 183—184.

²⁹¹ ГИМ. Синодальное собр. № IV/993. Рукопись 2. Л. 121—130 и др. Оpubл.: Савелов А.М. Переписка патриарха Иоакима с воеводами, бывшими в Крымских походах 1687—1689 гг. Симферополь. 1906. (отг. из «Известий Таврической Ученой Архивной Комиссии». № 40).

²⁹² Речь шла о родном брате, двух племянниках Иоакима и др. представителей рода Савеловых.

В.В.Голицын, кн. К.О.Щербатов, генерал В.А.Змеев, А.С.Шейн, кн. В.Д.Долгоруков и гетман И.Самойлович²⁹³. Обращаясь к Голицыну, Иоаким (а если быть точным — автор его посланий Карион Истомир), хоть и не в таких сильных выражениях, как Римский-Корсаков, выражает надежду, что «отпущенные» в поход с полками святыни, вкупе с молитвами духовенства, обеспечат воинству «на врагов христианских победу и одоление... благочестивым же нашим самодержавным царем государем мир и тишину, царства же расширение и охранение вся державы их».

Посылая в армию свежий тираж службы *«О вспоможении христианскому воинству и освобождении пленных из неволи агарянской»* (М., 1687), Иоаким сообщал Голицыну, что повелел творить новоотпечатанные молитвы по всем храмам России. В грамоте Щербатову патриарх, вполне в духе Игнатия, восклицал: «Господь... зловерных же и проклятых иноплеменников державною и всеильною рукою да победит и истребит от земли нечестивую память их!» Каждому полководцу разными словами выражалось одно пожелание (цитирую по грамоте Долгорукову): «твоему благородию и всему с тобою царского величества... православному воинству, пошедшему против злых неприятелей и гонителей православной веры исмаильских людей, проклятых агарян, желаем здравия, и спасения, и всякого сохранства на многая лета»; мужественным и молящимся Бог «победу сотворит».

Подготовка к походу и в особенности выступление российских войск летом 1687 г. вызвали широчайший отклик по всей стране, который можно сравнить лишь с откликом на Московское восстание 1682 г. Записи о выступлении войска в поход сделали составители Свода Римского-Корсакова, Краткого Московского летописца и Краткого Казанского летописца²⁹⁴. Особенно подробно, с росписью полков и начальных людей, описали событие дворяне — А.Я.Дашков, М.Ф.Шайдаков и И.А.Желябужский²⁹⁵. Автор Спасо-Прилуцкого монастырского летописца, естественно, дважды сообщил о сборе с монастырей «запро-

²⁹³ Грамота к последнему (л. 129—130) пропущена в издании Л.М.Савелова.

²⁹⁴ ГИМ. Собр. И.Е.Забелина. № 263. Л. 998 об.—999; БАН. 16.14.24. Л. 528 (ср. РГБ. Ф. 29. № 8. Л. 59 об.; Ф. 178. № 5710. Л. 461; Ф. 218. Пост. 1954 г. № 469. Л. 4 об.); РГБ. Ф. 228. № 185. Л. 293 об.—294.

²⁹⁵ РНБ. Эрмитажное 567. Л. 161—162 об.; БАН. 16.14.24. Л. 574 об.—575 об. (конец оторван); Записки Желябужского. С. 209.

сных денег» на поход²⁹⁶. О «великих приготовлениях» в Москве 1687 г. «к войне на турок и татар» вспоминал автор Летописца, постепенно доведенного до 1710 г.²⁹⁷ Если о ходе военных действий мы можем узнать из официальных документов (в особенности Разрядного и Малороссийского приказов) и подробного Дневника Патрика Гордона²⁹⁸, то записи российских свидетелей и участников событий в Латухинской Степенной книге, Записках Желябужского, Летописце Леонтия Боболинского, Кратком Казанском летописце, Псковском I списке «Летописца выбором» и др. раскрывают особенности правительственной пропаганды и общественного мнения, взаимозависимых с международной политикой и европейской реакцией на новости с театра военных действий.

Реальные цели политиков были, как правило, скрыты от глаз общественности, но реакция *правительственной пропаганды* на изменения внутренней и международной конъюнктуры в конце XVII в. была энергичной и содержательной. Уже цели и результаты I Крымского похода 1687 г. вызвали среди современников изрядные разногласия. Если в ходе русско-имперских и русско-польских переговоров о вступлении России в Священную лигу речь шла только о создании заслона против крымских татар с целью не допустить их на основной театр военных действий в Венгрии, Молдавии и Валахии²⁹⁹, то в тексте договора о Вечном мире обязательства России были расширены включением пункта о наступлении всеми силами на Крымское ханство³⁰⁰.

В начале I Крымского похода главнокомандующий В.В.Голицын отказался от предложения короля Яна Собеского оставить поход на Крым и двинуться вместо этого на Дунай, мотивируя свой отказ необходимостью связать силы крымских татар, которые опасно было оставлять в тылу³⁰¹. В этот момент целью воинства, согласно формулировке царского указа и объявительных грамот, отраженных в Записках Желябужского, Спасо-Прилуцком летописце, Своде Римского-Корсакова, Летописце 1619—1691 гг. и других источниках, был поход «под Пере-

²⁹⁶ ГИМ. Собр. Уварова. № 591. Л. 189—189 об., 191 об.

²⁹⁷ РГАДА. Ф. 181. № 625. Л. 26.

²⁹⁸ Tagebuch des Generals Patrik Gordon. Т. II. СПб., 1851.

²⁹⁹ Соловьев С.М. История России. Кн. VII. С. 371—372; и др.

³⁰⁰ Там же. С. 373; ПСЗ-I. Т. 2. № 1186.

³⁰¹ Бабушкина Г.К. Международное значение... С. 166—167.

коп», «для береженья (украинных городов.— А.Б.) и поиску над неприятельскими крымскими людьми» (М.Ф.Шайдаков)³⁰².

Но и выполнение такой, на первый взгляд скромной задачи, встретило немало трудностей. Проповедь патриарха, предрекавшего поражение затее ненавистного ему правительства, возымела успех среди части достаточно обеспеченных чинов Государева двора, которые явились на ненужную им и довольно опасную службу в траурных одеждах, и даже лошадей своих покрыли черными попонами. Хуже было то, что мобилизация еще не вполне освоившейся с военно-окружной системой армии затянулась, и 150-тысячное русско-украинское воинство³⁰³ выступило в Дикое поле в жаркое и сухое время. Этой причины было бы вполне достаточно для провала похода, хотя уместно вспомнить, что тактико-технические данные европейской армии того времени в принципе не позволяли осуществить многосоткилометровый переход по безлюдным местам в отрыве от своих магазинов³⁰⁴ и, главное, в окружении мобильного неприятеля³⁰⁵. Голицын же, в довершение всех неприятностей, столкнулся с саботажем коалиционной войны со стороны гетмана Ивана Самойловича — известного противника союза с Польшей,³⁰⁶ единомышленника патриарха Иоакима. И это в то время, как Ян Собеский страстно желал поражения новому союзнику, выискивая малейший повод отказаться от ратификации глубоко ненавистного ему Вечного мира!

³⁰² РГАДА. Ф. 123. Оп 2. Св. 1687 г. № 2; Записки Желябужского. С. 209; ГИМ. Собр. Уварова. № 591. Л. 189; ГИМ. Собр. И.Е.Забелина. № 263. Л. 398 об.; ПСРА. Т. 31. С. 204; РГАДА. Ф. 181. № 625. Л. 26; *Грабянко Г.* «Действия...». С. 234; БАН. 16.14.24. Л. 575 об.

³⁰³ Tagebuch... S. 174. По сведениям, полученным из Москвы коронным гетманом Правобережной Украины Станиславом Щукой 14 августа 1687 г., к войску присоединилось также несколько тысяч ногайских татар. Но затея использовать — по терминологии А.И.Лызлова — «скифов» против «скифов» провалилась: ногайцы дали повод подозревать себя в измене и вскоре были рассеяны российскими войсками (РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 6. Ч. 3. Л. 1—2).

³⁰⁴ От них не рекомендовалось удаляться далее трех переходов.

³⁰⁵ В 1685 г. в цветущей Молдавии лучшая европейская строевая кавалерия конца XVII в. — польские гусары — была отрезана от магазинов и разгромлена татарским ополчением, так что сам Ян Собеский едва спасся.

³⁰⁶ *Соловьев С.М.* История России. Кн. VII. С. 379—384; *Богданов А.П.* «Истинное и верное сказание»... С. 66—67, 79—80.

При всех горестях и напастях похода, канцлер Голицын сумел возместить ущерб для России и Священной лиги, как энергичными военными операциями, так и умело организованной пропагандой. Еще во время похода из ставки Голицына, именованного с легкой руки голландской прессы *генералиссимом*³⁰⁷, в Москву было отправлено несколько *грамот*, сообщавших о разгроме ряда крупных отрядов татар и взятии построенных в нарушение Бахчисарайского мира турецких крепостей на Днепре — Очакова, Орзеля и др.³⁰⁸ Через московского резидента Голландских штатов³⁰⁹ эти реляции были переправлены во влиятельные нидерландские *газеты*, сообщения которых были затем прочтены в Москве³¹⁰.

Информация была достаточно взвешенной. В имперских и нидерландских курантах были опубликованы грамоты из Москвы, сообщающие, что перед наступающей армией «неприятель на несколько миль конские пожег кормы», и о задержке наступления на Перекоп³¹¹. Отступление главной армии с пылающего Дикого поля началось 18 июня; на следующий день гонец об этом был послан в Москву³¹², а 29 июля эта весть была опубликована в Амстердаме вместе с сообщением резидента Келлера о дальнейших планах русского командования³¹³. Не ранее 25 июля весть об отступлении россиян с Перекопского направления была получена в Вене. Однако специальный гонец, вернувшийся к 9 августа с Украины в распоряжение *польских* войск, привез, согласно опубликованному в газетах сообщению из ставки короля Яна III, известие, будто российские войска «стоят на прежнем месте» (в лагере у р. Самары), никуда не двигаясь и

³⁰⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Св. 1687 г. № 2. Л. 339—344; ф. 155. Оп. 1. № 6. Ч. 3. Л. 11—12; и др.

³⁰⁸ СГГиД. М., 1826. Т. IV. № 565, 564, 563, 539, 541 (в порядке поступления).

³⁰⁹ Ср. сообщения Келлера: *Белов М.И.* Письма Иоганна ван Келлера в собрании нидерландских дипломатических документов // Исследования по отечественному источниковедению. М.-Л., 1964. С. 374—382; РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Св. 25, 1687 г. № 2 и др.

³¹⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 6. Ч. 3. Л. 175, 252—253, 276.

³¹¹ Там же. Л. 93—94, 11—12 (обратные переводы из газет хранятся не по порядку).

³¹² *Эвартицкий Д.И.* История запорожских казаков. Т. III. СПб., 1897. С. 25.

³¹³ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 6. Ч. 3. Л. 11.

все еще ожидая наступления коронной армии на бучачских (белгородских) татар³¹⁴.

Пропаганда Голицына столкнулась с мощной дезинформацией Яна Собеского. Согласно оперативно осуществлявшимся переводам из имперских газет, командование сосредоточенной в лагере под Буржачем цесарской армии вплоть до 26 августа терялось в догадках насчет действий российских войск. С польской стороны оно получало известия, что прикомандированному к русской армии резиденту пану Глосковскому «заказано писать к нам или грамотки ево к нам не пропускают», а Голицын то ли вернулся восвояси, то ли вообще не выступал в поход и сговорился с татарами о нападении на Польшу³¹⁵. В ставке Голицына прекрасно видели, что польская дезинформация сработана грубо. Благодаря отлично налаженному, аккуратно выражаясь, сбору информации, которым традиционно занимались политики Посольского и военные Разрядного приказов, было ведомо, что сообщения от Глосковского поступали в Речь Посполитую исправно. К 30 июля коронный гетман Станислав Шука получил через коменданта Белой Церкви, где в 1686 г. был установлен польский почтовый пункт, донесение резидента о разгроме казаками под Переяславцем орды крымчаков, направлявшейся «с запасом» под Каменец; до 14 августа — что «царские войска четыре замка турецкие в Крыму взяли и с крымскими татары дважды бои имели»; в первых числах августа — об отступлении Голицына к Москве и планах дальнейших действий русской армии³¹⁶. Кроме того, после возвращения резидента Глосковского в начале сентября во Львов, с его стороны не прозвучало никаких нареканий в адрес русского командования (согласно интервью, взятому у Глосковского корреспондентом имперского официоза)³¹⁷. Таким образом, несмотря на попытку Голицына обеспечить невиданную по тем временам гласность своих действий, задержка и злонамеренное искажение информации польским правительством ставили единство Лиги под угрозу.

³¹⁴ Там же. Л. 93—94, 38—39, 49.

³¹⁵ Там же. Л. 38—39. Эта клевета тем более впечатляет, что король сам вел сепаратные переговоры с Крымом против России, наивно полагая их секретными.

³¹⁶ Там же. Л. 14—15, 96—99, 93—94. Ср.: *Эварницкий Д.И.* Указ. соч. С. 9, 23—26.

³¹⁷ Там же. Л. 105—107, 175.

Голицын и его соратники (учитывая открытость приведенных документов как для Боярской думы в Москве, так и для свиты генералиссимуса) понимали, что шляхетские инсинуации были связаны с ратификацией договора о Вечном мире, затянувшегося до ноября 1687 г. Было хорошо известно, что значительные круги реваншистски настроенной шляхты, часть сенаторов и сам Ян Собеский жаждали пересмотра закрепленного договором границ³¹⁸. В условиях, когда Оттоманская Порта, столкнувшись с войной на четырех фронтах, всеми силами стремилась к сепаратному миру с членами Лиги, а по Европе начали из неопределенных источников расползаться зловещие слухи о скором распаде антиосманского союза³¹⁹, было особенно опасно распространение *провокационных известий* коронного командования о том, что русские «будто тайной мир с татары учинили и против нашего королевства войну всчинать хотят», что они злоумышленно бездействуют, «зело от турков боятца и хотят того ради охотно на нашу выю положить всю тягость и сидеть меж тем в покое для остерегания прибытков своих» и т.п.³²⁰

В ответ правительство регентства, прямо в походе сменив гетмана Самойловича на энергичного сторонника войны Ивана Степановича Мазепу³²¹, усилило через его *универсалы* пропаганду своих боевых побед, подкрепляя ее при наличии признаков успеха. Прежде всего новый гетман заменил малоинтересное для европейских газетчиков сообщение из Москвы о мирном отступлении российской армии не доходя Перекопа заявлением, что 24 июля 1687 г. этот форпост Крымского ханства был взят штурмом объединенными русско-украинскими войсками³²². Уже к 14 августа сведения гетмана были подтверждены из Москвы³²³. Не исключено, что «Перекопский замок», мощь которого в современной прессе и позднейшей историографии

³¹⁸ ПДС. Т. VI. СПб., 1862. С. 1486—1493 и др.

³¹⁹ Бабушкина Г.К. Международное значение... С. 164.

³²⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 6. Ч. 3. Л. 38—39, 49 и др.

³²¹ Левитский О. Летопись Самовидца... С. 171; *Байтэши-Каменский Д.Н.* История Малой России... Ч. 3. М., 1830. С. 1; *Устрялов Н.Г.* История Петра Великого. Т. I. СПб., 1882. С. 13; *Эвартицкий Д.И.* Указ. соч. С. 31; РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 6. Ч. 3. Л. 94, 98, 143—146 и др.

³²² Ср.: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 6. Ч. 3. Л. 11 — сведения нидерландских курантов, полученные из Москвы 29 июля; там же, Л. 144—146 — австрийские газеты по универсалу Мазепы от 9 августа.

³²³ Там же. Л. 1—2 — из австрийских курантов.

сильно преувеличивалась³²⁴, действительно был сожжен, но не основной армией, а оставленным в степях до осени легким кавалерийским корпусом из казаков, гусар и драгун, о создании которого уведомлял союзников канцлер Голицын³²⁵.

Именно в *универсале гетмана Мазепы* от 9 августа 1687 г., распространявшемся в Российской державе и опубликованном имперскими курантами, была сформулирована *новая цель войны*. Объединенные русско-украинские войска были, по его утверждению, «*намерены весь Крым разорить и землю крымскую русскими казаками и верными татарами поселить... И чаем, помощию Божию, что хан крымский скоро учнет писаться подданным царским*»³²⁶. Соответствующие сообщения через иностранных резидентов в ставке главнокомандующего и в Москве были направлены в другие европейские государства³²⁷. По возвращении Мазепы в Батурин о намерении российских войск «Крим зносити спосполу» записал Р.О.Ракушка-Романовский (знаменитый «Самовидец»). О походе армии «на Крым», «воевати Крым», «войною в Крым» пишут с этого времени русские и украинские летописцы³²⁸. Радикализация позиции правительства регентства была связана с серьезными опасениями внутренних и внешних последствий неудачного похода основной армии в Дикое поле.

Как отметил шведский посланник Христофор Кохен, осенью 1687 г. члены правительства регентства во главе с вернувшимся из похода Голицыным «*все озабочены были изданием за границу, на немецком и голландском языках, хвалебного описания похода, в котором будут подробно изложены причины безуспешного возвращения царского войска*»³²⁹. «*Истинное и верное сказание*» было создано в Москве нидерландским резидентом Иоганном фан

³²⁴ Однажды Григорий Косагов и Иван Серко, по молодости лет погорчавшись, собрали 60 казаков и устроили страшный погром в Перекопе, когда там стоял сам хан «со всею ордою».

³²⁵ Там же. Л. 99, 105—107 и др.

³²⁶ Там же. Л. 145—146.

³²⁷ Там же. Л. 11, 105—107, 175 и др.

³²⁸ *Левцикий О.* Летопись Самовидца... С. 166; РГБ. Ф. 29. № 65. Л. 79 об.; РНБ. Собр. ОЛДП. F.355; Л. 56 об.; РНБ. Собр. Вяземского. Q.ССХI. Л. 217; Черниговская летопись... С. 88—89; Сборник летописей, относящихся к истории Южной и Западной Руси. Киев, 1888. С. 99; РНБ. Эрмитажное собр. № 567. Л. 164.

³²⁹ *Висковатов К.А.* Письма шведского посланника в Москве Христофора Кохена // РС. 1878. № 8. С. 122.

Келлером и переведено в Амстердаме «на латинский, цесарский, французский языки. И взяв себе, в Галанской земле пребывающие послы и резиденты: цесарской, гишпанской, французской, аглинской, свейской, датской, полской и венетской, — послали к своим государям, и тем случаем разосланы во всю Европу»³³⁰. Легко заметить, что публицистическое «Сказание» было адресовано членам Лиги и государствам, в которые были посланы приглашения присоединиться к антиосманскому союзу. Немаловажен был и его *русский перевод*, выполненный в Посольском приказе «с печатного листа», официально поданного иностранным резидентом, и доложенный в Думе. В «Сказании» давалась оценка причин, побудивших Россию разорвать Бахчисарайский мир и вступить в войну с турками и татарами, «кои... в неколико сот лет прешедши, страшныя христианским различным странам учинили разорение и запустошение, всею же силою и впредь подвигаясь, дабы осталое христианство искоренити», — тезис, будораживший в эти годы европейскую пропаганду и вскоре воплощенный в капитальной «Скифской истории».

«Сказание» отдавало должное прозорливой международной политике Софьи и Голицына, а также весьма продуманно обосновывало временную неудачу российских войск, целью которых, якобы, было «в самой Крым, которая страна в древних историях Таурикою Херсонскою нарицалась, вступить»³³¹. Поэтический образ Дикого поля также сближает «Сказание» со «Скифской историей»: когда «видя пред собою великое море — всякаго человеческого жития лишенную пустыню — с претрудными пути и скудостью вод, а и те нездравы, обретая многие холмы и истуканныя идолы, яко останки древняго поганства»³³², — и то все презря, неужасным сердцем в надежде своей утешаясь своея услуги великим государем своим и всему общему христианству, нестерпимыя жары, жажду и великую востающую от такого множества людей и лошадей пыль претерпя», армия увидела перед Перекопом зрелище еще более величественное и ужасное: многие мили выжженной земли и могучее пламя от высоких степных трав, застилающее горизонт.

³³⁰ РГАДА. Ф. 123. Реестр II. Св. 1687 г. № 2. Л. 345, ср. Л. 339.

³³¹ Там же. Л. 341; ср.: «доступити в Крым», Л. 343.

³³² Они врзались в память и участнику похода Лызлову, который в «Скифской истории» постарался дать ветхим памятникам археологическое объяснение.

Психологически отступление россиян было оправдано, но политически следовало объяснить неудачу похода «изменой» гетмана Самойловича и его сыновей-полковников, которым вменялось в вину измотавшее войска «непорядное и кривое шествие», «зажжение всей степи и отъятие конского корму», а также «многие вредительные пересылки» с татарами, имевшие целью «сей поход, который он с великою неволею принужден был всчать, ни во что сотворити»³³³. Гетман с младшим сыном был весьма хитроумно арестован прямо посреди наполненного его войсками лагеря³³⁴ и впоследствии сослан. В интересах исторической истины отмечу, что Самойлович, и тем паче его храбрые сыновья, виноваты не были. Версия об «измене» гетмана возникла, как показывает хорошо осведомленный Ракушка-Романовский, фактически уже после ареста гетмана на основе извета украинской старшины от 7 июля, составленного не без участия спешно примчавшегося из Москвы в стан армии великого мастера закулисных дел Ф.Л.Шакловитого³³⁵. Правительство умело использовало эти обвинения для объяснения отступления армии, разослав соответствующие сообщения во влиятельные европейские газеты³³⁶. Как прежде Ромодановский, Самойлович пал жертвой интересов внешней политики России. Его «измена» объясняла быстрое отступление Голицына, знавшего о бездействии союзника — короля Яна, а необходимость ликвидировать последствия измены была отличным основанием немедленно завершить кампанию в то время, когда войска Речи Посполитой решили, наконец, воспользоваться полным отсутствием перед собой неприятеля, и заняли Яссы.

Турки лихорадочно готовились оборонять Стамбул от россиян; с «дражайшим другом» — Крымским ханом — король вел задушевную переписку в том духе, что раз «татарское войско обогащается за счет войны» — то пусть выберет для этого восточного соседа. В таких условиях ратифицировать Вечный мир с Россией и отдавать ей Киев было бы просто глупо! Но король

³³³ Там же. Л. 341 об.—342.

³³⁴ «Истинное и верное сказание» рисует сцену ареста наиболее лестно для Голицына: Там же. Л. 66—67; ср.: *Tagebuch...* S. 176; РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 6. Ч. 3. Л. 97—98; и др.

³³⁵ *Левицкий О.* Летопись Самовидца... С. 168—171; СГГид. Т. IV. № 186; РГАДА. Ф. 123. Реестр II. Св. 1687 г. № 2. Л. 243—250 и др.

³³⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 6. Ч. 3. Л. 94, 96—97, 175.

не учел, что Крым в 1687 г. остался без добычи, ибо хан затаился за Перекопом. Одновременно усиленный казаками корпус окольного Леонтия Романовича Неплюева и генерала Григория Ивановича Косагова, прикрывая армию со стороны Белгородской орды, устремился вдоль Днепра, спалив Шах-Кермень, Кизы-Кермень, Очаков и прочие турецкие крепости, а заодно разметав и загнав в плавни высунувшуюся на свое несчастье в поле Белгородскую орду. После своевременного ухода россиян обремененная и голодная орда, как стая зимних волков, бросилась на запад и окружила торжествующие победу войска короля Яна. Осенью, пораженное болезнями, измученное голодом польское войско с огромными потерями прорвалось домой, проклиная своего короля. Русские послы, не первый месяц зря томившиеся на чужбине, взглянув на бравых вояк, потребовали немедленной ратификации Вечного мира, объявив, что в противном случае сей же час покинут королевство. Вынужденный прибыть во Львов, изможденный не меньше своих солдат, Ян Собеский нашел силы заявить, что ему «тяжестно» подписывать договор с Россией — и был поддержан группой радикально настроенных сенаторов. Однако большинство магнатов во главе с канцлером Огинским напомнило, что значит воевать с басурманами без России, и король, обливаясь (по замечанию современника) слезами, подписал врученный ему договор³³⁷.

Гипотеза, что обвинение Самойловича и последовавший за ним спешный отвод российских войск на зимние квартиры были связаны с необходимостью вразумления союзника, подтверждается тем фактом, что первоначально, еще до 22 июля, в России и за границей сообщалось о поджоге степи *татарами*. Именно эта версия отразилась как в австрийских и нидерландских газетах, так и в современных российских сочинениях: Записках Желябужского, Беляевском летописце, Летописце Боболинского, Псковском I списке «Летописца выбором» и др.³³⁸ При составлении «Истинного и верного сказания» пришлось от-

³³⁷ Богданов А.П. и др. «Око всей великой России». С. 211—212; и др.

³³⁸ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 6. Ч. 3. Л. 93—94, 106—107, 175; Записки Желябужского. С. 209; Беляевский летописец // Богданов А.П. Россия при царевне Софье и Петре I (далее — Беляевский летописец). С. 41—42; Черниговская летопись... С. 89; РНБ. Собр. ОЛДП. F355. Л. 56 об.; ср.: РГАДА. Ф. 181. № 625. Л. 26; Грабянко Г. «Действия...» С. 234; и др.

метить, что В.В.Голицын первоначально «совершенно чаял, что те степи ночными посылками татары выжгли», и лишь при возвращении в лагерь у р. Самары «начальные люди и старшина казачьего войска» открыли ему глаза³³⁹. Еще позже было выдвинуто обвинение против старшего сына гетмана — батурина полковника Г.И.Самойловича, который в момент ареста отца находился с 20-тысячным корпусом в походе с Л.Р.Неплюевым и Г.И.Косаговым в Поднепровье (где при известии об аресте гетмана чуть было не началось восстание «черни»). До полного окончания кампании 1687 г. Голицыну пришлось поддерживать версию о непричастности полковника к «измене» отца³⁴⁰.

Не весьма высокая оценка результатов I Крымского похода самим московским правительством, вызывавшая необходимость поиска оправданий и «козла отпущения», начала меняться к середине августа 1687 г., при получении первых достоверных известий о результатах кампаний союзников. В «Истинном и верном сказании» с гордостью отмечалось, что, второй год лишенный помощи татар, «турок одними своими войсками не токмо над христианы под градом и в поле какие прибыточные себе поиски обрести — и наипаче не мог толикие войска собрати, ими же бы щастливое шествие победительных христианских оружей в Венгерской земле и в Мореи мог остановить и столичной град Будин из их рук исхитити, как они преж сего союза за три года с поможением хана Крымского учинили и не точию тот город цесарскому войску взять не дали — но пот тем цесарских войск великое число побили»³⁴¹.

В сообщениях за границу Москва отчитывалась перед союзниками, что, согласно договоренности, взяла под свой контроль силы татар. Но вскоре выяснилось, что не меньшее воздействие Крымский поход оказал на самих турок. При известии о выступлении российской армии паника началась среди янычар (хорошо запомнивших уроки 1569, 1677 и 1678 гг.) и вскоре охватила столицу Османской империи. Раздавались крики, что «русские идут на Стамбул!»³⁴² Наиболее ярые фанатики, не желая

³³⁹ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 6. Ч. 3. Л. 107, 175 и др. Ср.: Ф. 181. № 625. Л. 26; РГБ. Ф. 173.1. № 141. Л. 162 (и др. списки).

³⁴⁰ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 6. Ч. 3. Л. 98, 107, 175 и др.

³⁴¹ РГАДА. Ф. 123. Оп. 2. Св. 1687 г. № 2. Л. 343—344.

³⁴² *Смирнов В.Д.* Крымское ханство под главенством Оттоманской Порты. М., 1887. С. 620—622.

сдаваться «гяурам», бросались из окон и с минаретов. Перепуганный султан Мухаммед IV бежал через пролив в Азию, где был зарезан (по другой версии — задушен) обезумевшей от страха охраной. Огромная армия, готовая к наступлению на Речь Посполитую, была отозвана для обороны Стамбула. Пополнение в Венгрию не было отправлено. Средиземноморский флот, оборонявший от венецианцев Морею, принял на борт местные гарнизоны и вошел в Проливы. Словом, турки приготовились биться за плацдарм в Европе до последней капли крови, уповая, что Аллах ласково примет души убиенных «урусами»³⁴³.

Паника длилась не очень долго, но военные планы Порты были безнадежно нарушены, а флот все равно пришлось задействовать не в Средиземном, а в Черном море, где Османская империя рисковала потерять устье Днепра. К нему двигался вниз по течению неустойчивый генерал Косагов, знакомый, как мы помним, и с морским делом. Путь россиян освещался пылающими останками турецких крепостей. Флот двух морей должен был высадить десант и любой ценой удержать стратегически важнейший Очаков. Белгородская орда, которую Ян Собеский недавно предлагал одолеть соединенными силами коронной и российской армий, выступила под командой нурадин-султана³⁴⁴ — и была сражена Косаговым у стен Очакова³⁴⁵. Заполонивший весь Днепровский лиман турецкий флот узрел лишь обгорелые развалины крепости и гарцевавшего на взморье всадника в генеральском мундире, который, «ругая турок по московскому обычаю», призывал десант на берег сойти. «Янычары, — как было отмечено в Разрядном приказе, — отвечали по янычарски, а на берег не сошли».

Судя по корреспонденции, переведенной в Посольском приказе, днепровская эпопея вызвала оживленный интерес в Западной Европе. Особенно усердствовали в освещении деяний непобедимого генерала австрийские газеты³⁴⁶, от них немногим отставала нидерландская печать³⁴⁷. Эти подвиги совершенно заслонили от глаз общественности второй удар вспомо-

³⁴³ См.: *Бабушкина Г.К.* Международное значение... С. 171.

³⁴⁴ Главного военачальника Крымского хана.

³⁴⁵ Ее остатки, по меткому замечанию в военном донесении, попрыгали в камышах.

³⁴⁶ РГАДА. Ф. 155. Оп. 1. № 6. Ч. 3. Л. 14—15, 97, 107, 143—146.

³⁴⁷ Там же. Л. 175, 252—253, 276.

гательных сил в направлении Азова, парализовавший правое крыло Крымской орды и позволивший армии Голицына, от которой хан с главными силами улизнул за Перекоп, вообще не вступать в бой.

В отличие от поляков, долго и тщетно ожидавших под Каменцом басурманского нашествия, имперцы и венецианцы времени не теряли. Прагматичные австрийцы, не встречая особо сильного сопротивления, методично наступали в Венгрии и на Балканах. Венецианцы, предупрежденные царской грамотой от 9 марта «поранее войски противу турок отправить», несколько удивились, не обнаружив османского гарнизона даже в Афинах, но, возблагодарив Бога, без боя заняли крепости в Морее. 11 августа растроганный таким подарком дож с благодарностью уведомил об этом Москву грамотой³⁴⁸.

Кампанией 1687 г. Россия решительно заявила о своей важной роли в Священной лиге. Сказалось на международной обстановке и твердое *заявление правительства регентства* о намерении продолжить военные действия в следующем году. Помимо обычных дипломатических каналов, оно было послано из Москвы в Нидерланды еще 29 июля, передано в начале августа польскому резиденту пану Глосковскому (краткий отчет которого был опубликован позже в Вене и Амстердаме) и напечатано на нескольких языках в «Сказании», обретаясь, помимо Вены, Варшавы и Венеции, в Мадриде, Париже, Лондоне, Стокгольме и Копенгагене — то есть во всех столицах (кроме не упомянутого Берлина), в которые русское правительство отправило посольства с предложением о присоединении к Священной лиге³⁴⁹.

Затянутая польской стороной до ноября 1687 г. ратификация Вечного мира стала неизбежной, и проволочки только заставляли Яна Собеского терять лицо. Зато после подписания договора королем эта ратификация была немедленно подкреплена гарантиями австрийского императора и Папы римского³⁵⁰, что само по себе знаменательно. Еще любопытней, что сведения о ратификации договора были отражены в современных летопис-

³⁴⁸ РГАДА. Ф. 41. Оп. 1. Ч. 2. Св. 1687 г. № 5 и 6.

³⁴⁹ РГАДА. Ф. 123. Реестр II. Св. 1687 г. № 2. Л. 344; Ф. 155. Оп. 1. № 6. Ч. 3. Л. 11—12, 96—97, 175. Ср.: *Бабушкина Г.К.* Международное значение... С. 164.

³⁵⁰ ПДС. Т. VI. С. 1486 и след.

ных сочинениях, демонстрируя огромный интерес россиян к устойчивости Священной лиги³⁵¹.

Реакция русских авторов на Крымский поход была в целом положительна, но неоднозначна. Кое-кому (особенно писавшим позже) показались тяжелыми жертвы от жары, болезней и плохой воды³⁵², хотя они не шли ни в какое сравнение с потерями в Чигиринских походах. Большинство летописцев ограничилось традиционным фактическим рассказом о событиях «без гнева и пристрастия»³⁵³, в то время как Игнатий Римский-Корсаков, Боголеп Адамов и Иосиф Богдановский выражали свой восторг перед силой русского оружия³⁵⁴. Однако очевидный испуг неприятеля заметно снял укоренившийся трепет россиян перед полным неведомых опасностей Диким полем. Редкий ратник читал распространяемую Голицыным «Историю» князя А.М.Курбского, описавшего подвиги П.В.Большого-Шереметева, Дьяка Ржевского, Дмитрия Вишневецкого и иже с ними в Диком поле более века назад, но опыт быстро приводил к тем же выводам: последний наследник Золотой Орды уязвим, и этот змей под брюхом лихого российского коня должен быть раздавлен!

Основательное впечатление произвел Крымский поход на украинских авторов. Летописцы видели в нем важную победу³⁵⁵. Патриотическая группировка украинского духовенства во главе с Лазарем Барановичем, до 1686 г. неутомимо призывавшая русское правительство не возвращать Малороссию под власть польской короны, не откликнулась должным образом на заключение Вечного мира: ведь он сопровождался формальным отказом от Правобережья и ненавистным подчинением Мос-

³⁵¹ Левцицкий О. Летопись Самовидца... С. 165—166; Записки Желябужского. С. 209; БАН. 16.14.24. Л. 575; Грабянко Г. «Действия...» С. 234.

³⁵² РНБ. Собр. Вяземского. Q.СХХI. Л. 217; Сборник летописей... С. 99; БАН. 45.10.16. Л. 419; РНБ. Собр. ОЛДП. F.355. Л. 56 об.

³⁵³ Беляевский летописец. С. 41—42; Записки Желябужского. С. 209; ПСРА. Т. 31. С. 204; БАН. 16.14.24. Л. 575 об.; РНБ. Эрмитажное собр. № 567. Л. 161—162 об.; РГАДА. Ф. 181. № 625. Л. 26; РНБ. F.IV.221. Л. 732; F.IV.597. Л. 610 (и др. списки).

³⁵⁴ РГБ. Ф. 205. № 241; Ф. 218. Пост. 1963 г. № 65. I. Л. 44; Подпись И.Богдановского к портрету Софьи в окружении семи добродетелей см.: *Ровинский Д.А.* Подробный словарь русских граверов XVI—XIX вв. (далее — *Словарь граверов*). Т. II. СПб., 1895. Стлб. 987.

³⁵⁵ Левцицкий О. Летопись Самовидца... С. 166—171; и мн. др.

ковскому патриарху³⁵⁶. Однако после кампании 1687 г. Баранович почтил Голицына прекрасно отпечатанным портретом³⁵⁷.

Осенью 1687 г., особенно ко дню святой Софии 17 сентября, высшей точки достигли восхваления главы правительства регентства, царевны Софьи. Не сомневаясь, что она «Богом избрана» на царство, придворный оратор Карион Заулонский подчеркнул, в частности, что ее дарование «мужеское и вящше мужеского», а братья Лихуды говорили о уже «царской троице» и уподобляли царевну Богородице-Оранте — Нерушимой стене, обороняющей все православие³⁵⁸. Столь редкое единодушие, проявленное панегиристами, заставляет согласиться с Киевским митрополитом Гедеоном, который в своей челобитной 1687 г. назвал Софью «соцарствующей» царевной³⁵⁹. Увлеченные модными при дворе сильными ассоциациями братья Лихуды, поздравляя на Рождество патриарха Иоакима, молвили, что немеют в восхищении перед ним, как «Аристотель философ... иже хотяще в похвалу слово изрещи пред лицом Александра Македонска, безгласен бысть и без языка»³⁶⁰. Общее воинственное настроение подданных Российской державы наиболее точно выражено, пожалуй, в панегирике Иосифа Богдановского, хвалившего царевну Софью за организацию похода против Крыма и писавшего, что «не даде Бог совершенной нашей на врагах победы, дабы купно врагов всех отдал и покорил под ноги Ваша»³⁶¹.

О том, что после 1687 г. общественное мнение склонялось в пользу решительного вторжения в Крым, свидетельствует оцен-

³⁵⁶ Среди украинских авторов в полной мере положительно оценил это событие Леонтий Боболинский (Черниговская летопись... С. 88). Другие летописцы либо молчат, либо, как Ракушка-Романовский, сообщают только о предшествующем наречению «избрании» митрополита Гедеона на Украине (*Левцицкий О.* Летопись Самовидца... С. 163; ср. Летопись Подгорецкого монастыря / *Мифон [И.Франко]*. // КС. 1890. Июль. Приложения. С. 126.

³⁵⁷ *Богданов А.П.* Политическая гравюра... С. 236; и др.

³⁵⁸ БАН. П.І.А.9/32.5.25; РГАДА. Ф. 375. № 22. Опубл.: *Брайловский С.Н.* К вопросу о литературной деятельности русских писателей XVII столетия, носивших имя «Карион» // ИОРЯС. 1909. Кн. I. С.40—58; *Лермонтова Е.Д.* Похвальное слово Лихудов... Подробнее см. в разделе «Борьба за власть».

³⁵⁹ *Лермонтова Е.Д.* Самодержавие царевны Софьи... С. 428.

³⁶⁰ Памятники. № 19. Цит. с. 188.

³⁶¹ *Богдановский И.* Дары Духа Святаго. Чернигов, 1688.

ка современниками результатов II Крымского похода (1689 г.), когда войска успешно преодолели безводные степи и дошли до стен Перекопа. Летописцы отметили заслуги В.В.Голицына, который сумел в сражении у Черной могилы орду «с поля збить в Перекоп», и провести огромное войско через степи³⁶². Леонтий Боболинский, Роман Ракушка-Романовский и позже Григорий Грабянко писали о впервые примененной в этой кампании тактике наступления новой регулярной армии в колоннах, — и хотя «орда вешталася около войска, але же войско Галично... шло як вода, не заставляючися, тылко отстрелювалася»; лишь однажды ордынцам удалось прорвать порядки Ахтырского и Сумского казачьих полков³⁶³. Регулярным войскам бешено атаковавшие крымчаки вообще не смогли нанести сколько-нибудь заметного урона. Дворянин — автор Псковского I списка «Летописца выбором», писавший о потерях в I Крымском походе, с удовлетворением отметил, что из похода 1689 г. «пришли все в добром здравье»³⁶⁴.

И вместе с тем современники остались глубоко недовольны результатами кампании 1689 г. В Летописи Самовидца утверждается, что у Перекопа «войско охочо было до приступу», но вместо вторжения в Крым Голицын «пустил такую славу, будто Крымская орда вся им, великим государям, покорилася под их крепкую царскую державу, и взяв с них многия подарки³⁶⁵, и благополучно возвратился в Москву» — «и у татар была о том радость велия» (по Беляевскому летописцу)³⁶⁶. Видя общее на-

³⁶² Записки Желябужского. С. 210—211; Беляевский летописец. С. 42—43; *Левцикий О.* Летопись Самовидца... С. 175; Черниговская летопись... С. 89; *Грабянко Г.* «Действия...» С. 235—236; РНБ. Собр. ОЛДП. F.355. Л. 577; Эрмитажное собр. № 567. Л. 164—164 об.; Собр. Вяземского. Q.ССХI. Л. 217 об.; РГБ. Ф. 228. № 185. Л. 294; ГИМ. Собр. Уварова. № 591. Л. 190—190 об.; РГАДА. Ф. 181. № 625. Л. 26.

³⁶³ Черниговская летопись... С. 89; *Левцикий О.* Летопись Самовидца... С. 175—176; *Грабянко Г.* «Действия...» С. 235—236.

³⁶⁴ РНБ. Собр. ОЛДП. F.355. Л. 57.

³⁶⁵ Которые, по Запискам Желябужского, Летописцу Боболинского и др. сочинениям, впоследствии оказались фальшивой монетой.

³⁶⁶ *Левцикий О.* Летопись Самовидца... С. 177; РНБ. Собр. Вяземского. Q.ССХI. Л. 217 об.; Записки Желябужского. С. 211; Беляевский летописец. С. 43; Черниговская летопись... С. 89; *Грабянко Г.* «Действия...» С. 236; РГАДА. Ф. 181. № 358. Л. 1207; и мн. др.

строение войск, главнокомандующий, по рассказу Желябужского, даже «у стольников и у всяких чинов людей брал сказки, а в сказках велено писать, что к Перекопу приступать невозможно потому, что в Перекопе воды и хлеба нет».

Воодушевление, охватившее участников событий и современников в связи с преодолением российской армией Дикого поля, само по себе говорит о значении этого события. Однако распространенные в историографии оценки похода, основанные на суждении современников, будто целью его было вторжение в Крым, не представляются приемлемыми. «Воевать Крым» правительство регентства предлагало, поддерживая нового гетмана Мазепу, и то лишь очень короткое время между отступлением из первого похода и международным признанием его значения в 1687 г. А в 1689 г. в подлинниках *указов* о походе, в черновых отпусках *переписки* Москвы и командования, даже в *грамотах* «об успехах и подвигах» российских войск, отправлявшихся из ставки Голицына польскому королю, целью движения армии назывался только поход «к Перекопи»³⁶⁷. О возможности в 1689 г. *вторжения* в Крым официально заявило пришедшее к власти в августе-сентябре *правительство Нарышкиных*, в обоснование переворота распространявшее сведения об измене и продажности В.В.Голицына, А.Р.Неплюева и других сторонников свергнутой царевны Софьи³⁶⁸. Историки, подхватившие политические обвинения Голицына в «неспособности» и «нерадении», не отдавали себе отчета ни о характере, ни о реальных целях и тем паче — о внутренних убеждениях князя, неспособного принести государственные интересы России в жертву личным амбициям и отвлеченным политическим идеям.

В «Скифской истории», написанной участником Чигиринских и Крымских походов, читатель найдет не только множество примеров развала и горестного поражения христианских коалиций, но также истории, мораль которых состоит в том, что войну вообще не следовало начинать, что соблюдение мирного договора, даже с басурманами, временами значительно лучше, чем нарушение одного с наилучшими намерениями. В этой

³⁶⁷ РГАДА. Ф. 123. Оп. 2. Св. 1687 г. № 1; оп.1. Кн. 79; ф. 371. Оп. 1. Ч. 1. № 1/1 (дело было взято из Посольского в Преображенский приказ и потому часто ускользало от внимания ученых).

³⁶⁸ РГАДА. Ф. 181. № 358. Л. 1206—1207.

близкой патриарху Иоакиму морали легко увидеть отголосок разочарования двумя русско-турецкими войнами, в особенности Крымскими походами, предпринятыми Россией в нарушение Бахчисарайского мира. Но вернее все же поверить самому Андрею Лызлову, считавшему победу над «скифами» необходимой и возможной уже «во дни наша», и оценивать его предупреждения об опасности войны как средства политики исходя из реального опыта, полученного историком во время службы при канцлере и генералиссимусе Голицыне.

Три фактора испокон веков обеспечивали военный успех «скифов» и в особенности интересующих Лызлова турок: твердое единовластие — против внутренних распрей в государствах земледельцев и их неспособности объединяться в прочный союз; организованность и мобильность воинства, позволяющие сосредоточить силы на решающем направлении; мощь армии, дающая превосходство над неприятелем не только за счет численности, но благодаря выучке и вооружению, в особенности турецкой артиллерии (хотя должно отдаться тяжелой кавалерии, регулярной пехоте, инженерным войскам и флоту).

Все эти условия, казалось, были обеспечены правительством регентства в ходе подготовки и проведения Крымских походов. Со времен Московского восстания 1682 г. князь В.В.Голицын возглавил Посольский и важные военные приказы (кроме подотчетных ему через дьяков Разрядного и Стрелецкого): Иноземный (ведавший солдатами), Рейтарский и Пушкарский, — призванные обеспечить совершенствование регулярной армии. Канцлер, титуловавшийся «царственные большие печати и государственных великих посольских дел оберэгателем», одновременно являлся «дворовым воеводой» — главнокомандующим всех вооруженных сил, именуемым иноземцами и переводчиками Посольского приказа генералиссимусом. В отношениях с членами Священной лиги он фактически единолично представлял Россию. Ему же Боярская дума с удивительным единодушием предоставила полную власть над действующей армией в кампаниях 1687—1689 гг.

Князь получил возможность использовать все силы государства для решения главной проблемы военных действий против Крымского ханства, проблемы, стоявшей перед всеми регулярными армиями, выступавшими против «скифов» со времен Ксеркса и Александра Македонского. Мобильность вражеской

кавалерии на огромных пространствах означала для более тяжелых войск, во-первых, действия в окружении, во-вторых — при невозможности нормально передвигаться, если противник достаточно активен. Истории гибели великих армий в подобных условиях (персов от рук массагетов, римлян Красса от парфян и т.п.) была хорошо известна читающим россиянам по оригинальной и переводной исторической литературе. Но даже неграмотному приходилось осознать трудности Крымского похода, памятуя о свежем опыте поражений Яна Собеского: слава Богу, не столь катастрофических. А ведь Россия, как бы не выхвалял Лызлов значение тяжелой кавалерии, по чести говоря, не имела конницы, сравнимой в атаке с польскими гусарами.

Русской кавалерии недоставало строевой выучки и для боя с крымскими всадниками — лучшими наездниками Европы. Последний факт никогда прямо не признавался, и многочисленные победы Крымской орды объяснялись с помощью безудержного преувеличения ее численности. Автор «Скифской истории», не упуская возможности описать «непростой смысл» воинских хитростей «таврицких народов» еще со времен Публия Овидия Назона, особенно отмечал изумительную мобильность крымской кавалерии и «дивный некий порядок» легковооруженных всадников «во устроении бранном». Нет сомнений, что и князь Голицын понимал, какая великолепная дисциплина скрывается за «скифским» обличем крымских татар, действующих в бою «все купно», как один человек, по малейшему «помованию руки» своих «воевод или начальников всего воинства знаменито искусных». Мало того, воспитанное с детства виртуозное владение луком при атаке и отступлении давало воинам Крымского хана в маневренном бою дополнительное преимущество над войсками с медленно перезаряжаемым огнестрельным оружием³⁶⁹.

Европейская тактика полевых действий, которую использовала в 1670—80-х гг. русская армия, подразумевала обязательность сложных построений для прикрытия мушкетеров пикинерами от прямой атаки противника, особенно кавалерийской. Идея разделения стрельбы и защиты простиралась и на кавалерию, для чего полку русских рейтар (с карабинами и пистолетами) придавалась рота копейщиков, а часть драгун вооружалась (вместо карабина) полупиками. Русская смекалка издавна допо-

³⁶⁹ Андрей Лызлов. Скифская история. С. 121—124 и др.

лняла оборону стрелков переносными «рогатками», а стрелецкие бердыши до изобретения багинета наиболее удачно сочетали в себе свойства мушкетных сошек и длинного холодного оружия. Одного не позволяла военная наука: перемещать войска на сколько-нибудь значительное расстояние даже по слабопересеченной местности под угрозой атаки неприятеля. Боевой строй абсолютно не годился для похода, а двигаться по Дикому полю вне строя было невозможно, когда ордынцы осуществляли постоянные налеты на регулярные полки.

Если бы историки предположили, что главнокомандующий Голицын был знаком с основами полководения хоть к началу Крымского похода (1687), то «непорядное и кривое шествие» войск, так и не приведшее к соприкосновению главной армии с неприятелем, не ставилось бы столь легко в упрек Самойловичу (ложно обвиненному правительством регентства) или самому канцлеру (ложно осужденному правительством Нарышкиных). Обращает на себя внимание, сколь тщательно князь Василий Васильевич обеспечил в этом будто бы сумбурном походе свои фланги активными действиями на Днепре и на Дону, сколь медленно и осмотрительно двигался он в степь и как поспешно отступил, убедившись в том, что регулярные полки не выносят тягот похода. Но главное мероприятие кампании 1687 г. осталось незамеченным: скрытые дымом степных пожаров и тучами пыли от передвижений армии земляные работы начались на заранее выбранных местах по рекам Самаре, Орлу и Воронежу.

Строительство деревоземляных фортов, вооруженных мощной артиллерией, поперек древних ордынских шляхов на Русь, в 1688 г. было главной задачей действующей армии (лишь отдельными корпусами выполнявшей союзнический долг, удерживая татар от соединения с турками), а продолжалось оно до самого падения правительства регентства³⁷⁰. Строительство это было должным образом оценено русскими и иностранными современниками; кое-кто посчитал даже, что крепости едва не достигли границ Крыма. Летописцы и авторы записок особенно выделяют крепость Новобогородск, которую строил, как подчеркивает Желябужский, видный соратник Голицына боярин Л.Р. Неплюев. «196 (1688) году, — торжественно сообщает Беляевский летописец, — по указу великих государей на крымской

³⁷⁰ *Бабушкина Г.К.* Международное значение... С. 158—172.

степи на реке Самаре на татарской нужной Перекопи состроиша град крепкий и назваша и Новобогородским, а соборная церковь в нем Живоносный источник. И наполниша его ратными людьми, снарядом и всякими запась»³⁷¹. Именно Новобогородская крепость стал главной базой Крымского похода 1689 г., в который выступили уже по новому вооруженные и обученные войска. Голицын сделал единственно возможный вывод из ситуации, когда более сильная армия не могла атаковать неуловимого противника: техническое превосходство России было реализовано во всестороннем повышении огневой мощи, достаточной для удержания крымской кавалерии на расстоянии, недоступном для татарского оружия.

Основной упор россияне сделали на полевые пушки. Во II Крымском походе артиллерия была широко использована в боевых порядках батальонов и конных рот. Потребности огромной армии были обеспечены массовым выпуском уже опробованных ранее облегченных литых медных и чугунных пушек унифицированных калибров на специальных, более подвижных лафетах. Массирование огня гарантировал Пушкарский полк, хорошо проявивший себя в 1677 г. и воссозданный Голицыным в 1687 г. Помимо обычных гладкоствольных орудий, в войска поступили первые партии нарезных пушек, позволявших вести особо дальнюю и точную стрельбу без увеличения калибра. Скорострельность повышали казнозарядные установки, а эффективность огня усиливали запущенные в массовое производство артиллерийские гранаты. Производство пехотных гранат, начатое еще в 1667 г., было поставлено на поток после успешных боевых испытаний 1677—1678 гг. Гренадеры Голицына получили десятки тысяч ручных гранат и бомб для легких гранатометов, с какими обыкновенно изображают преображенцев Петра I.

Наиболее массовое оружие — мушкет — был оснащен ударным кремневым замком классической отечественной конструкции: фитильные, колесцовые и прочие замки были отвергнуты. Очень широко, особенно в кавалерии, применялись карабины. Наконец, II Крымский поход стал первым серьезным испытанием русской «винтованной пищали», «винтовки» (термины до-

³⁷¹ Записки Желябужского. С. 210; Беляевский летописец. С. 42; *Левницкий О.* Летопись Самовидца... С. 174; Черниговская летопись... С. 89; РНБ. Собр. ОЛДП. F.355. Л. 56 об.; и др.

кументов), поступившей в отборные подразделения стрелецких и солдатских полков³⁷². Однако гарантии, что воины защитят себя огнем, никто дать не мог. Солдаты Голицына, наряду с мушкетом и саблей, брали в поход полупики; часть их была перевооружена бердышами по стрелецкому образцу. Подобно римским легионерам, русские пехотинцы несли с собой рогатки и везли в обозе «походные надолбы», которыми были приучены ограждать прямо в бою.

Действительно смелое решение «дворового воеводы», ломающее общепризнанные тактические каноны, состояло в приказе двигаться на виду неприятеля двумя походными колоннами, с обозами в середине, без подобающих по военным руководствам перестроений для отражения атак холодным оружием. Голицын оказался прав — и победил, хотя победа главнокомандующего стала крахом для канцлера. На этот раз Крымское ханство ощутило реальную угрозу того, что Дикое поле перестает служить ему надежным щитом. Россияне, благодаря организационным способностям Голицына, преодолели традицию долгих сборов и выступили весной, по зеленой степи. Путь их до Крыма от Новобогородской крепости был вдвое короче, чем от Киева. Крымские татары, не считавшие позором бегство, позволяющее избежать потерь, теперь вынуждены были защищать свои кочевья и селения, и дрались насмерть с мужеством, которому отдавал дань автор «Скифской истории»³⁷³.

³⁷² К сожалению, это индивидуальное, снайперское оружие, о котором вспоминал много позже фельдмаршал Миних, было отброшено петровской пехотой, состоявшей из переодетых в форму крепостных.

³⁷³ Трудно было поверить, не видя своими глазами, как степные разбойники «един за друга умираючи, биются с неприятелем даже до последней кончины. Ибо его, — писал Лызлов о крымском татарине, — аще неприятель с коня свергнет, скаречно обсечет, и каликою учинит, и оружие отъимет, и от всего обнажа едва жива оставит, он обаче и руками, и ногами, и зубами, и всеми составы, каким ни есть способом, даже до последнего издыхания... боронится. И в то время, — напоминает читателю участник похода, — наипаче достоин его опасатися, егда загаится, якобы умирая, ибо видящи смерть пред собою, яко уже не избыти ему от нея, всеми образы о том мыслит, яко бы мог за собою неприятеля взяти». Этот пассаж «Скифской истории», отнесенный к обычаям крымских татар, весьма напоминает памятку солдатам Голицына, для которых главная опасность крылась именно среди вражеских тел: российские полки шли по трупам. См.: *Андрей Лызлов. Скифская история. С. 121—124 и др.*

Пробиться сквозь огонь 112 тысяч мушкетов и карабинов, примерно столько же пистолетов и 350 орудий — ни отдельные отряды, ни все ханские войска не могли. 15 мая 1689 г. при урочище Зеленая Долина (переименованном в Черную могилу) Крымская орда, включая силы Белгородских татар и черкесов, при поддержке турецкого корпуса, обрушилась на россиян. Восемь часов противник с невероятным мужеством повторял атаки, раз за разом сметаемый с поля ядрами, пулями, бомбами и гранатами недосыгаемых русских полков. Убедившись, что ужасная бойня обошлась почти без потерь со своей стороны, Голицын приказал продолжать движение. Невероятно, но на следующий день и еще через день при Колончаке крымские татары вновь и вновь неистово атаковали движущиеся российские колонны, неся «многий упадок». Какой-то отряд даже врубился в ряды Ахтырского и Сумского полков, но был быстро отброшен гетманскими сердюками. Лишь на четвертые сутки степные разбойники, отказавшись от бессмысленного самоубийства, сжигая свои селения, потянулись за Перекоп.

20 мая армия Голицына, нимало не утрудившись, стояла перед жалкими укреплениями, обозначавшими границу собственно Крыма. Политическая цель похода была достигнута: хан молил о милости и обещал «покориться под державу великих государей». Конечно, хан лукавил: турецкие крепости в Крыму гарантировали его вассальную верность султану. Но, убедившись в неотвратимости возмездия, серьезно продолжать войну против Священной лиги ханство оказалось уже не способно. *Военачальник* Голицын³⁷⁴ мог бы, как страстно желала армия, рискнуть без организации постоянного снабжения вторгнуться в Крым, занять Бахчисарай и, возможно, ряд турецких крепостей. *Канцлер* Голицын понимал, что никакие разрушения не поставят на колени Крымскую орду — «скифы» они и есть «скифы», а уничтожить ее невозможно (вообще идея геноцида не обрела в XVII в. достаточной яркости). За Крымский берег пришлось бы жестоко сражаться с Османской империей, отстаивавший статус Черного моря как «внутреннего озера» в качестве жизненной необходимости. Вассалитет Крымской орды прилагался победителю.

³⁷⁴ С такими, заметим, выдающимися «товарищами»-воеводами, как А.С.Шейн, Б.П.Шереметев, Я.Ф.Долгоруков и др. — всех их не даром перечисляют Записки Желябужского (С. 211).

Шаг за Перекоп давал вернейший шанс продолжить войну с Турцией *один на один*, при партизанских действиях всех степных разбойников в тылу. Посольскому приказу было достоверно известно, что после оставления Афин венецианцы ведут тайные переговоры в Стамбуле; что крымские посланцы привезли «ханские листы» Яну Собескому; что Людовик XIV приказал продолжить наступление на имперские владения в Германии; и т.п. В свою очередь Империя после взятия в 1688 г. Белграда прекратила наступление, удовлетворившись приобретением Сербии, Словении, части Боснии и Семиградья, и стремилась освободить руки для борьбы с Францией. Отклонив предложение императора о тайном союзе против Польши, Голицын предпринял экстраординарные дипломатические меры для срыва сепаратных переговоров Вены со Стамбулом, вплоть до объявления о них Венеции и Польше. Сохранять Лигу канцлер мог лишь тогда, когда России было легче заключить сепаратный мир, чем союзникам оставить «московитов» одних разбираться с озлобленной поражениями в Европе Османской империей.

Но война не даром представлялась Лызлову опаснейшим политическим инструментом: у нее нет заднего хода, зато присутствует колоссальная инерция, способная легко раздавить того, кто пытается притормозить, независимо от его положения, авторитета, способностей и заслуг перед Отечеством. В 1678 г. «тормозным» поставлен был Г.Г.Ромодановский, размолотый буквально «в мелочь»³⁷⁵. Теперь настала очередь В.В.Голицына, попытавшегося ограничить военные действия рамками стабильных стратегических приобретений. В качестве *максимальной* доли России при заключении Священной лигой мира с Турцией Посольский приказ объявлял (с востока на запад): Азов, Крым и крепости в нижнем течении Днепра. Однако *реально* предусматривался отказ от Азова и Крыма, при ликвидации турецких крепостей и сохранении русских форпостов, блокировавших Крымское ханство. На сей раз вместо того, чтобы обносить огромную территорию сплошной стеной укреплений, для умиротворения преизрядной площади черноземов достаточно было перерезать важнейшие пути татарских набегов в комплек-

³⁷⁵ Так что несколько кусков тела князя, по натуралистическому замечанию очевидца его гибели от разъяренных стрельцов, можно было уместить на ладони.

се с ясно выраженной неотвратимостью ответного удара. Пока Крымское ханство не имело возможностей снести русские крепости и остановить наступление базирующейся на них российской армии, оно было парализовано — а значит умирало. Как акуле необходимо прогонять воду через пассивные жабры, чтобы получать кислород, так экстенсивная экономика ханства требовала «корытоваться» грабежом соседей для оплаты ввозимого морем продовольствия, прежде всего зерна. Уже к началу 1690-х гг. Крым был поражен страшным голодом и его спутницами-эпидемиями³⁷⁶. С каждым годом России было все легче выполнять обязательства по Священной лиге, не допуская к войне татар, поскольку сообразно своим свойствам ханство слабело, а наше феодальное Отечество тучнело.

С построением новых укрепленных линий и степных крепостей падало значение старых засечных черт; не менее стремительно возрастал размах сыскных мероприятий правительства регентства. Сроки сыска беглых для 87 городов Белгородской черты возросли почти в три раза (с 3 до 8 лет), а при новом правительстве, в 1690 г., — еще вдвое (до 15 лет)³⁷⁷. Если же учесть, что согласно записям в Боярской книге одно дворянство московского списка получило «для Вечного мира с королем польским» и за Крымские походы больше земель «в раздачу», чем при других крупнейших пожалованиях³⁷⁸, то деяния Голицына вырисовываются как результат продуманного и эффективного внешнеполитического курса, направленного на удовлетворение интересов феодального государства и, разумеется, самих феодалов.

Тем не менее, пострадал Голицын закономерно и вопросов, за что он, лишенный чинов и имущества, отправился с семейством в ссылку на Север, не возникало³⁷⁹, несмотря на нелепость

³⁷⁶ См., напр., современный событиям крымский летописец: РГБ. Ф. 29. № 66. Л. 125—127.

³⁷⁷ Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.-Л., 1962. С. 56—57, 60—73 и др.

³⁷⁸ «Для объявления» царевича Петра в 1674 г.; за «Киевскую», «Чигиринскую» и «Переяславскую» службу при Федоре, даже за «Троицкий поход» 1689 г. и «Азовскую службу» при Петре. См.: РГАДА. БК—12.

³⁷⁹ Участник свержения правительства регентства боярин П.А.Лопухин на вопрос о причинах ссылки вообще без розыска и суда боярина Леонтия Романовича Неплюева дал ответ классический: «Явная де его, Леонтьева, какая есть вина, вы не ведаете; а тайная де вины (и мы) не ведаем» (Розыскные дела... Т. II. СПб., 1893. Стлб. 189).

следствия и приговора. Ведь даже столь умный, ученый и много лет служивший Голицыну человек, как Андрей Лызлов, ничем, кстати говоря, не обогатившийся в русско-турецких войнах, прямо-таки гласом Римского-Корсакова вопиал в «Скифской истории» о необходимости искоренения басурманской власти над всеми христианскими народами и призывал «без сомнения... о сем верити, яко приближается время, в не же нечестивое отаманское обладательство [волею Божию] упасти имать!» Горячая молитва Лызлова о приходе сего благословенного события «во время благополучнаго царствования... наших государей», сопровождалась вполне конкретным призывом, чтобы Иван и Петр Алексеевичи «воздвигли своя крестоносныя хоругви и уготовали многообразное тмочисленное оружие, собрав многочисленныя полки христианскаго воинства и имеюще согласие со окрестными христианскими государствами, изыти потщилися на оных насытых псов бусурманских». А уж в турецких владениях «нас убози христиане, братия наша, с радостию и с надеждою ожидают, готови есте на своих и наших супостатов помощь подати».

Надежды Лызлова кажутся особенно беспочвенными, если вспомнить, что «Скифская история» была завершена в 1692 г., когда В.В.Голицын томился в Мезени³⁸⁰, а правительство Нарышкиных практически свернуло военные действия в составе Священной лиги, как раз весной с почетом отправив наиболее рьяного проповедника имперской экспансии Игнатия Римского-Корсакова в Тобольск. Настораживает и экзальтированность обычно объективного и рассудительного историка, когда он вдруг стихами оплакивает падение множества христианских народов в Азии, Африке и Европе в неволю «злolyютаго поганства», подобно пророку Иеремии (на которого и ссылается). «Но доколе той бич асси́ров над верными и избранными Божиими висети имать? — Яростно восклицает Лызлов. — Доколе бусурмане над стадом Христовым началствовать будут? Доколе виноград Господень насажденный искореняти имут? Доколе Исмаил во отечествии Исакове распространятся будет?!»³⁸¹

Обращение ученого историка в фанатичного крестоносца, когда речь заходит о перспективе конкретной *продолжающейся войны* с Турцией и Крымом, является печальным свидетельством

³⁸⁰ Востоков А.Х. Пребывание князей Голицыных в Мезени // ИВ. 1886. № 3.

³⁸¹ Андрей Лызлов. Скифская история. С. 276—279.

могущества джина внешней экспансии, коего пытался оседлать здравомыслящий политик Голицын. Трудно поверить, что канцлер не понимал неотвратимой опасности сочетания функций главы правительства и полководца. Согласно запискам иностранцев, князь напрасно пытался избежать назначения главнокомандующим; «он очень хорошо понимал, что люди, более всех настоявшие на вручении ему этой должности, действовали только по зависти, с намерением погубить его, хотя по внешности казалось, что титулом генералиссимуса ему оказывали великий почет. Вельможи, утвердившие назначение Голицына, были именно те, которые не соглашались на союз с Польшею...»³⁸².

Такое рассуждение, исходящее из чисто эгоистической мотивации поведения Голицына (поскольку опасное звание «начальника войск решительно ничего не прибавляло к его могуществу»), может быть ложным, ведь князь не обладал властью царя Федора, чтобы достаточно контролировать иного главнокомандующего из высшей знати и тем более не мог выдвинуть на подобный пост своего подчиненного. История России XVI—XVII вв. являет множество примеров сознательной жертвенности государственных деятелей, людским злоумышлением или волею обстоятельств попадавших в смертельную западню. Вряд ли историк имеет право лишить канцлера и генералиссимуса возможности осознанного выбора гибели на благо Отечества.

Для нас важнее понять, что дилемма Голицына была лишь частным случаем более общей западни сияющей имперской перспективы, в которой оказались не только публицисты, историки или возмущенно требовавшие вторжения в Крым ратники, но и высокого ранга политики вроде Федора Леонтьевича Шакловитого, ко времени Крымских походов — ближайшего доверенного лица царевны Софьи. Не удовольствовавшись четырьмя посылками к новому украинскому гетману Мазепе Андрея Лызлова, Шакловитый зимой 1688 г. сам выехал в Батурин в качестве официального представителя правительства, в сопровождении свиты служащих Посольского, Разрядного и Стрелецкого приказов. Идеей, вынесенной им на секретные переговоры, было весеннее наступление российской армии не на Крым, а на *Стамбул*, через владения просившего о помощи мулянского

³⁸² См.: Богданов А.П. и др. «Око всей великой России». С. 219 и прим. 30. Цитированы слова Фуа де ла Невилля.

го господаря и Сербию, православный архиепископ которой обещал единовременной армии полную поддержку населения.

Мазепа согласился, что международный момент для удара на Стамбул благоприятен, военных сил достаточно и бросок через Молдавию, Валахию, Болгарию и Румелию может вызвать подъем освободительной борьбы с турками. Мешала только география: при господстве османского флота на Черном море и изрядных реках поперек пути наступления удержать коммуникации было невозможно. Русские же боевые корабли с Воронежских верфей не могли захватить господство на море, поелику их мощность ограничивалась судоходными возможностями Дона. Но гетман отнюдь не возражал против замысла и вместе с Шакловитым составил первый стратегический план водружения креста над святой Софией. Прежде всего, следовало неожиданно, зимой через замерзший Сиваш захватить Крым подвижным конным корпусом (Мазепа), выбив турок с побережья и отразив вероятный десант пехотой, введенной на полуостров вторым эшелоном (Шакловитый). Только превратив Крым в базу российского черноморского флота, согласились собеседники, можно будет направить стопы в Стамбул³⁸³.

Хотя встреча проходила официально (с парадом, салютом и т.п.), неясно, было ли ее содержание согласовано с Голицыным. Беседа с Мазепой велась «об их, великих государей, делех по наказу и *сверх* наказу, по именному их великих государей (т.е. Софьи.— А.Б.) наказу», не проходившему через Думу и Посольский приказ. Здесь уместно вспомнить, что когда во время похода 1687 г. Голицын для смены гетмана обратился за помощью к Шакловитому, Василию Васильевичу были предъявлены все документы о миссии Федора Леонтьевича, *кроме наказа*: вместо него в царской грамоте сообщалось, чтобы главнокомандующий, «как думный дьяк наш Федор Леонтьевич учнет говорить, тому верил» и предоставил ему действовать самостоятельно³⁸⁴. Статейный список, т.е. полный отчет посольства 1688 г., отложился не в Посольском или Малороссийском, а в Сибирском приказе³⁸⁵, в дела которого Шакловитый активно вмешивался еще в 1687 г., действуя в вопросах дипломатии через голову канцлера,

³⁸³ Востоков А. Посольство Шакловитого к Мазепе в 1688 г. С. 199—226.

³⁸⁴ РГАДА. Ф. 123. Реестр II. Св. 1687 г. № 2. Л. 231, 258.

³⁸⁵ РГАДА. Ф. 220. Стлб. 7214.

без ведома Посольского приказа³⁸⁶. В 1688 г., будучи уже думным дворянином и наместником Болховским, фаворит «мужеумной царевны» тем менее склонен был давать отчет Голицыну, что князь не поддержал идею коронации Софьи Алексеевны.

Разумеется, если Голицын и не был официально ознакомлен с замыслами товарищей по правительству, это не означает его неведения относительно планов «освобождения» Цареграда (и сути переговоров Шакловитого с Мазепой в частности). В 1688 г. подобную «тайну» раскрывали газетчикам политики многих стран³⁸⁷. Странное с точки зрения позднейшего «европейского баланса» желание, чтобы русские взяли Константинополь, было вполне понятно в момент, когда Империя, Венеция и Польша думали о *закреплении своих завоеваний*. Единственным радикальным средством представлялось изгнание турок из Европы и расположение российских владений так, чтобы «московиты» прикрывали братьев по оружию от всех будущих турецких поползновений. Характерно, что особая «щедрость» западных союзников проявилась в момент кризиса Священной лиги, когда *каждый* из них вел сепаратные переговоры с неприятелем. Однако не будем ссылаться на «злоковарные происки Запада», которые, по распространенному мнению, являются источником чуть ли не всех российских бед. Как бы ни хотелось объявить, что пресловутую проблему проливов завезли к нам наподобие сифилиса, источники локализируют ее происхождение и развитие в православном славянском мире.

Мало того, в политических интригах Запада довольно отчетливо прослеживается пресловутая «рука Москвы», причем конкретно — длань Шакловитого. Так, ученый грек Иоанникий Лихуд, путешествовавший по Европе с полуофициальной миссией Посольского приказа, 22 ноября 1688 г. сообщил Голицыну, что «многие от начальных людей» Венецианской республики «выпросили мене так: желают ли великие и державнейшие государи Московские венчаться на престоле Константинопольском? Аз, Богом свидетелствуя, отвещал им сими словесы: Истинно что желают. И они мне говорили, что лутче и пристойнее время никогда не могут сыскати, как ныне. Сего ради и город

³⁸⁶ Демидова Н.Ф. Из истории заключения Нерчинского договора. С. 301—302, 305—306.

³⁸⁷ См. Куранты за 1688 г.: РГАДА. Ф. 155. Оп. 1.

строили (Новобогородскую крепость.— А.Б.), как слышали, чтоб могли обладать Крымом... Уповаем, что иная препона не будет достигнута до Константинополя». Сходное сообщение Иоанникий послал 23 мая 1689 г. после посещения Вены. По его словам, так же в ходе личных переговоров и переписки с «мултанским господарем» он получил настойчивое предложение «царского величества с войсками совокупитися после победы над Крымом, се есть, разорения препоны Константинопольской». Просили Россию «об избавлении» — уверял Лихуд — и правители Сербии, а император выразил желание отдать победоносному союзнику как «Мултанскую землю», так и Валахию³⁸⁸.

Дабы увериться, что эти любопытные «сведения», имеющие малое отношение к реальной дипломатии, исходят от Шакловитого, а не наоборот, достаточно обратить внимание на даты и вспомнить, что именно братья Лихуды первыми откликнулись на желание Федора Леонтьевича представить Софью Алексеевну в числе «царской троицы»³⁸⁹. Использование же западных (и сделанных под запад) средств информации не было прерогативой одного Голицына. Шакловитый, издав в Москве эстамп с коронационным портретом Софьи (и в пару к нему — образ своего ангела Феодора Стратилата с собственным гербом), напечатал подобную гравюру в Амстердаме, «чтобы ей, великой государыне, слава и за морем была», но при этом часть «иноземной» пропагандистской продукции распространял дома³⁹⁰. Константинопольский план Шакловитого и Мазепы, с которым, напомню еще раз, четырежды вел переговоры Лызлов, мог появиться, разумеется, только при уверенности, что именно такое меро-

³⁸⁸ ПДС. Т. X. СПб., 1871. Стлб. 1334—1336, 1368—1370. В этой связи любопытны также документы: РГАДА. Ф. 52. Греческие дела. Св. 7196 г. № 16; 7197 г. № 2; 7199 г. № 27; кн. 11; *Каттефер Н.Ф.* Приезд в Москву Павловского афонского монастыря архимандрита Исаяи в 1688 г. с грамотами от преждебывшего Константинопольского патриарха Дионисия, Сербского патриарха Арсения и валахского господара Щербана с просьбою, чтобы государи освободили их от турецкаго ига // Прибавления к Творениям св. отцев в русском переводе за 1889 г. Ч. 44. М., 1889. О подобных обращениях и греческой разведке в пользу России в Турции см.: *он же.* Характер отношений...; *он же.* Сношения Иерусалимского патриарха Досифея с русским правительством (1669—1707). М., 1891.

³⁸⁹ См. текст: *Лермонтова Е.Д.* Похвальное слово Лихудов...

³⁹⁰ *Богданов А.П.* Политическая гравюра... С. 242—245.

приятие максимально послужит утверждению государственного авторитета царицы Софии. И поскольку это был популистский, ориентированный на запросы общества план, мы не станем обвинять Федора Леонтьевича в том, что один лидер правительства регентства своей пропагандой способствовал падению другого.

«Помощников» в свержении правительства было достаточно; одним из них выступал патриарх Иоаким, посвятивший II Крымскому походу целое собрание *грамот*³⁹¹. Предисловие к официальной переписке патриарха с воеводами начинается с утверждения, что «повеление» царей и Софии «служивым людям всего государства» состояло в наступлении «в *татарские орды, в самый Крым*» (С. 8). Такова была декларативная, ориентированная правительством Голицына прежде всего на союзников по Священной лиге, но не реальная военная цель II Крымского похода. В грамоте к самому Голицыну Иоаким, в свое время убеждавший, что России с Крымским ханством «брани о земле творить не о чем», вовсе не упоминает о ней (С. 9—10). Зато воеводе А.С.Шейну патриарх пишет о целях борьбы со «зверским свирепством» «христианских разорителей проклятых татар» вполне определенно: «и богомерзкие их жилища искоренил бы до конца» (С. 11). Грамоты разным воеводам, как и прежде, индивидуальны, но на сей раз различия благопожеланий особенно заметны. Так, боярину Б.П.Шереметеву Иоаким советует уповать на Бога «в скорбных приключениях» и «благодушествовать в терпении», ожидая «победы, и мирного шествия, и возвращения» (С. 11—12). Князю В.Д.Долгорукову «мерность наша, как твоей любви, так и всему христианскому православному врученному тебе воинству в победу над всеми врагами и разорителями христианскими всегда всякого добра желает. Да благословит вас Господь... зловерных же и проклятых иноплеменников державною и всесильною рукою своею да победит и истребит от земли нечестивую память их». Ратникам В.А.Змеева патриарх желает: «победительство на злых и богомерзких супостатов, сонмищу махOMETAN проклятых татарских орд, да возымеете все!» (С. 13) Мазепе же, «пошедшему против злых неприятелей и гонителей православной веры... проклятых агарян татарских орд, желаем здравия, и спасения, и всякого сохранства на многия лета» (С. 14).

³⁹¹ См. выше, прим.124; далее цит. по публ. А.М.Савелова.

4 мая 1689 г. в коллективном ответе русских воевод патриарху, наряду с уверенностью в победе, о цели похода говорилось весьма уклончиво: «ради благочестивой христианской веры, и охранения их царской державы, и ради плененных христиан свободы» (С. 15). Напротив того, И.С.Мазепа в ответной грамоте 8 мая уверял (от имени Голицына и всех воевод), будто «горят сердца наши» стремлением завершить поход «крайней над ими, врагами, победою и конечным богохульных их жилищ истреблением» (С. 17—18). Еще больше различаются грамоты к патриарху от Голицына из-под Перекопа 19 мая и Мазепы от Днепра 14 июня (С. 18—23). Князь Василий Васильевич спокойно и точно описывает поход тщательно подготовленного им войска через Дикое поле, долго служившее Крыму надежным щитом от наступления регулярных войск. На этот раз,— несмотря на яростные атаки всех крымских сил и перечисленные Голицыным жаркие сражения с самим ханом, его воеводами, союзниками и хозяевами-турками, в коих враг понес тяжкие потери,— ни остановить российскую армию, ни нанести ей сколько-нибудь заметный урон противнику не удалось. Упомянутые Голицыным как незначительные потери относились к казакам двух строевых полков и сердюкам Мазепы, настроение коего было не столь радужным.

Гетман писал патриарху 14 июня, уже во время отступления армии вдоль Днепра, акцентируя внимание на тяготах похода, в котором безводие местности оказалось более труднопреодолимым, нежели отвага и упорство неприятеля. Именно Мазепа, первым пустивший в свое время мысль о необходимости вторжения на Крымский полуостров (вместо его блокады, проводимой Голицыным), доносил патриарху, что де «охочи были войска... не щадя кровей своих добывать Перекопского валу и каменной крепости; для чего их милость бояре и воеводы и я, гетман, объездили все места, усматривая, откуда бы под вал и под стену каменную подводить шанцы». Однако безводие заставило россиян бросить «грозно уstraшенного» и просящего мира хана за Перекопом и уйти восвояси. Гетман превознес воинское искусство Голицына, дав, однако же, повод счесть поход неудачным, что вскоре было максимально использовано «петровцами».

Но прежде на возвращение войск из-под Перекопа откликнулся патриарх Иоаким. 18 или 19 июня он отправил к воеводам и гетману одну грамоту: «а особых грамот... писать было не-

когда, еще же немощью мерность наша обстоима» (С. 23—27). При известии о завершении кампании патриарх испытал огромное облегчение (не случайно он вновь вспоминает, что сам Давид предпочел избрать смерть, чем «военную с неприятеля брань»). Воинственный тон недавних посланий был немедля забыт, прежние рассуждения об «удобопреломности» человеческого естества и всемогуществе Божьей воли густо заполнили листы грамоты. Оказывается Бог, как чадолюбивый отец, смиряя православных, «погрозив нам божеско тяжкою войной, спас отечески милосердием». Хотя Господь «таковые военные тяжести допустил, но за свою премногую благодать помиловал людей своих, и не только вас там, воинов своих и воинов царского пресветлого величества,— но и всех нас и все Российского царствия самодержавства». Бог «извел» благочестивое воинство из «далечайшей страны», дал ему мудрых военачальников, спас от страшной засухи и «не попустил врагам проклятым возыметь совершенной утехи». Судом Божиим воеводам и воинству удалось вернуться из такой дальней и непроходимой страны, спастись «в кровавых боях с неприятелями». Пока ратники «в военной нужде страдали ныне, все же государство и сами... наши цари, также и наша мерность со всем народом в великой скорби душою и телом были по вас». При том за грехи и Москва погорела... Впрочем, Господь помощь творит «не ради правды человека, ни ради преподобия сердца его или подвига какого в добродетели, но ради Своего всемогущего господства и премногой благодати».

Итак, Бог спас Россию от ужасов войны (начатой, читаем между строк, князем Василием), но отнюдь не благодаря заслугам воинства: «Милости же и щедроты Господни благодатно лиются человекам без дела, туне». Вспомнив слова пророка Исаяи о бренности «правды человеческой», не преминул Иоаким и возвратиться к своей антивоенной проповеди по Пятикнижию Моисея. Наконец, в грамоте к победоносно возвращающимся полкам патриарх отвел изрядное место «убиенным и умершим в полковом ныне служении... также и плененным от врагов», несомненно, отразив свое истинное отношение к Крымскому походу, вошедшее позже и в Завещание: власти в ходе войны «бесчестно и на славе многие страны приписали, нужды же людские кто изочтет и убытки?»³⁹²

³⁹² *Барсуков Н.П.* Житие и Завещание... С. 132 (ср. с. 131).

Патриаршая грамота подводила итог Крымского похода таким образом, что могла служить вступлением к подготовке приговора князю В.В.Голицыну с сыном, прозвучавшему 9 сентября 1689 г. В нем говорилось, что Голицыны, во-первых, докладывали государственные дела царевне и писали ее имя в титуле «мимо великих государей»; во-вторых — князь Василий, посланный в Крым, под Перекопом «промыслу никакого не чинил и отступил, каковым нерадением царской казне учинил великие убытки, государству разорение, а людям тягость»³⁹³. Но правильнее видеть в грамоте выражение личной позиции Иоакима, освободившейся по завершении похода от официальности. Если сам В.В.Голицын был ему неприятен, если патриаршие друзья Нарышкины глубоко ненавидели канцлера, то в обострившейся летом 1689 г. борьбе за власть дразнить главнокомандующего, толкать его на активное выступление в пользу Софьи было не весьма разумно. Тонкий, политически выверенный подход к канцлеру выразил в своих произведениях личный секретарь патриарха, знаменитый придворный поэт Карион Истомин. Прекрасно зная обстановку при Московском дворе и объективно оценивая шансы борющихся сторон, Карион начал свой творческий 1689 г. панегирической книгой на брак царя Петра с Евдокией Лопухиной (к 30 января), продолжил воскресной стихотворной орацией патриарху Иоакиму (к 21 марта), а летом создал весьма любопытный комплекс поэтических приветствий³⁹⁴. Позицию Мазепы Карион к 14 июня выразил в стихах к миниатюрам на подносном «листе», поданном гетманскими посланцами Иоакиму: от небесных сил требовалось «хранить от хищных вран» царя Петра, его жену и мать; даже Иоанн Предтеча — ангел царя Ивана — не связывался напрямую с Иваном Алексеевичем. 29 июня Истомин адресовал похвальные стихи царю Петру, его матери Наталии Кирилловне и сильнейшему в тот момент деятелю «петровской» партии князю Борису Алексеичу Голицыну. В то же время поэт поднес теплое стихотворное приветствие канцлеру Голицыну — мудрому предводителю победоносных полков, заслужившему царскую милость и похвалу «в вечну честь славу Голицыных рода» — а также супруге Василия Васильевича, «матушке»-княгине Евдокии Ивановне.

³⁹³ Соловьев С.М. История России. Кн. VII. С. 448.

³⁹⁴ Памятники. № 20—26, 28—31 (публикация и комментарии).

Конечно, семья канцлера покровительствовала Истомину, так же, как и Софронию Лихуду, славившему возвращение Голицына из похода в похвальном слове³⁹⁵. Но у обоих придворных литераторов чуткость к политической конъюнктуре, мягко говоря, уравнивала личные симпатии. 8 июля, во время крестного хода из Успенского собора в Казанский храм, между Петром и Софьей произошла открытая ссора; Петр демонстративно покинул церемонию и уехал из Москвы. 27 июля Петр оскорбительно обошелся с В.В.Голицыным, воеводами и генералами, явившимися благодарить царя за полученные награды. Между тем, именно с 25 по 31 июля Карион работает над стихами к подносной книге для супруги канцлера, восхваляя ратные подвиги самого Голицына и всех отличившихся воевод по полкам: Я.Ф. и В.Д.Долгоруковых, В.А.Змеева, А.С.Шейна, Ф.Ю.Борятинского, Б.П.Шереметева, А.И. и В.Я.Хитрово, Л.Р.Неплюева, Г.И.Косагова, В.М.Дмитриева, гетмана Мазепу и ведавшего штабной документацией думного дьяка Е.И.Украинцева. Истомин живо описал сражения под Перекопом, когда хан с ордой

«Злобне нападе на царския люди —
 Но пушки биша татарския груди.
 Бог бо пособи всероссийским воем,
 Злобожники же побегоша роєм...»

Поэт справедливо указал и значение похода, лишившего Крымское ханство надежды отсидеться за непроходимой степью:

«Познаша в Крым путь росски народы,
 Благодравние царски воеводы...
 Мужеством бо тех и злыя татары,
 Обратясь в правость, дадут хвалны дары:
 Царем пресветлым те да покарятыя
 А врази нигде тем да не явтыся».

4 августа Карион Истомин поднес «желательно приветство» супруге царя Петра, а в ночь с 7 на 8 августа замысел, давно вынашиваемый «петровской» партией (и, как небезосновательно подозревают, принадлежавший князю Борису Голицыну), блестяще осуществился. С помощью специально нанятых провокаторов в Москве произошел небольшой и довольно bestолковкий «всполох»; участники его быстро разошлись, но в Преображенское к Петру уже скакали с известием, что стрельцы вновь восстали и идут убивать царя с семейством. Петр негодным бежал в

³⁹⁵ Памятники. № 27.

Троицу, бросив мать и беременную жену, которые, впрочем, спокойно приехали за ним на следующий день. Повод для обвинения правительства регентства в «заговоре» и для сбора военных сил под Троицей был создан³⁹⁶.

Именно в этот момент, 15 августа 1689 г. Игнатий Римский-Корсаков счел необходимым выступить с панегирическим «*Свидетельством ко образу ... Софии-Премудрости Слова Божия о Российском благословенном царствии*», показав, что хорошо понимает зависимость направления внешнеполитической активности России от состава ее правительства, и прочно связывая свои надежды с мудростью царевны Софьи. Это было время, когда авторы похвальных сочинений адресовались уже к Петру и его приближенным, решительный момент борьбы за власть «в верхах», начало вскоре повергнувшего царевну переворота (одним из инициаторов которого был патриарх Иоаким). Неизвестно, успел ли Игнатий публично прочесть свое сочинение, но нам доподлинно известно, что он его не скрывал: буквально в эти дни книжный, подписанный автором вариант «Свидетельства» был переписан для архиепископа Афанасия Холмогорского — видного сторонника Петра³⁹⁷.

Темой панегирика Римский-Корсаков избрал весьма популярное в литературе толкование образа Софии-Премудрости Слова Божия в новгородской редакции (Христос на престоле с предстоящими). Сей образ невидимого Божьего царствия знаменует, по мнению автора, видимое царство Господа — Российское государство. Центр его — София-Премудрость — знаменует царевну Софию Алексеевну, держащую «скипетр самодержавства и сидящую на престоле отеческом царствия своего Российскаго». Все же Российское государство либо предстояло царевне, либо окружало ее образ. К армии Римский-Корсаков был особо неравнодушен, — она составляла сияние Премудрости, она вправе была надеяться «за тое служение Божия милости и их великих государей жалования». Такое соотношение политических сил, такое «царствование» есть величайшее дарование свыше

³⁹⁶ Второв Н.Н., Александров-Дольник К.О. Воронежские акты. Кн. I. Воронеж, 1850. С. 80—91; Аристов Н.Я. Московские смуты в правление царевны Софьи Алексеевны. Варшава, 1871. С. 126—149; Белов Е.А. Московские смуты в конце XVII века // ЖМНП. 1887. Ч. 249. № 1—2. С. 326—366; и др.

³⁹⁷ Памятники. № 32 (публикация и комментарий).

всему государству, «вся Великия и Малыя и Белья Россий обитателям», — заключал Игнатий свое смелое сочинение.

Но Софья уже проиграла. Посланные в Троицу мирить родичей духовник царя Петра и дядька царя Ивана (князь П.И. Прозоровский) 18 августа вернулись ни с чем. Отправление в Троицу патриарха Иоакима оказало заметное влияние на события, но не в пользу Софьи. Отсутствие Иоакима на праздновании Нового года 1 сентября поколебало дух тех военных, кто не спешил в Троицкое ополчение на зов Петра, коего, как говорили, приближенные совсем «с ума споили».

Между тем, наиболее искушенных историков поразило поведение В.В.Голицына — точнее, его полное бездействие во время переворота³⁹⁸. Канцлер никак не использовал свои полномочия и авторитет среди командного состава армии. Голицын не дал ответа даже видевшим в нем опору иностранным офицерам, пришедшим к своему непосредственному начальнику с вопросом, ехать ли им в Троицу. В этой связи наполняются особым смыслом стихи Кариона Истомина, писавшего похвалы Василию Голицыну среди панегириков «петровцам», обещавшего канцлеру «милость» и убеждавшего в непреходящем значении его заслуг перед государством. Тем более что и Борис Голицын (по сообщению генерала Гордона) в критический момент передал князю Василию предложение скорее приехать в Троицу, где его ждет, якобы, отличный прием.

Проницательный канцлер не поехал к Петру, даже когда тому на расправу был выдан Ф.Л.Шакловитый и все бояре устремились к новому двору; он удалился с семьей в село Медведково и лишь 7 сентября явился к воротам Троицкого монастыря в сопровождении недавно хвалимых Истоминным боевых воевод. Запершиеся в Троице-Сергиеве монастыре побоялись впустить военачальников внутрь. 9 числа князь Василий и сын его Алексей Голицын с женами и детьми, а также Леонтий Неплюев были лишены чести и имущества и сосланы. Заслуженные генералы Венедикт Змеев и Григорий Косагов получили отставку, последовали иные опалы. 11 сентября был в нарушение процессуальных норм скоропостижно главоотсечен Шакло-

³⁹⁸ Соловьев С.М. История России. С. 445 и сл.; Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. I. М., 1940. С. 72; и др.

витый — поговаривали, что этого добивался патриарх³⁹⁹. Царевна Софья была заточена в Новодевичий монастырь.

Правительство регентства (1682—1689) пало, но регентство, вопреки распространенному мнению, не кончилось. Царь Петр Алексеевич при жизни своей матери, царицы Наталии Кирилловны, совершенно не вступал в государственные дела, да и после ее кончины 25 января 1694 г., вплоть до смерти старшего брата Ивана в 1696 г., не ощущал себя самовластным правителем.

В 1690 г., незадолго до кончины Иоакима, Игнатий Римский-Корсаков поднес царям *«Слово избранно от Божественных писаний и от повестей отеческих о Российском царствии»*⁴⁰⁰. Игнатий лично перебелил свое сочинение, украсил его многочисленными греческими цитатами и уснастил учеными маргиналиями. Похоже, он рассчитывал, что изящная книжица с золотым обрезом, в малиновом бархатном переплете, станет карманным чтением одного из царей: иначе трудно объяснить необычную для панегириков и вполне традиционную для записных книжек XVII в. форму рукописи в длинную октаву (для этого кварту складывали поперек короткой стороны). По литературной форме *«Слово избранно»* — панегирик. Его тема — блаженное состояние и еще более светлое будущее Российского государства под властью двух царей-соправителей. Автор вспоминает многочисленные «предречения» о мощи и величии России, толкует имена Ивана и Петра Алексеевичей, весьма живо «похвалает» их личные достоинства (Петр, например, высок, красив, ловок, храбр, воинственен и т.д.), настойчиво призывает их жить в мире и согласии⁴⁰¹. Однако в своем *«Слове избранном»* Римский-Корсаков далеко вышел за рамки обычного панегирика.

³⁹⁹ Иоаким играл видную роль в Троицком «розыске». Достаточно сказать, что вторым по значению государственным преступником после Шакловитого был объявлен... Сильвестр Медведев — ученый монах, покусившийся защищать право разума против авторитета, в том числе патриарха. Судя по едва ли не всероссийскому сыску Сильвестра, по тому, что старца пытали злее, чем самого Шакловитого, новая власть весьма стремилась поспособствовать Иоакиму.

⁴⁰⁰ БАН. П. I. А. 10. 56 л.

⁴⁰¹ После переворота 1689 г. напоминать об этом было бесполезно, но только не для панегириста: реальные правители отнюдь не желали «теплого съдружества» молодых царей и еще менее могли поблагодарить автора за пожелания Ивану и Петру объединиться для *самостоятельного правления государством*.

Быстро перейдя от евангельских сюжетов (на которых строились неизбежные аллегории) к проблемам русской истории, автор глубоко разрабатывает тему многовековой борьбы Руси с басурманами. Он вновь обращается к одному из использованных в «Слове воинству» сюжетов — видению Кирилла Новоезерского, предрекшего Российскому государству возвышение, а басурманским ордам падение. Фигурировавшие в этом видении отроки — «храбрый» и «умиленный» — это, по мнению Игнатия, два государя, Иван и Петр, воцарение которых знаменует близкое свершение древнего пророчества. Только времена изменились: главный враг могущественного Российского государства уже не татарский хан, а Османская империя, султану которой была якобы предречена гибель еще в связи с рождением Ивана Алексеевича: эти сведения Игнатий, по его словам, самолично получил от Иерусалимского патриарха Досифея (с которым действительно имел связи).

Сплетая апокалипсический сюжет о борьбе двух всадников (по «Слову» — Петра с султаном) с интереснейшим анализом международных отношений во второй половине XVII в., автор обосновывает необходимость и способность России в союзе с другими членами Священной лиги нанести смертельный удар по османским завоеваниям в Европе, освободив от агарянского ига древние православные земли. Но стоявшее у власти боярское правительство во главе с матерью Петра, царицей Натальей Кирилловной, не желало воевать — и особенно на юге, куда были устремлены интересы широких кругов дворянства. Нельзя сказать, что Игнатий этого не понимал. Учитывая настроенная членов правительства, он приводит в своем сочинении и мрачное предречение шведскому королю, который должен весьма опасаться двух российских государей. Однако главную, неотложную задачу Римский-Корсаков полагает в активном завершении войны с Османской империей, — и не отступает от своей позиции, несмотря на явно обструкционистскую политику нового правительства, практически свернувшего военные и дипломатические действия России в составе Священной лиги.

Не могли поменять своих убеждений и другие участники событий. В 1692 г. Андрей Иванович Лызлов завершил работу над фундаментальной «Скифской историей», показав, что противостояние России и других христианских государств Европы Османской империи и ее вассалам — явление не только поли-

тическое и конфессиональное, но *историческое*. Не затухающее со временем опасное противоборство со «скифами» можно и необходимо завершить «во дни наша»! Актуальность этой борьбы подчеркнул сам Крымский хан, оправившийся от ударов Голицына и в 1692 г. совершивший опустошительный набег на Украину. В том же году Карион Истомин закончил свой перевод «*Книги Иулия Фронтина сенатора римскаго о случаях военных*». Книга полководца и ученого Секста Юлия Фронтина (40—103 гг.) содержала 580 «прикладов» — примеров полководческого искусства, к которым Карион прибавил еще 33 общих правила военной «хитрости» — «Регулы общыя ратныя»⁴⁰². Поэт и ученый подчеркнул, что наука военная особенно необходима россиянам «ради хотящих брани врагов, злочестивых и проклятых махOMETанов или каких-либо буди востающих злодеяных иностранных челоВЕков». Так говорил Карион в придворной *орации*, преподнося парадный экземпляр книги царю Петру Алексеевичу апреле следующего, 1693 г.⁴⁰³ Истомин не сомневался, что государю «должно» на деле применить воинское искусство в борьбе «противу махOMETанов проклятых, турков и татар».

После смерти матери Петр попытался это сделать. Азовские походы, сразу нашедшие и до сих пор не утратившие панегиристов, все еще ждут объективных исследователей. «Потешное» по оформлению, но далеко не потешное по числу жертв и вреду для репутации российской армии действо 1695 г. столь же загадочно, как победоносный поход 1696 г.⁴⁰⁴ Если исключить за-

⁴⁰² РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД. Оп. 1. № 257/462. Памятник исследован: *Пушкарев Л.Н.* Общественно-политическая мысль России. С. 212—215; публ. «Регулов» на с. 277—278.

⁴⁰³ В авторской записи Кариона о написанных и поднесенных трудах сочинение названо: «*Книга о хитростях ратных*». (ГИМ. Чудовское собр. № 98/300. Л. 33). Дата перевода — 7200 г. — указана в заглавии подносного экземпляра книги. Дата поднесения указана в орации-предисловии: «Седьм тысяч двесте перва Мироздания лета / В априлии месяце речь сия воспета» (РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД. Оп. 1. № 257/462. Л. 9).

⁴⁰⁴ Не вдаваясь в детали, поставлю один вопрос, который не мог не волновать любого мыслящего военного: почему целью был избран Азов? Взятие его (несоразмерными усилиями) не угрожало Крыму и тем более Турции в такой степени, как голицынские крепости, блокировавшие пути татарских набегов и постепенно тянувшиеся к устью Днепра. Днепр вел прямо в Черное море, Азов на поверку оказался бесполезен с точки зрения завоевания морского господства.

нимавшие современников и крайне отвлекавшие внимание потомков шутовские детали с перевоплощениями царя (переодеванием в «простое платье», «в немецкое платье», использованием невместного чина и т.п.), внешнее оформление Азовских походов развивало старые традиции. Торжественные шествия через Москву при отправлении и возвращении полков живо напоминали уже вошедшие в привычку парады, отмечавшие крупные военные действия, по крайней мере, с выступления царя Алексея Михайловича против Речи Посполитой в 1654 г. Например, при победоносном возвращении войск в 1696 г. была «на Каменном мосту Всесвятском на башне сделана оказа (изображение.— А.Б.) Азовскаго взяття, и их пашам парсуны написаны живописным письмом, также на холстине левкашено живописным же письмом, как что было под Азовом, по обе стороны... А как боярин (командующий А.С.Шеин.— А.Б.) будет против ворот, что сделана okaza на Каменном мосту,— писал свидетель событий окольный И.А.Желябужский,— и в то время с башни Бениус (думный дяк А.А.Виниус.— А.Б.) ему, боярину, поздравляя, говорил в трубу громогласно, по обыкlosti, как водится. А в то время на башнях была стрельба пушечная, также и трубачи государевы трубили».

«По обыкlosti» московского двора Виниус поздравлял Шеина и генерал-адмирала Франца Лефорта *стихотворными орациями*, желая в будущем новых побед над турками⁴⁰⁵. В стихотворной «*Песни о взятии Азова*» превозносился, помимо Шеина и Лефорта, сам Петр как «орел славы с российской страны, побеждающ черны враны, зляя бесурманы»⁴⁰⁶. «Песнь» похвально повествовала об Азовском взятии, переключаясь с перепиской патриарха Адриана с воинством (см. далее). Сложены были еще и «*Вирши о взятии Азова*», развивающие тему борьбы с османской опасностью⁴⁰⁷. В прозе братья Лихуды продекламировали Петру *панегирик*, уверив государя, что именно его «мужеством» Россия превознесена выше всех царств, бывших и нынешних, и

⁴⁰⁵ Стихи опубли.: Дневниковые записи И.А.Желябужского (время Федора Алексеевича и Петра Великого) / Публ. Д.И.Языков // РА. 1910. № 9. С. 137 (там же детально описано торжественное шествие войск).

⁴⁰⁶ Позднеев А.В. Песнь о взятии Азова в 1696 г. // ТОДРА. Т. X. М.-Л., 1954.

⁴⁰⁷ Дробленкова Н.Ф., Шепелева Л.С. Вирши о взятии Азова в 1696 г. // ТОДРА. Т. XIV. М.-Л., 1958.

ей остается только окончательно изгнать турок из Европы, освободив единоверных греков⁴⁰⁸. Новой деталью пышной церемонии победного парада в Москве «стрельба была великая, пушечная и мушкетная: который полк выпалит — тот полковник и поклонится». «И после того в. г. ц. и в. кн. Петр Алексеевич (титул) изволил итить в поход к Троице в Сергиев монастырь. А изволил притить в монастырь... после обедни к молебну»⁴⁰⁹.

Во время Азовских походов и, отчасти, Великого посольства, публичное взаимодействие Петра и Адриана выглядело образцом отношений государя и патриарха. 9 декабря 1695 г., собираясь в первый поход, Петр изволил пировать с Адрианом в Столовой палате с 5 до 8 часа ночи (дневные и ночные часы исчислялись тогда с рассвета и заката солнца). Провожая государя из-за стола, патриарх благословил его образом Богородицы Владимирской. По взятии Азова в 1696 г. Петр пировал с патриархом с последнего часа дня до последней четверти второго часа ночи и получил благословение образом Всемилостивого Спаса. Готовясь к отъезду за границу, царь 21 февраля 1697 г. провел у святейшего патриарха в Столовой палате три первых ночных часа и отбыл, благословенный образом Владимирской Богородицы. По пришествии из-за моря Петр угощался у Адриана днем 31 августа 1698 г., с 8 до 10 часов, после чего архипастырь благословил государя образом Успения Богородицы⁴¹⁰.

Большое общественное значение имела в этот период переписка царя и патриарха. Личным секретарем Адриана Карионом Истоминым было составлено 7 патриарших посланий одному Петру, к тому же множество грамот воеводам (Б.П.Шереметеву, А.С.Шеину, Б.А.Голицыну, гетману И.С.Мазепе и др.), в самых теплых словах ободрявших участников боевых действий и вояжа в иноземные страны. Петр продиктовал в походах и посольстве 5 писем Адриану, которые, вместе с перепиской в 1695 г. с братом Иваном (ответные послания коего писал тот же Карион), служили важнейшими *известительными грамотами* о военных и политических событиях, на основе коих патриарх строил свои *благодарственные объявительные слова*⁴¹¹.

⁴⁰⁸ См.: Панегирическая литература петровского времени / Публ. В.Г. Гребенюк. М., 1979. С. 14; и др.

⁴⁰⁹ Записки Желябужского. С. 247—249.

⁴¹⁰ Забелин И.Е. История города Москвы. Ч. I. М., 1902. С. 535—536.

⁴¹¹ Оpubл.: Письма императора Петра Великого к брату Иоанну Алек-

Рукописи Кариона Истомина детально раскрывают продуманное сочетание посланий из походов и патриарших выступлений в формировании общественного мнения россиян. Например, 30 июля 1695 г. патриарх произнес в Успенском соборе перед литургией благодарственное слово об успехах российских войск в Азовском походе, начав его так: «Благочестивейший в. г. ц. и в. кн. Иоанн Алексеевич всеа Великия и Малыя и Белья России самодержец, и вси благословеннии христиане, чада Божия, чада святых Церкве и наша мерности, услышите!» При этом в слово патриарха было включено объявление «списка» с грамоты из-под Азова, адресованной Петром брату Ивану, в котором, сравнительно с оригиналом⁴¹², сделаны должные поправки (например, введено изложение от 3-го лица). На следующий день, 31 июля, Адриан послал в полки Петру благословенную грамоту с поздравлениями и просьбой извещать не только брата-государя, но и его самого о новых победах. В тот же день направил свое письмо Петру и Иван Алексеевич, а от Адриана была послана благословенная грамота Б.А.Голицыну. В свою очередь Петр еще 19 июля отослал Адриану грамоту с необходимыми известиями; 1 августа патриарху отписал гетман Мазепа (получивший ответное благословение); и т.д.

Ровно через год, 31 июля 1696 г. Адриан смог произнести торжественное *«Слово о взятии Азова»*, с объявлением за сим соответствующей (литературно обработанной) грамоты Петра, которую читал думный посольский дьяк Е.И.Украинцев. А 1 августа благословенная грамота архипастыря была отправлена в стан победителей. Только в ней Адриан позволил себе сделать Петру замечание, приложенное «на особой хартийце», относительно вовсе уж вольного стиля государевых отписок: «В поразительных мне твоих писаниях твоего государского имени не обретається. И се не ведаем, как творится. Ибо когда в случаях в

сеевичу и патриарху Адриану. СПб., 1788. Черновые автографы Кариона Истомина см.: ГИМ. Чудовское собр. № 98/300. Л. 75—77 об., 315—316, 339—340, 345—346, 351—352 об., 362, 386—388 об., 391, 405—405 об., 493—493 об.; № 100/302. Л. 122 об. Его же беловые автографы см.: РГБ. Собр. Тихонравова. № 634. Л. 185—212 об. (с л. 212 об. — переписка патриарха и Петра во время Великого посольства). Адриану приписывается и «Слово на случай войны с турками» (ГИМ. Синодальное собр. № 261 по Горскому и Невоструеву).

⁴¹² Ср.: Письма и бумаги Петра Великого. Т. I. СПб., 1877. С. 38—40.

народ писание объявляется, и в предваряющая лета сохранияется, кто писал — ни мало знается. И так быть не подобает. Благоволи добромыслием твоим о сем посмотреть и делать как подобает, прощу в любовь, а не в прогневание» (выделено мной.— А.Б.)⁴¹³. Корреспонденция царей, воевод и патриарха времен Азовских походов действительно была направлена, прежде всего, на формирование общественного мнения. Разумеется, благословения и наидания Адриана, присылка им в полки священных предметов и новоотпечатанных книг (например, новоизданного Печатным двором Жития Иоанна Воина), заботы патриарха о поставлении и снабжении необходимым духовенства в обретенные грады и крепости⁴¹⁴, — все это имело место и играло свою роль.

Однако общество, судя, например, по дневниковым Запискам Желябужского, в соответствии с замыслом авторов, наиболее ярко воспринимало «объявительную» функцию корреспонденции. Окольничий Иван Афанасьевич Желябужский, хоть и не интересовался проповедями Адриана, четко отделял сообщения, попросту присланные «почтой» или через гонцов, от «писаний», торжественно объявлявшихся в Успенском соборе, в том числе адресованных патриарху. Не упустил он и того факта, что при торжестве в честь взятия Азова в Успенском соборе «народу было множество и после молебна бояре патриарху здравствовали»⁴¹⁵. Царская и патриаршая власть выступали единым целым. Этот факт не менее, чем общая радость от победы над «агарянами», объясняет высказанное в записке Петру стремление Адриана сохранить Азовскую корреспонденцию «в предваряющая лета». Уже Карион Истомин, составляя беловик переписки, начал придавать ей вид *Книги о взятии Азова*. Документы действительно сложились в публицистическую книгу⁴¹⁶, использованную в летописном своде митрополита Игнатия Римского-Корсакова и, в сокращенном виде, в Латухинской Степенной — крупном историческом произведении патриаршего казначея Тихона Макарьевского⁴¹⁷. В самом начале XVIII в. на основе Кни-

⁴¹³ РГБ. Собр. Тихонравова. № 634. Л. 207 об.

⁴¹⁴ См., напр.: ГИМ. Чудовское собр. № 98/300. Л. 347—347 об.

⁴¹⁵ Записки Желябужского. С. 227—246, цит. с. 241.

⁴¹⁶ См. «Сказание о взятии Азова»: РНБ. Собр. Погодина № 1609. Л. 270 и след.; ДРВ. Изд. 2-е. Ч. XVI;

⁴¹⁷ ГИМ. Собр. И.Е.Забелина № 263. Л.401 и сл. (подлинник свода Римского-Корсакова); собр. Вострякова № 852. Л.369—371 об.; РГБ.

ги была создана *Повесть о взятии Азова Петром I в 1696 г.*⁴¹⁸ В ней были дополнительно использованы гравюра голландца на царской службе Адриана Шхонбека «Взятие Азова» (1699)⁴¹⁹ и карта Азовского моря, гравированная Шхонбеком в 1701 г. для адмирала Ф.А.Головина⁴²⁰.

Ближние патриарху историки не случайно распространяли свое внимание на события после Азовского взятия: строительство Таганрога, Керченский морской поход 1699 г., грамоты Великого посольства и т.п. Адриан принял участие в знаменитых воронежских «кумпанствах», выстроив в 1698 г. на церковные средства два боевых корабля. Во время заграничного пребывания государя патриарх должен был играть в Москве — по крайней мере, как считал Петр — весьма важную роль. Среди множества увлечений и развлечений государь находил время писать Адриану, убеждая его, что ищет на Западе помощи для продолжения победоносной войны «против врагов имени Иисуса Христа» и освобождения поработанных османами православных. Угасающий от болезни патриарх, рукою верного секретаря, отвечал любезно, молясь по поводу сообщения Петра, что (вопреки ходившим на Москве слухам) «мы... при добром состоянии живы», и присоединяясь к радости государя по случаю побед союзного оружия над турками. Адриан никак не отреагировал на странное обращение Петра к нему как «Святейшему Архипастырю Россиян», звучащее так, будто царь и впрямь (как говорили в народе) превратился в иноземца. Патриарх не мог даже помыслить, какой крутой поворот готовит Петр внешней политике России и какие перемены предстоят самому Российскому православному царству.

О победе над турками в Азове не забыли и иноземцы. Во время якобы секретного пребывания Петра при Великом посольстве в Митаве послам были вручены отпечатанные на «цесарском» (австрийском), греческом и латинском языках «листы» со стихотворным панегириком: «*Монарху российскому непобедимейшему*». Автором был местный придворный поэт и учитель Христиан Беир, а сама затея была явно государственная. Петра не

Собр. Отдела рукописей. Пост. 1967 г. № 46. Л.132 об.—134; и др.

⁴¹⁸ См. рукописи РНБ: Q.XVII.46; F.XVII.10.

⁴¹⁹ РНБ. Отдел эстампов. Шифр: Э Пог Л / 9—396.

⁴²⁰ Подробнее см.: *Каган М.Д.* Повесть о взятии Петром I Азова в 1696 г. // ТОДРА. Т. ХLI. Л., 1988. С.49—52.

только восхваляли как «во Европе и Азии сильного короля» (т.е. не признавая за царем имперского статуса), но усиленно склоняли отвоевать у турок Константинополь, а у татар Крым. Такие призывы были весьма актуальны для западной дипломатии, втайне работавшей над сепаратными мирными договорами с Османской империей и Крымским ханством⁴²¹. В частном порядке откликнулся на взятие Азова амстердамский кандидат-пастор Илья Федорович Копижевский, издавший панегирик: «*Gloria et triumphus. Слава торжеств и знамен пресветлейшаго и августейшаго, державнейшаго и непобедимейшаго великаго государя царя и великаго князя Петра Алексеевича вся Великия и Малыя и Белья России самодержца*» (Амстердам, 1700). Учитывая, что союзники уже покинули Россию, автор реалистично провозглашает Петра «отчичем и дедичем» Приазовских земель, где у султана «ни наследия, ни отчины нет». Панегирик был издан 10 октября, через два месяца после подписания русско-турецкого мира, и интересен в первую очередь прославлением личных качеств царя Петра, скоро широко развернувшимся на Западе.

По возвращении государя на родину «думный советник» Прокофий Богданович Возницын на организованном Священной лигой Карловицком конгрессе упорно защищал Российские завоевания на юге (1698 г.)⁴²². Миссия Возницына была особенно трудна, поскольку посольские дела России были со времен ссылки В.В.Голицына запущены. Империя насытилась завоеваниями на южных рубежах и уже торговалась с Англией и Голландией о совместной войне против Франции за испанское наследство; обманутые «немцами» Венеция и Польша спешили уладить свои дела с Турцией за счет России. «Не дивно, государь, на немец,— писал Петру I Возницын,— ... дивно на поляка (короля Августа II Сильного.— А.Б.), что он смел то учинить... оставя с тобою, государем, вечный союз, и натруся тем и Вечный мир, помирился ни на чем: турки посулили отдать ему Каменец пустой. Выпроводили его и обманули немцы для того, что им нужен, и надобен, и пожиточен мир; и помирились они без всякого себе отягчения и без уступки всего и заткнули туркам горло другими своими союзники. А с Венеты у немец я чаял крайней

⁴²¹ Шляткин И.А. Библиографические разыскания в русских и зарубежных библиотеках по славянорусской письменности. М., 1894. С. 9.

⁴²² См.: ПДС. Т. 9. СПб., 1868; *Богословский М.М.* Петр I. Т. III. С. 336—461.

дружбы — ажно у них есть тайная антипатия: немцы не хотят того слышать, чтоб Венет брал силу». Союзники по Священной лиге, писал Возницын царю, «все удовольствованы и тебя оставили». Максимум, на что могла рассчитывать Москва, это двухлетнее перемирие с Османской империей, да и то благодаря страху Стамбула перед восстанием своих единоверных россиянам подданных. «Если б дойти до Дуная,— запоздало сетовал опытейший дипломат Возницын,— не только тысячи, тьмы нашего народа, нашего языка, нашей веры, и все миру не желают!»

В это время, при поддержке неумного гетмана Мазепы, в международных отношениях вновь зазвучали, на этот раз в один голос, два публицистических мотива: о единении с Россией православного, в немалой мере славянского мира — и об общей опасности «латинской», католической экспансии. Умоляя Петра принять Валахию в подданство и прислать войска для борьбы с турками, государь писал: «Со слезами молим спасти нас от папистов и иезуитов, которые беснуются на православных больше, чем на турок и жидов. Война мирская может когда-нибудь кончиться, а война иезуитская — никогда!»⁴²³ Очень скоро выяснилась необоснованность такой «дискриминации» католиков сравнительно с другими западными «схизматиками». На переговорах 1699 г. в Стамбуле великий и полномочный посол Емельян Игнатьевич Украинцев столкнулся с единым фронтом западных держав, *не заинтересованных* в мире России с Османской империей. «От послов,— писал «домовой дьяк» и «думный советник» государю,— от цесарского, венецианского, английского и голландского не видим мы никакой себе помощи, все они лицемеры и наветники». «Конечно,— поддерживал его Иерусалимский патриарх Досифей,— римляне, люторы и кальвины не желают, чтоб был мир у великого государя с султаном, и православным христианам они естественные враги». Опытный дипломат Украинцев прозревал дальше религиозных разногласий. Например, «послы английский и голландский во всем держат крепко турецкую сторону и больше хотят им всякого добра, нежели тебе, великому государю», по соображениям корыстным: «Торговля английская и голландская в турецком государстве истари премногая и пребогатая, и что у тебя, государя, завелось морское корабельное строение и плавание под Азов и у Архан-

⁴²³ Соловьев С.М. История России. Кн. VII. С. 585.

гельского города, и тому они завидуют и того ненавидят, чая себе от того в морской своей торговле великой помешки»⁴²⁴.

Значение появления России на южных морских путях хорошо понимал и составитель «Повести о взятии Азова», завершивший свой рассказ описанием Керченского похода Азовской флотилии под командой первого кавалера ордена Андрея Первозванного генерал-адмирала Федора Алексеевича Головина при участии Петра I весной 1699 г. Но кроме «Повести» и документов посольства Украинцева два известных рукописных сборника включают материалы о начале Северной войны, начатой в результате тайного сговора Петра с Августом Сильным — тем самым «поляком», который *уже* предал интересы России на Карловицком конгрессе и вскоре не преминул предать Петра вновь⁴²⁵. Связь скоропалительно заключенного Украинцевым в Стамбуле по прямому указу государя мирного договора с началом Северной войны была очевидна для современников. «Мы здесь в 18 день объявили мир с турками зело с презрядным фейерверком,— писал царь Петр Ф.М.Апраксину, продолжавшему трудиться над обреченным флотом в Воронеже.— В 19 день объявили войну против шведов»⁴²⁶. Известно в Москве было и положение короля Августа, посол которого в Стамбуле просил у турок именем сената и всей речи Посполитой не мириться с Россией, а заключить союз с поляками, желающими отвоевать Киев и всю Украину. Короля, который царю друг, обещал посол, поляки скоро с королевства скинут⁴²⁷. Но Петр I не даром еще весной 1699 г. поручил все иностранные дела Ф.А.Головину, печально известному заключением позорного Нерчинского договора с Цинской империей. В *тайном* сговоре с представителем короля Августа участвовали, кроме Головина и самого Петра, только датский посланник в Москве, доверенный переводчик Петр Павлович Шафиров и лифляндский авантюрист Иоганн Паткуль. Составитель «Повести о взятии Азова» не мог знать об этом, но видел, что мотивация Северной войны разрабатывалась *задним числом*. Время бурных дебатов о целях внешней политики кончилось. Россия вступила в эпоху тайной дипломатии.

⁴²⁴ Соловьев С.М. История России. С. 588—589; Богословский М.М. Петр I. Т. V. Посольство Е.И.Украинцева в Константинополь. М., 1948.

⁴²⁵ Заключив сепаратный Альтранштедский мир со шведами (1706).

⁴²⁶ Письма и бумаги Петра Великого. Т. I. С. 384.

⁴²⁷ Соловьев С.М. История России. С. 590.

Глава 3 БОРЬБА ЗА ВЛАСТЬ

ПРАВЛЕНИЕ ЦАРЕВНЫ СОФЬИ

Период становления и укрепления абсолютной монархии повсеместно рождает особое искусство, проникнутое восторгом и безграничным восхищением перед идеально устроенным государством и его главой — гарантом тех неизмеримых благ, которыми благодетельствует подданных сильная, нераздельная, почти божественная власть самодержца. Трепетное отношение литераторов и художников к носителю высшей земной власти, зримому воплощению единого порядка, усугублялось глубокими впечатлениями лихолетия гражданских войн, воспоминаниями о временах страшных раздоров, не напрасными опасениями ужасных общественных бедствий. Время, когда ведущие европейские державы вышли из периода усобиц в единовластие, был ознаменован чередой крупных социальных потрясений: революций, крестьянских войн, городских восстаний, во время которых царь-Солнце Алексей терял Москву, король-Солнце Людовик — Париж, а король Карл в Лондоне — голову.

Симеон Полоцкий был вполне искренен в восторгах по поводу несравненного величия царя — опоры и средоточия порядка в государстве, когда в блестящей поэме «Орел Российский» сравнивал Алексея Михайловича с Солнцем (немного опережая своих французских коллег)⁴²⁸. Его ученик и продолжатель Сильвестр Медведев расширял реку восхвалений царя Фе-

⁴²⁸ Орел Российский. Творение Симеона Полоцкого / Н.А.Смирнов // ОЛДП. Т. СXXXIII. 1915.

дора Алексеевича, не только здравствуя монарха по случаю «всемирной радости», но и утешая в скорби⁴²⁹. Сама мысль, что высшая власть не столь незыблема и монолитна, как мечталось бы верному подданному, была противна духу литераторов. Если, по Полоцкому, царственный двуглавый Орел «во Солнце положи селение свое», то что разглядишь на Солнце? Отразить в своем произведении борьбу за власть «в верхах», не то чтобы принять в ней участие, казалось немислимым⁴³⁰. Лишь правление царевны Софьи (1682—1689) — девицы, «ззорного лица», да еще при *двух* царях, побудило заинтересованных лиц навести ум в поисках образов, способных должным образом представить публике истинное состояние власти.

Жанр панегирика, в рамках которого единственно и могла отразиться борьба за власть в самых «верхах» государства, подразумевал стремление автора тем или иным способом превознести именно того адресата, от которого ожидалась особая «милость». В сочинениях литераторов, которых смело можно назвать *придворными*, и их менее близких к олицетворениям верховной власти коллег, так же, как в творениях художников и музыкантов, присутствовали, конечно, элементы корысти (личной ли, партийной или в виде стремления реализовать важные идеи). Но наиболее ярко проявлялось в трудах служителей «свободных художеств» общее для немалого числа людей воодушевление от богодарованного стране мира и процветания под сенью монаршего скипетра и защитой державного меча. И в искреннем стремлении послужить государству своим умом и талантом они были не одиноки.

В XVII столетие Россия вступала опаленной в огне Смутного времени, разоренной страной — а завершила его могучей и процветающей мировой державой. Духовный подъем, в начале

⁴²⁹ См.: ДРВ. Ч. XVIII. С.198—201; Ч. XIV. С. 95—111; ГИМ. Музейное собр. № 1705. Л. 114, 118—121 об.; *Дурново Н.Н.* Приветство брачное Сильвестра Медведева // Записки Харьковского ун-та. 1912. № 3. С. 16—58; *Вирши.* Силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1925. С. 126—136; *Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв.* Л., 1970; и др.

⁴³⁰ Хотя за царя Алексея, как известно, всю жизнь правили другие лица, время от времени подвергавшиеся опале, а два его первых министра — А.А.Ордин-Нащокин и А.С.Матвеев — один за другим угодили в ссылку.

века изгнавший из Кремля интервентов и их приспешников, проявлялся в самых различных областях общественной жизни. Городские восстания и мощные крестьянско-казацкие движения «бунташного века» сочетались с развитием сельского хозяйства, промышленности и торговли, освоением Дикого поля, Сибири и Дальнего Востока. Россия была охвачена каменным строительством, дивной красоты здания отвечали духовным поискам писателей, проповедников, художников и музыкантов. Укрепление самодержавного православного государства и официальной Церкви проходило на фоне роста самосознания верующих подданных в бурных спорах и столкновениях. Внуки забитых холопов времен Великого разорения Ивана Грозного чувствовали силы «разсуджати себе»; на плодородную почву пали слова духовного мыслителя и просветителя Сильвестра Медведева, что «власть, неправду, глаголющую, отнюдь слушати не подобает!»

Несмотря на «разномыслие» и часто кровавые разногласия, на всеобщую тягу к новизне, на широкие контакты с иными странами и верами, власть и общество были едиными в своей культурной основе. Литература и искусство, издавна занимавшие видное место в русской общественной жизни, охватывали все социальные слои и приобретали все большее значение, оставаясь главным образом духовными. Главным эстетическим принципом процветшего во второй половине века барокко была образность, зримость предмета, изображаемого словом, резцом или кистью. Детали образа имели глубокий смысл и тесно переплетались, создавая продуманную логическую композицию, «читавшуюся» на нескольких уровнях. Писатели и художники адресовали образ интеллектуальному, духовному «граду царства небесного», сознательно «сограждаемому» в человеке-микрокосме и отличающему его от животных. Среди всех чудес неба и земли именно человек духовный, «по телу — земен, по душе — небесный», есть величайшее чудо, создаваемое воспитанием и обучением. «Словесноумный» человек, как писал цитированный свойственник Медведева, выдающийся русский поэт и просветитель Карион Истомин, есть не просто «венец природы» (это нелепое словосочетание появилось на Руси гораздо позже) — он есть звено, соединяющее небо и землю, материальное и духовное: «Вещь Боготворна в нем зренно сомкнесь»⁴³¹.

⁴³¹ Подробнее см.: *Богданов А.П.* Карион Истомин и Ян Амос Комен-

Строить такой «град» интеллекта было нелегко. Его созиданию способствовало традиционное воспитание в доме и храме, школы грамотности (которая стремительно росла на Руси во второй половине XVII века), деятельность просветителей, не только беззаветно и безуспешно боровшихся за создание в Москве Академии, но и учивших детей и взрослых в своих гимназиях и своими книгами⁴³². Разумеется, истинно «словесноумные» люди того времени могли общаться между собой особо сложным образным языком, уклоняясь от недопонимания профанов, а иногда и от реальной опасности быть понятыми своими врагами⁴³³.

Именно так обращался в «Дому Солнечному», царевне Софье Алексеевне — ученице Симеона Полоцкого, другой ученик этого замечательного мыслителя и духовного писателя, Сильвестр Медведев, настоятель Заиконоспасского монастыря, когда в 1682 г. царь Федор Алексеевич, едва успев утвердить принципы создания Московской академии, умер (или был отравлен), столица охвачена народным восстанием, бояре, дворяне и приказные люди, спасшиеся от убийства, разбегались, патриарх Иоаким с Освященным собором ждал расправы от толп, примкнувших к староверам, устои государства грозили рухнуть, Россия могла погрузиться в кровавую пучину новой гражданской войны⁴³⁴.

ский (К проблеме освоения творческого наследия «учителя народов» в России XVII века) // *Acta Comeniana* 8 (XXXII) 1989; *он же*. Естественнонаучные представления в стихах Кариона Истомина.

⁴³² *Богданов А.П.*: Известия Кариона Истомина о книжном чтении // ПКНО за 1986 г. Л., 1987; *он же*. К полемике конца 60-х — начала 80-х годов XVII в. об организации высшего учебного заведения в России. Источниковедческие заметки // ИИИ СССР XIII—XVIII вв. М., 1988; [*он же*]. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. С древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 74—88.

⁴³³ *Богданов А.П.* Диалектика конкретно-исторического содержания и литературной формы в русском панегирике XVII века // *Древнерусская и классическая литература в свете исторической поэтики и критики*. Махачкала, 1988; *он же*. София—Премудрость Божия и царевна Софья Алексеевна. Из истории русской духовной литературы и искусства XVII века // *Герменевтика древнерусской литературы*. М., 1994. Вып. 7.

⁴³⁴ Легенды о «заговоре Софьи», «Хованщине» и прочих попытках верхов использовать народное восстание в борьбе за власть не выдерживают критики. См.: *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII в.; *Богданов А.П.* Летописные известия о смерти Федора и во-

Из всей царской фамилии лишь царевна Софья Алексеевна, старшая сестра 16-летнего Ивана и 10-летнего Петра, смогла активно выступить в защиту трона и порядка. Она пошла на большие уступки восставшим стрельцам, солдатам и горожанам, восстановила относительное спокойствие в городе, Объединив усилия с князьями В.В.Голицыным, Одоевскими и другими крупнейшими государственными деятелями, «мужеумная» царевна готовила решительное укрепление государственной власти и «утишение» восстания. Летом 1682 г., когда от царевны Софьи Алексеевны требовались исключительные усилия, чтобы удержать в руках опаснейшую ситуацию, Сильвестр Медведев решил поддержать дух своей соученицы.

Писатель поднес царевне красиво оформленный список его знаменитой поэмы на смерть царя Федора Алексеевича⁴³⁵, вплетя в него «*Похвальную рацею*»: особое «слово», обращенное лично к Софье Алексеевне⁴³⁶. Высший смысл существования состоит в поиске совершенства — утверждает автор в зачине, подразумевая, что Софья и есть совершенство. В этом она превзошла бессмертную славу Александра Великого, который, не удовлетворяясь благополучием власти над «широким кругом земным», упорно стремился на поиски «*солнечного дома*» — обители богов. Это — легенда, говорит Сильвестр царевне, но «аз дерзаю рещи во истинну, яко делом самем в респоту и во правду Ваше пресветлое величество есть дом солнечный, жилище солнца истиннаго Христа Господа, не на земли пристрастия временнаго, но на лучах того ж самого солнца содержащийся, на востоце благих дел, никогда же запада греховнаго ведушом, утвержденный!»

Литературным критикам, упорно видевшим в номинативных (именных) ассоциациях стиля барокко «украшения, имеющие чисто орнаментальное значение», было трудно понять удовольствие, подобное тому, что доставил Медведев Софье, пере-

царении Петра Алексеевича; *он же*. Начало Московского восстания 1682 г. в современных летописных сочинениях; и др.

⁴³⁵ Полный текст поэмы «Плач и утешение двадцатьма двема виршами» (без рацей) опубли.: ДРВ. М., 1790. Ч. XIV. С. 95—111.

⁴³⁶ Исследование и публикацию памятника см.: *Богданов А.П.* Неизвестное сочинение Сильвестра Медведева: похвальная рацея царевне Софье // *Материалы XVII Всесоюзной научной студенческой конференции. Филология. Новосибирск, 1979; он же.* Сильвестра Медведева панегирик царевне Софье 1682 г. // ПКНО за 1982 г. Л., 1984.

ходя от совершенства царевны к славе искавшего совершенство Александра, чья мечта не «баснословием витийским», а «Богом истинным» воплощена в Софье — «солнечном доме», жилище Христа. В этих словах ученица Симеона Полоцкого видела множество взаимосвязанных ассоциаций, ведущих к представлению о Софии-Премудрости: ведь канон ее (от новгородской редакции, где София отождествлялась с Христом, до киевской, где Софией выступал образ Богородицы)⁴³⁷ опирался на текст Притч Соломоновых (9, 1): «Премудрость созда себе дом», — воплощенный и в известном иконографическом каноне.

Однако Сильвестр Медведев, как вскоре узнала Софья Алексеевна, строго соблюдал внешнюю форму «слова», следуя всем правилам схоластической риторики, чтобы тем более поразить читателя оригинальным ходом мысли⁴³⁸. Переходя от экзордима к нарративной части, писатель начинает с буквального толкования темы, замечая, что «дом солнечный» создан «не просто, но рукою премудраго вышняго архитектона, о нем же на земли глаголаша: «Не сей ли есть Исус сын тектонов?» — Здесь автор услужливо ссылается на текст Евангелия от Луки (4, 22), где, как с детства известно было Софье Алексеевне, рассказана грустная притча о неприятии пророка в отечестве его. Напомнив этим, что и «солнечный дом» имеет порог, писатель использует, наконец, напрашивавшееся толкование имени Софьи (Премудрость). Дом создан «премудро», следовательно, к нему можно отнести равно тексты Притч (9, 1) и Бытия (28, 17): «несть се, но

⁴³⁷ О современных Сильвестру редакциях иконографического канона Софии-Премудрости и его толкованиях см.: *Филлимонов Г.* София Премудрость Божия // Вестник общества Древнерусского искусства при Московском Публичном музее. М., 1874. № 1; *Лебединцев П.* София Премудрость Божия в иконографии севера и юга России // КС. 1888. № 12; и др. Ср. с рукописными толкованиями: РНБ. Собр. Погодина № 1558; ГИМ. Синодальное собр. № 272, 466, 559, 792, 908; РГБ. Музейное собр. № 578, Беляевское собр. № 55; и др.

⁴³⁸ Правила сложения проповедного «слова» («казанья») излагались и закреплялись в книгах, хорошо известных Медведеву и Софье: *Галлятовский И.* Ключ разумения. Киев, 1659 (и др. издания); *Баранович Л.* Меч духовный. Киев, 1666; *он же.* Трубы словес проповедных. Киев, 1674; *Радивиловский А.* Огородок Марии Богородицы. Киев, 1676. и др. Немало поработал в этом жанре и Симеон Полоцкий, два сборника проповедей которого Сильвестр самолично подготовил к печати и издал в придворной Верхней типографии. См.: *Обед душевный.* М., 1681; *Вечеря душевная.* М., 1683.

дом Божий»). Развивать ассоциации, связанные у читательницы с текстом Соломона, было легче, но Медведев не случайно уклонился в воспоминание о том месте, которое Иаков (по Бытию) назвал «домом Божиим»: именно там «Божия премудрость» предрекала Иакову *власть* «над всеми племенами земными».

Непосвященному читателю могло показаться, что Сильвестр попросту витийствует, описывая красоты «дома» и даже стройматериалы («яко кедр вознесохся в Ливане» и проч.), ради красного словца цитируя Иисуса Сираха. Но Софья-то знала, о чем идет речь в главе Сираха, о которой Медведев напоминал отрывком цитаты и ссылкой на полях. «Премудрость прославит себя и среди народа своего будет восхвалена»,— говорилось в Писании. Премудрость долго искала достойнейшего, пока не поселилась в избранном Богом Иакове и не приняла с ним «наследие в Израиле». «И укрепилась я в прославленном народе, в наследственном уделе Господа,— писал Сирах от лица Премудрости.— Я возвысилась как кедр в Ливане» и проч. (Сир 24, 13—15). В контексте рассуждения Медведева слова Премудрости относятся к царевне Софье: именно у нее создал себе дом Христос Божия Сила и Премудрость. Разве не очевидно, что именно царевна является тем богоизбранным лицом, которое по Библейскому примеру имеет преимущественное право на власть перед земными правителями?!

Между тем, Сильвестр переходит к изучению морального смысла отождествления царевны с «солнечным домом». Софья Алексеевна может быть уподоблена обители Бога благодаря своим душевным качествам, по Евангелию: «Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдает, и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим» (Ин 14, 23). Риторическим вопросом «что же творит в дому том Бог?» Медведев подводит читателя к новой группе ассоциаций. Разумеется, Бог у царевны «совет совещает; не яко тии, иже по пророку: помыслише совети, их же не возмогоша составити...» Автор имеет в виду пророка Исайю⁴³⁹, но на полях отсылает читателя к 20-му псалму, в котором сколько-нибудь близкого текста нет ни в Септуагинте, которой руководствовался Сильвестр, ни в Масоретской Библии. Софья Алексеевна знала, конечно, что в указанном ей весь-

⁴³⁹ «Замышляйте замыслы, но они рушатся; говорите слово, но оно не состоится: ибо с нами Бог!» (Ис 8, 10; ср. Ис 7, 7).

ма популярном псалме русской Библии («Силою твоею веселится царь») говорится: «Рука твоя найдет всех врагов твоих, десница твоя найдет ненавидящих тебя!» (Пс 20, 9). То есть «совет» Софьи Алексеевны победителен, Бог дает ей своим советом «вся, иже угодна», а замыслы врагов царевны будут безуспешны.

О достижении Софьей Алексеевной всего, ей угодного, Медведев пишет со ссылкой (в тексте и на полях) на 3-ю главу книги Товии, где рассказано о Божией помощи Сарре, характеризующей себя так: «Я единокровная у отца моего, и нет у него сына, который бы мог наследовать ему...» (Тов 3, 15). У отца Софьи, царя Алексея Михайловича, оставалось тогда в живых множество детей, среди них два сына: малолетний Петр, возведенный на престол боярами-заговорщиками 27 апреля 1682 г., и 16-летний Иван, посаженный на царство по требованию возмущенного народа в мае, когда «изменники-бояре и думные люди» были частично изничтожены, частично насмерть перепуганы восставшими. Медведев имел в виду, что оба они неспособны к правлению, наследовать которое достойна царская дочь, а не заговорщики, ибо она отмечена свыше. «Аз Премудрость вселих»,— завершает автор свой не высказанный на словах пассаж известной цитатой из Притч, не забыв упомянуть на полях 9-ю главу («Премудрость созда себе дом»).

В соответствии с правилами риторики, моральное толкование темы конкретизирует положения буквального толкования: поставленный в первой части наррации вопрос о власти решается в пользу Софьи Алексеевны уже с учетом политической борьбы, в которой царевна имеет решительный перевес над противником благодаря дарованной свыше мудрости (и по праву Премудрости). Какие-то неприятели уже потерпели поражение (и о них говорится в прошедшем времени), но враг еще существует, полная победа Софьи Алексеевны, за которую ратует Сильвестр Медведев, еще впереди. Не случайно прекрасно понимавший соотношение сил придворный поэт Карион Истомина (также носивший монашеский клобук) в мае адресовал две редакции своей *«Книги, желательного приветство мудрости»* царю Петру (за спиной которого скрывались враги царевны), а в стихах на венчание Ивана и Петра на царство 25 июня 1682 г. о Софье Алексеевне не упомянул!⁴⁴⁰

⁴⁴⁰ См.: Памятники. № 1, 2, 5 (тексты и комментарии).

Желая оказать Софье помощь советом, Медведев утверждал в следующей фразе своего сочинения, что совет с Богом будет благополучен при условии «совета мирного между двема» — то есть, согласно указанному тексту Захарии, между царством и священством (Зах 6, 13). Тогда, читаем мы продолжение с формальной стороны не очень уместного здесь текста («Во мире бо место Господне...»), «...гнев человеческий обратится во славу тебе: остаток гнева ты укротишь» (Пс 75, 11). Иначе говоря, Сильвестр советует примириться со злейшим врагом Софьи, инициатором и вдохновителем направленного против ее клана (Милославских) про-нарышкинского переворота 27 апреля, патриархом Иоакимом (Савеловым), ради стратегической цели «укрощения» и в конечном итоге обращения на пользу себе гнева московского народа. И действительно, когда в июле 1682 г. по столице расплеснулся бунт староверов, а патриарх и Освященный собор прискорбнейшим образом утратили авторитет в народе (раздраженном участием духовных лиц в дворцовых интригах), именно царевна Софья смело, умно и энергично вмешалась в ход событий. О том, как она не только предотвратила истребление «священства», но и уничтожила вождей старообрядцев руками восставших стрельцов, красноречиво рассказал впоследствии сам Медведев в историко-публицистической книге⁴⁴¹. Характерно, что эту заслугу Софьи Алексеевны оценили даже сторонники патриарха Иоакима, называвшие царевну «Новой Деворой», «иже спасла Церковь»⁴⁴².

В развитии темы *совета* Медведев остановился на вопросе, что есть для его адресата «добрый совет». Начав с цитаты из Притч, что исходящий от человека «Добрый совет сохранит тя» (2, 1), писатель подчеркнул большую надежность совета от Бога, который «не воздремлет и не уснет храняй Израиля» (или, еще ближе к событиям, «сохранит тя от всякого зла». — Пс 120, 4 и 7). Софье необходим не *многочисленный совет*, рекомендуемый

⁴⁴¹ Прозоровский А.А. Сильвестра Медведева «Созерцание краткое...». С. 76—92. Ср. новую публикацию: Богданов А.П. Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. С. 45—200.

⁴⁴² *Картион Истомин*. «Книга, желательна приветство мудрости» (четвертая редакция.— А.Б.) // ИОРЯС, 1909. Кн. 1. С. 8; *Осип Титов*. Посвящение к лицевому списку книги «Звезда пресветлая» (БАН. П.І.А.58. Л. 6 и др.); [*Богдановский И.*] Дары Духа Святаго. Чернигов, 1688 (РГАДА. Церк. печать. № 2927).

Соломоном (Притч 11, 14), но Божья помощь: «...благослови Бога и испроси от него, да пути твоя управит, и вся совети твоя в нем да пребывают» (Тов 4, 18—19). Эта мысль еще раз подчеркивается примером Иудифи (Иудифь 9, 10), а возможность смертному иметь подобное *божественное разумение* подтверждается текстом апостола Петра (I Пет I, 16), привлеченного, правда, с большой натяжкой.

Посвящая половину рассуждения о качествах разума и совета рекомендациям Софье Алексеевне принимать решения *самостоятельно*, без совета с боярами, Медведев правильно представлял себе реальную политическую ситуацию. Нетрудно заметить, что хотя царевна и имела энергичных союзников в лице В.В.Голицына, Одоевских и некоторых других придворных, значительную часть постов в правительстве занимали люди, которых она впоследствии постаралась из администрации удалить⁴⁴³. Надо прямо сказать, что «верхи» летом 1682 г. были деморализованы страхом, тогда как девица-царевна проявляла похвальное мужество и хладнокровие.

Доказывая Софье Алексеевне необходимость полагаться лишь на собственный богодарованный разум, Медведев утверждал, что в этом царевну поддерживают «и все управляемые ныне мудрым твоим советом» (со ссылкой на Иудифь 10, 8). Эта поддержка объясняется тем, что раз «Бог в сем солнечном дому Вашего пресветлого величества пребывает всегда, то и вся благая с ним в сердце твоём слагаются».

Толкование темы *совета* помещено после рассуждения о *премудрости* не произвольно, но в соответствии с составом «добродетелей» (*даров Святого Духа*), приписываемых Софии-Премудрости иконографическим каноном⁴⁴⁴. Наличие этих «семи столпов» дома Премудрости служит доказательством правильности аналогии София — Софья и атрибуции царевне казуса получения преимущественного права на власть Богом вдохновенным лицом. Состав «семи добродетелей» толковался с разночтениями⁴⁴⁵,

⁴⁴³ См.: *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII в. М.-Л., 1946; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975.

⁴⁴⁴ См. толкования: РГБ. Музейное собр. № 578; РНБ. Собр. ОИДР. № 208; и др.

⁴⁴⁵ См. прориси икон в статье *Г.Филимонова*, изображения и подписи на портретах царевны Софьи Алексеевны (*Ровинский Д.А.* Словарь граверов. Т. II. Стлб. 987; *он же*. Материалы для русской иконогра-

поскольку в исходном тексте (Исайя) отсутствует четкая формулировка, но лишь в пределах терминологии для обозначения определенных качеств. Обращаясь к Софье в 1682 г. Медведев был более традиционен, чем в приписываемом ему более позднем сочинении⁴⁴⁶, и как другие авторы его времени вслед за даром *Премудрости* поместил *Разум* и *Совет*⁴⁴⁷. Но если иные авторы, как увидим далее, наделяли царевну дарами Святого Духа для проведения аналогии между Софьей Алексеевной и Софией-Премудростью Божией, то Сильвестр использует то же средство для доказательства *посещения* правительницы Премудростью, создавая оригинальную и сильную концепцию.

Следующая добродетель (*Крепость* или *Мужество*) не могла не стимулировать риторический талант Медведева. Говорить об этом даре применительно к девушке на Руси было сложно в силу традиционного представления о девической недееспособности⁴⁴⁸, а царевна к тому же являлась «ззорным лицом», не имевшим права показываться на людях. Словом, перед Сильвестром встала задача, достойная этого смелого мыслителя и остроумного полемиста: не покривив душой, он должен был прояснить отношение девицы царского дома к дару Крепости, не противореча традиции, но к вящей славе Софьи Алексеевны!⁴⁴⁹

Аллегорическую часть наррации Медведев открыл притчей о неискusном зодчем, создавшем себе «храмину» без окон: обнаружив, что в доме темно, чудаки взяли мех, стал ловить им солнеч-

фии. Вып. 1—12. СПб., 1884—1890. № 2; еще три современных портрета царевны находятся в экспозициях Русского и Государственного исторического музеев).

⁴⁴⁶ В подписях к портрету Софьи Алексеевны гравера Тарасевича см.: *Ровинский Д.А.* Словарь граверов. Т. II. Стлб. 987.

⁴⁴⁷ [Богдановский И.] Дары Духа Святаго; *Картион Киевский*. Панегириис или похвала / *Браиловский С.Н.* К вопросу о литературной деятельности русских писателей XVII столетия, носивших имя «Картион» // ИОРЯС. 1909. Кн. I. С. 37—58.

⁴⁴⁸ Тем более сильного, что русские мужи испокон веков подсознательно ужасались женскому хитроумию: *Демин А.С.* Художественные миры древнерусской литературы. М., 1993. С. 47—51; *он же.* Ужасное и саркастическое // Чтения по истории русской культуры. М., 2000. С. 83—89.

⁴⁴⁹ Удивительно, что эту смелую и справедливую оценку Софьи упустила из виду Линдси Хьюз, автор большой и красивой книги в оправдание и похвалу царевне: *Hughes, L.A.J.* Sophia, Regent of Russia: 1657—1704. New Haven-London, 1990.

ные лучи и носить их в дом. Так бы и сидел он в горестном недоумении, если бы не получил от прохожего совет иссечь в стенах окна. Этот поворот темы «дома» дал Сильвестру основание для гневной тирады против самодовольных безумцев, разъясняющей его позицию в предшествующем толковании Совета: «Суть и ныне домы, не имущия окон добродетельных, в ня же обыкоша мехами вноситься светлости различные. Но всуе труждаются, ибо никогда сии света дом свой исполняют, никогда рачением пристрастей мирских удовлетворяются, мняще себе свет быти — тьма суть!»⁴⁵⁰

В противоположность им Софью Алексеевну «достойно и праведно нареци домом солнечным, светлости истиннаго солнца Бога наполненным», в который не мехами носят свет, не пытаются разогнать мрак суетой пребывающих во тьме душ: в него, как в созданный Всевышним храм, «окнами входит свет — благодать Божия». Именно дар *Благодати*, вопреки традиции помещенный Медведевым перед *Крепостью* (а не после нее), наполняет Софью светом и позволяет автору далее аналогически описать роль правительницы в государстве. Но прежде надо было решить вопрос с *Крепостью*.

Толковать это качество напрямую было бы смешно. Но что такое вообще крепость? «Окна обычне от стекла сотворены бывають,— пишет Сильвестр,— добра ко видению есть вещь стекло, добрейшая же кристаль»; если бы их крепость соответствовала красоте, стеклянные и хрустальные сосуды были бы дороже серебряных и золотых. Между тем, стекло делают из пепла, а хрусталь, как рассказывает Плиний Старший (кн. 37, гл. 22), возникает на высочайших горах из снега и льда (что подтверждает и князь Людовик Мантуанский). Хрусталь — символ победоносного терпения. А такая «худая вещь», как пепел, превращается в прекрасное стекло огнем.

В Софье Алексеевне — энергично развивает мысль Сильвестр — огонь любви Божией из пепла нижайшего смирения творит пресветлое стекло. Хотя сосуд (автор не мог избежать

⁴⁵⁰ Сия тирада соответствует живописной характеристике неразумных правителей в историко-публицистической книге Медведева о событиях 1681—1683 гг. («Егда убо царский сигклит между собою в селах и о достоинствах каких или о корыстях бранятся...» и проч.): *Прозоровский А.А.* Сильвестра Медведева «Созерцание краткое...». С. 38—40).

этой ассоциации) из стекла и выглядит непрочным — «но светле соделанный в чести людстей бывает». Софья же является сосудом не из светлого просто — а из пресветлого стекла, происходящего из самого царского дома: «В чести еси дщи царска не токмо у человек, но и у самаго Бога» (по Давиду, Пс 44).

Итак, найдено нечто лучшее Крепости — найдено в «глубине премудрости Божией» — остается заполнить драгоценный «сосуд» соответствующими «дарами»: «зде положенна вера твердая, любовь к Богу и ближнему теплая, надежда непоколебимая, разум аггельский, благодать неизреченная, смирение глубокое, богомыслие выспр(ь) возносящееся... и вся известно добродетели...» Среди них — дары политические, таланты государственные, обнаруженные Медведевым в царевне, которые та должна была реализовать: *«правление царствия полезное, промышление общых добр пеленостное!»*

Благоразумно не останавливаясь более на понятии «сосуд», Медведев описывает закаленное огнем Божией любви стекло девственного смирения как драгоценный материал, из которого созданы окна душевного дома царевны Софьи. Так аллегория окна, введенная притчей о доме без окон, появляется в тексте уже в противоположном, положительном смысле. В доме Софьи Алексеевны не счесть драгоценных окон: добродетелей, вводящих в него «премногии лучи милости Божии».

«Милостыня» — лучшая из этих добродетелей, красноречиво витийствует Сильвестр, доказывая, что она неотразимо действует на всех без исключения (что царевна прекрасно усвоила, сделав щедрость эффективным рычагом своей политики). Среди цитат и реминисценций из Нравоучения Иоанна Златоуста на послание к евреям (32) и Писания (Лк 6, 21; Пс 67, 14; Ис 60, 8) Софья Алексеевна не могла не обратить внимания на уподобление милостыни *царице*, делающей людей подобными Богу.

А Медведев между тем уже живописал милостыню в образе прекрасного голубя. «О! — восклицает довольный автор, сводя воедино линии ассоциаций, — Аще такова есть по Златоглаголиваго словесем милостыня, во истинну исполнь светлости Дом душевный Вашего пресветлого величества от сего единаго окна, прилично рещи, есть то Дом солнечный». Создав яркие образы дома, драгоценные окна которого *испускают* (!) свет добродетелей, и летящей птицы, которая «пернатая есть и легкая, криле имать златые, летание имущи вельми веселящее агтели», Силь-

встр Медведев на высокой ноте переходит к построению *основной аналогии*, венчающей литературное здание.

В конклюзии сочинения Сильвестра каждое слово наполнено глубоким смыслом, как «внешним», так и скрытым от непосвященных, причем эти смысловые линии хитроумно переплетаются. Тема «дома» и «голубя» объединена составной цитатой: «Пишет боговидный Исаия о некоем доме, от уст Господних глаголя: Дом молитвы моя прославится, неции же яко облацы пловут и яко голуби со птенци своими» (на поле ссыла: «Глава 60»). Начало цитаты («Дом молитвы моя прославится») указывает на основное содержание цитируемого текста, в котором предрекается слава Иерусалима («всего царствующего града»⁴⁵¹, как уточнял выше Медведев). Софья Алексеевна должна была помнить этот знаменитый текст: «Тогда сыновья иноземцев будут строить стены твои, и цари их — служить тебе... И поставлю правителем твоим мир и надзирателями твоими — правду. **Не слышно будет более насилия в земле твоей, опустошения и разорения — в пределах твоих**» (Ис 60; выделено мной. — А.Б.). Продолжение цитаты («неции же яко облацы пловут и яко голуби со птенци своими» — Ис 60, 8) развивается Медведевым с помощью Вульгаты: «По Иеронимову же переводу чтется: Яко голуби ко окнам своим». «Окна» есть не что иное, как «окна щедрот Вашего пресветлого величества солнечного дому», к которым обращены надежды всех россиян. Софья Алексеевна, таким образом, выступает общепризнанной спасительницей, залогом спокойствия, благополучия и славы «всего царствующего града Москвы».

Понятно, что если окна царевниных добродетелей столь ярки и привлекательны, они должны приковать взор *орла*, который, по легенде, особенно любит смотреть на солнце. Потому «**високопарящий Орел преславныя державы Российской... ко сему солнечному дому, Вашему пресветлому величеству, обращает свои очи и неситне лучами Премудрости и разума твоего насыщается**». Казалось бы, роль и положение царевны Софьи Алексеевны в государстве прорисованы достаточно ясно, но эстетические запросы литератора требовали, чтобы заключи-

⁴⁵¹ Хотя Новым Израилем правильно было называть христианство в целом (или хотя бы православие), аллегорию традиционно относили к России; соответственно, Новым Иерусалимом считалась Москва.

тельная аналогия была детализирована, как картинка — часто именно картинка⁴⁵² и сопровождала подобный текст! Медведев не мог не создать *наглядный образ* места царевны в структуре государственной власти.

Автор припомнил историю о царе Эпира Пирре, стремительностью и победоносностью заслужившего прозвание «Орел». Сам Пирр адресовал сию похвалу воинам, говоря, что благодаря им стяжал славу и орлиное имя: «Ваши оружия аки криле в толикую мя честь возносят!» Подобным образом Орел Российского царства имеет две *главы* — царей Ивана и Петра Алексеевичей, «возносится» же *крыльями* добродетелей женской половины царственного дома (цариц и царевен), среди которой царевна Софья Алексеевна играет выдающуюся, исключительную роль *светоча*, сосредоточившего на себе орлиный взгляд, источника Богом данной мудрости и рассмотрения.

Итак, вот картина Божественной премудростью устроенной власти, обещающей спасение и процветание охваченному смутой государству: «Сугубоглавнаго Великаго государства Российскаго Орла суть две главы — пресветлые государи наши цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России самодержци, их же Бог в Троици славимый трема венча венцами⁴⁵³. Криле же сего — суть благовверные государине царицы, благородные государине царевны, иже возносят его славою добродетелей в поднебесную. Но очеса своя Орел тот Российский безпрестанне на солнечный дом, аки на самое по свойству своему солнце, на Ваше пресветлое величество обращает и светлостию Богом данная ти мудрости и рассмотрения увеселяет свое сердце. О сем Дому всем сподобшимся превеличайших благодатий Вашего пресветлого величества мощно со Царствующим пророком вопити: Исполнимоя во благих дому твоего!»

Усложненное содержание сочинения Сильвестра Медведева, использовавшего очевидное толкование имени царевны Софьи лишь в качестве исходного пункта для создания разветвленной системы духовного обоснования власти правительницы,

⁴⁵² Именуемая, подобно текстовому заключению, **конклюзией**.

⁴⁵³ Автор, видимо, не случайно упоминает о том, что на российском гербовом орле было три короны: две над орлиными головами и еще одна между ними (венцы Великой, Малой и Белой России). Центральная корона сама «просилась» для правительницы.

определялось конкретно-политической ситуацией и личными пристрастиями литератора. Ведь Медведев выступил на стороне царевны в то время, когда ее положение в структуре государственной власти далеко не было ясным и общепризнанным.

Вернемся к сочинениям придворного поэта Кариона Истомина, отлично разбиравшегося в дворцовой конъюнктуре, и посмотрим, как оценивали царевну сторонние наблюдатели. После дворцового переворота 27 апреля 1682 г. Истомин обращается к новому царю Петру с просьбой о реализации утвержденного царем Федором проекта Академии. Разумеется, «Книга, желательна приветство мудрости» была оформлена в виде большого панегирика, где юный царь получает похвалы и наставления от Господа, Богородицы и своей известной властолюбивой матери, царицы Наталии Кирилловны Нарышкиной.

Придворный поэт не преминул достойно похвалить царицу, но не успел еще дописать книгу, как под давлением восставших москвичей на престол был наречен еще один царь — Иван Алексеевич. Истомин переработал текст, изменил формулировки, касающиеся царствования («мое» на «наше» и т.п.). Однако, учитывая неустойчивое положение Ивана Алексеевича, панегирист обращался главным образом к Петру и его матери. Лишь в «Изъявлении кратком меростихосложенном на венчание царскими венцы... Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича», написанном к торжествам коронации 25 июня, старший царь был поставлен на первое место⁴⁵⁴.

О царевне Софье Алексеевне Истомин не упоминает, хотя «ззорное лицо» играло видную роль в политических событиях. Впрочем, в подобном умолчании придворный поэт был не одинок. Даже сторонник царевны князь В.В.Голицын и его сотрудник дьяк Е.И.Украинцев упоминают об участии Софьи Алексеевны в государственных делах в своих конфиденциальных письмах не ранее конца июля 1682 г.⁴⁵⁵ Лишь после того, как Софье удалось вывезти царскую семью из восставшей Москвы и жителям столицы во главе со стрельцами была противопоставлена огромная дворянская армия, не ранее середины сентября, имя царевны появляется в государственных документах⁴⁵⁶. Но

⁴⁵⁴ Памятники. № 1, 2, 5

⁴⁵⁵ Восстание в Москве 1682 года. С. 46—48, 66—69.

⁴⁵⁶ Подробнее о признании власти Софьи Алексеевны см.: *Богданов*

и когда Софье Алексеевне с союзниками удалось «утишить» Московское восстание, и двор торжественно вернулся в столицу, позиция правительницы во дворце оставалась весьма шаткой.

«Стрельцы,— доносил королю датский посланник Гильдебранд фон Горн 28 ноября,— ...наконец подчинились приказу великих государей, неизвестно лишь, удалось ли этой мерой все уладить. Несогласия между вдовствующей царицей и старшей принцессой (Наталией Кирилловной и Софьей Алексеевной.— А.Б.) с каждым днем множатся, а оба государя, которых подстрекают мать и сестра, начинают посматривать друг на друга с неприязнью. Таким же образом разделились и бояре, причем большинство их, как и большинство молодого дворянства, склонилось к стороне Петра Алексеевича. Некоторые, впрочем, крепко держатся за старшего, как и большая часть плебса, хотя и скрытно, но, как чувствуется, основательно. И, безусловно, должно совершиться чудо Господне, чтобы в ближайшее время не стряслось здесь великого несчастья!»⁴⁵⁷

Между тем, проницательный Карион Истомина 12 ноября уже поднес царевне Софье переработанную *«Книгу, желательного приветствия мудрости»*, признавая тем самым, что, в отличие от весны и лета 1682 г., акции ее заметно возросли. Однако, прося царевну убедить братьев-царей утвердить проект Академии, придворный поэт не сопровождал «Книгу» приличествующим панегириком адресату. Это упущение все более беспокоило Кариона Истомина по мере того, как правительница укрепляла

А.П. К вопросу об авторстве «Созерцания краткого лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве» // ИИИ СССР. М., 1987. С. 127—129. Подтвердивший мои наблюдения источниковед ошибся, полагая, будто в этой статье «историк утверждает, что 29 мая Софья Алексеевна все-таки получила «формальное право на власть» (Лавров А.С. Регентство царевны Софьи Алексеевны: Служилое общество и борьба за власть в верхах Русского государства в 1682—1689 гг. М., 1999. С. 72—78, цит. с. 73). Я лишь счел долгом *отровернуть* и маловероятное предположение, «что, получив 29 мая формальное право на власть, Софья Алексеевна не успела его реализовать и была оттеснена» (С. 123). Возможно, статья излишне сложна, но вывод, что «восстание не дало царевне Софье формальных признаков власти», сформулирован мной и во многих вполне доступных работах (Правление царевны Софьи // Новодевичий монастырь в русской культуре: Материалы научной конференции 1995 г. М., 1998. С. 32; и др.).

⁴⁵⁷ *Богданов А.П.* Московское восстание 1682 г. глазами датского посла. С. 89.

свои политические позиции. Некоторое время спустя он подал царевне униженную просьбу вернуть сочинение на переделку.

28 июня 1683 г. новая (четвертая по счету) редакция «Книги, желательного приветствия мудрости», вдвое увеличившаяся в объеме за счет похвал царевне, была поднесена Софье Алексеевне. Истомин признает, что она правит, «имуща власть и во всем господство», «побеждая лести и злобу тиранства». Автор утверждает, что столь мудрая правительница «свыше Российску царству дарованна»:

«Россам дал Господь Софию царевну
Разум яко Пульхерию древнюю».

Комплименты придворного поэта основаны на признании допустимости участия **девы** в политической жизни (о чем свидетельствуют благотворные примеры византийских правительниц Пульхерии и Феодосии, известных русскому читателю того времени больше, чем Елизавета I Английская). Именно девство Софьи Алексеевны, позволяющее поэту сравнивать ее с сестрой Моисея Мариам, благочестивое девство, уподобляющее царевну невесте Христа (монахине), способствовало тому, что она удостоилась спасти «от напасти» Русскую православную церковь по примеру ветхозаветной Деворы. Однако заслуги правительницы перед Церковью и государством являются, главным образом, следствием ее мудрости.

Русский литератор конца XVII в. не мог пройти мимо столь очевидной именной ассоциации, как София — Мудрость, тем более, что Карион всей своей «Книгой» просит царевну «о учении промысл сотворити, Мудрость в России святу вкоренити»⁴⁵⁸. Мудрость для Истомина свята и духовна, она вбирает в себя Святую Премудрость Воплощения и познание Спасения, духовное и светское знание и умение, в частности, *государственное руководство*. Именно в последнем проявилась освященная девством мудрость Софьи Алексеевны.

Мудрая царевна, по словам Истомина, смогла принимать спасительные решения во время разгула «злодеев», в условиях, которые были невыносимы и для мужчин. Она испытала на себе плоды мудрости, когда добрыми речами умирjala пламя Московского восстания и бунт староверов. Поистине, мудрость

⁴⁵⁸ *Брайловский С.Н.* К вопросу о литературной деятельности... С. 14—36 (цит. с. 16).

«хранит ее от всякой трудности!» — восклицал Карион; даже свирепые раскольники «против девы вещать не умели».

Нетрудно заметить, что, хотя поэт постоянно воздает хвалу девству и помнит, что «начало премудрости есть страх Господен», главным образом он имеет в виду государственный разум, проявленный царевной в бурных событиях 1682 г., когда она

«Буесть убо в злых добре укротила,

Мужемудренно (так! — А.Б.) в любовь единила».

Эта оговорка — «мужемудренно» — тем более заметна, что Истомин считал необходимым равно «учиться мужам и женам, отрокам и отроковицам» (Предисловие к «Букварю»); просветитель отнюдь не уничижал женский разум. Однако в витийстве его похвал Софье Алексеевне нет и следа ассоциации с Софией-Премудростью Божией, а тем паче какого-либо сходства с концепцией власти Премудрости, развитой применительно к земному царствию Медведевым. Не священное и спасительное для России право премудрой царевны на власть имеет в виду Карион Истомин, говоря, что Софья Алексеевна дарована возмутившемуся православному царству свыше, а только то, что она является *подходящей правительницей*. Разницу в подходах Медведева и Истомина демонстрирует помещенный в «Книге» рисунок: Христос, благословляющий святую Софию (БАН. П.І.А.8. Л. 2 об.).

Рядом с изображенной в левом верхнем углу листа фигурой Спасителя надпись, перефразирующая Исайю (44, 1); «Слыши дщи и вижди и преклони ухо твое». Сильно искаженный текст можно узнать благодаря ссылке на 44-ю главу, в которой Господь призывает Иакова и верный народ Израилев не забывать его, не бояться и не страшиться, уповать на искупление и надеяться на процветание. В нижнем правом углу под фигурой святой Софии указано, что она «Тремя украсихся и стах перед Господем: Верою, Надеждою, Любовию» (т.е. это именно София, мать св. Веры, Надежды и Любви). Святая на рисунке «говорит»: «Господи, волею твоею подаждь доброте моей силу».

Итак, для самоотверженного сторонника премудрой царевны Сильвестра Медведева имя Софьи Алексеевны ассоциируется с Софией-Премудростью Божией, а для Кариона Истомина, личного секретаря патриарха Иоакима — со святой Софией. Два мыслителя и поэта, близких в жизни и литературе по духу, разошлись в толковании имени правительницы России не случайно. Мы убедимся в этом, прислушавшись к диалогу литера-

торов периода регентства царевны при братьях-государях Иване и Петре Алексеевиче (1682—1689).

Вслед за Карионом Истоминым святой Софии уподобляет Софью Алексеевну знаменитый южнорусский ученый и публицист, стойкий защитник православия, местоблюститель Киевского митрополичьего престола Лазарь Баранович, архиепископ Черниговский и Новгород-Северский, издавший в 1683 г. книгу *«Благодать и истина»*⁴⁵⁹. Один из столпов стилистики российской литературы барокко создал достойное своей репутации произведение, синтезировавшее *«эмблематическую поэзию»* большой **гравюры** in folio⁴⁶⁰ с изящной риторикой **книги** in quarto. Сложно-аллегорическая гравюра зримо представляет образную аналогию Российского благословенного царствия, красноречиво раскрытую в литературном тексте.

«Благодать и истинна» доказывает, что процветание России связано с царствованием двух братьев, Ивана и Петра Алексеевичей, которых наставляет Христос и хранит Богородица. В аллегорической системе книги Лазаря Барановича немало текстов, ассоциированных представлением о Софии-Премудрости Божией и использованных в раце Сильвестра Медведева, однако, в отличие от московского коллеги, архиепископ ни коим образом не связывает их с именем царевны Софьи. В самом общем виде можно сказать, что имя царя Ивана Алексеевича, сопоставленного с Иоанном Предтечей, толкуется как «благодать», имя Петра Алексеевича — через его ангела апостола Петра — как «истинна»; вместе «благодать и истинна Иисус Христом быть». Искусно обыгрывая Писание и Предание, Лазарь Баранович демонстрирует «коль добро и коль красно, еже жити и царствовать двум братиям вкупе». С включением политических реалий, в частности, борьбы с турецко-крымской экспансией, стихи, проза и изображение на гравюре образуют композицию «Да хвалятся царие земстии: Аще Господь и Госпожа с нами, никто же на ны!»

Царевна Софья — святая София — принципиально отстранена от общей композиции. Ее образ не входит в представле-

⁴⁵⁹ Экземпляры этого редкого издания Черниговской типографии см.: РНБ. ОРК. Инв. № 1508; БАН. РК 36.11.17; БАН. РК 8.1.5; РГАДА. Церк. печать. № 1054; РГБ. МК. В первых двух экземплярах сохранилась вкладная гравюра-конклюзия.

⁴⁶⁰ Гравер Иннокентий Щирский. Воспроизведение см.: *Ровинский Д.А.* Материалы... № 3.

ния автора о формальной структуре верховной власти в России, а в небесном отражении Российского царствия поставлен гораздо ниже аналогов братьев — Ивана и Петра. Впрочем, в заключительной аналогии — текстовой конклюдии — святая София вообще отсутствует. Вместо нее там представлен патриарх Иоаким с царицами Наталией Кирилловной Нарышкиной и Марфой Матвеевной Апраксиной (вдовой Федора Алексеевича); по небесным аналогам — Моисею и Иисусу Навину — архипастырь также возведен выше правительницы Софьи Алексеевны.

Лазарь Баранович не преминул заметить, что не видит формальных оснований регентства Софьи. «Божия Премудрость,— пишет он,— усмотре в царском дому Божию мудрость Софию, яже всегда горняя мудрствует, а не земная» (выделено мной.— А.Б.). Между тем, композиция *гравюры-конклюдии* могла, как будет показано в следующем параграфе, толковаться совершенно по иному, если учесть тесную ассоциацию имени царевны с Премудростью Божией (от чего в тексте автор отказывается): по киевскому канону Премудрость представляется образом Богородицы — апокалиптической жены с орлиными крыльями, стоящей на месяце и окруженной сиянием,— именно этот образ является ключевым в гравюре, господствуя над образами царей и всего царствия. В своих текстах лидер украинского духовенства совершил ошибку, отказавшись считать Софию Алексеевну чем-то большим, нежели возможной советчицей братьев-царей, и заявив об этом не только в посланной в Москву книге, но и в письмах⁴⁶¹. Укрепив свои политические позиции, регентша пошла на союз с патриархом Иоакимом в деле уничтожения церковной автономии Киевской митрополии⁴⁶². Поставленный в Москве митрополит Гедеон Четвертинский не преминул учинить притеснения защитникам автономии во главе с Лазарем Барановичем; сам-то Гедеон называл Софию Алексеевну «соцарствующей» царевной!⁴⁶³

К этому времени (1686 г.) регентша открыто правила страной; имя Софьи Алексеевны писалось даже в царском титуле: как на государственных документах, так и в челобитных. Ученик Лазаря Барановича Иоанникий Галятовский попытался ис-

⁴⁶¹ Письма Лазаря Барановича. Чернигов, 1865. Изд. 2-е. С. 227.

⁴⁶² См. выше: гл.1. Прим.125.

⁴⁶³ *Лермонтова Е.Д.* Самодержавие царевны Софьи... СПб., 1912. С. 428.

править ошибку учителя, посвятив свою книгу «*Боги поганские*» «благочестивой царевне русской и великой княжне московской»⁴⁶⁴. Уподобив царский дом небу, автор сравнил царей с солнцем, цариц — с месяцем, царевен — со звездами, заявив (не без некоторого смущения чувств), что «в дому пресветлых царей русских бывает затмение солнца и месяца».

Ученый литератор Иоанникий Галятовский не ограничил похвалы Софье Алексеевне этим прозрачно-двусмысленным заявлением. Для похвал царевне он использовал множество примеров из римской истории и патристики, наконец, уподобил регентшу Премудрости Божией, наставляющей царей Иоанна и Петра. В том же 1686 г. Галятовский углубил это уподобление в изящной ученой книжице «*Sophia madrosr*», анализирующей тему «Премудрость построила себе дом»⁴⁶⁵.

В столице Российского государства могущество регентши было еще более очевидно. Приехавшие в Москву с Востока ученые греки Иоанникий и Софроний Лихуды, обращаясь 16 сентября 1686 г. к Софье Алексеевне «в день ее рождения» (точнее — именин) с *панегирической речью* на латыни, говорили уже о царской троице⁴⁶⁶. Они славили правосудие «*qui te Reginam*» («во время твоего царствования») и другие замечательные качества Софьи Алексеевны, особенно ярко сияющие «в царях» («*in Regibus*»), употребляя, впрочем, и понятие принципата («*esse te principium*») и обращаясь к царевне-императрице («*Imperatricis*»).

Очевидно, что Лихуды не могли разобраться в сложной московской титулатуре, хотя в тонкости использования классических правовых понятий им не откажешь. Не меньшие трудности возникали у братьев и с литературно-богословскими аналогиями. Похвальная ассоциация имени Софии Алексеевны с Софией-Премудростью Божией, с которой в первую очередь столкнулись в Москве приезжие, не могла быть сразу усвоена греками, ибо само понятие Софии-Премудрости своеобразно развивалось в последние столетия именно на русской почве.

⁴⁶⁴ Иоанникий Галятовский. Боги поганские, в болванах мешкающие духове злыи. Чернигов, 1686. Экземпляры см.: МК РГБ; ОРК БАН; РНБ; ГИМ и др.

⁴⁶⁵ Чернигов, 1686. Микрофильм с экземпляра Краковского музея см. в МК РГБ. Ф. 7. № 65/453.

⁴⁶⁶ РГАДА. Ф. 375. № 22. Опул.: Лермонтова Е.Д. Похвальное слово Лихудов...

Иоанникий и Софроний сравнивали регентшу с греческим прототипом киевской редакции Софии-Премудрости Божией: Богородицей Орантой — Нерушимой стеной⁴⁶⁷. Дары Святого Духа: правосудие, щедрость и т.п., — воплотились у Лихудов в нравственные добродетели, восходящие к «Этике» Аристотеля. Впрочем, ученые братья были не единственными панегиристами, заблудившимся в богословских и политических аналогиях.

В начале 1686 г. подьячий Новодевичьего монастыря Осип Титов вручил царевне Софье Алексеевне изготовленный им роскошный иллюминированный список книги *«Звезда пресветлая»* с дополнениями и *панегирическим введением*⁴⁶⁸. Выбор текстов в популярном кодексе (связанных с Богородицей) мог бы навести Титова на мысль ассоциировать имя адресата с Софией-Премудростью в киевской иконографической редакции. Поднесли книгу правительнице дочери составителя — Вера, Надежда и Любовь, что должно было напомнить отцу-панегиристу о святой Софии Мудрости. Ничего этого не произошло.

Более того — Титов неожиданно отказался от именной аналогии, уподобив царей Ивана и Петра не Иоанну Предтече и апостолу Петру (как все другие авторы), а Моисею и Давиду! Рядом с ними в поднесенном регентше сочинении отведено было место патриарху Иоакиму, сопоставленному с Аароном. Сама Софья Алексеевна ассоциировалась у Осипа Титова с Деворой. По мнению автора, эти аналогии точно характеризовали соотношение властей в Российском православном царствии, которому Господь ниспослал «два великия дара — священство глаголю и царство». Забота о защите «Церкви и всего православного мира», освобождении поработанного иноверцами «христолюбиваго народа христианскаго», «о целости чистыя веры и о благолепном церковном украшении» — главная задача царей и помогающей им царевны в изложении Титова. Не удивительно, что владыка «мысленного Сиона» — Церкви — оказывается выше земных царей, высится «над сими... яко второй Аарон».

Незадачливый панегирист, дерзнувший после печального опыта патриарха Никона вознести «священство» над «царством», был, вероятно, введен в заблуждение временным сближением правительства регентства с патриархом Иоакимом. После

⁴⁶⁷ Кондаков Н.П. Иконография Богоматери. Т. 1—2. СПб., 1914—1915.

⁴⁶⁸ Памятники. № 9 (текст и комментарии).

борьбы с раскольниковым бунтом летом 1682 г., Софья Алексеевна в 1685—1686 гг. вновь должна была действовать совместно с церковными властями в многосложной борьбе за подчинение Москве Киевской митрополии и православного духовенства на территории Речи Посполитой. Потому, видимо, Осип Титов и осмелился предложить царевне Софье откровенное изложение своих взглядов, наивно рассчитывая встретить одобрение. Однако дворцовые расходные книги не свидетельствуют, что Осип был пожалован за свои немалые труды, в отличие от известного придворного композитора Василия Титова, который в следующем году поднес правительнице изящную книжицу положенной им на ноты «Псалтыри рифмованной» Симеона Полоцкого»⁴⁶⁹. Благоразумный Василий ограничился кратким *стихотворным посвящением* книги «Премудрой Софии Алексеевне».

В 1687 г., в период наивысшего взлета царевны, спор между Мудростью и Премудростью в толковании ее имени все более склонялся в пользу Премудрости. Поднося Софье Алексеевне 13 марта свою книгу «*Боговидная любовь*», Карион Истомир снабдил ее *стихами к святой Софии* с дочерьми, которые должны помогать тезоименитой царевне и защищать ее. В стихотворной же *раце*, читавшейся учениками Заиконоспасского училища при вручении книги, поэт ассоциирует Софию Алексеевну с Премудростью Божией (по новгородскому канону):

«Имя бо дево мудрозванно твое,
Сын Божий славит в тебе имя свое».

Это и понятно, раз придворный литератор признал, что «ладычица zde София царевна» — без упоминания о царях!⁴⁷⁰

На следующий день, 14 марта, крупный публицист, историк, композитор и поэт Игнатий Римский-Корсаков, архимандрит Новоспасский⁴⁷¹, вручил регентше книжный вариант своей пламенной речи, произнесенной перед полками, ушедшими в

⁴⁶⁹ БАН. П.1.А.66. Посвящение на л. 6.

⁴⁷⁰ Памятники. № 14 (текст и комментарий).

⁴⁷¹ См.: Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено...». Гл. 7; Богданов А.П. Первое ученое родословие в России. С. 16—22; *он же*. Творческое наследие Игнатия Римского-Корсакова // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1993. Вып. 6. С. 165—248; *он же*. Европейский историк в России XVII века // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. М., 2000. С. 69—86. Ср.: Игнатий Римский-Корсаков. Генеалогия / А.П.Богданов. М., 1994.

Крымский поход⁴⁷². Обещая православному воинству славную победу в жестокой войне с Турцией и Крымом, Игнатий, в частности, уповал на небесное заступничество Иоанна Предтечи, которому тезоименит царь Иван Алексеевич, и апостола Петра, ангела Петра Алексеевича.

Воистину, утверждал Римский-Корсаков, «по подобию небеснаго царствия даде им Бог скиптр земнаго начальства: управляемо бо убо и хранимо Российское царствие мудростью неизреченныя Софии, еже есть Премудрости Слова Божия». Софии-Премудрости тезоименита должным образом восхваленная автором царица Софья Алексеевна. Именно она «имеет себе оную неизреченную Софию (еже есть Премудрость) Слово Божие, яко тезоименита, крепость, и утверждение, и избавителя — великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». Под таким управлением и хранением Российское царство, обещал Игнатий в рассмотренном выше «Слове», должно не только добиться победы и установить «глубокий и неотъемлемый мир», но и расширяться до пределов Вселенной.

Цари, сияющие, как солнце, вторил Игнатию проповедный глас *«Воскресного слова»* Иоанникия и Софрония Лихудов 27 марта 1687 г., разгромят мусульман, примут под свою державу престол Константинополя и окажутся «вся Вселенная по достоинию самодержцы»⁴⁷³. А царице Софье Алексеевне, говорили Лихуды, уже устроен на небесах венец и скипетр, ибо она утвердила «скиптры отеческия... в премудрости и мужестве». Не решаясь еще раз погрузиться в дебри малопонятной грекам российской богословской традиции, Лихуды не толкуют имен, ограничившись сравнением регентши с Юдифью, Сусанной и Деворой. Они и без всяких аллегорий утверждают, что Софья Алексеевна «известнейший скипетр» своим братьям, что она руководит ими и государством «яко чадолюбивая мать», затмевая своей славой всех прежних правительниц в мире.

Похвалы регентше звучали крещендо, слившись в победную симфонию к дню ангела Софьи Алексеевны 17 сентября. К этому дню было приурочено вручение правительнице книги Кариона Заулонского (Киевского), по указу патриарха Иоакима проходившего обучение в Киево-Могилянской коллегии. В

⁴⁷² Памятники. № 15 (текст и комментарий).

⁴⁷³ Памятники. № 17 (текст и комментарий).

1686 г., когда Карион приезжал в Москву, он еще не считал необходимым создавать панегирик регентше. Тогда он поднес патриарху Иоакиму свою книгу *«Имя новое»* с *панегирическим введением*, не упомянув имя царевны Софьи Алексеевны даже в царском титуле⁴⁷⁴.

В новой книге Карион Заулонский не скрывает, что год назад славил царей. Наоборот, он спешит сообщить, что «в мимошедшее» 1686-е лето писал об именах царей Ивана и Петра Алексеевичей; *«Панегирус»* Софье Алексеевне 1687 г. является как бы продолжением толкований имен ее братьев, завершая и венчая собой нарисованную автором картину «Московского царствия», в котором София-Премудрость неизмеримо возвышается над властью и подданными. Упоминание о прошлогоднем (не найденном пока в архивах) толковании имен царевнинных братьев было необходимо, поскольку в тексте «Панегируса» осторожный Карион все же не осмеливается на прямое сопоставление Софьи с Иоанном и Петром. Впрочем, его позиция обозначена весьма четко.

*«Панегирус или похвала.— написано в заглавии книги.— Украшение престола великоцарствующего града Москвы, или: самодержавная власть пресветлейшия великия государыни благородныя царевны и великия княжны Софвии Алексеевны»*⁴⁷⁵. В отличие от Сильвестра Медведева, автор мог прямо прославлять государственную власть регентши, имя которой толковал как «Мудрость», но свои похвалы Карион Заулонский разворачивает с помощью тех же библейских текстов, относящихся к Софии-Премудрости Божией и позволяющих обосновать преимущественное право «богодухновенного лица» на власть.

В предисловии или вступлении к «Панегирису» автор развивает мысль, что «ничто же таково изобретается в сотворенных вещах, еже бы своего чинно не имело украшения» — будь то на небе, на земле, в отдельных царствах. Приводящие всех в изумление мудрость и милость царевны Софьи Алексеевны, — лучшее украшение престола Российского государства. Мудрость ее столь велика и неисповедима, что это качество, «в девственном

⁴⁷⁴ ГИМ. Синодальное собр. № 471 (256). Введение опубликовано: Памятники. № 10. Царский титул в заглавии книги на л. 1—1 об.

⁴⁷⁵ БАН. П.1.А.9/32.5.25. Текст опубликован: *Брайловский С.Н.* К вопросу о литературной деятельности... С. 40—58.

составе — *мужское и вящие мужского*», могло быть подано только «от небес».

В дальнейшем изложении Карион Заулонский не раз перекликается с Сильвестром Медведевым. Так, правительница в «Панегирисе» освещает Московский престол «светлостию лица своего», украшает его как качествами, так и делами. В первой части книги автор рассказывает, как украшает престол Москвы *имя* Софьи Алексеевны, толкуемое Мудрость, цитирует Сираха и другие библейские тексты и показывает, что Софья выше всех на престоле. Во второй части панегирика повествуется «О украшении великоцарствующего града Москвы от различных *дарований* Духа Святаго, в пресветлейшей мудроименитой великой государыни... Софии Алексеевне изобретающихся» (выделено мной.— *А.Б.*). В третьей части книги автор сообщает о том, как украшается град Москва *делами* царевны Софьи — плодами Мудрости (то есть Софии-Премудрости Божией). Завершает книгу «Слово молитвенно вручательное к... Софии Алексеевне», в котором делается вывод, что раз Бог так прославил тезоименитую Мудрости царевну, то она самим *Богом избрана на царство*.

Такая оценка правительницы и в особенности признание ее права на царский престол были далеко не всеобщими. Например, ректор Киево-Могилянской коллегии, где учился Карион Заулонский, напечатал панегирик двум царям и Софье только в 1688 г. Хотя книга Варлаама Ясинского называлась «*Три венца*», в ней имелись в виду «венцы молитвенные», а не государственные. Более того, привычно толкуя имя царя Ивана в качестве земного прообраза Иоанна Предтечи и сравнивая царя Петра с апостолом Петром, Ясинский видел небесный аналог царевны Софьи в «нижестоящей» по сравнению с ними святой Софии. Разумеется, автор хвалил Софью Алексеевну с должным усердием, но отказывался ставить регентшу на одну доску с царями⁴⁷⁶.

Именно общественное мнение должно было заставить активных приверженцев царевны Софьи во главе с ее фаворитом Федором Леонтьевичем Шакловитым отложить планы коронации царевны, которые они, предположительно, хотели осуществить в 1687 г. Во всяком случае сторонникам Софьи Алексеевны пришлось со всей серьезностью продумать меры по укреплению популярности ее правления в различных слоях московско-

⁴⁷⁶ *Варлаам Ясинский*. Три венца. Киев, 1688. Экземпляр в МК РГБ.

го общества. История прихода Софьи Алексеевны к власти, написанная Сильвестром Медведевым при деятельной поддержке самого Шакловитого, с помощью множества документов прославляла заслуги премудрой царевны перед государством и Церковью⁴⁷⁷. Идеи, выраженные еще в похвальной рацее 1682 г., были развиты Медведевым на конкретном историческом материале; книга переписывалась и распространялась⁴⁷⁸. Регентшу прославляли и словом, и делом. Среди мероприятий неутомимого Федора Шакловитого по прославлению правительницы был заказ «книги и листа (большого формата гравюры.— А.Б.) к похвале великой государыне» (о гравюрах еще пойдет речь ниже).

Зимой 1689 г. экземпляры изданной по этому заказу **книги** Иосифа Богдановского «*Дары Духа Святаго*»⁴⁷⁹ были доставлены в Москву. Книга доказывала, что царям Ивану, Петру и царевне Софье, самодержцам российским, дарована «от Господа» держава и сила — Премудрость же посетила одну Софью Алексеевну, и это высший дар Бога. Потому автор, видящий на московском престоле *трех* лиц в венцах, славить решил *одну* правительницу.

Иной весь век свой трудится, говорилось в книге, чтобы достигнуть малой части мудрости, а Софье с именем ее дана мудрость Духом Святым; она смолоду прославилась во всем государстве, с ней люди издавна связывают надежды на расширение Российского царства, возвышение славы христианской, покорение гордости поганской. Автор доказывает, что полученные царевной *дары Духа Святаго*, дающие ей преимущественное право на владычество, были использованы премудрой правительницей сверх всяких ожиданий.

Мудрость Софьи Алексеевны проявилась в утишении мятежного народа; *разум* сказался в отправлении российских войск во главе с В.В.Голицыным на войну с турками и татарами; *совет* позволил вести успешную внешнюю политику и заключить Вечный мир с Речью Посполитой; *крепость* выразилась в укрепле-

⁴⁷⁷ См.: Чистякова Е.В., Богданов А.П. «Да будет потомкам явлено...» Гл.8; Богданов А.П. Сильвестр Медведев // ВИ. 1988. № 2. С. 84—98; *он же*. Перо и крест. Гл. 4; *он же*. Летописец и историк конца XVII века. С. 63—143.

⁴⁷⁸ Подробнее см.: Богданов А.П. К вопросу об авторстве «Созерцания...»; *он же*. К истории текста «Созерцания краткого» // ИИИ СССР. М., 1983. С. 127—161.

⁴⁷⁹ Чернигов, 1688. Полный экземпляр: РГАДА. Церк. печать. № 2927.

нии православия, защите его от папской унии; *благочестие* отразилось на украшении заботами царевны церквей и монастырей; *ведение в законе Господнем* есть укрепление греко-российской веры против ереси и помощь патриарху Иоакиму; наконец, *страх Господень* — это многочисленные добродетели царевны.

При московском дворе было распространено всего около десяти экземпляров книги, зато суммировавший ее содержание большой **офорт**, изготовленный знаменитым гравером Леонтием Тарасевичем, был отпечатан по приказу Шакловитого в сотне экземпляров. Среди пышных аллегорических изображений на гравюре выделялись образы царей Ивана и Петра и царевны Софьи, на которую «изливались» дары Духа Святого, свидетельствуя, что она избрана и выделена Премудростью среди земных правителей. Гравюра печаталась не только на бумаге, но также на атласе, тафте и других дорогих материях и раздавалась сторонникам Софьи при дворе, среди стрельцов и видных горожан. Однако ее символика не была достаточно понятна людям, не знакомым с ученой литературой барокко. Сам Шакловитый, прежде чем распорядиться печатать тираж, пришел к Сильвестру Медведеву удостовериться, «какая похвала написана великой государыне благоверной царевне?»

Медведев, взглянув на пробный оттиск, поразился, сколь откровенно поставлена Софья Алексеевна над царями «излиянием семи даров Духа Святаго» на нее одну. Но Шакловитому требовалась более открытая, доступная пропаганда притязаний правительницы на корону. По его указанию Медведев и Тарасевич создали новую большую *гравюру-плакат*, отпечатанный в Москве; сходный *офорт* был награвирован и издан в Амстердаме. По московской гравюре, говорил Шакловитый, «слава в Московском государстве; а по тем де листам, что напечатаны за морем, слава ей, великой государыне, и в иных государствах!»

На гравюрах был коронационный портрет Софьи Алексеевны — в полном царском облачении, со скипетром и державой в руках, с подписанием царского титула. На московской гравюре правительница вдобавок изображена на фоне государственного герба России. Таким образом, смысл гравюр был сделан понятным для всех. Однако для обоснования такого прославления Софьи Алексеевны литератор и художник вновь обратились к семи столпам Премудрости. Семь даров Святого Духа, семь добродетелей царевны изображены в медальонах вокруг портретов

в виде аллегорических фигур с подписями: мудрость, девство, правосудие, кротость, благочестие, милость и крепость. В *стихах к портрету*, напечатанному в Москве, Медведев уверял читателя, что Софья Алексеевна проявила эти дары на благо государства и Церкви столь успешно, что превзошла всех знаменитейших правительниц в истории.

Однако в то время, когда обе гравюры распространялись в Москве (из Амстердама было прислано 100 экземпляров), положение Софьи Алексеевны резко ухудшилось. Группировка, стоявшая за спиной Петра Алексеевича, рвалась к власти; число сторонников регентши таяло. Придворные панегиристы, и первым Карион Истомин, с зимы 1689 г. совершенно отвернулись от правительницы и бросились восхвалять ее соперников. К середине августа падение правительства регентства представлялось неизбежным. В этих условиях нашелся человек, не только решившийся выступить с похвальным словом Софье Алексеевне, но давший ей наивысшую во всей литературе оценку.

Это был Новоспасский архимандрит Игнатий Римский-Корсаков — ближайший друг противника Софьи, патриарха Иоакима, полемист, смело споривший с канцлером В.В.Голицыным по вопросам церковной политики, и в то же время горячий приверженец решительной борьбы с агрессией Турции и Крыма, которую вело правительство регентства.

Зная людей, окружавших молодого Петра, архимандрит родового монастыря Романовых хорошо понимал, что в случае свержения Софьи с наступлением России на юге будет, по крайней мере на время, покончено. Бескомпромиссный публицист пришел на помощь премудрой царевне, создав (или окончательно доработав) ко дню Софии-Премудрости 15 августа *«Свидетельство ко образу святых неизреченных Софии-Премудрости Слова Божия о Российском благословенном царствии»*⁴⁸⁰.

«Благословенно,— писал Игнатий,— царство Отца, и Сына, и Святаго Духа, невидимое же и видимое». Невидимое царство открывает нам Бог Духом своим; душевный человек, не приемлющий Духа Божия — юродивый безумец. «Видимое же царство — Божи(е)ю милостию соблюдаемое царство христианское: Российское царство пресветлых и самодержавнейших государей наших... Иоанна Алексиевича, Петра Алексиевича и благовер-

⁴⁸⁰ Памятники. № 32 (текст и комментарии).

ные сестры их... Софии Алексиевны, вся Великия и Малыя и Белья России самодержцев, Премудростию Слова Божия в тайне сокровеное».

Что за тайну являет Российское царство? — вопрошает Игнатий. Это божественное таинство — свидетельство о нем образа Софии-Премудрости Слова Божия. Почему образ Софии Новгородской является свидетельством «о Московском Российском царствии»? — вновь спрашивает публицист, и отвечает: «по всему»! Образом Софии-Премудрости Слова Божия новгородское духовенство с древних времен благословляло государей. Ныне этот образ является как бы *зеркалом* Российского царства, все его черты отображают благословенное самодержавие Ивана, Петра и Софьи, — утверждает Римский-Корсаков.

Центральная фигура иконы — сидящая на престоле София-Премудрость Слова Божия. Это ангел царевны Софьи Алексеевны, пророчество ее самодержавия. Царевна со своими братьями «держит скипетр самодержавства и сидит на престоле отеческом царствия своего Российскаго... зане по подобию небеснаго царствия даде им Бог скиптр земнаго начальства».

Орлиные крылья Премудрости знаменуют молитвенное восхождение к Богу теток Софьи Алексеевны, царевен Анны и Татьяны Михайловны (бывших, как известно, опорой правительницы во дворце). Поддерживаемая, как крыльями, их молитвами, Софья Алексеевна «Российское царство с братами своими великими государя сохраняет».

Семь столпов, на которых утверждается престол Премудрости, по уверению Игнатия обозначают крепкое заступничество правительницы за каноны православия, принятые семью вселенскими соборами. В руке София-Премудрость держит *свиток*: это напоминание о том, как царевна Софья Алексеевна защитила патриарха и все священство во время мятежа староверов.

Предстоящая Софии-Премудрости (Христу на престоле) *Богородица* молит Сына о всей царской семье и приносит «ко святым обителем» «благолюбивую любовь... Софии Алексеевны со благородными сестрами ея, благоверными царевнами»; образ Богородицы напоминает о сооружаемых их иждивением святых монастырях и церквях на земле Российской.

Предстоящий с другой стороны *Иоанн Предтеча* — «тезоименитый ангел есть благовернаго великаго государя нашего царя и великаго князя Иоанна Алексеевича, всеа Великия и Ма-

лыя и Белья России самодержца». А что же царь Петр? Ангела его — апостола Петра — не было среди предстоящих, однако Игнатий Римский-Корсаков не растерялся и весьма остроумно выразил свои политические пристрастия: апостола Петра на небе — и царя Петра на земле — символизирует *камень*, на котором утверждается престол Софии-Премудрости (в видимом царстве — царевны Софьи, читалось между строк)!

Шесть ангелов, восходящих к престолу Премудрости, «воистину явственно изображают» шестерых сестер Софьи, Ивана и Петра: Евдокию, Марфу, Екатерину, Марию, Феодосию и Наталию. Пребывая в девстве и благочестии, они «молят о своем государьском отеческом наследии, благочестивом христианском Российском царствии». «Все их великое самодержавное царство» виделось Игнатию Римскому-Корсакову *облаком* вокруг Софии-Премудрости, «звезды же изобразуют царского их величества ближних бояр и весь царский сигклит». Воздав хвалу армии, к которой воинственный проповедник был особо неравнодушен, он увидел ее на иконе в образе *сияния* Премудрости.

Описанное соответствие образа Софии Новгородской и отечественных властей, утверждает Игнатий, есть явное чувственное изображение «милости Божия на Московском Российском их великих государей царствии». Потому-то все обитатели Великой, Малой и Белой России, «врученнии самем небесным Царем им, великим государем», должны дружно возрадоваться «о таком всебогатом даре, каково дарование в настоящее время Российскому государству их, великих государей, царствование!»

Древний образ Софии Новгородской в истолковании знаменитого публициста безусловно свидетельствовал о том, что царевна Софья Алексеевна по праву занимает высшее положение в Российском государстве, что именно такая расстановка политических сил в «видимом царстве» соответствует царствию небесному, открытому людям Святым Духом.

Ирония истории выражалась обстоятельством, что уподобление Софьи Алексеевны Софии-Премудрости Игнатием Римским-Корсаковым, как и Сильвестром Медведевым, имевшими целью обосновать право царевны на высшую власть, относилось ко времени, когда реальная власть ее была весьма сомнительна. Вскоре царевна Софья должна была оставить кормило государственного правления и удалиться в Новодевичий монастырь. Ее регентство кончилось, но посвященные правительнице про-

изведения, разрабатывающие ассоциации, связанные с представлениями о Софии-Премудрости Божией, составили важную страницу в истории русской духовной литературы и искусства.

Усилия литераторов и художников оказали известное влияние на общественное сознание. По крайней мере аналогия Российского царства с образом Софии-Премудрости Божией сделалась настолько явной, что к концу XVII в. в новгородский канон ее иконы пришлось добавить фигуру апостола Петра⁴⁸¹. Испытав на себе прелести царствования государя Петра Алексеевича, немало русских людей желало бы видеть его камнем под престолом царствования премудрой и милосердной царевны Софьи. Не случайно стрельцы, в 1689 г. равнодушно следившие за свержением правительства регентства, уже в 1698 г. шли на Москву с мечтой о возвращении власти Софье и Голицыну. Не без основания писал много лет спустя видный деятель петровской эпохи князь Борис Иванович Куракин: «Правление царевны Софьи началось со всякою прилежностью, и правосудием, и ко удовольствию народному, так что *никогда такого мудрого правления в Российском государстве не было* (выделено мной. — А.Б.); и все государство пришло во время ее правления через семь лет в цвет великого богатства, также умножились коммерция и ремесла, и науки почали быть латинского и греческого языку... и торжествовала тогда вольность народная»⁴⁸².

ПРООБРАЗ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПЛАКАТА

Борьба в «верхах» Российского государства в период регентства Софьи породила, как мы заметили, еще одну интереснейшую разновидность публицистических памятников — большого (плакатного) формата эстампы, предназначавшиеся для пропаганды взглядов их создателей на персональную структуру власти и ее миссию. Политические гравюры отражали комплексы идей определенных политических группировок, переданных в художественной форме посредством христианских символов, аллегорий и текста. С 1683 по 1689 г. было издано **шесть** таких

⁴⁸¹ Филимонов Г. Указ. соч. С. 8.

⁴⁸² Куракин Б.И. История о царе Петре Алексеевиче // Архив князя Ф.А.Куракина. СПб., 1890. Кн. 1. С. 62. Это интереснейшее но, к сожалению, мало используемое учеными произведение, в настоящее время вновь подготовлено к изданию. — А.Б.

гравюр, объединяемых нами в две серии. К *черниговской серии* относятся две гравюры, вырезанные и отпечатанные в Черниговской типографии под руководством архиепископа Лазаря Барановича, выдающегося общественного деятеля и просветителя второй половины XVII в. *Московскую серию* составляют три гравюры, отпечатанные в Москве, и один эстамп, изданный в Амстердаме по заказу наиболее радикального сторонника царевны Софьи, окольничего Ф.Л.Шакловитого.

Знакомство исследователей с этими гравюрами имеет довольно долгую историю, причем московской серии повезло в историографии больше, чем черниговской. Ей были посвящены специальные исследования Н.А.Полевого, М.И.Семевского и М.А.Алексеевой⁴⁸³. Крупнейший вклад в изучение политической гравюры периода регентства сделал выдающийся собиратель, исследователь и издатель эстампов Дмитрий Александрович Ровинский. Он отыскал и опубликовал все дошедшие до нашего времени гравюры черниговской и московской серий. В его знаменитых «Материалах», подробных словарях русских гравюров и гравированных портретов приводятся оригинальные сведения об авторах, изыскания по вопросам происхождения гравюр и подробное их описание⁴⁸⁴.

Некоторые дополнения к трудам Ровинского были сделаны в обстоятельных каталогах В.Я.Адарюкова, А.В.Морозова, И.Л.Орлова, П.М.Попова и др.⁴⁸⁵. По вопросам происхождения гравюр

⁴⁸³ Полевой Н.А. Портрет царевны Софьи Алексеевны // Русский вестник. 1841. Т. 3. С. 694—697; Семевский М.И. Современные портреты царевны Софьи и князя Голицына // Русское слово. 1859. № 12; Алексеева М.А. Портрет царевны Софьи гравера Тарасевича // ПКНО за 1975 г. М., 1976. С. 240—247; она же. Жанр конклюдий в русском искусстве конца XVII — начала XVIII в. // Русское барокко: Материалы и исследования. М., 1977. С. 7—29.

⁴⁸⁴ Ровинский Д.А. Материалы... № 1—4, 173, 174; он же. Подробный словарь русских гравированных портретов (далее — Ровинский Д.А. Словарь портретов). Т. III. СПб., 1888. Стлб. 1531—1532, 1942—1945, 1938 и др.; он же. Словарь гравюров. СПб., 1895. Т. I. Стлб. 65; Т. II. Стлб. 982—988, 1353.

⁴⁸⁵ Адарюков В.Я. Дополнения и исправления к «Подробному словарю русских портретов» Д.А.Ровинского. СПб., 1889; Морозов А.В. Каталог моего собрания русских гравированных портретов. Т. 1—4. М., 1912—1913; Орлов И.Л. Добавления к Подробному словарю Ровинского. СПб., 1912; Попов П.М. Материалы до словника українських гравюрів. Київ, 1926; Додаток 1. Київ, 1927; Остроглазов И.М. По-

московской серии высказывались такие видные специалисты по изучаемому периоду, как Н.Г.Устрялов, И.Е.Забелин, И.П.Козловский, А.А.Прозоровский, Е.Ф.Шмурло и М.М.Богословский⁴⁸⁶.

Многочисленные заметки по истории гравюр московской серии способствовали выявлению новых источников об их создании; сам замысел распространения гравюр был связан с политической борьбой «в верхах». Вместе с тем исследователи не пришли к общему мнению по вопросам истории замысла, последовательности изготовления и авторства гравюр. Причина разномыслия крылась в прагматическом использовании письменных источников, которое давало широкие возможности как отбора фактов под исследовательскую концепцию, так и произвольного их толкования, и вместе с тем снижало действительные информационные возможности источников.

Попытки «прочтения», т.е. уяснения политического содержания гравюр, оказывались неудовлетворительными, поскольку они делались на основании произвольно подобранных текстов Библии и собственных впечатлений исследователя, без изучения исторического развития иконографических образов и их современных толкований, выявления того смысла, который вкладывали в эти образы сами заказчики и создатели гравюр.

Изучение истории политических гравюр черниговской серии значительно облегчает работа Т.Н.Каменевої, которая подробно описала издания Черниговской типографии в архивохранилищах Москвы, Санкт-Петербурга, Киева и Чернигова⁴⁸⁷. Одна из гра-

правки и дополнения к «Подробному словарю русских гравированных портретов» Д.А.Ровинского // Русский художественный архив. 1892. Вып. 1—2; *Пилипенко Б.* Ксило-гравюра Чернигівського Державного музею. Чернигов, 1925.

⁴⁸⁶ *Устрялов Н.Г.* История царствования Петра Великого. Т. II. СПб., 1858. С. 48; *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цариц. М., 1915. С. 166—168; *Козловский И.П.* Сильвестр Медведев: Очерк из истории русского просвещения и общественной мысли в конце XVII века. Киев. 1895. С. 28—29; *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев: (Его жизнь и деятельность). Опыт церковно-исторического исследования. М., 1896. С. 341—342; *Шмурло Е.Ф.* Падение царевны Софьи // ЖМНП. 1896. № 1. С. 62—63; *Богословский М.М.* Петр I. Т. I. С. 70—71; и др.

⁴⁸⁷ *Каменева Т.Н.* Черниговская типография, ее деятельность и издания // Труды ГБЛ. М., 1959. Т. 3. С. 228—284; *она же.* Орнаментика и иллюстрации черниговских изданий XVII—XVIII вв. // КИМ. М., 1974. Т. 29. С. 171—181.

вюр, отнесенная на основании данных Д.А.Ровинского к черниговской серии, упоминается в монографии М.М.Богословского. Сведения о ней позже использовал В.И.Буганов в работе о князе В.В.Голицыне⁴⁸⁸ для подтверждения мысли, что вскоре после событий 1682 г. многие лица искали покровительства князя.

Таким образом, в литературе было накоплено значительное количество разнородного фактического материала, относящегося к истории политической гравюры в России конца XVII в., однако комплекс гравюр не подвергался специальному анализу. Проведенные нами источниковедческие изыскания по вопросам замысла и происхождения политических гравюр позволяют проанализировать их содержание и публицистическое значение, представить комплекс интереснейших памятников в целом и в контексте всего состава произведений, отразивших борьбу группировок в период регентства.

Политическая гравюра зародилась в Российском государстве в результате синтеза двух культурных явлений: гравированных «печатных листов» и литературных панегириков. В XVII в., особенно во второй его половине, в России получила распространение не только гравированная книжная иллюстрация и даже целиком «лицевые» книги (вроде весьма популярного Атласа Меркатора), но и офорты с самостоятельным содержанием, отпечатанные специально и бытовавшие отдельно от книг. Гравюры на дереве, служившие не иллюстрацией или украшением к тексту, а распространявшиеся в виде отдельных листов (в основном образы святых), стали печататься в Малороссии, в типографии Киево-Печерской лавры, вероятно с начала 20-х гг. XVII в. Самые ранние из них датируются 1626—1627 гг.⁴⁸⁹ Гравюры религиозного и светского содержания, распространявшиеся по отдельности или переплетенными в тетрадки, выполняли, как и в Западной Европе, роль «книг для бедных»⁴⁹⁰.

⁴⁸⁸ Богословский М.М. Петр I. С. 397; Буганов В.И. «Канцлер» предпетровской поры // ВИ. 1971. №10. С. 149.

⁴⁸⁹ Крип'якевич Р.Л., Луцик Ф.Ф. Народні гравюри XVII ст. // Українське мистецтвознавство. Київ, 1971. Вып.5. С. 151—152.

⁴⁹⁰ Коллинс С. Нынешнее состояние России. М., 1846. Гл. XXIV; Ровинский Д.А. Русские народные картинки. Т. 5. СПб., 1881. С. 2—3; Альбовский Е. Харьковские казаки. Т. 1. Ч. 1. Харьков, 1914. С. 83; Клетников С.А. Русские гравированные книги XVII—XVIII вв. // КИМ. М., 1959. Т. 9. С. 141—142; Свенцицкая В. Украинская народная гра-

Уже в 30-х гг. такие картинки иностранного и отечественного происхождения продавались в Москве в Овощном ряду, а позже и на Спасском мосту. Они покупались не только частными лицами, но и для царевичей, для обучения и развлечения⁴⁹¹.

Отпечатанные на бумаге и материи иконы получили столь широкое распространение, что около 1683 г. патриарх Иоаким узрел в них серьезного конкурента иконам на досках и подготовил проект указа об их запрещении⁴⁹². Однако отпечатанные на бумаге антимины официально изготовлялись не только в Малороссии, но и на Государевом печатном дворе, состоявшем под патриаршей цензурой⁴⁹³.

В то же время в Киево-Могилянской коллегии складывалась традиция поздравления ректора, а затем и других «власть предержащих» посредством отпечатанного типографским способом листа (тезиса), на котором аллегорически изображались «заслуги и добродетели» поздравляемого⁴⁹⁴. К концу XVII в. относится формирование жанра **конклюдий** (*конклюдия*, — букв. вывод, заключение) — большого формата гравюр, использовавшихся в качестве объявления о дискуссии выпускников Коллегии (затем Академии) и содержащих основные положения оппонентов, выраженные в текстовой и изобразительной форме⁴⁹⁵.

С прототипами киево-могилянских тезисов был хорошо знаком бывший ректор Коллегии и местоблюститель Киевского митрополичьего престола Лазарь Баранович, с 1657 г. возглав-

виора XVII—XIX вв. // Народная гравюра и фольклор в России XVII—XIX вв. (К 150-летию со дня рождения Д.А.Ровинского). М., 1976. С. 64.

⁴⁹¹ *Снегирев И.М.* Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861. С. 9—10; *Забелин И.Е.* История города Москвы. М., 1902. С. 614—615, 622—625; *он же.* Домашний быт русских царей. М., 1915. С. 610—617. *Алексеева М.А.* Торговля гравюрами в Москве и контроль за ней в конце XVII—XVIII вв. // Народная гравюра и фольклор... С. 141.

⁴⁹² ААЭ. Т. 4. № 200; *Ровинский Д.А.* Русские народные картинки. С. 340—341.

⁴⁹³ *Покровский А.А.* Печатный двор в первой половине XVII в. // Древности. Труды Московского археологического общества. М., 1914. Т. 23. Вып. 2; *Киселев Н.П.* О московском книгопечатании XVII в. // КИМ. М., 1960. Т. 2. С. 106—119; *Свенцицкая В.* Указ. соч. С. 67—68.

⁴⁹⁴ Окончательно эта традиция оформилась несколько позже, уже в начале XVIII в. (*Свенцицкая В.* Указ. соч. С. 68.).

⁴⁹⁵ *Алексеева М.А.* Жанр конклюдий в русском искусстве... С. 13—18.

лявший духовенство Черниговской и Новгород-Северской епархии. В начале 60-х годов Лазарь Баранович высказал киево-печерскому архимандриту Варлааму Ясинскому пожелание дополнить свою издаваемую в Лавре книгу проповедей «эмблематической поэзией» — заглавным листом со сложным аллегорическим рисунком, содержание которого разъяснялось стихами и прозой в тексте книги⁴⁹⁶. Идея «эмблематической поэзии» нашла затем применение в изданиях типографии, основанной Барановичем в 1674 г. в Новгороде-Северском и в 1676 г. переведенной в Чернигов. Благодатную почву для этого представляли панегирики, печатание которых впервые было поставлено на широкую ногу в Черниговской типографии⁴⁹⁷. В 1683—1699 гг. было отпечатано восемь панегириков, из них пять относились к периоду регентства Софьи; кроме отдельных изданий, панегирики печатались и в виде обширных посвящений в литургических и богословских книгах (с 1680 по 1689 г. их вышло 10).

Книги с посвящениями делятся на две группы. К первой относятся элитарные сочинения, в которых канонические тексты писались на церковно-славянском языке, богословские рассуждения — на латинском, а стихи — на польском. Другую группу составляют книги широкого чтения, до середины 80-х годов преимущественно религиозно-пропагандистского и обличительного характера (такие как «Боги поганские...» Иоанникия Галятовского, «Руно орошенное...» Дмитрия Туптало, выдержавшее огромное число изданий и т.п.); они писались исключительно на общепонятном церковнославянском языке. То же разделение наблюдаем и среди специально панегирических изданий: часть их предназначалась для «внутреннего пользования» группы высокообразованных читателей (панегирики Барановичу, Ясинскому, Мазепе, Обидовскому и др.), другие же изготовлялись для широкого распространения — это панегирики царям и Софье⁴⁹⁸.

⁴⁹⁶ *Сумцов Н.Ф.* К истории южнорусской литературы семнадцатого столетия. Киев, б. г. Вып. 1. Лазарь Баранович.

⁴⁹⁷ *Каменева Т.Н.* Черниговская типография... С. 228—384. В статье помещен и сводный каталог изданий черниговской типографии.

⁴⁹⁸ Самим членам царского семейства, в особенности Федору и Софье, упрощения текстов не требовалось, — им посвящались и элитарные книги с наиболее сложной символикой и «смещением языцев».

**Рис. 1. Эстамп к книге Лазаря Барановича
«О пяти ранах Иисуса Христа». Неизвестный мастер.
Чернигов, 1680. Гравюра на меди, оттиск 385Х292 мм.**

А. Общий вид (с. 248)

В. Центральный фрагмент (с. 249)

С. Нижняя часть гравюры с предстоящими (с. 250)

Рис. 1 В. Богоматерь в виде апокалипсической жены на груди двуглавого орла, ошибочно принятая исследователями за изображение царевны Софьи. Обручальные кольца в орлиных клювах связывают изображение с браком царя Федора Алексеевича и Агафии Симеоновны Грушевской 18 мая 1680 г.

Рис. 1 С. Всадник, символизирующий российскую армию (Г.Г.Ромодановский?) и предстоящие: на первом плане царь Федор, царица Агафия, патриарх Иоаким, архиепископ Лазарь Баранович

«Эмблематическая поэзия» Барановича обрела политическое содержание уже в 1680 г., когда он приложил к своему богословско-назидательному сочинению, посвященному царю Федору⁴⁹⁹ две гравюры большого формата. Одна из них — «Распятие с предстоящими» — передавала в аллегоризированном виде основное содержание книги, другая являлась как бы комментарием к панегирику⁵⁰⁰. Гравюры in folio, прикрепленные (в сложенном виде) к книге в четвертую долю листа, явно предназначались для самостоятельного использования, — как обычные настенные картинки; так, по крайней мере, сочли читатели, вырвавшие легко подклеенные гравюры из большинства экземпляров книги⁵⁰¹. По общему мнению исследователей, на гравюре, комментирующей панегирик, изображена Софья Алексеевна в виде богородицы на груди двуглавого орла, царица Наталья Кирилловна, цари Иван и Петр, патриарх, митрополит и князь В.В.Голицын. При таком прочтении гравюры ее изготовление следует отнести, по крайней мере, к концу 1682 г.⁵⁰² Единственный аргумент Д.А.Ровинского, мнение которого утвердилось в литературе, состоит в том, что у Богородицы «тип головы» царевны Софьи⁵⁰³. Аргумент этот не состоятелен, — для то-

⁴⁹⁹ *Лазарь Баранович*. О пяти ранах Иисуса Христа. Чернигов, 1680. См.: *Каратаев И.* Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кириллическими буквами. 1491—1730. СПб., 1861. № 880; *Ундольский В.М.* Очерк славяно-русской библиографии В.М.Ундольского с дополнениями А.Ф.Бычкова и А.Е.Викторова. М., 1871. № 962; *Каменева Т.Н.* Черниговская типография... № 3.

⁵⁰⁰ Т.Н.Каменева предполагает, что обе гравюры вырезаны одним мастером — Иннокентием Щирским (*Каменева Т.Н.* Орнамента и иллюстрации черниговских изданий... С. 176). Однако другие исследователи не находят оснований для такой атрибуции (*Ровинский Д.А.* Словарь портретов. Т. III. Стлб. 1938—1939; *Попов П.* Матеріали до словника українських граверів. С. 128—138; *Степовик Д.* Олександр Тарасович. Становлення української школи гравюри на металі. Київ, 1975. С. 69, 86—127).

⁵⁰¹ *Каменева Т.Н.* Черниговская типография... С. 259; *Ровинский Д.А.* Словарь портретов. Т. III. Стлб. 1938.

⁵⁰² *Богданов А.П.* Литературные панегирики как источник по истории политической борьбы в России периода регентства Софьи Алексеевны (1682— 1689 гг.) // Всесоюзная научная студенческая конференция «Студент и научно-технический прогресс». Апрель 1979 г. Секция истории. Новосибирск, 1979.

⁵⁰³ *Ровинский Д.А.* Словарь портретов. Т. III. Стлб. 1938.

го чтобы его опровергнуть, достаточно сравнить изучаемую гравюру⁵⁰⁴ с современными портретами Софьи⁵⁰⁵. Очевидно, что гравюра, как и книга, посвящена царю Федору и приурочена к его женитьбе на Агафье Симеоновне Грушевской. На это указывают пророчества ангелов: «И узриши сыны сынов твоих | Сынове твой яко леторосли масличныя | Жена твоя яко лоза плодovitа»,— и подпись в двух *обручальных кольцах*, которые держит в клювах двуглавый орел: «И будет два | в плоть едину». Фигура в царском облачении в нижнем правом углу листа изображает царя Федора, а не Софью. Рядом с Федором стоит его жена Агафья Симеоновна, патриарх Иоаким и Киевский местоблюститель, из-за них выглядывает голова молодого человека в митре (а не в короне), которого Д.А.Ровинский принял за царя Петра.

В нижнем левом углу гравюры изображена победа московских стрельцов под Чигирином в июле 1678 г. Тут же орел с короной на голове клюет убегающих османов, которых всадник гонит мечом, пронзая копьем многоголового змея. Поскольку изображение битвы дано в соответствии с описанием ее в Синописе (или основанных на Синописе летописцах), на коне изображен, скорее всего, думный боярин Г.Г.Ромодановский⁵⁰⁶. Сражение — динамический центр композиции. Взгляды царя, царицы, духовенства и стоящей за ними толпы народа устремлены на битву и подвиги полководца; Богоматерь (в виде «апокалипсической жены»⁵⁰⁷) вооружена щитом и мечет в «невер-

⁵⁰⁴ О Publ.: *Ровинский Д.А. Материалы... № 173.*

⁵⁰⁵ Эти портреты, написанные маслом, хранятся ныне в Музее Новодевичьего монастыря ГИМ (инв. № 3308 — в экспозиции; инв. № 6077 находился в экспозиции ГИМ) и в Русском музее (в экспозиции). Портретное сходство с Софьей имеет и ее изображение на гравюре Л. Тарасовича (М., 1689), опубликованной: *Ровинский Д.А. Словарь гравюров. Т. II. Стлб. 987.*

⁵⁰⁶ Напомню, что Г.Г.Ромодановский возглавлял русские войска во время Чигиринских походов 1677 и 1678 гг. и его подвиги подробно описаны в «Синописе», третьим изданием которого (Киев, 1680) с прибавлением пространного описания Чигиринских походов, вероятнее всего, пользовался автор гравюры.

⁵⁰⁷ В «Апокалипсисе» представлено «великое знамение» на небе: жена, облеченная в солнце, под ногами ее луна, а на голове венец из 12 звезд (Апок. 12, 1); она бежит от «зверя», но в конце концов побеждает его. Такая трактовка образа Богоматери использовалась в отечественной иконографии: О христианской живописи // Православный собеседник. Казань, 1865. № 1. С. 100.

ных» молнии. Основная политическая мысль авторов раскрывается надписью над крыльями двуглавого орла, держащего в лапах «жезл правости» и «жезл царства» и коронуемого троичей коронами Великой, Малой и Белой России: «*На сень крылу твою надеюся*». Таким образом, в гравюре не только выражаются поздравления и благие пожелания женившемуся царю, но и проводится идея божественной миссии России—защитницы Малороссии от «басурман», как и в тексте «*посвящения*» книги.

По-видимому, первый опыт «эмблематической поэзии» с политическим уклоном был удачен, и в 1683 г. Баранович выпустил новый «лист печатный» большого формата уже вместе с книгой для широкого читателя — панегириком царям Ивану и Петру под названием «*Благодать и Истина*»⁵⁰⁸. Автор книги сравнивает Ивана с Иоанном Предтечей (знаменующим Благодать), Петра — с апостолом Петром (знаменующим Истину), а царевну Софью, которая уже приступила к управлению государством от имени царей⁵⁰⁹, — с Софьей-Мудростью (т.е. со святой Софией, «*иже тремя украсихся, и став перед господом: Верою, Надеждою, Любовию*»⁵¹⁰), которая находится несколько *ниже* по иерархической лестнице святых.

«Благодать и Истина...» целиком посвящена доказательству тезиса «*Се кол добро и кол красно еже жити и царствовати двум*

⁵⁰⁸ РНБ. ОРК. Инв. № 1508; РГАДА. Церк. печать. № 1054; БАН. РК. 36.11.17 и 8.1.5 (инв. № 487 и 488). О книге см.: *Строев П.М.* Описание старопечатных книг славянских и российских, хранящихся в библиотеке графа Ф.А.Толстова. М., 1820. № 169; *Каратаев И.* Хронологическая роспись... № 916; *Ундольский В.М.* Очерк славяно-русской библиографии. № 999; *Каменева Т.Н.* Черниговская типография... № 11. Сумцов прочел дату издания книги неправильно (как 1680 г.) и считал, что она посвящена царю Федору Алексеевичу (*Сумцов Н.Ф.* Указ. соч. С. 31).

⁵⁰⁹ См. исследование *Собакина*, произведенное по запросу Панина, который в 1776 г. из политических соображений заинтересовался, принимала ли Софья участие в делах государственного управления. Оpubл.: *Лермонтова Е.Д.* Самодержавие царевны Софьи... С. 425—445, 539—547.

⁵¹⁰ Такую же схему использовали панегиристы *Варлаам Ясинский* в книге «Три венца...» (Киев, 1688) и *Картион Истомин* в книге «Желательно приветство мудрости...» (рукопись 1682 г.): ГИМ. Чудовское собр. № 99/301. Л. 15—16; № 100/302. Л. 51 об.; вторая редакция книги 1683 г.: БАН. П.І.А.8/17.6.13, она оpubл.: *Брайловский С.Н.* К вопросу о литературной деятельности... С. 14—36.

братии вкупе». В самом конце книги содержится краткая похвала патриарху Иоакиму и лишь затем — царевне Софье. Казалось бы, позиция Барановича в отношении «регентства» расшифровывается однозначно. Однако это не совсем так. В приложенной к книге большой гравюре-конклюдзии⁵¹¹, которая, согласно заверению автора, резюмирует печатный текст, в основу композиции положен иконографический канон Софии-Премудрости Божией, интегрировавший библейские тексты о власти Премудрости над миром⁵¹².

Сопоставление гравюры с современными ей иконографическими образцами⁵¹³ приводит к выводу о том, что в основу композиции положена особая киевская редакция софийской иконы, переработанная в соответствии с замыслом авторов⁵¹⁴. Основной образ Премудрости в виде Богородицы с орлиными крыльями (символами небесного разума и апофеоза), которая имеет знаки царства и старейшинства, «ибо царствует страстьми» и «сокровенная вся ведает», смещен на гравюре вверх. Место Софии занимает Христос, который благословляет Ивана и Петра, коронованных царскими венцами. Софию — Софью коронует Бог Отец, но, что важно отметить, венцом царевны⁵¹⁵.

Ниже царей на гравюре изображен двуглавый «орел царствия Российского» с двумя сердцами (намек на двух царей). Орел помещен в *храме*, который, согласно иконографическим толкованиям того времени, создан Софией-Премудростью Божией и

⁵¹¹ Гравюра изготовлена И. Щирским (БАН. РК 36.11.17, инв. № 487). Она воспроизведена и описана: *Ровинский Д.А.* Материалы... № 3. С. 2; *он же.* Словарь портретов. Т. III. Стлб. 1520—1521 (подробно). Стлб. 1939 (кратко).

⁵¹² Библейские тексты, связывавшиеся в иконографических толкованиях второй половины XVII в. с каноном Софии — Премудрости Божией, как говорилось в предыдущем параграфе, были интерпретированы Сильвестром Медведевым в пользу царевны Софьи еще летом 1682 г. (БАН. П.І.А.6/17.4.6. Л. 5—13 об.).

⁵¹³ Подробные описания их и прописи основных редакций иконы собраны в статье Г. Филимонова (см. прим.10).

⁵¹⁴ Видимо, эти изменения не позволили Ровинскому атрибутировать композицию гравюры: он видел лишь набор несвязанных фигур, что чуждо эстампам черниговской типографии, которые всегда сюжетны; образ Премудрости он принял за «апокалипсическую жену» (*Ровинский Д.А.* Словарь портретов. Т. II. Стлб. 1938—1939).

⁵¹⁵ На гравюрах Черниговской типографии прослеживается единый тип царских венцов, венцов цариц и царевен.

утвержден семью ее добродетелями⁵¹⁶. Таким образом, гравюре придан двойной смысл: с формальной стороны, цари занимают центральное место в композиции «Да хвалится царие земстии, — аще Господь и Госпожа с нами, никто же на ны»; по существу же цари оказываются включенными в сферу влияния Софии-Премудрости Божией, т.е. Софьи Алексеевны.

Мы убедились, что Софийские тексты Библии позволяли толковать власть Премудрости двояко. Сильвестр Медведев, как уже говорилось, строил на их основе убедительную концепцию, опирающуюся на ветхозаветные прецеденты получения «богдохновенным» лицом преимущественного права на власть перед земными царями. Право царевны Софьи на «самодержавство» обосновывает и Игнатий Римский-Корсаков, толкуя икону Софии-Премудрости Божией (новгородской редакции).

Важно отметить, что Лазарь Баранович (и его ученик Иоанникий Галятовский), признавая и восхваляя реальную власть Софьи Алексеевны включением Софии-Премудрости Божией в специально сконструированную символическую систему, удерживался от наделения аналога царевны атрибутами самодержицы и не спешил ставить ее вровень с царями в формальной структуре верховной власти. Мотив признания Софьи — правительницы, советчицы малолетних царей и умолчания о Софье — претендентке на престол, замечен также в переписке Лазаря Барановича⁵¹⁷ и, возможно, свидетельствует о том, что архиепископ и глава значительной церковной группировки в этот период не был склонен поддержать курс ряда сторонников Софьи на коронацию царевны.

Политическое содержание гравюры не исчерпывается, однако, изложением взгляда на неформальную структуру верховной власти. Вокруг центральной композиции расположены сцены избиения врагов православным воинством, за спиной которого находится Киев. За подвигами христианских рыцарей на-

⁵¹⁶ Толкование изображения Софии — Премудрости Божией по списку XVI в. опубл.: *Филимонов Г.* Указ.соч. С. 7—8; ср. со списком: РНБ. Собр. Погодина. № 1558. Л. 38 об. См. также «Сказание о Софии Премудрости Божией», опубл. Филимоновым по списку XVI в.: РГБ. Музейное собр. № 578; с разночтениями по спискам XVII в.: ГИМ. Синодальное собр. № 272, 466, 559, 792, 908 (Там же. С. 8—9); ср. со списком XVII в.: РГБ. Ф.29. № 55/М— 1549. Л. 490—492.

⁵¹⁷ Письма Лазаря Барановича. С. 227.

блюдают оба царя, царицы (Марфа Матвеевна Апраксина и Наталия Кирилловна Нарышкина⁵¹⁸), патриарх Московский и митрополит Киевский, причем особо подчеркнута равенство патриарха и митрополита. Для того чтобы лучше разобраться в содержании гравюры, вспомним, что она издана как раз в то время, когда польские агенты активизировали свою деятельность, надеясь оторвать Украину от Москвы. Основными направлениями их пропаганды были следующие: власть в Москве нестабильна, она терпит наказание от Бога за то, что не помогает Австрии и Польше в борьбе с басурманами; Москва не может быть настоящим защитником Украины, так как русские воеводы по неумению и злоумышленно сдали Чигирин; прежде Киевские митрополиты ставили Московских, а теперь Московский патриарх хочет подчинить себе митрополита и т.д.⁵¹⁹ В черниговской гравюре содержится «наглядное» опровержение польской программы по всем пунктам, т.е. распространение ее на Украине было как нельзя более актуально и своевременно. Отношение создателей гравюры к структуре верховной власти логично вписывается в их национальную программу государственного объединения с Россией при сохранении церковной автономии и в пропагандистскую задачу плаката.

Тираж гравюры был не менее 100 экземпляров, причем бытовала она главным образом отдельно от книги (гравюра изъята из большинства книжек)⁵²⁰. Часть гравюр была отправлена в Москву, их получили, во всяком случае, оба царя, царевна Софья и князь В.В.Голицын⁵²¹.

Фактический глава русской дипломатии на протяжении семи лет регентства В.В.Голицын приложил немало усилий для улучшения дипломатических отношений с Польшей. К середине 1680-х годов затяжной кризис русско-польских отношений, продолжавшийся еще с половины века, был, наконец, преодолен. Подписанный весной 1686 г. в Москве Вечный мир оставлял за Россией Левобережную Украину и Киев, взятые в ходе

⁵¹⁸ Д.А.Ровинский считал, что на гравюре изображены Наталия Кирилловна и Софья Алексеевна, однако это не так: обе женщины изображены в женских платках — Софья, как царевна, не могла его одевать.

⁵¹⁹ Соловьев С.М. История России. Кн. VII. С. 356—366.

⁵²⁰ Сумцов Н.Ф. Указ. соч. С. 160.

⁵²¹ Ровинский Д.А. Словарь портретов. Т. III. Стлб. 1939.

военных действий материальные ценности и пленных; Польша получила взамен незначительную денежную компенсацию. Послам Речи Посполитой было не до денег: Турция вместе с Крымом теснила Священный союз Австрии, Венеции и Польши, и вступление России в войну пришлось оплачивать мирным договором. В нем, помимо остро интересовавших поляков вопросов о границе, оказалась статья, отдающая православное духовенство Польши и Литвы под власть Киевского митрополита; ее обсуждение не вызвало особых споров⁵²². Каково же было торжество составителя патриаршего Летописца, доведенного до 1686 г., когда он смог закончить свой труд записью: «Того ж году (в Москве.— А.Б.) посвятили в богоспасаемый град Киев митрополита Гедеона Святополка Четвертинского, ноября в 8 день»⁵²³.

Патриотическая партия украинского духовенства во главе с Лазарем Барановичем добилась в результате Вечного мира исполнения главного своего требования — оставления Левобережной Украины и Киева под властью Москвы⁵²⁴, но проиграла по второму пункту программы — сохранению церковной автономии Киевской митрополии⁵²⁵. Поставленный Москвой Киевский митрополит Гедеон Четвертинский развернул столь активное наступление на Барановича и его сторонников, что у последнего возникла настоятельная необходимость искать поддержки у центрального правительства⁵²⁶.

⁵²² Соловьев С.М. История России. С. 374—387; Буганов В.И. «Канцлер» предпетровской поры. С. 144—156; Греков И.Б. «Вечный мир» 1686 г. С. 85—98; Бабушкина Г.К. Международное значение Крымских походов 1687 и 1689 гг. С. 158—172; Богданов А.П. и др. «Око всей великой России». С. 202—214.

⁵²³ ИРЛИ. Оп. 23. № 257. Л. 979 об.; РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцева. № 413. Л. 2379; № 364. Л. 620 об. О памятнике см.: Богданов А.П. Летописец 1686 г. и патриарший летописный скрипторий. С. 64—89.

⁵²⁴ Несмотря на горячее желание видеть в составе Российского государства единую Украину, Баранович и его единомышленники, по крайней мере внешне, примирились с ее разделом, заложенном Андрусовским перемирием.

⁵²⁵ Об обстоятельствах борьбы вокруг автономии Киевской митрополии см.: Сумцов Н.Ф. Указ. соч. С. 76, 154, 160—162; Соловьев С.М. История России. С. 374—376; Кантешев Н.Ф. Характер отношений... С. 460—466; и др.

⁵²⁶ Соловьев С.М. История России. С. 402—403, 434—435; Сумцов Н.Ф. Указ. соч. С. 160—161, 164—170, 173—180; Смирнов П. Иоаким патриарх Московский. М., 1881. С. 172—216; и др.

Рис. 2. Эстамп к книге Лазаря Барановича «Благодать и истинна». Гравер И.Щирский. Чернигов, 1683. Гравюра на меди, оттиск 517X390 мм.
А. Общий вид (с. 258). В. Фрагмент верхней части (с. 259).
С. Фрагмент центральной части (с. 260).

Рис. 2 В. Царевна Софья Алексеевна в образе Софии-Премудрости Божией.

Надпись в верхнем поясе:

«И даны быша жене две криле Орла великаго».

Ниже:

«Се цариеземстии собращася снидошася вкупе».

«Держави царствия твоими молитвами утверждаются».

Рис. 2 С. Царь Иоанн Алексеевич (справа)
и царь Петр Алексеевич (слева).

Надписи

Над Христом:

«Идеже есте два собрани во имя мое ту есть посреде вас».

От Христа к Ивану:

«И успеи и царствуй».

От Христа к Петру: *«Петре любииши ли мя паси агнца моя».*

Вокруг царей:

«Се кол добро и кол красно еже жити братии вкупе».

Подходящий случай вскоре представился. В.В.Голицын, сумев заключить Вечный мир в оплату за вступление России в войну с Турцией и Крымом, воевать за чужие интересы не собирался. В 1686 г. русская армия в поход не пошла, а, выступив под давлением союзников в следующем году, ограничилась демонстрацией, маскирующей постройку крепостей для защиты отечественных рубежей от набегов крымских татар⁵²⁷. Одновременно Голицын организовал проведение усиленной пропаганды военных успехов Первого Крымского похода, рассчитывая умиротворить возмущенных союзников (особенно рваншистски настроенных магнатов Речи Посполитой) и поднять свой авторитет внутри страны. С этой целью по окончании похода в Москве проводились пышные торжества, дворяне получили значительные земельные пожалования⁵²⁸. С помощью голландского резидента Иоганна ван Келлера в Амстердаме было переведено на латинский, немецкий и французский языки хвалебное описание похода, составленное очень разумно, которое рассылалось всем европейским дворам, причем, по сообщению другого иностранного резидента, в Москве «были озабочены изданием за границею» этого сочинения⁵²⁹.

В это время в типографии Барановича был издан портрет канцлера и главнокомандующего российской армии В.В.Голицына⁵³⁰, сделанный по типу польских парадных портретов с

⁵²⁷ *Бабушкина Г.К.* Указ. соч. С. 160—165 и др. Степные крепости, строительство которых было начато в 1687 г., имели целью закрыть татарам выход из Крыма. Они же могли стать и трамплином для наступления в Крым. Это было сильнейшее средство воздействия на крымскую политику, и вопрос о разрушении крепостей впоследствии занимал Турцию и Крым даже более, чем азовский вопрос: Турция накануне и после Полтавской битвы (глазами австрийского дипломата). М., 1977. С. 39—40, 47—48, 50, 53, 56, 64—65, 80, 82.

⁵²⁸ РГАДА. Ф. 137. БК—12. Приписки.

⁵²⁹ РГАДА. Ф. 123. Крымские дела. Оп. 2. Св. 1687 г. № 2. Л. 332—345; *Висковатов К.А.* Письма шведского посланника Христофора Кохена. С. 122; *Богданов А.П.* «Истинное и верное сказание»... С. 57—84.

⁵³⁰ О распространении подобных портретов Черниговской типографии см.: *Попов П.М.* Матеріали до словника українських граверів. С. 109—110, 128—138. Портрет много раз публиковался (*Ровинский Д.А.* Материалы... № 4; *он же.* Словарь граверов. Т. II. Стлб. 986; *Семевский М.И.* Современные портреты... Прилож. II; *Богословский М.М.* Петр I. Т. I. С. 74; *Морозов А.В.* Каталог моего собрания... Т. I. Табл. 132).

гербом. В овальной рамке вокруг портрета написан звучный титул ближнего боярина, царственных больших печатей и государственных великих посольских дел оберрегателя и наместника новгородского и т.п., тут же помещен герб рода Голицыных и стихотворная подпись к нему, в которой говорится, что портрет прославленного «во всяких странах» ратными подвигами князя Василия отныне может заменить изображение всадника на гербе его славного рода⁵³¹.

Трудно сказать, личная ли антипатия, экономические или политические разногласия лежали в основе конфликта старого руководства украинской православной церкви (Лазаря Барановича, Варлаама Ясинского и др.) с новым митрополитом, но, как всякое столкновение в верхах, он имел далеко идущие последствия. Гедеон Четвертинский стоял на стороне и пользовался поддержкой гетмана Ивана Самойловича, программа которого шла вразрез с внешнеполитическими планами московского правительства. Столкновение с митрополитом и опосредованно с гетманом заставило Лазаря Барановича откровеннее выразить лояльность по отношению к правительству Софьи и Голицына.

⁵³¹ Д.А.Ровинский и некоторые другие авторы считают, что «этот портрет гравирован Л.Тарасевичем одновременно с портретом царевны Софьи Алексеевны.» (*Ровинский Д.А.* Словарь портретов. Т. I. Стлб. 605; *он же.* Словарь гравиров. Т. II. Стлб. 986). Композиция и техника исполнения портрета выдают его принадлежность руке Леонтия Тарасовича, но с датировкой портрета мы согласиться не можем. О портрете опального В.В.Голицына во время розыска 1689 г. упомянуто не было. Допустим, С.А.Медведев и А.А.Виниус могли умолчать о нем по незнанию или утаивать свою причастность к его созданию (Розыскные дела... Т. I. Стлб. 546—547, 637, 595—598, 657—658). Однако о портрете не говорит и С.Надеин (родственник и личный секретарь Ф.А.Шакловитого), который был прекрасно осведомлен о всех гравюрах московской серии и не имел отношения к их изготовлению; не говорит об этом и И.Перекрест, которому граверы рассказывали о своей работе, продолжавшейся после его отъезда в Ахтырку (Там же. Стлб. 655—658, 659—662). Таким образом, Л.Тарасевич не мог изготовить эту гравюру в 1689 или 1688 г. вместе с гравюрами московской серии. Тем более не мог он незаметно отпечатать ее в Москве, где имелся лишь один стан для печати с медных матриц — в закрытой, но не упраздненной царской Верхней типографии. В 1687 г. он работал еще в Чернигове, в типографии Лазаря Барановича, следовательно, только там мог быть отпечатан портрет.

Рис. 3. «Их царского величества ближний боярин князь Василий Васильевич Голицын царственные большие печати и государственных великих посолских дел оберегатель и наместник Новгородский». [Гравер Л.Тарасевич. Чернигов, 1686—1687 г.]

Еще в июне 1686 г. в черниговской типографии была издана книга Иоанникия Галятковского «Боги поганские» с посвящением царевне Софье, которая была признана *первой* в царском доме. Рассматриваемый нами изобразительный панегирик В.В.Голицыну, выражающий одобрение принятого им крымского направления внешней политики, свидетельствует и о поддержке мероприятий Голицына против гетмана, поскольку Иван Самойлович отстаивал противоположные политические взгляды, выступая против союза с Польшей (и даже мира с ней, закреплявшего раздел Украины)⁵³².

Таким образом, Лазарь Баранович, который до сей поры предпочитал стоять в стороне от основной схватки за власть и был, по его собственному выражению, «яко мертвый забвен», начал быстро втягиваться в круг политических интриг. Вскоре он и его сторонники выступили в поддержку Сильвестра Медведева (пользовавшегося покровительством наиболее радикальной прософьинской группировки) в его полемике с патриархом Иоакимом, а затем приняли участие в новом этапе пропаганды власти царевны. Соответственно и московское правительство, по ходатайству нового гетмана Ивана Мазепы, оказало помощь Лазарю Барановичу и Варлааму Ясинскому, вследствие чего положение митрополита Гедеона Четвертинского пошатнулось.

О распространении прославляющей канцлера гравюры сведений нет, можно лишь сказать, что она вполне вписывается в общую картину пропаганды дипломатических и военных подвигов В.В.Голицына, развернувшейся в 1686—1687 гг.⁵³³ Анализ комплекса литературных панегириков позволяет выделить 1686 г. как переломный в истории регентства. К этому времени у панегиристов отпадают сомнения в правомочности царевны Софьи Алексеевны править наравне с царями, она рассматрива-

⁵³² В итоге I Крымского похода Самойлович был заменен И.С.Мазепой. В этом Голицыну помогал Шакловитый, специально выезжавший на Украину.

⁵³³ Помимо сочинения Иоганна ван Келлера, комплекс пропагандистских памятников включает Летописец 1686 г. (см. выше, прим.95), дело Посольского приказа о награждении В.В.Голицына за заключение Вечного мира (РГБ. Ф. 29. Д. 104; частично опублик.: ВОИДР. М., 1850. Кн. 5. Смесь. С. 1—10), панегирики Кариона Истомина, Игнатия Римского-Корсакова и Софрония Лихуда (ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 143—144; РГБ. Ф. 205, № 241; Памятники. № 15—16, 26—28) и др.

ется уже как один из членов «царской троицы». Наряду с этим в панегириках ясно отмечено возрастание роли патриарха Иоакима⁵³⁴, в прошлом одного из инициаторов нарышкинского переворота 1682 г., в описываемый период — серьезного противника коронации царевны⁵³⁵.

Как старались позже доказать свергнувшие правительство регентства сторонники юного Петра, в этот период группировка наиболее радикальных сторонников Софьи во главе с судьей Стрелецкого приказа окольничим Ф.Л.Шакловитым принимает решение сменить патриарха⁵³⁶, а Сильвестр Медведев «затекает» с ним религиозный спор, ход которого, как отмечает современник, обсуждали «не токмо мужие, но и жены и детищи ... в схождениях, в собеседованиях, на пиршествах, на торжищах и где-либо случится...»⁵³⁷. Однако среди членов прософьинской группировки не имелось сколько-нибудь заметного числа сторонников насильственных действий⁵³⁸, и к коронации царевны необходимо было подготовить общественное мнение.

Меры по завоеванию популярности правления царевны Софьи были продуманы ее сторонниками со всей серьезностью, По инициативе и с помощью Ф.Л.Шакловитого Сильвестром

⁵³⁴ *Богданов А.П.* Литературные панегирики...; БАН. П.1.А.58. Л. 3—10 об.; *Брайловский С.Н.* К вопросу о литературной деятельности... С. 38; и др.

⁵³⁵ О его позиции см.: *Богданов А.П.* Русские патриархи. Т. 2. С.159—296.

⁵³⁶ Розыскные дела... Т. 1. Стлб. 32 121, 173, 213—214, 216, 221, 224, 272, 276, 304, 336, 340, 358, 386, 409, 601 616, 621, 636, 670—673, 675, 716—717, 909; Т. 3. Стлб. 1128. Ср.: Т. 1. Стлб. 561, 572, 574, 605, 141—142, 164, 249, 251, 617, 672, 676.

⁵³⁷ Остен. Памятник русской духовной письменности XVII в. (с портретом патриарха Иоакима). // Православный собеседник. Казань, 1865. Январь и июль. С. 116. Сочинение издано по списку XVIII в., отличающемуся от исправных современных списков (БАН. А.П.6/ 34.4.3. 160 л.; ГИМ. Синодальное собр. № 505). Интересующие нас статьи помещены, кроме того, в сборнике «Щит веры» (ГИМ, Синодальное собр. № 496; СПб. ИРИ. К-115-РКП. Кн.125; РНБ. Собр. Титова. № 3245, 1243/3240; БАН. А.П.8/34.4.5, 185 л.), а также отдельно (ГИМ. Синодальное собр. № 252; РГАДА. Ф. 196. Собр. Мазурина. № 595. Л. 185—187; РНБ. Ф. 487. Оп. 2. № 145, 23 л.; РНБ. Собр. Толстова. № Q.1.334. Л. 2—81; БАН. Ф. 199. Оп. 2. № 2. Портф. 729; и др.). О позиции Медведева см.: *Богданов А.П.* Перо и крест. С. 231—382.

⁵³⁸ *Богословский М.М.* Петр I. С. 70; *Соловьев С.М.* История России. С. 452 и др. Все авторы опираются на розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках.

Медведевым была написана панегирическая история возникновения регентства, основанная на десятках государственных документов и претендующая на объективность оценок; она переписывалась и распространялась⁵³⁹. Непосредственно от главы Стрелецкого приказа дипломаты получили указание добиться заключения мирных договоров в кратчайшие сроки. Сама царевна стала непременно появляться вместе с царями на всех дворцовых церемониях и выходах к церковным торжествам⁵⁴⁰.

Ее сторонники добивались, чтобы на торжественных приемах Софье Алексеевне оказывались равные с Иваном и Петром почести. Осенью 1687 г., когда украинская войсковая старшина в награду за Первый Крымский поход была «допущена к руке» Ивана и Петра и дети ахтырского полковника Ивана Перекреста произнесли перед ними «похвальную рацею», Ф.Л.Шакловитый решил устроить подобное же чествование царевны Софьи. По его заданию сыновья И.Перекреста с помощью их домашнего учителя И.Богдановского быстро изготовили «похвальную рацею» Софье и произнесли ее на повторном приеме во дворце в присутствии царей⁵⁴¹.

Затем Ф.Л.Шакловитый предложил полковнику в торжественной обстановке поднести царевне панегирик: «Книгу и лист к похвале великой государыне» (московский панегирик обычно сопровождался символической картинкой)⁵⁴². На этом совещании И.Богдановский высказал мысль, что панегирик неплохо было бы отпечатать: «Хотя-де, он такую похвалу ей, великой государыне, напишет, только не отпечатав, подать невозможно,— чтоб, отпечатав, поднести». Богдановский взял на себя сочинение текста, Перекрест — материальное обеспечение, а Шакловитый указал основное направление восхвалениям: «Она-де, великая государыня, бунт (то есть Московское восстание 1682 г.— А.Б.)

⁵³⁹ *Прозоровский А.А.* Сильвестра Медведева «Созерцание краткое...». С. 1—11, 1—197; *Богданов А.П.* Россия при царевне Софье... С. 45—200. *он же.* К истории текста «Созерцания краткого». С. 127—161; *он же.* К вопросу об авторстве «Созерцания краткого»... С. 114—146; и др.

⁵⁴⁰ Розыскные дела... Т. 1. Стлб. 637; ср.: стлб. 569, 707; *Демидова Н.Ф.* Из истории заключения Нерчинского договора 1689 г. С. 301—310; *Богословский М.М.* Петр I. С. 70.

⁵⁴¹ Розыскные дела... Стлб. 659—661. См. также: *Богданов А.П.* Гравюра как источник... С. 42.

⁵⁴² См. подносные экземпляры рукописных панегириков: БАН, П.1.А.6. Л. 5—13 об.; П.1.А.7, 17+111 л.; П.1.А.8, 31+1 л.; П.1.А.10, 56 л.; и др.

утишила, и монастыри строит, и к людям милостива, и премудра»⁵⁴³. Богдановский сначала отправился в Киев, но в типографии Киево-Печерской лавры уже готовилась к печати книга в честь «*правлящей троицы*»: Софьи, Ивана и Петра Алексеевичей, под заглавием «*Три венца молитвенных двенадцизвездных, различных трем святым заступникам их царского величества тезоименитым*», и гравёр Александр Тарасевич вырезал для этого издания три большие гравюры на меди: образы Иоанна Предтечи, апостола Петра и заступницы Софьи. Не договорившись с Варлаамом Ясинским, Богдановский поехал в Чернигов. В типографии Лазаря Барановича он нашел отличного гравёра — Леонтия Тарасевича — и возможность отпечатать книгу с толкованием гравюры. Через год после разговора с Шаковитым, в Великий пост 1689 г. (не ранее 11 февраля), И. Богдановский, Леонтий Тарасевич с помощником и Иван Перекрест с сыновьями прибыли в Москву⁵⁴⁴. Они привезли с собой два медных гравированных листа — матрицу — и около 10 экземпляров книги. Ф. Л. Шаковитый одобрил гравюру⁵⁴⁵, и она была отпечатана на Белгородском подворье, где остановился И. Перекрест, на станке, занятом, вероятно, в бывшей Верхней типографии⁵⁴⁶.

⁵⁴³ Розыскные дела... Стлб. 660.

⁵⁴⁴ *Титов Ф.* Типография Киево-Печерской лавры: Исторический очерк. 1606—1616—1916. Киев, 1916. Т. 1 (1606—1721). С. 373; *Попов П. М.* Материалы до словника українських граверів. С. 107. Прим. 2; *Степовик Д.* Олександр Тарасевич. С. 77—78; Розыскные дела... Стлб. 660.

⁵⁴⁵ Розыскные дела... Стлб. 665, 661, 695.

⁵⁴⁶ Гравюра должна была быть отпечатана в один-два дня, так как техника печатания гравюр с медных досок позволяла одному мастеру изготавливать в сутки до 480 оттисков (*Гольцше И. В.* Лубочные старинные народные картинки. Владимир, 1870. С. 14). Маловероятно, что громоздкий станок для печатания «фряжских листов» гравёры привезли с собой. Не могли они его и изготовить, так как это заняло бы слишком много времени (в 1677 г. такой станок был изготовлен «всего» за 37 дней). (*Голенченко Г. Я.* Белорусы в московском книгопечатании // КИМ. 1966. Т. 13. С. 110). На Государевом печатном дворе таких станков не было вплоть до 1708 г. (*Румянцев В.* Сведения о гравировании и гравёрах при Московском печатном дворе в XVI и XVII столетии. М., 1870. С. 23); станки были в Верхней типографии в Кремле, законсервированной в 1683 г. (*Голенченко Г. Я.* Указ. соч. С. 110), но продолжавшей печатать с медных матриц хорошо известные исследователям рукописной книги рамки-заставки и бланки жалованных грамот.

Книги с гравюрой предназначались для подношения. Пять «листов печатных» и книгу дети Перекреста торжественно вручили Софье на приеме, состоявшемся в конце марта 1689 г., «в то время как он, Иван, был у руки»; «а другой лист да книжку отдал (Перекрест. — А.Б.) князю Василию Голицыну». После этого полковник с сыновьями были отпущены из Москвы и уехали к себе в Ахтырку⁵⁴⁷.

В этой истории остается неясным, что заставило украинцев везти в Москву матрицу, а не отпечатанные эстампы. Тому могли быть причины материальные (нежелание тратиться на оплату типографии), на это могло толкнуть и стремление получить сначала одобрение заказчика. Действительно, сам Шаковитый контрольный оттиск гравюры принес Сильвестру Медведеву, желая удостовериться, «какая похвала написана великой государыне благоверной царевне». Опытный панегирист сразу заметил, что на гравюре Софья была прославлена больше царей «излиянием седми даров Духа Святого» на нее одну. Хотя Сильвестр и сам употреблял (правда, в осторожной форме) сходный прием, его поразило, сколь открыто автор расставил политические акценты⁵⁴⁸.

Выше уже говорилось, что уподобление царевны Софии-Премудрости Божией было связано с признанием за Софьей права на царскую власть. Наделение же ее семью дарами (иконографическим атрибутом Премудрости Божией в киевской редакции), в то время, как изображенные рядом Иван и Петр таких «даров» лишены, явно утверждает преимущество Софии Алексеевны перед царями. Если в гравюре 1683 г. аллегория Софии — Софии-Премудрости Божией хитроумно замаскирована, если в 1686 г. Софья открыто сравнивается с Премудростью в черниговском панегирике элитарного чтения⁵⁴⁹, то на изготовленной в черниговской типографии по заказу Богдановского матрице Софья недвусмысленно поднимается над царями⁵⁵⁰. Не удивительно, что Богдановский не взял на себя ответ-

⁵⁴⁷ Розыскные дела... Стлб. 657, 661, 662.

⁵⁴⁸ БАН. П.І.А.6/17.4.6. Л. 5—13 об.; Розыскные дела... Стлб. 595.

⁵⁴⁹ *Иоанникий Галтовский*. Боги поганские... Предисловие.

⁵⁵⁰ Ни одного экземпляра этой гравюры до нас не дошло. Ее описание имеется в расспросных речах Сильвестра Медведева, сказке С.Надеина и расспросе Ивана Перекреста (Розыскные дела... Стлб. 595, 656, 660). Ровинский считал, что гравюра дошла до нас в изменен-

ственность за размножение этого произведения, явившегося логическим результатом эволюции политических взглядов Лазаря Барановича и его сторонников⁵⁵¹.

В книге для подношения, озаглавленной «*Дары духа святого*» (Чернигов, 1688)⁵⁵², Богдановский старательно обходит вопрос о взаимоотношениях Софьи с царями. В целом его точка зрения совпадала с мнением группы панегиристов (Кариона Заулонского и др.), считавших, что мудрая царевна «богоподанна» Российскому царствию для устройства его внутри- и внешнеполитических дел⁵⁵³. В связи с этим Богдановский приписыва-

ном виде как «тезис Обедовского» (*Ровинский Д.А.* Словарь гравюров. Т. I. Стлб. 68; Т. 2. Стлб. 1232; *он же.* Словарь портретов. Т. III. Стлб. 1523—1532). К сожалению, аргументация Ровинского разбивается об один факт: даже если согласиться, что изображение Софьи и «излияние» на нее «седми даров Духа Святого» было стерто с матрицы при переделке гравюры в «тезис», то куда же делись царские титулы? «И под их государскими персонами написано было отечество», — говорил Перекрест, а его показания проверялись по гравюрам (Розыскные дела... Стлб. 660). Кроме того, гравюру изготовил А.Тарасевич, а «тезис» принадлежит руке Иннокентия Щирского (*Потов П.* Матеріали до словника українських граверів. С. 131).

⁵⁵¹ Необходимо отметить сходство композиций всех трех больших гравюр черниговской серии (исключая портрет В.В.Голицына), несмотря на то, что эстампы 1681 и 1683 гг. изготовлены И.Щирским, а 1688 г. — А.Тарасевичем. На этих гравюрах присутствуют три божественные ипостаси, ниже располагаются персоны царей и Софьи (на гравюре 1681 г. — царя Федора и царицы Агафьи Симеоновны), еще ниже — басурманские войска, побиваемые всадниками (на гравюре 1681 г. — всадником). Это сходство тем более интересно, что при совпадении отдельных элементов больших гравюр Черниговской типографии их композиции весьма разнообразны.

⁵⁵² *Каратаев Я.* Хронологическая роспись славянских книг... № 978; *Ундольский В.М.* Очерк славяно-русской библиографии. № 1057; *Каменева Т.Н.* Черниговская типография... № 23; *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цариц. С. 166. Алексева, не приводя аргументов, утверждает, что связывать эту книгу с гравюрой нельзя (*Алексева М.А.* Портрет царевны Софьи... С. 249). Между тем, это единственный панегирик Софье, изданный в 1688 г.; содержание книги вполне соответствует описанной в розыскных делах гравюре; наконец, на книге не проставлено имя автора, — редкий для Черниговской типографии случай, — что совпадает с нежеланием Ф.Л.Шакловитого видеть на «подношении» подпись И.Богдановского (Розыскные дела... Стлб. 661).

⁵⁵³ БАН. П.І.А.9 (опубл.: *Брайловский С.Н.* К вопросу о литературной деятельности... С. 29—47); *Варлаам Ясинский.* Три венца...; БАН.

вал правительнице заслуги «утишения» народного восстания 1682 г., заключения удачного мира с Польшей, Крымского похода, успехи православия в борьбе с униатами и раскольниками и т.п. Эти достижения Софьи, как утверждалось в книге, обусловлены ее «дарами», которые толковались скорее как политические таланты, чем богодарованные добродетели⁵⁵⁴.

Шакловитый, волевой человек большого ума, быстро понял, какие возможности сулил печатный станок в политической борьбе. Под его руководством на Белгородском подворье был отпечатан не десяток (по числу книг), а более 100 экземпляров гравюры. Оттиски делались на бумаге и плотных дорогих материях: атласе, тафте и обьяри. Они раздавались при дворе, среди стрельцов и, возможно, на московском посаде. К отъезду Перекреста из Москвы (до 31 марта 1689 г.) у Шакловитого созрел замысел новых, еще более смелых гравюр. На его загородном дворе близ Новодевичьего монастыря Л.Тарасевич с помощником выгравировал и отпечатал на бумаге, атласе, тафте и обьяри две гравюры общим тиражом более 200 экземпляров⁵⁵⁵. Новые гравюры задумывались как средство широкой пропаганды в пользу правительства Софьи, поэтому особое внимание было обращено на упрощение символики, ее ясность и доступность.

Первая гравюра представляет собой коронационный портрет Софьи Алексеевны на фоне двуглавого орла⁵⁵⁶. Правитель-

16.15.11; и др. В предисловии книги говорится, что еще во время царствования Алексея Михайловича Софья прославилась своей мудростью, ходили слухи, что она «своей мудростью на весь свет расширит Российское государство, иные говорили, что она возвысит славу христианскую, покорит гордость поганскую». Возможно, здесь нашла отражение популярная внешнеполитическая программа правительства регентства, перенесенная автором в царствование Алексея. Это известие заслуживает внимания в связи с замечанием В.И.Буганова о том, что близкие отношения Софьи с Голицыным начались еще в 1680 г., т.е. до смерти царя Федора (*Буганов В.И.* «Канцлер» предпетровской поры. С. 146—147).

⁵⁵⁴ Об описании «добродетелей» в книге Богдановского см.: *Забелин И.Е.* Домашний быт русских цариц. С. 166.

⁵⁵⁵ Розыскные дела... Стлб. 596, 656—658, 661, 662; *Богданов А.П.* Гравюра как источник... С. 43.

⁵⁵⁶ Гравюру см.: *Ровинский Д.А.* Словарь гравюров. Т. II. Стлб. 987; *Алексеева М.А.* Портрет царевны Софьи... С. 255 (переснято с изд. Ровинского). На следствии 1689 г. этот портрет Софьи не упоминался иначе как вписанный в орла (Розыскные дела... Стлб. 662,

ница изображена в царском облачении, со скипетром и державой в руках, по типу хорошо известных москвичам парадных царских парсун⁵⁵⁷. По ободку рамки портрета выписан краткий титул «самодержицы» Софии. Ее полный царственный титул и стихи о добродетелях, которыми царица «царство аки седми столпы укрепила», помещены в рамке под орлом. Прославляемые в стихах добродетели (Мудрость, Девство, Правосудие, Кротость, Благочестие, Милость, Крепость) изображены в виде аллегорических фигур в овальных медальонах на крыльях двуглавого орла. Важно отметить, что набор добродетелей здесь отличен от «даров», приписывавшихся Софье Богдановским и другими панегиристами. Это уже не таланты правительницы, но качества государыни, восходящие к тем самым Софийским текстам Ветхого завета, которыми Сильвестр Медведев (автор стихов и подписей к портрету) еще в 1682 г. обосновывал преимущественное право Софьи на высшую власть в Российском государстве. Именно так понимал добродетели и Федор Леонтьевич Шаковитый, утверждая, что они с успехом заменяют изображения семи курфюрстов на гербе римского императора⁵⁵⁸.

Вторая гравюра выглядит скромнее. На ней изображен святой великомученик Феодор Стратилат, в рамке под ним — соответствующий текст («Воинствословием истинным страсотерпче...» и т.д.)⁵⁵⁹. Однако гравер допустил и некоторые отклонения от иконографического канона: вооруженный копьем и саблей святой, который должен был бы держать в руках пальмовую ветвь, по колено стоит в гряде клинков, копий, пушек, секир и прочих смертоубийственных орудий... По композиции гравюра принадлежит к упоминавшемуся типу польского парадного портрета с гербом. Действительно, герб на гравюре имеется: он помещен почти в центре гравюры, у ног Стратилата, и изображает льва под солнцем с символами военной власти (булава, сабля, лавровый венок). На вопрос об этой гравюре авторы ее ответили, что печатали «герб Федки Шаковитова»⁵⁶⁰.

657, 546, 637, 667, 595—597).

⁵⁵⁷ Овчинникова Е.С. Портрет в русском искусстве XVII в. М., 1955. С. 104.

⁵⁵⁸ БАН. П.1.А.6/17.4.6. Л. 5—12; Розыскные дела... Стлб. 596, 637, 677.

⁵⁵⁹ Гравюру см.: Ровинский Д.А. Словарь гравюров. Т. II. стлб. 987; Т. I. Стлб. 65; его же. Материалы... № 174; Богословский М.М. Петр I. Т. 1. с. 76.

⁵⁶⁰ Розыскные дела... Стлб. 662.

Рис. 4. Коронационный портрет царевны Софьи Алексеевны «с добродетелями» на двуглавом орле.

Гравер Л.Тарасевич. Москва, 1689 г.

Рис. 5. Св. великомученик Феодор Стратилат с гербом Ф.А.Шакловитого. Гравер Л.Тарасевич. Москва, 1689 г.

Рис. 6. Парадный портрет царевны Софьи Алексеевны.
Гравер Блотелинг. Амстердам, 1689 г.

Так проясняется смысл изменений, внесенных в иконографический канон Феодора Стратилата: изготавливая и распространяя изображение своего патронального святого, Шакловитый хотел, чтобы на нем узнавали его, окольного и главу Стрелецкого приказа, облеченного особым доверием правительницы! К сожалению, мы не можем проверить портретное сходство этого изображения с Шакловитым, поскольку других его портретов и описаний внешности не сохранилось; однако вид кудрявого стройного молодца в латах не противоречит представлениям о бравом окольном, по крайней мере, к концу регентства занимавшем особое место в сердце Софьи Алексеевны. Надо думать, современники могли все же разобраться в смысле гравюры, если и не по подозрительному сходству лика святого с физиономией могущественного министра, то по гербу и другим атрибутам.

Пока изготавливались матрицы для двух гравюр, лист с портретом Софьи, «назnamenанный против того, каков напечатан», был послан Ф.Л.Шакловитым (через дьяка Посольского приказа А.А.Виниуса) в Голландию, «чтобы ей, великой государыне, слава и за морем была»⁵⁶¹. «По тем листам, которые печатаны на его, Федкином дворе, слава в Московском государстве; а по тем де листам, что напечатаны за морем, слава ей, великой государыне, и в иных государствах» — говорил Шакловитый. Амстер-

⁵⁶¹ Публикацию гравюры см.: *Ровинский Д.А.* Материалы... № 2. Вопрос о времени изготовления этой гравюры вызвал большие расхождения в историографии. В сказке Андрея Виниуса от 5 октября 1689 г. указано, что Шакловитый отдал ему эскиз «в прошлом во 195 [1686/87] году» (Розыскные дела... Стлб. 657). Сказка эта записана с многочисленными ошибками, думаем, что ошибся писец и в дате. Эту гравюру Шакловитый получил уже после того, как были изготовлены образы Софьи «в орле» и Феодора Стратилата (Там же. Стлб. 547, 596, 637, 677), т.е., по датировке сказки, через полтора года после вручения ее Виниусу, что маловероятно. Л.Тарасович появился в Москве не ранее 11 февраля 1689 г. (в Великий пост 7197 г.), т.е. физически не мог в 1687 г. сделать рисунка, посланного в Голландию, который, по словам Виниуса, был копией с гравюры «Софья в орле». Не можем мы и предположить, что проект рисовал другой художник, так как изображение Софьи «в орле» исполнено в оригинальной манере Л.Тарасевича, не только технически, но и в деталях композиции (*Ровинский Д.А.* Словарь гравюров. Т. II. Стлб. 982). О том, что замысел отпечатать гравюру «за морем» возник позже аналогичного замысла для России, говорит и последовательность изложения его Шакловитым (Розыскные дела... Стлб. 597).

дамский бургомистр Николай Витзен передал задание гравюру Блотелингу, который в кратчайший срок изготовил и отпечатал гравюру⁵⁶², заменив двуглавого орла в обрамлении лавровой и пальмовой ветвями и двумя трубящими Славами. Названия добродетелей, полный царский титул и похвальные вирши на добродетели на латинском языке написал, вероятно, И. Богдановский⁵⁶³. В целом гравюра и стихи утверждают наследственное право Софьи на русский престол и, подобно первой гравюре московской серии, подчеркивают ее заслуги: подавление восстания, вступление в антитурецкий союз, организация Крымских походов, строительство церквей. Около 100 экземпляров этой гравюры были получены Шакловитым к июлю 1689 г.

Сведения о распространении гравюр московской серии весьма скудны. Тем не менее, и они позволяют судить о широте, с которой сторонники коронации царевны использовали это новое в России средство пропаганды. Роскошно оформленные портреты Софьи в царском облачении дарились при дворе крупным чинам⁵⁶⁴. Возможно, их раздавал в Кремле и Шакловитый, но его личный секретарь С. Надеин, который поведал следствию о распространении эстампов, видел только то, что происходило на собственном дворе главы Стрелецкого приказа. Шакловитый раздавал оттиски «всяких чинов людям» «не втай». Из лиц, на его глазах получивших гравюры из рук Шакловитого, Надеин назвал окольных С.Ф. Толочанова, А.И. Ржевского. В.С. Нарбекова «и иных», а также ризничего Акинфа; многих он не

⁵⁶² Розыскные дела... Стлб. 597, 657, 658, 547, 596, 637, 677.

⁵⁶³ Если бы это был Сильвестр Медведев, ему не пришлось бы переводить подписи на русский язык (Там же. Стлб. 547, 596, 637, 677). Об авторстве И. Богдановского говорит и сходство описания «даров» царевны Софьи в стихах к портрету и «Дарах Духа Святаго». Стихи выявляют известный прогресс панегириста в оценке Софьи, за которой уже полностью признается право на царскую власть (сравнение с английской королевой Елизаветой I). Однако право это — не божественного происхождения, которое подчеркивал Медведев; оно вытекает из заслуг Софьи Алексеевны, прославившейся делами, как Семирамида, «иже во веки памятно дело сотворила», и по сравнению с братьями мудрой, подобно греческой царевне Пультхерии.

⁵⁶⁴ Один из этих портретов, полученный из рук царевны псковским воеводой П.А. Головиным, до середины XIX в. хранился в вотчине Головиных, в церковной ризнице (*Казанский Н.* Село Новоспасское и родословная рода Головиных. М., 1847. С. 124).

«упомнил», а еще больше не назвал, указав только, что это были люди «разных чинов» и что гравюр было «многое число»⁵⁶⁵. Вероятно, речь шла о придворных и стрелецких чинах, но не исключена возможность, что они раздавались и посадским. Гравюры голландского производства распространялись и за границей⁵⁶⁶, и в Москве, где должны были служить доказательством признания Европой прав Софьи на российский престол.

Портреты Софьи из московской серии являются одним из немногих источников, вышедших из рук сторонников правительницы, которые отражают стремление регентши к царской короне. Замысел коронационного портрета, возникший к концу марта 1689 г., свидетельствует о том, что решение о венчании Софьи Алексеевны царским венцом было принято еще зимой, возможно сразу же после женитьбы Петра, а не летом этого года, как принято считать. Тема коронационного портрета была решена традиционно (в соответствии с Титулярником, обрамление — по типу парсуны с гербом), однако в композиции отразились и индивидуальные политические взгляды авторов. Если Богдановский, связанный, прежде всего с украинской войсковой старшиной и испытывавший давление со стороны Шакловитого, выдвигал на первый план заслуги правительницы, то партия малороссийского духовенства в лице Лазаря Барановича, Иоанникия Галятовского и др. и глава духовной оппозиции в Москве Сильвестр Медведев утверждали божественную природу власти Софьи.

Изображение Шакловитого под видом св. Феодора Стратилата свидетельствует не только о понятном стремлении окольничего завоевать популярность, но также и о том, что он чувствовал себя самостоятельной силой в правительстве (разумеется, под покровительством царевны-регентши). Отсутствие портрета Голицына в этой серии наталкивает на мысль, что взаимоотношения двух влиятельнейших членов правительства Софьи не были столь безоблачны, как принято думать⁵⁶⁷. По крайней ме-

⁵⁶⁵ Розыскные дела... Стлб. 655—658.

⁵⁶⁶ Возможно, с помощью голландского купца Вилима Горзона. Все три обнаруженные Д.А.Ровинским экземпляры гравюры происходят из Голландии и Германии (*Ровинский Д.А.* Словарь портретов. Т. 3. Стлб. 1943—1944).

⁵⁶⁷ Напомним, что Карион Истомина, с начала 1689 г. полностью переключившийся с прославления Софьи на панегирики Петру и На-

ре, мы можем поставить вопрос об эволюции этих отношений и искать объяснение нейтральности Голицына в разгар схватки Софьи с Нарышкиными не только в его моральных качествах⁵⁶⁸, но и в изменении соотношения сил в правительстве регентства к лету 1689 г. Возможно, именно с этим связана настоятельная потребность в расширении круга сторонников правящей группировки, послужившая причиной появления в России нового средства пропаганды — политической гравюры.

После августовского переворота 1689 г. пришедшие к власти Нарышкины не решились на конфискацию эстампов и судебное преследование их изготовителей. Уже с середины сентября «заговор» Шакловитого, в котором активно участвовали тайные сторонники юного царя Петра, награжденные после его разгрома⁵⁶⁹, был официально представлен причиной, а не поводом внезапного переворота. Поэтому интересующие новое правительство вопросы выяснялись, но вне рамок «Дела розыскного о Федоре Шакловитом и его сообщниках»⁵⁷⁰. Только в 1699 г. вышел приказ об уничтожении изображений «ззорного» члена царского дома⁵⁷¹, и почти все оттиски политических гравюр периода регентства были уничтожены. Тем не менее, сохранившиеся и изысканные собирателями экземпляры позволяют использовать комплекс отечественных политических гравюр периода регентства Софьи для изучения воззрений и деяний их заказчиков, принимавших участие в ожесточенной схватке за власть «в верхах» Российского государства⁵⁷².

рышкиным, тем не менее продолжал славить В.В. Голицына.

⁵⁶⁸ См., например: *Соловьев С.М.* История России. С. 451, 459; *Богословский М.М.* Петр I. Т. 1. С. 72.

⁵⁶⁹ *Второв Н.Н. Александров Дольник К.О.* Воронежские акты. С. 80—91.

⁵⁷⁰ *Богданов А.П.* Гравюра как источник... С. 41—42, 45.

⁵⁷¹ *Богословский М.М.* Петр I. Т. 1. С. 71.

⁵⁷² О том, что делать это следует с осторожностью, говорит пример современного автора, напечатавшего портрет В.В.Голицына гравера *Александра Тарасевича (Де ла Невилль)*. Записки о Московии / *А.С.Лавров*. М., 1996. С. 244). На самом деле это работа *Леонтия Тарасевича* (Рис. 3). «Портрет Василия Голицына», якобы созданный *Александром* в Киеве в 1690 г., по оценке специалиста принципиально отличался от трактовки образа князя на гравюре *Леонтия (Степовик Д. Александр Тарасевич*. С. 80—81). Однако судя по тому, что *Дмитро Степовик* считает персонаж портрета *Александра* «активным участником «Азовской кампании и иных войсковых операций конца XVII в.», атрибуция его образа В.В.Голицыну вообще сомнительна.

Глава 4 БОРЬБА ЗА ПРОСВЕЩЕНИЕ

ПОЛЕМИКА ОБ УЧИЛИЩАХ

Проблема просвещения объективно была одной из насущнейших в развитии Российского государства второй половины XVII в. Грамотность и образованность населения росли высокими темпами, хотя и неравномерно по сословиям. Интенсивно развивалось начальное и профессиональное образование, появились школы повышенного типа, училища при центральных приказах, высокого уровня достигло домашнее обучение элиты дворянства и купечества⁵⁷³. Острейшим образом встала задача создания *системы образования*. Решение этой задачи, требовавшее значительной теоретической и организационной работы, в первую очередь зависело от создания высшего учебного заведения, программа и статус которого определили бы содержание и формы обучения на начальном и среднем уровне. Не удивительно, что проблема «устроения» высшей школы, сконцентрировавшая в себе острые вопросы о содержании и целях образования, стала предметом борьбы общественных группировок и ярко отразилась в русской публицистике конца XVII в.

Полемика вокруг организации высшей школы предпетровского времени привлекала к себе немалое внимание ученых еще с тех пор, как Н.И.Новиков приступил к публикации мате-

⁵⁷³ Очерки школы и педагогической мысли народов СССР. С древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 55—87, 199—119, 156—230, 245—264 (тексты О.Е.Кошелевой, А.П.Богданова, Б.Н.Морозова, Н.Ф.Демидовой, И.И.Макеевой, В.А.Кондрашиной, М.П.Лукичева); и др.

риалов по истории этих споров на страницах «Древней российской вивлиофики». Публицистические выступления конца XVII в. о проблемах высшего образования затрагивались в сочинениях митрополитов Евгения, Филарета и Макария, публикациях Ф.О.Туманского, работах А.В.Горского, А.Смеловского, С.К.Смирнова, И.Е.Забелина, П.П.Смирнова, Н.А.Лавровского, Д.Л.Мордовцева, С.М.Соловьева, С.Любимова, И.Я.Образцова, В.Н.Сторожева, И.Смирнова, В.О.Ключевского, К.В.Харламповича, в фундаментальных исследованиях Н.Ф.Каптерева, монографиях П.П.Пекарского, Н.И.Костомарова, И.А.Шляпкина, А.А.Прозоровского, И.П.Козловского, С.Н.Брайловского, М.Н.Сменцовского, А.И.Соболевского, А.Н.Пыпина, М.И.Демкова, Я.Яцимирского, С.Н.Чебана, ряда других ученых XIX и начала XX вв.

Оценки и наблюдения подавляющего большинства авторов имели преимущественно концепционный характер. Это объяснялось актуальностью поднятых в конце XVII в. вопросов для общественной жизни России XIX столетия. Вокруг полемики о первом в России высшем учебном заведении был выстроен сложный круг противоречий не столько научных выводов и личных взглядов, сколько общественных позиций исследователей различных направлений и школ. Помимо достаточно энергичных взаимных обвинений споривших об Академии в XVII в. сторон, на историографию оказала влияние спровоцированная противниками реформы просвещения богословская полемика (рассматриваемая нами далее), в итоге которой сторонники организации Академии (просветители), после политической расправы над ними, были, согласно современной публицистике, церковно осуждены как поборники «латинской ереси».

В XIX в. мнение противников реформы («мудроборцев») продолжало пользоваться покровительством тех, кто считал возможным выступать от имени официальной Церкви. В историографии развернулась критика просветителей конца XVII столетия, требовавших организации автономной Академии «свободных мудростей», в которой бы «трудолюбивые спудеи (ученики, студенты.— *А.Б.*) радовались о свободе взыскания». Страницы научных изданий захлестнула волна православного фанатизма и великорусского шовинизма; ее творцы стремились любыми средствами «обличить злокозненных еретиков» в предпетровской Москве, представить их взгляды как инородные, западные, противные «исконному русскому благочестию», которое выда-

валась за краеугольный камень национальной культуры. Одновременно обличались украинские ученые (начиная с Петра Могилы), обвинявшиеся в еретичестве, «злохищной» экспансии в Москву, духовном и телесном разврате. Крайности усугублялись резкими выпадами западников в адрес «темной Московии», будто бы не имевшей ничего самоценного и вынужденной слепо заимствовать целые «явления западноевропейской культуры».

Чтобы отстаивать собственные позиции в этой историко-публицистической схватке крайних идей требовалось немалое гражданское мужество. Открытая *научная* полемика с объективных позиций была практически исключена. Взгляды ученых либерального направления излагались почти исключительно в позитивном плане, в контексте общих вопросов, с оглядкой на явную и негласную цензуру. Но даже строго фактологическое по форме изложение (например, в специальной монографии Н.Ф. Каптерева) не исключало доноса на автора в «компетентные органы»⁵⁷⁴. Не только борьба вокруг высшего образования в предпетровской России, но и ее влияние на последующие реформы не могли быть должным образом отражены в литературе. Это способствовало созданию поддержанной Н.Ф.Каптеревым, И.Е. Забелиным, А.А.Прозоровским, И.П.Козловским и др. историографической легенды о «третьем», не обусловленном развитием отечественной мысли пути в просвещении, якобы предложенном Петром I: о направлении «немецком» и светском, утвердившемся вместо споривших друг с другом в XVII в. «латинского» (малороссийского) и «грекофильского» (ортодоксально-московского) путей, равно замкнутых «в одном кругу церковности».

«Замаскированность» научных позиций в полемике и уход большинства (к счастью, не всех!) участвовавших в ней авторов от рассмотрения конкретных источников создавали ложное впечатление достаточной изученности самого содержания и хода споров XVII в. В советское время историки справедливо отвергли крайние обвинения, предъявлявшиеся просветителям и «мудроборцам». Вместе с тем специального исследования источников не проводилось⁵⁷⁵. В монографиях Е.Н.Медынского и

⁵⁷⁴ См.: *Буганов В.И., Богданов А.П.* Бунтари и правдоискатели в Русской Православной Церкви. М., 1991. С. 493—517.

⁵⁷⁵ Исключением следует считать статью А.Х.Горфункеля, в которой излагается взгляд на документы о спорах Белобочко с Сильвестром Медведевым и братьями Лихудами; см.: *Горфункель А.Х.* Андрей

Ф.Г.Паначина, статьях С.Д.Бабишина и Б.Н.Митюрова, очерках М.Н.Тихомирова, Д.С.Лихачева, А.М.Панченко, А.М.Сахарова, А.И.Рогова, А.В.Муравьева, «Очерках истории СССР», «Очерках русской культуры XVII в.», диссертациях А.В.Козырева, Т.И.Куро и других работах советских исследователей, писавших об истории русской педагогики, о литературных трудах и взаимоотношениях участников полемики конца XVII в., проявившиеся в ней противоречия были сглажены.

Отказавшись от изучения споров, которым историография XIX и начала XX в. придала односторонне богословский или славянофильско-западнический характер, современные исследователи не реализовали возможности изучения действительно имевших место противоречий, отраженных в публицистике века XVII-го. Основание «слино-славянских школ» братьев Лихудов (за которыми в литературе закрепилось название «Славяно-греко-латинской академии») рассматривается как результат закономерного развития идеи высшего учебного заведения, своеобразного компромисса между «партиями» сторонников латинского образования (преимущественно светского, прозападного или южнорусского) и «грекофилов» (они же старомосковская, великорусская или церковная группировка).

Непосредственное обращение к источникам рисует несколько иную картину. Сведения о полемике вокруг вопроса о высшем учебном заведении в России восходят к четко ограниченному кругу памятников. Прежде всего, речь идет об **орациях** (речах) участников церковного собора 1666—1667 гг., осудившего приверженцев старого обряда. Здесь впервые встречается развернутое обоснование необходимости создания в России государственных училищ повышенного типа, в которых наряду со славянским языком изучались бы и иностранные языки.

Одна из названных **ораций** принадлежала *Паисию Лигариду*, митрополиту Газскому, — высокообразованному иерарху, принимавшему активное участие в деятельности собора. Обращаясь к царю Алексею Михайловичу, Паисий излагает вначале итоги своих размышлений о причинах, породивших раскол: «Исках и аз корене духовнаго сего недуга... Напоследок, умом обращающая, обретох из двою истекшее, си же есть: от лишения и не-

Белобоцкий — поэт и философ конца XVII — начала XVIII в. // ТОДРА. Т. XVIII. М.-Л., 1962. С. 200—201.

имения народных училищ, также от скудости и недостаточности святых книгохранилищ»⁵⁷⁶. Аналогичную мысль высказывал в материалах собора и *Симеон Полоцкий*, обвиняя старообрядцев в том, что они «на бреже грамматического разума и в мелкости ся утопают», а беседуя о богословии, «ниже малейшим перстом прикоснулись ея»⁵⁷⁷.

Чтобы по достоинству оценить значение выступлений Лигарида и Полоцкого на Вселенском соборе 1666—1667 гг., полезно вспомнить факты противостояния образованию на Руси. Напомним некоторые из них. На челобитную в Посольский приказ константинопольского учителя Венедикта, приехавшего в Москву для учительской деятельности, «дают здесь ответ,— как он пишет,— противный, думая, что они великие мудрецы и ученые». В официальном ответе на челобитную Венедикта мы читаем: «При патриархе неприлично и крайне дерзко младшему по сану называть себя учителем и богословом», а таланты не учением развиваются, но «даются от Бога»⁵⁷⁸. В 1650 г. разрядный подьячий Лукьян Голосов (будущий думный дьяк, затем думный дворянин) сообщал властям, что «учится у киевлян Федор Ртищев греческой грамате, а в той грамате и еретичество есть»; что двое учеников школы Ртищева отправились в Киев, «поехали они доучиваться у старцев-киевлян по латыни, а как выучатся и будут назад, то от них будут великия хлопоты; надобно их до Киева не допустить и воротить назад»⁵⁷⁹.

На Вселенском соборе 1666—1667 гг., связывая вопрос о создании училища с борьбой за единство Церкви, сторонники просвещения добились серьезного успеха. После этого даже в книге, изданной от имени противника Полоцкого, рьяного сторонника авторитарных методов решения церковных разногласий — патриарха Иоакима, заявлялось, что люди, познавшие грамматику, философию и богословие, не будут «на святых кни-

⁵⁷⁶ Горский А.В. О духовных училищах в Москве в XVII столетии // Прибавления к творениям святых отцов в русском переводе. Ч. III. М., 1845. С. 160.

⁵⁷⁷ *Жезл правления*. М., 1667. Л. 17 об.—20.

⁵⁷⁸ *Пытин А.Н.* История русской литературы: В 4 т. Т. II. СПб., 1898. С. 285.

⁵⁷⁹ Там же. С. 286; о деле по доносу на Андреевскую школу Ртищева см.: *Сторожев В.Н.* К истории русского просвещения XVII в. Киев, 1890. С. 14; и др.

ги порок наводити»⁵⁸⁰. Это заявление тем более значительно, что на практике Иоаким и его подручные ученой аргументации сторонились. Нет сомнения, что для Лигарида и Полоцкого связь раскола с невежеством была очевидной, по крайней мере, как сильный полемический ход. Но ограничивать ею мотивы организации в Москве государственных училищ нельзя.

Еще Арсений Глухой в первой половине XVII в. предупреждал, что невежда «удобь может прегрешити не точию в божественных писаниях, но и в земских делех»⁵⁸¹. В орации Паисия Лигарида после цитированной преамбулы развивается аналогичный подход: «Прехрабрый некто воевода Алкивиад ответ даде древле Афином, яко ко благополучно-ратованию три вещи суть нужны: первая есть злато, вторая есть злато, третья злато. Аз же, вопрошен о санех церковном и гражданском, кии бы были столпы и завесы бою, рекл бых: первое училища, второе училища, третьє училища пренуждены быти. Училища ... суть криле орля, има же слава пролетавает всю вселенную... Сих кроме обретенное оноє сокровище *обоєго* (духовного и светского. — А.Б.) *гражданства* растлевется»⁵⁸².

В 1680-х гг. мысль о том, что развитие «свободных мудростей» есть верный путь к славе Российского государства, займет важное место в публицистике в пользу просвещения. В орации Лигарида процветание Российского православного государства связано с пользой училищ равно и для церковных, и для гражданских дел. Особого внимания заслуживает конкретность содержания в орации предложений. «Ты убо, о пресветлый царю,— говорил оратор Алексею Михайловичу,— подражай Феодосием, Юстинианом, и созижди zde училища ради остроумных младенец, ко учению трех язык коренных наипаче: греческого, латинского и славенского». Далее автор уточняет задачи училища, которое должно удовлетворить прежде всего церковные, а

⁵⁸⁰ [Иоаким патриарх Московский]. *Увет духовный*. М., 1682. Л. 264.

⁵⁸¹ Горский А.В. Указ. соч. С. 152—153; Пытин А.Н. Указ. соч. С. 276—279. С.К.Смирнов, И.Е.Забелин и некоторые другие исследователи ошибочно отождествляют его с Арсением Греком. См.: Смирнов С.К. История Славяно-греко-латинской академии. М., 1855. С. 3; Забелин И.Е. Характер древняго народного образования в России (несколько замечаний о «Записке для истории просвещения в России» г. Куприянова) // Отечественные записки. 1855. Т. 105. С. 13; и др.

⁵⁸² Горский А.В. Указ. соч. С. 160—161.

затем и светские нужды: «От сего новаго училища Алексиевскаго... изыдут, аки от коня Троянского, христоименитии борцы, иже о добродетели твоего пространнейшаго царства, о умножении сего чина церковнаго, и о общей напоследок пользе всего христоименитаго гражданства ратовати будут»⁵⁸³. Завершается орация близким по содержанию к дидактическим стихам Симеона Полоцкого⁵⁸⁴ рассуждением о пользе каждого из трех предложенных для изучения языков: греческого, латинского и славянского, а затем о значении библиотек. Важно отметить, что орация Паисия Лигарида не содержит никаких признаков полемики о языке науки, ярко отразившейся в более поздних произведениях.

Иначе построено *Слово патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского на Рождество Христова 1666 г.*, обращенное к царю и «всяких чинов людям». Патриархи так же, как и Лигарид, увещевали слушателей «взыскать премудрости». Но мотивировали они это потребностями греческой православной церкви. Признавая, что раскол связан с «невежеством», они видели причину последнего в упадке учения на «еллинском» языке. Даже народы, говорили патриархи, «противнии вере православной, на западе обитающий, греческий язык яко светильник держат, ради мудрости его, и училища его назидают»⁵⁸⁵. Говоря о необходимости греческого училища в России, патриархи упоминали о трудностях, с которыми находящиеся под турецким владычеством греки содержат училища; упоминали о том, что для получения высшего образования греки вынуждены отправляться в католические университеты; наконец, связывали с училищем в Москве и само сохранение «благочестия» греческого духовенства. Таким образом, патриархи мотивировали основание в Москве *греко-славянского* училища для церковных нужд⁵⁸⁶.

⁵⁸³ Там же. С. 162.

⁵⁸⁴ В «Вертограде многоцветном». См. авторскую рукопись: ГИМ. Синодальное собр. № 288.

⁵⁸⁵ *Горский А.В.* Указ. соч. С. 163.

⁵⁸⁶ На предпочтение, оказанное патриархами греческому языку, обратил внимание И.Е.Забелин: «Вскоре приехавшие в Москву восточные патриархи точно также (как Паисий Лигарид.— *А.Б.*) убеждали царя завести греческие (но не латинские) и славянские училища, указывая особенно на важность изучения греческого языка». *Забелин И.Е.* Первое водворение в Москве греколатинской и общей европейской науки // ЧОИДР. 1886. Кн. IV. С. 3.

Предложения, высказанные Паисием Лигаридом и патриархами, различались между собой, но не противостояли друг другу. Так, патриархи не возражали против изучения в Москве иных, помимо греческого, языков. «Положи отныне в сердце твоём,— обращались они к царю,— еще училища, так греческая, яко славенская и иная назидати, спудеов милостью си и благодатию умножати, учителя благоискусныя взыскати, всех же честьми в трудолюбие поощряти»⁵⁸⁷. Но и Лигарид, предлагая преподавание на славянском и латыни, выдвигал изучение греческого языка на первое место.

Есть основания полагать, что на позицию Паисия Лигарида и патриархов на Вселенском соборе 1666—1667 гг. серьезное влияние оказал Симеон Полоцкий. Обе вышеуказанные орации известны по одной рукописи — это перевод на русский язык, написанный рукою Симеона Полоцкого и помещенный в его авторском сборнике⁵⁸⁸. Как известно, именно Симеон был переводчиком и консультантом патриархов и Лигарида на соборе 1666—1667 гг.⁵⁸⁹ Зная Полоцкого как активнейшего сторонника русского просвещения и учитывая сходство высказываний в его сочинениях и в орации Паисия Лигарида, можно с большой долей уверенности предполагать, что последняя отразила и взгляды учителя русских царевичей.

В историографии Симеон до последнего времени единогласно провозглашался «латинствующим» противником «грекофилов» (в лице Епифания Славинецкого со товарищи). Правда, обвинение просветителя в «латинской ереси» было выдвинуто через несколько лет после его смерти, во время богословской полемики 1680-х гг. (и развито в литературе XIX в.). Единственными показателями латинских «пристрастий» просветителя в 1660-х гг. могли бы служить его принадлежность к ордену базилиан (согласно владельческим записям на книгах), отнюдь не отвергавших греческую книжность, и проблематичное заключение о незнании им греческого языка (высказанное в той же полемике XVII в. и звучащее довольно странно относительно

⁵⁸⁷ Горский А.В. Указ. соч. С. 164.

⁵⁸⁸ РГБ. Ф. 173. I. Фундаментальное собр. Московской духовной Академии. № 68.

⁵⁸⁹ Подробно см.: *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. II. СПб., 1884; *Кантевер Н.Ф.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. М., 1887.

выпускника Киевской коллегии при Петре Могиле). Если характеристика «латинской» позиции Симеона Полоцкого в историографии хоть частично верна, то содержание Рождественского слова патриархов 1666 г. было бы для него неприемлемо.

Между тем еще Н.Ф.Каптерев утверждал (не аргументируя своего мнения), что Слово Паисия и Макария было написано самим Симеоном, а А.Н.Пыпин считал, что именно он произносил Слово от имени восточных патриархов⁵⁹⁰. Эти суждения отразили, видимо, тот факт, что позже Полоцкий включил текст Слова в свою «Вечерю душевную» (М., 1680). Важно отметить, что Сильвестр Медведев, тщательно готовивший рукопись «Вечери» к печати после смерти Симеона и в разгар борьбы за Академию, отнесся к содержанию Слова вполне одобрительно⁵⁹¹. Таким образом, «антигреческие» взгляды, безоговорочно приписанные в историографии Симеону Полоцкому и тем более его верному ученику Сильвестру Медведеву, вызывают изрядные сомнения. Орация Паисия Лигарида, а особенно Слово патриархов Паисия и Макария, отстаивают прежде всего этот язык.

Однако даже Слово восточных патриархов не было направлено против изучения латинского языка и содержало сильные доводы в пользу просвещения, утверждая необходимость училища в Москве для процветания Вселенской православной церкви. Призыв к его организации звучал в Слове патриархов весьма энергично: «Ниже отрицайтесь неимением училища, ибо аще възыщете, даст превечная мудрость от сердца благочестиваго самодержца таково хотение, еже училище построити и учителя стяжати в сем царствующем богоспасаемом граде Москве!» Патриархи даже указали (верно, не без помощи Симеона) источники финансирования этого предприятия — не только царскую казну, но и доходы архиереев, призванных к пожертвованиям на просвещение еще собором 1589 г.⁵⁹²

С деятельностью Симеона Полоцкого, по-видимому, было связано еще одно выступление в пользу организации училища.

⁵⁹⁰ *Каптерев Н.Ф.* О греко-латинских школах в Москве в XVII в. до открытия Славяно-греко-латинской академии // Прибавления к творениям св. отцев в русском переводе. Ч. XLIV. М., 1889. С. 616; *Пыпин А.Н.* Указ. соч. С. 348.

⁵⁹¹ Подробнее о редактировании учеником рукописей своего учителя см.: Прозоровский А.А. Сильвестр Медведев. С. 155—162 и др.

⁵⁹² Ср.: Скрижаль. М., 1656 (и более поздние издания). Гл. 7.

В одном из авторских сборников Симеона среди грамот и писем находятся уникальные документы об основании училища в приходе московской церкви Иоанна Богослова⁵⁹³. Подборка открывается анонимным *челобитьем прихожан* к восточным и Московскому патриархам с прошением о благословении «славенския грамматики училища строения» (Л. 153). Две *патриаршие грамоты* с ответами по поводу этого челобитья датированы 1668 г.⁵⁹⁴ Грамоты патриархов не являются простым ответом на челобитье прихожан церкви Иоанна Богослова, которые вели речь только о *славянском грамматическом училище*. Грамоты же

⁵⁹³ ГИМ. Синодальное собр. № 130. 2^я, 250 л. Состав см.: *Протасьева Т.Н.* Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А.В.Горского и К.И.Невоструева). Ч. 1. М., 1970. № 602. С. 24—25. В сборнике находится подборка патриарших и государевых грамот, составленных Симеоном образцов епистолий и его стихотворений. А.В.Горский выразил мнение, что это — собрание различных сочинений Полоцкого (Указ. соч. С. 167). Аналогичный взгляд на весь сборник и отдельные вошедшие в него неподписанные сочинения (напр., составленные от имени царя и патриархов грамота «О благочинном писании икон» и «Слово к люботщательным иконного писания») высказывали такие знатоки творчества Симеона Полоцкого, как Л.Н.Майков, И.А.Татарский, В.М.Пузиков и В.К.Былинин. Действительно, авторские сборники такого рода создавались в конце XVII в. Тем не менее относительно авторства текстов сборника Синодального собр. № 130 мы не можем выразить твердой уверенности. Достаточно отметить, что Полоцкий имел близкое отношение к использованным в нем грамотам и письмам. Возможно, первоначально Симеоном был составлен сборник авторграфов (подобно первой части авторского сборника ГИМ. Чудовское собр. № 98/300, с которой по заказу Кариона Истомина был списан его «Веселеил». — РГБ. Ф. 299. № 634, содержащий авторские произведения Кариона, тексты, написанные им для патриархов и других заказчиков, и проходившие через его руки грамоты важных лиц; в схожем сборнике ГИМ. Чудовское собр. № 88/290 его перу не принадлежит лишь одна грамота). По крайней мере белой список Синодального собр. № 130 (Л. 7—230) был сделан под наблюдением Сиивестра Медведева. Перед текстом он собственноручно написал оглавление (Л. 3—4), далее поместил составленное Симеоном в 1675 г. и тогда же перебеленное «Слово похвальное на двадесять и един праздник», собственноручную эпитафию Симеону и ряд других списков.

⁵⁹⁴ Даты от Рождества Христова совпадают, а от Сотворения мира расходятся: 7176 и 7177. Учитывая, что оба отклика вряд ли были написаны с большим разрывом во времени, их появление можно, вероятно, отнести к августу — сентябрю 1668 г.

санкционировали создание **славяно-греко-латинской гимназии**. Можно предположить, что они явились результатом деятельности Симеона Полоцкого, в сборник которого включены. Не менее вероятно, что ходатаем об открытии школы выступил новый настоятель церкви Иоанна Богослова выпускник Киево-Могилянской коллегии Иоанн Шмитковский⁵⁹⁵.

В сборнике грамоты безадресны, однако нельзя с полной уверенностью утверждать, что адрес отсутствовал и в подлинниках⁵⁹⁶. Возможно, грамоты относились не просто к частному случаю приходской гимназии, а являлись общей санкцией организации славяно-греко-латинских училищ в России. По крайней мере, именно так они были представлены Симеоном Полоцким и Сильвестром Медведевым.

В *грамоте патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского* говорится, что «приемше согласие» на устроение в России училищ от самого царя Алексея Михайловича, они «велием возрадовахся веселием, яко толику обретохом в Новом Израили ревность и любительство премудрости. С радостью они дают «благословение на сие достохвальное дело, еже есть на создание училищ и в них устроение учения, по закону православно

⁵⁹⁵ Харламович К.В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Казань, 1914. С. 384. Но и он вряд ли мог обойтись при получении московского прихода и патриарших грамот без солидной протекции, которую среди известных московских деятелей, участников собора, справедливее всего приписать тому же Симеону Полоцкому.

⁵⁹⁶ В грамотах говорится лишь, что они адресованы «честному и благочестивому мужу» имярек, который «неотступно молил» патриархов о благословении задуманного им учебного заведения при храме имярек (Л. 189, 199). В конце XVII в. создание образцов посланий, приветственных речей, праздничных поздравлений разным лицам и т.п. стало достаточно распространенным явлением. В частности, в сборнике Синодального собр. № 130, в образцах приветствий патриарху и другим иерархам, вместо имени зачастую значилось *имярек*. С другой стороны, в рукописях этого времени не отмечено случаев подобного вмешательства в текст собственно патриарших грамот: и в Синодальном, и в других сборниках литературных образцов, их адрес конкретен. Поэтому ближе к истине выглядит предположение, что грамоты относились не просто к частному случаю приходской гимназии, тем более, что их отношение к челобитью прихожан храма Иоанна Богослова ограничивается тем, что в Синодальном сборнике документы расположены последовательно: грамоты после челобитной.

кафолической Церкви, во славу Божию, различными диалекты: греческим, словенским и латинским... да отныне во вся последующие веки свободно будет сие святое дело совершати».

Российский патриарх Иоасаф начал свою *грамоту* с общей похвалы Премудрости, которая драгоценнее всего на свете и дарует все блага ее обладателю. Как и восточные патриархи, Иоасаф называет обратившегося к нему с просьбой «честный и благоговейный муж», который «неотступно молил» о благословении основания гимназии для обучения грамматике и прочим свободным наукам на разных языках, «паче же славенском и латинском». Патриарх на это «благословение дахом, да трудолюбивии спудеи радуются о свободе взыскания и свободных учений мудрости, и собираются во общее гимнасион ради изоощрения разумов от искусных дидаскалов».

Между двумя грамотами есть некоторые расхождения. Паисий и Макарий имели в виду обучение прежде всего греческому, затем славянскому и, наконец, латинскому языку. Иоасаф же, говоря о «различных диалектах», подчеркивает первенство языков славянского и латинского. В той и другой грамоте целью учения считается удовлетворение религиозных нужд, однако восточные патриархи писали о школе для детей («младенцев»), а Иоасаф о «гимнасии» «свободных учений мудрости», т.е. об изучении тривиума и квадравиума для «спудеев», как в Киево-Могилянской коллегии (где, кстати, основными языками были славянский и латинский, а греческий — вспомогательным). Более того, упомянутое патриархом Московским *богословие* было признаком *университетского курса*, долго отсутствовавшего и в Киеве.

Но идея организации училища имела серьезных противников. На это указывает сам факт составления тремя патриархами благословенных грамот, необходимость которых (при некотором расхождении авторов во взглядах) можно объяснить лишь стремлением усилить позиции сторонников просвещения. Сходными местами в обоих документах были пожелания страшных кар противникам создания училищ и гимназии. «А хотящим сему божественному делу,— писали восточные патриархи,— препинание или пакость творити, сама всемогущая десница Божия местница в сем и в будущем веце да будет, и гнев Господень да поженет и во вся дни живота его, донде же разсыпатися костем его при аде». «Аще же кто будет,— вторит им Иоасаф,— не бояйся Бога и учений ненавистник, завистник или пакоститель,

препинай сему белу Божию, чужд да будет поминовения Божия» и т.п.⁵⁹⁷

Дальнейшие события еще раз подтверждают, что организованная не без участия Полоцкого пропаганда идеи высшего образования в России столкнулась с сильным сопротивлением. Несмотря на выступления Лигарида и трех патриархов, в Москве не возникло ни греческого, ни латинского, ни славянского училища. Гимназия в приходе Иоанна Богослова, вероятно, не была открыта. Действовавшая с 1665 г. в Заиконоспасском монастыре школа Симеона Полоцкого закрылась в начале 1668 г.⁵⁹⁸ Его лучший ученик, подьячий приказа Тайных дел Семен Агафонникович Медведев, заодно с канцлером А.Л.Ординым-Нащокиным попал в опалу и был вынужден скрыться в дальнем монастыре, где принял постриг под именем Сильвестр⁵⁹⁹. Последнее упоминание о московской деятельности ученых старцев Андреевского монастыря, выписанных из Белоруссии Федором Ртищевым, относится к 1667—1668 гг. В 1669 г. на них поступила жалоба уже из Иверского монастыря: попавшие туда старцы обвинялись в склонности к бунту, назывались «крамолистами, своеобразными, не общежительными»⁶⁰⁰. Таким образом, к концу 1660-х гг. все известные нам училища в Москве были закрыты. Немногословные противники просвещения одержали крупную победу и сохраняли свои позиции более десятилетия.

Помимо А.В.Горского, опубликовавшего в своей работе две патриаршие грамоты, исследователи никак не выделяли в борьбе между сторонниками и противниками просвещения время с 1666 г. по конец 1670-х гг., ограничиваясь общим положением, четко сформулированным Н.Ф.Каптеревым, что «появление раскола нанесло смертельный удар старой системе начетниче-

⁵⁹⁷ Тексты опубликованы: *Горский А.В.* Указ. соч. С. 168—171.

⁵⁹⁸ *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев. С. 67—68.

⁵⁹⁹ *Богданов А.П.* Сильвестр Медведев. С. 86—87.

⁶⁰⁰ РИБ. Т. V. СПб., 1878. № 276. С. 742—744; *Сторожев В.Н.* Указ. соч. С. 14, 19—20. Сторожев доказал также, что Епифаний Славинецкий отнюдь не преподавал в Андреевской школе и даже никогда не жил в Андреевском монастыре (вопреки мнению И.П.Сахарова, И.И.Голикова, В.Н.Берха, С.М.Соловьева, Н.И.Костомарова, Макария и др. Там же. С. 13—14). Распространенная же легенда о преподавании Епифания в Чудовском монастыре была убедительно опровергнута: *Каптерев Н.Ф.* О греко-латинских школах... С. 603—608.

ства»⁶⁰¹. Некоторое исключение сделал И.Е.Забелин. Он писал, что в 1650—1670-х гг., «чем сильнее и явственнее обозначались и распространялись стремления к научному знанию, тем жесточе восставало против этих стремлений круговое слепое невежество старых церковников и начетчиков...; все, что могло в то время называться интеллигенциею... приходило все более к сознанию, что необходимо устроить книжное знание на... ученых основаниях». Однако общая оценка этих стремлений Забелиным была пессимистичной. О «необходимой свободе в устройстве светского образования и светской учености, какая требовалась уже неотложно не только для укрепления, но и для спасения государства», не могло быть и речи, особенно «прямым учреждением... Академии... по мирскому плану, согласно потребностям и интересам гражданственности, всеобщим интересам государства. О таком решении, — утверждал историк, — в умах того времени не могло возникнуть и помышления, по той причине, что не были еще ясно поняты и сознанны сами эти государственные потребности»⁶⁰².

Сопротивление идеям просвещения действительно было еще очень сильно: настолько, что могло в молчании, не подавая гласа хоронить все прогрессивные начинания. Но относительно осознания государственных потребностей замечательный ученый ошибся. В 1676 г. на престол взошел ученик Симеона Полоцкого царь Федор Алексеевич, глубоко убежденный, что именно учением, науками «все царства благочинное расположение, правосудия управление, и твердое защищение, и великое распространение приобретают!» Очевидно, что мысль о значении науки для «укрепления и прославления государства» (И.Е.Забелин) зародилась в России не только у «маленького, а потом взрослого Петра-Преобразователя». Но может быть, старший брат Петра имел в виду исключительно религиозную, «латинско-польскую» ученость, в корне отличную от «немецкой», светской науки — не зря же об этом различии долго твердили историки. Отнюдь —

⁶⁰¹ Кантлеров Н.Ф. О греко-латинских школах... С. 627.

⁶⁰² Забелин И.Е. Первое водворение в Москве Греколатинской и общей Европейской науки. Речь, читанная на заседании имп. Общества истории и древностей российских 19 апреля 1886 года, в память двухсотлетней годовщины рождения первого русского историка В.Н.Татищева, Председателем Общества И.Е.Забелиным // ЧОИДР. 1886. Кн. 4. Ч. I. С. 2—3, 14—15.

гражданские знания, дающие вполне реальные блага, стоят у Федора на первом месте. «Сокращенно же скажем: мудростью в вещах гражданских и духовных познаем доброе и злое». Основание **Академии**, как в России называли тогда университет — «всему нашему царству полезное... дело»⁶⁰³.

Смерть царя Алексея Михайловича и падение правительства канцлера А.С.Матвеева изменили в московской жизни многое. А.Л.Ордин-Нащокин, подавший новому царю две записки о своей государственной деятельности, был реабилитирован. Симеон же озаботился судьбой любимого ученика. Весной 1677 г. Сильвестр был уже в Москве, где и поселился вместе со своим учителем в Заиконоспасском монастыре, против Никольских ворот Кремля. 17 июля Федор Алексеевич самолично явился в монастырь. Оба ученика Симеона имели долгую беседу. Царь расспрашивал Медведева об обстоятельствах его опалы и полностью освободил от нее Сильвестра, выразив ему благоволение. Перед Медведевым открылась широкая дорога ученой деятельности. Сильвестр энергично расширяет свои знания, переводит сочинения учителя с латинского и польского языков, готовит их к изданию, вносит в текст многочисленные уточнения и дополнения. Знания и рациональный ум Медведева обращаются царем на государственную пользу. Вслед за учителем царь Федор считал важнейшим средством просвещения печатную книгу. В 1678 г., минуя должности «четца» и «писца», Сильвестр становится справщиком (редактором-составителем) государственного Печатного двора с годовым жалованием в 50 рублей. Через год Медведев уже старший справщик с окладом 60 рублей. За десять лет службы на Печатном дворе Сильвестр с тремя-четырьмя товарищами подготовил к печати более 150 изданий, в том числе множество учебных, разработал методику перевода и исторической критики текста, внес немалый вклад в становление славяно-русской библиографии⁶⁰⁴.

⁶⁰³ Подробнее см.: *Богданов А.П.* Царь Федор Алексеевич: 1676—1682. М., 1994; *он же.* Федор Алексеевич // ВИ. 1994. № 7; *он же.* Федор Алексеевич // Романовы. Исторические портреты. Кн. 1. М., 1997; *он же.* В тени великого Петра. С. 13—246.

⁶⁰⁴ Ср.: *Ундольский В.М.*: Очерк славяно-русской библиографии. М., 1871; *он же.* Сильвестр Медведев, отец славяно-русской библиографии // ЧОИДР. 1846. № 3; *Зернова А.С.* Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII вв. Сводный каталог. М., 1958.

Новой литературе было тесно в рамках контролируемого патриархом Иоакимом Печатного двора. С помощью царя Федора Полоцкий и Медведев организуют при дворе новую, светскую типографию — Верхнюю. Историки нередко рассматривают ее как царский каприз, игрушку для издания сочинений фаворита — Полоцкого. В действительности это было мощное предприятие, оснащенное шестью станами высокой печати и станком для оттисков офортов с медных матриц⁶⁰⁵. При Верхней типографии был свой приказ, которому подчинялись 23 опытных печатника и немалый обслуживающий персонал. Патриарх Московский и вся Русь Иоаким верно определил смысл организации нового издательства и проклял книги, выпущенные Верхней типографией «без благословения» Церкви⁶⁰⁶.

Новый этап борьбы за высшее учебное заведение начался в последние годы царствования Федора Алексеевича (1676—1682). В сочинении, приписываемом Федору Поликарповичу Орлову⁶⁰⁷, изданном Н.И.Новиковым под названием *«Историческое известие о Московской Академии»*, сообщается об открытии школы при Государевом Печатном дворе⁶⁰⁸. Автор связывал это событие с возвращением из Иерусалима (в 1681 г., по Орлову — 1679) иеромонаха Тимофея. Рассказывая царю Федору Алексеевичу об утеснениях, которые претерпевали христиане под властью Оттоманской Порты, Тимофей обратил внимание царя на происки «латин» в Иерусалиме и опасность, которую они представляют для православия. И царь, «сожалея об участи христиан восточных», якобы сам просил патриарха «об учреждении училища греческого в Москве, дабы оказать какую-нибудь помощь угне-

⁶⁰⁵ На Печатном дворе в то время насчитывалось 12 станов, а печатать с медных матриц там научились лишь на рубеже XVIII столетия.

⁶⁰⁶ Ср. фактический материал в работах: *Покровский А.А.* Древнее новгородско-псковское наследие // Труды XV Археологического съезда в Новгороде. 1911 г. М., 1916; *Киселев Н.П.* О московском книгопечатании XVII века. С. 164—169; *Голенченко Г.Я.* Белорусы в русском книгопечатании. С. 106—119. См.: Остен. С. 138.

⁶⁰⁷ В историографии он обычно именуется Федором Поликарповым — по уничижительным, без «вича», упоминаниям в источниках. Редкое, но встречающееся использование его фамилии (Орлов), побудило исследователей в ряде случаев называть сего героя Федором Поликарповичем Поликарповым-Орловым: длинно и неверно.

⁶⁰⁸ [Орлов Ф.П.] Историческое известие о Московской академии // ДРВ. Изд. 2-е. Ч. XVI. М., 1791. С. 296—297.

тенному православию». Таким образом, по версии Орлова, в мотивировку необходимости училища был внесен новый элемент: не только помощь притесняемым варварами восточным христианам, но и защита восточного «благочестия» от «латинства»⁶⁰⁹.

«Сожаление об участи христиан восточных» было одной из неувядаемых тем литературной публицистики. Обострение же отношений между православными и католиками в Палестине отразилось в грамотах Иерусалимского патриарха Досифея⁶¹⁰. В 1679 г. он потребовал от Московского патриарха Иоакима следить за паствой, «от великих, так и от малых, чтоб не чли и отнюдь не держали у себя такие книги, в которых держится скверное учение» католиков, лютеран или кальвинистов⁶¹¹.

Позиция Досифея, выраженная в его грамоте царю Федору Алексеевичу по поводу открытия Типографского училища, весьма сходна с миссией Тимофея в изложении Ф.П.Орлова. «Благодарим господу Богу, яко благоволил есте быти в царствующем граде Москве Еллинскому училищу», писал Досифей, чтобы «тем еллинским учением удалитися от латинского учения». В связи с этой задачей Досифей просил государя «тое училище... впредь распространити»⁶¹².

На первый взгляд Иерусалимский патриарх просто развивал взгляды, высказанные в Слове и грамоте Паисия и Макария. Но обращает на себя внимание его нетерпимость к латинскому языку, резкость, с которой он нападает на «латинство», и особенно на чтение латинской литературы в России. «Храни,

⁶⁰⁹ Рассказы Ф.П.Орлова долгое время считались вполне достоверными. Однако И.Е.Забелин показал, что завершение каменных палат под «учение» в Заиконоспасском монастыре, датированное «Историческим известием» 1686 г., на самом деле произошло в 1687 г. (*Забелин И.Е.* Первое водворение... С. 7). Затем Н.Ф.Каптерев, обратившись к материалам Посольского приказа, выяснил, что и школа Тимофея не могла открыться в 1679 г., поскольку тот прибыл в Москву в начале 1681 г. Ошибся Орлов и в указании, что под школу были отведены три готовые палаты Печатного двора, «сущия под приказною, иже ныне зовутся казенными». В действительности ученики в сентябре 1683 г. заняли «новья каменные палаты... построены вновь для учения школьного, греческого языка» (*Каптерев Н.Ф.* О греко-латинских школах... С. 649—653). Соответственно, и другие сведения Орлова нуждаются в тщательной проверке.

⁶¹⁰ См.: *Каптерев Н.Ф.* Сношения Иерусалимского патриарха...

⁶¹¹ *Каптерев Н.Ф.* О греко-российских школах... С. 668.

⁶¹² СГГид. Ч. IV. М., 1828. С. 421; *Горский А.В.* Указ. соч. С. 175—176.

храни, храни стадо Христово,— писал он патриарху Иоакиму в начале 1682 г.,— чисто от латинского писма и книг, яко же в них есть учение антихристово... идеже обрящутся — да сожгутся, а елицы я хоронят (а которые их хранят.— А.Б.) — смертию да казнятся. Тако сотворите и вы о латинских книгах, яко есть лестныя и прелестныя»⁶¹³.

Боясь лишиться получаемой из России материальной помощи, Иерусалимский патриарх отлично понимал опасность довольно распространенного в Москве мнения о потере греками «благочестия» и о перемещении в русскую столицу центра мирового православия⁶¹⁴. Досифей всеми силами стремился убедить, что греки были и остаются «учителями и источником веры». Восточные иерархи опасались возможности для русских черпать церковную ученость из другого источника. Однако маловероятно, чтобы проникновение в Россию ограниченного числа западноевропейских богословских сочинений само по себе могло подвигнуть Иерусалимского патриарха на столь активную (и связанную с расходами) пропагандистскую деятельность.

В 1681 г., одновременно или даже ранее школы Тимофея, в Москве было открыто другое училище — славяно-латинская гимназия Сильвестра Медведева в Заиконоспасском монастыре, с преподаванием на двух языках курса грамматики, риторики и, вероятно, других «свободных мудростей»⁶¹⁵. Это детище царя Федора Алексеевича, содержавшееся на его средства, возглавленное близким к царю и весьма энергичным человеком, было свидетельством определившихся намерений правительства реализовать идею государственного училища повышенного типа.

Чрезвычайно важно отметить, что слухи об этих намерениях распространились до начала учения в Заиконоспасском монастыре. Досифей проявил беспокойство еще в 1679 г. (его пер-

⁶¹³ *Кантеев Н.Ф.* О греко-латинских школах... С. 668. Подробнее см.: *он же.* Сношения Иерусалимского патриарха...

⁶¹⁴ *Кантеев Н.Ф.* Характер отношений...; *Белокуров С.А.* Арсений Суханов. Ч. 1—2. М., 1891—1894; *Богданов А.П.* Автограф «Прений с греками о вере» Арсения Суханова // ИОИ за 1989 г. М., 1989; и др.

⁶¹⁵ *Кантеев Н.Ф.* О греко-латинских школах... С. 649—653; *Забелин И.Е.* Домашний быт русский царей XVI—XVII вв. Изд. 2-е. Ч. II. Материалы. М., 1872. № 50. С. 140; *Полежаев Е.* Школьное дело в России до Петра Великого и в начале XVIII в. // Странник. 1881. Т. 1. С. 217; и др.

вая грамота против латинских книг в России датирована 24 июля). Примерно в одно время с Тимофеем в Москву прибыл и Андрей Белобоцкий, официально сообщивший о цели приезда: «Для того, слышал он, что великий государь на Москве хочет заводить школы, и он желал того, чтоб ему в тех школах быть учителем»⁶¹⁶. Слух о характере этих школ был вполне определенным. В доносе, поданном на Белобоцкого 19 мая 1681 г., живший в Москве Павел Негребецкий сообщал: «Вопросих его: что вина твоего в Москву приезду? Он же отвеща: услышах, яко великий государь хочет по Москве учение заводить и Академию устроить, и аз приехал учить». С этой новостью соседствовала в речах Белобоцкого и другая, не менее интересная, что «римляне всякими способы помышляют в Российском царствии, чрез науку, ввести свои ереси»⁶¹⁷.

Итак, уже в 1679 г. Россия и окрестные страны наполнились слухами о предстоящем открытии в Москве высшего учебного заведения и опасности, которую представляло для православия изучение в нем «латинской» науки. Если первая версия вытекала, по-видимому, из замыслов правительства, то вторая была связана с разгоревшейся вокруг этих замыслов идейной борьбой, в которой открыто выступила группировка, получившая в литературе название «греческой (старомосковской, великороссийской) партии». Ее позиция отразилась, в частности, в двух публицистических сочинениях.

Наиболее вероятным автором первого из них — *«Учитися ли нам...»*⁶¹⁸ — называется признанный в литературе лидер «грекофилов» Евфимий Чудовский⁶¹⁹. Важен вопрос о времени созда-

⁶¹⁶ Горфункель А.Х. Андрей Белобоцкий... С. 197. Ср. С. 200.

⁶¹⁷ Черновик извета см.: РГБ. Ф. 173. I. № 68. Пересказ см.: Горский А.В. Указ. соч. С. 179.

⁶¹⁸ Сочинение помещено в сборнике, списанном в 1685 г. в Москве для архиепископа Холмогорского и Важского Афанасия с рукописи, принадлежавшей, по-видимому, Евфимию Чудовскому: БАН. Архангельское собр. № 164. Л. 142 и далее (описан: Викторов А.Е. Описи рукописных собраний в книгохранилищах северной России. СПб., 1890. № 115). Второй список см. в сборнике-конволюте конца XVII в. из библиотеки Софийского дома: РНБ. Софийское собр. № 423. Л. 2 и далее (описан: Кантеев Н.Ф. О греко-латинских школах... С. 628—629, 638—645). Опубл.: Сменцовский М.Н. Братья Лихуды. Приложения. С. VI—XXVI.

⁶¹⁹ Сменцовский М.Н. Братья Лихуды. С. 119—120, 396—399; Флоров-

ния памятника, определяющий его место в идейной борьбе конца XVII в.⁶²⁰ В сочинении после описания некоторых якобы проникших в Москву «ересей» говорится: «И сия убо еще ниже начало приемшу латинскому учению славяном, егда же тое учение в дело произыдет и преуспевати начнет... егда услышат латинское учение в Москве наченшееся... лукавии иезуити подыдут, и неудобознаваемая своя силлогизмы или аргументы душетлительныя начнут всевати, тогда что будет?»⁶²¹. Если «славяне» *еще не приняли* начала «учения» на латинском языке, то текст правильнее датировать временем накануне открытия Заиконоспасского училища в 1681 г., когда начались уже и «хлопоты» об организации Академии.

Рассуждение Евфимия состоит из двух «вопросов». Первый из них: «Учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии, и феологии, и стихотворному художеству, и оттуду познавати божественная писания, или, не учася сим хитростем, в

ский А.В. Чудовский инок Евфимий: Один из последних поборников «греческого учения» в Москве в конце XVII в. // *Slavia*. 1949. XIX. Seš. 1—2. S. 123. Следует отметить, что оба автора не привели решительных доказательств в пользу этой атрибуции. Она вызывает доверие главным образом благодаря совпадению отраженных в памятнике представлений с известными позициями Евфимия.

⁶²⁰ Н.Ф.Каптерев, основываясь на анализе содержания, отнес его к концу 1670-х гг. (*Каптерев Н.Ф.* О греко-латинских школах... С. 628—629). М.Н.Сменцовский, отметив, что упоминание царя Алексея Михайловича в прошедшем времени не позволяет датировать текст ранее 29 января 1676 г., согласился, что «ближайшим поводом, вызвавшим рассуждение, послужили хлопоты Медвдева о преобразовании своей школы в Академию». Обратив внимание на указание в тексте, что иезуиты еще не приехали в Москву, он определил верхнюю дату и сделал вывод, относящий произведение к следующему им периоду: это «весьма любопытное рассуждение, время появления которого, надо думать, относится именно к концу 1684 или к началу 1685 годов и которое, следовательно, обрисовывает условия возникновения и положение греческой школы Лихудов в самые первые дни ее существования» (*Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды. С. 265—271. Приложения. С. VI.). Построение Сменцовского тенденциозно и противоречит фактам, приведенным в его монографии, например, о посещении Москвы католиками (и иезуитами в частности) ранее установленной им верхней даты, в сентябре 1683 г., январе и марте 1684 г. (Там же. С. 148—149; подробнее см.: *Цветаев Д.* Из истории иностранных исповеданий... С. 223—224, 315—363).

⁶²¹ Цит.: *Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды. Приложения. С. VI—XXVI.

простоте Богу угождати и от чтения разум писаний познавати?» Другими словами, что предпочтительнее с точки зрения благочестия: старинная система начетничества или свободные науки, риторически вопрошает автор, как будто этот вопрос не был разрешен участниками Вселенского собора 1666—1667 гг. Автор считает необходимым отметить, в духе Стоглавого собора, что учение — свет, а неучение — тьма: «Неученье — тьма, ослепляющая умныя очи... учение же ясная луча есть, ею же невежества тьма разрушается и естественныя человеческого разума очеса просвещаются, и есть велие благо».

Затем следует второй, главный вопрос: «Вопроситель паки рече: Вижду и поразумеваю, яко учение свет, неучение же тьма; но *котогаго языка учению учитися нам, славяном, потребнее и полезнее, латинскаго или греческаго?*» Ответ свидетельствует, что все произведение было написано не для обоснования необходимости устройства в России училища, а прежде всего с целью не допустить открытия в Москве училища славяно-латинского. «Глаголют неции,— пишет автор,— яко свойственше нам, словеном, учитися латинскаго языка учению, яко удобншу сущу к познанию и потребншу, нежели греческому, неудобознанному». Опровергая это утверждение, публицист пересказывает вначале аргументы Мелетия Смотрицкого о сходстве славянского и греческого алфавитов, языков и грамматики, благодаря которому «учася тому не погрешит истинны о богословии». Но «опасно имети подобает, да не и славенский диалект от того латинского учения постраждет, яко уже и начинаются латинския и польския пословицы⁶²² славенскаго языка в писаниях появляти-

⁶²² Речь идет не просто о пословицах, широко распространявшихся в популярных сборниках, или об употреблении латинских сборников пословиц (см., напр., *Adagia* Эразма Роттердамского у Игнатия Римского-Корсакова). Растущая популярность изучения иностранных языков, создание и хождение многочисленных «лексиконов многоязычных» способствовали развитию русской литературной и разговорной лексики, которому Евфимий силится придать одностороннюю греческую направленность. Евфимий оставил воистину громадное книжное наследие, отличающееся ярко выраженным стремлением к созданию нового, «еллинославянского» литературного языка: смеси церковнославянского с греческим. Неумеренный буквализм переводов с греческого, при настойчивости попыток «облагородить» с помощью последнего русский литературный язык, сделали труды Евфимия неудобочитаемыми и местами смешными. Но

ся». А за изменениями в языке обычно следует и перемена, си-
речь растение нравов.

Далее любое возражение автора немедленно переходит в сферу богословия и пугает читателя жупелом «ереси». «Латинский язык скуден и убог по себе самому», а латинские библии все «неисправны». «Язык греческий честен и велик, и богословие могущ объяти, не заимствуя языка латинскаго; язык же латинский без греческаго ничто же могущ высоких разумений, паче же о богословии писати и глаголати, и велми сам собою непотребен нам, славяном, и ничтоже воспозует нас, но паче пошлит, и далече от истины в богословии отведет, и к западных зломудрию тайно и внезапно привлечет».

Обильно цитируя рассказы Епифания Славинецкого (учителя Евфимия, которому тот поклонялся как высшему авторитету), автор утверждает, что «греческий язык и учение всю вселенную просвещает»; «Поведаше вышешепомяненный Епифаний Славинецкий, о себе глаголя: яко в мале не прельстихся латинскаго мудрования лестию, дондеже прочитал святых отцев писаний греческих книг, но точию читая латинския». Далее следует рассказ о том, сколь важен язык для сохранения единства славянской и греческой Церкви и несовершенного дондесь исправления славянских книг. Лишь когда «изучится народ российский художеству грамматики, риторики и прочих по-гречески и славенски», когда созданы будут «лексиконы греко-славянския (яже уже и начашася), и оттуду познается российскому народу греческий диалект — тогда совершенно да исправится!»

Следующий аргумент автора имеет негативный характер. «От учения латинскаго,— пишет он,— ничтоже еще видя, начинаются быти странныя подверги и чуждыя восточныя святыя

целье полки пухлых рукописей чудовского келаря, стоящие за ними десятилетия тяжкого скрупулезного труда не располагают насмехаться над воинствующей бездарностью глубоко образованного книжника, готового положить на алтарь идеи «учиться у греков» чужие жизни так же, как и свою. Для оценки его позиции важно отметить, что, помимо огромного количества переводов с греческого, в наследии Евфимия Чудовского есть солидные переводы с латинского и польского языков и написанный его рукой русско-латинский словарь (РНБ. Собр. М.П.Погодина. № 1647). См.: *Исаченко-Лисовая Т.А.* О переводческой деятельности Евфимия Чудовского // *Христианство и церковь в России феодального периода.* Новосибирск, 1989. С.194—210; и др.

Церкве». Если же в Москве начнут изучать латинский язык, то она станет добычей иезуитов; тогда будет «отступление от истины, еже страждет или же пострада Малая Россия: приучившись латине, быша мало не вси униаты, редции останахся православнии». Автор сильно отступал от истины зачеркивая многолетнюю борьбу с католическим и униатским влиянием украинского православного духовенства, тем более, что именно оно твердо и последовательно отстаивало политический союз с Россией. Очевидно, что, обвиняя малороссиян в латинской ереси, публицист руководствовался корыстью некоей неофициальной группировки, не связанной с политическим курсом правительства.

Заключение сочинения еще яснее вскрывает намерения автора. Обращаясь ко всем духовным и мирским начальникам, он молит их всеми средствами *«угасить малую искру латинскаго учения, не дати той раздмитися и воскуритися, да не пламень западнаго зломъсленнаго мудрования растекся попалит и в ничто же обратит православия восточнаго истину»*. Другими словами, изучение латинского языка и, как следствие, знакомство с европейскими науками рассматриваются как прямая опасность для веры. Вместо этого всем, «от благородных до простых... поселян», предлагается изучать греческий язык и читать на нем сугубо богословскую литературу. Напоследок автор пугает власти распространением некоторых европейских идей в народе: «Аще же услышится в народе, паче же в простаках, латинское учение, не вем коего блага надеяться, точию избави Боже всякия противности».

Таким образом, автор памфлета «Учитися ли нам...» выразил позицию непримиримых противников проекта российской Академии, основной целью которых было недопущение прямого распространения в государстве европейских знаний. Памфлет показывает и другое: идея высшего учебного заведения стала к концу 1670-х гг. настолько популярна, что прямое отрицание ее сделалось невозможным. Потеряв свое подавляющее влияние, молчаливые до того «мудроборцы» оказались втянутыми в полемику и вступили в нее в качестве «грекофилов», стремясь ограничить содержание и цели образования греческим богословием и нуждами греко-русской православной Церкви⁶²³. Однако не

⁶²³ Вернее будет разделить молчаливое большинство противников всякой «учености» и истинно ученых «грекофилов» вроде Евфимия Чудовского, ставшего орудием «неучения», отстаивая *свои* ученые уст-

все «грекофилы» придерживались столь консервативных взглядов, чтобы их можно было именовать «мудроборцами».

Публицистическое сочинение под заглавием: «*Довод вкратце. Яко учение и язык еллиногреческий наипаче нужно-потребный, нежели латинский язык и учения, и чем пользует словенскому народу*»,— датируется концом 70-х — началом 80-х гг. XVII в.⁶²⁴ Автор «Довода вкратце» не считает своих противников «латинствующими», т.е. зараженными ересью. Он сам ссылается на «Антония Поссевина, славного генерала иезуитцкого», призывавшего к изучению греческого языка, и обильно цитирует его «Избранные сочинения»⁶²⁵. Публицист справедливо отмечает большое значение греческой культуры для европейских стран. «Притом,— пишет он,— и академии древнии греческие во многих странах, и греческий язык является в немецком и французском языке... А по взятии Царяграда от турков многие ученые мужи и з книгами святых отцов и философов приедучи, варварию (в Западной Европе.— А.Б.) разсыпали и искусство языков к ним приведоша».

Автор «Довода вкратце» дважды ссылается на опыт западноевропейских университетов, в которых изучается греческий язык. Он говорит, что «сами латини во всех своих академиях... вкупе учатся греческому и латинскому языку, зане иное основание, кроме греков, во всех свободных учениях, хотя и много трудились, вымыслити не могут». В другом месте автор повторяет, что «греческое учение во всех академиях и до днесь по-

ремления против всяких других. «Тьма невежества» отошла на второй рубеж обороны, предоставляя сравнительно безобидным в силу чудаковатости мудрецам «изобличать» своих более опасных соперников-просветителей.

⁶²⁴ РГБ. Ф. 173. II. № 35. Сборник конца XVII — начала XVIII в., принадлежавший семье видных московских дворян Власовых (Михаилу и Ивану Остафьевичу), содержит полемические сочинения против «латинства», сочинения и выписки из изданий Симеона Полоцкого, Иоанникия Гаятовского, Иннокентия Гизеля, братьев Лихудов, стихи и проповеди. Описан: *Тиганова Л.В.* Собрание Московской духовной академии дополнительное. Оп. II. М., 1965 (машинопись). С. 18—19. «Довод» (Л.153—158) датирован: *Горский А.В.* Указ. соч. С. 176—178; опубликован: *Кантефев Н.Ф.* О греко-латинских школах... С. 672—679.

⁶²⁵ Антоний не был генералом ордена, но уважение автора к его трудам несомненно.

учается вместе с латинским», особенно в Венеции, Париже, Лондоне, Праге, Риме, в Голландии. Он признает превосходство этих университетов над современными греческими училищами, хотя и приукрашивает последние.

Утверждая, что «великая есть антипатия древняя меж рода русскаго и латинскаго», автор не склонен считать все латинское еретическим: «...и что-нибудь происходит от латинов, хотя и доброе, однако же подозрительное и неприятное». Тезис о «повреждении веры» латинским учением упоминается мельком лишь в заключение памфлета: «Того ради подобает наипаче учиться гречески, понеже тем языком не токмо не вредится вера, яко латинским, но и зело исправляется; да и учити купно со славянским, яко да временем и славянский язык (который пребогат есть) очистился». Наконец, автор отнюдь не призывает запретить изучение латыни: «А по греческом учении хотящему не вредительно учиться и латинскому, а в первой латинскому языку учиться велие опасение».

Таким образом, публицист убедительно отстаивает необходимость положить в основу московского училища греческий и славянский языки с латинским факультативом. Более того, автор отнюдь не сводит науки к богословию. Он упорно повторяет, что Греция «всех учений свободных всем государствам предаша». Оттуда пошли учения стоиков, платоников и перипатетиков, эта же страна «толиких мучеников и исповедников, богословов, дев, пап и соборов произвела»! Автор обращается к языческим временам и приводит свидетельства в пользу греческого языка из Цицерона, Полибия, Авла Геллия, Лукреция Кара; переходит затем к св. Иерониму, «Фаворину, философу французенину, Филону и Иосифу евреяном», другим «сириянам, египтянам, и фракиянам, и иным народам», которые хвалили греческий язык. На греческом языке писали: «Птолемей — мусикию и астрологию, Никомах и Амвлих — сириане — арифметику и геометрию, Эрмис Тривеличайший и Архиста — диалектику; и оставлю которые во учение законов, и в дохтурстве, и иных учениях написаны, иже нужно надобно ко учению языка греческаго».

Аргументы от богословия весьма кратки. Автор указывает, что грекоязычная Библия и святоотеческие произведения дают лучшие тексты, «с которыми сравнены, переводы их являются на иных языках как неполны и несовершенны». Само Евангелие «Духом же Святым на греческом языке написано». Но эта

тема не развивается. «И оставим,— пишет автор,— для множества толиких богословов, философов, дохтуров, творцов, риторов, астрологов, геометров и прочих. Кто богословие тако высоко, яко Дионисий и Григорий написаху? Кто остроумнее Аристотеля философию, или во астрологии Птолемеа, и в геометрии Евклида, и в риторикѹ Димостена, и в дохтурство Ипократа и Галина, и в творцах Омира, и во всех прочих учениях кто подобии грекам?».

Итак, автор безусловно признает авторитет античной науки, и ее изучение на греческом языке ставит едва ли не выше богословия. В то же время он отдает себе отчет в том, что *языком современной ему науки и международного общения* является латынь. «И греческое учение бблшую славу причиняет, нежели латинское,— завершает автор свое сочинение,— понеже латинский язык общий, умножен, и не так в чести, яко греческий». Этот весьма сомнительный аргумент выдает некоторые колебания автора, который склонен уклониться от окончательного вывода: «вручаем то делов рассуждение мудрому учителю».

Реализация культурно-исторического подхода к роли греческого языка в европейской культуре выдает в авторе «Довода вкратце» человека, хорошо знакомого с античной традицией, понимающего значение изучения древнегреческих памятников в эпоху Возрождения и в то же время отдающего себе отчет, что новая культура Европы основана на их латинских (прекрасно оформленных и комментированных) изданиях и развивается на латыни. Это ведет нас к одному человеку, в полном объеме владевшему необходимыми знаниями — Игнатию Римскому-Корсакову, композитору, переводчику с греческого и латыни, церковному полемисту, поэту и историку⁶²⁶. Блестящий знаток античной традиции, литературы Возрождения и современной историографии, Игнатий летом 1680 г. вернулся в Москву с Соловков и возглавил монастырское подворье в столице, заняв достойное место в окружении патриарха Иоакима, которого, надо полагать, и именует «мудрым учителем». «Возобличение иноверия» было одной из важных тем его трудов.

Помимо уровня эрудиции и соответствия подходов к европейской литературе в «Доводе» и признанных трудах Игнатия, обращает на себя внимание сходство некоторых деталей: во

⁶²⁶ См. выше: Гл. 3. Прим. 44.

всех сочинениях конкретизируются источники сведений (в том числе заимствований), в качестве аргумента оценки заключений фигурирует «общепринятость» в книжном мире, видное место (даже в орациях) занимают ссылки на историков и летописцев.

В «Генеалогии» Римских-Корсаковых, в речах перед войсками и обращениях к царям, в полемике со староверами, в решении любой темы Игнатий придерживается исторического подхода. «Летописцы древнии русские все согласуются», сказано в «Доводе», что Русь приняла веру от греков «и всякие дела церковные и гражданские и всякие обычаи славянский народ от них и принял, и до сего дня непоручимо держит. И свидетели тому не токмо греческие и славенские историки, но и сами латыни», например, Цезарь Бароний. А Павел Пясецкий утверждал, что «вся Славянния по природе народа своего омерзается от учения и художества немецкаго, и что отгуду придет, какое-нибудь дело, кроме ремесства, чаёт себе вредительно и низвергает яко подозрительное». Это свидетельство особенно ценно в глазах автора потому, что известный историк был еще епископом Перемышльским, представителем противного лагеря.

Автор «Довода», каковым мы, по-видимому, вполне можем считать Игнатия, констатирует противостояние России и Запада, но не склонен его абсолютизировать. Для Евфимия Чудовского латинский алфавит — «козлище инородное», «латиницы... за скудость свою» даже имен писать правильно не умеют («всех же стыднейшее: святаго... Иова имя зовут срамно Иоб»). Для Римского-Корсакова это отношение объяснимо: «Притом великая есть антипатия древняя меж народа русскаго и латинскаго. И что-нибудь происходит от латинов, хотя и доброе, однако же подозрительное и неприятное. И для того какия трудности случилися в вере, всегда Великая и Малая Русь ко грекам, а не к латином разрешати посылали, яко же явно о том все летописцы русские и посторонныя свидетельствуют».

Объективно «Довод вкратце» нес сильнейший публицистический заряд, расставляя на свои исторические места все проблемы с языками науки. Но заявленного в заглавии доказательства, что «язык еллиногреческий наипаче нужно потребный, нежели латинский язык и учения», не получилось: автор сам не представляет эти языки один без другого, подменяя заказанный памфлет против латыни научным опусом. «Грекофилия» Игнатия Римского-Корсакова очевидно противостоит «грекофилии»

Евфимия Чудовского, да и та, в свою очередь, слишком мудра для «грекофилии» практиков «мудроборчества», целью которых являлась изоляция России, сохранение ее относительной обособленности от культуры Европы.

Несмотря на весьма существенные расхождения в оценке проблемы, задачи обоих памфлетов объединяет противостояние европейской науке Нового времени. Важным средством ограждения России от нее являлось полное запрещение или же строгое ограничение изучения в стране латинского языка. Не в силах воспрепятствовать организации государственного высшего учебного заведения, «мудроборцы» в самом конце 70-х — начале 80-х гг. XVII в. попытались трансформировать его идею, превратив проектируемую Академию в церковное училище.

Публицистические сочинения о превосходстве греческого языка над латинским явно выражали тот скрытый факт, что против организации царем Федором Академии выступал глава русской православной Церкви. Причем его позиция в основном совпадала с позицией автора памфлета «Учитися ли нам...». Грамота патриарха Досифея к царям Ивану и Петру с сообщением о просьбе, переданной ему русским патриархом Иоакимом, говорит о том, что последнему «как мысль об учреждении училища в таких размерах казалась несвоевременною, так и права, предоставляемая начальству академическому, не совсем согласными со строгими иерархическими понятиями». Иоаким «просит не многих наставников для учреждения целой академии, а одного учителя греческого языка. Очевидно, что патриарх хочет только продолжить и, может быть, улучшить состояние существовавшей греческой школы»⁶²⁷, которая была организована в противовес замыслу Академии, сформулированному в особом документе («Привилее»).

«*Привилей Московской академии*», написанный от имени царя Федора Алексеевича Сильвестром Медведевым⁶²⁸ и утверж-

⁶²⁷ Цит.: Горский А.В. Указ. соч. С. 184—185. Поддерживаемая патриархом Иоакимом в противовес затеям царя Федора «Типографская школа была только элементарною, где обучали греческому и славянскому чтению и письму, а не проходили курса наук средней или высшей школы» (Кантевев Н.Ф. О греко-латинских школах... С. 659).

⁶²⁸ Авторство Симеона Полоцкого, в котором сомневался еще А.В.Горский (Указ. соч. С. 180), было убедительно опровергнуто Н.Ф.Кантевевым (О греко-латинских школах... С. 655—656). На Медведева как

денный в начале 1682 г., в основных своих положениях совпадает с рассмотренными орациями 60-х гг. Так же как Лигарид, Сильвестр развивает мысль о спасительности науки для охранения и расширения веры и подчеркивает, что именно учением «вся царствия благочинное расположение, правосудства управление, и твердое защищение, и великое разпространение приобретают». «Сокращение же речем,— гласит «Привилей»,— мудростию во вещех гражданских и духовных познаём доброе и злое, ...ни о чем же тако тщание наше составляем, яко же о изобретении премудрости, с нею же вся благая от Бога людям дарствуется». Сильвестр ссылается на благословение «учения» в России «разными диалекты, греческим, славенским и латинским», данное при Алексее Михайловиче восточными патриархами Паисием и Макарием. Благословение Московского патриарха Иоасафа опущено, возможно, потому, что разрешенное им могло быть запрещено Иоакимом. Однако программа «всему нашему царствию полезнаго... дела», по «Привилею», более соответствует иоасафовской грамоте.

«На взыскание свободных учений мудрости,— гласит документ,— царь желает,— ...храмы чином Академии утвердити; и во оных хошем семена мудрости, то есть науки гражданския и духовныя, наченше от грамматики, пиитики, риторики, диалектики, философии разумительной, естественной и нравной, даже до богословии... постановити. При том же и учению правосудия духовнаго и мирскаго, и прочим всем свободным наукам, ими же целость Академии, сиречь училища составляется, быти». Высшее учебное заведение должно давать как церковное, так и светское образование на трех языках, соответствовавших этим задачам, составляющим европейский университетский курс.

Место и значение светского образования в Академии определялись специальной 10-й статьей «Привилея»: студенты, из-

главного инициатора «умоления» Федора Алексеевича «построити академию» указывают *Лихуды* (ГИМ. Синодальное собр. № 440. Л. 99 об.—103, 117). Предположение *А.И.Рогова*, что «Привилей» был написан Карионом Истоминым, которое, по его мнению, «тем более вероятно, что «Привилею» предшествует стихотворное предисловие с прямым указанием на его авторство» (Очерки русской культуры XVII в. Ч. II. М., 1979. С. 152), основано на недоразумении — стихотворное «Вручение» «Привилея» **подписано Медведевым** (см. текст: *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев. С. 383—388).

бравшие светскую карьеру, «по совершении свободных учений имут быть милостиво пожалованы в приличные чины их разуму». Потребность государства в образованных кадрах была вполне осознана: «А не учащихся свободным учениям всяких чинов людей, детей их, разве благородных», Федор Алексеевич обещал «в наши государские чины... ни за какие дела, кроме учения и явственных на войнах и иных государственных наших государския части ко умножению и государства к расширению соделаний — не допускати». Ничего подобного учащимся богословских классов, учитывая отношение к Академии патриарха, не обещалось, хотя потребность Церкви в ученых была остра.

Рассмотренные памятники свидетельствуют о настойчивых попытках во второй половине 1660-х гг. добиться основания как латино-, так и греко-русских светских и духовных училищ повышенного типа, предпринятых Симеоном Полоцким и поддержанных позже Сильвестром Медведевым. Противники предлагаемой ими системы впоследствии называли их «латинствующими», тем самым обвиняя в пристрастии к католицизму. Однако подлинная позиция этих сторонников просвещения России иная. В конце 1670-х гг. усилия сторонников просвещения делают реальным осуществление проекта Академии для подготовки европейски образованных светских и духовных кадров. Как раз в это время выступают так называемые «грекофилы».

Представители этой группировки придерживались различных взглядов, прежде всего на роль и опасность изучения латыни. Крайние «грекофилы», которых наиболее точно характеризует определение «мудроборцы», выступали прежде всего с негативной программой запрещения или существенного ограничения в учебных заведениях латинского языка и литературы в целях ограждения России от проникновения западноевропейской научной и общественной мысли. В позитивных предложениях «грекофилов» выделяются два направления. Первое, имевшее официальную поддержку в лице патриарха, сводило проблему просвещения к основанию вместо Академии достаточно примитивного духовного училища. Второе предусматривало организацию университета для изучения духовных и светских наук по античным классикам, чтобы противопоставить «огню западного зломысленного мудрования» «ученый» барьер. Борьба между сторонниками просвещения и «грекофилами» была важным этапом развития русской общественно-политической мысли.

СХВАТКА ЗА АКАДЕМИЮ

В начале 1680-х гг. борьба сторонников и противников высшего образования в России развернулась с новой силой. Создание «Привилея Московской академии», сформулировавшего основные принципы государственного учебного заведения для подготовки высококвалифицированных светских и духовных кадров, и организация в противовес ему церковного среднего Типографского училища, стали крупными шагами двух противоборствующих группировок, а именно сторонников и противников высшей школы современного европейского уровня. Вопрос об исходе этой борьбы оставался до последнего времени дискуссионным. Одни исследователи придерживались мнения, что вплоть до первой четверти XVIII в., до реформ Петра I, высшее образование в России было ограничено рамками церковного учебного заведения, программа которого более или менее соответствовала идеям «Привилея»⁶²⁹. Другое, более распространенное мнение сводилось к тому, что столь необходимое России высшее учебное заведение было создано уже во второй половине 1680-х гг. на основе «Привилея» 1682 г.⁶³⁰ Общеизвестным, но никак не доказанным остался сам факт основания Московской академии в 1687 г. в Заиконоспасском монастыре, независимо от оценок ее научного и общественного значения. Между тем, именно это укоренившееся представление не соответствует действительности⁶³¹. Чтобы в этом убедиться, достаточно обратиться к современной публицистике.

«Привилей Московской академии» является важнейшим источником изучения передовой общественной мысли в России последней четверти XVII в. Историки долго спорили о том, имел ли этот документ официальное значение, т.е. был ли он подпи-

⁶²⁹ Н.Ф.Каптерев, А.А.Прозоровский, И.П.Козловский, И.Е.Забелин и др.

⁶³⁰ С.К.Смирнов, С.Любимов, А.Смеловский, М.Н.Сменцовский, К.В.Харлампович, А.И.Рогов и многие другие.

⁶³¹ *Богданов А.Л.* Из предыстории петровских преобразований в области высшего образования // Реформы второй половины XVII — XX в.: подготовка, проведение, результаты. М., 1989; [он же]. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. С древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. Гл. 3; он же. Борьба за организацию Славяно-греко-латинской академии // Советская педагогика. 1989. № 4.

сан царем с приложением государственной печати, как указывалось в тексте сохранившегося его списка⁶³². Большинство считало, что, поскольку после смерти Федора Алексеевича Медведеву пришлось обращаться с тем же документом к царевне Софье, «Привилей» не был утвержден царем⁶³³. А.В.Горский обнаружил разницу между «Привилеем» и упоминаемым в нем «Уставом Академии», который должен был быть «приложен особо»⁶³⁴. В свою очередь С.К.Смирнов и Н.Ф.Каптерев предположили, что «Привилей» был подписан царем, смерть которого, наступившая после продолжительной болезни 27 апреля 1682 г., помешала появлению указа об организации Академии и ее устава⁶³⁵.

В «Привилее» неоднократно говорится о «Чине академическом». В частности, «Чин» должен был содержать текст присяги, принимаемой блюстителем и учителями Академии (§ 4), правила академического суда (§ 8). В «Привилее» совершенно ясно сказано, что конкретное решение вопроса об организации Академии будет связано именно с созданием ее «Чина»: «Сему дому... при совершенном «Чине» Академии, иже от нас... восстановится и утвердится, отныне во вся последующие веки быти непременно, без всякаго препятя и порушения» (§ 18).

Утверждение «Привилея» не означало, следовательно, основания высшего учебного заведения. Он лишь содержал *основные принципы* его организации. Это объясняет, почему после смерти царя Федора Алексеевича осуществление его планов было задержано, и почему Медведев во «Вручении» «Привилея» царевне Софье (которая, безусловно, была в курсе дела) определенно говорил об утверждении этого документа царем:

«Академии	Привилей вручаю,
Иже любезным	ти братом создан есть,
Повелением	чинно написан есть».

⁶³² Список принадлежал Сильвестру Медведеву и имеет правку его рукой. ГИМ. Синодальное собр. № 44/898. 25 л. Текст опубл.: *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев. С. 383—388. «Вручение» царевне Софье добавлено рукой Сильвестра: л. 1—5 об.

⁶³³ *Галкин А.* Академия в Москве в XVII столетии. М., 1913; *Горфункель А.Х.* Андрей Белобоцкий...

⁶³⁴ *Горский А.В.* Указ. соч. С. 180.

⁶³⁵ *Смирнов С.К.* История... С. 16; *Каптерев Н.Ф.* О греко-латинских школах... С. 638.

Это заявление подтверждает другой современник — чудовский иеромонах Боголеп Адамов. Царь Федор, по его словам, «о научении свободных мудростей российского народа присно помышляше, и монастырь Спаский, иже во граде Китае, на то учение наменив, и чюдную и весма похвалы достойную свою царскую утвердительную грамоту со всяким опасным веры охранением на то учение написа»⁶³⁶. Именно так, *утвердительной грамотой* замысла первого русского вуза, следует считать «Привилей».

Сомнения ученых относительно официального значения этого памятника выглядят тем более странными, что приведенный текст Боголеп Адамов буквально списал... с надписи на фреске Архангельского собора Московского Кремля. Парсуна царя Федора Алексеевича кисти выдающегося художника Ивана (Богдана) Салтанова, удостоенного за творческие успехи чина дворянина московского, была создана вскоре после смерти государя и текст на ней прекрасно читался еще в прошлом веке⁶³⁷. «Привилей» был чрезвычайно широко известным современникам, в высшей степени официальным *публичным памятником*. Это следует, собственно говоря, из его формуляра.

«Божиею милостию мы, великий государь царь и великий князь Федор Алексеевич всея Великия и Малыя и Белья России самодержец», обращаясь к верным подданным и всей вселенной, объявил об утверждении идеи высшего образования в России. Академия, заявил Федор Алексеевич, «от нас, великаго государя, богоугодное, Церкви Божией, и нам, великому государю, и всему нашему царствию полезное, и душам верным спасенное дело». «А во вечное утверждение сего нашего царскаго благоволения, постановления и укрепления, повелехом ради неизмеряемая крепости написати сию нашу царскую жалованную грамоту и наша царския руки подписанием, и златыя наша царственныя печати приложением удостоверяти благоволихом». Так утверждались лишь важнейшие царские документы.

Какие же принципы сторонники просвещения хотели положить в основу российской Академии? Прежде всего, в «Привилее» формулировалось значение образования в системе государ-

⁶³⁶ РГБ. Ф. 218. Поступления 1963 г. № 65. I. Л. 42—42 об.

⁶³⁷ ДРВ. Ч. XI. С. 229—231; *Тромотиш К.[Я.]* Царь Федор Алексеевич. М., 1836; *Снегирев И.М.* Архангельский собор в Московском Кремле. М., 1865. С. 28—31; и др.

ственной политики. Царь Федор Алексеевич обратился к проблеме организации образования постольку, поскольку он выразил намерение «врученное нам... Российское царствие право правити и должности царския совершати». Образование же является ключом к решению двух главнейших задач государственного управления: «От них же есть первая и величайшая должность — охранение восточных православных веры и тоя о разширении промышленности. Та же той подобная — о благочинном государстве управлении и о защищении имети тщание. Знающе же убо едину оных и прочих царских должностей родительницу, и всяких благ изобретательницу и совершительницу быти — мудрость». Только мудрость может быть руководительницей «во вещех гражданских и духовных», — высказывают царь Федор и Сильвестр Медведев свою излюбленную идею. Поэтому просвещение России является главной задачей государственной власти.

Сознание государственной необходимости просвещения подсказывало идею создания высшего учебного заведения широкого профиля с изучением как гражданских, так и духовных наук. Поскольку академиями в России XVII в. устойчиво называли крупнейшие западноевропейские университеты (дипломы которых требовали и тщательно проверяли у принимаемых на царскую службу иноземных специалистов), речь в преамбуле к «Привилею» шла о создании весьма крупного учебного центра с изучением наук гуманитарного профиля (включая философию), богословия, математического цикла, юриспруденции, вероятно, медицины и, возможно, ряда других отраслей знания⁶³⁸.

В 18 параграфах «Привилея» формулировались организационные принципы Академии. Прежде всего, она виделась как преимущественно государственное учреждение, что вытекало уже из определения места научных знаний среди государственных задач. Основным источником финансирования были царская казна и приписные дворцовые волости. Затем следовали приписные монастыри и вклады «всякаго чина людей», которые

⁶³⁸ По крайней мере, Карион Истомина, преподававший в славяно-латинской гимназии Медведева и уже в 1682—1683 гг. активно выступавший за организацию такого университета, обещал правительству с его основанием невиданные успехи «россов» в государственном управлении и юриспруденции, дипломатии и военном деле, естествознании и медицине, астрономии и мореплавании, философии и промышленности. См.: Памятники. С. 49—92, 132—133, 204—206.

училищному Заиконоспасскому монастырю, в отличие от других, дозволялось принимать без ограничений (§ 1—2). Значительное место среди учителей должны были составить люди «чина мирска», которых без письменного разрешения академического совета не разрешалось принимать на другую службу, а в старости они должны были обеспечиваться царской пенсией (§ 9).

Особая статья определяла место выпускников Академии на последующей государственной службе. Успешно освоившим «из различных диалектов писаний, наипаче же славенского, еллинно-греческого, польского и латинского... за свидетельством училищ блюстителя и учителей, от нас, великаго государя,— обещаю грамота,— иметь быти достойное мздовоздаяние». Выпускникам гарантировалось преимущественное право на занятия государственных должностей, которыми царь намеревался жаловать помимо них только представителей знатнейших родов и лиц, особо отличившихся на дипломатической и военной службе (§ 10). В ведение Академии должна была перейти государственная библиотека; строительство и ремонт академических зданий должны были производиться на казенный счет (§ 17, 18).

Специальное внимание Сильвестр Медведев уделил автономии первого русского университета. Его студенты, «паче же наипрележно учащиеся», освобождались во время обучения от преследования по родительским долгам и уголовным преступлениям (исключая убийство), чтобы не было «препятствия науке» (§ 7). Блюстителя, учителей и студентов по церковным и светским делам должен был судить академический совет. При слушании дела самого блюстителя обязательно было присутствие представителей царя и патриарха. Даже в случае обвинения в убийстве или «ином великом деле» арест студента должен был совершаться с разрешения блюстителя (§ 8).

Упоминание среди изучаемых в Академии иностранных языков на первом месте греческого, а не латыни, наводило историков на мысль о компромиссности содержания «Привилея», противоречивом отражении в нем «грекофильских» и «латинствующих» взглядов. Реального противоречия здесь нет, поскольку Сильвестр Медведев, как Симеон Полоцкий и другие видные сторонники просвещения, считал полезным изучение не только латыни и живых европейских языков, но и греческого,— в отличие от «мудроборцев», считавших греческий язык (вкупе со славянским) единственно «благочестивым».

Другой повод для суждения о компромиссности «Привилея» давало толкование в нем кадровой политики, прежде всего в отношении преподавателей. Параграф 3 гласил, что блюститель и преподаватели должны быть благочестивы, «рождены и воспитаны во православной христианской восточной вере». С боязнью проникновения в Россию ересей связано запрещение принимать на преподавательскую работу «новокрещенных» из других вер; выходцы из Белоруссии и с Украины должны были подтверждать подлинность веры письменным исповеданием и «достоверными благочестивых людей свидетельствами». Подозревая особое пристрастие московских сторонников просвещения к малороссиянам, историки видели в этих требованиях их дискриминацию по сравнению с греками, хотя получение рекомендаций «благочестивых людей» было очевидно необходимым условием устройства на преподавательскую работу в столь привилегированный университет и вряд ли представляло больше затруднений, чем оформление грамоты от вселенских патриархов, необходимое для греков.

Кроме этого, обвинения Медведева и его сторонников в ереси, выдвинутые «мудроборцами» во второй половине 80-х — начале 90-х гг. и перекочевавшие на страницы трудов церковных историков, не соответствовали действительности. Жесткую позицию в деле защиты православия Медведев проявил незадолго до утверждения «Привилея» в полемике с Яном (Андрем) Белобоцким⁶³⁹. Позже Сильвестр пояснил свое отношение к иностранцам на примере Ликурга, который, писал Сильвестр, «постановил, чтобы дум (или советов) государства Лакедемонского людям от иноземцов не приимати. И то не для того делал, чтобы у иноземцов чести унимати или чтобы их ненавиждети, но чтобы для их, иноземцов, по своей стране во всем совета, во обычаях и делах не была бы премена»⁶⁴⁰. Стремление использовать современные научные знания для Медведева и его единомышленников не означало преклонения перед западноевропейскими специалистами и обычаями⁶⁴¹.

⁶³⁹ Прозоровский А.А. Сильвестр Медведев. С. 198—204; и др.

⁶⁴⁰ Прозоровский А.А. Сильвестра Медведева «Созерцание краткое...». С. 39. Ср. с. 37—38.

⁶⁴¹ Так, Карюин Истомин в своем обращении к правительству утверждал, что достаточно «искушенные» преподаватели желанной Академии есть и в России: ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 47 об.

Защита православия рассматривалась царем Федором и Сильвестром Медведевым как дело первостепенной важности. Изложенные в «Привилее» духовные права и обязанности академического совета вполне соответствуют этой позиции. Блюститель и учителя должны были приносить особую присягу «в лучшую же крепость и вящшее утверждение православия», нарушение которой каралось сожжением (§ 4); такая же казнь предусматривалась для занимающихся «магией» и «волхованием» (§ 5, 14). Совет приобретал значительные контрольные функции над научной квалификацией, чистотой вероучения и другими вероисповеданиями. Без его согласия запрещалось назначать на государственные должности иноверных «ученых свободных наук», а знати — держать таковых в домах (§ II). Совет должен был следить за «противно святыя наша православныя веры мудрствующими» и быть высшим судьей в таких вопросах, надзирать за новокрещеными и иноземцами других вер (§ 12, 16). Это ограничивало функции церковной иерархии (и без того передоверившей надзор за иноверцами государственным учреждениям) и, несмотря на суровость формулировок «Привилея», должно было обеспечить более компетентное рассмотрение обвинений в ереси.

Не свидетельствует о «компромиссности» сочинения Сильвестра Медведева и сформулированное в нем запрещение: «...неученым людям свободных учений никому польских, и латинских, и немецких, и лютерских, и калвинских, и прочих еретических книг у себе в домех не держати и их за неимением довольнаго разсуждения и ради в вере нашей усомнения не читати». С церковной точки зрения это было справедливо по существу (а мышления Сильвестра всегда отличались логичностью). Кроме того, речь шла, в значительной мере, о специально-богословской литературе (иначе «лютерские и калвинские» книги не выделялись бы из «немецких»). Наконец, с какой стати исследователи осмеливались предполагать, что для законоспасского строителя Сильвестра Медведева, как автора «Привилея», и тем более для царя Федора, как его заказчика, забота о защите православия могла иметь меньшее значение, чем для «грекофилов»? Очевидно, оба не желали, чтобы науки сталкивались с верой, и заботились об объективном рассмотрении их действительных или мнимых конфликтов. «Мудроборцев», сделавших обвинение в «ереси» своим оружием, это не устраивало.

«Привилей» формулировал основные принципы организации в России государственного высшего учебного заведения с обширной программой, правами и прерогативами для подготовки высококвалифицированных светских (в первую очередь) и духовных кадров. Однако предложенная Сильвестром Медведевым, утвержденная царем Федором Алексеевичем и широко объявленная программа в XVII в. осуществлена не была... В 1682—1683 гг. Карион Истомин создал четыре редакции «Книги, желательного приветствия мудрости», с которой обращался к царям и Софье, указывая на *отсутствии* в России высшего учебного заведения. Он настаивал на необходимости «об учении промысл сотворити, мудрость в России святу вкоренити», имея в виду именно проект Медведева⁶⁴². Однако неустойчивое положение правительства регентства не позволяло Софье даже при наличии желания рисковать обострением отношений с патриархом, поддерживая явно анти-«мудроборческую» программу. В Москве продолжали действовать Типографская школа и Заиконоспасская гимназия, но вопрос о желанном университете «свободных мудростей» был законсервирован.

После длительной подготовки Медведев вновь обратился к властям. 21 января 1685 г. он с помощью Федора Леонтьевича Шакловитого поднес утвердившейся у власти царевне Софье Алексеевне богато украшенный экземпляр «Привилея»⁶⁴³. В посвященном этому событию стихотворном «Вручении» просветитель призвал правительницу завершить начатое царем Федором Алексеевичем дело. Вопрос о необходимости высшего образования в России был поставлен со всей резкостью. Разумному, утверждал Сильвестр, *естественно* быть мудрым, ученым. Как невозможно человеку жить без пищи, воде течь без уклона,

«Или без очес	ясный днесь свет зрити,
Без души убо	живу кому быти:

⁶⁴² Памятники. С. 274—278; и др.

⁶⁴³ На сохранившемся беловике рукой Сильвестра приписано: «Сицевая книга со всеми изрядно заставицами златыми устроена и во алюю тафту переплетена и б(лаговерной) г(осударыне) ц(аревне) поднесена ианнуария в 25 день в вечеру на всенощном, а подносил Ф(едор) Л(еонтьевич) Ш(акловитый)». ГИМ. Синодальное собр. № 44/898. Л. 25. На л. 25 помета: «В сей книге 25 листов, да сначала 5 листов еще»,— т.е. л. 1—5 об., на которых рукой Медведева написано «Вручение», рассматривались как дополнение к списку «Привилея».

Тако разумну	быти без учения,
И без прилежна	о сем попечения». —
Не отдающий себе в этом отчета — просто слеп:	
«Т(ь)ма, мрак без солнца, без мудрости тоже:	
Тобою ону	утверди в нас, Боже!
Дабы в России	мудрости сияти,
Имя ти всюду	в мире прославляти.
И понос от нас	хощеши отъяти,
Яко Россия	не весть наук знати.
Егда же от тя	тоу просветится,
Вся вселенная	о том удивится!»

По литературной форме «Вручение» — панегирик. Сильвестр уделил немалое место прославлению высочайших богодарованных качеств правительницы, дающих ей высшее право на власть. Нужно глубоко погрузиться в атмосферу придворных словословий, чтобы оценить суровость строк о тяжелой судьбе просвещения в России со времен княгини Ольги, вставленных по этому между восхвалениями царевны Софьи. И все же попробуйте вчитаться в небольшой отрывок:

«Мудрых и благих	ты любительница,
Милостию си	тех снабдительница.
Сама ты Богом	самим умудренна,
Премудростию	свыше предпочтенна...
Ею же царство	правлящи трудишся,
И тоу россы	просветити тщишся.
Яко же Ольга	свет веры явила,
За еже небо	вечно улучила,
Тако и ты	свет наук явити
Хощеши России,	и в небе в век жити...
И имать вечно	слава ти сияти,
Мудрости ся ти	имя прославляти.
Аще и тако	имя ти славится,
Во вселенней	ти мудрость хвалится,
Яко предивне	Господь тя избрал есть,
И дар си царства	правления дал есть;
Им же учима,	царствие правиши,
От всех бедств яко	зеницу храниши,
Яко око си	в своей благодати,
И царство сие	дивно управляти.
Точию да Бог	век ти приумножит,

На славу си	лета твои продолжит.
Наипаче, аще	свет нам явиши
Наук, и россы	вся да просветиши,
Имя ти во всем	мире славно будет,
Паче всех доброт	ти во век пребудет.
Да не тому нам	страннии смеются,
Яко без света	сущим ругаются.
Мнози в России	прежде тебе быша,
Велии князи	и цари пожиша;
Монастыри	и иная создаху,
И тем те славу	си приобретаху.
Но ни едину	той дар Бог подати
Изволил: мудрость	россам показати.
Аще и много	тщание твориша
О том, а в деле	того не явиша.
Яко же Давид царь	много собрал есть
Всяка богатства,	но церкви не здал есть;
Не благоволи Бог	ему создати,
Но Соломону	веле оставляти.
Да он, яко мудр,	ту церковь содеет,
И мудрости дом	при ней, как довлеет.
Тако любезный ти	брат Феодор царь,
Мудростилюбец,	великий государь,
Яко бы злато	многое собрал есть,
Акадимий	Привилии создал есть,
Но не изволи	Бог той укрепити
Ему, и славу	ону улучшить;
Благоволи бо	тебе оставити,
И то начало	делом совершити.
Мудрости бо ти	имя подадешя,
Греком София —	мудрость наречешя:
Тебе бо слично	науки начати,
Яко премудрой	оны совершати.
Да за то дело	славу улучиши,
Во всем мире, и	в небе жить будеши.
Еже да будет!	Вседушно желаю.
Будет же, крепко	в Бозе уповаю».

Государственная необходимость, позор сохранения «в Москве невежества темности» требовали, по словам Медведева, немедленной реализации проекта Академии. Заставляла спешить

и наметившаяся активизация «мудроборцев», готовившихся подменить Академию собственными учебными заведениями⁶⁴⁴. В январе 1685 г. посланные из Константинополя еще в 1683 г. учителя для Иоакима, брата Лихуды, приехали в Киев. К 6 марта они были в Москве, а уже в сентябре «святейший патриарх ходил в Богоявленский монастырь... для досмотру, где строить школу для учения учеником греческому книжному писанию»⁶⁴⁵.

Но начавшая вскоре работать греческая Богоявленская школа была лишь временным училищем. Для Иоакима и его сторонников важно было не столько завести собственную школу, сколько ликвидировать опасность возникновения действительной, независимой от церковных властей Академии. 15 марта 1685 г. с публичного выступления братьев Лихудов перед духовными и придворными начался спор о «пресуществлении святых даров». Полемика продолжалась несколько лет и, к ужасу «мудроборцев», охватила широкие слои населения. Однако именно в ходе этого спора Сильвестр Медведев был объявлен «иезуитом или униатом», а его учитель Симеон Полоцкий и другие сторонники современного высшего образования, включая церковных иерархов, названы «латинствующими» еретиками, противостоящими истинному православию «греческих учителей».

С целью радикального решения проблемы Академии патриарх решил занять предназначенный для нее Заиконоспасский монастырь и по возможности закрыть школу Медведева. Еще 3 июля 1685 г. патриарх «ходил в Спасов монастырь для досмотру места, где строить каменные палаты для учения учеником греческаго книжнаго писания». Тогда его план не прошел и школы разместились в Богоявленском монастыре. Лишь осенью 1687 г. стремление «мудроборцев» осуществилось: *вместо* наконец-то закрытой гимназии Медведева и Типографской школы в Заиконоспасском монастыре открылось учебное заведение Лихудов⁶⁴⁶.

Автор первого монографического исследования Заиконоспасских школ братьев Лихудов, утверждая их право называться Академией, признавал тем не менее, что «в бумагах того времени Академия назывались Греческими школами, Еллино-славянски-

⁶⁴⁴ Кантрев Н.Ф. О греко-латинских школах... С. 666.

⁶⁴⁵ Забелин И.Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. I. М., 1884. С. 401.

⁶⁴⁶ Сменцовский М.Н. Братья Лихуды. С. 64—70.

ми схолами»⁶⁴⁷. Действительно, название «Академия» и вообще иные определения, кроме «школ, схол», не применяются к заведению Лихудов во всех известных к настоящему времени документальных и повествовательных источниках XVII в. Что касается документов — а речь идет прежде всего о документах финансовых — то на точность формулировок ответственных приказных чиновников следует положиться. Но, может быть, менее чиновников склонные к ясности определений современники не ощущали отличия сих «школ» от высшего учебного заведения, принципы которого утвердил царь Федор?

Это не так. Сторонники Сильвестра Медведева не признавали в учреждении братьев Лихудов ничего похожего на Академию. В памфлете против заезжих греков «Лихудиев», распространявшемся на московском посаде с 1687 г., с горечью говорилось, что «Бог нам в Московском нашем государстве не благоволил быти школьному учению»⁶⁴⁸. В стихах придворного поэта Кариона Истомина, которые сами учащиеся произносили перед царевной Софьей Алексеевной в марте того же 1687 г., выражается надежда, что Бог

«Философии	чрез ню подаст быти,
Может знания	в россах сей открыти».

Славя правительницу, о науке в России ученики говорят исключительно в уповании на ее «заведение» премудрой царевной:

«Имя бо дево	мудрозванно твое
Сын Божий славит	в тебе имя свое.
Радостотворне	милость ти лияет
Да мудрость в царстве	чрез тя возвияет.
Аще оная	благо zde вселится,
Всяк добротую	ея украсится.
Друголюбие	в людях тая волит,
Преизрядныя	мысли в сердце плодит.
Учащися	господству вашему
Желают быти	в здравии далшему!» ⁶⁴⁹

⁶⁴⁷ Смирнов С.К. История... С. 38, 39—43.

⁶⁴⁸ ГИМ. Синодальное собр. № 440. Л. 102 об.—103. Полностью опубликовано: Прозоровский А.А. Сильвестр Медведев. С. 577—593.

⁶⁴⁹ Черновыя автографы: ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 70; № 99/301. Л. 214 об. Авторские беловики: № 89/291 (подносной экз.); РГАДА. Ф. 196. Собр. Мазурина. Оп. 1 (3). № 645. Список для Афанасия Холмогорского: БАН. Архангельское собр. № 178. Опубли.: Памятники. № 14.

Карион Истомин упорно призывал царскую семью к «заведению» в России «науки совершенной» в поэмах 1682—1683 гг., когда училище Медведева и Типографская школа были полны учеников, горько сетуя на задержку с осуществлением замысла царя Федора:

«Наука добре зде ся становила,
Но за случай зол паки уступила».⁶⁵⁰

Эта позиция и факт, что в 1685 г. Карион преподавал грамматику в Заиконоспасском училище⁶⁵¹, заставили бы считать придворного поэта истовым сторонником его свойственника Сильвестра Медведева в обострившемся конфликте последнего с патриархом, если бы не два существенных обстоятельства. Во-первых, Истомин служил в это время личным секретарем Иоакима; он остался таковым при Адриане и, как доказано в монографии С.Н.Брайловского, в высшей степени не склонен был совать голову в петлю, отстаивая неприемлемые для начальства идеи. Во-вторых, сам Иоаким отчетливо видел разницу между проектом Академии царя Федора и заведенными им школами, знал, почему он поддерживает именно школы Лихудов, но не был принципиальным противником «науки совершенной».

Сторонник четкого порядка подчинения и разделения власти, патриарх считал вопросы образования своей сферой, не терпел, когда в нее вторгались извне (даже с царского престола), к тому же, благодаря ученым «грекофилам», с большим подозрением относился к затеям Полоцкого и Медведева, подозревая в них «латинские» веяния. Саму по себе ученость Иоаким никогда не преследовал, даже приветствовал, и к обращенным к нему почтительным просьбам поборников просвещения был снисходителен (хотя не нашел возможным их удовлетворить)⁶⁵².

⁶⁵⁰ Черновые автографы: ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 1—17, 29—39, 41—48; № 99/301. Л. 15—16 об.; № 98/300. Л. 31—37 об. Авторские беловики: там же. № 99/301. Л. 11—12; БАН. П.1.А.8/17.6.13 и П.1.А.9/32.5.25 (подносные экз.); РНБ. Ф.1.905. Публикации текстов: *Смирнов С.К.* История... Приложение № 1; *Брайловский С.Н.* Один из «пестрых» XVII столетия: Историко-литературное исследование. СПб., 1902. С. 427—435, 469—478; Памятники. № 1—4. С. 49—94.

⁶⁵¹ РГАДА. Ф. 235. Патриарший казенный приказ. Оп. 2. № 115. Л. 262 об. Подробно см.: *Агафкова Р.К.* Спорные вопросы биографии Кариона Истомина // Ученые записки Душанбинского гос. пед. ин-та им. Т.Г.Шевченко. Т. 51. Душанбе, 1967. С. 100—116.

⁶⁵² См. подробно: *Богданов А.П.* Русские патриархи. Т. 2.

На Пасху 1689 г. патриарх благосклонно выслушал написанную Карионом Истоминым стихотворную орацию, с которой пришли поздравить его ученики греческих «схол».

«Поставил еси	трапезу словесны
И учиши нас	жителству небесну.
В требовании	полниши нам нужды,
Хлеба и одежд	не твориши чужды.
Ядим, прием все	твоего призренства,
Одежда на нас	вашего именства.
Во училище	и книги доволны,
Готовы требы	к учению школьны»,—

благодарили школяры Иоакима, воздавая ему хвалы и благие пожелания, среди которых вновь фигурирует в будущем времени «заведение» на Руси науки, много превосходящей программу их «училища»:

«Учение zde	чрез тя да прострется,
В страны и царства	слава да несется.
В нем спасение	и полза народа,
Гражданская же	в разуме свобода.
Охранство царству	и краса наука,
Иноверный нань	не востягнет лука.
Злобожний бо	ею победятся
И в веру святу	чрез ню обратятся.
В судилах мудрость	место заседает,
Неправды, лести	всяки истребляет.
Всех невозможно	тоя известити
Добродетелей	ныне исчислити.
Боже, утверди	науку zde в веки,
Да пребывает	в россах с человеки!» ⁶⁵³

После свержения правительства регентства и кончины самого Иоакима Карион вновь просил царя Петра подать России «учительство», завести в государстве «мудростну науку». Поэт убеждал власти, что «мудрость» найдет применение в государственном управлении, юриспруденции, дипломатии и военном деле, медицине, астрономии, караблевождении, «рукоделии», не говоря о философии и богословии. Развитие национальной нау-

⁶⁵³ Черновой автограф: ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 114 об.; авторский беловик: ГИМ. Собр. Уварова. № 73. Л. 138—139. Оpubл.: Памятники. № 21. С. 204—206.

ки, по его мнению, — залог нравственного единства народа, благополучия, богатства, силы и славы государства, грядущего благоустройства России и ее успехов на международной арене. Изучение естественных и гуманитарных наук, исследование законов Природы и самого человека-микрокосма — не только способ обеспечить стране изобилие земных благ. Это естественный для «словесноумного животного» путь прославления Творца⁶⁵⁴.

Итак, преподаватель греческих школ и придворный поэт, сами школяры, содержащий школы патриарх Иоаким (а затем Адриан), все слушатели ораций принимали как должное мысль, что Академии, как ее задумал царь Федор, в Москве нет, что заведение Лихудов таковой не является. Почему же историки не согласились с этой позицией?

Ведь еще С.К.Смирнов отметил, что *источники финансирования* этого учреждения были иными, чем намечалось в проекте Академии. Специальное исследование М.Н.Сменцовского показало, что как строительство, так и содержание школ Лихудов производилось на средства Патриаршего казенного приказа (и дополнялось отдельными вкладами частных лиц)⁶⁵⁵. Ни вотчины, ни монастыри не были к ним приписаны, как обещалось в «Привилее». В источниках нет и следа наличия у школ предполагавшихся церковных и светских *прав и обязанностей* академического совета (который, впрочем, отсутствовал), а также и следов *автономии* Академии. Таким образом, с юридической стороны между проектом российской Академии 1682 г. и школами, открывшимися в 1687 г., нет никакой связи, кроме географического расположения.

Не больше связи было между ними и в *учебной программе*. Вплоть до смерти патриарха Иоакима в 1690 г. преподавание в старших классах школы велось исключительно на греческом языке. Учение ограничивалось грамматикой и риторикой. Кончина главного «мудроборца» позволила Лихудам, в свое время изучавшим преподававшиеся ими предметы только на латыни, ввести преподавание этого языка и начать курсы логики, основ метафизики, а к 1693 г. — поэтики. Это дало историкам основание

⁶⁵⁴ См. также: ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 51 об.—52, 116; № 99/301. Л. 220—223 об.; и др. О его взглядах на науку подробнее см.: *Богданов А.П.* Естественнонаучные представления в стихах Кариона Истомина. С. 260—279.

⁶⁵⁵ *Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды. С. 65—70.

предположить, что «постепенное» освоение курса высшего учебного заведения было запланировано с начала создания школ. В пользу этого предположения приведено одно свидетельство. «И велено им,— писал Орлов,— учителям, подавать все свободная науки на греческом и латинском языках постепенно»⁶⁵⁶.

Однако это противоречит прямому указанию единомышленника Иоакима — Иерусалимского патриарха Досифея, отправившего Лихудов в Москву. В 1693 г., узнав о «нововведениях» Лихудов в программе их школ, Досифей послал грамоты царям и патриарху Адриану, утверждая, что «мы, и св. Константинопольский патриарх, и весь собор приказали им (Лихудам.— А.Б.), чтоб не учили в школе латинского языка и учения, опричь еллинского, а они, приехав тамо, творили и чинят все противно. В толикие лета, что живут (в Москве.— А.Б.), довелось бы им иметь учеников многих и учить б грамматику и иные учения, а они забавляются около физики и философии»⁶⁵⁷.

Опытный полемист, Досифей в грамотах российским царям и Московскому патриарху атакует «латинское учение» в школах Лихудов с разных сторон. Для царя, напоминает он, основная обязанность состоит в защите чистоты веры: «Вящше мним быти всех дел гражданских святяга православныя веры попечение». Изучение в школе латинского языка — опаснейшая для чистоты православия затея. «Тако подобает и вашему великому и святому царствию, божественнейшие и боговенчанные самодержцы, яко да возбраните учение латинское от школы, потому что на латинском языке многия суть ереси и безбожества».

⁶⁵⁶ [Орлов Ф.П.] Историческое известие... С. 298.

⁶⁵⁷ Московские власти понимали, что упрек Лихудам, будто бы те имеют малое число учеников, совершенно напрасен. В 1686 г. в их школах было 33 человека, в 1687 г. — 76 человек, в 1688 г. (после перевода сюда учеников Типографской школы и Заиконоспасского училища Медведева 1 декабря 1687 г.) — 164 человека, на Рождество 1689 г. патриарх приветствовал уже 181 школьник (в 1690-х — 1720-х гг. их число колебалось от 147 до 600). Сам Досифей еще недавно, в 1692 г., в своей грамоте поздравлял Лихудов за успехи в школьном преподавании, а теперь заявлял, что «из учеников не токмо кто учинился учитель, но которые что и учили — и то не добре памятствуют, понеже без прилежания им учение предавали». См.: *Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды. С. 70, 73 и др.; *Рогов А.И.* Новые данные о составе учеников Славяно-Греко-Латинской Академии // ИСССР. 1959. № 3. С. 140—147.

Досифей понимал, что никакие доводы не заставят московское правительство отказаться от своей широко известной политики веротерпимости относительно иноземцев на государственной службе. Да и результативность выступления против хорошо поставленного изучения иностранных языков в Посольском приказе была сомнительной. «Довольно есть,— заключал патриарх,— чтоб толкователи (переводчики.— *А.Б.*) были латинскаго языка для единой только службы пречестнаго престола царскаго; а чтоб в школе латинского языка не учити, ниже прочитати,— такой указ учинити».

Иной подход развит в грамоте патриарху Адриану. Памятуя, сколь заботился о строгом соблюдении иерархии патриарх Иоаким, Досифей писал его преемнику: «О школе подобает прилежати, латинскаго же учения весьма не показывати, яко ходатая великих зол... Учители же сии, или ин будет, без великия нужды воли учити или глаголати никакия... не имели бы». Ученые люди должны знать свое место, по примеру восточных патриархий: «Суть школы в Цареграде, в Хиосе, в Арти, и в Иоаннине, и в иных местах, однако ж учителя все повинуются архиереови, суть ниже степению клириков и усты не смеют отворити во иных делах без повеления архиерейскаго: не суть бо иное что, только учителя единой школы». Считая Лихудов своими подчиненными, Досифей написал грамоту и им, повелевая оставить алчность и гордыню: «да прилежите о школе, в ней же осмь лет пребываете, в ней же еллински, а не латински должентствуете учити. Тако убо сотворите, зане аще иначе будете творити, пришлем вам грамоты соборныя, и отлучим вас и извержем по подобающему»⁶⁵⁸.

Смысл позиции Досифея понятен. «Греческое» преподавание, как справедливо заметил Н.Ф.Каптерев, могло состоять только в изложении программы обычной западной школы на греческом языке, дабы ученики не могли получать иного знания кроме того, что сохранилось в голове греческих учителей от обучения, в лучшем случае, в европейском университете. Да и самим грекам постоянно переводить на греческий было трудно. «Понятно, по-

⁶⁵⁸ *Сметцовский М.Н.* Братья Лихуды. С. 285—331. Подробно см.: *Каптерев Н.Ф.* Сношения Иерусалимского патриарха... Приложения. № 19. С. 76—77, 104 и др.; *он же.* Характер отношений... С. 502—505. Грамоты Досифея и Хрисанфа к патриарху Адриану: ГИМ. Синодальное собр. № IV/993. Рукопись 1.

чему Лихуды, вопреки наказу патриархов, стали преподавать в Москве и латинский язык. Языком школы и науки в то время был язык латинский, а не греческий... А так как русские, конечно, хотели иметь у себя настоящую ученость, и Лихуды, как серьезные ученые, не прочь были вести дело в московской школе по настоящему, то они вместе с греческим языком обязательно стали учить русских и латинскому языку, языку тогдашней науки»⁶⁵⁹.

«Настоящую ученость» хотели иметь не финансировавшие школу церковные власти, а ученики и их родители, спорить с которыми Лихуды, сами учившиеся на латинском языке в Венеции и Падуе, не хотели, да и не могли. «Ученицы,— отмечали преподаватели в своем «Показании истины»,— инии суть священники, иеродиаконы и монахи, инии князи мальчишки, стольники и всякаго чина сего царствующего града». Тем не менее энергичные протесты Досифея заставили Московского патриарха Адриана отстранить Лихудов от преподавания в «еллино-греческих схолах». «Лишь только Заиконоспасское училище стало восходить на ту степень, на которой могло бы присвоить себе наименование Академии,— заключает А.В.Горский,— как учредители его и первые его наставники были у него отняты»⁶⁶⁰.

О том, что школы Лихудов не давали высшего образования, свидетельствует пример Палладия Роговского, поступившего туда с надеждой «доступити» такового, но вскоре разочаровавшегося и выехавшего «ради совершенного учения» за границу⁶⁶¹. В греко-славянских школах Заиконоспасского монастыря начали преподавать недоучившиеся ученики Лихудов, которые «учение давали, сколько сами прияли», вплоть до 1700 г. Тот же многократно ошибавшийся Орлов, на три года ошибшись и в определении времени отстранения Лихудов от преподавания (он называет 1690-й год вместо 1694-го), утверждает, что преподавание велось «на едином токмо еллино-греческом диалекте».⁶⁶² Другого

⁶⁵⁹ *Кантевев Н.Ф.* Характер отношений... С. 497—498.

⁶⁶⁰ *Горский А.В.* Указ. соч. С. 190-191. Но несколькими страницами далее автор вновь называет «схолы» или училище Академией (С. 193, 195—197 и др.).

⁶⁶¹ Челобитная к патриарху Адриану, или описание жития, учения и исповедание веры игумена Заиконоспасского монастыря Палладия Роговского, писанная 1698 года // ДРВ. Ч. XVIII. М., 1791. С. 148—198.

⁶⁶² «От сего Академия,— ошибочно заключает *А.В.Горский*,— стала именоваться училищем Еллино-Славянским» (Указ. соч. С. 196).

и не могло быть, поскольку латыни ученики Заиконоспасской школы освоить не успели.

На преподавании в «схолах» именно учеников Лихудов рьяно настаивал ездивший в Россию за милостыней племянник Досифея, иерусалимский архимандрит Хрисанф. Для исправления книг на Печатном дворе, писал он патриарху Адриану в мае 1694 г. из Батурина, придется от нас, не мешкав, человек искусный, и довольно испытанный во всем, и в науках совершенный... Той же человек и первым учеником может удобно и философию показать,— и един человек, во едино время, за единым жалованием; и книги справятся, и ученики совершенны в науках будут, и впредь от иноземцев ничего не востребуете. А донде же придется от нас таковой человек — может учить последних учеников Николай и Федор⁶⁶³ до философии. И сие совершится без всякого коснения, аще изволиши свою архипастырскую грамоту о сем человеке прислати...». В ответ на специальную просьбу патриарха Адриана о новом учителе, Хрисанф прислал новое уверение, что патриарх Досифей потщится, «еже бы человека довольнаго во учении прислати, который мог бы и школу держати, и книги исправляти, и будет вашему святейшеству раб и подножие ног ваших. И прислан будет с таким повелением, что в малом времени... совершенных учителей поставит из первых учеников и паки возвратится во своя. И посланы будут с ним грамоты имянно к великим государям и к вашему святейшеству. Напоследок же твое величество молю... чтобы школа не праздна была, но чтобы преждереченнии ученицы учение давали, сколько сами прияли».

Для пресечения развития и распространения «учения» в Москве греческие власти, добившись запрета обучения на латыни, желали воспрепятствовать приглашению в Заиконоспасские школы новых постоянных учителей (даже из греков). Особой заботой Хрисанфа было, чтобы братья Лихуды, «сии проклятии волцы... в школу бы паки не входили, за то, что злый всегда зол и добра от него не будет»⁶⁶⁴. Дело в том, что Иоанни-

⁶⁶³ Ученики Лихудов Николай Семенович Головин и Федор Поликарпович Орлов преподавали в «схолах» с 1994 по 1999 г. О деятельности Досифея и Хрисанфа см. также: *Фонкич Б.Л.* Иерусалимский патриарх Досифей и его рукописи в Москве // *Византийский временник.* 1969. № 29. С. 275—299.

⁶⁶⁴ ГИМ. Синодальное собр. № IV/993. Рукопись 1. Л. 69—79 и др.;

кий и Софроний Лихуды не были, вопреки жарким обличениям Досифея и Хрисанфа, высланы из Москвы, но уже в августе 1694 г. переведены на Печатный двор, где с соизволения властей частным образом учили желающих итальянскому языку⁶⁶⁵. В мае 1697 г. царь Петр указал чинам московского двора отдавать детей Лихудам учить итальянский; правда, из 55 названных в указе человек в школу пошли лишь 10, однако Лихуды получили казенное содержание, а патриарх Адриан по праздникам жаловал их выше протопопов московских соборов⁶⁶⁶.

«Николай Семенов» (Н.С. Головин) и «Федор Поликарпов» (Ф.П. Орлов) преподавали в Заиконоспасских школах, именуясь в документах Патриаршего казенного приказа школьниками, а не учителями⁶⁶⁷. Греков такая ситуация вполне устраивала. На неоднократные просьбы Адриана прислать учителя (в частности, Московский патриарх желал видеть в Заиконоспасских школах врача и риторика Иоанна Комнина) Досифей в 1696 г. отписывался: «Учителя и справщика не посылаем донныне, ибо теперь такое время, что не только писать к вам или послать человека, но даже имя ваше произнести — значит заслужить смертную казнь» от турок. Но война Священной лиги (в которую входила Россия) с Османской империей давно шла вяло, да и в период жестоких боев на фронтах сообщение восточных православных с Москвой не прерывалось.

Все понимали, что Досифей лукавит, рекомендует учителей, но не посылает (например, в 1698 г.). В то же время и патриарх Иерусалимский, и его племянник Хрисанф продолжали обличать Лихудов, требуя сослать их, не давать бумаги и чернил. Московские власти выносили все смиренно. Лишь в феврале 1697 г. патриарх Адриан позволил себе заметить Хрисанфу: «Учители ваши, не могуще нам вящшия пользы сотворити от сотвореннаго (в Заиконоспасских школах.— *А.Б.*), тщатся иной язык, иную науку прострети и учити нас нечаянным, рекше латино-итальянскому языку. Нам убо что сотворити? От вас изыдоша и ваша свидетельства принесоша, яко мудри и во всем со-

Кантепов Н.Ф. Сношения Иерусалимского патриарха... С. 165 и др.
⁶⁶⁵ РГАДА. Ф. 52. Греческие дела. Св. 7202/1694 г. № 37.

⁶⁶⁶ *Сметцовский М.Н.* Братья Лихуды. С. 295—331.

⁶⁶⁷ *Забелин И.Е.* Материалы... С. 1047, 1172. Их именовали по имени-отчеству без «вича», как людей незначительных, отчего и пошло распространное заблуждение относительно фамилии Ф.П. Орлова.

вершени». И Христос ошибся в Иуде, писал в ответ сам патриарх Досифей, «и не бе потреба писати многи грамоты о сицевых, но подобаше и по единой токмо грамоте послати их куда ни есть в дальния страны»⁶⁶⁸!

В конце концов Лихуды, несмотря на активную защиту со стороны Евфимия Чудовского, были удалены с Печатного двора в московский Новоспасский монастырь (1698—1704 гг.), но не по наветам греков, а из-за причастности к делу их ученика Петра Артемьева, дьякона Петропавловской церкви московской Новомещанской слободы, который уклонился в католичество и публично проповедовал свои убеждения⁶⁶⁹. Вскоре (в 1700 г.) в тот же, впрочем, весьма престижный монастырь угодил «под начал» (в заточение) ученик Лихудов иеромонах Чудовского монастыря Иов, который сменил в Заиконоспасских школах взятых на Печатный двор Н.С.Головина и Ф.П.Орлова, несколько месяцев преподавал, но совершил какую-то провинность и был удален. Новый, на этот раз политический донос привел Лихудов к ссылке в Костромской Ипатьевский монастырь (1706 г.)⁶⁷⁰.

Единственным аргументом в пользу если не признания по существу, то названия школ Лихудов Академией является преемственность этого учреждения с будущей Славяно-греко-латинской академией XVIII в. Но и это допущение имеет мнимый характер. Программа и формы преподавания уже в начале XVIII в. были полностью пересмотрены, когда учреждение возглавил ученик Виленского, Нисского, Оломуцкого университетов и Римской коллегии Палладий Роговский, а затем по прямому указу Петра I за перестройку школы в училище взялся известный общественный деятель митрополит Стефан Яворский. Даже помещения школ пришлось перестроить в период ре-

⁶⁶⁸ ГИМ. Синодальное собр. № IV/993. Рукопись 1. Л. 83—110.; *Канте-рева Н.Ф.* Сношения Иерусалимского патриарха... Приложения. № 20—22, 24, 30. С. 77—85, 166—167; и др.

⁶⁶⁹ Следствие и соборное определение по делу Артемьева см.: ГИМ. Синодальное собр. № 393/1014. Л. 1—193. О нем см.: АИ. Т.V. СПб., 1842. № 295. С. 537—538; Русские выходцы из заграничных школ в XVII столетии. Петр Артемьев // Православное обозрение. Т. 10. Казань. 1863. С. 246—252; *Соловьев С.М.* История России. Кн. VII. С. 579—581.

⁶⁷⁰ Подробно см.: *Сметцовский М.Н.* Братья Лихуды. С. 315—318, 328—329.

форм, поскольку в строении патриарха Иоакима потолки обрушились и печи рассыпались⁶⁷¹.

«С 1700 г., со вступления в управление Академией Палладия Роговского», утверждал Н.Ф.Каптерев, господствующим становится латинский язык. Под руководством Стефана Яворского «была уже совершенно иная школа,— вторит ему М.Н.Сменцовский,— в которой не было и следов того образования и порядков, представителями и насадителями которых были братья Лихуды»⁶⁷². На многие десятилетия учреждение, именуемое в указах Сената 1708 и 1710 гг. «школами греческими и латинскими», а в переписке их ректора с Синодом 1721—1723 гг. — «славяно-греко-латинскими школами»⁶⁷³, переходит под полный контроль выходцев из Малороссии⁶⁷⁴. Это было вполне естественным следствием политики московских духовных властей, подкрепленной публицистикой «грекофилов». Не допустив открытия университета с должным сочетанием гуманитарных и естественных наук, предметов гражданских и духовных, утвердив мысль, что «учение» есть дело церковное и сведя к минимуму даже «греческое» образование в Заиконоспасских школах, «мудророборцы» не могли истребить объективную потребность Российского государства в современном образовании.

В октябре 1698 г. царь Петр, посетив больного патриарха Адриана, предложил ему послать «несколько десятков молодых людей в Киев в тамошние школы для обучения. Есть у нас, говорил он, и своя школа, да мало в ней пользы по недостатку общего надзора. Надобно бы поручить ее человеку знатному, с именем, с весом, и снабдить как учителей, так и учащихся всем необходимым им к занятию науками»⁶⁷⁵. Греческие власти учителей не присылали; где было государю искать православных просветителей, кроме Киево-Могилянских коллегий?

Старый и недужный Адриан скончался, так и не решившись укрепить Заиконоспасские школы. Стефан Яворский взялся за дело так, как полагал нужным и правильным, исходя из своего

⁶⁷¹ Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. М., 1858. Т. III. С. 375; Т. IV. Ч. 1. С. 535—536; Ч. 2. С. 164.

⁶⁷² Каптерев Н.Ф. Характер отношений... С. 506; Сменцовский М.Н. Братья Лихуды. С. 297.

⁶⁷³ Рогов А.И. Указ. соч. С. 142, 144—145.

⁶⁷⁴ Подробно см.: Смирнов С.К. История...

⁶⁷⁵ Устрялов Н.Г. История... Т. III. С. 356.

образования, взглядов и круга единомышленников. На вторжение ученых малороссов в московскую жизнь немедленно ополчился Иерусалимский патриарх Досифей. В 1702 г. в грамоте царю Петру он потребовал поставить на Московский патриарший престол великоросса и вновь обрушился на изучение латыни.

«Итак, несравненно предпочитается эллинский язык латинскому. а кто предпочитает латинский, тот еретик и нечестивый... поелику на латинском языке написаны суть такие ереси, наипаче безбожества. По сем и в политических, и в нынешних, т.е. грамматических, геометрических и астрономических (науках.— А.Б.) эллины суть учителя латин, и как от церковных латини отпали и удалились, так и внешнее (знание.— А.Б.) разодрали и осквернили. Глаголющий честности твоей,— обращается Досифей к думному дьяку Д.Полянскому,— учить детей твоих по латыни есть еретик и обольститель самого себя, ибо не может сотворить в Московии то, что намеревается... Благочестивейший царь, первый страж и защититель святыя веры и изящная глава кафолическия Церкви, очистит гумно свое... и солому, т.е. новоизобретателей и лицемеров, сожжет неугасимым огнем».

Сама «изящная глава кафолическия Церкви» не избежала нотаций. В том же 1702 г. Досифей потребовал от Петра, уже побывавшего в Западной Европе, не посылать туда на учебу сына Алексея. Предки ваши «ни от каких франков не училися обычаю и наукам, а владели и владеете едва не всею вселенною, будучи крепки, велики, страшны и непобедимы. А оные франки, знающие и образованные, что управили? Только что... воюют между собою». Куда больше досталось Стефану Яворскому. В 1703 г. Досифей послал ему обвинение в латинской ереси, исходящей от знания митрополитом латинского языка. В 1705 г. Иерусалимский патриарх написал Петру, что Яворский еретик и враг Восточной церкви, который «в Москве вконец греческое училище стерл еси и токмо о латинском старается». На патриарший престол Досифей под угрозой проклятия от всех Восточных патриархов запрещал ставить не только самого Стефана, но и любого грека, украинца или белоруса, «учившегося в странах и школах латинских». Патриархом может быть необразованный «природный москвич», «довольно ему знать церковное, ибо может иметь архиереев и клириков мудрых, служащих ему».

Не удовлетвовавшись грамотами Досифея к терпеливо отвечавшему ему царю Петру, греки использовали дипломатичес-

кий канал. Тайный посланник Константинопольского патриарха Гавриила говорил русскому послу в Стамбуле, что Стефан Яворский «мудрствует купно с латыни». «Такожде слышится, что ныне в Москве заведены школы латинския и многия де есть иезувиты и по домом честных и благородных людей учат детей их, такожде сообщились с латыни и платьем, и прочим. И то де он, патриарх, знает, что сие позволяет чинить царское величество для лучшаго управления государства своего, чтобы приносилась добрая политика между народом российским, обаче же вельми остерегаться подобает, чтоб не вредилося благочестие»⁶⁷⁶!

Словом, царь Петр и его окружение были со всей основательностью убеждены греками, что образование и благочестие есть вещи несовместные, а на патриарший престол не подходит даже его местоблюститель. Патриарха Российское царство так и не получило. На московские школы Петр просто махнул рукой, сосредоточив внимание на чисто светском, специальном образовании и естественных науках. Состояние высшего образования в России начало выправляться только во времена М.В.Ломоносова. А публицистика «грекофилов» оставила глубокий след в общественной мысли, искадила исторические представления многих поколений ученых.

Закреплению ложных представлений о предыстории высшего образования в России весьма способствовало «Историческое известие» Федора Поликарповича Орлова, написанное в 1726 г. Баталии вокруг направления образования в Москве уже отгремели, Лихуды были стараниями Стефана Яворского возвращены из ссылки, но их время прошло. Орлов был не в силах с этим смириться и создал яркое публицистическое сочинение, прочно связав борьбу за создание Московской академии с именами своих учителей и патриарха Иоакима.

Автор не стремился к точному изложению событий, напротив, он последовательно искажал историю в пользу своей концепции. Именно поэтому открытие патриархом Типографской школы иеромонаха Тимофея (якобы по просьбе царя Федора!) датировано более ранним временем, чем основание прекрасно известного Орлову, но не упомянутого им Заиконоспасского училища Сильвестра Медведева. Именно на Типографскую школу автор самочинно «излился» щедроты государя: жалование и при-

⁶⁷⁶ Кантевер Н.Ф. Характер отношений... С. 504—513, 558—562.

вилегии, «как значится о том в жалованной сей Академии от его же царя и великого князя Федора Алексеевича граммати».

Из сказанного в «Историческом известии» прямо вытекало, что Типографская школа и есть зародыш той Академии, о которой мечтал царь Федор. Именно «желая... новонасажденный той сад», школу Тимофея, «размножить», государь якобы «писал к святейшим вселенским патриархам, дабы прислали в Москву учителей православных, в греческих и латинских (здесь и далее выделено мной.— А.Б.) диалектах и во всех свободных науках искусных, паче же свидетельствованных в вере и догматах греческаго закона». Смерть Федора и московское восстание 1682 г. задержали присылку учителей, но в 1684 г. (т. е. прежде, чем Медведев вручил «Привилей» Софье, о чем вновь не упомянуто) Лихуды прибыли в Москву, поселились в Богоявленском монастыре и унаследовали учеников Типографской школы.

Продолжая «удревнять» все события и игнорировать деятельность «латинствующих», Орлов пишет далее, что в 1685 г. «патриарх Иоаким основал каменную Академию в Спасском монастыре, что за иконным рядом»; «совершенно же то училищное строение в лето 1686 (7194), и при обновлении того сам святейший патриарх присутствовал со освященным собором с великим торжеством и учреждением, и преселитися повеле оным учителем со ученики из монастыря Богоявленскаго. Сим образом утвердившуся... училищу начат и учимых число умножати, и науки преподавалися на обоих диалектах: грамматика и пиитика токмо на греческом, логика и физика на обоих. И цветяше до лета 1690 (7198)».

Здесь, наконец, появляется злодей Сильвестр Медведев. Процветание «Академии» кончилось в 1690 г. из-за наветов его «друзей и сродников» патриарху Адриану. Оказывается, Лихуды были «отрешены» от преподавания и сосланы сначала в Новоспасский, а затем в Костромской Ипатьевский монастырь проискамии «латинствующих»! Но в училище преподавали их ученики, доколе из Рима не пришел Палладий Роговский. Ему «велено бысть училище и повелено учить на едином латинском диалекте,— ядовито замечает Орлов,— яко греческаго не ведущу». Этой ложью (Палладий 7 лет учился в Риме именно в Греческом коллегииуме и священствовал в униатской церкви) кончается памятник, более 250 лет обманывающий исследователей. «Ошибки» автора были выявлены в XIX в., а концепция — сохранилась.

Принятый за изложение событий **публицистический памятник**⁶⁷⁷ лег в основу общего мнения, что Заиконоспасские школы братьев Лихудов явились результатом многолетних усилий сторонников просвещения по созданию Московской академии. Исследование школ Лихудов считалось, таким образом, основным критерием для оценки общественной мысли в области образования накануне реформ Петра I. В результате значение деятельности русских просветителей XVII в. было значительно снижено. Величие их замыслов сведено до уровня церковного училища. Бескомпромиссная борьба за «взыскание свободных мудростей», в которой просветители жертвовали не только благополучием, но и жизнью, оказалась забыта. Зато не забыты были обвинения, брошенные в их адрес публицистами XVII в. Особенно ярко они были сформулированы в споре о времени пресуществления святых даров, вспыхнувшем весной 1685 г., в самый разгар борьбы за Академию.

* * *

Только отказавшись от накопившихся в литературе легенд о «грекофилах» и «латинствующих», от искусственного «удревления» Московской славяно-греко-латинской академии, мы можем реально оценить остроту борьбы за просвещение в переломный момент истории нашей страны. В XVII в. упорство просветителей не было вознаграждено открытием в Москве университета, а наиболее активные из них пострадали от преследований «мудрборцев». Даже заслуги царя Федора Алексеевича были прочно и надолго забыты, а идеи, утверждавшиеся в умах подданных старшим братом, приписаны младшему. Но именно просветители, а не светские или духовные власти сумели внести решающий вклад в создание системы образования в России. Они со всей ясностью сформулировали и широко распространили идеи государственной необходимости просвещения, всесословного высшего образования, автономии вуза и арбитражных функций его ученого совета, внедрили в сознание общества мысль о том, что развитие национальной науки является важнейшим условием процветания России. Уже в первой четверти XVIII в. государственная власть вынуждена была, пусть с оговорками и ограничениями, приступить к реализации идей просвещения, претворение которых в жизнь затянулось на многие десятилетия.

⁶⁷⁷ [Орлов Ф.П.] Историческое известие... С. 295—306.

Глава 5

БОРЬБА ЗА ПРАВО РАЗУМА

Столкновение официальной «грекофилии» со взглядами просветителей породило полемику, которая буквально всколыхнула современников. Публицистика по чисто богословскому и узкому, казалось бы, вопросу *о времени пресуществления Святых даров*, на века определила отношение к ее участникам и в целом к учености конца XVII в., к деятельности литераторов и полемистов, духовных и светских властей в области просвещения. Содержанию и ходу полемики, личностям публицистов и их произведениям было посвящено немало страниц в общих трудах и солидная специальная литература, облегчающая нашу задачу, но не решающая ее. В XIX в. объективно рассмотреть конфликт и тем более выявить его суть было в высшей степени затруднительно, поскольку официально «благочестивой» оставалась одна, «грекофильская» сторона в полемике; противная сторона обвинялась в «латинской ереси». Немногие исследователи, в особенности церковный историк А.А.Прозоровский, отваживались погрузиться в изучение богословской аргументации сторон. Однако и Прозоровский не решался признать, *каким реальным целям* служили эти аргументы, поскольку подлинные мотивы публицистов представляют духовную власть не в лучшем свете. В XX в. исследователи в значительной мере утратили возможность анализировать богословскую форму полемики и остались в рамках традиционных заблуждений в оценке ее содержания.

Рассмотрим сущность конфликта последовательно, обращая особое внимание на цели и средства публицистов противоположных сторон. Poleмика изначально имела несколько уровней, внешне не всегда сопоставимых, но глубоко взаимосвязан-

ных. Первый, вызвавший наиболее эмоциональную реакцию участников и историков «слой», составил *спор о пресуществлении Святых даров*. Он породил миф о зловещей угрозе проникновения «яда латинской ереси» в святая святых русского православия — в сам чин (сценарий) литургии. Легко представить себе, как оценивало большинство авторов столь злодейскую попытку российских «хриstopродавцев» — ставленников католиков и в особенности «злокозненных иезуитов». Но «латинствующей», западной, южнорусской по происхождению партии смело противостояли во главе с патриархом «истинные патриоты» — представители партии московской, старорусской, защитники древлепреданного «греческого» благочестия. Очевидно, что укрепившее свои позиции в исторической литературе — и временами господствующее в ней — движение западников не могло дать своим «предшественников» в обиду. Иоаким со товарищи превращались на страницах книг и статей в ретроградов и противников европеизации России, переделки ее на западный манер. На самом деле все участники спора были убежденными православными и отстаивали именно «отцепданное благочестие».

Обращение ко второму «слою» старинного спора — *полемики о языке просвещения* — полностью подтверждает, казалось бы, позицию западников. «Латинствующие» горячо отстаивали необходимость изучения латыни — общеевропейского языка науки; сторонники патриарха требовали ограничиться изучением греческого — языка православного богословия. «Западники» XVII века выступают просветителями, а «грекофилы» оправдывают метко данное им в ходе полемики именование «мудроборцы» — то есть борцы с мудростью. Правда, западники Нового и Новейшего времени от подобного открытия ничего не выигрывают. На поверку их «предшественники» оказываются яркими патриотами, защитниками национального достоинства России, обличителями слепого, «обезьяньего» иноземного заимствования и сторонниками государственного меркантилизма.

Остается малоизученным еще более глубокий третий «слой» спора — именно тот, который и придал книжной полемике остроту политическую, благодаря коему в ней принужден был выступить сам патриарх и иные иерархи, а точку попытались поставить топором палача на Лобном месте... Речь шла о вечном вопросе, не случайно заданном Христу Пилатом: «Что есть истина?» Точнее, — *что есть источник истины*: авторитет и слепая

вера или укрепленный наукой разум? Сами того не замечая, позднейшие историки (вкуче западники и славянофилы) продолжали наиболее глубокую и важную линию спора: могли ли россияне допетровского времени «рассуждати себе» (мыслить самостоятельно) — или их уделом было подчинение авторитету и подражание?!

Такая постановка вопроса практически исключает беспристрастность: в *изложении* полемики историк волей-неволей становится на одну из позиций. Однако мы должны попытаться объективно *понять* логику и мотивы притивоборствующих сторон, последовательно восстановив роковой ход событий. История разделила полемику на **три периода**, каждый из которых требует особого подхода к источникам. Открытый спор о пресуществлении Святых даров разгорелся в период регентства царевны Софьи и достиг высочайшего накала к моменту ее свержения летом 1689 г. После политической победы патриарха его идейный противник Сильвестр Медведев был объявлен вторым по значению государственным преступником в России, «изобличить» которого тшилось правительство. С октября 1689 г., когда дело Медведева «со товарищи» попало в руки духовенства, в источниках звучит голос одной стороны, обличающей «латинствующих еретиков», но анализ текстов позволяет понять, как стойкость борцов за право разума срывала планы «мудроборцев».

СПОР О ПРЕСУЩЕСТВЛЕНИИ

Отправной точкой разгоревшегося спора была борьба вокруг проекта Московской академии, представленного Сильвестром Медведевым царевне Софье 25 января 1685 г. Просветители, заручившись поддержкой одного из главных членов правительства регентства, Ф.Л.Шакловитого, надеялись на осуществление проекта. Их противники крайне этого опасались, готовясь противопоставить Медведеву и его академическому проекту выписанных патриархом Иоакимом с Востока «греческих учителей». Конфликт затрагивал ограниченное число людей, главным образом непосредственно связанных с преподавательской, переводческой и издательской деятельностью. Многие из тех, высоко ценил образование, не определили своих позиций относительно спорящих сторон.

Давно ожидавшиеся «грекофилами» «восточные учителя», в лице братьев Иоанникия и Софрония Лихудов, прибыли в Москву 6 марта 1685 г. и сразу оказались в весьма сложной ситуации⁶⁷⁸. При въезде в страну иноземцам не всегда требовалось предъявлять документы: для получения проездного разрешения на границе довольно было заявить о дозволенной законом цели визита (поступление на службу, торговля и т.п.). Даже в условиях войны с Османской империей и Крымом гетман И.Самойлович дал свой «лист»⁶⁷⁹ учителям, более полутора лет пробиравшимся из Стамбула на царскую службу якобы по поручению Константинопольского патриарха. Но в центральных московских ведомствах, по принадлежности, тщательно проверялись документы: докторские дипломы университетов у врачей (в Аптекарском приказе), заверенные послужные списки и рекомендации у офицеров (в Иноземном приказе) и т.д. От приезжих греков в Посольском приказе требовалась грамота Восточных православных властей с благословением их миссии. Грамоты не было.

Распрос в приказе состоялся в день приезда греков в Москву. Лихуды заявили, что были посланы в Россию Константинопольским патриархом Дионисием «для такой причины»: когда в Константинополь приехал послом дьяк П.Б.Возницын, «тогда чрез него монаршеское святейшему патриарху внесено было слово, дабы он, святейший патриарх, сыскал людей разумных греческаго исповедания, которые бы философии и богословия учение изследовали, и прислал бы их к нему, великому государю, к Москве для научения младенцев». Увы, посольские документы этих показаний не подтверждали. Ни в деле об отправлении посольства Возницына, ни в его статейном списке (отчете) ничего о поиске учителей нет⁶⁸⁰.

К тому же Лихуды стали явно путаться в показаниях. Возницын, по словам приезжих, поручил поиск учителей Александрийскому и Антиохийскому патриархам. Почему же отправил их Дионисий?⁶⁸¹ С точки зрения московских чиновников дело

⁶⁷⁸ Она подробно рассмотрена: *Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды. С. 54—65. Ср.: *Фонкич Б.Л.* Новые материалы для биографии Лихудов // ПКНО за 1987 г. М., 1988. С. 61—70 (с новой библиографией).

⁶⁷⁹ Оpubл.: *Смирнов С.К.* История... Приложения. С. 405.

⁶⁸⁰ *Каттегов Н.Ф.* Сношения Иерусалимского патриарха... С. 137. Прим. 40.

⁶⁸¹ Позже, в предисловии к своей книге «Акос», Лихуды свидетельст-

было крайне подозрительным, и Лихуды попадали под действие указа царя Федора Алексеевича от 10 сентября 1676 г. о запрещении въезда в Россию греческих духовных «милостыни искателей».⁶⁸² Однако возглавляемый канцлером правительства регентства князем Василием Васильевичем Голицыным Посольский приказ отнесся к ученым грекам чрезвычайно снисходительно, предоставив единственный законный выход — вербовку на тайную государеву службу⁶⁸³.

Деяния Лихудов при Московском дворе соответствовали их способностям и устремлениям. Секрет близости Лихудов к Голицыну раскрывается содержанием их политических сочинений и панегириков, обнаруженных недавно в библиотеке Флорищевой пустыни⁶⁸⁴. Как выяснилось, «самобратья» сочиняли не только орации, исполнявшиеся учениками для Иоакима по церковным праздникам и на патриаршие именины. Начиная с первой политической речи, произнесенной вскоре по приезде в Москву, Лихудам весьма часто случалось выступать в роли придворных ораторов во дни торжеств, в особенности на именины многочисленных членов царской семьи. Не даром в декабре 1688 г. Софроний Лихуд был пожалован «за его многие в божественном писании труды и за орации на государские ангелы».

Уже 9 марта 1685 г. они выступили перед царями, придворными и духовными чинами с запомнившейся речью⁶⁸⁵. От имени

вовали, что приехали в Россию по вызову «царя Федора Алексеевича... чрез живущий глас тогдашняго посла, достигша в Константиград, о двоих или более Восточныхъ церкве учителей»; причем были посланы «общим советом» всех патриархов (среди которых не назван Антиохийский). В других книгах, «Мечец духовный» и «Показание истины», Лихуды ссылались на соборно утвержденную сопроводительную грамоту четырех Восточных патриархов.

⁶⁸² Кантрев Н.Ф. Характер отношений... С. 267.

⁶⁸³ «Тайную» не следует понимать в духе «рыцарей плаща и кинжала». Посольский приказ широко практиковал различные формы неявного, не признаваемого официально сотрудничества. В частности, представители Восточного духовенства служили как политическими и даже военными разведчиками «за линией фронта», так и осведомителями, агентами влияния, выполняли, подобно Лихудам, неофициальные дипломатические поручения.

⁶⁸⁴ ВСМЗ. В—5636/112. Q. 128 л. Подробнее см.: Памятники. С. 19—22, 39—42. № 17—19, 27 (предисловие, комментарии и публикация части новооткрытых сочинений).

⁶⁸⁵ О выступлении упом.: Смирнов С.К. История... С. 23. Содержание

угнетаемых турками православных народов Иоанникий и Софроний заявили о священном праве российских государей на престол константинопольских императоров и византийское наследие в целом. Они выдвинули два тезиса, существенных для про-правительственной публицистики периода регентства: Российское царство с Божией помощью неуклонно расширяется в мире благодаря высшей избранности своей идеи, а его экспансия ведет охваченные державой народы не к смерти и порабощению, но к свободе и просвещению истинной верой.

В последующих обращениях к царям, Софье и Голицыну греки вновь и вновь развивают эту идею, выражая горячую поддержку внешнеполитическому курсу правительства регентства на борьбу с Турцией и Крымом, угрожающим южным границам Российского государства. Призывы к освобождению народов Балканского полуострова от владычества Османской империи содержатся и в переписке Иоанникия и Софрония с Посольским приказом. При сем похвалы военным и дипломатическим усилиям правительства регентства сопровождалась славословием его руководителям.

Довольно напомнить, что в орации Софье Алексеевне 1687 г. братья интерпретировали наиболее лестную аллегорическую ее имени — Софию-Премудрость Божию — через греческий прототип: Богородицу Оранту, Нерушимую стену, защитницу христианства. Мало того, они кардинально изменили принятую в панегиристике того времени «небесную» аналогию структуры земной власти, трактуя Софью как члена «царской троицы» (на что не отваживались тогда вернейшие ее сторонники)⁶⁸⁶. А похвальное слово Софрония Лихуда В.В.Голицыну на возвращение из II Крымского похода (который Иоаким считал позорным поражением) является наиболее лестным из всех известных панегириков князю⁶⁸⁷.

Иоанникий и Софроний пользовались явным благорасположением всемогущего канцлера В.В.Голицына, несмотря на то, что выступали в 1680-х гг. ставленниками патриарха и основны-

речи восстанавливается по цитатам в тексте «Слова воинству» Игнатия Римского-Корсакова и воскресного панегирика Лихудов царям и царевне Софье 27 марта 1687 г. (Памятники. № 15, 17).

⁶⁸⁶ РГАДА. Ф. 375. № 22. 18 л. Автограф, черновик. Оpubл.: *Лермонтова Е.Д.* Похвальное слово Лихудов царевне Софье.

⁶⁸⁷ Памятники. № 27 (текст и комментарий).

ми полемистами против верного царевне Софье (и близкого к Ф.Л.Шакловитому) Сильвестра Медведева. Это расположение простиралось столь далеко, что глава Посольского приказа содействовал Иоанникию в выезде в феврале 1688 г. по личным делам в Венецию, дал ему дипломатические поручения, снабдил документами и жалованием посланника, помогал ученому старцу и его детям улаживать дела в Вене и даже называл его в переписке «зело мне приятным благодетелем»⁶⁸⁸.

Итак, отношения Лихудов со светской властью были быстро улажены. Но проблему представлял патриарх Иоаким, с немалым подозрением относившийся к грекам, приезжавшим без патриарших поручительств за их благочестие⁶⁸⁹. Не только греки, но все представители православного духовенства из-за рубежа («наших» земель под властью Швеции и Речи Посполитой) при Иоакиме должны были представлять документы и «свидетельствовать» свою веру перед властями Русской православной церкви. В этом патриарх был вполне солидарен с Сильвестром Медведевым, собственной рукой вписавшим аналогичное требование в рукопись «Привилея» Московской академии, с которой изготовлялся подносной экземпляр царевне Софье⁶⁹⁰.

⁶⁸⁸ *Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды. С. 255—262; переписку В.В.Голицына и Лихудов см.: ПДС. Т. X. СПб., 1871. Стлб. 1310—1311, 1331—1337, 1359—1370.

⁶⁸⁹ Еще в сентябре 1683 У. Иоаким в грРмоте гетману И.Самойловичу о необходимости поставления Киевского митрополита выражал обеспокоенность: «И оная многонародная паства без родного пастыря от иностранных учителей да не расторгнется,— каковые в ту страну митрополии Киевской приезжают непрестанно, иные же и живут в Малороссийских городах греческие и иных земель архиереи, никем не свидетельствованные и под неблагословением Восточной церкви патриархов, и служат, и всякие таинства архиерейского достоинства творят самовольно., им же без собственного Киевской митрополии пастыря возбранения и рассмотрения нет». Переписку по этому поводу см.: Икона или изображение великие соборные церкви Всероссийского и всех северных стран патриарша престола. Сборник 1700 г. (РГБ. Ф. 29. Собр. И.Д.Беляева. № 1625). См. также: *Смирнов П.* Иоаким патриарх Московский. С. 172—216; *Соловьев С.М.* История России. С.368—378; и др.

⁶⁹⁰ К словам, что для занятия греками мест учителей и блюстителя Московской академии нужна рекомендация Восточных патриархов, Сильвестр добавил: «Такожде тии и в России да будут крепче в вере свидетельствовани, дабы кто из них такожде не сделал, яко же прежде еретик Исидор российский митрополит, иже от Цареградскаго

Документы считались в практике Русской православной церкви XVII в., по крайней мере, с патриаршества Филарета Никитича, формально строго обязательными⁶⁹¹. Однако реально их можно было получить задним числом, даже используя разные формы давления на Восточное духовенство, как это было с обоснованием прав ведущих лиц хорошо известного Иоакиму собора 1666—1667 гг. против Никона и староверов⁶⁹². И Лихуды, подобно патриархам Паисию Александрийскому и Макарию Антиохийскому вкупе с Паисием Лигаридом, получили свою грамоту *post factum*. Проезжая грамота от Восточных патриархов, за исключением Антиохийского, со свидетельством православия братьев Иоанникия и Софрония, датирована июнем 1685 г., когда «греческие учителя» уже были в Москве, и весьма удачно получена ими в самый разгар полемики о пресуществлении.

Если придавать принципиальное значение указанным М.Н. Сменцовским разночтениям в именах подписантов по публикации грамоты в книге Лихудов *«Мечец духовный»* и списку ее перевода Николаем Спафарием в Посольском приказе, грамоту следует считать поддельной. Правда, использование подделок документов Вселенских патриархов было не в духе московских властей, в 1680-х гг. продолжавших, как и раньше, тратить немалые силы и средства на получение подлинников нужных грамот на Востоке. Если же грамота подлинная, то единственным способом получить ее в Стамбуле всего через три месяца после приезда Лихудов в Москву было едва возможно только через тайные каналы Посольского приказа⁶⁹³.

патриарха и от прочих с свидетельством достоверным и с великим похвалением к Москве на митрополию приеха, а после ж де на Флоренском соборе с папою Римским согласен явися» (ГИМ. Синодальное собр. № 44/898. Л. 11). Вставка отмечена: *Канттерев Н.Ф.* О греко-латинских школах... С. 666.

⁶⁹¹ Подробно см.: *Богданов А.П.* Русские патриархи. Т. 1—2.

⁶⁹² См.: *Канттерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Т. 1—2. Сергиев-Посад, 1909—1912; *он же.* Патриарх Никон и его противники в деле исправления церковных обрядов. Изд. 2-е. Сергиев-Посад, 1913; *Богданов А.П.* Перо и крест. Гл. 3; *Буганов В.И., Богданов А.П.* Бунтари и правдоискатели... Гл. 5.

⁶⁹³ В пользу участия Посольского приказа говорит и то, что в грамоте отсутствует неуместное в сем приказе упоминание о якобы бывшей миссии П.Б.Возницына; с появлением грамоты исчезает оно и в сочинениях Лихудов *«Мечец духовный»* и *«Показание истины»*.

Трудно поверить, что Лихуды имели при себе грамоту Досифея, о которой тот писал в августе 1693 г. патриарху Адриану, приписывая себе заслугу присылки учителей в Москву с тем, чтобы теперь добиться их изгнания. «Прииде к нам,— писал Иерусалимский патриарх,— письмо от вашей страны от умершаго иеродиакона Мелентиа, который писал от лица блаженнаго патриарха кир Иоакима, чтоб мне сыскать и прислать бы какова учителя еллинского языка, пища, яко есть о том и воля... самодержца, государя Феодора Алексеевича. И при том поехали два брата, Иоанникий и Софроний... Мы же... дали им заступительныя грамоты и наипаче на дорогу протори, послахом их к вам»⁶⁹⁴.

В русле истории публицистики логично предположить, что Лихудам не казалось разумным представлять *Посольскому приказу* рекомендации от Досифея (успевшего прославиться в Москве как обличитель проникновения в Россию «скверного учения» католиков, лютеран и кальвинистов) как раз в то время, когда патриарх Иоаким с соборной кафедры громил политику правительства в отношении неправославных культов, а Игнатий Римский-Корсаков лично выговаривал главе приказа В.В.Голицыну за отмену тем вероисповедных ограничений (осенью 1684 или в 1685 г.)⁶⁹⁵. Но в реальной ситуации, когда от греков в день их приезда требовали предъявления документов, а с реалиями московской жизни им еще предстояло ознакомиться, Лихуды наверняка выложили перед приказными все бумаги, которыми располагали (а имели они только «лист» не весьма приятного Голицыну и в 1687 г. смещенного им гетмана Самойловича).

Если бы благословенная грамота Иерусалимского патриарха существовала, она послужила бы для братьев Лихудов наилучшей рекомендацией патриарху Иоакиму, который в принципе мог неофициально сообщить в Константинопольскую епархию, где Досифей обретался, о поддержке приглашения греческого учителя царем — главным источником пожалований восточному духовенству⁶⁹⁶. Лихуды использовали при въезде в Рос-

⁶⁹⁴ Опубл.: *Туманский Ф.* Собрание разных записок и сочинений... о жизни и деяниях... Петра Великого. Ч. X. СПб., 1787. С. 110—111.

⁶⁹⁵ См.: *Богданов А.П.* От летописания к исследованию... С. 100—106.

⁶⁹⁶ То, что грамота Досифея пришла в Москву после смерти патриарха Иоакима и иеродиакона Мелентиа, не меняет дела: секретарем при Адриане оставался тот же Карион Истомин, который ведал патриаршими сочинениями при Иоакиме.

сию именно эту версию, в устной передаче через третьи руки несколько упрощенную и документально не подкрепленную. Светские власти ни о чем подобном осведомлены не были. Вместе с тем именно они обустроили Лихудов в Москве: кельи для братьев в Богоявленском монастыре были возведены указом царей и Софьи. Даже «Поучения» Лихудов, демонстрирующие их благочестие, были приняты Посольским приказом. Патриарх Иоаким либо не имел отношения к вызову Лихудов, либо с необъяснимым для своего прямого характера тщанием скрывал неофициальный запрос к Досифею. Иоаким выразил свое благоволение приезжим грекам только летом 1685 г., когда ведомство князя Голицына предприняло все необходимое для получения благословенной грамоты Лихудам, а сами они изыскали способ «свидетельствовать» свое православие и ученость. Этот способ показать себя истинно православными богословами, засвидетельствовать лояльность патриарху и ударить по всем возможным конкурентам был избран чрезвычайно точно.

15 марта 1685 г. Иоанникий и Софроний выступили на диспуте с Андреем Христофоровичем (Яном) Белобокким — тем самым польским шляхтичем, что прибыл в Москву в свите Смоленского епископа Симеона в 1681 г. с надеждой преподавать в Академии, был обвинен другим поляком в еретичестве, но покаялся перед патриархом, с легкостью осудил католичество и протестантизм и представил «Исповедание веры», утверждающее безразличие конфессии и главенство внутренних побуждений верующего. Оно подверглось резкой критике Медведева (который не желал присутствия Белобоккого в Академии так же, как «грекофилы» не могли потерпеть открытия университета по проекту Сильвестра), однако этот спор не имел трагических последствий⁶⁹⁷. Ян преспокойно крестился в православие, сдал экзамен на знание языков и получил должность в Посольском приказе, освоил русский вплоть до стихосложения, женился и жил припеваючи, подрабатывая преподаванием в домах знати. Столь же безболезненно, как критику Медведева, он пережил в 1685 г. диспут с братьями Лихудами, уличившими конкурента в

⁶⁹⁷ «Дело» Белобоккого сохранилось в черновых и беловых автографах Медведева (РГБ. Ф. 173. I. Фундаментальное собр. Московской духовной Академии. № 68; ср. списки: ГИМ. Синодальное собр. № 1/991. Рукопись 9. Л. 206—304; № 371, 596, 346 и др.). «Дело» опубл.: ЧОИДР. 1884. Кн. 3. Отд. I. С. 196—245.

ереси, а затем, по своем возвращении из посольства в Китай,— и донос Евфимия Чудовского, что сей злой еретик «тожде мудрствует и прельщает и доднесь». Защитой всегда почтительному к властям Андрею Христофоровичу была государева служба, но характерно, что патриарх Иоаким не был обеспокоен его вольнодумством и модными эзотерическими знаниями, привезенными из странствий для учебы по Германии, Франции, Италии и Испании⁶⁹⁸. Гонениям и соборному осуждению подвергся в том же 1685 г. прежний покровитель Белобоцкого Симеон, достигший сана Смоленского митрополита: сей вполне православный деятель вел себя «не по чину», противно представлениям Иоакима о строгой церковной иерархии⁶⁹⁹.

Оспаривать «Исповедание веры» Белобоцкого православные богословы могли по множеству пунктов. Лихуды выступили с

⁶⁹⁸ Прозаические и стихотворные переводы Белобоцким католических сочинений и его «Книга философская» не нашли читателя. Но Медведев, Лихуды и Евфимий не зря беспокоились, апеллируя к патриарху. «Краткая беседа милости со истинною о Божии милосердии» (обещавшая всеобщее прощение грешников) и в особенности изложение Белобоцким «Великой науки» и «Риторики» Раймунда Люллия с комментариями поклонников скрытой мудрости (вроде Корнелия Агриппы и Джордано Бруно) — пали на благодатную почву мистических настроений русского общества (включая староверов) и проросли в XVIII в. пышным кустом теософских исканий, в частности — масонского, розенкрейцерского и пантеистического толка. См.: Горфункель А.Х. Указ. соч.; он же: Белобоцкий Ян // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 128—131. Объяснение, почему Московский архипастырь, в отличие от ученых полемистов, ничуть не ужасался религиозному индифферентизму Белобоцкого, находим в искреннем ответе того оппонентам, что «коли он пребывает в греческой вере — и он будет послушание отдавать патриарху, а если он будет в Риме — и он будет отдавать послушание Папе римскому». Эта формула согласия веры с властью буквально походила на ту, что сам патриарх изложил некогда царю Алексею Михайловичу: «Аз-де, государь, не знаю ни старья веры, ни новья, но что велят начальницы, то и готов творить и слушать их во всем».

⁶⁹⁹ Следствие по делу Симеона в начале 1685 г. вела Игнатий Римский-Корсаков и Карин Истомин, их отчет см.: ГИМ. Синодальное собр. № 286. Л. 27—39. Подлинник соборного деяния см.: Там же. № II/992. Рукопись 19; опубл. *Н.П.Потовым* (Смоленская старина. Смоленск, 1916. Вып.1). Обличительную грамоту и Слово Иоакима на Симеона см. в черновиках Истомина: ГИМ. Чудовское собр. № 100/302. Л. 146А—146А об.; 169—173 об.

мнением о *евхаристии* (пресуществлении Святых даров), доказывая, что позиция оппонента противоречит традиции православной Церкви. Именно этот пункт был в свое время обойден Сильвестром Медведевым как не вызывающий сомнений; так не находился ли московский просветитель в «единомыслии» с еретиком? Как выяснилось позже, «подбил» Лихудов на это выступление Евфимий Чудовский — особо приближенный к патриарху «грекофил», — точно рассчитавший реакцию своего главного идейного противника. Правда, как это часто бывает с «мудроборцами» разных времен и народов, в выборе предмета спора Евфимий сильно ошибся. Впрочем, он и не собирался *спорить* — он хотел *обличать и искоренять* противников.

Необходимо разъяснить предмет спора, чтобы лучше оценить ситуацию. Речь шла всего лишь об одной детали ритуала, связанной с таинством пресуществления хлеба и вина в тело и кровь Христову, а именно: в какой точно момент литургического действия это сокровенное превращение совершается? Ранние христиане, увлеченные центральными идеями вероучения, да и современный нам широко мыслящий богослов не придали бы значения такому вопросу: в конце концов, речь идет о таинстве, не поддающемся разделению. Но в определенные столетия (особенно в период Научной революции, охватывавший часть XVI и XVII век) схоластическое богословие и массы верующих воспринимали мельчайшие детали ритуала как предмет, требующий огромного внимания, анализа и кодификации. Эти детали, их понимание были предметами ожесточенной борьбы во всех христианских странах, не исключая и Российское государство. Во время таинства евхаристии в ходе литургии верующие должны, как известно, осенять себя крестным знамением и совершать поклоны. В России момент пресуществления подчеркивался *благовестом*: колокола позволяли приобщиться к таинству и людям, находящимся вне храма. Таким образом, момент пресуществления оказался достаточно заметной деталью ритуала, заинтересовавшей с началом споров широкие круги верующих.

До начала полемики вопрос о времени пресуществления был довольно ясен: считалось, что оно происходило при чтении слов Христа, обращенных к апостолам во время Тайной вечери: «Приимите, ядите... пейте от нея» и пр. Это было зафиксировано в решениях Флорентийского (1439 г.) и Тридентского (XVI в.) соборов и указывалось в чинопоследованиях католической мес-

сы. Греческие и русские служебники, как правило, не делали таких указаний в православной литургии, но в некоторых рукописях XV и XVI вв. поклоны после слов Христа уже отмечались. С началом богословского изучения славянского чина литургического действия в первые годы XVII в. на Украине появляется множество печатных трудов, содержащих соответствующие указания. В Великой России поклоны «на словеса Христовы» предписываются в «соборно» утвержденных служебниках Печатного двора 1651, 1652 и 1655 гг., в служебнике патриархов Иоасафа Московского, Паисия Александрийского и Макария Антиохийского и в изданной от их имени книге Симеона Полоцкого «Жезл правления» (1667 г.), в архиерейском чиновнике патриарха Иоакима (1677 г.) и изданном под его благословением «Типиконе, или Уставе церковном» (1682 г.). Соответствующий ясный ответ получили французские иерархи (запрашивавшие мнение Русской церкви в связи с полемикой между католиками и гугенотами) во время официальных консультаций 1666—1669 гг. в Москве и Париже. Такого мнения держались видные деятели старообрядчества Никита Пустосвят и дьякон Федор. Наконец, во время коронации Ивана и Петра (1682 г.) цари били поклоны после слов: «Приимите, ядите...».

Казалось, вопрос не мог вызывать сомнений. Однако существовала и другая точка зрения. Еще в XIV в. Константинопольский патриарх Филофей пытался ввести в литургию Иоанна Златоуста *молитву* священника о ниспослании Святого Духа на Святые дары. Позже появились сторонники мнения, что таинство евхаристии совершается только после последних ее слов: «Преложив Духом твоим Святым...» Именно эту версию, появлявшуюся в России, насколько смогли установить историки Церкви, лишь в «Скрижали» Арсения Грека (М., 1656), и привезли Лихуды. Правда, соответствующей молитвы не было не только в большинстве русских рукописных служебников, но и в древнейших списках литургии Златоуста (VIII в.), а сами «совершительные слова» новой евхаристии отсутствовали в литургии Василия Великого, служебниках Антония Римлянина, Варлаама Хутынского, митрополита Киприана и более поздних (XIV—XV в.): они появились только во второй половине XVII в.

Это-то и было на руку «мудроборцам». Все образованные служители Русской православной церкви, имевшие неосторожность уповать на собственное рассуждение, не могли не указать

на ошибочность мнения Лихудов и... оказаться «единомудрствующими» с ненавистными патриарху католиками. Рационалисты от богословия оказывались еретиками, впавшими в «*хлебопоклонную ересь*» — то есть поклоняющимися хлебу и вину, которые якобы еще не превратились в тело и кровь Христову. Провокация «мудроборцев» должна была дискредитировать саму идею рационализма, показать, что даже в высшей науке того времени — в богословии — указание «греческих учителей» важнее всех мнений и доводов отечественных ученых мужей.

Это был скорее зловещий, чем наивный замысел. Евфимий Чудовский, как подчеркнула недавно И.Л.Курукина, уже много лет искал способ обвинить просветителей в «латинской ереси». В 1670 г. он нападал на «Венец веры» Симеона Полоцкого, старательно выписывая из него якобы «неправославные» мнения; в 1675 г. он всячески чернил «Катехизис» и другие труды учителя царских детей, который попросту не отвечал злопыхателю⁷⁰⁰. На этот раз успеху провокации способствовал ряд факторов: сильная обеспокоенность за судьбу Академии Медведева, не имевшего при дворе такого веса, как Симеон Полоцкий; неожиданность атаки по вопросу, который никогда не фигурировал в обвинениях Евфимия и казался ясным для русского православия; наконец, выступление с мнением о евхаристии именно очевидных конкурентов Сильвестра — «греческих учителей».

⁷⁰⁰ См.: «*О апостольском глаголемом симболе*» (ГИМ. Синодальное собр. № 396); «*На оглаголающих священную Библию, переведенную богомудрыми мужи, Святаго духа наполненными 70 переводниками*» (Там же. № 373; этот текст вошел в книгу «*Обличение на гаждастелей святаго писания Библии*»: ГИМ. Чудовское собр. № 83/285). О деятельности Евфимия в этой области см. также: *Брайловский С.Н.* Отношение Чудовского инока Евфимия к Симеону Полоцкому и Сильвестру Медведеву: (Страничка из истории просвещения в XVII ст.) // *Русский филологический вестник*. Варшава, 1889. Т. 22. № 4; *он же*. Очерки по истории просвещения в Московской Руси в XVII веке: Чудовский инок Евфимий как справщик // *Чтения в ОЛДП*. 1890. № 3. Отд. 1. С. 425—450; № 9. Отд. 1. С. 361—405; *Флоровский А.В.* Чудовский инок Евфимий. S. 100—152; *Исаченко-Лисовая Т.А.* Евфимий // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 287—296 (с библиогр.); *Курукина И.Л.* Богословская полемика конца XVII в. как отражение сложных процессов светской жизни // *Герменевтика древнерусской литературы*. Вып. 8. М., 1995; *она же*. «Остен» и «Щит веры» — памятники полемики конца XVII в. // *Чтения по истории русской культуры*. М., 2000.

Диспут Лихудов с Белобоцким был проведен в присутствии придворных и духовных лиц. Изложенная с большим апломбом позиция греков вызвала немало толков и заставила Медведева написать «Хлеб животный» — книжечку вопросов и ответов, в которой он мягко, «христианския ради общеуверительныя пользы душе» разъяснил смысл таинства евхаристии⁷⁰¹. Сильвестр попался. «Мудроборцы» распространили книжку Евфимия Чудовского с характерным названием: «*Показание на подверг латинскаго мудрования, подвергаемый под святую Восточную православную церковь*». Автор книги обрушил на Медведева поток отборной брани и обвинил его в том, что он защищает мнение католиков! Евфимий использовал это нехитрое полемическое построение, чтобы вызвать недоверие к оппоненту у читателей, воспитанных на образе врага-католика, и в первую очередь у недовольного Медведевым патриарха.

Мнение Медведева — «яд ереси латинския», а сам он — «иезуит или униат», писал Евфимий. Чтобы оригинальность такого отзыва о строителе московского православного монастыря не слишком бросалась в глаза, Евфимий категорически заверил читателей, что мыслей, подобных высказанным Сильвестром, «никогда Церковь святая восточная не имела и не имеет». Смелость автора, рассчитанная на совершенно некомпетентного читателя, поразительна: ведь сам Евфимий утверждал опровергаемое им мнение в «Воумлении священникам», вышедшем сравнительно недавно по благословию патриарха Иоакима!⁷⁰²

Не лучше выглядела и положительная аргументация грекофильствующего «мудроборца». Евфимий ограничился утверждением, будто его правота подтверждается «инде написанными свидетельствами самих святых отцов, восточных учителей». Каких отцов и учителей — не указывалось. Стоит ли напрягаться

⁷⁰¹ Сильвестра Медведева «Хлеб животный», или «Манна», был широко известен в рукописях того времени: ГИМ. Синодальное собр. № 440/299. Л. 125—135 об.; РГБ. Ф. 310. Собр. В.М.Ундольского. № 482. Л. 5—15; РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД. Оп. 4. № 322/702. Л. 1—41; БАН. 16.3.13. Л. 2 об.—9 об.; и др. Текст опубл.: *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев. С. 450—452.

⁷⁰² Евфимия «Показание на подверг латинскаго мудрования» см.: БАН. 16.3.13. Л. 1—2 (опубл.: *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев. С. 430—434). Ср. его же «Воумление священникам» разных редакций: ГИМ. Синодальное собр. № 567, 683, 433.

в споре с еретиком и иезуитом?! Тем более, что брошенные в адрес Сильвестра обвинения и так оказали свое действие: его обращение к правительству регентства по поводу Академии осталось без ответа.

Ободренный удачей (и, вероятно, обеспокоенный политическими успехами царевны Софьи, к которой «мудроборцы» питали стойкое недоверие), Евфимий осенью 1687 г. продолжил обличения. Вопрос о таинстве евхаристии он считал решенным в своем «Показании» — теперь предстояло исследовать «корни и нити». Откуда пошла ересь? — задавал себе вопрос Евфимий и, в неувыдаемом жанре доноса, объявил еретическими все украинские богословские сочинения со времен Петра Могилы (1645 г.).

Утвердившаяся на века концепция Евфимия убеждала, что «латинское» мнение о пресуществлении «вошло во многих» москвичей только после воссоединения Украины с Россией, а до того «всего Востока все народы православно-христианские» его не ведали. Отметим, что автору пасквиля ничего не стоило исключить украинцев из числа «народов православно-христианских», а православное духовенство Украины, столь упорно боровшееся с римской экспансией и идейно поддерживавшее участников освободительной войны, объявить агентами иезуитов! Впрочем, агентами иезуитов стали в книге Евфимия и московские сторонники просвещения, начиная с Полоцкого и Медведева⁷⁰³. Обвинение было создано.

К концу 1687 г. «мудроборцы» смогли ликвидировать славяно-латинское училище Медведева, а на его месте в Заиконоспасском монастыре, там, где планировалось открытие Московской академии, устроить «греческие», или «еллено-славянские, школы» братьев Лихудов. Особые меры предпринимались церковными властями по отношению к «еретику» Медведеву. Некие «знаменитые от духовных лиц» поносили его позицию «при честных людях». Ему запрещалось, и неоднократно, излагать свое мнение публично; «от начальных духовных» раздавались угрозы; в правительство поступали доносы — и все для того, писал Сильвестр, «чтобы меня тем смирня, от того со Христом о пресуществлении держания страхом отвратити». Не только от начальства, но и от «человекоугодников» Медведев вынужден

⁷⁰³ Евфимия *«Опровержение латинского мнения о пресуществлении»* опубл.: *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев. С. 434—450.

был «велию нужду терпети». Но страх и притеснения не сломили просветителя и не заставили его пользоваться тем же оружием, что и его враги. На клевету он ответил капитальной монографией, ясно и четко толкующей спорный вопрос.

«*Книга о манне хлеба животного*», насчитывающая в рукописи 718 страниц, была написана на одном дыхании, с ноября по декабрь 1687 г.⁷⁰⁴ Она столь основательно разоблачала признанное патриархом мнение о пресуществлении, что даже в конце XIX в. издание полного текста книги оказалось затруднительным⁷⁰⁵. Медведев тщательно рассмотрел сотни источников, давая ссылки на цитированные книги отцов Церкви и богословов Востока и Запада.

Книга Медведева разительно отличалась от «тетрадей» Евфимия. Тот (с помощью братьев Лихудов) пытался придать сочинению лишь *видимость* учености, рассчитывая, по словам современника, на то, что «народ здесь неученый, а неученые люди и неистину почтут за истину, если ее украсить цветами красноречия и доводами философии»⁷⁰⁶. Сильвестр же писал «заботясь об одной истине, а не премудрыми словесами украшаясь». Книга Медведева была «ради удобнейшего всем людям понятия или уразумения просто написана».

Словесные красоты могли лишь затуманить предмет спора, ибо речь в книге Медведева шла о достаточно сложном предмете: о *методе выяснения истины*. Сильвестр старался показать пример точности и последовательности в использовании древних текстов, пройти весь путь рассуждений вместе с читателем, чтобы тот мог лично убедиться в правильности всех заключений, а при сомнении — проверить автора, обратившись к точно указанным первоисточникам.

Евфимий и изустно поддерживавшие его церковные иерархи старались не вдаваться в аргументацию Медведева — он же, напротив, разбирает каждое их положение. Особое внимание Медведев уделил приемам анализа текстов, начиная с изучения

⁷⁰⁴ Практическая осуществимость такой работы, при предварительном изучении источников, экспериментально доказана автором.

⁷⁰⁵ Подносной экземпляр «Книги о манне хлеба животного» царевне Софье см.: ГИМ. Синодальное собр. № VII/995. 4^о. Оpubл. фрагментарно: *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев. С. 452—538.

⁷⁰⁶ *Яхонтов И.* Иеродиакон Дамаскин, русский полемист XVII века. СПб., 1884. С. 29.

их происхождения. Неоднократно уличая оппонентов в ложных ссылках на авторитеты, Медведев снабжает книгу системой точных отсылок к источникам. Он не просто опровергает противников, но тщательно исследует причины их ошибок: игнорирование контекста, цитирование «выбором», «огрызание» цитат, наконец, неверное понимание тех или иных грамматических форм. Для самого Сильвестра приведение полных, точных и выделенных в тексте цитат было нормой.

Перед читателем открывалась печальная картина: ложные ссылки на авторитеты, неверные переводы и грамматические искажения цитат, «выдергивание» из источников подходящих кусков то из начала, то из конца, а то и из середины фразы. Многие из этих методов, применявшихся «мудроборцами», знакомы читателю и по литературе нашего времени: их живучесть паразитична. Тем более важно отметить, что борьба за правильное использование источников, за толкование мнений разных авторов «праведно, как они в своих книгах писали», велась в России уже в XVII столетии.

Особое внимание Сильвестр Медведев уделил такому известному по сей день приему сокрытия истины, как выведение спора из рациональных рамок в сферу идеологической конфронтации. Просветитель обращал внимание читателя на то, сколь активно «мудроборцы» убеждают, будто основное противоречие сводится к борьбе греческого и латинского богословия, что «все латинское суемудрие, несогласное святой Восточной православной церкви, не есть древнепреданное и истинное, но новосочиненное и лживое». Но *кто* и *как* определяет, что «несогласно святой Восточной православной церкви»? Вот корень проблемы, от которой уводит людей тщательно культивируемый, как бы сейчас сказали, «образ врага», главная функция которого — заставить людей «не рассуждать», ибо это «на руку противнику».

«Не рассуждать!» — вот поистине крылатое выражение, столетия парящее над просторами России. Различные восходящие потоки поддерживали его в воздухе; для Русской православной церкви XVII в. одним из таких мощных потоков была грекофилия. В самом деле, если православные греки являются для Руси «источником благочестия» и «учителями веры», то могут ли россияне высказывать свое мнение по вопросам собственной религии?! Смеют ли они, как выразился Медведев, «мыслить себе» или должны без всякого разумения слушать заезжих учителей?

Сильвестр выступал прямым продолжателем дела Арсения Суханова — выдающегося путешественника и собирателя древних книг, который еще накануне никонианских реформ доказывал, что «знают у нас (в России. — А.Б.) древнее писание святых апостол и святых отец и без четырех патриархов». Подобно многим Суханов считал, что с падением Византии и возвышением Московского царства центр мирового православия переместился в Россию. Основным критерием для спасения подлинного благочестия Церкви является, по его мнению, наличие суверенного православного государства. Это публицистическое преувеличение оправдывалось в XVII веке необходимостью защиты российских христиан от грекофилии, использовавшейся как средство замыкания ртов. «Греки», по мнению Арсения, не могли быть «учителями» россиян, поскольку их святыни и древние книги давно проданы в Москву, поскольку они не имеют ни училищ, ни типографий, поскольку они зависят от прихоти мусульманских правителей и «подарков» из России. Знаменитые сухановские «Прения с греками о вере» были во второй половине XVII в. одним из популярнейших публицистических сочинений, причем отнюдь не только в старообрядческой среде⁷⁰⁷.

Медведеву не нужно было убеждать образованных москвичей в правоте Суханова — он мог в своей книге ограничиться аргументами по теме евхаристии и иронией в адрес «мудроборцев». Эта ирония прорывается в книге Медведева вместе с горькими строками о преследованиях, которым автор подвергается за то только, что не может отказаться от познанной им истины. «По премногу от противных бедствием отяготился», — признается Сильвестр; знаю о «весьма свирепом восстании» на меня врагов и чудом спасаюсь до сего дня «от свирепыя беды» благодаря многим православным, приходящим ко мне и поддерживающим в трудный час. А в спорах — «Богу благодарение, всегда победителя мя творящему!» Над Лихудами Медведев способен шутить, переводя их фамилию «русским языком» — «волчата». Но низкопоклонство отечественных иерархов перед приезжими греками, унижение и оскорбление россиян — не смешно.

«Кто, — пишет Медведев, — не только от христиан, но и от бусурман не посмеется, что уже 700 лет, как благоволил Бог просветить Россию святым крещением, однако и ныне некие глаго-

⁷⁰⁷ См. выше. Гл. 4. Прим. 41.

лут, будто еще православной христианской веры истинно и доселе как бы не знаем, но во мраке неразумия пребываем»⁷⁰⁸. И потому, продолжает Сильвестр, как только приезжают с Востока духовные лица, наши русские иерархи немедленно перенимают все новшества, «как младенцы и как обезьяны у человека», не интересуясь соответствием этих обычаев древней греческой и славянской церковной литературе и не смущаясь тем, что новые греческие книги «печатаются у немец в разных местах и со старыми греческими книгами не согласны». Сами греки этого не замечают, — а россиянам не позволено сравнивать старые обычаи и книги с новыми и устанавливать истину!

«О, правоверный народ, — иронически передает Медведев позицию отечественных «грекофилов», — зри сих славных греческих учителей, как они творят и как веруют! Ибо они люди ученые, а мы неученые, и потому нам, неученым, подобает Бога за то благодарить, что благоволил оных, как какой-то свет, на просвещение нашего неразумия прислать, и этих ученых людей весьма почитать, и во всем... слушать, и им нимало ни в чем не противиться (как будто до их прибытия здесь, страшно сказать, и великие государи наши, и святейшие патриархи, и все духовные и мирские пребывали во тьме неразумия!)». Казалось бы, давно пора понять, что вера посторонним «учителям» не заменит изучения источников, не заменит собственного разума.

«А ныне, — констатирует Сильвестр, — увы! Нашему такому неразумию вся вселенная смеется!.. И сами эти нововыезжие греки смеются и глаголют: Русь глупая, ничего не сведущая. И не только так говорят, но и свиньями нас называют, вещая так: мы куда хотим, туда духовных этих и обратим, ибо видим их самих ничего не знающих...» Книга Медведева показывала, что отнюдь не все в Москве являются или притворяются безграмотными и послушными овцами зарубежных пастырей.

Книга Медведева, утверждающая не только его мнение о пресуществлении, но и достоинство национальной мысли, была высоко оценена современниками. Они правильно подметили главное достоинство Сильвестра: автор апеллировал к разуму своих читателей, призывал их самостоятельно осмыслить предмет спора. «Книга о манне» оказалась искрой, попавшей в пороховую

⁷⁰⁸ Здесь и далее аргументация цит. в адаптации церковнославянского языка к русскому.

бочку. Все те, кто видел сомнительность нововводимого чина евхаристии, но чувствовал неуверенность перед авторитетом церковных властей, обрели с книгой Медведева волю и голос.

Одновременное появление в столице новой книги братьев Лихудов не улучшило положения патриарха Иоакима и его приближенных. Сильвестр Медведев, хотя и не видел при написании своей монографии книги «Акос»⁷⁰⁹ блестяще предварил ее аргументацию и выиграл спор уже до его начала. После рассуждений заиконоспасского строителя богословские аргументы Лихудов выглядели бледно, а их попытка вновь поднять на щит никонианские идеи независимости «благочестия» от «царства» и превосходства «греческой» науки над всеми остальными (в частности, славянской и латинской) была заведомо обречена на провал в глазах общественности. Ведь еще Суханов показал, что собственно греки составляют весьма малую часть Восточной церкви, включающей многие народы, — а Лихуды с почти трогательной наивностью брались вещать от имени четырех Восточных патриархов, стараясь убедить россиян, будто «всегда свет были греки и будут даже до скончания века».

И по содержанию, и по слогу сочинение Лихудов не выдерживало никакого сравнения с книгой Медведева. пышное красноречие «Акоса» метко оценил известный писатель Иннокентий Монастырский в *письме к гетману И.С.Мазепе*: «Оных греков Лихудов письмо ни правды, ни мудрости в себе не имеет. Не себе, но своему безумию неугодного соседа имея, сами себя хвалят, и хвалят аж без стыда, называясь словеснейшими и мудрейшими богословами. Всякий разумный, искусный в философии и богословии, должен признать, что оных греков аргументы не богословские, но буетсловские». Это письмо было использовано как аргумент в публицистике⁷¹⁰.

Убедительность книг с разными точками зрения на время пресуществления была важна, но не менее важным было то, как они воздействуют на *общественное мнение*. «Мудроборцы» как раз и исходили из того, что немногие могут заинтересоваться слож-

⁷⁰⁹ «Акос» Лихудов см.: РНБ. Собр. Толстова. № Q.I.334. Л. 82 и сл.; БАН. 16.3.13. Л. 10—81; ГИМ. Синодальное собр. № 437—439 и др. Текст опубл.: *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев. С. 538—577.

⁷¹⁰ Письма Иннокентия Сильвестру, гетману И.С.Мазепе и последнего Ф.Л.Шакловитому, были помещены Медведевым в конце «Известия истинного» (см. ниже, прим. 42).

ными рассуждениями и спор не выйдет за пределы ограниченного круга «посвященных». В соответствии с этим они и начали «помалу разнообразными способами свое неправое мудрование в народе утверждать, говоря, что всякое новое вначале в народе не без ропота бывает, а когда понемногу приобвыкнут, и потом в обычай войдет, — и то за самую истину станут держать». Для Медведева же единственной надеждой была апелляция к широким кругам верующих, к их разуму и воле.

Сама по себе книга Сильвестра не могла распространяться в большом числе списков: издание ее на Печатном дворе было исключено, а переписка затруднялась объемом. Но в конце XVII в. и московские «простолюдины» имели навыки пропаганды. Еще в 1681/1682 г. был издан указ, запрещающий распространение рассуждений на религиозные темы, которые «на Москве всяких чинов люди пишут в тетрадах, и на листах, и в столбцах... и продают у Спасских ворот и в иных местах, и в тех письмах на преданные святой Церкви книги является многая ложь»⁷¹¹. В 1682 г. восставшие распространяли свои оценки событий почти столь же эффективно, как правительство, а выступления староверов собирали на Красной площади и «торжищах» огромные толпы⁷¹².

Распространение народных сочинений облегчалось сравнительно высокой грамотностью населения, его развитой письменной культурой⁷¹³. Призывая бороться с «мраком невежества»,

⁷¹¹ АИ. СПб., 1842. Т. 5. С. 117. На мосту перед Спасской башней был один из центров частной книжной торговли.

⁷¹² См.: *Буганов В.И.* Московские восстания конца XVII века; *Богданов А.Л.* Нарративные источники о Московском восстании 1682 года; *Романов, Савва.* История о вере и челобитная о стрельцах // *Летописи русской литературы и древности*, издаваемые Н.С.Тихоновым. Т. 5. М., 1863. С. 111—148 второй пагинации.

⁷¹³ В Москве середины XVII в. белое духовенство было грамотно на 100%, черное более чем на 70% (как и купечество), дворянство на 50%, посадские люди на 20%, крестьяне, появившиеся в столице — не менее чем на 15%. При этом уровень грамотности рос в соответствии с темпами экономического развития страны и преобразований. Известно, например, что с 70-х по 90-е гг. грамотность податных жителей московской Мещанской слободы повысилась с 36 до 52%, что уже в 1677 г. среди 636 домовладельцев в слободе было восемь профессиональных книжников (переписывавших рукописи на продажу) и даже печатник «листов» (офортов, в том числе злободневного содержания, на которые был большой спрос). В среднем по России уровень грамотности к концу столетия достиг 96% у купечества, 75% у

просветители имели в виду отсутствие в Москве учреждений, которые давали бы высшее образование, а не повсеместно распространенные начальные школы, учившие писать, читать и петь по нотам. Стремление москвичей к знаниям и их желание обо всем «свое суждение иметь» были достаточно сильны, чтобы искра, высеченная Сильвестром, не пропала.

Вместо толстой книги Медведева в столице пошло по рукам множество экземпляров краткого *«Обличения на новопотаенных волков»*. Книгу Медведева могли прочитать отсылы десятки человек, «Обличение» — сотни и тысячи. Автор его, иеродиакон Афанасий Иоаннов, служивший в «церкви Преображения Господня, что у великих государей во дворце», избрал доступную острополюемическую форму, совместив опровержение «Акоса» и довольно глубокие доводы в пользу своей позиции с виртуозной руганью в адрес «мудроборцев», которые препятствуют развитию русской науки и в то же время величают москвичей «зверями, свиньями и всякими ругательными словами поносят за то, что Бог наш в Московском нашем государстве не благоволил быть школьному учению». Только в трапезной келье Сильвестра «Обличение» было переписано «гулящими людьми»⁷¹⁴ не менее чем в сорока экземплярах.

Реакция на «Манну» и особенно на «Обличение» оказалась неожиданно бурной даже для авторов. Правота Медведева на-

монашества и 40% у посадских (хотя в Соликамске, например, посадские в 1680-90-е гг. были грамотны на 49%); «во второй половине XVII в. неграмотных или малограмотных воевод не встречается». Среди читателей книг видное место занимали и женщины. См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. М., 1955. С. 554—556; *Устюгов Н.В.* Научное наследие. М., 1974. С. 78, 212; *Соболевский А.И.* Образованность Московской Руси XV—XVII вв. СПб., 1903. С. 8—13. *Бакланова Н.А.* Русский читатель XVII века // Древнерусская литература и ее связи с новым временем. М., 1967; [*Кошелева О.Е., Морозов Б.Н.*] Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР с древнейших времен до конца XVII в. М., 1989. С. 55—66; *Богданов А.П.* Известия Кариона Истомина о книжном чтении. С. 105—114.

⁷¹⁴ Найм переписчиков со стороны, как сообщил нам М.П.Лукичев, практиковался даже в книжной деятельности государевой Оружейной палаты и Посольского приказа. Помимо приказных и «всяких чинов людей», предлагавших свой книжный товар и услуги на Спасском мосту и в Овощном ряду, к казенным работам привлекались книжники из частных мастерских знатных библиофилов.

столько не вызывала сомнений, что многие удивлялись и не верили, что приезжие ученые греки могли занимать столь очевидно неразумную позицию, столь заноситься в гордыне. Полемические приемы Лихудов, в духе западной культуры убежденных, что «всяк не еллин — варвар», поносивших русских православных людей как «еретиков» и ни во что не ставивших традиции российской Церкви, ряду читателей казались просто невозможными. Стронникам Медведева и Афанасия пришлось, поскольку переписывать «Акос» брались немногие, «популяризировать» и его, пустив в обращение «тетрадки» с наиболее яркими «перлами» «мудроборцев», которые говорили сами за себя, не нуждаясь в комментариях⁷¹⁵.

Патриарх Иоаким и его приближенные, надеявшиеся провести свою операцию по искоренению просветителей без шума, в рамках чиновного духовенства, чтобы дело не было «в народный и общий слух износно», «да тайна пребывает тайна, внешним не явленна (в народный бо слух износима — не весьма тайна!)»⁷¹⁶, просчитались, и просчитались крупно. Массы верующих отнюдь не считали себя посторонними в Церкви и, не удовлетворяясь ссылками на авторитет патриарха, настойчиво требовали объяснений, почему они не должны кланяться Святым дарам как обычно, после слов: «Приимите, ядите...», и почему благовест перенесен на молитву к Святому Духу? Книга Медведева и памфлеты его сторонников убеждали народ в своей правоте.

Прискорбную для «мудроборцев» ситуацию в столице лучше всего охарактеризовал сам патриарх Иоаким (вернее, писавший для него речь Карион Истомино), отметивший с унынием, что люди вконец овоеволились, «начали дерзать о таинстве таинств святейшей евхаристии разглагольствовать и испытывать, и о том везде беседовать, и вещать, и друг с другом любопреться... И не

⁷¹⁵ Ср.: *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев. С. 577—593; ГИМ. Синопальное собр. № 346/310. Л. 384 и сл.; № 440/299. Л. 99 и сл.; БАН. 16.3.13. Л. 82 и сл.; РНБ. Собр. А.А.Титова. № 3240 и 3245; РГБ. Собр. В.М.Ундольского. № 481; Архив Юго-Западной России. Т. V. Ч. I. Киев, 1872. С. 267; *Зубовский П.* Контroversия. Полемическое сочинение XVII века // ПДПИ. Т. 74. СПб., 1888.

⁷¹⁶ Даже написанная к декабрю 1688 г. полемическая «*Книга православного исповедания*» Афанасия Холмогорского осталась в черновике: БАН. Архангельское собр. С. 170. Оpubл.: *Сменцовский М.Н.* Братья Лихуды. Церковно-исторические материалы (дополнительные приложения к исследованию). С. 44—70.

только мужчины, но и жены и дети испытнословят», которым вообще ни с кем, кроме мужей и отцов у себя дома, говорить не следует, да и то не «разглагольствовать», а лишь «внимать». Оставим эти, во многом отжившие уже во времена «Домостроя» взгляды, на совести автора, и еще раз взглянем на Москву глазами «мудроборцев».

«В плача достойное время сие, — продолжал патриарх, — попущением Божиим, поущением же душегубца врага Дявола, везде друг с другом, в схождениях, в собеседованиях, на пиршествах, на торжищах, и где встретится кто друг с другом, в каком-либо месте, временно и безвременно, у мужей и жен то и слово о таинствах, и о действе, и о совершении их, особенно же о таинстве таинств (где и ангелы проникать трепещут) пресвятейшей евхаристии: как пресуществляется хлеб и вино в тело и кровь Христову, и в какое время, и какими словами (что и священники сами, на сие уставленные... им же подобает все известно ведать, не все тонко частью ведают: однако благодать Божия и через неведающих действует). И от такого нелепого и не подобающего совершения, и испытнословия, и любопрения произросли свары и распри, вражды и ересь хлебопоклонная...

Того ради, неутешно рыдая, — продолжал патриарх, — слезы проливаю, и душой постоянно сокрушаюсь, и сердцем болею, слыша и видя Святые таинства от невежд испытанием и любопрением досаждаемы и раздираемы, словами износимы в слух народа... Увы, невежд дерзости и наглости, престающих пределы, установленные святыми апостолами и святыми отцами, и чинов своих и достоинства не хотящих, и во иные, не врученные им, перескакивающих, забывая сказанное: во что кто призван, в том да пребывает»⁷¹⁷.

Как видим, патриарх, по крайней мере номинально стоявший во главе «мудроборцев», столкнулся с сопротивлением, какого никак не ждал. Вместо того чтобы уничтожить Медведева, обвинение в «ереси» бумерангом ударило по церковной иерархии, терявшей свой авторитет. Немало придворных, приказных деятелей, промышленников и купцов собиралось у Медведева в Заиконоспасском монастыре побеседовать о евхаристии. К нему обращались за аргументами народные полемисты. Известно, что *выписки из сочинений Сильвестра* делал стрелецкий пятидесятник

⁷¹⁷ Остен. С. 114—117.

Никита Гладкий, радостно заявивший после этого визита товарищам: «Есть-де у меня, Микитки, чем уличать!». Городской поп Савва Долгий проповедовал на основе «Манн» и «разносил тайно к неким священным и простцам» «Обличение» Афанасия Иоаннова. Другой единомышленник Медведева «всеноществовал по вся дни, ходя по домам малых и великих, монахов и мирян, поучая их». Это были лишь отдельные эпизоды развернувшейся борьбы, по воле случая отразившиеся в документах...

Удовлетворяя требования читателей, Сильвестр в мае 1688 г. составил на основании своего перевода из Григория Кассандра «*Книгу, глаголемую церковносоставник или церковный изъяснитель*», призванную просветить всех желающих в вопросах церковного ритуала⁷¹⁸. К сентябрю 1688 г. он выпустил еще одно сочинение: «*Известие истинное православным и показание светлое о новом правлении в Московском царствии книг древних*», — публицистическую монографию, опровергающую аргументы «Акоса» и рассматривающую «ученые» методы «грекофилов» в целом⁷¹⁹.

Поскольку «мудроборцы» обосновывали справедливость своего мнения о пресуществлении с помощью ряда греческих книг, использовавшихся справщиками Печатного двора, Медведев начал новый этап полемики с очерка «книжной sprawy» (редакционной деятельности) на Руси, где котором обосновал необходимость *исторической критики источников*. До сих пор, поскольку оппоненты опирались на авторитеты, Сильвестр одерживал победы в значительной степени за счет обширнейшей эрудиции и более точного толкования текстов. Даже известный текстолог Димитрий Ростовский оспаривал Лихудов на основании решений московского собора, принятых при участии трех патриархов. «Или патриархи эти не право нас научили, — писал святой подвижник православной Церкви, — или иеромонахи сии (Лихуды. — А.Б.) не право творят и учат. Архиереи же российские, вселенских трех патриархов свидетельствованное писание (Служебник 1667 г. — А.Б.) отвергнувшие, в след же двух иеромона-

⁷¹⁸ ГИМ. Чудовское собр. № 81/283. 94 л.

⁷¹⁹ Написанный Медведевым «*Праведный ответ*» не найден (см. отрывок чернового автографа: ГИМ. Синодальное собр. № V/294. Л. 375—375 об.; опубл.: *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев. С. 450—452). «Известие истинное» см.: ГИМ. Синодальное собр. № V/294; РГБ. Собр. В.М.Ундольского. № 1325; и др. Опубл.: Сильвестра Медведева «Известие истинное» / *С.А.Белокуров* // ЧОИДР. 1885. Кн. 4.

хов идущие, не только Вселенским патриархам, но и самим себе сделались противны (т.е. противоречат. — А.Б.)».

В «Известии истинном» Медведев акцентировал внимание на *исторической изменчивости текстов* церковных книг. Он показал, что формула книжной справки о сверке текстов славянских «правых харатейных (пергаменных. — А.Б.) древних книг, которые с древними харатейными греческими книгами сходны», освященная авторитетом Печатного двора и патриарха, выдерживалась далеко не всегда. Тщательное сравнение различных изданий одной книги выявляет разночтения, вызванные зачастую произволом редакторов, усилившимся при Иоакиме и справщике Евфимии Чудовском, когда «дошли до такого безумия», что «все наши древние книги славянские харатейные» стали называть «неправыми», «зане обличают их неправое мудрование».

Чтобы сам принцип исторической изменчивости текстов был понятен, Сильвестр рассказал читателю о редакционной «кухне», о том, как развивалась идея «исправления» книг при подготовке их к изданию. «Известие истинное» и сейчас служит великолепным очерком истории государева Печатного двора в XVII веке, причем истории, освещенной «изнутри»⁷²⁰. Но как же можно вносить изменения в древний святоотеческий текст? — мог бы спросить читатель «Известия истинного». Увы, пишет Медведев, различные перемены происходят в Церкви постоянно и малоза-

⁷²⁰ На нем в немалой степени основаны исследования работы справщиков. См.: *Филафет, иером.* Опыт сличения церковных чинопоследований, по изложению церковно-богослужбных книг московской печати, изданных первыми пятью российскими патриархами // Братское слово. 1857; *Ундольский В.М.* Очерк славяно-русской библиографии; *Мансветов И.Д.* Как у нас правилась церковные книги: (Материалы для истории книжной справки в XVII столетии по бумагам архива типографской библиотеки в Москве) // Прибавления к изданию творений святых отцев в русском переводе. М., 1884. Кн. 4. С. 514—574; *Белокуров С.А.* Сильвестр Медведев об исправлении богослужбных книг при патриархе Никоне и Иоакиме // Христианское чтение. 1885. Ч. 2. С. 691—727; *Брайловский С.Н.* Очерки по истории просвещения в Московской Руси в XVII веке: Чудовский инок Евфимий как справщик // Чтения в ОЛДП. 1890. № 3. Отд. 1. С. 425—450; № 9. Отд. 1. С. 361—405; *Николаевский П.Ф.* Московский печатный двор при патриархе Никоне // Христианское чтение. 1891. Ч. 2. № 7—8. С. 158—159; *Сменцовский М.Н.* Вопрос об исправлении славянского перевода Библии во второй половине XVII века // Прибавления к Церковным ведомостям. 1900. № 28. С. 1103—1104; и др.

метно для широкой публики, даже если касаются крупных вопросов. Чтобы читателю было понятнее, он приводит пример не из истории книжных текстов: как пишется титул патриарха?

В соборно утвержденном служебнике «напечатано и клятвами страшными утверждено, как святейшему патриарху всюду именоваться», а именно: «Великий господин святейший кир Иоаким, милостию Божиею патриарх Московский и всея России». Но патриарх начал именовать себя по-иному, «яко же сам восхотел»: «Иоаким, милостию Божиею патриарх царствующего великого града Москвы и всея России». Этот титул, более похожий на титул самодержца, использовался довольно долго, а затем, «возвышая свою честь, патриарх начал писаться так: великий господин святейший кир Иоаким Московский и всея России и всех северных стран патриарх». Аналогичные изменения, основанные на чистом произволе, делались и делаются в церковной литературе. Иногда они менее заметны, иногда влекут за собой крупные ошибки и самые печальные последствия, тем более что церковные власти требуют, не рассуждая, почитать каждый новый текст как истину в последней инстанции. Медведев тщательно разбирает такие ошибки, особенно подробно останавливаясь на деятельности братьев Лихудов, раскрывая читателю их неблагоприятные манипуляции с источниками и показывая, что, в конечном счете, все, на что хотели опереться противники, служит аргументом не в их, а в его пользу.

Ошибки при редактировании и искажения текстов — большое зло, но Медведев не был бы рационалистом, если бы не был уверен в возможности их, в конечном счете, исправить, заменив волевые приемы тщательным и объективным исследованием. Но в tomto и дело, указывал Сильвестр, что церковные иерархи вместо анализа рукописной традиции «только честью своей величаются и не хотят неведения своего людям ради себе стыда объявить, но только повелевают всем себя без всякого разсуждения... слушать». Вот истинный камень преткновения для благочестия, вот что на деле вызывает смуты и «нестроения» в Церкви.

Что же благочестивее: отказаться от исследования и без раздумий повиноваться авторитетам — или продолжать поиски истины вопреки церковной власти? Для Медведева ответ ясен и не подлежит сомнению. Восстание против несправедливой власти — будь то светской (как он писал в «Созерцании») или духовной (как написано в «Известии») — справедливо, подчинение ей —

грешно. Мудрость дана человеку, чтобы видеть истину и не ступать на стезю лжи ни добровольно, ни по принуждению. Познание истины — непростой, зачастую тяжкий путь; оно требует знаний и приходит лишь к человеку просвещенному. Общество лишь тогда будет благочестиво и благоустроено «во гражданстве», когда падут препятствия на пути каждого его члена к «свободным мудростям» и люди, освещенные светом наук, смогут свободно испытывать истину, смогут «черно-бело знать».

Однако духовные власти «всегда, от всякой правды, против которой противиться не могут, защищаются Христовыми словами: «Слушающий вас, Меня слушает, и отвергающий вас — меня отвергается». А в чем подобает их людям слушать — того они не изъясляют, и теми словами Христовыми неискренних человек в рассуждении несправедливо устрашают. Подобает их людям слушать, — пишет автор, — в тех словах, которые согласны суть учению Христову и древних святых отцев писаниям. А новациям их, Христову учению и древних святых отцев писаниям и законоположению противным, весьма слушаться не подобает!»

Когда заходит речь о подавлении свободной воли, о навязывании народу «истин» силой и устрашением, ученая книга Медведева взрывается яростным протестом. Обстоятельные рассуждения сменяются беспощадным обличением власть имущих, которые и являются подлинными виновниками «смуты».

«Людям закон прописуют, — говорит Сильвестр о церковных властях, — и не творящих того связывают страшными проклятиями, а сами того творить не хотят. Что повелевают делать людям — то сами открыто и без всякого страха преступают. Увы, такому от них соблазняющему народ преступлению! Но наибольший от них для народа соблазн, когда они сами себе и народу устанавливают нечто как древнее, а не новое, заповедывают это без всякого изменения во веки хранить — а потом сами же творить того не хотят и людям то делать запрещают, и что прежде утверждали себе и людям во спасение — потом сами же себе и людям объявляют в вечную душевную погибель.

А кто им говорит правду об этом непостоянстве, что они тем народ возмущают, — таких без всякого разсуждения проклинают, утверждаясь этими Христовыми словами: «Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается; а отвергающий Меня отвергается Пославшего Меня» (Лк. 10, 16). И этими: «Что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и

что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Мф. 18, 18; см. также: Мф. 16, 19; Ин. 20, 23)⁷²¹.

А как те Христовы слова древние святые отцы толковали — того они не читают и читать не хотят; ибо не о чтении упражняются, но о приобретении временных честей и богатств; и желание их не о том, чтобы много уметь, но о том стараются очень крепко, чтобы много иметь! И если кто из них и читает — тот или не знает, или, даже зная, соответственно делать не хочет, только власть свою на устрашение несмысленным людям как великую проповедают, якобы они и самого Христа законодавца власти больше в этом имеют. И он якобы уже не есть ныне самовластен, но всю свою власть им отдал, и кого они свяжут или разрешат, если и по своим человеческим прихотям или страстям и неправедно, — а Бог праведный якобы той их клятве и разрешению всегда послушен и так по их хотению неправедному и творит!»

Такое архиерейское самомнение не только неверно по существу, но, по словам Медведева, разрушительно для веры как нравственной основы общества. «Если бы так было — то, подумай всякий православный, — зачем подобало бы людям Бога бояться и не грешить, если бы тот всю свою власть вязания и разрешения дал архиереям и они по своему желанию кого хотят, хоть и грешника, своим разрешением в небо пускали, а кого хотят, пусть и праведника, своим связанием в ад водворяли? По такому неправильному толкованию без всякого Божьего страха можно было бы людям грехи творить и весьма на одно архиерейское разрешение надеяться... И если бы столь неправедное и весьма безсловесное заблуждение людям принять, то им, архиереям, подобало бы честь и страх паче Божия воздавать, потому что они своей властью кого хотят — вечно спасают, а кого хотят — губят навечно. Если бы такая власть была им дана, то все архиереи своих мирских родственников, друзей и знакомых обогатили и своим разрешением в небо вселили. И потому бы только одни в мучениях оказались — которые бы родства с архиереями и милости от них, хоть и за истину, не имели. И еще: если бы им так Христос попустил, то всякий архиерей был бы законодавцем и кто как хочет — тот так по своей воле и постановлял бы. Сколько было бы архиереев — столько было бы за-

⁷²¹ Цит. и ссылки по русской Библии издания Московской патриархии; у Медведева цит. и ссылки на церковнославянскую Библию.

коноположников, следовательно, и вер! А потому вообще полное беззаконие без страха Божия в мире творилось бы».

Разумеется, Сильвестр не ограничивается подобным общедоступным обличением и с трудами отцов Церкви в руках подробно изъясняет, как следует понимать тексты Священного писания, используемые церковными иерархами для устрашения верующих и укрепления своей авторитарной власти над их душами. Но раздражение ученого воздвигнутыми на него гонениями, а еще более — усердно разжигаемыми «мудрборцами» напрямую в российском народе, начавшимся «раздором и мятежом», временами прорывается и на страницы «Известия истинного». Так, справедливо указывая, что Лихуды по приезду в Москву не смогли представить правительству и патриарху письменных подтверждений благословения Восточными патриархами, Медведев скатывается до «мудрборческих» приемов полемики. «Поэтому православным, — пишет он, — следует особо от них (Лихудов. — А.Б.) опасным быть и чинить крепкое и прилежное рассмотрение: первое, чтобы они не были от турок ради наблюдения и извещения подосланы; второе — чтобы они не были присланы от папы на смущение нашей православной веры». К счастью, Сильвестр не настаивает на своих подозрениях.

Отметив допущенную Медведевым слабость, то, что он в духе своего времени не удержался от поношения противников — Лихудов, нужно сказать и о сильной стороне «мудрборцев», которые сразу же и правильно уловили опасность апелляции Сильвестра к человеческому разуму. Что будет, задали они себе вопрос, если каждый человек действительно станет самостоятельно рассуждать? Ответ напрашивался сам собой. «Онный боритель Церкви Христовы, — доносил Евфимий Чудовский в новом *паксвиле на Медведева*, — как владыка пишет, хотя таким образом наступить и *пограть всю власть, царскую и церковную*; поэтому и к людям пишет!» Для сохранения *существующего порядка* подчиненный, по мнению Евфимия, противопоставивший свое мнение начальству, подлежит анафеме и тюремному заключению. Медведева и сторонников его позиции, как «чуждая мыслящих», следует немедленно уничтожить⁷²². Особо опасным «мудрборцы» считали распространение подобных взглядов в народе.

⁷²² ГИМ. Синодальное собр. № 440/299. Л. 114—122; № 452. Л. 5 об., 7, 11 и др.; Остен. С. 20.

Любопытно, что и Ф.Л.Шакловитый, стоявший в споре о евхаристии на стороне Медведева, был убежден, что эту полемику нужно держать в секрете от непосвященных. «За великую тайну» послал он гетману И.С.Мазепе полемические книги о пресуществлении, чтобы негласно получить на них отзывы специалистов-богословов. Также секретно послал на Украину те же книги и патриарх Иоаким, подчеркивая в сопроводительном письме, что споры не должны дойти «до мирского уха», ибо это дело «таинников самых... только нам ведательно и явительно между собой». И та, и другая попытки засекретить полемику не удались. Я держу книги в секрете, отвечал в Москву Мазепа, но вижу, что «уже давно по всему Киеву их знают, также и в Чернигове». Новость была неприятна и для Шакловитого, и для патриарха, но «мудроборцам» пришлось огорчиться еще больше: украинские иерархи единодушно стали на сторону Медведева, заявив, что «не только подписаться за то, что Медведев правду пишет, а они (Лихуды) ложь, но и умирать готовы».

«Вера, труды, разум» Сильвестра получили высочайшую оценку просвещенных выпускников и преподавателей Киево-Могилянской коллегии, возглавлявших украинское духовенство. Богословские знания Лихудов оказались в сравнении столь прискорбными, что их «дерзновение» соревноваться с Медведевым вызывало удивление: «С мотыгой они на Солнце мечутся!» Ссылаясь на огромный опыт полемики с высокообразованными и изворотливыми иезуитами, украинское духовенство выражало недоумение, что московские власти ставят под сомнение его способность оберегать благочестие православной Церкви, а вместо этого предлагают черпать благочестие в книжке, авторы которой «не только много баснословия положили, но богословского термина ни единого, как еще в школе учат, не положили».

Московские «мудроборцы» действительно не стеснялись в отношениях с украинцами. Обращаясь к Киевскому митрополиту, к Черниговскому и Новгород-Северскому архиепископу и к киево-печерскому архимандриту, патриарх подчеркивал, что «желают от них не такого разумения, как они по-граждански понимают оный церковный догмат: желают, чтобы они разумели заодно с греками теми двумя и дабы такое свое разумение на письме прислали». Указание было четким, за его невыполнение последовала кара. Уже в феврале 1688 г. патриарх запретил работу Киево-Печерской типографии Варлаама Ясинского, а в марте

у Дмитрия Ростовского отняли рукописи, необходимые в его подвижническом труде по изучению и изданию житий святых. Когда же типография, ссылаясь на жалованную грамоту царя и обратившись к светским властям, нарушила указ патриарха, тот объявил ее книги, в том числе сочинения Дмитрия Ростовского, еретическими, поскольку они не прошли цензуры в Москве⁷²³.

Вымогательство нужного «мнения», невзирая на истину, вполне характеризует полемические методы «мудроборцев». В сентябре 1688 г. украинские иерархи получили прямой указ Иоакима обличить «ересь» Медведева и поддержать мнение, признанное патриархатом. Иоаким ставил непокорных перед «выбором»: либо присоединиться к «святой восточной Церкви» (в его лице), либо остаться при мнении, изложенном «иезуитами» в книге Феодосия Сафоновича «Выклад» (выдержавшей в Киеве уже четыре издания), как показывает сочиненное Лихудами «*Обличение на книгу выклад*»⁷²⁴. Похоже, что украинское духовенство онемело от столь неприкрытого оскорбления. Лишь новая грамота из Москвы (от 5 марта 1689 г.) вынудила митрополита Гедеоны Четвертинского, архиепископа Лазаря Барановича, Варлаама Ясинского и Дмитрия Ростовского написать ответы, обстоятельно подтверждавшие правоту Медведева и защищавшие Сафоновича от нелепого обвинения. Лазарь Баранович, составившийся в борьбе против иезуитов и униатов, десятилетия служивший делу просвещения Украины, добавил в письме к патриарху, что обещает Иоакиму «послушание», но — «не противное древним догматам Церкви».

⁷²³ Переписку московского патриархата с украинским православным духовенством и экс-патриархом Константинопольским см.: ГИМ. Синодальное собр. № 1/991. Рукописи 20—21; РГБ. Ф. 29. Собр. И.Д.Беляева. № 1625; Архив Юго-Западной России. Т. V. Ч. 1. Киев, 1872. Ср.: Письма Лазаря Барановича; *Шляткин И.А.* Святой Димитрий Ростовский и его время (1651—1709). СПб., 1891. С. 180—182, 186—193, 200. Приложения. С. 12—13.

⁷²⁴ ГИМ. Синодальное собр. № 468/578. Л. 8—67 («Обличение» в авторской редакции для патриарха Адриана); и др. списки. Конфликт патриаршего представления о «единочии» с привилегиями Киевской митрополии описан: *Смирнов П.* Иоаким патриарх Московский. С. 190 и сл.; *Сумцов Н.Ф.* Указ. соч. С. 76, 154, 160—180; *Шляткин И.А.* Святой Димитрий Ростовский...; *он же.* История литературы Юго-Западной Руси. СПб. 1908—1911; *Цветаев Д.М.* Из истории иностранных исповеданий... С. 214—236; и др.

Рассуждения украинских иерархов усугубили раздражение патриарха, писавшего в очередной грамоте, что те «силлогизмами и аргументами токмо упражняются». «Един ответ токмо хотим от вас иметь, — прямо писал Иоаким, — а именно: последуете ли всеконечно восточной Христовой Церкви о пресуществлений?» Убеждение патриарха, что «Церковь — это я», выразилось в грамоте особенно откровенно, а поиски истины прямо рассматривались как ересь, за которую «отступников» следовало отлучить и проклясть. Понимая, видимо, что одними угрозами украинских иерархов сломить затруднительно, Иоаким предпринял обходной маневр через Константинопольский патриархт, которому еще недавно подчинялась Киевская митрополия.

Он решил использовать обратившегося к нему за помощью Константинопольского экс-патриарха Дионисия. В оплату за услуги патриарх Московский потребовал от того «писать и запрещать малороссам тяжко... чтобы не имели в презрении духовную власть». Дионисий получил из Москвы текст *своих* будущих грамот к царям, патриарху Иоакиму и украинским архиереям вместе с инструкцией, «как подобает действовать». Согласно инструкции, грамоты из Константинополя должны быть составлены «якобы на соборе», «писать же подобает, якобы от самого себя пишете, услышав о таком новом учении... а не яко я (Иоаким. — А.Б.) писал вам и возвестил сие». В случае выполнения инструкции греческий владыка получал от Московского патриарха 50 золотых; «если же не отпишете со всяким прилежанием, как подобает, — восприимете... от страшного Судии».

Переписка с Константинополем раскрывает истинное отношение «мудроборцев» к грекам (у которых только в 1685 г. была выкуплена Софьей и Голицыным Киевская митрополия⁷²⁵). Легенда о «греческих учителях православия» служила оправданием безраздельной духовной власти патриарха Московского и его приближенных. Свой собственный «символ веры» Иоаким, кстати, откровенно изложил еще в 1664 г., когда его «допрашивали

⁷²⁵ Сложные переговоры Посольского приказа с деятельным участием царевны Софьи, начавшиеся в 1682 г., до официальной части событий, и завершившиеся после нее (1686), детально отражены в документах РГАДА. Им посвящена вся кн. 20 и часть кн. 21 Статейных списков о сношениях с Турцией (фонд 89), свиток Греческих дел (ф. 52. 7195 г. № 3) и др. Наиболее полный обзор переговоров см.: *Кантерев Н.Ф.* Характер отношений... С. 460-466.

о вере» перед поставлением в архимандриты Чудовского монастыря. «Я, государь, — сказал будущий патриарх царю Алексею Михайловичу, — не знаю ни старой веры, ни новой, но что велят начальники, то и готов творить и слушать их во всем!»⁷²⁶

Последующая деятельность Иоакима подтвердила его верность изложенному кредо. Однако Медведев не склонен был объяснять сложившуюся ситуацию личными качествами патриарха. Не Иоаким, а сама идея авторитарной духовной власти выступает в сочинениях просветителя препятствием к познанию истины. Еще в «Созерцании», описывая недоверие, с которым относились к патриарху восставшие, Сильвестр старательно избегал обличений политического противника царевны Софьи. Во время спора о пресуществлении, отмечая волюнтаризм патриарха, Медведев подходит к его личной оценке еще мягче. «Напрасно-де смутили душу святейшего патриарха греки, — «многожды» говаривал он в частных беседах, — а он, святейший, человек добрый и бодрый, а учился мало и речей богословских не знает»; это справщик Евфимий и ризничий Иоакимф «святую душу святейшего патриарха возмущают». Любопытно, что и другой свидетель (позднейший участник спора о евхаристии), Гавриил Домецкий, писал сходно: «Немалое диво в том, что Евфимий, такой простяк, привлек на свою сторону учителей Софрония и Иоанникия; не рады, впрочем, были и они, что в такое дело впутались...»⁷²⁷.

Не только Лихуды, но и патриарх Иоаким, по словам очевидца, «не рад был, впутавшись в такое дело, и много раз со слезами жаловался на монаха Евфимия, который подбил его на это». В ходе полемики авторитет Иоакима стремительно падал. Если в 1687 г. канцлер В.В.Голицын писал: «О патриаршей дурости подивляюся», то к 1689 г. он Иоакима и его компанию уже «выразумел». Другой видный политический деятель, боярин Л.Р.Неплюев, сказал человеку, который посоветовал ему обратиться к патриарху: «От сего нашего патриарха ни благословения, ни клятвы не ищем; ...плюнь на него».

⁷²⁶ *Субботин Н.Н.* Материалы для истории раскола... Т. VI. М., 1879. С. 227.

⁷²⁷ Источники этих и нижеприведенных отзывов см.: Розыские дела... Т. I. Стлб. 553—554, 572; *Яхонтов И.* Указ. соч. С. 27; *Устрялов Н.Г.* История... Т. I. С. 349—350; *Смирнов П.* Иоаким, патриарх московский. С. 233—235.

Не лучше обстояло дело с авторитетом патриарха в церковных кругах. «Патриарх мало и грамоте умеет... ничего не знает, непостоянен, трус, прикажет благовестить то так, то иначе, а поучение станет читать — только гноит, и слушать нечего», — говорил архиепископ Иосиф Коломенский. Но он же, будучи нетрезв, признавал, что патриарх был лишь наиболее видной, но не самой действенной частью механизма церковной власти: «На соборе только и говорят Нижегородский митрополит (Филарет. — А.Б.) да я, а патриарх только бороду уставив сидит». Известно, что в 80-е гг. грамоты и проповеди за Иоакима писал знаменитый литератор Карион Истомина, а памфлеты против иноверцев создавали крупные публицисты и книжники Афанасий Холмогорский и Игнатий Римский-Корсаков. Многие, в том числе преемник Иоакима Адриан, сомневались в правоте «мудрборцев», но не показывали виду. Медведев слишком хорошо знал этот безликий механизм, чтобы обличать отдельные личности: его удар был направлен на всю *систему авторитарной духовной власти*, которая, по его мнению, была губительна для веры и Церкви. Время показало, насколько просветитель оказался прав.

На позиции Медведева сказало не только понятное нежелание наносить ущерб Церкви, открыто критикуя ее главу, но и ясное понимание противоположности силовых приемов поиску истины. Принципиальный отказ от «неразумных», антигуманных методов был характерен для Сильвестра и во внутривнутриполитической борьбе. В 1689 г. он советовал Шакловитому отказаться от самой мысли об использовании террора в придворной борьбе, а его агентов предостерег, что такие методы непременно обернутся против них самих (см. ниже). Он же указал на неосуществимость замысла коронации царевны, не видя другого пути, кроме примирения ее с Петром. Позже, на следствии, выяснилось, что просветитель отчетливо понимал, что «опричь худа» сторонникам Софьи, если она потеряет власть, «ждать нечего»⁷²⁸. Прямо или косвенно, путем совета став на путь насилия, Медведев изменил бы себе, предал идеалы «гражданской в разуме свободы», защита и распространение которой были целью его жизни.

Столь же бескомпромиссно отстаивали свои идеалы «мудрборцы», с точки зрения которых верующие должны были лишь исполнять указания «свыше» и не рассуждать. Они довольно бы-

⁷²⁸ Розыскные дела... Стлб. 595 и др.

стро обнаружили, сколь опасно пользоваться чужим оружием, и сожалели отнюдь не о своем отступлении от истины, а лишь о том, что ввязались в полемику, не сумев сразу уничтожить противника. Правда, в этом им мешали неуступчивые светские власти. Царевна Софья сочла необходимым дать Медведеву высказаться в оправдание по обвинению в «еретичестве» и даже позволила посвятить себе книгу «Манна». В.В.Голицын лично переслал Сильвестру полученную от И.С.Мазепы книгу Иннокентия Монастырского против новоявленных «грекофилов»⁷²⁹. Ф.Л. Шакловитый прямо высказывался в защиту Медведева и не препятствовал подведомственным ему как главе Стрелецкого приказа военным служащим собираться в Заиконоспасском монастыре для охраны просветителя от тайного покушения⁷³⁰. В открытом споре принципиальные противники «разсуждения» были обречены на поражение.

Если Евфимий Чудовский и «со товарищи» первоначально и имели иллюзии насчет действенности своей публицистики, то они очень быстро разочаровались. Массы верующих не склонны были без сопротивления отказываться от права «разсудати себе», и по мере прояснения смысла полемики число покорных исполнителей воли патриарха стремительно сокращалось. Даже позже, после расправы над Медведевым, «мудроборцы» во главе с патриархом воспринимали свою победу как чудо. «Аще бы всемогущая десница Высочайшего несказанным своим промыслом не препяла его (Сильвестра.— А.Б.) умыслу и злочестивому совету, — говорил Иоаким, — редции бы остались твердо стояще в восточном отцепреданном благочестии», большинство же, если не все, уклонились бы «в слух погибельный папежского злочестия». «Аще бы не прекратил Господь его, Медведеву, ересь, и злословие, и лесь, и мятеж — не спаслась бы всякая православная плоть!»⁷³¹

Оставив в стороне обычное для «мудроборцев» злословие и склонность отождествлять свое мнение с «восточным отцепре-

⁷²⁹ *Полемическое сочинение* Иннокентия Монастырского *в защиту мнения Сильвестра Медведева* см.: РНБ. Собр. М.П.Погодина. № 668.1. Л. 21 и сл.; ГИМ. Синодальное собр. № 294. Л. 274 и сл.; РГБ. Собр. В.М.Ундольского. № 481.

⁷³⁰ Розыскные дела... Стлб. 551, 632 (ср. стлб. 331, 378, 618, 631, 631, 639—641, 676, 680, 683), 520 (ср. стлб. 561, 606, 609, 623), 552.

⁷³¹ Остен. С. 141—142.

данным благочестием», нужно признать, что они расписались в своем полном поражении. Народ пошел за Медведевым. Следовало что-то срочно предпринимать, и меры воспоследовали. В марте 1689 г. волей патриарха Иоакима Сильвестр был отрешен от должности справщика государева Печатного двора и «великих государей жалованье 60 рублей ему, монаху Сильвестру, не дано». Далее, патриарх лично отправился в царский дворец и обвинил Медведева в том, что ученый старец писал письмо на Дон с целью поднять восстание казаков! «Воля-де святейшего патриарха, — отвечал вызванный на допрос Сильвестр, — а писем я никаких не писал». Царевна Софья оставила донос без последствий.

То, что патриарх лично унился до клеветы, показывало «старцу великого ума и остроты ученой», что «мудроброрцы» готовы на все. Они распускали слухи, будто Медведев связан... со старообрядцами; что он хочет убить Иоакима и других церковных иерархов! Сторонникам Медведева среди архиереев, таким, как украинские иерархи, митрополит Псковский и Изборский Маркелл и другие, угрожало отлучение от Церкви. Ученейший Иннокентий Монастырский, игумен кирилловский, выписанный Иоакимом в Москву как представитель украинского богословия якобы «для изъяснения правды о пресуществлении», получил свою долю клеветы после того, как осмелился спорить с патриархом и его окружением, приводя ненавистные «мудроброрцам» «силлогизмы и аргументы».

Он, писалось об Иннокентии в пасквиле, «родом еврей и верою явно жид или, если и христианин, то притворный, надо думать католического толка». «Знаем, что он еврейского рода, — лил яд другой клеветник, — а где он стал христианином и где монашеский образ и священство принял, никто до сих пор не ведает». Любопытно, что еврейское происхождение Иннокентия (видного и весьма уважаемого на Украине священнослужителя) оказалось единственным «аргументом» против его ученых рассуждений. Раз еврей — значит иудей «и, естественно, духоборец», на разные голоса вопили «мудроброрцы». Но и Иннокентия запугать не удавалось⁷³².

⁷³² Подробнее см.: *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев. С. 315—319; *Шляткин И.А.* Святой Димитрий Ростовский. С. 94—207. Следует отметить, что среди украинских иерархов московская клевета и да-

«Приими оружие и щит, восстань на помощь, исторгни меч, поборствуй по матери твоей (Церкви), — взывал к народу в проповедях Евфимий Чудовский, — зашей и заключи несправедно глаголющих, да немь будут уста лъстивые и лживые, прободай противящихся... и падут под ноги православных, и да исчезнут и погибнут!» Никто, однако, не спешил спасать Церковь путем погрома в Заиконоспасском монастыре. Напротив, видя крайнее озлобление церковных властей против Медведева, к его келье постоянно, днем и ночью сходились люди (в том числе десятки и сотни стрельцов и солдат разных полков), решившие «его... не отдавать». Еще весной 1689 г. появилась эта народная охрана «Солнца нашего Сильвестра», и суета агентов патриарха, имевших указание схватить Медведева, осталась безуспешной⁷³³.

К чести ученого старца нужно отметить, что такое обострение обстановки, очевидное унижение сановных врагов в глазах народа не доставляли ему удовольствия. Наилучшим выходом он считал свое временное удаление из столицы, пока страсти, поднятые авантюрой «мудроборцев», не поутихнут. Жизнь в дальнем монастыре и работа над книгами устраивали Сильвестра значительно больше, чем возможность досаждать патриарху. Власти думали иначе. Царевна Софья, к которой Медведев вынужден был обратиться с просьбой о выезде из Москвы, повелела ему остаться. «До тех пор, пока в правительстве будет князь Голицын, со службы тебя не отпущу», — заявила царевна, втайне радовавшаяся всему, что огорчало Иоакима. Это был приказ, которого Сильвестр не мог ослушаться, хотя и понимал, что царевна не только не защитит его в трудную минуту, но спокойно принесет в жертву, если это окажется для нее выгодно (например, коли патриарх в обмен на голову ученого согласится ее короновать).

У патриарха оставалось последнее средство: он самолично выступил против Медведева, клеймя и понося его в своих проповедях. Поединок пошел в открытую, поскольку Медведев под-

же анафема на Иннокентия не произвели впечатления, и в 1690 г. он играл видную роль в церемонии избрания на митрополичий престол прославленного книжника Варлаама Ясинского.

⁷³³ Розыскные дела... Стлб. 141—142, 146, 251, 545—546, 607, 630. Документы 1690-х гг. подтверждают свидетельства Розыскных дел 1689 г. о том, что стрельцы разных полков собирались на охрану кельи Медведева от патриарха добровольно: *Второв Н.Н., Александров-Дольник К.О.* Воронежские акты. Кн. I. С. 73—74.

нял перчатку и на каждую очередную инвективу отвечал в своих сочинениях и выступлениях перед народом. «И еще более народ смущал и прельщал», — признавали свое поражение «мудроборцы». «Святейший же патриарх, видя его, Сильвестра, что не покоряется... и народ еще более смущает, предал его за такой мятеж анафеме вместе с писаниями его». Гром грянул, однако случилось то, что должны были бы предвидеть архиереи. Авторитет патриархата пал настолько низко, что провозглашенное им отлучение Медведева от Церкви не заставило верующих отшатнуться от просветителя, но лишь подчеркнуло в их глазах неправоту духовных властей. Не Сильвестр оказывался вне Церкви, а «мудроборцы» во главе с патриархом отлучали себя от общества истинно верующих россиян. «Он же, Сильвестр... в ничто бывшую на него анафему вмени»⁷³⁴.

В столице Российского государства сложилась невиданная доселе ситуация: разум не только теоретически доказывал свои права, но и практически противостоял духовной власти. Большинство с радостью, меньшинство с ужасом убеждалось, что свободная человеческая мысль может быть сильнее приказов и авторитетов. «Мудроборцы» верно подметили особенность «смятения народного» по вопросу о времени пресуществления Святых даров: возбужденные сознанием, что воспринятые ими доказательства сильнее всяческих приказаний, массы людей повсеместно *рассуждали и испытывали*, то есть исследовали вопрос. Недаром мужчины, женщины и даже дети в любом месте и в любое время заводили разговор о евхаристии. Люди наслаждались тем, что не только получили право, но и действительно могут мыслить, здраво разбираться в наименее, казалось бы, доступной смертному области богословия, могут не присоединяться к какой-либо группе или мнению, но самолично участвовать в процессе отыскания истины. Стремясь укрепить православную веру, очистив ее от волюнтаристских искажений, Сильвестр Медведев помогал россиянам обрести веру в себя, в человеческий разум и достоинство. В этом смысле — надо опять отдать должное проницательности «мудроборцев» — его публицистика в защиту Истины действительно создавала угрозу основам существующей светской и духовной власти в России. Как было во все времена и у всех народов.

⁷³⁴ Остен. С. 76; ср. с. 141—142 и др.

СЫСК «ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРЕСТУПНИКА»

Опасный философ должен был быть уничтожен соединенными силами духовных и светских властей. Потерпев поражение в споре, «мудроборцы» должны были применить репрессии. Использовать все силы государственного аппарата они смогли лишь после свержения правительства регентства.

Судьба Сильвестра Медведева и многих его сторонников была решена в тот момент, когда «петровцы» и «мудроборцы» соединенными силами обрушились на правительство царевны Софьи. Первыми дрогнули перед лицом грядущих репрессий Киевский митрополит Гедеон и киево-печерский архимандрит Варлаам, известившие, что последуют патриарху «без всякого прекословия и прения». Несгибаемый Иннокентий Монастырский «как гнилой член проклят был» и «тайно вскоре с Москвы промыслом Евфимиевым сослан». Архиепископ Лазарь Баранович держался до ноября 1689 г. Иоаким вырвал у него отречение от истины под угрозой вселенского осуждения и лишь после того, как лишил Лазаря права участвовать в богослужении. Дьякон Афанасий Иоаннов еще ранее был сослан в Тобольск, митрополит Псковский и Изборский Маркелл позже осужден и лишен сана. Впрочем, подобные усложненные полемические приемы (типа заказа в Константинополе поддельных соборных посланий, личных угроз и всяческих притеснений) использовались только против заметных лиц. Для простого народа, с горечью писал современник, «немые учителя у дыб стоят в Константиновской башне: вместо Евангелия огнем просвещают, вместо Апостола кнутом учат»⁷³⁵. Остается удивляться стойкости сторонников мнения Медведева, учитывая, сколь мощные средства новая государственная власть использовала для всенародного очернения и уничтожения Сильвестра, маскируя истинную картину произведенного в Москве переворота⁷³⁶.

⁷³⁵ Подробнее см.: *Шляткин И.А.* Святой Димитрий Ростовский. С. 211—229, 235. Ср. с. 168—175.

⁷³⁶ Исследователи не раз высказывали сомнения в существовании «заговора» Шакловитого на жизнь Петра, заставившего царя бежать в Троицу и собирать армию. См.: *Аристов Н.Я.* Московские смуты... С. 126—149; *Белов Е.А.* Московские смуты... С. 326—266; *Прозоровский*

«Петровцы» в союзе с патриархом завоевали победу в схватке за власть потому, что нанесли удар первыми, и он оказался смертельным для правительства регентства, которое до последнего момента пыталось вести борьбу в легальных рамках⁷³⁷. Заговор «петровцев», как и несформировавшийся заговор Софьи, был закономерным следствием положения при дворе. Уже в 1688 г. сторонники Петра усилились настолько, что придворные панегиристы, обычно щедрые на восхваление правителей, не решались посвящать свои труды Софье. Но правительство регентства столь цепко держало власть, что не только в этом, но и в начале следующего, 1689 г., когда Наталия Кирилловна демонстративно женила Петра, доказывая его совершеннолетие, «петровцам» не удалось захватить сколько-нибудь крупные куски государственного пирога. Им оставалось надеяться на физическое устранение противников. Отношения при дворе обострились до предела, обе стороны усиленно береглись покушений. Эта атмосфера всеобщего страха и была положена боярином князем Борисом Алексеевичем Голицыным в основу плана переворота.

Для него был избран момент, когда Шакловитый серьезно заболел, так что только по личному приказу Софьи «насилу выбрел» во дворец, чтобы дать царевне для пешего хождения в Донской монастырь охрану в сотню вооруженных стрельцов (царевна имела основания просить об охране, так как недавно неподалеку от нее был зарезан конюх). Час спустя из «объявившегося» во дворце подметного письма Шакловитый узнал, что «потешные» петровские солдаты этой ночью, 7 августа, хотят идти из Преображенского в Москву, чтобы убить царя Ивана, царевну Софью и ее единоутробных сестер. Софья через Шакловитого отдала приказ ввести в Кремль 300 стрельцов и «для того опасения» запирает кремлевские ворота на ночь. В сторону Преображенского по дорогам высланы были конные разведчики.

Подобные действия были предусмотрены «петровцами», которые постарались усилить «всполох»: их агенты среди стрельцов стучали среди ночи в окна и, давая своим товарищам по рублю денег «в бумажке» (рублевых монет тогда не было), призы-

А.А. Сильвестр Медведев. С. 326—344; и др. Однако реальная картина государственного переворота не была раскрыта в литературе.

⁷³⁷ Даже доносчики признавали, что в августе 1689 г. Софья неоднократно запрещала предпринимать враждебные действия в отношении «петровцев» (Розыскные дела... Т. I. Стлб. 1—164).

вали идти с оружием в Кремль⁷³⁸. Шакловитый был захвачен врасплох и не понимал причину шума в Кремле в ночь на 8 августа; потребовалось время, чтобы успокоить стрельцов и распустить их по домам. Тем временем несколько подкупленных сторонниками Петра стрельцов явились в Преображенское с вестью, что в Кремле собираются полки, хотят убить молодого царя⁷³⁹. Расчет был безошибочен. Бросив беременную жену и мать, не успев даже одеться, Петр сломя голову поскакал в Троице-Сергиев монастырь.

Признаки «бунта» были налицо. Объявительные грамоты из Сергиева, куда вскоре собрались главные «петровцы», призвали дворянство, иностранных офицеров и верные войска спасти государя. События 1682 г. и колоссальные земельные пожалования дворянству за участие в Троицком ополчении (выданные правительством регентства) были весьма свежи в памяти. Бояре колебались, но чиновники двора и патриарх Иоаким уже устремились в Троицу. Образовалось два правительства, одно из которых неизбежно должно было пасть. Оружием для уничто-

⁷³⁸ О примерно вознагражденных после переворота **провокааторах** см. документы: *Второв Н.Н., Александров-Дольник К.О.* Воронежские акты. Кн. 1. С. 80—91. Эти важнейшие источники, раскрывающие самую суть «петровского» переворота, продолжают чудесным образом ускользать от внимания специалистов, несмотря на четверть века моих усиленных ссылок на это научное издание. За прошедшие с момента публикации полтора столетия все внимание ученых оставалось поглощено второстепенными фактами «сполоха» 1689 г.

⁷³⁹ 22 октября 1689 г. семи главным исполнителям **доноса** из привилегированного Стремянного полка: пятидесятнику Дмитрию Мельнову, десятнику Якову Ладогину «и примкнувшим к ним» пятисотскому Лариону Елизарьеву, сотникам Ивану Троицкому, Михаилу Феоктистову, пятидесятнику Ипату Ульфову и десятнику Федору Турку,— были пожалованы «каменные лавки, и амбары, и харчевни, и пирожные, и рыбные места», а затем вместо этой награды последовала еще более экстраординарная: по тысяче рублей человеку (указ от 12 декабря 1689 г. опубл. *Есипов Г.* Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. Т. 1. М., 1872. № 414. С. 215—216). Более того, согласно изученной А.С.Лавровым Записной книге Стрелецкого приказа 1689/90 гг. (ВСМЗ. В—5635/513. См. л. 306—306 об., 516), пятидесятникам И.Ульфову и Д.Мельнову, десятникам Ф. Турке и Я.Ладогину было «велено их от стрелецкие службы отставить и быть в иных чинех, в каких они похотят»: «награда, небывалая по меркам русской жизни XVII в.» (*Лавров А.С.* Регентство царевны Софьи... С.157—161).

жения правительства регентства и стало розыскное дело о «заговоре» Шакловитого, спешно изготавливавшееся заплечных дел мастерами в Троице.

Трагедия казненных правительством регентства в 1682 г. князей Хованских повторялась почти буквально, только на этот раз жертвами ее стали прежние палачи. Организовавший захват и казнь Хованских Федор Леонтьевич Шакловитый был арестован в Кремле. 7 сентября 1689 г. его допрашивали и пытали в Троице. Свергнутый временщик отрицал все произведенные на него наветы на допросе, но почти во всем «признался» с пытки. Впрочем, его слова имели весьма малое значение для новых палачей, не стремившихся в чем-либо разбираться. Помимо «расспросных речей», в деле Шакловитого прибавились лишь три его «скаски», данные 8-го числа и перед смертью — 12 сентября. Голова Шакловитого слетела с плеч всего за пять дней до седьмой годовщины его расправы над Хованскими. Еще раньше, 9 сентября, без всякого намека на следствие и суд был лишен чинов и званий, ограблен и сослан в Каргополь царственные большие печати и государственных великих посольских дел обергатель, ближний боярин, дворовый воевода и наместник новгородский князь Василий Васильевич Голицын. Та же участь постигла его сына — боярина князя Алексея. Жены князей поехали вместе с сосланными⁷⁴⁰.

⁷⁴⁰ Устранение Василия Голицына было одной из блестящих операций придворной борьбы. Выдающийся государственный деятель и реформатор, острым умом и глубокими знаниями которого не уставали восхищаться иностранные дипломаты, со времени свержения А.С.Матвеева в 1676 г. играл важную, а с 1682 г. — ведущую роль при дворе. Как главнокомандующий, имевший в своем распоряжении верные воинские части, он был весьма опасен для организаторов нового «петровского» переворота. Обмануть его было сложно, но, как выяснилось, можно. Для этого была использована трещина, образовавшаяся в правительстве регентства. Основные переговоры шли, разумеется, тайно, но их направленность не ускользнула от придворных панегиристов. В то время, когда Шакловитый пропагандировал власть Софьи и свою собственную, похвалы канцлеру Голицыну стали все активнее раздаваться из «петровского» лагеря. Мало того, что Карион Истомина, например, прославлял Василия Васильевича наряду с царицей Наталией Кирилловной и Борисом Голицыным — панегирики канцлеру и генералиссимусу утверждали непреходящее значение его деяний независимо от перемен во дворце (см. тексты и комментарии: Памятники. № 22—31, 33).

В кратчайший срок правительство регентства было разгромлено, власть поделена новыми временщиками, безвольный царь Иван из марионетки своей отпавленной в Новодевичий монастырь сестры Софьи стал марионеткой Нарышкиных. Однако кнутабойцы в Троицких застенках продолжали действовать, закрепляя реальную победу нового правительства известиями о страшном и разветвленном «заговоре» против светских и духовных властей. Патриарх Иоаким, посланный Софьей в Троице-Сергиев монастырь для мирных переговоров с ее братом Петром, выступил на стороне «петровцев» и оказался среди победителей. Его вклад в ниспровержение правительства регентства был столь велик, что ему не составляло никакого труда испросить у царя головы своих противников. Медведеву оставалось только бегство.

Еще не зная, сколь страшные обвинения будут ему предъявлены, еще до того, как следственная комиссия в Троице начала

Нельзя уверять, что «петровцы» вполне склонили члена правительства регентства на свою сторону, но они вызвали у Голицына колебания, заставили его медлить в тот момент, когда придворная борьба требовала самых активных действий. Как некогда Хованский, Голицын с сыном выехал ко двору в Троице-Сергиев монастырь, «не ведая... государского гневу». Как и Хованским, Василию и Алексею Голицыным был немедленно объявлен приговор. «Переиграл» многоопытного канцлера его родственник Борис Алексеевич Голицын, служивший при юном Петре с 1676 года и имевший неограниченное влияние на государя (к зависти и неудовольствию Нарышкиных). Похоже, однако, что и он оказался обманут. В планы Б.А.Голицына не входило полное унижение и разорение представителей собственного рода (*Соловьев С.М.* История России. С.448—449). Видимо, в соответствии с предварительной договоренностью, князья Василий и Алексей уже 14 сентября подали просьбу о помиловании, возвращении в Москву и отмене конфискации их имущества Розыскные дела... Т. III. СПб., 1888. Стлб. 17—20). Поддержка этой просьбы Б.А.Голицыным перед определенным образом настроенным своими родственниками Петром была именно тем поступком, какого от него ждали Нарышкины. Князь Борис не только не добился своего, но вызвал такой гнев и недоверие Петра, что получил приказ немедленно сдать дела в розыскной комиссии Т.Н. Стрешневу (Там же. Т. I. Стлб. 179—180; т. III. Стлб. 15—16). Лишь с большим трудом, бросив родичей на произвол судьбы, он сумел потом восстановить свое положение. Только после смерти В.В.Голицына его сын и жена (урожденная Стрешнева) были помилованы и даже вернули себе оставшееся в казне имущество (Там же. Т. III. Стлб. 1455—1458; т. IV. Стлб. 563—566).

стряпать «заговор Шакловитого и Медведева», Сильвестр понял, что судьба его решена. Действительно, патриарх Иоаким включил имя Сильвестра вторым в список «злодеев», которых он (как отметил в своем дневнике генерал Патрик Гордон⁷⁴¹) настойчиво уговаривал Петра казнить. Обвинение против Медведева было включено в изветы, которыми розыскная комиссия начала «дело Шакловитого», состоящее, как известно, в «умышлении» убить царя Петра, его семью и сторонников, Иоакима и других высших иерархов. Достоверность обвинений комиссию не волновала. О «злодейском умысле» жертв политического переворота широко объявлялось еще до расследования. Приговор был вынесен заранее по соглашению победителей, оставалось лишь предпослать ему краткую инсценировку розыска и затем привести его в исполнение. Что касается Медведева, то по воле патриарха он еще до 12 сентября был заочно лишен монашеского звания и заочно же передан в руки светских властей⁷⁴².

Медведев не сомневался, что его ждет особо жестокая расправа. Достаточно хорошо представляя методы «мудроборцев», Сильвестр, по его собственным словам, из Москвы «побежал августа против 31 числа от страха: опасался того, что святейший патриарх так же бы великому государю на него каких слов не принес». Этот мотив — страх перед патриархом — подтверждают и другие участники событий. Действительно, клеветнические обвинения против Медведева были добыты розыскной комиссией в Троице только 30—31 августа, и знать об их содержании глава Заиконоспасского монастыря не мог. Ловить его начали через день после бегства, 1 сентября⁷⁴³.

Заблаговременное бегство обвиняемого его противники, разумеется, максимально использовали. Розыскная комиссия постаралась представить это как признание вины, то есть что «он, Сенька, ведая свое воровство, с Москвы побежал». «Мудроборцы»,

⁷⁴¹ *Gordon P. Tagebuch des Generalen Patrick Gordon... Bd. 2. Th. 3. St. Petersburg, 1851. S. 309, 311 etc.*

⁷⁴² Поскольку вопрос о времени заочного расстрижения Медведева (и, таким образом, передачи его уголовному суду) вызывал споры, укажу на документы сысканого дела, показывающие, что это событие уже произошло к 12 сентября: Розыскные дела... Стлб. 383, 519.

⁷⁴³ Все материалы сыска, следствия, суда и тюремного содержания Семена Агафонниковича (Сильвестра) Медведева опубликованы: Розыскные дела... Т. I, III.

по обыкновению, пошли еще дальше, яркими красками живописуя в своих сочинениях картины злодейских замыслов: «Злоковарники, — по их словам, — мыслящие кровь невинную пролить, видя свою злобу и лесьть от Бога обличенную и явленную, врозь предались бегству. Тогда Медведев с некими единомышленниками своими, солгав Церкви православной в вере, царскому же пресветлому величеству изменив, как прежний лжемонах расстрига Гришка Отрепьев, побежал в Польское государство, желая ничего иного, только смущение воздвигнуть, и на православную нашу веру восточного благочестия брань (войну. — А.Б.) возставить от римского костела, и всему благочестивейшему Российскому царству некое зло сотворить». «Бежал в Польское государство ради измены и смущения между государствами» — суммировано в другом полемическом трактате⁷⁴⁴.

А в Троице кружок ближних родичей и сторонников Петра почти непрерывно заседал, засыпая государство решениями от царского имени. В оглашение пускались самые нелепые слухи,

⁷⁴⁴ Остен. С. 77; ГИМ. Синодальное собр. № V. Л. 370; № 369/969. Л. 37 об. Обвинения эти характеризуют более противников Медведева, чем его самого. Первоначально Сильвестр с сопровождающими его стрельцами Гладким и Стрижеввым, певчим Лаврентием Бурмистровым и его братом Андреем, Михаилом Гульским и двумя работниками поехал в принадлежавшее Новодевичьему монастырю село Миккулино. Там, в семи верстах от Москвы, он хотел дожидаться окончания схватки «в верхих» и явиться после того, как утихнут политические страсти. Но 2 сентября из Заиконоспасского монастыря приехал Сильвестров келейник Арсений с тревожными вестями. Обыск в монастыре, явный гнев патриарха, слух о том, что Медведева разыскивают по обвинению в «заговоре» вместе с Шаковитым, — все это заставило ученого старца искать более надежное убежище. Маневры Сильвестра восстановить трудно, но первоначально он, видимо, примкнул к свите донского архимандрита. Затем, запутывая след, в объезд Можайска, где могла быть засада, поехал на Верею. Маскируясь, путники «Вязьму проехали ввечеру и, едучи, ни с кем никаких слов не говаривали». Интересно, что сыщики так и не обнаружили следов этой поездки Медведева. Он сам и все его спутники считали Бизюков монастырь конечной целью бегства и отнюдь не помышляли об уходе за рубеж. Западная граница тщательно охранялась, особенно по Можайскому тракту. Кстати, она была довольно далеко: до нее пришлось бы пересечь часть Дорогобужского и весь обширный Смоленский уезд. Но для «мудроборцев», плывших к Сильвестру Медведеву лютой ненавистью, таких «деталей» не существовало.

раздуваясь до размеров неоспоримых истин. Для разглашения вестей из воинов разных полков были сформированы специальные конные отряды. Они несли по стране рассказ о злоковерных преступниках Федьке Шакловитом и Сильвестре Медведеве с товарищами, умысливших подкоп под все государство, намеревавшихся убить ручными гранатами великого государя царя Петра Алексеевича, погубить мать его благоверную царицу Наталию Кирилловну и святейшего патриарха Иоакима.

Группа капитанов с несколькими сотнями доверенных воинов привилегированных полков получила задание особой государственной важности. Скрывшегося из своей обители старца Сильвестра Медведева, настоятеля московского Спасского монастыря, что за Иконным рядом (близ Никольских ворот Кремля), следовало немедля сыскать, заковать в кандалы и под усиленной охраной, глядя в оба, чтоб он над собой какого дурна не учинил, доставить в Троицкий застенок. Максимально шумный розыск второго по значению государственного преступника имел глубокий смысл.

Когда 1 сентября 1689 г. люди полковника Ивана Константиновича Нечаева выяснили, что старца нет в Заиконоспасском монастыре, поиск был направлен на места, где бы он мог укрыться. Благожелатели Медведева давно были на заметке у патриарха, допросы давали дополнительные сведения. 5 сентября капитан московских стрельцов Дмитрий Родичев с отрядом окружил московский Симонов монастырь. Поставив караулы у всех ворот и пролазов, он произвел тщательный обыск келий архимандрита Гавриила, монастырского наместника, соборных и рядовых монахов. Не обретя Сильвестра и разыскиваемого вместе с ним келейника Арсения, капитан потребовал у Симоновских иноков письменной клятвы, что они действительно не знают, где скрывается государственный преступник.

К тому моменту, когда отряд разочарованного Родичева вернулся в Троицу, проводившим дознание царедворцам стало известно, что Медведев покинул монастырь не только с келейником. С ним были также муж его сестры Дарьи служилый иноземец Михаил Гульский и царский певчий дьяк, известный певец и композитор Лаврентий Бурмистров. Появился и новый подозреваемый в укрывательстве преступника. Это был видный человек в государстве — думный дьяк Любим Алферьевич Домнин, долгое время служивший в важнейших приказах — Посо-

льском и Разрядном. Его подвели два обстоятельства. Домнин недавно ездил в посольство к гетману Мазепе с Шакловитым — ныне государственным преступником № 1. Хуже того, он был земляком и хорошим знакомым Сильвестра Медведева.

Таких сведений было достаточно, чтобы сыскной отряд капитана Артемия Непоставова нагрязнул в подмосковные вотчины думного дьяка. Оцепив деревню Дрозжино, сыщики перевернули вверх дном дворы Домнина и его крестьян. Ничего не найдя, капитан Непоставов под угрозой смертной казни допытывался у крестьян, были ли здесь Медведев и его спутники, давно ли были и куда попрятались?! Не имея приказа о дальнейших действиях, но желая, как говорилось в инструкции, «порадеть и службу свою ему, великому государю, показать», Непоставов 7 сентября обыскал еще села Козмодемьянское, Ермолино и Михайловское. Тем временем особая воинская команда скакала в Москву, чтобы самого Домнина «взять и привезть к великому государю в Троицкой Сергиев монастырь тотчас. А дорогою, — гласил указ, — везти бережно и осторожно, за крепким караулом».

10 сентября неожиданно взятый в собственном доме и доставленный в Троицу думный дьяк вынужден был оправдываться в своем знакомстве с Медведевым. Он сумел уверить грозную розыскную комиссию, что весь сентябрь не виделся с Сильвестром, не укрывал ни его, ни его вещей «и лошади ему никакой никогда не даывал». Так оно и было, но за случайно павшее на него подозрение будущий видный сподвижник Петра I поплатился отправкой в службу на далекий Терек.

Неудача с Домниным не привела в уныние розыскную комиссию, ибо она уже напала на след Медведева. Патриарху Иоакиму удалось выяснить, что Сильвестр со своим келейником объявлялся в Донском монастыре, бывший архимандрит которого, Никон, как раз собирался ехать на богомолье в Севск. Было установлено, что «с тем бывшим архимандритом Никоном поехал вор⁷⁴⁵, и изменник, и всякого зла начинатель бывший Спасского монастыря, что за Иконным рядом, строитель чернец Сильверстко, что бывал в мире Сенька Медведев, с келейником своим с чернецом же Арсенкою». В погоню за Никоном и его спутниками был брошен отряд капитана московских стрельцов

⁷⁴⁵ **Вор** — по терминологии XVII века, государственный преступник (в отличие от **тата** — вор в современном смысле).

Михаила Данилова. Он должен был стать на след у Донского монастыря, далее «ехать в погоню до Севеска наскоро и дорогою про них разведывать всякими мерами: где, кто их видел, и сколь давно проехали?»

Начальство в Троице полагало, что Медведев будет пытаться уйти из Севеска за границу. В последнем случае капитан должен был «ехать из Севеска и в другие места, где их догнать мочно, чтоб их кончае в даль не упустить». Но Сильвестр мог устремиться и на родину — в Курск. Тогда и погоне следовало повернуть к Курску. Престарелого Никона, как возможного соучастника, ведено было схватить и заточить до времени в каком-нибудь монастыре, а Медведева с Арсением спешно везти в Троицу «с великим береженным, чтобы они с дороги не ушли и над собою и над стрельцами (!) какого дурна не учинили». Получив сыскную память, проезжую грамоту и подорожную, капитан Данилов умчался, однако ожидаемых подвигов не совершил.

Маленький обоз Никона настиг за Калугой отряд пятидесятника московских стрельцов Михаила Косого. Ворвавшись ночью на монастырский гостиный двор, сыщики избili и связали архимандрита Никона и его старого знакомого, бывшего дьякона царской дворцовой церкви Якова Яблонского, ехавшего на Украину «к матери своей родной, ко вдове Анне Тимофеевой дочери, для свидания с нею». Не найдя Медведева, лихие стрельцы ограбили задержанных, а Яблонского в качестве трофея приволокли к Троице-Сергиеву монастырю. При всем желании розыскная комиссия не могла найти криминала в поведении и прежней жизни Яблонского, уехавшего из столицы с высочайшего разрешения. После допроса он был отпущен, и даже спас некоторую часть своего имущества (не считая денег и ценностей, поделенных между собой сыщиками).

Судьба Никона и других его спутников не установлена. Следствие не тратило на них чернил: выяснилось, что след Медведева вновь утерян. Старец вовремя покинул обоз Донского архимандрита и успешно боролся со сверхмощным сыскным аппаратом. Между тем все увеличивающееся число капитанов и стрельцов в полном вооружении скакало по дорогам страны в погоне за призраком. Только полковник Семеновского полка стольник Кривков выслал на сыскные работы трех пятидесятников и восемь десятников с людьми. По городам на площадях, по уездам на торжках, в селах и деревнях глашатаи-бирючи читали

государев указ «о ворах и о бунтовщиках, о Федьке Шакловитом и единомышленнике его о старце Селиверстке Медведеве». Население призывалось к ловле беглецов из Москвы, воеводы впадали в азарт.

В Курске Авраам Иванович Хитрово «сыскал» мирно жившего у всех на виду брата Сильвестра — Бориса Агафонниковича. И хотя быстро выяснилось, что Сильвестр давно в Курске не бывал и тем более у брата не прятался, воевода с 29 сентября до 7 ноября продержал Бориса Медведева под караулом, заведя о нем обширную переписку с розыскной комиссией во главе с Тихоном Никитичем Стрешневым. Еще раньше, как и положено пограничному полководцу, отреагировал белгородский воевода Борис Петрович Шереметев, схватив «объявившегося» прямо к нему подьячего Дворцового судного приказа с одиозной фамилией Медведев, который привез в Белгород колодника-ссыльного. То, что подьячий именовался Калиной Афанасьевичем и не имел отношения к Сильвестру, ему не помогло: он отправился назад в узах, да еще не прямо, а через Курск, и не в Москву, а в Троицкий застенок. К его счастью, он был все же отпущен (в итоговых списках следствия не значится).

Но не всем так везло. Подьячий Стрелецкого приказа Иван Истомин еще 13 сентября по собственному почину явился перед розыскной комиссией, чтобы помочь следствию над своим дядей Сильвестром и отчимом Михаилом Гульским. Так посоветовал ему другой его дядя — прославленный стихотворец и секретарь патриарха Карион Истомин, не отличавшийся гражданским мужеством. Паренек, проведенный детство в доме Медведева и постоянно пользовавшийся его милостями, получивший место в приказе благодаря Шакловитому, донес, что его благодетели «почасту... говорили промеж собою тайно, выслав всех», а его с дядей Карионом стрельцы подозревали в шпионстве и даже хотели убить! Рвение Ивана Истомина не оставило равнодушными даже выдавших виды сыщиков, так что запись о его освобождении из темницы появилась только в итоговом «Списке казненных...», по окончании следствия.

При всей безрезультатности сыска шум, поднятый в ходе ловли Медведева и некоторых второстепенных жертв (также объявленных государственными преступниками, но не схваченных 7 сентября вместе с Шакловитым), был полезен для составивших розыскную комиссию родственников и приближенных

царя Петра. Чем больше беспорядочных толп вооруженных дворян и чиновников стекалось в Троицу, чем громче кричали на площадях бирючи, призывая ловить изменников, чем внушительнее выглядели скачущие по дорогам сыскные отряды, тем сильнее внедрялось в сознание людей представление о существовании страшного заговора против верховных властей, тем крепче становилась уверенность в опасности чудом предотвращенного верными слугами престола государственного переворота.

Между тем, пока по России шли розыски, скакали капитаны с воинскими отрядами, воздвигались на дорогах заставы, а городовые воеводы объявляли награды за поимку «изменников», Медведев мирно жил у верного игумена Варфоломея в Бизюкове монастыре. Трудно сказать, на что он надеялся, зная упорство и безжалостность своих врагов. По некоторым его высказываниям, слышанным окружающими, можно думать, что ничего хорошего для себя Сильвестр не ждал. Но отказаться от борьбы и покорно сдаться в руки врагов он не мог. Это слишком напоминало самоубийство.

В мучительных размышлениях находился и верный Варфоломей. Он сочинял донос, одновременно пытаясь сохранить себя порядочным человеком. Вот плод его усердных размышлений, посланный воеводе: «Да вестно велможности твоей творю, што Силвестер Медведев, з Москвы едучы, начавал у мене в монастыре ночь адну. А куды поехав — я пра то не ведаю. А хотел, и назад едучы, захватить у монастырь. Зачым я велможности твоей доношу — чтоб мне в трудности якой за тое не быть»⁷⁴⁶.

13 сентября присланный из Дорогобужа отряд окружил Бизюков монастырь и схватил Медведева с его спутниками. Силь-

⁷⁴⁶ Розыскные дела... Стлб. 531—532. Варфоломей был вырван Сильвестром из нищеты и благодаря ему получил должность. Похоже, что первоначально он имел в виду спровадить Медведева и его спутников поскорее, чтобы сыщики нагрянули на пустое место. Это уже было предательство, наводящее воинские команды на свежий след. Но предательство, мало помогающее доносчику. При всей своей простоте Варфоломей сумел понять, что, не схватив Медведева и не узнав точно, куда он направился из Бизюкова монастыря, сыщики постараются представить его, игумена, сообщником преступников. Поэтому он никоим образом не показал Медведеву своего неудовольствия и оставил его в монастыре, отправив донос. Сильвестр прожил на свободе еще четыре дня, радуясь, что на свете существуют такие самоотверженные друзья, как Варфоломей.

встр, точнее уже Семен Медведев, был закован в тяжкие кандалы, но меры по его охране все время казались недостаточными. Дорогобужский воевода выделил для доставки арестантов 10 стрельцов, не считая штатских лиц; смоленский воевода прислал со своей стороны капитана Василия Андрианова со смоленскими стрельцами и солдатами (числом 40 человек), опасаясь, чтобы преступники «дорогою не ушли и дурна бы над собой какого не учинили». Из Москвы скакал на помощь охране капитан Григорий Есипов со стрельцами. За ним, все из тех же опасений, устремились капитаны Яков Бестужев и Яков Богданов. Всего за участие во «взятии» и доставке государственного преступника было награждено деньгами более ста человек рядовых, восемьдесятников, три пятидесятника и четыре капитана⁷⁴⁷.

И численность команд, и суммы вознаграждений за поимку Сильвестра демонстрировали народу, сколь опасного преступника волокут стрельцы на суд и расправу в Троице-Сергиев монастырь⁷⁴⁸. Сама доставка Медведева на розыск была обставлена как торжественное шествие. Конные стрельцы четырех полков скакали впереди и позади обоза из нескольких телег, возле которых шагали проводники, пешие солдаты и стрельцы с мушкетами на плечах. Не только Медведев, но и все его спутники были «украшены» тяжелыми цепями, являя собой свидетельство многочисленности злых «изменников», покусившихся на царство.

24 сентября 1689 г. в Троице-Сергиеве монастыре начался розыск и суд над Сильвестром Медведевым, «вина» которого была уже всенародно объявлена. Оставалось испытанными способами получить «признание» обвиняемого и письменно оформить ему приговор. При этом, однако, возникли некоторые трудности. Основное обвинение, будто Медведев хотел убить патриарха Иоакима, повисло в воздухе. Оно было выдвинуто 30 августа

⁷⁴⁷ «А старцу, который с сими вестями приехал, — писал боярину Тихону Стрешневу ответственный за сыск боярин князь Иван Троекуров о монахе, привезшем донос Варфоломея, — велел я побыть на Москве для того, чтоб того игумена за сие дело обрадовать государскою милостию». Действительно, на радостях власти не только «обрадовали» 30 сребрениками игумена Варфоломея, но за «многое вспоможение» при поимке Медведева наградили пятью рублями его гонца иеродиакона Леонтия.

⁷⁴⁸ В дополнение к опубликованным в Розыскных делах документам см. архивные дела о пожалованиях за поимку Медведева: РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 1. Ч. 17. Д. 26843 и 26888.

одним из наемных доносчиков — капитаном Филиппом Сапоговым — и обращено, прежде всего, против Шакловитого. Другой доносчик, Иван Муромцев, в связи с «заговором» на жизнь патриарха имени Сильвестра вообще не упоминал. На допросе и очных ставках Шакловитый категорически отрицал вину Медведева. Не удалось вырвать показаний на Сильвестра и зверскими пытками Шакловитого с товарищами.

Это упущение следователи исправили очень просто. Они вставили недоказанное, более того, полностью отрицаемое подследственными обвинение против Сильвестра в «статейный список» (свод обвинительных заключений) Шакловитого с товарищами. Судьи сделали вид, что это обвинение не вызывает никаких сомнений. Только после того, как Шакловитый был казнен, они спохватились, что, слишком тесно связывая Медведева с Иоакимом, оказывают патриарху медвежью услугу: ведь приговоры писались для широкого объявления, а народу было хорошо известно, что именно патриарх охотился на Сильвестра! Источник обвинения был слишком явен. Следственной комиссии пришлось подумать, чтобы обвинить Медведева получше.

Кровавой фантазии следователям было не занимать, поэтому они не затруднились начать дело против Медведева с обвинения в покушении на «здоровье» царя Петра и членов царской семьи. Шакловитый под пыткой «признался» во всех этих замыслах, хотя непохоже, что рухнувший с высот власти временщик был совершенно сломлен: он не подтверждал вины тех своих товарищей, которые не «признавали» свою вину сами⁷⁴⁹. С Сильвестром, который по непонятным следователям причинам считал правду важнее власти и даже жизни (причем, надо особо подчеркнуть, собственной, а не чужой жизни), бороться было гораздо сложнее. Если бы Медведев, прибегая к уверткам, старался хитроумно обелить себя, его можно было бы запутать

⁷⁴⁹ «Признание» Шакловитого вытекало из его психологии государственного деятеля, игравшего по тем же правилам, что и его противники. Федор Леонтьевич потерпел поражение и пощады не ждал. Зачем ему было принимать лишние муки? Если бы победил он и его неприятели из непонятого упорства не «признавались» бы в заговоре (скажем, на жизнь царя Ивана и царевны Софьи), неужели он не сочинил бы за них достаточно выразительных «признаний»? Хорошо еще, что Шакловитый не потянул с собой в могилу других людей и не пытался отдалить смерть, оговаривая невинных.

во множестве разных показаний, используя известный издревле арсенал методов допроса. Однако он упорно говорил правду, а это не соответствовало целям следствия.

По обвинению в «заговоре» против царя и его семьи Медведев сказал, что «на государское здоровье и о возмущении святой Церкви Федька-де Шакловитый о государском здоровье и о убийстве никаких слов ему не говорил». Был лишь один случай, когда группа приближенных Шакловитого пришла к Сильвестру за советом: люди были испуганы якобы высказанным пожеланием временщика «тайно в ночи убить» Л.К.Нарышкина, Б.А.Голицына и других «петровцев». Сильвестр ответил им ясно: «Если вы так сделаете — пропадете вместе с Федором и здесь, и в вечные времена душами». Если вы, подчеркнул Медведев, хотите передать мои слова Шакловитому — говорите, я готов повторить их ему в лицо. Приближенные боялись возвращаться с таким ответом к Шакловитому, «потому что за то непослушание боятся они смерти», и Сильвестр посоветовал им сказать временщику, что одним им такого большого дела не осилить, а говорить иным они о том не смеют: «Говорил бы он им сам»⁷⁵⁰.

Сам Шакловитый, по словам Сильвестра, действительно часто жаловался на царицу Наталию Кирилловну Нарышкину и ее советника боярина Льва Кирилловича Нарышкина, считая, что без них «бы у царевны Софьи с царем Петром было советно», но замыслов на жизнь матери царя никогда с Медведевым не обсуждал. Между прочим, просветитель указывал Шакловитому, что «кто кому чего желает — тот сам от Бога то же примет». Из показаний Медведева совершенно ясно вытекало, что «заговор» в пользу Софьи не сформировался, а он в принципе не мог стать участником такового, будучи убежденным противником насильственных средств в политике. Видимо, это поняли даже следователи, которые не слишком настойчиво расспрашивали других «заговорщиков» об участии Медведева в каких-либо тайных пла-

⁷⁵⁰ «А если то дело им и учинить — и им всем пропасть, — заметил Медведев, и пояснил: — Он, Федька, в то время отопрется и их всех напрасно погубит!» Что ж, психология власть имущих была Сильвестру достаточно известна. Сам Шакловитый наверняка схватил бы убийц и казнил, да еще прославился бы своей справедливостью, убрав одновременно опасных сообщников. Как бы то ни было, Медведев сорвал этот кровавый замысел. Дважды он беседовал с кандидатами в тайные убийцы и заставил их отказать Шакловитому.

нах. Ни на допросах, ни на пытках никаких «улик» против Сильвестра в этом отношении так и не обнаружилось.

Следом за обвинением в «заговоре» на допросе Медведева 24 сентября «выявился» пласт обвинений, не фигурировавших в извещениях и показаниях других лиц. Нетрудно убедиться, что обвинения эти были услужливо представлены следственной комиссией обеспокоенным за скорейшее осуждение «злодея» патриархатом. Сильвестру пришлось отвечать, что «Церкви святой никаким смущением он не смущал». «Доказательством» его вины служил памфлет Афанасия Иоаннова. Медведев сказал, что знаком с этими «тетрадками», заказал писцам две копии с них лично для себя и хранит в своей келье. Ничего против патриарха в этом сочинении нет — оно написано против приезжих греков.

Следственная комиссия требовала от Медведева признания, что он участвовал в «умысле» на патриарха, «чтоб его убить или переменить». Здесь тоже фигурировало «доказательство» его «злодейских замыслов» — «Книга о манне хлеба животного». Но эта книга отнюдь не тайная и не злоумышленная, отвечал Сильвестр, о ней не докладывалось патриарху, поскольку сочинение написано *по указу* царевны Софьи, которой и поднесено за подписью автора⁷⁵¹. Следователи и здесь не смогли найти криминала. Пришлось возвращаться к извещению Филиппа Сапогова, ничем, как мы помним, не подкрепленному. Медведев опроверг измышление платного доносчика на допросе, не помогла розыскной комиссии и очная ставка: ведь Филипп утверждал, что Сильвестр сам ни с того ни с сего рассказал ему, «что он, Селиверстко, с Федькою Шакловитым святейшего патриарха убить умышляли!» Вино у меня Филипп пил, сказал Сильвестр, но о таком фантастическом замысле я ни с кем не говорил — тем более, зачем бы стал говорить подобное изветчику?!

Извет Сапогова особенно нравился следственной комиссии тем, что позволял представить Заиконоспасский монастырь, где во время полемики о пресуществлении собиралось много людей, как некое «гнездилище заговорщиков». Захаживали туда и многие из обвиняемых. К великому огорчению следователей, Медведев спокойно и непротиворечиво объяснил, с кем и на какой почве он был знаком, о чем у них шли речи (в том числе расска-

⁷⁵¹ Экземпляр книги с автографом Медведева, который держала в руках царевна Софья, сохранился: ГИМ. Синодальное собр. № VII/995.

зывал о работе с Шакловитым над похвальными рацеями царевне Софье). Обвиняемый дал понять, что никоим образом не виноват в том, что люди не хотели позволить патриарху его тайно сослать; сам он, как известно, давно отпрашивался из Москвы в Соловецкий или Пустозерский монастырь. Со многими из приходивших «спасать его от святейшего патриарха» Сильвестр никогда даже не говорил.

Обвинения рассыпались одно за другим, но розыскная комиссия не сдавалась. В дело могла пригодиться любая мелочь, любое слово, «вычесанное» из груды показаний. Например, комиссию интересовало, говорил ли Сильвестр стрельцу Демке Лаврентьеву во время августовского 1689 г. «смятения»: «Молитесь Богу, чтоб Бог дал утишение»? Да, говорил, отвечал Медведев, удивляясь, что в этих словах могло заинтересовать следствие, где тут крамола? Крамолу, разумеется, можно было найти во всем.

Так, однажды явился в Кремль некий юродивый Ивашка, который «бывал в исступлении ума почасту», и начал вопить странные слова, весьма близкие, впрочем, к политическим реалиям: «Хотя де... Петра Алексеевича... сторона и повезет, и того много будет, если на десять дней, а потом опять будет сильна рука... Софии Алексеевны». Юродивого, разумеется, взяли в приказ, ибо «видения», на которые он ссылался, сильно напоминали волхование, а колдовства (да еще в связи с царской фамилией) многие опасались. Заинтересовалась им и царевна Софья, которая выслушала эту часть «предсказания» не без удовольствия. Шакловитый даже возомнил, будто юродивого «прислали с теми словами Нил и Нектарий чудотворцы». Перед тем как вести умалишенного к царевне, Шакловитый показал его Медведеву «для свидетельства юродства». На том дело и кончилось — юродивого отослали под охраной стрельцов обратно в Нилову пустынь, чтоб народ не смущал. Об этой истории Медведев тогда рассказал как о занятом эпизоде своему знакомому, а тот при удобном случае поведал о нем следственной комиссии. Сильвестр разъяснил обстоятельства дела, но то, что он передавал слова Ивашки знакомому, было расценено как пропаганда против Петра!

Мало того, розыскная комиссия завела особое дело на юродивого Ивашку, длившееся с 15 октября по 10 декабря 1689 г. Ивашку доставили в столицу, расспросам подвергся игумен Ниловой пустыни и ее братия, по делу была составлена докладная выписка, а приговор утвержден царями. Ивашка был «за его во-

ровство, что он... будучи на Москве, говорил непристойные слова», нещадно бит батогами и отослан обратно в Нилову пустынь в заточение. Эта жестокость по отношению к охраняемому народным поверьем сумасшедшему объяснялась, среди прочего, тем, что сыщики докопались до его связи... с двором патриарха Иоакима! Ивашка сразу признался, что все эти слова как-то ночью научил его говорить человек у Чудова монастыря (резиденции патриарха). При этом слова о Петре и Софье оказались второстепенными, а главное, он должен был поведать царевне, «что в полках большой изменит и от того-де будет худо, не попустит-де его Бог, что он за святую Церковь не станет». «Большой» — это генералиссимус князь Василий Голицын, которого патриарх Иоаким поносил в проповедях по поводу Крымских походов, что он «веры православныя не заступает, но на Бога и Церковь хулити в области своей попускает»⁷⁵².

Таково оказалось единственное из обвинений против Медведева, которое розыскная комиссия дала себе труд проверить. Вообще при чтении следственного дела Сильвестра складывается впечатление, что оно велось не политическими деятелями, а канцеляристами-крючкотворами, подбиравшими отдельные словечки, но плохо разбиравшимися в государственной кухне. Это вполне возможно, поскольку, расправившись с Шаковитым и Голицыными, участники переворота должны были переключить свое внимание на дележ власти, а подарить обещанную патриарху голову Медведева могли поручить мелкой сошке, не всегда знавшей, что делать со «спущенными» указаниями.

Например, Медведева долго расспрашивали о его отношениях со славным воеводой боярином Леонтием Романовичем Неплюевым. Сильвестр ответил, что они давние знакомые, но встречались нечасто, и объяснил, что речь шла о письмах от православного духовенства в Польшу. Розыскная комиссия узнала, что Медведев был против Вечного мира с Речью Посполитой и начала большой войны с Крымом, потому что он, как и его корреспонденты, считал скорую победу над Крымом невозможной, думал, что война ослабит Россию и тем будет выгодна полякам. Неплюев спорил с Сильвестром, говорил, что «Крым возьмем вскоре», а В.В.Голицын, которому Леонтий Романович передал мнение «ученого старца», гневался на Медведева. Слова свои подс-

⁷⁵² См.: Памятники. № 12—13, ср. № 15—16 (тексты и комментарии).

ледственный мог подтвердить перепиской, но комиссия этим не заинтересовалась: во-первых, мнение Медведева совпадало с мнением патриарха Иоакима и многих сторонников Петра (например, Б.А.Голицына), во-вторых, непонятно было вообще, что делать с этими показаниями. Неплюев был сослан вслед за Голицыными, вот только за что? Когда обеспокоенные скоропостижными наказаниями высокопоставленных лиц бояре обратились за разъяснениями к тестю царя Петра боярину П.А.Лопухину, тот пополнил закрома российского черного юмора таким перлом (излагаю в адаптации): «*Явной его, Леонтия, вины вы не ведаете, а тайной вины и мы не ведаем!*»⁷⁵³

Как бы то ни было, при всем старании розыскной комиссии быстро состряпать дело о злокозненных преступных замыслах и деяниях Медведева не удалось. Писатель отверг все обвинения и обошел десятки приготовленных для него капканов. Это никак не могло удовлетворить патриарха. Ознакомившись с протоколом допроса, Иоаким немедленно послал своему казначею Паисию Сийскому указ разобрать ранее опечатанные бумаги Медведева на разных языках — и буде их немного, прислать все в Троицу, а «буде тех писем многое число, и ты бы с книгопечатного двора игуменом Сергием и монахом Иовом, который учится в греческой школе, все, что есть, пересмотрели — и которые письма явятся приличные к обличению воровства и злоначинательства строителя Селивестра Медведева... и такие письма отобрать особо и... прислать к святейшему патриарху в поход... тотчас»⁷⁵⁴. Такой приказ проще было отдать, чем исполнить — ведь у Медведева в келье даже на глаз было более тысячи книг и огромное количество рукописей, в том числе писем на разных языках⁷⁵⁵. Иоаким получил желаемое только к 30-му числу. Работа была выполнена спустя рукава: уж на что подозрительно выглядела заграничная переписка, о которой упоминал сам Сильвестр,

⁷⁵³ Розыскные дела... Т. III. Стлб. 189.

⁷⁵⁴ Этот указ находим среди Розыскных дел (Т. I. Стлб. 829—830).

⁷⁵⁵ Опись основной части конфискованных у Медведева книг (попавших в Патриаршую, затем Синодальную библиотеку, ныне в ГИМ) опубликовал *И.Е.Забелин* (ВОИДР. М., 1853. Кн. 16. Отд. III. С. 53—67); из того же источника были добыты книги № 697—735 по «Описанию Патриаршей библиотеки, 1718 года» (Русский архив. 1864. Приложение). См. также: *Юсим М.А.* Книги из библиотеки Симеона Полоцкого — Сильвестра Медведева // ТОДРА. Т. 47. СПб., 1993.

и ту патриаршие грамотеи не выделили! Похоже, они вообще не утруждали себя чтением и взяли только то, что бросалось в глаза: печатные картинки, немецкое письмо с голландской подписью и русское письмо со списком каких-то стрельцов. Патриарх в свою очередь поверил своим людям и представил все это как явное доказательство изменных замыслов Медведева.

30 сентября по присланным материалам Медведеву был устроен допрос — и вновь заплечных дел мастерам не удалось обнаружить в действиях Сильвестра криминала. Медведев подробно рассказал об истории создания политических гравюр в России и за границей «к похвале великой государыне» царевне Софье. Проверяя его слова, розыскная комиссия провела множество допросов причастных к этому делу людей, выяснила все в подробностях. Но результат свидетельствовал против обвинения — он подтверждал, что Медведев совещался с Шакловитым действительно «о рацеях» (подписях к гравюрам, в которых не было ничего предосудительного), а не о политических убийствах, как хотелось доказать следствию. «Не сработали» и письма. Медведев сказал, что «не ведает», как они у него объявились. Список стрельцов не включал фамилий лиц, привлеченных к розыску, а письмо голландского купца розыскная комиссия оказалась не в силах перевести.

Усердие в изобретении обвинений против ученого старца проявлял не только патриарх. Пришедшие к власти политики отработывали долг перед Иоакимом добросовестно и со своей стороны подготовили к 30-му числу подробнейшие «вопросные статьи», буквально высасывая из изветов и допросов все, что мало-мальски годилось для обвинения в «измене». Например, из истории с юродивым Ивашкой, присланным Шакловитым для освидетельствования к Медведеву, розыскная комиссия вынесла такой вопрос: «И тот юродивый не раскольник ли, и не для какого ли воровства, умысла и раскола его Федька присылал?» На допросе Сильвестр рассказывал о «смятении» в Москве (подстроенном «петровцами», о чем обвиняемый не знал), в том числе о событиях, о которых только слышал. А почему Медведеву рассказывали об этом «и ему... до того какое дело?» — интересовалась комиссия. Медведев упоминал о совершенно нелепом доносе патриарха царевне Софье, когда хотел объяснить, почему уже давно собирался удалиться в дальний монастырь. Комиссия из этих слов сделала вопрос: «На Дон Селиверстко к казакам пи-

сем о возмущении каких не посылал ли?» Не брезговали следователи и прямым искажением смысла слов свидетелей. Келейник Медведева старец Арсений говорил, что у Сильвестра «умысла... никакого на государское здоровье не слыхал», «а о Церкви Божией он, Сильвестр, говорил многократно: напрасно-де смутили душу святейшего патриарха приезжие греки: а он, святейший, человек бодрый и добрый, а учился мало и речей богословских не знает» (иными словами, не виноват в ошибке с евхаристией). Арсений особо подчеркнул, что «на святейшего патриарха умысла никакого не бывало, и не слыхал». А вот как звучал составленный розыскной комиссией вопрос Медведеву: «Про него, Сильвестра, старец Арсений сказал, что он, Сильвестр, говорил про святейшего патриарха, что он учился мало и речей богословских не знает. И он, Сильвестр, для чего такие непристойные слова про него, святейшего патриарха, говорил?» Далее из слов Арсения комиссия сделала вывод, «что у Сильвестра противность Церкви и святейшему патриарху. А какая противность, про то ведает он, Сильвестр?»

Все вопросные статьи были состряпаны грубо. Содержащиеся в них обвинения столь тонкий полемист, как Медведев, вполне мог опровергнуть. Но розыскная комиссия упирала не на логику, а на хорошо проверенное и знакомое ей средство — на пытку⁷⁵⁶. Во время пытки на дыбе 30 сентября Медведеву было

⁷⁵⁶ Пытка в Российском государстве конца XVII в. внешне уступала чужеземным изобретениям Западной Европы. Отечественный застеночник был лишен большей части технических приспособлений, удовлетворявших садистским наклонностям инквизиторов и их протестантских коллег. В каменном подклете к потолку был подвешен блок с веревками, которыми обвязывали закрученные назад руки пытаемого. За кисти рук несчастного поднимали к потолку — вешали на дыбу. Между связанных ног ему продевали бревно, на которое палач прыгал, чтобы руки пытаемого вышли из плечевых суставов, и он оказался растянут между полом и потолком. Затем, по указаниям ведущего допрос, мастер заплечных дел брал в руки плетеный кнут из полос жесткой кожи, иногда для большей эффективности усвоенный металлическими остриями. Удар наносился так, чтобы кнут-длинник обвился вокруг тела и содрал полоску кожи до мяса и костей. Кроме того, пытаемого можно было жечь огнем или прикладывать к его телу кусок раскаленного на углях металла, но эти дополнительные средства обычно оказывались излишними. Подозреваемые часто «признавались» уже при виде кнута и дыбы (это называлось «расспросом у пытки»). Мало кто из сильных и привычных к

дано 15 ударов. Согласно церковному источнику, его также жгли огнем. В отличие от собратьев по несчастью, истерзанный и залитый кровью Сильвестр не «повинился» и опроверг все возведенные на него обвинения. Разъяренные следователи, ужесточая пытку, придумали по ходу дела еще одно обвинение — будто бы у ученого старца хранилась книга «от тайных дел» (вероятно, из приказа Тайных дел, где он когда-то служил)⁷⁵⁷. «Такой книги у меня не бывало», — стоял на своем Сильвестр.

Ничего не добившись, палачи бросили Медведева в камеру, но в тот же день снова поволокли его к пытке. На этот раз на дыбе висел старый знакомый Медведева, стрелецкий пятидесятник Никита Гладкий, и после 10 ударов кнута «винулся». На Сильвестра он показал, что тот давал ему и нескольким другим стрельцам деньги. Мастера заплочных дел хотели сделать из этого обвинение против Медведева, надеясь, что воля ученого ослабла. Однако Сильвестр на очной ставке заявил, что деньги нескольким «погоревшим» в московском пожаре стрельцам попросил его дать Шаковитый, срочно уезжавший на Украину. Переговоры Шаковитого с гетманом Мазепой состоялись в 1688 г., то есть задолго до «смуты» в Москве⁷⁵⁸. Видя, что очная ставка не удалась, следователи продолжили допрос Медведева, обвиняя его в покушении на патриарха. Сильвестр и здесь заставил розыскную комиссию расписаться на протоколе пыточных речей в поражении: он не только не приходил к патриарху, но и не участвовал в крестных ходах, где присутствовал Иоаким, ибо кому же не известно, что Медведев должен был опасаться патриарха?!

По-видимому, к концу «трудового дня» 30 сентября у заплочных дел мастеров нервы стали сдавать, потому что они задали Медведеву весьма опасный вопрос, ответ на который записан так: «А как он в Верху (во дворце. — А.Б.) бывал, и в то время при великой государыне царевне бывали князь Василий и князь Алексей Голицыны». Вопрос явно наводил на мысль о каких-то особых отношениях монаха с царевной, болтовня о личной жизни которой не только в это время, но и позже каралась

опасностям людей, имевших раны в боях с турками и татарами (а такие были среди подвергнутых розыску 1689 г.), продолжал отрицать возводимые на них обвинения после 5 или 10 ударов длинником.

⁷⁵⁷ С января 1659 до 1670 г. См.: *Богданов А.П.* Сильвестр Медведев. С. 86.

⁷⁵⁸ См.: *Востоков А.Х.* Посольство Шаковитого к Мазепе в 1688 г. С. 199—226.

урезанием языка, кнутом и ссылкой⁷⁵⁹. У следователей хватило осторожности не записать формулировку своего вопроса, но это было слабое утешение. Пытка Медведева ничего не дала.

Не сумев сломить ученого старца, «петровцы» вынуждены были вынести ему смертный приговор без «явной» вины. Приговор Сильвестру (теперь уже Семену) Медведеву остался в Истории как приговор его убийцам, занимавшим высокие посты в Российском государстве. Разум вновь показал свое превосходство над властью, озабоченной лишь уничтожением инакомыслящего, который и перед лицом смерти, руками самих убийц, письменно заявил потомкам о своей правоте. Медведев был приговорен к смертной казни путем отсечения головы «за воровство, и за измену, и за возмущение к бунту». В чем же состояли его уголовные деяния?

Прежде всего, с почти наивным бесстыдством гласил приговор, в том, что Шакловитый много раз приезжал к Сильвестру и разговаривал с ним; при этом он, Шакловитый, умышлял убить царицу Наталию Кирилловну и короновать Софью царским венцом. Но при чем здесь Медведев, если даже в приговоре бояре не набрались наглости сказать, что он хотя бы слышал о таком «умышлении»?! Медведев и Шакловитый разговаривали между собой *тайно* — это все, что приговор вменяет Сильвестру в вину.

Затем, к Медведеву приходили разные лица из стрельцов и рассказывали «о злых своих умыслах, и о возмущении ночного бунта, и о побиении бояр и ближних людей» — а он на них не донес! Недонесение о совершенном преступлении или подготовке к нему законно каралось по Уложению 1649 г., но из материалов дела неопровержимо вытекает, что в данном случае статья Уложения неприменима. Донести Медведев в принципе не мог не только из этических соображений. В деле четко записано, что он не донес «из страха», других версий нет, да и не могло быть, потому что доносить пришлось бы на действующее правительство. Но даже если мы игнорируем эту «тонкость», как пройти мимо того, что сам Медведев и другие свидетели утверждают: Сильвестр предупредил преступление, пресек его замысел в самом зародыше? Как ни старалась розыскная комиссия, получа-

⁷⁵⁹ См., например, судебное дело «О непристойных речах... об отношениях царевны Софьи Алексеевны к князю Василию Голицыну», которое велось в 1701 г. (РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 15).

лось, что за этот эпизод Медведев достоин награды, а не наказания. Разумеется, если оставаться в рамках законности, что для правителей России почти всегда было необязательно.

Далее, Медведеву были приписаны слова юродивого Ивашки (возможно, передававшего сказанное человеком патриарха). Так же голословно приговор утверждал, что Сильвестр говорил на патриарха «непристойные слова», что он *сам велел* быть в Заиконоспасском монастыре «караулу от святейшего патриарха», «чтоб его святейшему патриарху не отдать», хотя в деле ясно записано, что непристойных слов на патриарха обвиняемый не произносил, а народ собирался у его кельи и охранял от клеветов Иоакима по своей воле: Медведев никого для этого не приглашал.

Мотивировочная часть приговора столь заметно хромала, что даже не верящим в суд потомков политикам захотелось ее расширить. Сильвестр был обвинен в том, что, «ведая свое воровство (какое? — *А.Б.*), с Москвы побежал» и взял с собой других людей, «воров же и изменников». Все равно получалось неубедительно. Тогда добавили, что «вор» поддерживал злоумышленную связь с Шакловитым, причем бес попутал обвинителей указать, в чем она заключалась: Медведев передал Шакловитому, «что великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всея Великия и Малыя и Белья России самодержца рука высока, и надобно перетерпеть». То есть Сильвестр «воровски» увещевал сторонника царевны Софьи смириться и не выступать против Петра. И этого показалось мало. Уже совершенно ни к селу, ни к городу в конце приговора появилась фраза: «И деньги стрельцам по приказу его, Федькину, как он, Федька, ездил к гетману, давал». Что предосудительного было в этом старом событии, вполне объясненном в розыском деле, непонятно, но фраза, завершающая приговор, хорошо подчеркивает его пустоту. Вероятно, именно таким и должен быть приговор просветителю — не содержать ничего, кроме ненависти к нему.

ОБЛИЧЕНИЕ «ЛАТИНСТВУЮЩИХ»

Приговор прозвучал 5 октября 1689 г., но Медведеву, в отличие от его товарищей, пришлось долго ждать смерти. Объявленный приговор не приводился в исполнение. Более того, были приняты экстраординарные меры к охране смертника. Хотя

подполковники во главе охраны постепенно сменились капитанами, тюремное содержание столь опасного преступника было довольно дорогим удовольствием для правительства⁷⁶⁰. Разумеется, оно шло на такие жертвы не из милосердия.

«Мудророборцы», столь упорно добивавшиеся смерти своего врага, успели-таки сообразить, что идеи Медведева опаснее его самого и что, истребив Медведева, они не погасят полыхающий в России «огнь зломысленного мудрования». Напротив, пример ученого старца, не склонившегося перед церковной властью, мог воодушевить тех, кто вслед за ним требовал для себя «права рассуждать». Медведева надо было заставить *отфречься*. И патриаршие умельцы принялись за дело там, где отступились светские мастера заплочных дел. С этого момента мы более не услышим ни одного достоверно принадлежащего Сильвестру слова, не сможем использовать даже такой источник, как протоколы его допросов. В нашем распоряжении имеются исключительно сочинения врагов Медведева, пропитанные ненавистью и насквозь

⁷⁶⁰ 10 октября царским указом для караула при заключенном в темнице Троице-Сергиева монастыря Медведеве были истребованы подполковник, два капитана и 35 стрельцов. Правительство следило, чтобы охрана постоянно менялась. 13 октября подполковник Мартыян Сухарев (в честь которого была названа Сухарева башня в Москве) принял Медведева и еще троих колодников у подполковника Федора Айгустова, чтобы, взяв дополнительно к отряду московских стрельцов еще и стрельцов Троицкого монастыря, «держать тех колодников в том же монастыре в тех же кельях за крепкой стражей... и смотреть за ними накрепко, чтоб они куда не ушли и дурна над собой какого не учинили». О принятии колодников в целости и сохранности следовало незамедлительно отписать царям и доложить боярину Т.Н.Стрешневу. 5 ноября 1689 г. на охрану колодников в том же порядке заступил отряд подполковника Ивана Климонтова. 2 декабря ему на смену отправился подполковник Василий Ельчанинов, усиленный капитаном Петром Нелидовым. 2 января 1690 г. в охрану был назначен капитан Галактион Охотницкий, но его чин оказался недостаточен для столь ответственного поручения, и 13 января капитану велено было сдать пост подполковнику Алексею Чичагову. 17 февраля тюремщиком стал подполковник Иван Башмаков, 20 марта — подполковник Гаврила Башев, 5 мая — подполковник Богдан Юдин, 20 июня — капитан Владимир Жаворонков, 5 августа — капитан Иван Бордадатов, 8 сентября — капитан Никифор Бородин, 13 октября — капитан Иван Пятин, 19 ноября на пост при Медведеве заступил капитан Иван Пасынков, наконец, 29 декабря 1690 г. — капитан Григорий Есипов.

лживые⁷⁶¹. Будет особо интересно и поучительно проследить, как в

⁷⁶¹ Эти сочинения вошли отдельными статьями в упоминавшуюся книгу «Остен» и сохранились в разных редакциях в книге «Щит веры» и других рукописях. Перечислю их с указанием основных списков. Памфлет «*О ростриге, бывшем монахе Сильвестре Медведеве, вводящем ересь латинскую в великороссийский народ*»: отдельный, возможно, авторский список в сборнике ГИМ. Синодальное собр. № 369/979. Л. 33—40. См. также: «Остен». ГИМ. Синодальное собр. № 545. Л. 79 и сл.; отдельно (выписка из «Остена»). Там же. № V. Л. 366 и сл.; РГАДА. Ф. 196. Мазуринское собр. № 595. Л. 185—196; в особом списке «Остена», принадлежавшем царевичу Алексею Петровичу, БАН. А.П.6/34.4.3. В «Щите веры» краткой редакции 1690 г.: БАН. 34.4.5 (А.П.8 или П.І.В.8.). Л. 23 и сл. (книга царевича Алексея Петровича); «Щит веры» пространной редакции 1693 г.: ГИМ. Синодальное собр. № 310/346. Л. 38 и сл.; РНБ. Собр. Титова. № 3245. Сравни также редакции «Щита веры»: СПб. ИРИ. К-115-РКП. Кн. 125; ИРЛИ. Отд. пост. Оп. 24. № 3. *Извещение от имени патриарха Иоакима о покаянном писании Сильвестра Медведева*, в «Остене»: ГИМ. Синодальное собр. № 545. Л. 83 и сл.; БАН. А.П.6; в «Щите веры» 1693 г.: ГИМ. Синодальное собр. № 310/346. Л. 226 и сл.; РНБ. Собр. Титова. № 3245. «*Покаянное исповедание бывшего монаха Сильвестра Медведева*», в «Остене»: ГИМ. Синодальное собр. № 545. Л. 85 и сл.; БАН. А.П.6; в «Щите веры» 1693 г.: ГИМ. Синодальное собр. № 310/346. Л. 229 об.; РНБ. Собр. Титова. № 3245; СПб. ИРИ. К-115-РКП. Кн. 125; ИРЛИ. Отд. пост. Оп. 24. № 3; в различных сборниках: РГБ. Ф. 556. Собр. Вифанской духовной семинарии. № 37/2369. Л. 439—445; РНБ. Софийская библиотека. № 1481; РГБ. Ф. 310. Собр. В.М.Ундольского. № 478; РГАДА. Ф. 199. Портфели Г.Ф.Миллера. Оп. 2. Д. 528. Ч. 1. № 729; РГАДА. Рукописи Московской синодальной типографии. № 228. *Поучительное слово о ереси Медведева для прочтения от имени патриарха Иоакима в Крестовой палате*, см. в указанных списках «Остена» и «Щита веры» редакции 1693 г., а также в отдельных рукописях: РГБ. Ф. 556. Собр. Вифанской духовной семинарии. № 37/2369. Л. 456—480; РНБ. Собрание Толстова. № Q.I.334. Л. 1 (с указанием, что оно было прочтено «на соборе всему священному чину всего царствующего града Москвы в лето 7198/1690 месяца ианнуария»); РНБ. Ф. 487. Оп. 2. № 145. Наконеч, в «Щите веры» редакции 1693 г. есть статья «*Соборное определение о разрешении от ... отлучения Сильвестра Медведева*» (ГИМ. Синодальное собр. № 310/346. Л. 259 и сл.; № 452/290; РГАДА. Рукописи Московской синодальной типографии. № 228. Л. 494), опубликованная под видом официального церковного документа (АИ. Т. 5. СПб., 1842. С. 337—342). Поношения Медведеву содержались также в сочинении иеродиакона Чудовского монастыря *Дамаскина* в защиту книги «Остен», вызвавшем резкую критику *Гавриила Домецкого* в первые годы XVIII в. (БАН. А.П.7; РГБ. Ф. 310. Собр. В.М.

столь сложных (но, к сожалению, не уникальных) условиях правда продолжает жить и все потуги «мудроборцев» затруднить потомкам путь к исторической истине оказываются тщетными. Как голодные пауки в банке, лживые измышления пожирают друг друга, а их останки, в противность воле клеветников, позволяют по крупицам восстановить действительную картину событий.

«В то время как Сенька Медведев в темнице пребывал и день ото дня смертного конца — главоотсечения ожидал, святейший и блаженнейший архипастырь Христовой словесной паствы кир Иоаким... патриарх, подобясь архипастырей архипастырю самому незлобивому Христу Богу, низшедшему взыскать погибшую овцу двора своего, не помянув его, Сеньки Медведева, всякие злобы, и злодеяния, и злословий, и досад, и укоризн, и непокорства, более того — противности к себе и к святой Церкви, не желая ему погибнуть в отступничестве от святой восточной Церкви и в ереси латинского новозломудрования, послал к нему в узилище мужей неких священных и философов, восточного благочестия учителей православных, на обличение ереси его, которую он вводил и ввел в большинство православно-российского народа». Так, не мудрствуя, прямо со лжи начинает рассказ об «отречении» Медведева автор одного из мудроборческих сочинений, приближенный патриарха Иоакима.

Сравнение патриарха, приложившего все силы к тому, чтобы Медведев со дня на день ожидал смертной казни, с «незлобивым Христом», заставляет усомниться в вере автора-«мудроборца». Попытка убедить нас, что Иоаким действовал исключительно из гуманных соображений, выглядит просто наивно на фоне массы создававшихся в 1690—1693 гг. полемических сочинений против «ереси» Медведева. В лучшем для автора цитированных строк случае мы можем сказать, что комиссия «священных и философов» была послана в темницу к Медведеву, чтобы

Ундольского. № 424, 1011, 1019). В пространной редакции «Щита веры» 1693 г. помещена, кроме того, полемическая заметка «*О творящих раздоры*» (ГИМ. Синодальное собр. № 310/346. Л. 286; и др. списки) и приведенная нами выше переписка патриархата с Украинной (Л. 87—187), а в списке первоначальной краткой редакции «Щита», видно, за отсутствием другого «обличительного» материала — совершенно фантастическая *Повесть иеродиакона Чудовского монастыря Пимена* о том, что при отъезде Медведева из Молчинской пустыни в Москву дракон превеликий вслед его возлетел и дуб могучий сам собой свалился (БАН. П.1.V.8/34.4.5. Л. 27 об.).

попытаться с его же помощью «истребить» вышедшие из его «бездверных уст» идеи, которые «мудроборцам» и после осуждения Сильвестра не удавалось побороть. Это «в лучшем случае», поскольку согласно другому мудроборческому сочинению никакой комиссии не посылалось и «раскаяние» Медведева произошло отнюдь не через «несколько дней» после вынесения ему приговора (как отмечает далее первый автор), а гораздо позже: «И больше годичного времени в Троицком Сергиеве монастыре был заключен. И там будучи, придя в себя, о развращении церковном покаялся и дал о том свое покаянное рукописание... словесное и письменное». Третью, столь же произвольную дату дает само «*отречение*» Медведева, датированное декабрем 1689 г. (указание числа во всех его списках почему-то отсутствует).

Правда, «отречение», или, как называли это сочинение в окружении Иоакима, «*покаянное исповедание*», Медведева признает существование комиссии, якобы убедившей еретика в ошибочности его мнения о пресуществлении Святых даров. Оно даже перечисляет состав комиссии, куда вошли новоспаский архимандрит Игнатий Римский-Корсаков (действительно знающий, многогранно талантливый человек и личный друг патриарха), бывший игумен Воздвиженского монастыря Ефрем, Софроний Лихуд «и иные». Но в предисловии к «покаянному исповеданию», написанном от лица Иоакима, ни о какой комиссии речи нет. Напротив, оно уверяет, что Медведев написал «писание оно самовольно». Автор предисловия обращает особое внимание на то, что «еретик» отрекся от своих убеждений «не от нужды и не от страха», что его никто не заставлял и ничем не соблазнял покаяться. Отечественному читателю, привычному к чтению между строк, ослиные уши здесь достаточно заметны.

Сохранение Медведеву жизни не имело для «мудроборцев» смысла, если бы они не хотели использовать его в своих целях. Медлить в условиях продолжающегося брожения умов не следовало. Поэтому можно поверить, что патриарх отправил своих людей для получения «отречения» Медведева вскоре после вынесения ему смертного приговора. Перечисленные в «покаянном исповедании» люди действительно были в это время при патриархе и могли составить комиссию, хотя достоверно мы не можем этого утверждать. Важно, что им (или иным посланным в Троицу) сразу заставить Медведева «раскаяться» не удалось: иначе зачем было бы датировать «исповедание» декабрем?

О том, что эта дата не случайна, мы можем судить по ее связи с другой датой. Патриаршее предисловие к «покаянному исповеданию» уверяет, что последнее было зачтено на освященном соборе «по неким дням» (а не неделях и не месяцах) после его присылки в Москву, а вслед за ним читалось «*Слово поучительное*» самого Иоакима. Слово это в одной из рукописей датировано январем 1690 г. Таким образом, можно поверить, что патриаршая комиссия добивалась от Медведева «отречения» около двух месяцев или более — значительную часть октября, ноябрь и часть декабря 1689 г. Методы такого рода деяний известны, о достоверности вырванных с их помощью «покаяний» современный читатель имеет представление. Своеобразие нашей истории состоит только в том, что Медведев не отрекся от своих убеждений и не раскаялся в своих поступках. Обреченный на смерть, закованный в ручные и ножные кандалы, упрятанный в каменный мешок, писатель нашел в себе силы не только *не написать*, но и *не подписывать* изготовленное для него «покаянное исповедание». Вероятно, ему объяснили, что это бесполезно, что покаяние «сойдет» за истинное и без его подписи, что о его бессмысленном упорстве никто никогда не узнает, а сам он безвестно стинет, как изверившийся в своих заблуждениях еретик. Медведев оказался из тех редчайших людей, которые ни под каким видом не способны отречься от истины, которые и жизнью, и смертью своей утверждают веру в человека.

Чтобы нагляднее представить себе события, связанные с «отречением» Медведева, раскроем сборник церковно-исторических актов второй половины XVII в., хранящийся в Синодальном (б. патриаршем) собрании рукописей Государственного исторического музея под номером 991. Здесь на листах 322—340 находятся подлинники «покаянных исповеданий» Семена Медведева и его единомышленника в споре о пресуществлении, бывшего попа, а ныне монаха Симеона (Саввы) Долгого. Оба документа написаны на отличной голландской бумаге четким профессиональным почерком, но лишь один из них подписан, как полагалось, по листам: «К сему моему истинному покаянию и православному исповеданию аз недостойный и многогрешный Симеон во извещение правды руку приложил».

Для объяснения отсутствия аналогичной подписи Медведева составители документов использовали простой прием, обманувший, однако, многих исследователей. Прямо в тексте перво-

го «исповедания» указано, что его писал «я, многогрешный Сенька, своею рукою». Чтобы убедиться в ложности этого указания, довольно было взглянуть на рукопись, почерк которой не имеет ничего общего с почерком Медведева. На это еще в конце XIX в. указал историк Церкви А.А.Прозоровский. Кроме того, Медведев всегда специально подписывал автографы своих сочинений. Наконец, составители «исповеданий» совершили грубую ошибку, которую мог заметить и человек, незнакомый с рукописным наследием Медведева. Получалось, что заключенный и закованный в кандалы «еретик» каким-то образом собственноручно написал и «исповедание» своего находящегося на свободе товарища — ведь оба документа писаны одним почерком!

Не вполне осмотрительно было сфабриковано и содержание «покаянных исповеданий» Медведева и Долгого. Например, составители поленились выдумывать два разных текста и в значительной мере списали второе «исповедание» с первого, сокращая и частично варьируя его. Они явно переусердствовали с милыми сердцу «мудроборцев» ругательствами (типа «яда душегубительного исполненной отравы», «многого блядословия», «развращенного писания», «зломудрствования» и т.п.), которыми преизобильно осыпает себя «автор», низкопоклонно извиняющийся перед теми, кого он якобы несправедливо оскорблял. Для Медведева, как мы помним, главное в полемике составляли идеи, для его противников — личности. И при составлении «покаянного исповедания» Медведева «мудроборцев» неумолимо влекло по накатанному пути: их «лирический герой» прежде всего кается в нанесенных конкретным лицам обидах.

Оказывается, что Медведев греческих патриархов «хульно называл именами непристойными». На следствии он почему-то запирался, а в «исповедании» наконец признался, будто на патриарха Иоакима «клеветал и называл его досадными и укорными именами перед многими людьми». В «исповедании» впервые является, что Медведев «наветовал» и «говорил слова, всякого безчестия и злословия наполненные» на игумена с Печатного двора Сергия и бывшего уставщика Чудова монастыря Моисея, в то время как на братьев Лихудов (действительно сильно задетых в сочинениях Сильвестра) он всего лишь «клеветал и говорил слова хульна и бредна»: зато теперь он их книгу «Акос» «приемлет и лобызает». Следы авторства «мудроборцев» вырастают из «исповедания» до огромных размеров в извинениях пе-

ред их негласным лидером Евфимием Чудовским: этому «самому православному мужу, и правды ревнителю, и Церкви поборнику, и веры защитнику» сочинение уделяет внимания больше, чем российскому патриарху!

По сравнению с этим кажется уже мелочью, что, горячо проклиная от имени Медведева его сочинения, автор «покаянного исповедания» знает их настолько плохо, что не упоминает одно из крупнейших — «Известие истинное». Он, видимо, знал за собой эту слабость и применил оптовую формулу: «Я, окаянный», все написанное в книге «Манна» «и иные неправые писания какие-либо, и противные святой восточной Церкви мудрования, от меня через слово или через письмо в мир разсеявшиеся вредословия» (на разных лиц, которые перечисляются) — «все то отметаю, и отрицаю, оплевываю, под ноги пометаю, и попираю, и огнем сжигаю, и анафеме (!) предаю», — говорится от имени Медведева.

В «покаянном исповедании» Медведев предстает как человек, исключительно мало знающий, который мигом узрел истину, когда ему предложили взглянуть на ряд весьма известных книг, привезенных в Троицу из библиотеки патриарха. Простота его якобы такова, что он «не ведал, что они, римляне, суть духоборцы, того ради и... на пресноках действуют» во время литургии. Более чем странное признание для человека, точно освещавшего в своих сочинениях католический чин литургического действия! Но это отнюдь не странно для «мудроборцев», стремившихся свести деятельность Медведева к подготовке объединения православной Церкви с католической.

С большим рвением автор (или авторы) «покаянного исповедания» выискивали в трудах Медведева «римскому отпадшему от благочестия костелу многие похвальные слова». Приятно отметить, что, даже извращенно истолкованные, вырванные из контекста, Медведевские цитаты в «исповедании» свидетельствуют о его правоте как ученого и гуманиста. Католическое не значит несправедное, убеждал русский просветитель, показывая, что православная и католическая Церковь во многом согласны между собой. «И то винно ли римляне творят, что со Христом о пресуществлении его словами веруют?» «Безумие говорить, что если кто верует в пресуществление Христовыми словами, как и римляне, тот римской Церкви последователь и соглашатель с нею, что нам якобы не подобает так держать уже потому, что

римляне так держат, дабы нам в том с римлянами не быть согласным».

Тот факт, что Медведев активно выступал в защиту православия, в том числе и против католического влияния, не волновал «мудроборцев». Им обязательно было извратить его позицию, представить просветителя агентом иезуитов и их «слуг» — православного духовенства Украины. Эта версия оказалась очень устойчивой в исторической литературе, в частности, потому, что запечатлелась во многих письменных источниках конца XVII в. «Мудроборцы» столь усиленно обвиняли в «латинстве» украинцев, Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева, что не только в России, но и за рубежом стали распространяться самые странные слухи. Так, во французском сочинении этого времени сообщалось, будто царица Софья и князь Голицын хотели «устроить избрание в патриархи отца Сильвестра, инока греческой религии, но по рождению поляка (!), человека очень умного, который тотчас же предложит посольство в Рим для соединения церквей, что доставит им (Софье и Голицыну. — А.Б.) большой почет». Аналогичную версию сообщал и побывавший в России иезуит Иржи Давид⁷⁶².

Как видим, целью своей публицистикой в Медведева, патриарх Иоаким и его сторонники одновременно дискредитировали в глазах православных основных политических врагов «петровской» группировки. Слившиеся во время августовского переворота 1689 г. светские и духовные преследования и в дальнейшем протекали в едином русле.

Если мы (спустя 300 лет) легко замечаем подложность «покаянного исповедания», приписанного Медведеву, тем легче это было сделать современникам событий. На что же надеялась патриаршая комиссия, в которую, как мы помним, весьма вероятно входил, по крайней мере, один высокообразованный деятель Русской православной церкви — Игнатий Римский-Корсаков?

⁷⁶² О слухах при московском дворе подробнее см.: Записки Невилля о Московии 1689 г. / *А.И.Браудо* // РС. 1891. Т. 71. № 9, 11; *De la Nevil*. Записки о Московии; *Georgius David, S.J.* Status modernus Magnae Russiae seu Moskoviae / *A.V.Florovskij*. Mouton & Co. The Hague, 1965. *Давид И.* Современное состояние Великой России, или Московии / *А.С.Мильшиков* // ВИ. 1968. № 1, 3, 4; ср.: *Коялович М.О.* Письма и донесения иезуитов в России конца XVII и начала XVIII века. СПб., 1904; и др.

Посланцы патриарха, обрабатывавшие Медведева в темнице Троице-Сергиева монастыря, в конце концов поняли, что узник не станет писать «отречение». Что ж, это нетрудно было выполнить за него (а заодно и за его бывшего сторонника — Долгого). Но они не могли поверить, что не смогут заставить ученого литератора, со дня на день ждущего казни, хотя бы подтвердить написанное за него — и сохранить жизнь, более того, выбраться из ужасной темницы в монашескую келью. Комиссия много обещала, требуя немногого, разумеется, по своему счету.

Заготовленные рукописи «покаянных исповеданий» Семена Медведева и Симеона Долгого оканчивались одинаково. От лица «кающихся» в них говорилось, что «это мое покаянное рукописание... прочтя всенародно, полагаю в руки... Иоакима... патриарха при всем священном соборе в храме пресвятыя Богородицы всечестнаго и славнаго ея Успения престольном всероссийския патриархии». Действительно, в тексте «исповеданий» содержатся многочисленные прямые обращения к священному собору Русской православной церкви (в «исповедании» Медведева таких обращений восемь). Замысел «мудроборцев» вырисовывается достаточно ясно.

Разгром «хлебопоклонной ереси», а вместе с ней и ростков рационалистической мысли, был задуман с большим размахом. Власть патриарха должна была восторжествовать над разумом верующих публично, на священном соборе, решения которого укрепили бы влияние «мудроборцев», увековечили их победу. Множество частных мероприятий: террор против украинского духовенства, подкуп Константинопольского экс-патриарха, переговоры с Иерусалимским патриархом Досифеем, следствие над митрополитом Маркеллом (которое вел тот же Игнатий Римский-Корсаков), распространение полемических сочинений и слухов, пугающих обывателя наступлением иезуитов, — все это служило одной цели — подготовке собора.

Особо пришлось потрудиться над исполнителем центральной роли — Семеном Медведевым. Цель оправдывала средства — наиболее опасный смутьян должен был *сам* опровергнуть свои бредни, проклясть все, что он отстаивал, объявить свое стремление к самостоятельному поиску истины преданностью к латинской Церкви, наклеить идеологический ярлык на дело своей жизни — в назидание и поучение непокорной пастве. На вторую роль (выпустить одного исполнителя было недостаточно) пре-

красно подходил Иннокентий Монастырский: пускай и малороссы проклянут свою ученость, убедятся, чего она стоит по сравнению с волей патриарха! Но Иннокентий уперся — и из представителя православия Украины сразу стал проклятым евреем... С ним можно было расправиться попросту, на вторую роль кандидатур хватало. Хорош был бы Афанасий Иоаннов (да сослан далеко, в Тобольск)⁷⁶³ — но мог вполне сойти и Савва Долгий, в монашестве Симеон: трудно ли прочесть с выражением заготовленный для него текст?! А вот без Медведева было не обойтись. Без его покаяния все мероприятие теряло смысл. Здесь стоило поработать. И патриарх со своими друзьями-«петровцами» поработал. Уже после пыток на следствии Медведева терзали «огнем и бичьями до крове пролития» и морили в «твердом крепиле» Троицкого монастыря «до времени, еже прияти достойную казнь зломыслия своего».

Непредвиденный, невозможный отказ Медведева от «отречения» нанес по замыслу «мудроборцев» мощный удар. Не сумев всеми имеющимися силами и средствами сломить одного отданного в их руки человека, «мудроборцы» заметались. Первоначально они сошлись на том, чтобы объявить, будто Медведев сам написал и прочел свое «покаянное исповедание» прямо в Троице перед архимандритом Викентием, казначеем нижегородского Благовещенского монастыря Иосифом «и иными». Так объявлялось в слове от лица патриарха Иоакима *«О покаянном писании Сильвестра Медведева»*, помещенном в книге Евфимия Чудовского «Остен» как документ священного собора. Иоаким якобы говорил, что по просьбе Медведева его «покаянное исповедание» было прочтено в патриаршей Крестовой палате перед «преосвященными архиереями и всего царствующего града Москвы всем священным чином: архимандритами, игуменами, протопресвитерами, иереями и дьяконами от всех церквей». Затем Симеон Долгий прочел свое «исповедание». После этого патриарх велел прочесть свое «поучительное слово». В заключение от лица патриарха говорится, что он распорядился распространить «покаянные эти писания Сеньки Медведева и монаха Симеона Долгого и свое архипастырское поучение... пока все, сделанное по этому делу, не будет собрано и печатным тиснением издано».

⁷⁶³ Об обстоятельствах его ссылки см.: Розыскные дела... Т. I. Стлб. 161—162, 150—151.

Как видим, сценарий священного собора изменился. В связи с отсутствием главного «раскаившегося еретика» церемония должна была быть менее представительной и проводиться не в Успенском соборе, а в Крестовой палате. Помимо московского духовенства на соборе должны были присутствовать только оказавшиеся в столице иерархи. Какие именно — указывает архиепископ Афанасий Холмогорский в пространной редакции своей книги «Щит веры» (отредактированной в 1693 г.): патриарх Адриан, в описываемое время митрополит Казанский и Свияжский; Евфимий митрополит Сарский и Подонский; Павел митрополит Нижегородский и Алатырский; наконец, сам автор. Одна из рукописей прибавляет к этому списку митрополита Рязанского Авраамия, архиепископа Вологодского Гавриила и епископа Тамбовского Питирима⁷⁶⁴. Список не слишком представительный, так что Афанасию пришлось оговаривать, будто немногие присутствующие иерархи «имели волю и согласие и не присутствующих архиереев, сущих в Великой и Малой и Белой России».

Однако и по такому усеченному сценарию священный собор не удалось провести. Современник событий, иеродиакон Дамаскин, с возмущением писал, что для обсуждения столь важного вопроса, как время пресуществления Святых даров, «мудроборцы» собрали одних лишь «приходских священников, какие тогда находились на Москве». «О таком деле,— писал Дамаскин,— надлежало бы созвать собор в мирное время, по совету царскому, пригласить всех архиереев и архимандритов, изложив подробности дела, собрав нужные для этого книги, катехизисы и другие древние учительные писания, испытать и разсудить явно перед всеми и, уверившись, подтвердить всем собором и подписать собственноручно, а не тайно, по закоулкам и под страхом смерти»⁷⁶⁵.

Впрочем, сам Дамаскин не был участником и такого собрания «по закоулкам», долженствующего изобразить священный собор, — поскольку оно *никогда не проводилось*. Помимо отказа Медведева от «отречения», сломавшего четкий план «мудроборцев», им помешало еще одно серьезное обстоятельство: тяжелая болезнь патриарха Иоакима. Недаром в сценарии собора, описанном в «Остене» Евфимия Чудовского, патриарх, вопреки традиции и личным привычкам, передает собственное «Поучите-

⁷⁶⁴ ГИМ. Синодальное собр. № 452/290. Л. 247—247 об.

⁷⁶⁵ Яхонтов И. Указ. соч. С. 27.

льное слово» для прочтения другому лицу (протопресвитеру Успенского собора Иоанну). Уже зимой 1690 г. Иоаким не был способен выступать сам. Строго говоря, нельзя утверждать, что он был знаком с написанным для него (как обычно) текстом «Поучительного слова». 17 марта 1690 г. патриарх скончался, завещав похоронить себя в московском Новоспасском монастыре у своего друга архимандрита Игнатия Римского-Корсакова (а не вместе с другими патриархами)⁷⁶⁶.

Публично раздавить «ересь» Медведева авторитетом священного собора Русской православной церкви «мудрорборцы» не успели. В «Остене» Евфимия не оказалось самого главного документа, с которым подготовленные материалы можно было «печатным тиснением издать», — не оказалось *соборного постановления!* Без него, несмотря на все старания по распространению «Остена» в рукописях, действенность этой полемической книги была не велика; сама она справедливо подвергалась критике в церковных кругах. А в «Щите веры» видного полемиста Афанасия Холмогорского, присланном в столицу из его отдаленной епархии весной — летом 1690 г., вообще не было никаких упоминаний о священном соборе, которые могли бы подкрепить содержащиеся в книге поношения и клевету на Медведева⁷⁶⁷.

Да и откуда было взяться таким упоминаниям, если «о исповеданиях рукописных, поданных от новых схизматиков» (Медведева и Долгого) Афанасию сообщал его приятель и единомышленник Игнатий Римский-Корсаков в том же письме, где он ра-

⁷⁶⁶ Барсуков Н.П. Житие и Завещание... Опубликованный кодекс (он известен ныне в двух рукописях РГБ: Собр. И.Д.Беляева. № 29/1535 и собр. Троице-Сергиевской лавры. Ч. II. № 14) включает несколько сочинений двух авторов. Главный из них, новоспасский архимандрит Игнатий Римский-Корсаков написал неоконченное «житие» предполагавшегося «святого» Иоакима, пространное послание своему другу архиепископу Афанасию Холмогорскому о кончине Иоакима и многих событиях междупатриаршества, а также завершающие кодекс стихи «Над гробом» почившего патриарха. Секретарем Иоакима Карионом Истоминым написано было «Духовное завещание» патриарха, полное выпадов против иноверцев и всяких ростков свободы вероисповедания в России, а также стихотворные и прозаические эпиграфы Иоакиму (сравни черновые и белые автографы этих сочинений в архиве Истомина: ГИМ. Чудовское собр. № 98/300. Л. 311—312; № 100/302. Л. 87Б, 163; № 88/290. Л. 139 и сл., 161 об. и сл.).

⁷⁶⁷ БАН. П.1.В.8/34.4.5 (список принадлежал царевичу Алексею Петровичу).

дует своего корреспондента известием о хорошем приеме «Щита веры» в Москве?! В этом письме Игнатий подробно рассказывает о кончине Иоакима и борьбе «в верхах» Церкви при избрании патриарха Адриана. «Новости» Римского-Корсакова охватывают большой промежуток времени после того, как осенью 1689 г. Афанасий встречался с ним в Москве (в частности, взяв для переписки несколько книг из его библиотеки). С тех пор архиепископ прислал архимандриту уже два письма, и Игнатий должен был извиниться, что «по настоящее сие время не получил времени такого, дабы к преосвященству Вашему воздравствовать и писание восписати». Иными словами, датировать «покаянные исповедания» Медведева и Долгого мы по этому письму не можем — они могли быть написаны (и, скорее всего, были написаны) раньше лета 1690 г. Но совершенно очевидно, что ни Афанасий, ни причастный к составлению «исповеданий» Игнатий вплоть до поставления на патриарший престол Адриана не только не участвовали в священном соборе, обсуждавшем «отречение» Медведева, но и не знали о нем.

Это не помешало Афанасию Холмогорскому в 1693 г. вставить в новую, расширенную редакцию своего «Щита веры» постановление священного собора об «отречении» Медведева — собора, проходившего под председательством патриарха Иоакима и при участии... самого Афанасия!⁷⁶⁸ Поистине «старомосковской партии» духовенства оставалось уповать на *большую ложь* — выходящую далеко за рамки представлений современников о том, как можно солгать, и потому выглядящую достоверно. Даже искушенные тяжким историческим опытом позднейшие исследователи, замечавшие противоречия в показаниях источников, с немалым трудом приходили к мысли о фиктивности

⁷⁶⁸ Рукописи «Щита веры» см.: БАН. П.1.В.8/34.4.5; ГИМ. Синодальное собр. № 310/346; собр. Барсова. № 474, 475; РГБ. Собр. Румянцева. № 471; собр. Егорова. № 1152, 1570; Музейное собр. № 4445 (выписки); РНБ. F.I.186; Q.I.1430; собр. Титова. № 1243/3245; СПб. ИРИ. К—115—РКП. Кн. 125; ИРЛИ. Отд. пост. Оп. 24. № 3. О редакциях «Щита веры» см.: *Сметцовский М.Н.* Братья Лихуды. С. 242. Примечание; *Верхожский В.М.* Афанасий архиепископ Холмогорский, его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII века. СПб., 1908. С. 629—630. Наиболее полную библиографию см.: *Панич Т.В.* Афанасий // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. С. 117—125.

священного собора против «хлебопоклонной ереси». Шутка ли: выдумать целый собор! Для человека верующего это пострашнее, чем выдумывать земские соборы, якобы «всенародно и единогласно» избиравшие царей и Софью-правительницу, как это делали бестрепетные в вопросах морали придворные дельцы. Медведев был прав, предсказывая, что, ослепленные своими личными целями, духовные лица будут становиться все более опасными для основ православной Церкви, безжалостно дискредитируя саму веру в глазах паствы. Где пастыри, могли бы вслед за просветителем посетовать многие, которые «истинно постятся: мяс не ядуще, плоти ближнего не едят — вина не пьюще, крови братской не пьют, которые злостными лживыми словами и пагубным обманом, как зубами, не грызут брата своего»?! Автор подложного *«Соборного постановления»* нам неизвестен, и, пожалуй, мы не будем здесь бросать ни на кого тень. Лучше постараемся извлечь из *подделки* еще одну каплю правды о Медведеве.

«Соборное постановление» не имеет даты (по ней подделку было бы легче уличить). В обвинениях Медведева оно вполне совпадает (даже текстуально) с «покаянным исповеданием», к которому постоянно отсылает читателя. Смысл документа ясен — он должен был доказать необыкновенное милосердие церковных властей, «как блудного сына» принимающих раскаявшегося еретика в лоно православной Церкви после его полного отречения от заблуждений. Сочинения Медведева от лица священного собора предаются проклятию. Вместе с книгой Иннокентия Монастырского (относительно которого «мудроборцы» вновь дают волю своей юдофобии) «и иными подобными писаниями» они присуждаются к всенародному сожжению.

«Отречение» Медведева — центральный и по существу единственный аргумент против его взглядов. Чтобы придать «отречению» достоверность, подложное «Соборное постановление» тщательно оговаривает якобы присужденную Медведеву епитимью: наказание, отбыв которое он сможет полностью возвратиться в лоно Церкви. Несколько лет «оглашенный» должен стоять вне церкви «и свои хулы обличать всякому входящему и исходящему»; «по сем с верными стоять в церкви, общения же не принимать лет (сколько, не указано), чтобы не только словами, но и делами истинное покаяние показал». Затем он будет освобожден от отлучения, допущен к причастию и восстановлен в монашеском звании.

С точки зрения придания подделке видимой достоверности хорошо выглядит требование «Соборного постановления», чтобы раскаявшийся начал проповедовать против своих заблуждений «и прельщенных от него письменно и словесно обращать и учить их... догматы православно держать». Но стоило «мудроборцам» на миг представить себе новое сочинение Медведева, как нахлынувшая волна злобы разрушила гармонию фальсификации. Разбивая предыдущие уверения, страх выбросил на страницы «Соборного постановления» истинное отношение его создателей к непобежденному писателю: «Жить ему... под крепким началом у самого искуснейшего и твердейшего мужа... в молитвах и постах, в смирении и трудах, в каких только можно пребывать; с иными же людьми видеться наедине и разговаривать никак не велеть, бумаги и чернил отнюдь не давать!»

Трудно было ожидать от «мудроборцев» более ясного признания, что Медведев не смирился, что его «отречение» — фикция, что церковная власть трепещет перед словом ученого. Столь отчетливо выраженный страх говорит нам о том, что «Соборное постановление» фабриковалось при жизни узника Троице-Сергиева монастыря. Но в нем уже прослеживается план умерщвления опасного вольнодумца. Недаром чуть ли не половину «постановления» занимают «большие опасения», что «Сенька Медведев приносит ныне покаяние не вседушно»; в этом случае он заранее многоречиво проклинается. К концу текста составитель выражается яснее. «Если же вновь, по покаянии, в отступничестве обличатся — он, Сенька, или сомудрствующие ему, — таковых надлежит телесной казни предавать», как древних новгородских еретиков или раскольников. «Итак, от царей благочестивых гражданский суд да подымут таковые».

Чтобы подложность «покаянного исповедания» Медведева не выплыла наружу, чтобы окончательно заставить писателя замолчать, его надо было, выждав некоторое время, убрать. Способ был намечен — приговор светского суда. Оставалось только воспользоваться им, чтобы завершить биографию Медведева в клеветническом пасквиле: «Обличился он, бывший монах Сильвестр, в измене и навете на благочестивое Московское царство со своими клеветами и волхвами, гадавшими ему нечто непристойное; вновь был пытан огнем и иными истязаниями по светским судам и законам, повинился во всем и за то казнен смертной казнью — голова ему отрублена». Или, по другому пасквилю: «Се-

нька вновь по светскому закону огнем, и бичами, и прочими пытками истязан, и оказался зломыслив... подобно... ростриге Гришке Отрепьеву... за многие злодейские свои умышления главоотсечен был в лето 1691 февраля в 11-й день, не получив вновь монашеского святого образа и имени, как недостойный его»⁷⁶⁹.

Светские власти, проводившие следствие с целью убийства Медведева, похоже, позаимствовали безумную фантазию у своих духовных коллег. Дело, которое на этот раз вел Стрелецкий приказ, не сохранилось, но его содержание дважды одинаково передано в документах (памяти и докладной выписке)⁷⁷⁰. Формально оно началось с поимки долго скрывавшегося обвиняемого по «делу Шакловитого» Алексея Стрижева 29 января 1691 г. Тот сразу признался, что, укрываясь под Новодевичьим монастырем в доме бывшего попа Григория Павлова, слышал страшные речи некоего Васьки-иконника. «Я богоотступник и самим Сатаной владею! — говорил якобы Васька. — Если царевна Софья даст мне пять тысяч рублей — все в государстве сделаю по-прежнему. А не даст — все равно сделаю для Сеньки Медведева, как у нас договорено: чтоб Сеньке на Московском государстве быть царем, а царевне за ним замужем неволею, а государи оба в одну неделю умрут порчей. У Сеньки Медведева уже жил вызванный из Польши волхв».

Как ни странно, следствие не заинтересовалось Васькой-иконником. Допрошен был только распоп Григорий Павлов, почему-то о Ваське не упомянувший вовсе, но подробно передавший следствию слова... самого Медведева! Тот якобы подробно рассказывал безвестному попу-расстриге, что у него жил поляк и нагадал по солнцу следующее: Московскому государству грозит великая смута, цари умрут, бояр, думных людей и даже подьячих перебыют «и выберут себе царя из народа» — Сеньку Медведева! Аживость этих показаний не нуждается в комментариях. Интерес представляет лишь тот факт, что в документах нет никаких упоминаний о привлечении Павлова к ответственности за *недонесение* о столь страшном волховании.

⁷⁶⁹ Остен. С. 77; ГИМ. Синодальное собр. № V. Л. 372 об. — 373; № 369. Л. 40-40 об.

⁷⁷⁰ Розыскные дела... Т. III. Стлб. 1233—1238, 1267—1274 (здесь же и ответы В.В.Голицына). Документы включены в дело о ссылке князей Голицыных с женами и детьми из Яренска в Пустозерский острог на вечное житье.

Затем якобы «Сенька Медведев сказал, что у него иноземец-поляк из-за польского рубежа был, звать Митька Силин, и такие слова ему говорил: государыня-царевна после великих государей будет владетельница, и чернеческое платье с него снимет, и пойдет за него, Сеньку». Это показание, неизвестно, данное Медведевым или придуманное, очевидно противоречит тому, как передавал слова поляка (да еще якобы в пересказе самого Медведева) Павлов. Более того, «показание» Медведева полностью расходится с тем, что сказал на допросе в Стрелецком приказе якобы выкраденный из-за польского рубежа Митька Силин! По его словам, он был вызван в Москву и три года (!) жил в Заиконоспасском монастыре у Медведева, промышляя в этом центре русской учености излечением болезней заговорами и другими колдовскими приемами, в том числе гадал по солнцу. Силин сказал, что Медведев раскрыл перед ним заговор: учинить бунт, убить царя Петра, царицу Наталию Кирилловну «и весь род их изгубить»; князю Василию Голицыну жениться на царевне Софье и стать царем; Федору Шакловитому «быть под царем первым князем; а патриархом бы быть ему, Сеньке; а патриарха б Иоакима сослать в ссылку». Продолжая эти бредовые показания, Силин утверждал, что Медведев гадал по звездам и вычислил, будто все бояре стоят за Голицына, а стрельцы — за царей.

Далее Силин описал свое нелепое с точки зрения астрологической прогностики XVII в. «гадание» по солнцу с колокольни Ивана Великого, совершенно не соответствовавшее тем знаниям, которыми обладал в это время московский двор, не говоря уже о столь образованных людях, как Медведев⁷⁷¹. Однако, по его словам, Сильвестр воспринял гадание с полным доверием. Этого Силину (а точнее, новой следственной комиссии) было мало, и он описал, как прятался у Сильвестра в келье «между чулана и печи», подслушивая секретные совещания князя Голицына, Шакловитого и Медведева: говорили, разумеется, о царском убийстве. Следствию было известно, что Голицын не приезжал к Сильвестру, а разговоры того с Шакловитым не мог подслушать даже племянник Иван Истомин. Но показания Силина

⁷⁷¹ Ср.: Богданов А.П., Симонов Р.А. Прогностические письма доктора Андреаса Энгельгардта царю Алексею Михайловичу // Естественнонаучные представления Древней Руси. Счисление лет. Символика чисел. «Отреченные» книги. Астрология. Минералогия. М., 1988.

были так полезны, что он продолжал с еще большим воодушевлением: Медведев-де дважды посылал его гадать и «смотреть в животе болезни» к самому канцлеру Голицыну. Один из образованнейших дипломатов Европы, говоривший с иноземными послами на их языках и напоминавший им просвещенного итальянского князя, якобы не только допустил до себя волхва (которых, кстати, страшно боялся), но откровенничал с ним о заговоре и своей личной жизни!

Воодушевленный вниманием следственной комиссии, Силин добавил, что после того Медведев заставлял его гадать (вновь по солнцу) об исходе Крымского похода 1687 г. Комиссия столь увлеклась, что записала это показание, хотя оно сводило на нет всю историю с «заговором»: ведь получалось, что он сформировался за годы до того, как борьба при дворе достаточно обострилась. Но эти «мелочи» (например, противоречие с картиной «заговора», нарисованной розыском 1689 г.) не имели значения, коли власть была в руках тех, кто направлял следствие. А с их точки зрения, работа была проведена вполне целесообразно.

Прежде всего, надо было юридически оформить убийство Медведева. Его начали допрашивать — точнее, истязать — 14 января 1691 г., причем, согласно сохранившимся разрешениям на допрос, новое дело на него уже было заведено. По-видимому, палачи вновь ничего не могли добиться, а потому известное нам дело «началось» более чем через две недели, когда, спасая свою жизнь, начал давать показания только что схваченный Стрижев (все равно затем уничтоженный). Проведено оно было молниеносно: Стрижев был взят 29 января, а в последний раз Медведева допрашивали, по словам генерала Патрика Гордона, 4 февраля. Через неделю Медведев был казнен, но дело не закрыли, а переориентировали.

Теперь в центре внимания был князь Голицын, который еще мог надеяться на возвращение из ссылки: ведь серьезных обвинений ему в спешке не было предъявлено. Поэтому в показаниях Силина было записано прямо противоположное первоначально задуманному (и использованному уже для убийства Медведева). В новом виде дело было готово к 7 марта, а вскоре князя Василий и Алексей Голицыны допрашивались по нему в Яренске. Им было объявлено, что «великим государям о всех их винах известно, и за те вины довелся он, князь Василий, смертной казни, а сын его князь Алексей наказанья... И если они великим

государям вину свою принесут — и великие государи его, князь Василья, смертью казнить и сыну его наказанья чинить не велят». Приговор был заранее вынесен — ссылка в Пустозерск с женами и детьми, без имущества и почти без слуг.

Но как для Медведева любовь к истине, так для Голицына чувство чести исключало ложное признание даже ради спасения жизни. «Как я целовал крест отцу их, великих государей, царю Алексею Михайловичу, и брату их, царю Федору Алексеевичу, и им, великим государям — так им и служил верно, — отвечал Голицын. — А вины своей перед великими государями не ведаю». С достоинством опальный канцлер отвел все обвинения: — Алешкино имя Стрижева я слышал, а в лицо не знаю. Про Ваську-иконника не слышал. Медведева знал по Симеоне Полоцком и в доме его бывал всего однажды или дважды, тому лет с семь или восемь. А был ли у них умысел на государское здоровье — про то не знаю, и никогда не думал. Поляка Митьку Силина не знаю, и не слышал. Что они там в допросах говорили о умысле на государей, о московском разорении, о возмущении народа и гадательстве — про то не ведаю, не слышал и на разум не всхаживало. И в монастыре в келье у Медведева не бывал. Кроме профессиональных докторов Симона и Лаврентия, ни у кого не лечился, на что явное свидетельство их врачебные рецепты. «А жизнь моя и смерть в их царской воле».

Несогласие с фантастическими обвинениями не помогло князю Василию Васильевичу Голицыну. Лишенный чинов, чести и имущества, он так и скончался в далекой ссылке. Со временем и про него историки скажут: «Он опередил свое время». Но погубило его не время, а люди: те же, кто пытал и убил Медведева.

* * *

11 февраля 1691 г. толпы москвичей и приезжих собирались на Красной площади. На Лобном месте, там, где менее двух десятилетий назад кончил жизнь Степан Тимофеевич Разин, должны были казнить просветителя⁷⁷². Люди смотрели, как втаскивают на эшафот истерзанного бичами, обожженного огнем, съе-

⁷⁷² Перед казнью на Красной площади, против Спасских ворот, Медведев был «паки пытан огнем и другими истязаниями». Тело его было погребено в тот же день, 11 февраля 1691 г. «в убогом доме со странными в яме близ Покровского убогого монастыря». См.: Розыские дела... Т. I. Стлб. 553—554, 572; *Устрялов Н.Г.* История... С. 28; *Прозоровский А.А.* Сильвестр Медведев. С. 292, 298.

денного полутора годами заточения в каменном мешке старца 50 лет и 16 дней от роду. Медведев уходил из жизни с клеймом государственного преступника и еретика-западника, будто бы прокляв и оплевав распространенные им «заблуждения». Топор упал. Тело казненного было брошено в общую могилу нищих при убогом доме близ Покровского монастыря. «Мудроборцы» расписались в своем поражении. Еще одна страница истории русской общественной мысли была перевернута.

Как бы ни были ограниченны люди, стоящие у власти в Церкви и государстве, как бы ни ненавидели они проявление свободной воли, как бы ни боялись за свои привилегии, они не могли сопротивляться требованиям времени. Огрызаясь и убивая, «мудроборцы» всех мастей отступали. «Дело» Медведева со всей очевидностью показало, что церковная организация не способна более эффективно удерживать верующих в повиновении, что ее позиция весьма чувствительно приходит в противоречие с интересами россиян, способствует углублению кризиса религиозного мировоззрения. Попытка канонизировать патриарха Иоакима позорно провалилась: «верхи» Церкви все отчетливее понимали связь его политики с падением престижа православной иерархии среди народа и правящих сословий. В течение нескольких лет практически все участники травли и убийства Медведева потеряли свои должности и влияние.

Первым был изгнан с Печатного двора Евфимий Чудовский, ибо «от приписных его, Евфимьевых, нововводных странных речений, которые... напечатаны, многие люди сомневаются, и в церквах Божиих чинятся мятежи, и великих государей денежной казне от переделок (книг. — А.Б.) убытки многие»⁷⁷³. Обличительные материалы фиктивного священного собора и памфлеты против Медведева издать так и не удалось, несмотря на то, что Афанасий Холмогорский получил было предисловие к ним от патриарха Адриана⁷⁷⁴. Напротив, стали появляться книги, направленные в защиту казненного литератора.

Видный православный литератор Гавриил Домецкий, возглавлявший Симонов монастырь по время погрома, учиненного там в ходе розыска Сильвестра Медведева⁷⁷⁵, перебравшись в

⁷⁷³ Мансветов И.Д. Указ. соч. С. 157.

⁷⁷⁴ Горский А.В., Невоструев К.И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки. Отд. 2. Ч. 3. М., 1862. С. 497—503.

⁷⁷⁵ Списки его сочинений попали в Киев, Новгород, Вологду, Москву и Петербург, они доходили до Новоиерусалимского, Антониево-Сий-

Новгород Великий, составил «*Обличение на гаждатели Святаго писания*», осудив богословские взгляды братьев Лихудов. Напрасно чудовский иеродьякон Дамаскин строчил *трактат в защиту книги «Остен»*⁷⁷⁶ и *обличительные послания* против Гавриила Новгородскому митрополиту Иову. Тот с большей симпатией прочел написанные Домецким «*Ответы на защищение книги Остен*» и поставил Гавриила архимандритом древнейшего Новгородского Юрьева монастыря⁷⁷⁷.

Горькая судьба ожидала просвещенных людей, по тем или иным соображениям находившихся во время борьбы с Медведевым в стане «мудроборцев». Братья Лихуды — действительно образованные и любящие свое дело учителя — после того как послужили орудием против Сильвестра сами были обвинены и сосланы. В ссылке оказался крупный русский поэт Карион Истомин, бывший секретарем патриархов Иоакима и Адриана, а затем возглавивший государев Печатный двор⁷⁷⁸. Сознательно борющийся с «ересью» Медведева ученый, литератор и композитор Игнатий Римский-Корсаков уже в сане митрополита Сибирского и Тобольского выступил в защиту внешнеполитического курса, который горячо отстаивал всю жизнь — и наткнулся на такую же стену церковной иерархии, как и Сильвестр. Схваченный в палатах патриарха, он был объявлен сумасшедшим и уморен в монастырской темнице⁷⁷⁹.

Это событие, прошедшее почти незамеченным в бурных политических катаклизмах, произошло близко по времени к кончине патриарха Адриана. Реформирующееся государство не могло более терпеть ослабления своей духовной опоры. Потеряв ряд прежних функций, Русская православная церковь надолго превратилась в духовный департамент империи. Петр I и его сторонники, неутомимо трудясь над усилением крепостничес-

ского, Александровского и Успенского девичьего, Костромского Богоявленского монастырей. См.: *Брайловский С.Н.* К литературной деятельности Гавриила Домецкого // ИОРЯС. 1904. Кн. 4. С. 17—96.

⁷⁷⁶ «*Словеса мудрых... 105 ответов*» см.: БАН. 17.5.8.

⁷⁷⁷ РНБ. Софийское собр. № 1203. См.: *Яхонтов И.* Указ. соч.; *Образцов И.Я.* Архимандрит Гавриил Домецкий и иеродиакон Дамаскин // Духовная беседа. 1865. № 1—3; и др.

⁷⁷⁸ О судьбе Истомина см.: *Брайловский С.Н.* Один их «пестрых»...

⁷⁷⁹ См.: *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1887. Стлб. 144, 188, 317; и др.

кого военно-полицейского государства, использовали в своих целях многие идеи, которые проповедовал казненный монах Сильвестр. Секуляризации научной мысли сопутствовал и был тесно связан с нею достаточно долгий и драматический процесс полного подчинения Русской православной церкви самодержавному государству. При этом отнюдь не просветители и рационалисты из православного духовенства выступали в роли «сдающихся» на милость полицейской империи. Именно те, кто привлекал вооруженные силы для борьбы с расколом, кто убедился в невозможности сопротивляться вождям староверов без действительного вмешательства светской власти летом 1682 г., те, кто не мог одолеть Сильвестра Медведева, не прибегая к помощи карательных отрядов и мастеров заплочных дел, оказались готовы предать Церковь в руки тирана, занимающего в истории «почетное» место между Иваном Грозным и Сталиным.

В первом десятилетии XVIII в. безотлагательность реализации многих идей Сильвестра Медведева стала очевидной. Просвещение было признано первоочередной государственной задачей, приобщение России к достижениям Научной революции из «ереси» стало повседневной политикой. Контроль над развитием науки перешел к государству. Еще не скоро (и не в полной мере) страна получит университет, о котором мечтал просветитель XVII в., но светские учебные заведения уже создавались. Лозунг «Не рассуждать!» пуще прежнего витал над отечественными просторами, но слова «понеже» (потому что) и «поелику» (поскольку) настолько часто встречались в указах, что стали своего рода символом петровского законодательства. Драгунские команды жестоко преследовали староверов, но уже в 1702 г. было объявлено: «Совести человеческой приневоливать не желаем и охотно предоставляем каждому христианину на его ответственность печься о блаженстве души своей».

Книги Сильвестра Медведева читались и переписывались — но память о нем оставалась оскверненной. Сам император повторял «злую мысль» ученого-рационалиста: «Выше всех добродетелей — рассуждение, ибо всякая добродетель без разума пуста»⁷⁸⁰. А на Медведеве держалось клеймо «еретика», каким его изобразила публицистика «мудроборцев» в конце XVII столе-

⁷⁸⁰ ПСЗ-1. Т. IV. СПб., 1830. № 1910; *Введенский Н.А.* Законодательные акты Петра I. М.-Л., 1945. С. 151.

тия: «В царствующем граде Москве был некто, в монашеском образе, именем Сильвестр, прозванием Медведев. Родом тот от города Курска и вначале был писец гражданских дел, то есть подьячий. Во вся своя дни творил распри и свары. Неуч — мнил себя мудрецом. Язык свой изострил, как змеиный. Во устах его был яд аспидов, полон горечи и отравы. Ибо злоковарен был от юного возраста, многоречив, остроглаголив и любоприв... уста имея бездверна и из гортани изрыгая душегубительный яд всякого лжесловия и коварств. Язык имел столь неумолчно блядущь, что казалось все его тело превратилось в язык, как повествуется о некой многоблядивой жене... К тому же этот Сильвестр от некоего иезуитского ученика приучился читать латинские книги. И от такого чтения книг... отступив от святой восточной Церкви и от святейшего Иоакима патриарха, старался, по Божиему попущению, действием же дьявольским, догматы и предания святых апостолов и святых отцов, имеющихся по чину восточной святой Церкви, развратить и в латинство народ православный превратить. Что и сделал бы, если бы всемогущая десница Всевышнего не предварила, и злоумышление его не разорила, и самого его не сокрушила»⁷⁸¹.

Так на столетия был заклеимен Сильвестр Медведев, и историк за историком продолжал писать о «латинствующем еретике», выступившем против истинно русского благочестия, против патриотического «старомосковского», «великорусского» духовенства. Все, кто поддерживал его в споре с «мудроборцами», получили в литературе несмываемое клеймо. Трудно поверить, но измышления публицистов-«мудроборцев» были не только не опровергнуты, но и превзойдены в «просвещенном» XIX в. Из многих сочинений «нео-мудроборцев» довольно познакомиться с одним образцом, чтобы все их содержание «выразуметь»; это необходимо, в свою очередь, для правильного понимания *современной нам* научной литературы.

На рубеже XVII—XVIII вв. основным идейным веянием эпохи в Великороссии был протест «против нововведений западного, немецко-протестантского мира, и отчасти против римско-католического влияния, которое проникало к нам из Южной и Западной Руси» — писал С. Любимов в 1875 г. «Влияние это шло к нам по преимуществу из Малороссии. В половине XVII столе-

⁷⁸¹ Остен. С. 74—76.

тия в Москве появился воспитанник Киевской академии, известный Симеон Полоцкий. Он первый начал соблазнять русских людей латинскими идеями. Затем, те же идеи были распространяемы его учеником, Сильвестром Медведевым. Под руководством последнего образовалась в Москве целая партия, подчинившаяся католическому влиянию; в Москве появилось множество сочинений, наполненных идеями католицизма, все более и более проникавшими в массы. Это вызвало религиозное волнение, и начавшееся еще со времени Симеона Полоцкого... нерасположение к католическим идеям в конце XVII века превратилось в открытую борьбу между ревнителями русской старины и русского благочестия и представителями латинских новшеств. Эта борьба приняла понемногу ожесточенный характер; с нею соединилось известное волнение стрельцов и раскольников против патриарха и великих князей (замысел Шакловитого). Она увлекла огромную массу русских людей и разгорелась до таких размеров, что не ограничилась пределами Великороссии»⁷⁸².

Нас мало трогает произвольность доводов автора для «обличения» Петра Могилы, Симеона Полоцкого и Сильвестра Медведева и для прославления патриарха Иоакима, Епифания Славинецкого и Евфимия Чудовского. Но главная линия противопоставлений знаменательна. Так, С.Любимов всеми силами стремится очернить Петра Могилу и его Коллегию за то, что студенты изучали античную философию, «естественные науки, плод арабской цивилизации, благосклонно принятый западно-католическими училищами», диалектику, риторику, поэтику и т.д. «Такая система образования... развивала в ученике находчивость и умственную изобретательность... она делала из ученика бездушного диалектика, направляя его развитие более на сухие, разсудочные формы, чем на воспитание глубоких убеждений и горячего религиозного чувства». Оппозицию сим отступникам составляли «великорусские» ученые монахи: в монастырской тиши они прилежно изучали Священное писание и творения св. отцев, благодаря чему, «безхитростно, в простоте души воспитывали в себе чистое, неповрежденное православие», важнейшей

⁷⁸² Любимов С. Борьба между представителями великорусского и малорусского направления в Великороссии в конце XVII и начале XVIII веков // ЖМНП. 1875. № 8. Август. С. 117—152. № 9. Сентябрь. С. 74—104. Цит. № 9. С. 117—118, 120—122, 125, 127, 130—132.

отличительной чертой которого была «христианская кротость и покорность судьбе».

Здесь автор столкнулся с затруднением — ведь его положительные герои учились не в монастыре, а в Коллегии — но вышел из него, заявив, что «в Киевской академии, когда в ней воспитывался патриарх Иоаким, еще продолжалось греческое направление братских школ», а окончивший Коллегию Епифаний Славинецкий, побывавший и в западных университетах, не принял тамошней «диалектики» и «разсудочных комбинаций». Строго говоря, Иоаким в Киево-Могилянской коллегии не учился (он лишь принял постриг в Киевском Межигорском монастыре, об «отлучении» от которого до конца жизни «зело болезновал»⁷⁸³), а с «западной» премудростью столкнулся, только возглавив в 1657 г. Иверский монастырь на Валдае, где наладил работу переведенной из Оршанского Кутеевского монастыря типографии⁷⁸⁴. В Коллегии же за год по пострижения Иоакима еще учился Симеон Полоцкий, которому Епифаний Славинецкий преподавал там как раз латинский язык.

Этот факт биографии Епифания (подкрепленный составлением им учебного «Лексикона латинского») автор обходит. «Обличая» латынь и западнорусские училища *in cogroge*, «мудроборец» новой формации выдает себя совершенно. «В программы этих школ,— пишет он,— ...входило, прежде всего, изучение латинского языка; затем преподавались: грамматика, пиитика, история, философия, диалектика, риторика и проч. Без сомнения, такая программа могла быть заимствована не от *греков*, у которых просвещение в это время находилось в упадке (выделено мной. — А.Б.), а от западноевропейских училищ», которые могли лишь «сеять семена католицизма». Коли так, автор не должен был принимать на веру текст «Остена» и утверждать, что «в XVII веке высшим и философским образованием считалось у нас на Руси то, которое было основано на греческом языке; на этом языке писали свои сочинения отцы греческой церкви, чтимые русскими людьми; этот же язык изучали по преимуществу и образованные русские люди».

⁷⁸³ Барсуков Н.П. Житие и Завещание... С. 105—106.

⁷⁸⁴ АИ. Т. IV. СПб., 1842. № 108; Акты Иверского монастыря // РИБ. Т. V. СПб., 1880. С. 93, 123, 427.

Но в работе С.Любимова важны не факты, с которыми он обращается весьма вольно, а концепция. Киево-Могилянская коллегия плоха в принципе; она готовила паразитов, а не «честных и самоотверженных борцов за веру и родину»; она «очень мало удовлетворяла нуждам низшего сословия Юго-Западной Руси, которое было угнетаемо кзэндзами, а также... попами». У возлюбленных автором «великороссов», к которым нечувствительно причисляется склонный к «возвышенным разсуждениям и размышлениям» Епифаний⁷⁸⁵, все было иначе... «Малороссийские» ученые имели «страсть к полемике, которая легко принимала личный характер и переходила в личную неприязнь, граничившую неизбежно с нетерпимостью, даже религиозною, столь свойственною иезуитам».

Отличительные черты «мудроборцев» перенесены на их противников, которым столь же произвольно придана религиозная (католическая) и национальная (малорусская) окраска. Но даже идеи шовинизма выглядят опошленными, когда к партии негодьяев причисляются такие исконно русские люди, как Сильвестр Медведев, царевна Софья (хоть бы царскую кровь пожалел!) и Василий Голицын, которых якобы отличала привязанность к католическому миру, а затем и раскольники с восставшими стрельцами. При таком составе врагов «патриарха и законной власти, начинавшей веять новшествами», непонятно, почему победу «мудроборцев» автор трактует как победу *великорусского* направления в общественной мысли.

Прочность позиции, столь определенно представленной Любимовым, лишь в некоторой степени объясняется силой воздействия самой стародавней публицистики, как «мудроборческой», так и правительственной. Например, практически все исследователи в той или иной мере подтверждали мнение о Сильвестре Медведеве как «западнике», и даже столь крупные историки, как Н.Г.Устрялов и М.П.Погодин признавали в нем участника «заговора» против Петра I. Но в конце XIX в. А.Н.Пыпин реабилитировал «ученого старца» по политическим обвинениям. Тогда же труды И.А.Татарского, С.А.Белокурова, Н.Ф.Каптерева, И.А.Шляпкина, И.П.Козловского, А.А.Прозоровского, С.Н.Брайлов-

⁷⁸⁵ Украинец или белорус: *Панченко А.М.* Епифаний Славинецкий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. А—З. С. 309—310.

ского, А.И.Соболевского, К.В.Харламповича и др. пролили свет на картину публицистической борьбы 200-летней давности⁷⁸⁶. Тем не менее, и в наше время объективный взгляд на крупнейших деятелей российского просвещения XVII в. остается редкостью, достойной особого упоминания⁷⁸⁷. Насколько *фактическая* сторона дела не влияет на *оценочные суждения*, прекрасно видно из новейшего и во многих отношениях превосходного «Словаря книжников и книжности Древней Руси», представляющего своего рода квинтэссенцию мнений высококвалифицированных специалистов⁷⁸⁸.

Раскрыв его, мы узнаем, что в Москве «с середины 1680-х гг. разгорается известная полемика Евфимия, возглавившего школу грекофильствующих традиционалистов, с Сильвестром Медведевым, продолжателем «латинствующей» традиции Симеона Полоцкого. К началу следующего десятилетия борьба конкурирующих филологических (и соответственно идеологических) направлений была решительно прервана вмешательством молодого Петра, равно чуждого — в своей голландской ориентации — тому и другому». Очевидно, что это адаптация мнения И.Е.Забелина, высказанного по поводу полемики о просвещении и подхваченного авторами, не желавшими участвовать в публицистических спорах «западников» и «славянофилов»⁷⁸⁹, мнения которых звучат в наше время все громче.

⁷⁸⁶ См. в прим. выше, ср.: *Погодин М.П.* Семнадцать первых лет в жизни имп. Петра Великого. М., 1875; *Пытин А.Н.* Последние времена Московской Руси // Вестник Европы. 1894. № 11; *Татарский И.А.* Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). М., 1886; *Цветаев Д.* Из истории иностранных исповеданий в России...; *он же.* Литературная борьба с протестанством в Московском государстве. М., 1887; *Козловский И.П.* Сильвестр Медведев. Очерк из истории русского просвещения и общественной мысли в конце XVII в. Киев, 1895; *Соболевский А.И.* Переводная литература Московской Руси XV—XVII веков. СПб., 1903; *Харлампович К.В.* Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань, 1914; и др.

⁷⁸⁷ Симеон Полоцкий. Вирши / *В.К.Былинкин, Л.У.Звоначева.* Минск, 1990.

⁷⁸⁸ Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992. Цит. с. 122, 190, 246, 288; ср. с. 313 (эпитафия Симеона Полоцкого Епифанию Славинецкому).

⁷⁸⁹ Ср. напр.: В конце XVII в. «боролись два направления: одно из них, введившее схоластические новизны (давно впрочем устаревшие в западной Европе), называли тогда «латинской частью»; против нея возставало «греческое учение», под которым разумелась подлинная

Так, Афанасий Холмогорский, «будучи убежденным грекофилом... выступает в защиту православной точки зрения» против очевидно неправославных «латинствующих». Иеродьякон Дамаскин «был сторонником так называемой «старомосковской» партии». Следовательно, его противник Гавриил Домецкий «принадлежал к «латинской» партии в литературной борьбе конца XVII — начала XVIII в.». К тому же он «приехал в Москву из Киева, где получил обширное образование». Посему «в литературных трудах Гавриила ощущается казуистская изворотливость, сказывается опыт иезуитской школы, воздействие католическо-польской среды».

Авторы словарных статей, повторяю — весьма солидные исследователи, а не публицисты. Но их не смущают столь очевидные факты, что речь во всех случаях, в России или на Украине, идет о людях православных, занимавших, подобно Гавриилу, высокое положение в иерархии Русской православной церкви и пользовавшихся глубоким уважением православных же современников, исключая редких злопыхателей. В самом деле: кто в «бунташном веке» способен был уподобить Киево-Могилянскую коллегию, столп и опору православной науки в жестокой борьбе с католической экспансией, «иезуитской школе»? Кто мог только представить себе в отвоевавшем мечом свободу и только в 1686 г. юридически освобожденном от Речи Посполитой Киеве «католическо-польскую среду»?!

В наше время напрашиваются и другие вопросы. Например, достойна ли обширная просветительная программа Ордена Иисуса однозначного осуждения, или в «иезуитской школе» были свои плюсы? Считать ли «католическо-польскую среду» принципиально враждебной нашей, православной, или гуманнее бороться за их мирное сосуществование? Однако и без риторики ясно, что враждотворные идеи, выдвинутые и крепко словесно оформленные в публицистике XVII столетия, со временем не исчезают сами собой, а незаметно распространяются,

московская старина, в то время кое-как сличенная с греческими источниками; но в результате в судьбах русского просвещения взяла верх совсем новая сторона — прямое влияние западноевропейской образованности и литературы... Уже вскоре Петр решил спор тем, что стал искать не греческой и латинской науки, а европейской, и не науки схоластической, а реальной и практической» (*Пытин А.Н.* История русской литературы. Т. II. СПб., 1898. С. 369, 371).

находят себе новую питательную среду — и самым ядовитым образом процветают там, где их и не ждали.

Историческая действительность, как мы видели, совершенно не соответствовала дожившим до наших дней публицистическим обвинениям. Строго говоря, среди ученых людей православной Москвы единственным человеком, не скрывавшим своей принадлежности к униатскому ордену Василия Великого, был Симеон Полоцкий, автор эпитафии высокочтимому им учителю: Епифанию Славинецкому. А на могиле Симеона благочестивый царь Федор Алексеевич повелел написать, выбрав из множества стихов Сильвестра Медведева, такие слова:

«Учитель бо zde	токмо един таков бывый
Богослов правый,	Церкве догмата хранивый.
Муж благоверный,	Церкви и царству потребный
Проповедию слова	народу полезный».

Но и казненный по ложным обвинениям Медведев не мог раскаяться в деле просвещения, которому отдал жизнь. Когда-то Иннокентий Монастырский с грустным юмором писал Сильвестру: «Солнцу подобает светить, если и знает, что смрадное место по просвещении такое же пребывает смрадное, как и прежде просвещения».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В начале XVII века утратило былую силу и славу «превеликое царство Московское», присягнувшее Лжедмитрию и его убийце Василию Шуйскому, молчавшее под Семибоярщиной и избравшее «одною Москвою» на православный престол иноверного королевича. И что же? Некогда «забранные» московскими князьями великие княжения, ханства и земли, создав органы самоуправления, двинули полки на «очищение Москвы», составили Земский собор, избрали государя «всею землею» и приложили все силы к установлению централизованного прямого (воеводского) управления каждым уголком России. Победа над Смутой была торжеством идеи единого Российского самодержавного православного государства: Великой России. Москва из наиболее сильного, и потому объединявшего других политического и конфессионального центра, уже стала в сознании современников центром единой Российской державы. Это сознание настолько укоренилось, что во второй половине века великое множество бравшихся за перо местных летописцев повело счет времени по присланным из столицы воеводам и архиереям.

Московский царь мог обходиться без древле потерянных русских земель, царь всея России — нет. Потому и спешит Алексей Михайлович при первых успехах своих войск наименоваться «государем царем и великим князем всея Великия и Малыя и Белья России». И россияне упорствуют в защите этого титула, хотя добрая половина Малой и Белой вновь уходит за рубеж по Андрусовскому перемирию, хотя Москва лишь всякими кривдами не отдает полякам обещанный им Киев при продлениях перемирия, хотя иноземцы упорно третируют царственный статус российского самодержца. Алексей Михайлович даже подумыва-

ет, не венчаться ли на царство вновь, в полной славе, но не находят его дьяки нужной формулы абсолютного суверенитета.

Сколь ни изучай богатую традицию Чинов венчания, идущую с конца XV в., сколь ни делай из них выписок, подобно приказным людям царя Алексея, — все одно, традиционные основы власти московских государей уже в церемонии венчания «Тишайшего» вычерпаны были до предела. 28 сентября 1645 г. вся страна, по совершении молебна, обращала мысленные свои очеса к Москве; вся столица с рассвета гудела от благовеста, созывавшего народ к Кремлю; все взоры в Кремле были обращены к единому духовному центру — Успенскому собору, в который «снидошася вся власть, царская же и церковная». Затаив дыхание, все внимали речам царя и подтверждающего их истину патриарха о законном наследовании престола «наших прародителей великих князей и царей российских», от отца к старшему сыну, из века в век. Слушали о Богодарованном родовом праве на власть над «Святой Русью», «Новым Израилем», над Москвой как «Новым Иерусалимом».

Глубок был «царей российских корень». «Изыде» он, через князя Рюрика, от римского императора Августа, «обладающего всею вселенною». Укрепил «корень» Владимир Святой, просветивший Русь светом истинной веры, иже неугасимо доднесь сияет и весь мир озаряет. А Владимир Мономах принял наследие Второго Рима — Константинополя, когда сам венчался царским венцом и диадемой императора византийского и потомкам сие завещал. Предкам государей наших по прямой линии принадлежала Вселенная — слышали россияне — молитесь же, да с помощью нашего царя Бог прославит и распространит Российское царство «до конца Вселенной», расточенное предками — потомкам их царственным возвратит, дабы ко всеобщей радости «быти на Вселенной государю царю и самодержцу христианскому и возсияти, яко Солнце посреде звезд».

Однако правосознание у благочестивых москвичей и всей бескрайней страны россиян было сильно, и в географии они ориентировались довольно. Вселенная как таковая — с концами и частями света, материками и преобладающим населением — представлялась достаточно ясно, чтобы слушатели понимали связанные с ними аллегории в стихах известных поэтов. Вселенная практическая — места достижимые и ценные с торговой или религиозной точек зрения — была описана в дорожниках-путеводите-

лях, а необходимые для странствий и расчетов языки — в прикладных словарях-лексиконах, которые многие родители (в особенности купцы) вбивали в умы своих отпрысков. Наконец, правительство и достаточно богатые россияне детально представляли себе Землю на основе современной картографии: со всеми географическими и климатическими, политическими и экономическими особенностями континентов, стран и провинций. Над зданием Посольского приказа не даром был водружен глобус, а карты не случайно украшали стены богатых покоев наряду с картинами, портретами, зеркалами и гобеленами.

В свете реального геополитического положения претензии российских царей на выморочное наследство римских императоров не воодушевляли. Здесь Москва могла разве что стать в очередь за Парижем, Веной и Стамбулом. Генеалогические представления московских государей, в особенности не так давно избранных на российский престол Романовых, оставались в русле фамильных легенд московской аристократии. Высшей знати, судя по огромному фонду документов, поданных в Палату родословных дел, просто не требовалось проследивать свои корни непосредственно от Адама (через сыновей Ноя, библейский царей и античных богов, Геракла и римской консульской династии Фабиев), подобно пробивавшейся в «верхи» фамилии Римских-Корсаковых, родичей столь же худородных, но честолюбивых царских свойственников Милославских.

Церемония царского венчания, после долгого развития достигшая при Алексее Михайловиче высшей степени публичности и наибольшей пышности, в своей церковной части подтверждала, что наследное право государя на власть — от Бога. Но и знатоки истории, и слегка наслышанные о ней современники не сомневались, что от Бога всякая власть; династии языческих монархов правили изрядными частями вселенной многими веками, а среди христианских самодержцев пребывала масса таких, что затруднишься ответить: делалось сие «волею Божиею» или «Божиим попусшением» (через козни «врага нашего Дьявола»). В народе такие сомнения все более усиливались после разгрома городских восстаний середины века, утопления в крови восстания Степана Разина, зверской расправы над иноками Соловецкой святыни, в ходе жестоких преследований староверов. Среди знати именно в последней четверти XVII в. вдруг, как из небытия возродившись, распространились сочинения Андрея

Курбского, круто менявшие сложившееся в литературе отношение к Ивану Грозному. Оказалось, что славные победы и одоления России в XVI в. совершены отважными земскими ратборцами, тогда как тяжкие поражения и Великое разорение страны, кончившееся Смутой — дело рук царя и его «кромешников».

С этой точки зрения некоторый диссонанс звучал и в торжественной симфонии светской и духовной власти при царском венчании, когда государь заявлял, а архипастырь подтверждал самодержавное право. На памяти россиян была слезная мольба Алексея Михайловича перед мощами святого митрополита Филиппа о прощении всему царскому роду за преступления Ивана Грозного перед святителем и другими мучениками, «за веру святу пострадавшими». Вспоминались и два «великих государя (а не «господина». — А.Б.) святейших патриарха», Филарет и Никон, поднимавших меч церковный выше меча царского. Памятен был конфликт светской и духовной властей, Алексея с Никоном, для решения которого пришлось созывать в Москву патриархов с Востока. А гонимые староверы, разбрасывавшие листовки с колокольни Ивана Великого и спорившие с патриархом Иоакимом в царских палатах, повторяли распространенную среди множества читателей мысль Арсения Суханова, что давно утратили греки вместе с царством и благочестие; это и Никон, греческие «новизны» в русское «исконное благочестие» введивший, на Вселенском соборике против него и староверов самолично признал.

Одним словом, древние права московских самодержцев, даже освященные Церковью, не вполне удовлетворяли потребности россиян в единой державной концепции, которая синтезировала бы все основания любви, веры и гордости за Россию. Должное единство патриотических устремлений было достигнуто в церемонии царского венчания Федора Алексеевича 18 июня 1676 г. и усовершенствовано при коронации Ивана и Петра 25 июня 1682 г. Оно вылилось в формулу *Российского православного самодержавного царства*, многократно выраженную словесно и зримо представленную самой торжественнейшей церемонией. Руководивший ею, вместо царя, патриарх подчеркивал *святость* власти российского православного государя, венчанного, во-первых, «по преданию святых восточных Церкви» и лишь затем — «по обычаю древних царей и великих князей российских».

Московские публицисты последней четверти XVII в. глубоко раскрыли системное содержание этой формулы абсолютного

суверенитета великой державы. Более того, бурные споры велись исключительно в рамках официальной идеологии Российского православного самодержавного царства, сочетавшей, как того требовал царь Федор Алексеевич в «Учении историческом», достоверность ученых доводов с общим мнением народа о своей истории. Каждый элемент формулы нес особую нагрузку, но его содержание обогащалось в сочетании с другими элементами, и лишь вся система связей раскрывала истинную глубину замысла чиновников Российской державы.

Понятие «Российское» удачно сочетало славу великих князей и царей с самоидентификацией великого народа, восходящей (и возводимой авторами) к временам древнейшим. Еще митрополит Илларион в «Слове о законе и благодати» подчеркнул, что Креститель Руси Владимир Святой, не уступавший равноапостольному императору Константину Великому, принадлежал к роду великих князей, кои «не в худой и не в неведомой земле владычествовали, но в Русской, которая ведома и слышима во все концы земли». Патриаршие и иные книжники второй половины XVII в. были убеждены, что славяне есть один из самых древних и славных на земле народов, а образованный ими вместе с окрестными племенами российский народ избран Богом.

Русь православная, Святорусская земля есть наследственный удел Господа, находящийся под особым покровительством Пресвятой Богородицы. В кратчайшем изложении мировая история простирается «инде» до Успения Богородицы и кончается пренесением ее образа кисти апостола Луки на Русь. Образ Владимирской Богоматери в Успенском соборе Московского Кремля даже в глазах образованнейшего, крайне далекого от изоляционизма Игнатия Римского-Корсакова свидетельствует, что православное Великороссийское государство — «жребий самья Богоматере, ея помощью разширися, ея пособием утвердися, ея хранением в своей крепости доселе пребывает и ея утверждением врагы своя и супостаты преславно побеждает».

«Самодержавное» толковалось в публицистике как единственно законное и строго наследственное правление князей и царей русских с древнейших времен. Параллельно вовне существовали мировые монархии, самодержцы которых признавали законность власти российских владык и временами подтверждали ее: Александр Македонский — писанной «златопернатыми буквами» грамотой на владение значительной частью Вселенной; ке-

сарь Август — через потомка своего князя Рюрика; византийские императоры — даями и дозволением Владимиру Святому «писаться царем и великим князем и самодержцем российским», а затем переданными Владимиру Мономаху имперскими инсиниями. Мировая история свидетельствовала о благодетельности веры и монархии, история отечественная представлялась совершенным осуществлением этих идей.

Покорение «злбожных» царств как основание царственности российских самодержцев ушло из публицистики. «Царствами» продолжали еще именовать чужеземные мировые державы, все чаще, однако, называя их просто «монархиями». Понятие «царство» изначально ощущалось многозначительным и величественным (напр., Царство Божие), причем обязательно конкретным («царство Ромейское», «царство Греческое» и проч.). Российское царство, очевидно, спорило с иными своим могуществом, пространством и славой, но оно *единственное* во Вселенной было православным. Державная формула и воплощавшие ее церемонии венчания царей 1676 и 1682 гг. подтверждали широко бытовавшее в российском обществе убеждение, что Церковь и царство неразделимы. Нет истинного благочестия без царства, как не бывает и благочестивого царства без церковного основания. В православном царе объединены оба условия установления земного царства Христа, обещанного Евангелием.

Здесь появлялась возможность для дружеской размолвки. Православное Российское царство как Удел Богородицы воспринималось патриархом Иоакимом, окружавшими его книжниками и многими иными россиянами как зримое *воплощение* земного царства Христа. Российское святое царство в глазах близкого друга и соратника Иоакима архимандрита Игнатия Римского-Корсакова выглядело *прообразом*, зерном будущего Вселенского царства Христа. Согласно молитве Годунова и Филарета, вошедшей в чины царского венчания Алексея, Федора, Ивана и Петра, власть российских государей должна была расширяться до концов Вселенной. Ведь Христово царство именно Вселенское.

Но известное всем заинтересованным лицам реальное геополитическое строение Вселенной — и внутреннее представление о Вселенной, на которую имеют право российские православные государи, — сильно различались, не вызывая ни у кого удивления. Для подавляющего большинства авторов и некоторых видных государственных фигур Российская Вселенная бы-

ла самодостаточным и четко очерченным благочестивым царством Христа, Уделом Пресвятой Богородицы. Патриарх, например, ясно представлял себе существующие в Европе и Азии конфессии, при нужде даже писал стамбульскому муфтию, однако в публичных выступлениях Иоакима (1674—1690), а затем Адриана (1690—1700), большой Вселенной, в которой должна жить, занимать определенное место и развиваться Россия, просто не существует. Есть лишь одно благочестивое Российское царство, которому с иноземцами «брани бы творити не о чем, разстояние бо имат до предел доволное», утверждал патриарх.

Российское православное самодержавное царство имело в глазах изоляционистов лишь одну миссию: «хранить стадо Христово во всяком благочестии чистым». Уже появление в нем, на царской службе, иноземных иноверцев воспринималось изоляционистами крайне отрицательно, хотя многие офицеры, например, Афанасий Трауэрнихт и Петр (Патрик) Гордон, принимали православие, а удельный вес военных наемников неуклонно сокращался за счет обученных россиян. Но еще более гневные обличения патриарха Иоакима обрушивались на исконных российских иноверцев: подданных государям мусульман, буддистов и язычников. Их «поганные мечети и капища» церковная власть настоятельно требовала уничтожить, любые «мольбища» запретить, земле- и душевладение их искоренить как скверящие «избранный удел Господа». Более жестоко патриарх и большинство российских архиереев требовали расправиться со староверами как еретиками и ослушниками власти духовной и светской. И сделать это требовалось исключительно силой меча царского.

Премудрый царь Федор Алексеевич получил решительный отказ патриарха и священного собора, когда просил подкрепить его энергичные и эффективные экономические и социальные меры по массовой христианизации неправославных подданных и возвращению в лоно Церкви староверов путем значительного расширения числа епархий, усиления в них церковного управления и развития просвещения. Даже проекты совершенствования государственного управления встречали весьма жесткое сопротивление со стороны влиятельных россиян, уверенных, что Российское самодержавное православное царство уже приблизилось к идеальному состоянию и, по меньшей мере, неуполезно улучшать что-либо в Уделе Пресвятой Богородицы, Свято-русской земле.

Однако окружающий Россию мир существовал. Он был хорошо известен, торговля с ним была прибыльной, а непосредственное соприкосновение ощутимо на всем протяжении границы от Швеции до Китая. Потребность в иноземных знаниях, товарах и специалистах была четко осознанна. Вселенная вне Удела Пресвятой Богородицы явственно заявляла о себе, и публицисты не могли обойтись без достойного державы ответа, как с нею взаимодействовать. Фундамент имперской концепции закладывали многие мыслители, в том числе учитель царских детей и придворный поэт Симеон Полоцкий, но лишь после официального утверждения новой формулы Российского православного самодержавного царства ученый и оратор Игнатий Римский-Корсаков сумел придать ей завершенный и стройный вид.

В своих официальных речах перед придворными и военными Игнатий выдвинул на первый план концепцию Святого царства, придав подчиненное значение идее «Российского». Он отказался от всех рассуждений об исконной древности славян и Руси, даже от признанных в Чинах венчания родословных легенд. Заявленная в Чинах миссия российских православных царей распространить благочестивое царство до концов Вселенной трактуется публицистом буквально. «Расточенное во благочестивое царство возратить и собрать воедино» значит объединить в составе России всю все народы, «рассеянные» Господом «по лицу всея земли» при Столпотворении. Исполнение Божьего предначертания о едином Христовом царстве — «быть на Вселенной царю и самодержцу христианскому!»

Так сказано в Чинах, а Игнатий обещает на практике, что именно «многочисленного российского воинства храбрством» все «неверные языки... по всей Вселенной» познают Бога. Они соберутся в единое царство по образцу Царства небесного, и российские цари будут «всея Вселенная государи и самодержцы». Идея завоевания всего мира силой оружия даже в чисто теоретическом плане никого устроить не могла. Поэтому Игнатий воспользовался высказанными перед царями и правительницей Софьей идеями ученых греческих братьев Иоанникия и Софрония Лихудов. Ратоборцы — лишь орудие Христа, который «ради державнейшего, благочестивейшего и святейшего вашего царствия святое ваше царствие умножает православия и веры ради Христовы — и Христос спротив того взаим умножает славу вашу». Благочестивые воины, Святое царствие и Христос образу-

ют саморазвивающуюся систему, где «предивные» ратники «поборают Христа ради», святость державы побуждает Бога к расширению царства, которое, в свою очередь, умножает славу Бога и побуждает его к пособию благочестивому государству и умножению славы его воинов. Последние, разумеется, не воюют в общепринятом смысле слова: чтобы «смерти предать побежденного», пленить его и разорить. Напротив — новый, «никогда слышанный» образ завоевания состоит в просвещении каждого народа истинной верой: «не яко его во узилище предати — но во еже свободити его от страшных вериги адовы!» Христоролюбивое российское воинство несет миру на своих знаменах исключительно гуманные ценности.

Однако светлая идея Всемирного освобождения человечества в лоне Российской державы имеет скорее идеологический, статусный, нежели функциональный характер. Она лишь доказывает, что именно Российское царство является зерном будущего Земного царства Христа. Политическая ее реализация четко ограничена Игнатием и Лихудами задачей освобождения от мусульманского владычества наследия Византийских императоров их законными правопреемниками — царями российскими. Публицисты подчеркивали, что «христоименитому российскому воинству» предстоит не завоевание чужого государства, но освобождение временно покоренного христианского царства. Они говорили о священной борьбе, в которой «обще, яко люди христоименитии, грекове и россы» будут «побеждати сквернаго турка» и так же все вместе, освободители и освобожденные, предстанут перед наследным отчинным Константинопольским престолом «самодержавнейших царей всея России».

Таким образом, внешняя относительно России Вселенная в сочинениях самых воинственных публицистов сжимается до рамок православной Вселенной, той части Южной Европы и Средиземноморья, которая именовалась Православным Востоком и находилась под властью Османской империи. Именно оттуда, от православных духовных властей и светских владык Московское правительство получало призывы о помощи и обещания всеяческой, в том числе вооруженной, поддержки в борьбе за освобождение от османского ига. И именно «вместе с преждесоздательными» народами Византийской империи предлагали публицисты россиянам *восстановить единую православную державу* под крыльями двуглавого орла московских государей, чтобы Вселен-

ские патриархи вместе восславили освобождение «от скверного турка» и здравствовали занявших «отчинный престол» царей.

Такое предназначение православной Вселенной не вполне соответствовало реальным планам московского правительства, вынужденного считаться с суровыми политическими реалиями, как тогда говорили, «европейской конъюнктуры». Более того, оно шло вразрез с глубоко укорененным представлением о самодостаточной Святорусской земле, а идея объединения с «преждесоздательными» не устраивала высшее московское духовенство, противопоставившее ей свое понимание ужасов войны и высшей ценности мира.

Решение сложнейшей проблемы *войны и мира* не могло не породить глубоких публицистических разногласий. Все признавали высшей ценностью не только внутренний, духовный, но и внешний, государственный и общественный мир. Однако лишь патриарх Иоаким с ближайшими сторонниками позволял себе публично утверждать, что истинный, добрый мир сводится к отсутствию самого страшного человеческого бедствия — войны. Красной нитью архипастырских проповедей была мысль, что Российскому государству никакие войны (и никакие перемены) не нужны, следовательно, война есть чистое зло. Даже с богословской точки зрения эта в высшей степени гуманная позиция была сомнительной (сказано: «всяк человек в мире сем есть борец или воин»), а с практической — вела к столкновению высшей духовной власти с политикой государства.

Корни возникшего спора уходят, по меньшей мере, во времена благочестивых подвигов Алексея Михайловича, воздвигшего державный меч для Воссоединения древнерусских земель. Придворный поэт и учитель царских детей Симеон Полоцкий не выступал, разумеется, против патриарха: в своей «Беседе о брани» он избрал оппонентом излагавшего буквально сходные с патриаршими взгляды Эразма Роттердамского. «Свободно есть царство граждане свои защищати», утверждает Симеон. Праведная война ведется для предотвращения ущерба всему государству, по исчерпанию мирных средств решения конфликта и строго «приличными» средствами. Целью ее является *добрый мир*, установление которого не подразумевает завоевания чужих земель. Теоретически Симеон загнал себя в угол, практически — ничуть! Ведь сама молитва при царском венчании Алексея о Вселенной не оставляла в ней «чужого» для «Орла российского».

Поэтому Симеон был прав, когда (в разные политические моменты) публично предлагал вернуть державному престолу Белоруссию и Малороссию, Польскую Лифляндию и саму Польшу, Литву и Швецию, мечтал (вместе со своим учеником Сильвестром Медведевым) об освобождении народов, разоряемых «всегордым ханом» и угнетаемых «премрачной луной Турской державы».

Концепция Российского православного самодержавного царства, как мы помним, теоретически вооружила «христоролюбивое царское воинство» несомненным державным правом на освобождение, по меньшей мере, всех покоренных турками и татарами православных народов. Но в реальных публицистических призывах к войскам мечта Игнатия Римского-Корсакова о «глубоком и неотъемлемом мире» четко ограничена той частью молитвы из Чина венчания, где укрепление царства связано с «покорением всех язык, брани хотящих». В речах Игнатия была развита идея «предсоблюдения» России от внешней опасности «благостоянного ради мира и тишины». В последней четверти XVII в. покушение на безопасность и суверенитет России, особенно претензии Крыма получать с нее «дани», — есть «нестерпительная хула и досада», не к человеку, но «к Богу, и царем, и всему государству восходящая». Воинский подвиг «за Божественную славу и царскую честь», за крепкое утверждение статуса великой державы — есть путь к истинному миру.

Призывая «российских работорцев» разгромить Крымское ханство, Игнатий Римский-Корсаков не случайно прозревал за «ханишкой» Бахчисарая владыку Стумбула. Слушатель его военных ораций Андрей Иванович Лызлов за длинной чередой взаимных нападений и обид увидал тысячелетнее противоборство *двух миров*, земледельцев и кочевников-«скифов», для которых война исконно была нормальным жизненным состоянием. В последние столетия это противоборство приобрело окраску борьбы креста и полумесяца, но это именно окраска, а не суть конфликта цивилизаций, форм жизни, специфики богатства и собственности. Именно Лызлов показал, что т.н. «христианский» и «мусульманский» миры никогда не схватывались между собой в чистом виде, политические интересы всегда были не менее важны, нежели конфессиональные.

Не иноверие, злая воля или зверский нрав агрессоров-«скифов», а исторически сложившиеся обстоятельства жизни народов с древних времен вели к смертельной борьбе на рубежах от

Северного Ледовитого до Индийского и Тихого океанов. При этом обуздание агрессора, превращение ужасных «скифов» в оплот мирных народов — не случайность, а *историческая закономерность*, проявляющаяся благодаря конкретным усилиям. Конечная победа над «скифами» — мирное, определяемое законами, экономическими и политическими интересами *сосуществование* народов и даже религий. Одним из средств достижения такого истинного мира, при наличии многих важных условий, является коалиционная война, совместный и согласованный удар всех заинтересованных в мире стран по агрессору для лишения его средств продолжения завоеваний.

К сходным выводам пришел и Игнатий Римский-Корсаков, продолжавший, однако, считать, что наилучшей гарантией умиротворения враждебных государственных образований служит их «освобождение» от басурманских заблуждений под крылом российской администрации и православным крестом. В свою очередь Карион Истомина старался внушить уже готовящемуся к военным подвигам царю Петру мысль, что «обретение мирной жизни» вообще невозможно без воинского искусства, а для россиян — в особенности. «Добрый мир» есть только у государства хорошо вооруженного, искусного в военном деле и готового к победоносной войне с неприятелем самодержца.

Сколь бы не мечтали публицисты о «добром мире», политическая практика почти непрерывно связывала их творчество с *войной*. Летом 1672 г. османско-крымские рати вторглись в Речь Посполитую; осенью русская дипломатия подтвердила, что Россия выполнит условия оборонительного союза двух государств; весной 1673 г. российские войска вступили в войну. Но приближение грозных событий было видно заранее. Еще весной 1672 г. Симеон Полоцкий предрек новорожденному царевичу Петру победу над Османской империей. Полоцкий, его ученик Сильвестр Медведев, Игнатий Римский-Корсаков своими стихотворными, прозаическими и даже музыкальными произведениями вдохновляли московское правительство и воинство на подвиги в действительно тяжелой и кровавой войне; сам патриарх Иоаким издал и разослал по стране молебное пение «Во время нахождения супостатов». Были возрождены и распространялись историко-патриотические сочинения князя Курбского, переводились и переписывались сочинения об Османской империи и опыте войн с ее полчищами, переиздавался киевский «Синописис».

Реальная политика во многом шла вразрез с публицистическими призывами. Идея христианского единства против мусульманской агрессии на практике была дискредитирована, Россию оставили на произвол судьбы все христианские государства, включая союзную Польшу и Империю. В тяжелейших условиях не найдя понимания даже при собственном дворе, царь Федор Алексеевич лично и тайно приказал разрушить центр Правобережной Украины Чигирин, вокруг которого шли главные сражения войны. В то время, как христианский запад равнодушно взирал на схватку Москвы и Стамбула, при вести о падении Чигирина восток полыхнул мощным восстанием не только мусульманских, но всех кочевых народов, «скифов». Оно было немалой кровью подавлено и Россия вновь, зная о европейском замирении 1679 г., просила во всех столицах выступить, наконец, против общего страшного врага. Насмешками встречали наивность «москвитов» на западе, угрозами — в Польше, но разрушение Чигирина позволило Москве заключить Бахчисарайский мир и с честью выйти из войны, Получив передышку, царь смог сильно укрепить армию и значительно расширить защищенную экономическую зону на южных плодородных землях.

Для удовлетворения интересов дворянства этого было мало. Стремление к полному умиротворению Дикого поля оставалось принципиальной задачей Москвы, но теперь возвышенные публицистические призывы к христианскому единству звучали с запада, куда обрушилась сабля султана. Вена, Венеция, Польша и Римский папа истово призывали Россию совместно сразиться с «врагами креста Христова». Московских царей при европейских дворах признавали законными наследниками византийских императоров, а патриарха приглашали вновь освятить храм святой Софии в Константинополе. На этот раз московские публицисты молчали. Дело было даже не в том, что поляки, например, приглашая дважды обманутого союзника в третий союз, официально называли своим вдалением Киев. После смерти в мае 1682 г. царя-реформатора Федора Алексеевича и дворцового переворота, посадившего на престол 10-летнего Петра вместо 16-летнего Ивана Алексеевича, Москва была потрясена столь мощным народным восстанием, что, казалось, «государство зашаталось».

Лишь к лету было сформировано «походное» правительство и только к концу года оно укрепило свои позиции: об этом мы судим по документам, запискам иностранцев, а в значительной

степени — по сочинениям всезнающих придворных панегиристов. Восстание было «утишено»; памятник победе народа над «изменниками-боярами и думными людьми» на Красной площади снесен; осторожный и тайный «перебор» стрелецких и солдатских полков вкупе с личным составом московских приказов затянулся на годы. В новом *правительстве регентства* (1682—1689) главную официальную роль играл видный советник почившего государя князь Василий Васильевич Голицын: председатель Думы, канцлер и главнокомандующий⁷⁹⁰. Неофициальной, затем полуофициальной правительницей до 1686 г. (когда ее статус был объявлен) выступала царевна Софья Алексеевна. На роль «серого кардинала» претендовал опытнейший администратор Федор Леонтьевич Шакловитый, формально руководивший только Стрелецким приказом, реально — всей кадровой политикой аппарата правительства, а, кроме того, вхожий в царевнину опочивальню и склонный действовать, если надобно, даже через голову Посольского приказа.

Правительство регентства вывело страну не только из тяжелейшего политического кризиса, но и из грозной международной ситуации, когда, по точным данным разведки, полки соседних стран готовы были броситься через наши границы к истерзанной восстанием Москве. Взрыв публицистики был связан с крупнейшей внешнеполитической победой — заключением Вечного мира 1686 г., по условиям которого Речь Посполитая отказывалась, наконец, от реванша за потерю части Украины и Белоруссии. Обширной литературой отмечено было ликование всех россиян — от правительственных чиновников и духовенства до последнего крестьянина — по поводу того, что теперь уже по признанию европейского сообщества всем официально дозволялось писать «царское титуло полное: великим государем царем... всея Великия и Малыя и Белья России самодержцам». Радостно было встречено даже объявление о начале новой, в составе Священной лиги Империи, Польши и Венеции, войны с Турцией и Крымом (1686—1700). Источники свидетельствуют и о весьма

⁷⁹⁰ Буквально: конюший боярин, царственные большие печати и великих посольских дел обергатель, дворовый воевода и наместник Новгородский; глава Посольского, смежных с ним и основных военных приказов, кроме Стрелецкого, подчиненного Ф.Л.Шакловитому, автору и руководителю программы «перебора» личного состава гвардии и приказного аппарата.

бурной реакции на московские события в Европе: ликовании среди союзников и православных подданных Турции, а также о настоящем ужасе в Стамбуле и Бахчисарае.

Однако уже при подготовке к выступлению в I Крымский поход весной 1687 г. положение в Москве обострилось. Объявленная и твердо проводимая В.В.Голицыным политика веротерпимости вызвала негодование даже у его сторонников. Против реформ Федора Алексеевича патриарх Иоаким вынужден был действовать скрытно — на правительство же он смог обрушиться столь яростно, что, по словам Завещания патриарха, даже отлучал Софью от Церкви. Прямо в Успенском соборе, в проповедях по случаю похода на Крым, Иоаким призывал к неповиновению командирам-иноземцам и даже предрекал войскам поражение. Правда, пастырский долг патриарх выполнял, грамоты воеводам для поднятия духа и спасения души писал, а тираж специальной службы полковым священникам отослал. Не препятствовал он и прямо противоположным по духу выступлениям Игнатия Римского-Корсакова (хотя одной из его ораций правительство заменило уже готовую речь самого Иоакима).

Игнатий и сам в личной (немедля записанной) беседе выговаривал Голицыну за допущение в Москве иностранного богослужения. Но его слова к войскам на соборной площади в Кремле и у стен Новодевичьего монастыря остаются ярчайшими памятниками военно-патриотического красноречия «бунташного века». Он вдохновлял ратников на победу в вековой борьбе Руси с кочевниками, христиан с басурманами. Российские воины — копьё Господа, щит и меч христианства. С ними все святое в мире, с ними подвиги отцов, слава спасителей жен и детей, право освободителей попранной врагом древней христианской земли Крыма и Византии. Восторг пишущих современников подтверждал правоту победных настроений Игнатия. Но правительство в конкретной международной ситуации не могло позволить себе вторжения в Крым, не говоря уже о Византии! Оно умело поддерживало интерес к своим победам над татарами через западные газеты, выполняя военные обязательства перед Священной лигой так, чтобы союзники не могли вновь бросить ее в одиночестве сражаться с сильным врагом. При этом польская королевская информационная служба превосходила себя в распространении слухов об «измене» России (ибо король искал способа не ратифицировать Вечный мир).

Москва усилила свою международную публицистику, допустив иностранных корреспондентов на театр военных действий и позволив, например, широко осветить победоносный рейд боярина Л.Р.Неплюева и генерала Г.И.Косагова на Очаков. В Амстердаме было издано «Истинное и верное сказание» нидерландского резидента о Крымском походе; переведенное на основные европейские языки, это якобы «независимое» сочинение рассылалось всем правительствам, в отношении с которыми был заинтересован Голицын. «Сказание» объясняло в частности, что некоторые неудачи похода проистекали из измены гетмана Самойловича (который был мгновенно сменен Шакловитым на Мазепу). Мазепа же оказал Голицыну плохую услугу, широко объявляя в своих универсалах, будто российские войска собираются завоевать Крым. Это сообщение было мгновенно подхвачено западной прессой и использовано правительствами, стремившимися к наиболее глубокому втягиванию России в войну. Более того, о походе «в татарские орды, в самый Крым» писал миролюбивейший патриарх Иоаким (разумеется, неспроста).

Голицын спокойно переносил придворные речи ученых греков братьев Лихудов, в 1685 и 1687 гг. призывавших царей и Софию «погрузить престол Константинопольский под закон ваш». Он позволял Игнатию вдохновлять воинов видением креста над Софией Константинопольской, мог позволить себе иронизировать по поводу предложений Венеции передать под руку Москвы проливы или над выбитой в Вене медалью, где Константинополь отведен России. Но вторгаться в Крым, о чем тайно договаривались в 1688 г. Шакловитый и Мазепа, строить Черноморский флот и угрожать Стамбулу Голицын не мог, ибо это определенно обозначало бы войну с султаном один на один. И так русский поход настолько нарушил военные планы Турции, что австрийцы почти без боя взяли Будин, а венецианцы без единого выстрела захватили Морею. По сведениям Посольского приказа все союзники России уже начали тайные сепаратные переговоры со Стамбулом.

В европейском и московском общественном мнении тщательно подготовленный и блестяще проведенный II Крымский поход 1689 г. был безнадежно провален. Голицын совершил три подвига: заложил на пути к Крыму хорошо вооруженную и снабженную базу; добился, чтобы регулярная армия смогла, с должным обеспечением, оторваться от магазинов далее, чем на три

предписанные военной наукой перехода; довел полевую артиллерию, разрывное и стрелковое оружие до состояния, когда пехота могла отражать атаку кавалерии огнем, без перестроений для прикрытия мушкетеров пикинерами⁷⁹¹. В результате все современники были поражены легкостью, с которой российская армия дошла до Перекопа, даже не останавливаясь при отражении бешеных атак Крымского хана. Ханство потеряло свою природную защиту и ушло в глухую оборону; вскоре оно было поражено голодом и болезнями. Дворянство получило массу земель и в 5 раз увеличенный на юге срок сыска беглых крестьян. А правительство регентства было обречено.

Сила обновленной реформами Федора и Голицына армии делала в сознании россиян *реальными* призывы публицистов к походам на Бахчисарай и Стамбул. И не только россиян — молдаване, валахи, сербы молили об освобождении от ига. Вена и Венеция поддерживали эти призывы. Придворные панегиристы славляли победы русского оружия и... родственников главного врага Софьи — Петра. Приказав армии повернуть от Перекопа назад, Голицын подписал приговор всему правительству. Князь спас только Священную лигу: усвоив, что русский фронт не потребует отдачи всех сил для обороны собственных территорий, Оттоманская Порта усилила боевые действия на иных фронтах, сохранив заинтересованность союзников друг в друге. Сохранили работу и московские публицисты. Игнатий Римский-Корсаков смог еще раз призвать царей к завоеванию Османской империи (1690). Андрей Лызлов вызвал огромный интерес своей фундаментальной «Скифской историей» (1692), а Карион Истомина порадовал царя Петра переводом книги римского полководца Секста Юлия Фронтиня «О случаях военных» (1693).

Источники позволяют детально проследить публицистическое оформление Азовских походов Петра и последующего освоения Приазовья до Керчинского морского похода 1699 г. К настоящему времени известны не только все тексты сочинений, сценарии и детали оформления торжеств, но и закулисная история событий, приведших, пока видны политики и дипломаты продолжали развивать южный курс внешней политики России, к его резкой перемене и забвению, а затем и потере завоеваний

⁷⁹¹ О появившихся в армии Голицына винтовках позже с завистью вспоминал фельдмаршал Миних.

на юге Петром I. Роль политической публицистики в эпоху тайной дипломатии изменилась...

Богато открытиями оказалось изучение *придворной панегиристики* времени правления царицы Софии. Верховная власть выступавшей от имени самодержцев царицы долго была неформальной и вначале скрытой от глаз большинства москвичей. Даже сторонников царицы несколько смущало, что столь высокая власть сосредоточена «в девственном сосуде». Традиционные идеи российской самодержавной православной власти, развивавшиеся в контексте Чинов венчания, требовали в данном случае весьма тонкого углубления. Изучение всего обширного комплекса панегириков позволило выявить и исследовать особый, весьма содержательный аллегорический язык, заставляющий принципиально отказаться от устаревших представлений о «пустом» и «украшательском» стиле поэзии русского барокко. Проанализировав язык панегирической литературы в контексте политических реалий, возможно стало «прочитать» истинное содержание ученых ораций и книг, которыми обменивались с царственными адресатами и между собой литераторы конца XVII в.

Все панегиристы старались выразить свое отношение к политическому идеалу правительницы в целом или в определенном аспекте (например, политики на юге или проблемы просвещения). Одни стремились убедить адресата принять их точку зрения, другие — лишь понравиться, изящно выразив и похвалив взгляды щедрой на награды и заинтересованной в общественном признании царицы. В любом случае, мы раскрываем целый мир воззрений и оценок весьма информированных авторов, начавших хвалить Софию до появления у нее формальных признаков власти, а ее противников — задолго до того, как обнаружили иные следы ослабления правительства регентства. Частным случаем панегирика стала *политическая гравюра* — большого, иногда плакатного формата эстампы, своим аллегорическим содержанием пропагандировавшие власть и взгляды виднейших политиков регентства. Если ранние петровские гравюры, связанные с «азовской» публицистикой, были хорошо известны, то история замысла и создания на Украине, в Москве и Амстердаме, довольно широкого распространения эстампов периода регентства и, наконец, розыска над создателями прообраза политического плаката, сообщает немало нового о московской жизни предпетровского времени.

Двум публицистическим сюжетам — *борьбе за просвещение и полемике о пресуществлении* — посвящена обширная литература, неудовлетворительная в двух отношениях. Все, даже наиболее глубокие работы, фрагментарны по кругу источников и проблематике; при этом авторы остаются под влиянием тех публицистических оценок, которые были, надо признать, талантливо сформулированы полемистами XVII — начала XVIII вв. Как выяснилось, вопрос о необходимости организации в Москве высшего образования был официально поставлен в орациях участников Большого церковного собора 1666—1667 гг., созданных по инициативе Симеона Полоцкого. Речь шла о великой пользе образования для Российского государства и Церкви, при изучении наук на трех языках: славянском, греческом и латинском. Так заявил митрополит Паисий Лигарид на самом соборе, так говорили патриархи Паисий Александрийский и Макарий Антиохийский царю и «всяких чинов людям».

С деятельностью Симеона связано также появление в 1668 г. грозных грамот Московского и Восточных патриархов, потребовавших открытия училища «свободным наукам на разных языках, паче же славянском и латинском» (Иоасаф), или на «греческом, славянском и латинском» (Паисий и Макарий). Всякому «учению ненавистнику, завистнику и пакостителю» владыки обещали вечное проклятие. Судя по упоминанию среди предметов богословия, речь шла о программе университетского курса. Никакой борьбы «грекофилов» и «латинствующих» не было. Но позиции тех, кто, по упоминанию патриарших грамот, «хотел сему Божественному делу препинание или пакость творити», были весьма могущественны. Вместо открытия университета существовавшие в Москве *училища были расформированы*.

Явная борьба началась в публицистике лишь в 1681 г., когда в Москве и за рубежом стало известно о желании просвещенного царя Федора открыть в Москве Академию (университет). Тогда вдруг Иерусалимский патриарх Досифей, давно покинувший свою епархию и курсировавший вдоль российской границы, потребовал от царя учинить греческое училище, «чтобы тем эллинским учением удалятися от латинского учения». Патриарху Иоакиму Досифей советовал даже казнить смертью тех, кто смеет хранить латинские книги. Тут же в Москве Евфимий Чудовский изверг трактат об опасности латинского языка вообще и для Руси в особенности. Духовное и мирское начальство дол-

жно всеми средствами «угасить малую искру латинского учения, не дати той раздмитися и воскуритися, да не пламень западного зломысленного мудрования растекся попатит и в ничто же обратит православия восточнаго истину». Изучение латинского языка и, как следствие, знакомство с европейскими науками есть прямая опасность для веры. Вместо этого предлагается изучать греческий язык и читать на нем сугубо богословскую литературу. Автор выразил позицию непримиримых противников проектов российской Академии. Их целью было недопущение прямого распространения в государстве европейских знаний.

Евфимий весьма хвалил греческий язык, но являлся ли он истинным образцом *«грекофила»*? Игнатий Римский-Корсаков в другом трактате действительно серьезно превознес культурно-историческое значение греческого языка в духе Возрождения, как наследие высокочтимой им античности, ставя латинский язык на второе место: ведь «латинский язык общий, и умножен, и не так в чести, яко греческий». По его мнению, разумно учиться сначала греческому, а затем и латыни: основному языку весьма почитаемых автором европейских университетов. С другой стороны, в «Привилее» Московской академии — основных принципах университета, составленных Сильвестром Медведевым и официально утвержденных царем Федором в 1682 г., все светское и духовное образование полагалось давать на трех языках: классических и славянском, как принято в Европе.

До сих пор путешествующая по литературе легенда о борьбе «грекофилов» и «латинствующих» есть публицистический отзвук реальной борьбы *противников европейского образования* с учеными, равно признававшими оба классических языка. Недаром именно Симеон Полоцкий написал теплую эпитафию своему учителю латыни Елифанью Славинецкому — учителю «грекофила» Евфимия, которого тот всякий раз противопоставлял «латинствующему» Симеону! Именно за самоуправляемую, автономную, полномасштабную Академию по проекту Медведева постоянно ратовал личный секретарь патриархов Иоакима и Адриана, ученый и поэт Карион Истомин — ратовал оттого, что при нем она не была открыта. Вновь закрыв успешные появлявшиеся московские училища, патриарх Иоаким завел в 1687 г. совершенно бесправные «греко-славянские школы» братьев Лихудов. А когда эти учившиеся в Италии братья-греки, после смерти Иоакима, только попытались начать латинские курсы логики,

основ метафизики и поэтики — доносами патриарха Досифея и его присных учителя были отстранены, а латынь вновь запрещена. До 1700 г. на развалинах школ, где потолки рушились и печи рассыпались, ученики Лихудов «учение давали, сколько сами прияли». Добившись запрета обучения на латыни, «*мудроброрцы*», как метко именовали людей этого толка в XVII в., тщательно следили, чтобы даже новые греческие учителя в Москве не появились.

В начале XVIII в. новыми учеными и новыми властями было создано новое учреждение — *Московская славяно-греко-латинская академия*, не имеющая ничего общего ни со школами Лихудов, ни с величественным проектом Академии царя Федора. Лишь в 1726 г. престарелый ученик Лихудов Федор Поликарпович Орлов в своих целях публицистически соединил все три учреждения в одно. Этот миф закрепился. В результате об уровне государственной мысли в области высшего образования до Петра стали судить не по реальным документам (выступлениям патриархов, «Привилею», «Доводу» и т.п.), а по созданию торжествующих «мудроброрцев». Университетский замысел царя Федора Алексеевича и в этом случае (подобно другим его реформам и проектам) был сведен в литературе до уровня церковного училища. Получалось, что Петр начинал все с нуля, что и соответствовало историографической легенде.

Вполне сохранилось в литературе и определение «*латинствующие*», которое приобрело особенно зловещий оттенок с 1685 г., когда Медведев подал подписанный Федором «Привилей» Софье и его требовалось во что бы то ни стало остановить. Богословская полемика о «Пресуществлении Святых даров» рассмотрена нами подробно. Подчеркнем лишь несколько моментов. Сильвестр Медведев и его многочисленные сторонники среди духовных и светских лиц были сугубо православными людьми, истинными патриотами, чтители традиции и выступали против слепых иноземных заимствований. Они были объявлены «латинствующими еретиками» за то, что отстаивали православное мнение о таинстве пресуществления, которое не расходилось с католическим до того момента, как об этом заявили приезжие греки братья Лихуды и Евфимий Чудовский (сам недавно писавший обратное). «*Западниками*» Медведева со товарищи объявили в XIX в. историки, считавшие, будто право человека на самостоятельное рассуждение есть «западное... мудрование». Ни в каких

политических заговорах и тем более в колдовстве Медведев не участвовал: целиком сохранившееся следственное дело, по которому он был казнен на Лобном месте, как Степан Разин, доказывает это безоговорочно.

Но казнь первого россиянина, названного современниками *просветителем*, была закономерна. Характерно, что все церковные и светские власти, независимо от политической ориентации, требовали хранить спор о пресуществлении в глубокой тайне, «в народный слух не износить». Суть позиции Медведева была установлена его противниками совершенно точно. «Оный боритель Церкви Христовы, — доносил Евфимий Чудовский, — как владыка пишет, хотя таким образом наступить и попать всю власть, царскую и церковную; того ради и к людям пишет!» Сильвестр считал, что каждый человек обязан самостоятельно рассуждать и что «власть, неправду глаголющую, отнюдь слушати не подобает». Оказалось, что громадное число москвичей, практически каждый человек, заинтересовавшийся предметом спора, стоит на той же позиции. Из толстых богословских и исторических трактатов Медведева с огромной скоростью делались выписки, тезисы, «тетрадки», даже сочинения его противников конспектировались для правильного спора. Ведь Сильвестр настаивал на том, что поиск истины должен соответствовать правилам рассуждения, что логика и точность обязаны превалировать над субъективными желаниями. Позиция противников Медведева тоже очень ясна: воля власти важнее доводов разума.

Итак: «Что есть Истина?» Задав этот вопрос, прокуратор Иудеи Понтий Пилат хотел отпустить Иисуса Христа, ибо никакой вины не видел на нем (Ин 18, 38). Но не дали ему те, кто поставил Иисуса на суд как «злодея», и на все предложения власти помиловать Христа кричал: «Распни, распни его! ...Он должен умереть! ...Возьми, возьми, распни его!» (Ин 18, 30 — 19, 15). Ни разу в последней четверти XVII в. светская или духовная власть *сама* не создала обвинения против одного из ученых российских публицистов. Но ни один из них к концу столетия не избежал казни, ссылки или опалы. Пилат не знал ответа на свой вопрос. Те, кто считал себя знающими, всегда добивались от властей расправы над братьями.

УКАЗАТЕЛЬ АРХИВОВ

Отсылки на упоминаемые в монографии рукописи по учреждениям, фондам и шифрам. Сокращения: **инв.** — инвентарный; **кн.** — книги (посольские); **оп.** — опись; **пост.** — поступления; **св.** — свиток (архивная единица); **собр.** — собрание; **ф.** — фонд; **ч.** — часть.

- БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ НАУК (БАН).** 9. Отдел редкой книги
БАН. 231; РК 8.1.5. (инв. № 488). 229, 253; РК 36.11.17. (инв. № 487). 229, 253, 254
БАН. 16.3.13. 349, 355, 358; 16.14.24. 144, 162, 164, 175; П.І.А.66/16.15.11. 233, 270; П.І.А.6/17.4.6. 254, 266, 268, 271; П.І.А.7/ 17.4.7. 266; 17.4.15. 145; 17.5.8. 419; П.І.А.8/17.6.13. 228, 253, 266, 321; 32.4.3. 28; 32.4.27. 100, 101; П.І.А.9/32.5.25. 176, 235, 269, 321; П.І.А.58/34.3.6. 218, 265; А.П.6/34.4.3. 265, 400; А.П.7. 401; А.П.8 (П.І.В.8.)/34.4.5. 265, 400, 401, 410, 411; 45.10.16. 145, 175; П.І.А.10. 199, 266
БАН. Архангельское собр. С. 164. 297; С. 170. 358; № 178. 320; С. 202. 56
БАН. Ф. 199. Оп. 2. № 2. Портфель 729. 265
ВЛАДИМИРО-СУЗДАЛЬСКИЙ МУЗЕЙ-ЗАПОВЕДНИК (ВСМЗ). 9;
В—5636/112. 52, 339; В—5635/513. 377
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ (ГИМ). 231, 393;
Музей Новодевичьего монастыря, инв. № 3308. 252; инв. № 6077
(в экспозиции ГИМ). 252; далее — фонды Отдела рукописей:
ГИМ. Музейное собр. № 1705. 211; № 2368. 100; № 3058. 58; № 3408. 100
ГИМ. Синодальное собр. 8; № I/991. Рукопись 9. 344; Рукописи 20-21. 367; № II/992. Рукопись 19. 345; № IV/993. Рукопись 1. 325, 327, 329; Рукопись 2. 161; № V/294. 360, 381, 400, 414; № VII/995. 351, 390; № 44/898. 310, 316, 342; № 130. 288; № 153. 62, 144, 148, 149; № 252. 265; № 261. 204; № 272. 215, 255; № 286. 345; № 288. 285; № 294. 371; № 295. 329; № 310/346. 344, 358, 400, 401, 411; № 369/969. 381, 400, 414; № 371. 344; № 373. 348; № 393/1014. 329; № 396. 348; № 433. 349; № 437. 355; № 438. 355; № 439. 355; № 440/299. 307, 320, 349, 358, 365; № 452/290. 365, 409; № 460. 100, 118, 156; № 466. 215, 255; № 468/578. 367; № 471 (256). 235; № 496. 265; № 505. 265; № 545. 400; № 559. 215, 255; № 562. 16; № 567. 349; № 596. 344; № 660. 76; № 683. 349; № 792. 215, 255; № 908. 58, 215, 255; № 991. 403
ГИМ. Собр. Барсова. № 474. 411; № 475. 411; № 2339. 66

- ГИМ. Собр. Вострякова № 852. 72, 148, 205; № 868. 100
- ГИМ. Собр. Забелина. № 261. 60; № 263. 103, 144, 162, 164, 205
- ГИМ. Собр. Уварова. № 73. 322; № 145. 101; № 148. 66; № 538. 100;
№ 591. 144, 163, 164, 177; № 1325 (408). 64
- ГИМ. Собр. Хлудова. № 227. 100
- ГИМ. Собр. Черткова. № 115 А-Б. 67
- ГИМ. Чудовское собр. 8; № 81/283. 360; № 83/285. 348; № 88/290. 288,
410; № 89/291. 320; № 98/300. 104, 153, 201, 204, 205, 288, 321, 410;
№ 99/301. 110, 253, 320, 321, 323; № 100/302. 204, 253, 264, 314, 320-
323, 345, 410
- ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ТВЕРСКОЙ ОБЛАСТИ. № 187. 100
- ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАН (ПУШКИНСКИЙ ДОМ).
ДРЕВЛЕХРАНИЛИЩЕ. 9. Отдельные пост. Оп. 23. № 91. 67; №
257. 144, 148, 257; Оп. 24. № 3. 400, 411
- МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. Научная
библиотека. 5. Gh 27. 100
- РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ ДРЕВНИХ АКТОВ
(РГАДА). 8; Ф. 6. Госархив. Уголовные дела по государственным
преступлениям и событиям особой важности. Оп. 1. Д. 15. 397
- РГАДА. Ф. 32. Сношения с Австрией и Германской империей. Оп. 1.
Кн. 26-28. 126; Кн. 29. 28
- РГАДА. Ф. 35. Сношения с Англией. Оп. 1. Кн. 19. 128, 150; кн. 20. 150;
оп. 1. Ч. 2. Св. № 155-156. 150; оп. 2. Кн. 114. 150
- РГАДА. Ф. 41. Сношения с Венецией. Оп. 1. Ч. 2. Св. 1685 г. № 1. 146;
св. 1687 г. № 2, 3. 151; св. 1687 г. № 5, 6. 174; оп. 2. № 1-4, 6. 146
- РГАДА. Ф. 50. Сношения с Голландией. Оп. 1. Св. 1682 г. № 24. 28; св.
25, 1687 г. № 2. 165
- РГАДА. Ф. 52. Греческие дела. Кн. 11. 191; св. 7195 г. № 3. 73, 368; св.
7196 г. № 16. 191; св. 7197 г. № 2. 191; св. 7199 г. № 27. 191; св.
7202 г. № 37. 328
- РГАДА. Ф. 53. Сношения с Данией. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 16-23. 127; кн. 23.
143; оп. 1. Ч. 2. Св. 1684 г. № 1-4. 143; св. 1687 г. № 2. 150
- РГАДА. Ф. 74. Сношения с Пруссией. Оп. 1. Ч. 1. Кн. 5. 127; кн. 6. 150;
оп. 1. Ч. 2. Св. 1682 г. № 1. 28; св. 1687 г. № 1. 146, 150; св. 1688 г.
№ 1. 150; оп. 2. Кн. 34. 28; кн. 35. 146; Кн. 36. 150; оп. 5. № 2. 146
- РГАДА. Ф. 77. Сношения с Персией. Оп. 1. № 20-21. 128
- РГАДА. Ф. 79. Сношения с Польшей. Оп. 1. Ч. 2. Кн. 184-188. 120; кн.
186-188. 74; кн. 189-191. 126; кн. 192-204. 127; кн. 205. 28, 145; кн.
229-230. 151; оп. 1. Ч. 5. Св. 1682 г. № 4, 5. 28; св. 1686 г. № 20, 22.
151; св. 1687 г. № 3. 151
- РГАДА. Ф. 89. Сношения с Турцией. Оп. 1. Кн. 14. Ч. 3. 120; кн. 15-
17. 120; кн. 14-22. 129; кн. 20, 21. 368; кн. 20-22. 130; Кн. 24. I. 28;
Реестр № 2 Турецкого двора Посольского приказа за 1646 г. 119

- РГАДА. Ф. 93. Сношения с Францией. Оп. 1. № 6-9. 128
- РГАДА. Ф. 96. Сношения со Швецией. Оп. 1. Кн. 102-109. 127; кн. 110. 28; оп. 1. Ч. 1-2. Книги и свитки 1684 г. 143
- РГАДА. Ф. 109. Сношения с Бухарой. Оп. 1. № 6. 128
- РГАДА. Ф. 110. Сношения с Грузией. Оп. 1. № 9. 128
- РГАДА. Ф. 119. Калмыцкие дела. Оп. 1. № 6. 128
- РГАДА. Ф. 123. Сношения с Крымом. Оп. 1. Кн. 60-61. 129; кн. 79. 178; оп. 2. Св. 1687 г. № 1. 178; св. 1687 г. № 2. 151, 164, 165, 169, 170, 172, 174, 189, 261
- РГАДА. Ф. 124. Малороссийские дела. Оп. 1. Св. 1677 г. № 24, 25, 31, 37. 120; св. 1678 г. № 11. 121
- РГАДА. Ф. 135. Государственное древлехранилище хартий и рукописей. Отд. IV. 16; Руб. 1. № 12. 20
- РГАДА. Ф. 155. Вести-Куранты. 47; оп. 1. № 6. Ч. 3. 164, 165-168, 170-174; куранты за 1688 г. 190
- РГАДА. Ф. 156. Исторические и церемониальные дела. оп. 1. № 95. 21
- РГАДА. Ф. 181. Собр. МГАМИД. № 20/25. 62, 144, 148; № 56. 102; № 65. 171; № 257/462. 106, 201; № 322/702. 349; № 351/800. 58; № 358. 177, 178; № 625. 143, 163, 164, 171, 172, 175, 177
- РГАДА. Ф. 187. Саровское собр. № 30. 16
- РГАДА. Ф. 196. Оп. 1 (3). Собр. Мазурина. № 595. 265, 400; № 645. 320; № 659. 65
- РГАДА. Ф. 199. Портфели Г.Ф.Миллера. Оп. 2. Д. 528. Ч. 1. № 729. 400
- РГАДА. Ф. 210. Разрядный приказ. Боярские книги. БК—12. 149, 186, 261; Безгласный стол. Стлб. 65. Ч. II. 28
- РГАДА. Ф. 220. Сибирский приказ. Стлб. 7214. 89
- РГАДА. Ф. 235. Патриарший казенный приказ. Оп. 2. № 115. 321
- РГАДА. Ф. 371. Преображенский и Семеновский приказы. Оп. 1. Ч. 1. № 1/1. 178
- РГАДА. Ф. 375. Исторические сочинения. № 22. 52, 176, 231, 340;
- РГАДА. Ф. 381. Рукописный отдел Московской библиотеки Синодальной типографии. № 228. 400
- РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 1. Ч. 17. Д. 26843, 26888. 387
- РГАДА. Церковная печать. № 1054. 229, 253; № 2927. 218, 237;
- РОССИЙСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ БИБЛИОТЕКА (РГБ). 9; Музей книги. 229, 231, 236; МК. Ф. 7. № 65/453. 231; далее — *фонды Отдела рукописей*:
- РГБ. Ф. 7. Собр. архимандрита Амфилохия. № 76/М-787. 66
- РГБ. Ф. 29. Собр. Беляева. № 8. 162; № 29/М-1535. 410; № 55/М-1549. 215, 255; № 65. 168; № 66. 186; № 104/М-1631. Д. 7 А-Б. 149, 264; № 1625. 73, 341, 367
- РГБ. Ф. 98. Собр. Егорова. № 1152, 1570. 411

- РГБ. Ф. 173. I. собр. Московской духовной Академии фундаментальное. № 68. 286, 297, 344; № 628/141. 143, 172; ф. 173. II. Собрание Московской духовной Академии дополнительное. № 35. 56, 302
- РГБ. 178. Музейное собр. Русская часть. № 578. 215, 219, 255; № 4445. 411; № 5710. 162
- РГБ. Ф. 199. Никифоровское собр. № 69. 63, 64
- РГБ. Ф. 205. Собр. Общества истории и древностей российских. № 241. 175, 264
- РГБ. Ф. 214. Собр. Оптиной пустыни. № 241. 68
- РГБ. Ф. 218. Собр. Отдела рукописей. Пост. 1954 г. № 469. 162; Пост. 1963 г. № 65.I. 63, 64, 175, 311; Пост. 1967 г. № 46. 205 и 206
- РГБ. Ф. 228. Собр. Пискарева. № 173. 119; № 185. 68, 162, 177
- РГБ. Ф. 256. Собр. Румянцева. № 356. 144; № 364. 257; № 413. 61, 148, 257; № 458. 59, 65; № 471. 411
- РГБ. Ф. 299. Собр. Тихоновова. № 634. 104, 153, 204, 205, 288
- РГБ. Ф. 304. Собр. Троице-Сергиевской лавры. Ч. II. № 14. 410
- РГБ. Ф. 310. Собр. Ундольского. № 424. 401; № 478. 400; № 481. 358, 371; № 482. 349; № 783. 100; № 810. 66; № 811. 66; № 1325. 360; № 1011, 1019. 401
- РГБ. Ф. 312. Собр. Фаддеева. № 34. 67
- РГБ. Ф. 344. Собр. Шибанова. № 268/М-6228. 67
- РГБ. Ф. 556. Собр. Вифанской духовной семинарии. № 37/2369. 400
- РОССИЙСКАЯ НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА (РНБ). 9
- РНБ. Отдел редкой книги. 231; Инв. № 1508. 229, 253; далее — *фонды Отдела рукописей*:
- РНБ. Древлехранилище Погодина. № 668.I. 371; № 1558. 215, 255; № 1559. 72, 148; № 1600. 66; № 1647. 300
- РНБ. Собр. Вяземского. Q.ССХI. 66, 168, 175, 177
- РНБ. Собр. ОИДР. № 208. 219
- РНБ. Собр. ОЛДП. F.355. 168, 171, 175, 177, 182
- РНБ. Собр. Титова. № 3240. 265, 358; № 1243/3245. 265, 358, 400, 411
- РНБ. Собр. Толстова. F.I.186. 411; F.I.905. 321; F.IV.221. 175; F.IV.597. 175; F.XVII.16. 62, 144; F.XVII.17. 58; Q.I.334. 265, 355, 400; Q.I.1430. 411
- РНБ. Собр. Михайловского. Ф. 487. Оп. 2. № 145. 265, 400
- РНБ. Соловецкое собр. № 277/282. 117
- РНБ. Софийское собр. № 423. 297; № 1203. 419; № 1481. 400
- РНБ. Эрмитажное собр. № 22. 68; № 567. 144, 162, 168, 175, 177
- САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ ИНСТИТУТА РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ РАН. 9. Собр. грамот. № 2869. 28; К-115-РКП. Кн. 125. 265, 400, 411; Коллекция 238. Оп. 1 (5). № 52. 66;
- ХАРЬКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ. 9; Центральная научная библиотека. № 168. 117

УКАЗАТЕЛЬ ПАМЯТНИКОВ

Названия сочинений выделены *полужирным курсивом*.
Звездочкой* отмечены сочинения Кариона Истомина.

- Adagia (Пословицы)* Эразма Роттердамского 299
- Gloria et triumphum. Слава торжеств и знамен пресветлейшаго и августейшаго, державнейшаго и непобедимейшаго ... царя ... Петра* Илии Федоровича Копиевского. Амстердам, 1700. 207
- Sophia madros* Иоанникия Галятовского. Чернигов, 1686. 231
- Авторский сборник Симеона Полоцкого под ред. Сильвестра Медведева* 288
- Акос* полемический трактат Иоанникия и Софрония Лихудов 338, 355, 357, 358, 360, 404
- Александрия* историческая повесть об Александре Македонском 66, 67 71
- Архирейский чиновник* патриарха Иоакима. М., 1677. 347
- Атлас* Герарда Меркатора 48
- Беляевский летописец* 171, 175, 177, 181, 182
- Беседа о брани* трактат Симеона Полоцкого 76, 77, 437
- Благодарственные объявительные слова* о событиях Азовских походов и Великого посольства патриарха Адриана* 203-205
- Благодать и истинна* Лазаря Барановича. Чернигов, 1683. 229, 230, 253, 254
- Благожелательное приветствие* на рождение царевича Илии Федоровича царю Федору Алексеевичу Сильвестра Медведева 80, 211
- Благословенные грамоты* на Крымские походы 1687 и 1689 гг. патриарха Иоакима* 161, 162, 193, 194, 195, 442; в 1689 г. персональные грамоты В.В.Голицыну, А.С.Шенину, Б.П.Шереметеву, В.Д.Долгорукову, В.А. Змееву, И.С.Мазепе 192
- Боги поганские, в болванах мешкающие духове злыи* с посвящением царевне Софье Иоанникия Галятовского. Чернигов, 1686. 231, 247, 264, 268
- Боговидная любовь, в болванах мешкающие духове злыи* с посвящением царевне Софье Иоанникия Галятовского. Чернигов, 1686. 231, 247, 264, 268
- Боговидная любовь* книга Кариона Истомина со *стихами к св. Софии и похвальной рацеи* царевне Софье 13 марта 1687 г. 233, 312, 320
- Богомольная грамота о венчании царей Ивана и Петра* патриарха Иоакима* 103, 104
- Богомольная грамота о Вечном мире 1686 г.* патриарха Иоакима* 72
- Богомольные грамоты об Азовских походах* патриарха Адриана* 104
- Василологион* Николая Гавриловича Милеску Спафария 62, 64, 65

- Венец веры* Симеона Полоцкого 348
- Вертоград многоцветный* поэтический сборник Симеона Полоцкого. 285
- Веселеил* авторский сборник стихов и прозы Кариона Истомина 288
- Вечеря душевная* Симеона Полоцкого, изданная Сильвестром Медведевым. М., 1680. 109, 110, 215, 287
- Взятие Азова* гравюра Шхонбека 1699 г. 206
- Вириши о взятии Азова* 1696 г. 202
- Во время нахождения супостатов* последование молебного пения патриарха Иоакима. М., 1677. 75, 116, 439
- Возобличение на лютеранский катехизис* Игнатия Римского-Корсакова 56
- Воскресная стихотворная орация патриарху Иоакиму о строении школьном* Кариона Истомина 31 марта 1689 г. 195, 312, 322
- Воумление священникам* Евфимия Чудовского 349
- Вульгата* 223
- Выклад* Феодосия Сафоновича. Киев (четыре издания) 367
- Выписки* полемические из сочинений Сильвестра Медведева Никиты Гладкого 359, 360
- Газетные сообщения* о российских событиях от польских властей 164-167, 174, 442; от политиков других стран 190
- Газеты венские* с сообщениями от российских властей 165, 167, 168, 171; вести о русских делах 173
- Газеты нидерландские* с сообщениями от российских властей 165, 167, 171; вести о русских делах 173
- Генеалогия явленной от Сотворения мира фамилии ... Корсаков-Римских* Игнатия Римского-Корсакова 41, 46, 155, 156, 233, 305
- Гистория о царе Петре Алексеевиче* кн. Бориса Ивановича Куракина 242
- Гравюра-конклюдия* к книге *Дары духа Святаго* Иосифа Богдановского, гравер Леонтий Тарасевич. Москва, 1689 г. (не сохранилась) 238, 243, 266-270, [394]
- Гравюра-конклюдия* к книге *Благодать и истинна* Лазаря Барановича, гравер Иннокентий Щирский. Чернигов, 1683 г. 229, 230, 243, 253-256, 258-260 (Рис. 2)
- Гравюра-конклюдия* к панегирику в книге *О пяти ранах Иисуса Христа* Лазаря Барановича. Чернигов, 1680 г. 248-250 (Рис.1), 251-253
- Гравюра-конклюдия Распятие с предстоящими* к книге *О пяти ранах Иисуса Христа* Лазаря Барановича. Чернигов, 1680 г. 251
- Град царства небесного* поэма из триптиха для начальной школы Кариона Истомина 1692-1693 гг. 48, 212, 213
- Грамота венецианскому дожу* о начале кампании 1687 г. царская 174
- Грамота гетману Ивану Самойловичу* о необходимости поставления Киевского митрополита патриарха Иоакима 341
- Грамота о благочинном писании икон* от имени царя Алексея Михайловича и патриархов [Симеона Полоцкого] 288

- Грамота о создании в России славяно-греко-латинских училищ* патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского 1668 г. 228-290, 446, 448
- Грамота о создании славяно-латинской гимназии* патриарха Иоасафа Московского и всея Руси 1668 г. 228-291, 446, 448
- Грамоты патриарху Иоакиму* от всех воевод из II Крымского похода 1689 г., отдельно от И.С.Мазепы, В.В.Голицына 193
- Грамота царям благодарственная* венецианского дожа 1687 г. 174
- Грамоты в Москву* царям, патриархам и иным лицам Досифея патриарха Иерусалимского 191, 200, 208, 295, 296, 306, 322-329, 331, 343, 344, 407, 446, 448
- Грамоты известительные* о важнейших событиях Азовских походов и Великого посольства: письма царя Петра царю Ивану и патриарху Адриану, послания царю Петру, воеводам и гетману патриарха Адриана*, 203-206
- Грамоты к царям об освобождении от турецкого ига* от Дионисия патриарха Константинопольского, Арсения патриарха Сербского и Щербана господаря валашского 191
- Грамоты о победах* в I Крымском походе в Москву и в нидерландские газеты Василия Васильевича Голицына 165
- Грамоты об успехах и подвигах* российских войск во II Крымском походе 1689 г. польскому королю из ставки В.В.Голицына 178
- Да будет воля твоя* слово к священникам, идущим с войсками в I Крымский поход, патриарха Иоакима* 159, 392
- Дары Духа Святаго* панегирик царевне Софье Иосифа Богдановского. Чернигов, 1688. 176, 218, 220, 237, 238, 266-270, 276, 277
- Двор цесаря турецкого и жителство его в Константинограде* Симона Старовольского. Краков, 1646 и др. изд. (переводы) 119, 120
- Действия презельной и от начала поляков крвавшой небывалой брани* Григория Ивановича Грабянко 145, 164, 171, 175, 177
- Дело полемическое о религиозном индифферентизме* Андрея Христофоровича (Яна) Белобочко в автографах Сильвестра Медведева 344
- Диалог краткий* трактат Симеона Полоцкого 77
- Дневник (Tagebuch) Патрика (Петра Ивановича) Гордона* 116, 121, 122, 163, 170 434, 198, 380, 416
- Довод вкратце. Яко учение и язык еллиногреческий наипаче нужно-потребный, нежели латинский язык и учения, и чем пользует словенскому народу*, трактат Игнатия Римского-Корсакова 56, 302-305, 447, 448
- Домострой* 359
- Донесение королю* датского посланника Гильдебрандта фон Горна 226
- Дорожники-путеводители* популярные книги русских путешественников и читателей XVII в. 429, 430
- Жалоба мира* трактат Эразма Роттердамского 77, 81

- Жезл правления* материалы Вселенского собора 1666-1667 гт. в изложении Симеона Полоцкого. М., 1667. 283, 347
- Желательно приветство* царице Евдокии Федоровне Лопухиной к дню ангела 4 августа 1689 г. Кариона Истомина 195, 197, 378
- Житие Иоанна Воина*. М., 1696. 205
- Житие патриарха Иоакима* (Савелова) Игнатия Римского-Корсакова 108, 153, 194, 410, 423
- Житие Сергия Радонежского* 58
- Завещание патриарха Иоакима* (Савелова)* 108, 153, 194, 410, 423, 442
- Записки Ивана Афанасьевича Желябужского* 11, 144, 149, 162-164, 171, 175, 177, 178, 181, 184, 202, 203, 205
- Записки о Московии де ла Невилля* 188, 406
- Заявление правительства регентства* о военно-политических намерениях по итогам кампании 1687 г. 174
- Известие истинное православным и показание светлое о новом правлении в Московском царствеи книг древних*, полемическая монография Сильвестра Медведева 355, 360-365, 405
- Извещение от имени патриарха Иоакима о покаянном писании Сильвестра Медведева* пасквиль мудрорборческий 400-402, 408
- Изъяснение краткое меростихосложенное на венчание царскими венцы... Ивана Алексеевича и Петра Алексеевича* 25 июня 1682 г. Кариона Истомина 217, 225
- Икона, или изображение великие соборные Церкви Всероссийскаго и всех северных стран патриарша престола* Варлаама Ясинского 72-73, 341
- Имя новое* с панегирическим *введением* поднесенное патриарху Иоакиму Карионом Заулонским (Киевским) в 1686 г. 235
- Ирмологий* свод церковных музыкальных произведений Игнатия Римского-Корсакова 117
- Исповедание веры* Андрея Христофоровича (Яна) Белобоцкого 344, 345
- Истинное и верное сказание о I Крымском походе 1687 г.* Иоганна Вильгельма фан Келлера 145, 168-170, 172, 174, 261, 264, 443; русский перевод 169
- Историческое известие о Московской академии* Федора Поликарповича Орлова 294, 294, 295, 324, 326- 329, 332-334
- История еже о начале Руския земли и о создании Новаграда и откуду влечешся род славянских князей* 58-61
- История или сказание о царстве Русском* 62
- История о великом князе Московском* кн. А.М.Курбского 17, 117, 175
- История о венчании царя Федора Алексеевича* 22
- История о вере и челобитная о стрельцах* Саввы Романова 356
- Карта Азовского моря* гравированная Шхонбеком в 1701 г. 206
- Карты географические, климатические, политические и экономические* 430
- Катехизис* Симеона Полоцкого 348

- Кая вина первеншая бысть, чесо ради людие совокупишася в содружество* 66
- Ключ разумения* Иоанникия Галятовского. Киев, 1659 (и др. изд.) 215
- Книга вразумление* царю Петру Алексеевичу ко дню ангела 29 июня 1683 г. Кариона Истомина 312, 321
- Книга желательного приветство мудрости* Кариона Истомина в четырех редакциях 1682-1683 гг. 217, 218, 225-228, 253, 312, 321
- Книга записная* (ред. *Сибирского летописного свода*) 72, 144, 148
- Книга любви знак в честен брак* царя Петра с Евдокией Федоровной Лопухиной 30 января 1689 г. Кариона Истомина 195
- Книга о вере*. М., 1648. 42
- Книга о взятии Азова* из официальных писаний, Кариона Истомина 205
- Книга о манне хлеба животного* полемическая монография Сильвестра Медведева 1687 г. 351-357, 371, 391, 405
- Книга о хитростях ратных (Книга о случаях военных)* римского сенатора Секста Юлия Фронтинана в переводе Кариона Истомина с его же *офацией-Вручением* царю Петру и *Регулами общими ратными* 1693 г. 107, 107, 201, 444
- Книга православного исповедания* полемическая Афанасия Холмогорского 358
- Книга философская* Андрея Христофоровича (Яна) Белобочкокого 345
- Книга, глаголемая церковносоставник или церковный изъяснитель* полемическая Сильвестра Медведева 360
- Комментированное изложение «Великой науки» и «Риторики» Раймунда Люллия* Андрея Христофоровича (Яна) Белобочкокого 345
- Костромской летописец* (компиляция 1680-х гг.) 66
- Краткая беседа милости со истиню о Божии милосердии* Андрея Христофоровича (Яна) Белобочкокого 345
- Краткий Казанский летописец* 68, 162, 163
- Краткий Московский летописец* 162
- Краткое ведение о народе славенороссийском и московском* 66, 67
- Крымский летописец* 186
- Латухинская Степенная книга* Тихона Макарьевского 59, 163, 205
- Лексикон латинский* учебный Епифания Славинецкого 423
- Летописец 1619-1691 гг. см. Патриаршая летописная компиляция*
- Летописец 1686 г.* патриарший 61, 62, 72, 73, 143-148, 257, 264
- Летописец Андрея Яковлевича Дашкова* 144, 145, 162, 162, 175, 177
- Летописец библейный вкратце* 67
- Летописец выбором* 67, 69, 163, 171, 177
- Летописец Леонтия Боболинского см. Черниговская летопись*
- Летописец Михаила Федоровича Шайдакова* 144, 162, 164, 175
- Летописец начала царства* 15
- Летописец от Адама в кругах* 67

- Летописец от Сотворения света* 68
- Летописец применитого царствующаго града Москвы* 68
- Летописец с повременными записями до 1710 г.* 143, 163
- Летописный свод Игнатия Римского-Корсакова* 103-105, 143, 162, 163, 205
- Летопись о многих мятежах* 19
- Летопись Самовидца* Романа Ракушки-Романовского 72, 145, 148, 167, 168, 170, 175-177, 182
- Лист Александра Македонского* великим славянским князьям 60
- Литургия Василия Великого* 347
- Литургия Иоанна Златоуста* 347
- Мазуринский летописец* см. *Патриарший летописец*
- Масоретская библия* 216
- Метры* поэтические Симеона Полоцкого 77
- Меч духовный* Лазаря Барановича. Киев, 1666. 215
- Мечец духовный* полемический трактат Иоанникия и Софрония Лихудов 339, 342
- Молитва Бориса Годунова о заздравной чаше* 21, 32-33, 433
- Монарху российскому непобедимейшему* листы печатные на немецком, греческом и латинском языках в честь царя Петра Христиана Беира 206, 207
- На оглаголяющих священную Библию, переведенную богомудрыми мужи, Святаго духа наполненными 70 переводники* полемический трактат Евфимия Чудовского 348
- Никоновский свод* летописный 15, 58, 72
- Новгородская Забелинская летопись* 60, 61
- Новый летописец* 62
- О апостольском глаголемом символе* полемический трактат Евфимия Чудовского 348
- О вспоможении христианскому воинству и освобождении пленных из неволи агарянской* служба для армейских священников патриарха Иоакима. М., 1687. 162
- О зачале царствующаго великаго града Москвы, како исперва зачася* 59-62
- О приходе турецкого и татарского воинства под Астрахань* в 1569 г. Андрея Тарановского 118
- О пяти ранах Иисуса Христа* книга Лазаря Барановича. Чернигов, 1680. 248, 251
- О ростриге, бывшем монахе Сильвестре Медведеве, вводившем ересь латинскую в великороссийский народ* пасквиль мудроборческий 400, 413, 414, 421
- О творящих раздоры* пасквиль на просветителей мудроборческий 401
- Обед душевный* книга Симеона Полоцкого. М., 1683. 215
- Обличение на гаждателей святаго писания Библии, переведенные из еврейского на еллинский диалект* приписывается Евфимию Чудовскому 348

- Обличение на гаждатели Святаго писания* против братьев Лихудов и *Ответы на зашцищение книги Остен* трактаты Гавриила Домецкого 369, 400, 418, 419
- Обличение на книгу Выклад* Феодосия Сафоновича, полемический трактат в споре о свхаристии Иоанникия и Софрония Лихудов 367
- Обличение на новопотаенных волков* памфлет против мудроброрцев дьякона Афанасия Иоаннова 320, 357, 358, 360, 390
- Обличительная грамота на епископа Симеона* патриарха Иоакима* 345
- Объявительные и богомольная грамоты* об «избрании» царей Ивана и Петра Алексеевичей 28
- Огородок Марии Богородицы* Антония Радивиловского. Киев, 1676. 215
- Окружные послания против староверов* Игнатия Римского-Корсакова 56
- Опровержение латинского мнения о пресушествлении* полемический трактат Евфимия Чудовского 350
- Орация к российским властям* Иоанникия и Софрония Лихудов 9 марта 1685 г. (сохранилась лишь в цитатах и ссылках) 52, 158
- Орация о просвещении России* на Вселенском соборе 1666-1667 гг. Паисия Лигарида 282-287, 291
- Орел Российский* поэма Симеона Полоцкого 77, 79, 210, 211
- Остен* полемический сборник против Сильвестра Медведева и его сторонников Евфимия Чудовского 265, 294, 348, 359, 365, 371, 374, 381, 400, 408-410, 414, 419, 421, 423
- Панегирик царю Петру* по поводу взятия Азова Иоанникия и Софрония Лихудов 1696 г. 202, 203
- Панегирис или похвала. Украшение престола великоцарствующего града Москвы, или: самодержавная власть пресветлейшия великия государыни благородныя царевны и великия княжны Софии Алексеевны* Каприона Заулонского (Киевского) 1687 г. 176, 220, 234-236, 269
- Панегирическое введение* к лицевому списку книги *Звезда пресветлая* Осипа Титова 1686 г. 218, 232, 233
- Пасквили на «еврея» Иннокентия Монастырского* 372
- Пасквиль на Сильвестра Медведева* Евфимия Чудовского 365
- Патриаршая летописная компиляция с Летописцем 1619-1691 гг.* 62, 63, 163
- Патриарший летописец Исидора Сназина* (Мазуринский) 55, 57-61
- Патриарший летописный свод 1670-х гг.* 58, 72
- Патриарший летописный свод 1680-х гг.* 61, 62, 72
- Переводы немецких исторических сочинений* о современной России 145
- Переписка Москвы и командования во II Крымском походе 1689 г.* 178
- Переписка* с украинским православным духовенством и экс-патриархом Константинопольским Дионисием по поводу спора о пресушествлении патриарха Иоакима* 366-368
- Переписка с турецкими султанами* апокрифическая 62

- Перечень из чиновной книги о венчании на царство царя Алексея Михайловича* с изменениями, вносимыми в чин Ивана и Петра 23
- Песнь о взятии Азова* стихотворная 1696 г. 202
- Песнь о святом Феодоре Стратилате* Симеона Полоцкого 79
- Письма и сообщения для газет* Иоганна Вильгельма фан Келлера 165
- Письма об упованиях на русское оружие* в Венеции, Вене, Молдавии и Сербии Иоанникия Лихуда 191
- Письма* Лазаря Барановича 230, 255, 367
- Письма о московской богословской полемике* Сильвестру Медведеву и гетману И.С.Мазепе Иннокентия Монастырского 355
- Письма* шведского посланника в Москве Христофора Кохена 168, 261
- Письмо об украинских откликах на московскую богословскую полемику* Ф.Л.Шакловитому от гетмана И.С.Мазепы 355, 366
- Письмо* царю Петру из Стамбула посла Емельяна Игнатъевича Украинцева 208, 209
- Письмо* царю Петру с Карловицкого конгресса посла Прокофия Богдановича Возницына 1698 г. 207, 208
- Плач и утешение двадцатьма двумя вириами* на смерть царя Федора Алексеевича Сильвестра Медведева 1682 г. 211, 214
- Повесть временных лет* 42
- Повесть иеродиакона Чудовского монастыря Пимена* фантастическая о злодее Сильвестре Медведеве 401
- Повесть о Бове королевиче* 71
- Повесть о взятии Азова* Петром I в 1696 г. начала XVIII в. на основе *Книги о взятии Азова* 206, 209
- Повесть о Мосохе, родоначальнике Московитов* см. *О зачале ... Москвы*
- Повесть о Царьграде* из Скифской истории 101
- Повесть про царя Ивана Васильевича и купца Харитона Белоулина* 105
- Подробная летопись от начала России до Полтавской баталии* 101
- Поздравление желательное* царице Наталии Кирилловне к дню ангела при поднесении стихотворного жития св. Адриана и Наталии Карриона Истомина 378
- Показание истинны* трактат Иоанникия и Софрония Лихудов 339, 342
- Показание на подверг латинского мудрования, подвергаемый под святую Восточную православную церковь* полемический трактат Евфимия Чудовского 349, 350
- Покаянное исповедание Саввы Долгого*, вероятно подложное 403, 404, 407, 408, 410, 411
- Покаянное исповедание Сильвестра Медведева* подложное 400, 402-413
- Полемическое сочинение в защиту мнения Сильвестра Медведева* в споре о евхаристии Иннокентия Монастырского 371, 412
- Портрет б. кн. Василия Васильевича Голицына парадный*, гравёр Леонтий Тарасевич. [Чернигов, 1686-1687] 176, 256, 260-264 (Рис. 3)

- Портрет Федора Леонтьевича Шакловитого с гербом в виде св. великомученика Феодора Стратилата*, гравер Леонтий Тарасевич. Москва, 1689. 191, 243, 271, 273 (Рис. 5)
- Портрет царевны Софьи Алексеевны коронационный «с добродетелями»* на двуглавом орле, гравер Леонтий Тарасевич. Москва, 1689. 64, 191, 238, 239, 270-272 (Рис. 4), 276, 277, [391, 394]
- Портрет царевны Софьи Алексеевны парадный «с добродетелями»*, гравёр Блотелинг, текст Иосифа Богдановского. Амстердам, 1689. 175, 243, 238, 239, 273, 274 (Рис. 6), 276, 277, [394]
- Портреты царевны Софьи Алексеевны* на груди двуглавого орла живописные 64, 252
- Послание Афанасию Холмогорскому* о кончине патриарха Иоакима и событиях междупатриаршества Игнатия Римского-Корсакова 410, 411
- Послание стамбульскому муфтию* патриарха Иоакима 1678 г. 80, 434
- Послание старца Филофея* 55
- Послание* царю Петру господаря Валашского о подданстве 1698 г. 208
- Поучительное слово о ереси Медведева* для прочтения от имени патриарха Иоакима в Крестовой палате в январе 1690 г.* пасквиль мудроборческий 358-359, 400, 403, 408-410
- Похвала на Рождество Христова* патриарху Иоакиму Софрония Лихуда 25 декабря 1688 или 1689 г. 176
- Похвальная рацея* царевне Софье Алексеевне детей ахтырского полковника Ивана Перекреста осенью 1687 г. (не сохранилась) 266
- Похвальная рацея* царевне Софье Алексеевне Сильвестра Медведева 1682 г. 213-225, 229, 237
- Похвальная рацея* царям Ивану и Петру детей ахтырского полковника Ивана Перекреста осенью 1687 г. (не сохранилась) 266
- Похвальное слово* б. кн. В.В.Голицыну на возвращение из II Крымского похода в июне 1689 г. Софрония Лихуда 196, 264, 340, 378
- Похвальное слово царевне Софье* Иоанникия и Софрония Лихудов ко дню св. Софии 17 сентября 1687 г. 52, 176, 191, 231, 340
- Поэма на смерть царя Алексея Михайловича* Симеона Полоцкого 118
- Праведный ответ* полемический трактат Сильвестра Медведева (сохранился отрывок) 360
- Предисловие к материалам (не бывшего) собора против Медведева и Долгого* патриарха Адриана в рукописи Афанасия Холмогорского 418
- Приветство брачное* царю Федору Алексеевичу Сильвестра Медведева 80, 211
- Привилей Московской академии* Сильвестра Медведева, утвержден царем Федором в 1682 г. доработан и снабжен стихотворным *Вручением* царевне Софье в 1685 г. 306-318, 323, 333, 341, 447, 448
- Проповеди* патриарха Иоакима и Евфимия Чудовского против Сильвестра Медведева (в изложении Остена) 373, 374

- Псалтырь рифмованная* Симеона Полоцкого положенная на ноты и со *стихотворным посвящением* поднесенная царевне Софье придворным композитором Василием Титовым 233
- Рассуждение об общении с проклятыми* проповедь на текст 25 кн. Моисея к идущим в I Крымский поход патриарха Иоакима* 152, 442
- Родословие от Адама первого дни, и от коего колена его поидоша царие, судия и владельцы* 66
- Рождественская стихотворная орация* Кариона Истомина 1688 г. 47, 48
- Руно орошенное* св. Димитрия Ростовского (Туптало) 247
- Русская библия* 217 (ссылки на Библию и отд. ее книги везде в тексте)
- Сборник Курбского* 118, 157, 439
- Сведения о продажности командования во II Крымском походе* распространяемые после свержения Софьи новым правительством 178
- Свидетельство ко образу Софии-Премудрости Слова Божия о Российском благословенном царствии* Игнатия Римского-Корсакова к 15 августа 1689 г. 197, 198, 239-241
- Свод 1652 г.* летописный 58, 60
- Свод патриарха Иоакима с Летописцем 1686 г.* 146
- Септуагинта* 155, 216
- Сибирский летописный свод* (см. также *Книга записная*) 143, 144
- Синопис.* Киев, 1674, 1678, 1680 (два издания) 49, 60, 124, 252, 439
- Сказание о князьях владимирских* 15, 16, 29, 57, 62, 68
- Сказание о Славене и Русе* см. *История еже о начале Руския земли*
- Сказание о царе Казарине и его царице* 62
- Скифская история* Андрея Ивановича Лызлова 1692 г. 88-103, 118, 119, 123, 125, 131, 137, 138, 146, 147, 156, 164, 169, 178-180, 183, 187, 200, 201, 438, 439, 444
- Скрижаль* Арсения Грека. М., 1656. 282, 287, 347
- Следствие по делу епископа Смоленского Симеона* Игнатия Римского-Корсакова и Кариона Истомина 1685 г. 345
- Слова и грамота* на II Крымский поход патриарха Иоакима* 153
- Словари-лексиконы* учебные пособия и популярное в XVII в. чтение 430
- Словеса мудрых ... 105 ответов и обличительные послания против Гавриила Домецкого* иеродиакона Дамаскина 351, 400, 409, 419
- Слово благочестивому и христоролюбивому российскому воинству* Игнатия Римского-Корсакова 17 марта 1687 г. 44-54, 82, 83, 85, 151-159, 200, 233, 234, 264, 340, 392, 435, 438, 442
- Слово избранно от Божественных писаний и от повестей отеческих о Российском царствии* Игнатия Римского-Корсакова 1690 г. 199, 200
- Слово к люботцательным иконнаго писания* [Симеона Полоцкого] 288
- Слово к православному воинству о помощи пресвятой Богородицы* Игнатия Римского-Корсакова не ранее 21 февраля 1687 г. 46, 69, 70, 83, 84, 86-88, 109, 159, 160, 264, 392, 435, 438

- Слово к православному воинству*, включенное Сильвестром Медведевым в сборник проповедей Симеона Полоцкого *Вечеря душевная см. Слово к православному и христоименитому запорожскому воинству*
- Слово к православному и христоименитому запорожскому воинству, внегда принесенной быти всечестней иконе... Алексия митрополита Киевскаго и всеа России чудотворца в благочестивыя полки их, собранныя противу нечестивым турком и татаром* Игнатия Римского-Корсакова 1673 г. 110-114, 438
- Слово на восстание господа нашего Иисуса Христа*, воскресная *орация царям и Софье* Иоанникия и Софрония Лихудов 27 марта 1687 г. 52, 53, 161, 234, 340
- Слово на епископа Симеона* патриарха Иоакима 1685 г.* 345
- Слово на латин и лютеров* Игнатия Римского-Корсакова 56, 442
- Слово на отправку войск в I Крымский поход* «Егда же услышите брани и нестроения» патриарха Иоакима 21 февраля 1687 г.* 80-82, 152, 392
- Слово на Рождество Христово о пользе просвещения в России* патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского 1666 г. 285-287, 446, 448
- Слово на случай войны с турками* патриарха Адриана 204
- Слово о взятии Азова* патриарха Адриана 204
- Слово о законе и благодати* митрополита Илариона 34, 432
- Слово похвальное на двадцать и един праздник* Симеона Полоцкого 288
- Служебник Антония Римлянина* 347
- Служебник Варлаама Хутынского* 347
- Служебник митрополита Киприана* 347
- Служебник*. М., 1651, 1652, 1655, 1667. 347, 360
- Соборное определение о разрешении от отлучения ... Сильвестра Медведева* подложное не состоявшегося собора 400, 411-413
- Созерцание краткое лет 7190, 91 и 92, в них же что содеяся во гражданстве* историко-публицистическая монография Сильвестра Медведева 1687 г. 151, 218, 221, 226, 236, 237, 266, 314, 362, 369
- Спасо-Прилуцкий монастырский летописец* 162, 163
- Степенная книга* 57, 59-62, 155
- Степенная Новгородская* (цитаты из нее В.Н.Татищева) 58
- Стихи краесогласны в похвалу преподобных мученицы Евдокии* к царю Федору Алексеевичу Сильвестра Медведева 80
- Стихи на изьявление Крымского похода вкратце* в книге-похвале Богородице *Радуйся Благодатная Господь с тобою* к 25 июля 1689 г. Кариона Истомина 195, 264, 378
- Стихи над гробом патриарха Иоакима* Игнатия Римского-Корсакова 410
- Стихи* отдельные Симеона Полоцкого 78, 79
- Стихотворное введение* в книге-похвале Богородице *Радуйся Благодатная Господь с тобою* к 31 июля 1689 г. Кариона Истомина 195, 378

- Стихотворное посвящение* боярыне Евдокии Ивановне Голицыной в книге-похвале Богородице *Радуйся Благодатная Господь с тобою* к 31 июля 1689 г. Кариона Истомина 195, 378
- Стихотворное приветство б. кн. В.В.Голицыну* на возвращение из II Крымского похода в июне 1689 г. Кариона Истомина 195, 196, 264, 378
- Стихотворное приветство кн. Б.А.Голицыну* к дню ангела царя Петра 29 июня 1689 г. Кариона Истомина 195, 378
- Стихотворное приветство царице Наталии Кирилловне Нарышкиной* к дню ангела царя Петра 29 июня 1689 г. Кариона Истомина 195, 378
- Стихотворное приветство царю Петру Алексеевичу* к дню ангела 29 июня 1689 г. Кариона Истомина 195, 378
- Стихотворные и прозаические эпиграфы патриарху Иоакиму** 410
- Стихотворные орации* думного дьяка Андрея Андреевича Виниуса по случаю взятия Азова 1696 г. 202
- Стихотворные подписи к миниатюрам на подножном листе*, поданном патриарху Иоакиму посланниками гетмана И.С.Мазепы 14 июня 1689 г.* 195, 378
- Тетрадки — памфлет* против *Акоса* Лихудов народный 358, 449
- Типикон, или Устав церковный*. М., 1682. 347
- Титулярник или корень великих государей российских* 17, 22, 64, 277
- Три венца молитвенных двенадцизвездных, приличных трем святым заступникам их царского величества тезоименитым* Варлаама Ясинского с *образами* Иоанна Предтечи, апостола Петра и заступницы Софьи гравера Александра Тарасевича. Киев, 1688. 236, 253, 267, 269, 270
- Трубы словес проповедных* Лазаря Барановича. Киев. 1674. 215
- Увет духовный* от имени патриарха Иоакима. М., 1682. 283, 284
- Указ о запрете распространения народных религиозных памфлетов* в Москве 1681/1682 г. 356
- Указы о II Крымском походе 1689 г.* подлинные 178
- Универсалы гетмана Ивана Степановича* Мазепы с объявлениями о политических событиях для россиян и иностранцев 167, 168, 443
- Утешительные стихи* царю Федору Алексеевичу на смерть супруги Агафьи Симеоновны и сына Илии Сильвестра Медведева 211
- Учение историческое*, предисловие к российской истории, заказанной царем Федором Алексеевичем 65
- Учитися ли нам полезнее грамматики, риторики, философии, и феологии, и стихотворному художеству, и оттуду познавати божественная писания, или, не учася сим хитростем, в простоте Богу угождати и от чтения разум писаний познавати*, трактат Евфимия Чудовского 297-301, 306, 446, 447
- Хлеб животный* или *Манна*, полемический трактат Сильвестра Медведева 349

- Хрисмологион* Николая Гавриловича Милеску Спафария 64
- Хроника всего света* Мартина Бельского 60
- Хроника* Яна Длугоша 107
- Хроника польская, литовская, жмудская* etc. Мартина (Мацея) Стрыйковского 107, 118
- Хроника Сарматии Европейской* Александра Гваньини 117
- Хронограф 1679 г.* 58
- Хронограф* Арсения Суханова 58
- Хронограф конца XVII в.* 59
- Хронограф Русский* 3-го разряда III-й редакции 58, 61
- Хронографец 1682 г.* 65
- Хронографец* Боголепа Адамова 62-64
- Цветник.* М., 1652. 58
- Челобитная «соцарствующей царевне» Софье* Гедеона митрополита Киевского 176
- Челобитная об основании училища* прихожан московской церкви Иоанна Богослова к восточным и Московскому патриархам 1668 г. 228
- Черниговская летопись: Летописец Леонтия Боболинского* 72, 144, 148, 163, 168, 171, 176, 177, 182
- Чешская хроника* (цит. из нее) 60
- Чин и устав о венчании и поставлении царском* византийский 17
- Чин наречения и поставления в патриархи* Филарета Никитича Романова (с молитвой о власти над Вселенной, вошедшей в царские чины) 21, 32-34, 433
- Чины венчания русских царей* 13-42, 44, 46, 48, 57, 63, 70, 84, 159, 429-431, 433
- Щит веры* полемический сборник Афанасия Холмогорского в редакциях 1690 и 1693 гг. 265, 348, 400, 401, 409-411
- Эпитафия Епифанию Славинецкому* Симеона Полоцкого 425, 427
- Эпитафия Симеону Полоцкому* Сильвестра Медведева 288, 427
- Этика* Аристотеля 232

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Полужирным выделены главные действующие лица, *полужирным курсивом* современные событиям мемуаристы и историки, *курсивом* исследователи. Сокращения: библ. — библейский персонаж; б. — боярин; в. — великий; имп. — император; кн. — князь; св. — святой; см. — смотри.

Crummeу R.O. 133

Florovskij A.V. 406 см. также *Флоровский А.В.*

Georgius David S.J. см. **Иржи Давид**

Gordon Patrick, см. **Гордон Петр**

Hellie, Richard. 141

Hughes L.A.J. 229

Kononov S. 116

Wóycik Z. 116

Аарон первосвященник библ. 232

Август II Сильный курфюрст саксонский, король польский 207, 209

Август Октавиан кесарь римский 30, 31, 33, 34, 44, 58, 60, 62-64, 68, 68, 107, 429, 433

Авраам праотец библ. 68

Авраамий митрополит Рязанский 409

Агаркова Р.К. 321

Агафия Симеоновна (Грушевская) царица, супруга Федора Алексеевича 249-250, 252, 269

Агриппа Корнелий философ-мистик 345

Адам первый человек 41, 430

Адарюков В.Я. 243

Адриан (Андрей) патриарх Московский и всея Руси 6, 8, 12, 63, 104, 202-206, 321, 323-328, 330, 333, 343, 367, 370, 409, 411, 418, 419, 434, 447

Азбелев С.Н. 10

Айгустов Федор стольник и подполковник стрелецкий 399

Акинфий ризничий патриарший 276

Александр Македонский 45, 59, 60, 68, 107, 176, 179, 214, 215, 432

Александр Ярославич Невский св. кн. 157

Александров В.А. 139

Александров-Дольник К.О. 197, 278, 373

Алексеева М.А. 243, 246, 269, 270
Алексей Алексеевич Романов царевич 27
Алексей Михайлович Романов царь 17, 20, 21, 23, 24, 26, 27, 33-36, 50,
109-111, 114, 118, 127, 133, 138, 141, 156, 202, 210, 217, 270, 282, 284,
289, 293, 298, 307, 342, 345, 369, 415, 417, 428, 430, 431, 437
Алексей Петрович Романов царевич 400, 410
Алексий св. митрополит Киевский и всяя Руси 110, 112, 113, 157
Алкивиад стратег афинский 284
Алпатов М.А. 10, 77, 79
Альбовский Е. 245
Альбрехт полковник русской армии 140
Альгирдас (Ольгерд Гедиминович) в. кн. литовский 99
Альшиц Д.Н. 105
Амалик библ. 157
Амвлих математик сирийский 303
Андреа Дориа адмирал генуэзский 99
Андрей Боголюбский в. кн. 69
Андрей Первозванный апостол 55, 156, 209
Андрианов Василий капитан смоленских стрельцов 387
Анна Багрянородная византийская царевна, супруга Владимира Свя-
того 17, 34
Анна Михайловна Романова царевна 240
Антоний Поссевин секретарь ордена иезуитов папский представитель
в России и Польше литератор 302
Антоний Римлянин преподобный новгородский 347
Апанович О.М. 116
Апраксин Федор Матвеевич граф адмирал 209
Аристов Н.Я. 10, 197, 375
Аристотель философ греческий 232, 304
Арсений (Антон) Суханов архидьякон чудовский, путешественник, исто-
рик, археограф и полемист 49, 58, 75, 158, 296, 353, 355, 431
Арсений Глухой монах Троице-Сергиева монастыря справщик 284
Арсений Грек учитель Патриаршей школы 284, 347
Арсений монах Заиконоспасского монастыря келейник Сильвестра
Медведева 381, 382-384, 395
Арсений патриарх Сербский 191
Архиста диалектик греческий 303
Афанасий архиепископ Холмогорский и Важеский 9, 152, 197, 297, 320,
358, 370, 409-411, 418, 426
Афанасий Иоаннов иеродиакон дворцовой церкви Преображения 357,
358, 360, 375, 390, 408
Афет сын Ноя библ., Афетиды 59, 60, 63
Аюка тайша калмыцкий 128, 129

Бабишин С.Д. 282
Бабушкина Г.К. 146, 163, 167, 173, 174, 181, 257, 261
Багалец Д.И. 116
Багрянородные династия имп. византийских 42
Бакланова Н.А. 357
Бантыш-Каменский Д.Н. 110, 167
Бантыш-Каменский Н.Н. 114
Бароний Цезарь кардинал историк итальянский 305
Барсов Е.В. 15-17, 21-23
Барсуков А.П. 108
Барсуков Н.П. 108, 153, 194, 410, 423
Башев Гавриил Федорович стольник и подполковник стрелецкий 399
Башмаков Иван Пименович стольник и подполковник стрелецкий 399
Беир Христиан поэт и учитель из Митавы 206
Бела IV Арпада король венгерский 99
Белобоцкий Андрей Христофорович (Ян) шляхтич польский, церковный индифферентист, учитель 281, 282, 297, 310, 314, 344, 345, 349
Белов Е.А. 10, 197, 375
Белов М.И. 127, 165
Белокуров С.А. 49, 296, 360, 361, 424
Белоулин Харитон купец литературный персонаж 105
Бельский Мартин хронист, поэт и переводчик польский 60
Бердебек (Мухаммад Бердибек) хан Золотой Орды 113
Берх В.Н. 291
Бестужев Яков капитан стрелецкий 387
Блотелинг гравер амстердамский 273, 274 (Рис. 6), 276
Бова королевич литературный персонаж 71
Богданов Григорий Карпович думный дьяк Посольского приказа 20
Богданов Яков капитан стрелецкий 387
Богдановский Иосиф домашний учитель детей архтырского полковника Ивана Перекреста 175, 176, 218, 220, 237, 266-271, 276, 277
Боголеп Адамов иеромонах, казначей Чудовского монастыря, епископ Великоустюжский и Тотемский 11, 54, 62-65, 151, 165, 311
Богоматерь (Богородица, Матерь Божия) 26, 39-41, 46, 54, 69, 71, 83, 111, 113, 117, 157, 159, 160, 176, 203, 215, 225, 229, 230, 232, 240, 251, 252, 254, 340, 407, 432-435
Богословский М.М. 10, 198, 207, 244, 245, 257, 270, 261, 265, 266, 271, 278
Богоявленский С.К. 219
Бордадатов Иван капитан стрелецкий 399
Борис (Роман) Владимирович св. кн. ростовский 157
Борис Федорович Годунов царь 18-21, 23, 26, 27, 31-33, 92, 93
Бородин Никифор капитан стрелецкий 399
Борятинский Федор Юрьевич кн. стольник воевода 196

Брайловский С.Н. 10, 176, 227, 235, 253, 265, 269, 280, 321, 348, 361, 419, 424
Браудо А.И. 406
Бруно Джордано философ-пантеист итальянский 345
Брюховецкий Иван Мартынович гетман украинский 110
Бубиов Н.Ю. 38
Буганов В.И. 10, 41, 68, 142, 213, 245, 281, 342, 356
Бурмистров Андрей брат Лаврентия Бурмистрова 381
Бурмистров Лаврентий царский певчий дяк известный певец и композитор 381, 382
Буслаев Ф.И. 58
Бутурлин Иван Васильевич б. посол и воевода 149
Бутурлин М.Д. 114
Былинин В.К. 10, 77, 288, 425
Бычков А.Ф. 251

Варлаам Хутынский преподобный новгородский 347
Варлаам Ясинский архимандрит киево-печерский и ректор Киево-Могилянской коллегии, митрополит Киевский 72, 236, 247, 253, 262, 264, 267, 269, 366, 367, 373, 375
Варфоломей игумен Бизюкова монастыря доносчик 386, 387
Василий III Иванович в. кн. моск. 15, 63
Василий Великий св. архиепископ Кесарийский отец Церкви 156, 347, 427
Василий Дмитриевич в. кн. московский 57, 157
Василий Иванович Шуйский царь 19, 25, 27, 31, 428
Василий Македонянин имп. византийский 16
Васька-иконник богоотступник 414
Введенский Н.А. 420
Венедикт архимандрит учитель из Константинополя в Москве 283
Вера св. 228, 232, 233, 253
Верюжский В.М. 411
Веселовский Н.И. 129
Веселовский С.Б. 132, 136, 219
Викентий архимандрит троице-сергиевский 408
Викторов А.Е. 251, 297
Виниус Андрей Андреевич дяк, с 1692 г. думный дяк, в Аптекарском, Посольском, Сибирском приказах 68, 202, 262, 272, 275
Висковатов К.А. 168, 261
Витаутас (Александр Кейстутович, Виганд) в. кн. литовский 99
Витевицкая О. 110
Витзен Николай бургомистр Амстердама 276
Вишневецкий Дмитрий Иванович кн. воевода XVI в. 105, 175
Владимир I Святославич Святой в. кн. 17, 23, 30, 31, 34, 42, 51, 57, 63, 66, 158, 429, 432, 433

- Владимир II Всеволодович Мономах в. кн. 17, 30, 31, 34, 51, 57, 63, 156, 429, 433
- Владимир Глебович кн. рязанский 156
- Владислав II Ягелло в. кн. литовский, король польский 99
- Власовы Михаил и Иван Остафьевичи дворяне московские 302
- Водарский Я.Е.* 10, 121, 140
- Возгин В.Е.* 126
- Возницын Прокофий Богданович** дьяк посол, думный советник посол 207, 208, 338
- Волков М.Я.* 151
- Волконские князья 87
- Волконский Федор Федорович** б. кн. воевода и летописец 11
- Вольнский А.П., собиратель книг 101
- Воронова Л.Б.* 56
- Воронцов И.М. б. посол 30
- Востоков А.Х.* 54, 187, 189, 396
- Всеволод Юрьевич Большое Гнездо в. кн. владимирский 156
- Второв Н.Н.* 197, 278, 373
- Гавриил архиепископ Вологодский 409
- Гавриил Домецкий архимандрит московского Симонова, новгородского Юрьева монастыря писатель полемист 369, 382, 400, 418, 419, 426
- Гавриил патриарх Константинопольский 332
- Галактионов И.В.* 131
- Гален Клавдий врач римский 304
- Галкин А.* 310
- Гваньини Александр историк польский родом итальянец 117, 118
- Гедеон (Святополк кн.) Четвертинский** митрополит Киевский, 72, 75, 148, 176, 230, 257, 262, 264, 367, 375
- Геллий Авл писатель римский 303
- Геннади Г.* 102
- Георгий Скандербег вождь албанский 99
- Геракл сын Зевса персонаж античной мифологии 430
- Гермоген патриарх Московский и всея Руси 25
- Гиббнет Н.* 286
- Гладкий Никита** пятидесятник стрелецкого Стремянного полка участник спора о свхаристии 359, 360, 381, 396
- Глеб (Роман) Владимирович кн. 157
- Глосковский пан** резидент польский при российской армии 166, 174
- Голенченко Г.Я.* 267, 294
- Голиаф богатырь библ. 158
- Голицын Борис Алексеевич** кн. комнатный стольник Петра, б. с 1690 г., организатор свержения правительства регентства 195, 196, 198, 376, 378, 379, 203, 204

- Голицын Василий Васильевич** кн. конюший б. канцлер и дворовый
воевода 6, 50, 52, 73, 88, 91, 115, 117, 118, 120, 121, 123, 125, 130, 133,
134, 138, 142, 143, 146, 149, 151, 153-170, 172, 174-193, 195, 196, 198,
201, 203, 204, 207, 214, 219, 225, 237, 239, 242, 243, 245, 251, 256,
261, 262-264, 268, 269, 277, 278, 339, 340, 343, 344, 368, 369, 371,
373, 376, 378, 389, 392, 393, 396, 406, 415-417, 424, 441-444
- Голицына Евдокия Ивановна (урожденная Стрешнева) б. кн. 195, 379
- Головин Алексей Петрович окольный воевода 143
- Головин Николай Семенович ученик и учитель Заиконоспасских школ
327-329
- Головин Петр Алексеевич стольник воевода 276
- Головин Федор Алексеевич окольный великий и полномочный посол,
б. генерал-адмирал 143, 206, 209
- Головины дворяне 276
- Голосов Лукьян Тимофеевич подьячий, дьяк, думный дьяк, думный
дворянин 283
- Голубев И.Ф.* 109
- Гольшев И.В.* 267
- Гордон Петр (Патрик) Иванович** полковник, генерал 116, 121, 122, 163,
434, 198, 380, 416
- Горзон Вилим купец голландский 277
- Горн Гильдебранд фон** датский посланник в Москве 11, 226
- Горский А.В.* 10, 204, 280, 283-286, 288, 291, 295, 297, 302, 306, 310, 326, 418
- Горфункель А.Х.* 281, 297, 310, 345
- Гостомысл правитель Руси 42, 55, 59, 64
- Грабянко Григорий Иванович** полковник гадячский участник крымских
и азовских походов, летописец 145, 164, 171, 175, 177
- Гребенюк В.Г.* 203
- Греков Б.Д.* 136
- Греков И.Б.* 73, 147, 149, 257
- Григорий Богослов великий отец и учитель Церкви 304
- Григорий Отрепьев монах-расстрига 381 *см. также* Дмитрий Иванович
Гульская Дарья Агафонниковна сестра Сильвестра Медведева 382
- Гульский Михаил служилый иноземец свойственник Сильвестра Мед-
ведева 381, 382, 385
- Гурьянова Н.С.* 38
- Давид царь библ. 68, 106, 111-113, 158, 194, 222, 232, 318
- Давыд Святославич сын кн. черниговского 156
- Даль В.И.* 3
- Дамаскин** иеродиакон чудовский полемист 351, 400, 409, 419, 426
- Даниил Галицкий в. кн., король 57
- Данилов Михаил капитан стрелецкий 383, 384
- Дашков Андрей Яковлевич** думный дворянин летописец 144, 145, 162

Девора пророчица и судия библ. 218, 227, 232, 234
Демидова Н.Ф. 10, 143, 190, 266, 279
Демин А.С. 70, 220
Демков М.И. 280
Демосфен политик и оратор греческий 304
Джованни Джустиниани воевода генуэзский 99
Дивов Филипп Иванович стольник 118
Димитрий (Гуптало) митрополит Ростовский св. ученый богослов и историк Церкви 247, 360, 367, 372, 375
Дионисий Александрийский (Великий) богослов 304
Дионисий патриарх, экс-патриарх Константинопольский 191, 338, 368
Длугош Ян архиепископ Львовский историк польский 107
Дмитриев Василий Михайлович стольник воевода 196
Дмитрий Иванович (Аждмитрий I) царь 19, 20, 23, 25, 31, 33, 35, 428
Дмитрий Иванович Донской в. кн. московский 156, 157
Дмитрий-внук (Дмитрий Иванович) сын Ивана Молодого, в. кн. 15-17, 24, 25, 29, 34, 41
Долгоруков Владимир Дмитриевич б. кн. воевода 162, 192, 196
Долгоруков Яков Федорович стольник кн. великий и полномочный посол, воевода, генерал, первый сенатор 184
Домнин Любим Алферьевич думный дьяк 382, 383
Дорошенко Петр Дорофеевич гетман украинский 110, 115
Досифей патриарх Иерусалимский 191, 200, 208, 295, 296, 306, 322-329, 331, 343, 344, 407, 446, 448
Дробленкова Н.Ф. 202
Дурново Н.Н. 80
Дьяконов М.А. 136
Евгений Болховитинов митрополит Киевский 102, 280
Евдокия Алексеевна Романова царевна 241
Евдокия Федоровна Лопухина царица, супруга царя Петра 195-197
Евклид геометр греческий 304
Евфимий митрополит Сарский и Подонский 409
Евфимий Чудовский 9, 297-301, 345, 346, 348, 349-351, 361, 365, 369, 371, 373, 418, 446-449
Екатерина Алексеевна Романова царевна 241
Елизавета I Тюдор королева Англии 227, 276
Елизарьев Ларион пятисотный Стремянного полка доносчик 377
Ельчанинов Василий стольник и полковник стрелецкий 399
Емея персонаж сказочный 70
Епифаний Славинецкий преподаватель латыни в Киево-Могилянской коллегии, монах Чудовского монастыря справщик и переводчик 286, 291, 300, 422-425, 427, 447
Ермак Тимофеевич покоритель Сибири 71

Есинов Г. 377

Есинов Григорий капитан стрелецкий 387, 399

Ефрем бывший игумен Воздвиженского монастыря 402

Жаворонков Владимир капитан стрелецкий 399

Желябужский Иван Афанасьевич думный дворянин, окольник (с 1684)
дипломат и администратор, автор Записок 11, 144, 149, 162-164,
171, 175, 177, 178, 181, 182, 184, 202, 203, 205

Забелин И.Е. 10, 27, 122, 203, 244, 246, 269, 270, 280, 281, 284, 285, 292,
295, 296, 309, 319, 328, 393, 425

Загоровский В.П. 110, 112, 121, 132, 140

Замысловский Е.Е. 65, 74, 120, 127,

Зардан легендарный правнук Афета 59

Захария пророк библ. 218

Звонарева Л.У. 10, 77, 425

Зернова А.С. 293

Змеев Венедикт Андреевич думный генерал, ближний окольник и
воевода 162, 192, 196, 198

Зотов Никита Моисеевич дьяк и посланник, думный дьяк, воспитатель
Петра I и «князь-папа» его «всепьянейшего собора» 129

Зубовский П. 358

Иаков праотец библ. 216, 228

Ибрагим-паша полководец турецкий 116, 124

Ивакин И. 120

Иван III Васильевич Рюрикович в. кн. московский 14, 15, 26, 35, 36

Иван IV Васильевич Грозный Рюрикович царь 15-18, 21, 25, 26, 29-31,
43, 44, 66, 86, 87, 93, 94, 105, 118, 156, 212, 420, 431

Иван V Алексеевич Романов царь 6, 14, 20, 23, 26-28, 34, 38, 40, 52, 103,
159, 187, 195, 198-200, 203, 204, 214, 217, 224, 225, 229, 230, 232, 234-
238, 240, 241, 251, 253, 254, 260, 266-268, 306, 347, 377, 379, 389, 431,
433, 440

Иван Иванович Молодой Рюрикович кн. 15

Иван Петрович Савелов, см. Иоаким

Ивашка юродивый из Ниловой пустыни 391, 392, 394, 398

Игнатий (Илья Александрович) Римский-Корсаков 6, 9, 11, 12, 41, 44-
48, 50-53, 56-57, 69, 70, 72, 76, 82-89, 91, 100, 103-106, 108-114, 116,
117, 131, 132, 142, 144, 147, 151-160, 162, 163, 175, 187, 197, 199, 200,
205, 233, 234, 239-241, 255, 264, 299, 304, 305, 340, 343, 345, 370, 402,
406, 407, 409-411, 419, 432, 433, 435, 438, 439, 442, 444, 447

Игнатий Смольнянин, автор «Хождения» 16

Иезекия пророк библ. 113, 158

Иеремия пророк библ. 187

Иероним блаженный учитель западной Церкви 223, 303
Иисус Навин пророк библ. 106, 157, 230
Иисус Сирах пророк библ. 106, 216, 236
Иисус Христос библ. 45, 46, 77, 81, 161, 197, 206, 215, 216, 228, 229, 234, 251, 254, 329, 346-348, 350, 359, 363, 364, 401, 405, 426, 435, 449
Иларион митрополит Киевский с 1051 г. 34, 432
Иннокентий XI папа Римский 131
Иннокентий Гизель архимандрит киево-печерский и ректор Киево-Могилянской коллегии издатель Синописа 302
Иннокентий Монастырский игумен кирилловский православный богослов и писатель украинский 355, 371-373, 375, 408, 412, 427
Иоаким (Иван Петрович Савелов) патриарх Московский и вся Русь 6-8, 11, 12, 22, 28, 36-38, 54-56, 58, 63, 68, 72, 74-76, 80-83, 86, 103, 108, 114, 116, 118, 122, 123, 131, 133, 135, 146, 148, 152, 153, 159-162, 164, 176, 179, 192-195, 197-199, 108, 114, 116, 118, 122, 123, 131, 133, 135, 146, 148, 152, 153, 159-162, 164, 176, 179, 192-195, 197-199, 213, 218, 228, 230, 232, 234, 235, 238, 239, 246, 252, 254, 257, 264, 265, 283, 284, 294-296, 304, 306, 307, 319, 321-325, 330, 332, 333, 336, 337, 339-345, 347, 349, 355, 358, 361, 362, 366-373, 375, 377, 379, 380, 382, 383, 387, 388, 392-394, 396, 398, 400-404, 406-411, 415, 418, 419, 421-423, 431, 433, 437, 439, 442, 443, 446, 447
Иоанн Богослов св. апостол и евангелист 288, 289, 291
Иоанн Воин св. 205
Иоанн Златоуст св. богослов 117, 222, 347
Иоанн Комнин врач и ритор греческий 328
Иоанн Предтеча библ. 195, 229, 232, 234, 236, 240, 253, 267
Иоанн протопресвитер Успенского собора 410
Иоанн Цимисхий имп. византийский 54
Иоанникий Галятовский южнорусский духовный писатель 215, 230, 231, 247, 255, 244, 268, 277, 302
Иоанникий Лихуд см. **Лихуды**
Иоасаф митрополит Евгрипский 16, 17
Иоасаф патриарх Константинопольский XVI в. 16, 17
Иоасаф патриарх Московский и вся Русь 33, 288-291, 307, 347
Иов иеромонах Чудовского монастыря, ученик и учитель Заиконоспасских школ 329, 393
Иов митрополит Новгородский 419
Иов многострадальный библ. 58, 305
Иов монах ученик школы Лихудов 393
Иов патриарх Московский и вся Русь 18, 20, 25, 27, 31
Ион Водэ (Ивоня) господарь молдавский 99
Иона св. архиепископ Новгородский 147
Иона св. митрополит Московский и вся Русь 157

Иосиф (Флавий?) ученый иудейский 303
Иосиф архиепископ Коломенский и Каширский 370
Иосиф казначей благовещенский нижегородский 408
Иосиф патриарх Московский и всея Руси 27
Ипократ (Гиппократ) врач греческий 304
Иржи Давид иезуит и путешественник чешский в Москве 406
Ирина-Александра Федоровна Годунова царица 27, 31
Исайя архимандрит павловский афонский 191
Исайя пророк библ. 194, 216, 219, 223, 228
Исаченко-Лисовая Т.А. 300, 348
Исидор митрополит всея Руси отступник 341
Исидор митрополит Новгородский 18
Исидор Сназин монах, патриарший летописец 12, 42, 54, 55, 57-59, 61, 72
Иссерлин Е. 119
Истомин Иван подьячий Стрелецкого приказа, племянник Кариона Истомина и Сильвестра Медведева 385, 415
Иуда Искариот апостол библ. 329
Иуда Маккавей библ. 86

Казанский Н. 276
Каманин И. 110
Каменева Т.Н. 244, 247, 251, 253, 269
Кантерев Н.Ф. 54, 56, 73, 191, 257, 280, 281, 286, 287, 291, 292, 295-298, 302, 306, 309, 310, 319, 325, 326, 328-330, 332, 338, 339, 342, 368, 424
Капустин М. 128
Кар Тит Лукреций писатель римский 303
Карамзин Н.М. 102
Кара-Мустафа великий визирь турецкий 121-123, 129, 131, 135
Карандеев Александр Федорович стольник полковник посланник 120
Каратаев И. 251, 253, 269
Карион Заулонский (Киевский) 176, 220, 234-236, 269
Карион Истомин 9, 11, 47, 48, 68, 76, 81, 104, 106, 107, 110, 152, 159, 162, 195, 196, 198, 201, 203-205, 212, 213, 217, 218, 225-229, 233, 239, 253, 264, 277, 288, 307, 312, 314, 316, 320-323, 343, 345, 357, 358, 370, 378, 385, 410, 419, 439, 444, 447
Карл (Кароль) Великий имп. франков 64
Карл I Стюарт король Англии 210
Келлер Иоганн Вильгельм фан, нидерландский резидент в Москве 11, 145, 165, 169, 261, 264
Киприан митрополит всея Руси 347
Киприан митрополит Московский и всея руси 347
Кирилл Новозерский св. 200
Киселев Н.П. 246, 294
Кленк Кунраад фан чрезвычайный посол Нидерландов в Москве 24, 127

Клепиков С.А. 245
Климонтов Иван Филиппович стольник и подполковник 399
Клосс Б.М. 58, 72
Ключевский В.О. 10, 151, 280
Козловский И.П. 10, 244, 280, 309, 424, 425
Козырева А.В. 282
Койэт Балтазар участник нидерландского посольства в Москву 24
Коллинс Самюэль придворный врач царя Алексея Михайловича 245
Коменский Ян Амос просветитель чешский 212, 213
Кондаков Н.П. 232
Кондрашина В.А. 279
Константин Великий имп. римский св. равноапостольный 54, 64, 158, 432
Константин Мономах имп. византийский 34, 38, 57
Копиевский Илья Федорович кандидат-пастор амстердамский 207
Копфеева Т.Н. 127
Косагов Григорий Иванович полковник, генерал 50, 110, 115, 140, 168,
171-173, 196, 198, 443
Косой Михаил пятидесятник стрелецкий 384
Костомаров Н.И. 10, 58, 110, 115, 280, 291
Кохен Христофор шведский посланник в Москве 168, 261
Кошелева О.Е. 279, 357
Коялович М.О. 406
Красс Марк Лициний римский проконсул Сирии 180
Кривков Любим Матвеевич стольник и полковник Семеновский 384
Крип'якевич Р.Л. 245
Ксенофонт (Ксенопон) историк древнегреческий 60
Ксеркс царь персидский 179
Кунаков Григорий дьяк 119
Куприянов (упоминание) 284
Куракин Борис Иванович кн. дипломат мемуарист 242
Куракин Ф.А. 242
Курбский Андрей Михайлович б. кн. историк-публицист XVI в. 17, 24,
41, 105, 117, 118, 147, 157, 175, 431
Куро Т.И. 282
Курукина И.Л. 348
Курушунау А.Ф. 77

Лаврентий врач государев 417
Лаврентьев А.В. 8, 58
Лаврентьев Демьян стрелец Сухарева полка 391
Лауров А.С. 226, 278, 377
Лавровский Н.А. 280
Ладогин Яков десятник Стремянного полка наемный доносчик 377

- Лазарь Баранович** архиепископ Черниговский и Новгород-Северский
местоблюститель Киевского митрополичьего престола 75, 229, 230,
247, 248, 250, 251, 255, 258, 264, 367, 375
- Лазарь Хребелянович деспот сербский 99
- Латто-Данилевский А.С.* 136
- Лебедев А.* 56
- Лебедитцев П.* 215
- Лев VI Премудрый имп. византийский 16, 64, 158
- Левитский О.* 145, 148, 167, 168, 170, 175-177, 182
- Леонтий Боболинский** иеромонах киевского Выдубицкого, черниговско-
го Троице-Ильинского монастыря историк, автор Летописца (Чер-
ниговской летописи) 144, 163, 171, 176, 177 (соч. 72, 148, 168, 183)
- Леонтий иеродьякон Бизюкова монастыря 387
- Лермонтова Е.Д.* 52, 149, 176, 191, 230, 231, 253, 340
- Лефорт Франц Яковлевич генерал-адмирал 202
- Лжедмитрий I см. Дмитрий Иванович
- Ликург царь законодатель спартанский (лакадемонский) 314
- Лихачев Д.С.* 282
- Лихуды Иоанникий и Софроний** братья греки 9, 11, 45, 46, 51-53, 158,
161, 176, 191, 202, 231, 232, 234, 281, 282, 297, 298, 302, 307, 319-321,
323-330, 332-334, 338-351, 353, 355, 358, 360, 362, 365-367, 369, 404,
411, 419, 435, 436, 443, 447-448; **Иоанникий** 52, 190, 191; **Софроний**
36, 196, 264, 402
- Ловчиков Степан Богданович стольник 118
- Ловягин А.М.* 127
- Ломоносов М.В. ученый просветитель литератор русский 332
- Лопухин Петр Абрамович Большой Лапка б., дада царицы, насмерть
запытан Петром без объявления вины в 1695 г. 186, 393
- Лубиенец Станислав де**, участник польского посольства в Москву 114
- Лука апостол евангелист 69, 215, 432
- Лукичев М.П.* 131, 279, 357
- Луфье Я.С.* 118
- Луцик Ф.Ф.* 245
- Лызлов Андрей Иванович** думный дворянин 11, 12, 88-103, 106, 118,
119, 125, 131, 137, 138, 142, 146, 147, 156, 157, 164, 169, 179, 180,
183, 185, 187, 188, 191, 200, 438, 444
- Лызловы дворяне 138
- Львов Григорий Васильевич думный дьяк Посольского приказа 20
- Любимов С.* 280, 309, 421-424
- Любовь св. 228, 232, 233, 253
- Людовик XIV король Франции 210
- Людовик Мантуанский кн. итальянский 221
- Люллий Раймунд философ-мистик и богослов французский 345

Мазепа Иван Степанович гетман украинский 167, 168, 178, 188-193, 195, 196, 203, 204, 208, 247, 264, 355, 366, 371, 383, 396, 443
Майков Л.Н. 288
Макарий Булгаков митрополит 280, 291
Макарий патриарх Антиохийский участник Вселенского собора 1666-1667 гг. в Москве 285, 287-290, 295, 307, 342, 347
Макеева И.И. 279
Мамай темник правитель Золотой Орды 156
Мансветов И.Д. 361
Мануил II Палеолог имп. византийский 16
Маньков А.Г. 186
Мариам сестра Моисея библ. 227
Марина Юрьевна Мнишек царица 19, 20, 23, 25
Мария Алексеевна Романова царевна 241
Маркевич А.И. 151
Маркелл митрополит Псковский и Изборский сторонник Медведева в споре о евхаристии, осужден и лишен сана 372, 375, 407
Марфа Алексеевна Романова царевна 241
Марфа Матвеевна Апраксина царица супруга царя Федора Алексеевича, вдова 230, 256
Матвеев Артамон Сергеевич б. канцлер 6, 64, 114, 115, 126, 293, 378
Матиаш Хуньяди (Матфей I Корвин) король венгерский 99
Медведев Борис Агафонникович брат Сильвестра 385
Медведев Калина Афанасьевич подьячий Дворцового судного приказа однофамлец Сильвестра 385
Медведев Семен Агафонникович см. Сильвестр Медведев
Медынский Е.Н. 281
Мелентий иеродиакон патриарший 343
Мельнов Дмитрий пятидесятник Стрелецкого полка наемный доносчик 377
Меркатор Герард составитель популярных в Европе XVII в. Атласов Большого и Малого 48
Мефодий Патарский св. 158
Мехмед II Фатих (Завоеватель) султан турецкий 93
Мехмет-паша Соколу великий визирь турецкий 93, 137
Миллер Г.Ф. 101, 102
Милославские царские родственники 430
Милош Обилич воевода сербский 99
Миллоков П.Н. 136, 137
Миних Бурхард Христофор фельдмаршал 183, 444
Митюрлов Б.Н. 282
Михаил Федорович Романов царь 19, 20, 25-27, 31, 34, 156
Многогрешный Демьян Игнатович гетман украинский 110

Моисей библ. пророк 58, 152, 194, 227, 230, 232
Моисей бывший уставщик Чудовского монастыря 404
Мордовцев Д.А. 280
Морозов А.В. 243, 261
Морозов Б.Н. 70, 279, 357
Морозова Л.Е. 20, 21
Мосох Афетович легендарный прородитель москвитов 55, 59, 60
Мстислав Мстиславич Удалой кн. новгородский, галицкий 156
Муравьев А.В. 282
Муравьев Н.М. собиратель книг 101
Мурзакевич Н.А. собиратель книг 102
Муромцев Иван пятисотный полка стрельцов Кровкова доносчик 388
Мухаммед IV султан турецкий 173
Мьльников А.С. 406

Надежда св. 228, 232, 233, 253
Надеин Семен родич и секретарь Ф.Л.Шакловитого 262, 268, 276
Нарбеков Василий Савич окольный 276
Нарышкин Лев Кириллович б. брат царицы Наталии 389
Нарышкины клан родичей царя Петра Алексеевича 68, 133, 178, 181, 187, 195, 277, 278, 379
Наталия Алексеевна Романова царевна 241
Наталия Кирилловна (Нарышкина) царица правительница 6, 195, 199, 200, 225, 226, 230, 241, 256, 389
Невилль де ла франко-польский агент в Москве 188, 406
Невоструев К.И. 288, 418
Негребецкий Павел польский выходец стольник доносчик 297
Нектарий чудотворец настоятель Ниловой пустыни 391
Нелидов Петр капитан стрелецкий 399
Неплюев Леонтий Романович окольный воевода, б. ссыльный 171, 172, 178, 181, 186, 196, 198, 369, 392, 393, 443
Непоставов Артемий капитан стрелецкий 383
Нечаев Иван Константинович стольник и полковник стрелецкий 382
Никита Пустосвят старовер историк-публицист 347
Николаевский П.Ф. 361
Никомах математик сирийский 303
Никон бывший архимандрит Донского монастыря 383, 384
Никон патриарх Московский и всея Руси 35, 55, 58, 232, 286, 342, 361, 431
Нил Столбенский чудотворец основатель Ниловой пустыни 391
Нин царь ассирийский 65
Новиков Н.И. 10, 100, 102, 279, 294
Новосельский А.А. 10, 116, 132, 141
Ноевы сыны (Сим, Хам и Афет) 66, 430
Ной праотец библ. 63, 71

Обидовский племянник гетмана И.С.Мазепы 247, 269
Образцов И.Я. 280, 419
Овидий Публий Назон поэт римский 180
Овчинникова Е.С. 271
Огинский кн. канцлер литовский 171
Оглоблин Н. 100
Одоевские бояре 214
Одон легендарный славянский кн. 197
Олег Вещий правитель Руси 64, 68
Ольга княгиня киевская правительница Руси 42, 64, 317
Омир (Гомер) эпический поэт греческий 304
Ордин-Нащокин Афанасий Лаврентьевич б. канцлер 6, 74, 211, 291, 293
Орлов И.Л. 243
Орлов Федор Поликарпович ученик и учитель Заиконоспасских школ,
историк-публицист 118, 294, 295, 324, 326-329, 332-334
Остроглазов И.М. 243, 244
Острогорский Г.А. 16
Охотницкий Галактион капитан стрелецкий 399

Павел апостол 156
Павел митрополит Нижегородский и Алатырский 409
Павлов Григорий поп бывший 414
Пазухин Борис стольник посланник 129
Паисий Лигарид митрополит Газский 282-287, 291, 307, 342
Паисий патриарх Александрийский участник Вселенского собора 1666-
1667 гг. в Москве 285, 287-290, 295, 307, 342, 347
Паисий Сийский казначей патриарший 393
Палладий Роговский выпускник Виленского, Нисского, Оломоуцкого
университетов и Римской коллегии, игумен Заиконоспасского мо-
настыря ректор училища (будущей Академии) 326, 329, 330, 333
Панаичин Ф.Г. 282
Панин Н.И. граф 253
Панич Т.В. 411
Панченко А.М. 10, 77, 80, 282, 424
Пасынков Иван капитан стрелецкий 399
Паткуль Иоганн Рейнгольд авантюрист лифляндский, тайный советник
царя Петра Алексеевича 209
Пекарский П.П. 101, 280
Перекрест Иван полковник ахтырский с сыновьями 262, 266-270
Петр I Алексеевич Романов царь, император 6, 10, 12, 14, 20, 23, 24-28,
34, 38, 40, 43, 52, 100, 103-107, 109, 115, 121, 133, 136, 141, 143, 144,
151, 159, 167, 171, 182, 186, 187, 195-209, 214, 217-219, 224-226, 229-
232, 234-242, 244, 245, 251-254, 260, 261, 265-268, 271, 277, 278, 281,
292, 293, 296, 306, 309, 322, 329-332, 334, 343, 347, 370, 375-377, 379-

- 383, 386, 388, 389, 391-393, 398, 400, 415, 419, 420, 422, 424-426, 431, 433, 439, 440, 444, 445, 448
- Петр апостол 229, 232, 234, 236, 241, 242, 253, 267
- Петр Артемьев дьякон Петропавловской церкви московской Новомещанской слободы, вероотступник 329
- Петр Могила митрополит Киевский 281, 287, 350, 422
- Петр св. митрополит всяя Руси 157
- Пештич С.А.* 10
- Пилат Понтий римский прокуратор Иудеи 336, 449
- Пилипенко Б.* 244
- Пирр царь Эпира 224
- Питирим епископ Тамбовский 409
- Плиний Старший ученый римский 221
- Погодин М.П.* 10, 424, 425
- Позднеев А.В.* 202
- Покровский А.А.* 246, 294
- Полевой Н.А.* 243
- Полежаев Е.* 296
- Поликарпов Ф.П.** см. **Орлов Ф.П.**
- Потов А.Н.* 10, 21, 33, 58-60, 61, 120-123
- Потов Н.П.* 345
- Потов П.М.* 243, 251, 261, 267, 269
- Потемкин Петр Иванович стольник посол 127
- Прашкович Н.И.* 77
- Прозоровский А.А.* 10, 151, 218, 221, 244, 266, 280, 281, 335, 349, 349-351, 355, 358, 360, 372, 375, 404, 417, 424
- Прозоровский Петр Иванович б. кн. дядька царя Ивана 198
- Протасьева Т.Н.* 288
- Птолемей Клавдий астроном и географ греческий 303, 304
- Лузиков В.М.* 10, 76, 77, 109, 288
- Пульхерия царевна византийская 227, 276
- Пушкарев Л.Н.* 10, 77, 79, 106, 109, 201
- Пытин А.Н.* 10, 280, 283, 284, 287, 424-426
- Пясецкий Павел историк польский 305
- Пятин Иван капитан стрелецкий 399
- Радивиловский А.** южнорусский духовный писатель 215
- Разин Степан Тимофеевич вождь народного восстания 417, 430
- Ракушка-Романовский Роман** стародубский священник, бывший генеральный подскарбий, автор Летописи Самовидца 145, 148, 167, 168, 170, 175-177, 182
- Редедя богатырь касожский 156
- Ржевский Алексей Иванович окольный воевода и думный генерал 276
- Ржевский Дьяк воевода XVI в. 175

Ржевский Иван Иванович думный дворянин воевода 115
Римские-Корсаковы, дворяне 430
Римский-Корсаков Николай Андреевич композитор 117
Робинсон А.Н. 10, 77
Ровинский Д.А. 175, 219, 220, 229, 243-246, 251, 252, 254, 256, 261, 262, 268-271, 275, 277
Рогов А.И. 10, 118, 282, 307, 309, 324, 330
Родичев Дмитрий капитан стрелецкий 382
Романов Максим Григорьевич подьячий тобольский летописец 104
Романов Савва старовер, автор *Истории о вере* 37, 356
Романовы 20, 31, 34, 47, 51, 62, 67, 158, 239, 293, 430
Ромодановский Григорий Григорьевич б. кн. воевода 115, 116, 121-123, 139, 170, 185
Ромодановский Михаил Григорьевич б. кн. воевода 121, 122
Ртищев Федор Михайлович окольный организатор училища 283, 291
Румянцев В. 267
Румянцев Н.П. собиратель книг 102
Рус легендарный князь 55-60
Рыков Ю.Д. 118
Рычков П.И. 101
Рюрик кн. новгородский 30, 31, 34, 57-59, 62, 64, 66, 68, 429, 433
Рюриковичи 44, 64, 87
Саблины дворяне городовые 87
Савва Долгий поп московский см. Симеон
Савватий справщик старовер 37
Савелов А.М. 161, 162
Савеловы дворяне 161
Сагайдачный Григорий кошевой запорожский 110
Салтанов Иван (Богдан) царский живописец дворянин московский 311
Самойлович Григорий Иванович полковник батуринский 172
Самойлович Иван гетман украинский 115, 123, 124, 132, 146, 162, 164, 167, 170, 171, 181, 262, 264, 338, 341, 443; с сыновьями 170
Сапогов Филипп капитан стрелецкий наемный доносчик 388, 390
Сахаров А.М. 10, 282
Сахаров И.П. 291
Свенцицкая В. 246
Святослав Игоревич кн. киевский 93
Святослав Юрьевич сын в. кн. киевского 156
Секерины дворяне городовые 87
Селим-Гирей хан крымский 112
Семевский М.И. 243, 261
Семенов-Зусер С.А. 102
Семирамида царица библ. 276

Сенахерим вождь библ. 158
Сербина К.Н. 10
Сергий игумен Печатного двора справщик 393, 404
Сергий Радонежский св. 58, 157
Серко Иван атаман запорожский 111, 121, 168
Силин Дмитрий поляк лже-астролог клеветник 415-417
Сильвестр (Семен Агафонникович) **Медведев** 6, 9, 11, 12, 79, 80, 109, 110, 140, 151, 199, 210-225, 228, 229, 235-239, 241, 244, 254, 255, 262, 264-266, 268, 271, 276, 277, 281, 287-289, 291, 293, 294, 296, 298, 306-308, 310, 312-321, 324, 332, 333, 337, 341, 344-346, 348-376, 380-422, 424, 425, 427, 438, 439, 447-449
Симеон (Савва) **Долгий** монах проповедник сторонник Сильвестра Медведева в споре о свхаристии 360, 403, 404, 407, 408, 410, 411
Симеон епископ Смоленский 344, 345
Симеон (Самуил Петровский-Ситнианович) **Полоцкий** 9, 49, 76-80, 109, 110, 118, 210, 213, 215, 233, 283, 285-289, 291-293, 302, 306, 308, 313, 319, 347, 348, 393, 406, 417, 422, 423, 425, 427, 435, 437-439, 446, 447
Симон врач государев 417
Симонов Р.А. 415
Синицына Н.В. 15, 29
Скиф легендарный правнук Афета 59
Славен легендарный князь 55-60
Смеловский А. 280, 309
Сменцовский М.Н. 10, 52, 280, 297, 298, 309, 319, 323-325, 328-330, 338, 341, 342, 358, 361, 411
Смирнов В.Д. 172
Смирнов И. 280
Смирнов Н.А. 77, 102, 116, 119, 123, 210
Смирнов П.[П.] 108, 257, 280, 341, 367, 369
Смирнов П.С. 37
Смирнов С.К. 10, 52, 280, 284, 309, 310, 320, 321, 323, 330, 338, 339
Сназины дворяне 55
Снегирев И.М. 246, 311
Сныткины крестьяне крепостные 138
Собакин (упоминание) 253
Соболевский А.И. 10, 280, 357, 425
Солнцева-Засекины дворяне городовые 87
Соловьев С.М. 10, 19, 29, 39, 74, 75, 80, 10, 115, 124, 128, 128, 147, 148, 151, 163, 164, 195, 198, 208, 209, 256, 257, 265, 278, 280, 291, 329, 341, 379
Соломон царь библ. 111, 215, 216, 219, 318
София св. (Мудрость) 228-230, 232, 233, 235, 253, 267
Софроний Лихуд см. Лихуды

- Софья Алексеевна** Романова царевна правительница 6, 12, 47, 52, 64, 73, 75, 76, 82, 83, 88, 104, 133, 142, 143, 144, 146, 148, 149, 151-153, 159, 161, 169, 171, 175, 176, 178, 188-193, 195-199, 211, 213-244, 247, 249, 251-256, 259, 262, 264-278, 310, 316, 320, 333, 337, 340, 341, 344, 350, 351, 368-373, 375-379, 388-392, 394, 397, 398, 406, 412, 414, 415, 424, 435, 441-445, 448
- Спафарий Милеску Николай Гаврилович переводчик Посольского приказа литератор 342 (его соч. 62, 64, 65 без указания автора)
- Сперанский М.Н.* 101
- Сталин Иосиф Виссарионович 420
- Старовольский Симон историк и публицист польский 119, 120
- Старчевский А.* 102
- Степовик Дмитро* 251, 267, 278
- Степъен Вукчич восвода боснийский 99
- Стефан** (Семен Иванович) **Яворский** митрополит Рязанский, местоблюститель патриаршего престола, председатель Синода 329-332
- Стефан III Великий господарь молдавский 99
- Стефан Лазаревич деспот сербский 99
- Сторожев В.Н.* 280, 283, 291
- Стрешнев Тихон Никитич дядька (воспитатель) Петра, б. судья Сысканого и иных важнейших приказов 379, 385, 387, 399
- Стрижов Алексей пристав стрелецкого Жукова полка 381, 414, 416, 417
- Строев П.М.* 253, 419
- Стрыйковский Мацей историк, поэт и художник польский 118
- Субботин Н.Н.* 37, 369
- Суворов Александр Васильевич генералиссимус 85
- Сумцов Н.Ф.* 75, 247, 253, 256, 257, 367
- Сусанна героиня библ. 234
- Сухарев Мартемьян Федорович стольник и подполковник 399
- Тайдулла ханша Золотой Орды 112
- Таннер Бернгард Леопольд Франциск** чешский путешественник в Москву с польским посольством 1678 г. 74, 120
- Тарановский Андрей польский представитель в Крыму XVI в. 118
- Тарасевич Александр** гравер 267, 278
- Тарасевич Леонтий** гравер 64, 220, 238, 243, 262, 263 (Рис. 3), 267, 269, 270, 272 (Рис. 4), 273 (Рис. 5), 275, 278
- Татарский И.А.* 10, 288, 424, 425
- Татищев В.Н.* 58, 101, 136, 292
- Татьяна Михайловна Романова царевна 240
- Тиганова Л.В.* 302
- Тимофей** иеромонах паломник в Иерусалим, учитель Типографской школы с 1681 г. 294-297, 332, 333
- Тимур Тамерлан (Темир-Аксак) 69, 157

- Титов Василий** певчий дяк композитор придворный 233
- Титов Осип** подьячий Новодевичьего монастыря с дочерьми Верой, Надеждой и Любовью 128, 232, 233
- Титов Ф.* 267
- Тихомиров М.Н.* 10, 282
- Тихон Макарьевский** казначей патриарший, литератор 59, 205
- Тихонравов Н.С.* 356
- Тихонюк И.А.* 15-17
- Товия пророк библ. 217
- Толочанов Семен Федорович окольный 276
- Толстов Ф.А. граф собиратель книг 253
- Трауэрнихт Афанасий генерал-майор русской службы 434
- Троекуров Иван Борисович б. кн. судья Стрелецкого приказа 387
- Троицкий Иван сотник Стремянного полка наемный доносчик 377
- Тромонин К.Я.* 311
- Туманский Ф.О.* 10, 280, 281, 343
- Турка Федор десятник Стремянного полка наемный доносчик 377
- Тяпкин Василий Михайлович думный дворянин резидент в Варшаве 120, 123, 129, 130
- Уваров А.С. граф 43
- Украинцев Емельян Иванович** думный дяк Посольского приказа, великий и полномочный посол в Стамбуле 20, 196, 204, 208, 209, 225
- Ульфов Ипат патидесятник Стремянного полка наемный доносчик 377
- Ундольский В.М.* 251, 253, 269, 293, 361
- Устрялов Н.Г.* 10, 167, 244, 330, 369, 417, 424
- Устюгов Н.В.* 136, 357
- Фабии консулы римские 109, 430
- Фаворин философ французский 303
- Фаизов С.Ф.* 116
- Федор Алексеевич Романов** царь 6-8, 12, 20-28, 33-40, 43, 46, 65, 67, 73, 74, 76, 79, 80, 92, 94, 115, 119-122, 124-128, 130, 131, 133-135, 137, 139-142, 151, 156, 157, 186, 188, 202, 210, 213, 214, 225, 230, 247, 249-253, 269, 270, 292-296, 306-308, 310-312, 315, 316, 320, 321, 323, 332-334, 339, 417, 427, 431-434, 440, 442, 444, 446-448
- Федор Борисович Годунов царь 18
- Федор дякон, старовер 347
- Федор Иванович Рюрикович царь 16, 18, 23, 25, 26, 31, 32, 67
- Феодор Стратилат св. мученик 54, 79, 191, 271, 275, 277
- Феодосий Великий имп. византийский 65, 284
- Феодосий Сафонович игумен киевского Михайловского монастыря богослов и историк (возможно, автор Синописа) 367
- Феодосия Алексеевна Романова царевна 241

Феодосия правительница византийская 227
Феокистов Михаил сотник Стремянного полка наемный доносчик 377
Филарет (Федор Никитич Романов б.) патриарх Московский и всея Руси
21, 32-34, 49, 70, 73, 146, 342, 431, 433
Филарет Гумилевский митрополит 280
Филарет иеромонах 361
Филарет митрополит Нижегородский и Алатырский 370
Филмонов Г. 215, 219, 242, 254, 255
Филипп св. митрополит Московский и всея Руси 157, 431
Филипп царь македонский 60
Филон ученый иудейский 303
Филофей монах псковского Елизаарова монастыря 55
Филофей патриарх Константинопольский 347
Флоровский А.В. 298, 348
Фонкич Б.А. 54, 327, 338
Форстен Г.В. 127, 143
Французова Е.Б. 127
Фронтин Секст Юлий сенатор римский 106, 444
Харламович К.В. 10, 280, 289, 309, 425
Хитрово Аврам Иванович думный дворянин воевода 196, 385
Хитрово Богдан Матвеевич б. дворецкий 118
Хитрово Венедикт Яковлевич стольник воевода 196
Хлебников П. 101
Хмельницкий Юрий Богданович гетман Правобережной Украины, приняв турецкое подданство 122, 124
Хованские б. кн. ложно объявлены правительством регентства инициаторами Московского восстания 1682 г. и казнены 378, 379
Хрисанф архимандрит иерусалимский племянник патриарха Досифея, ездил в Москву за милостью 325, 327, 328
Христофоров Константин переводчик Посольского приказа 17
Цветаев Д.М. 56, 298, 367, 425
Цицерон Марк Туллий политик, оратор и писатель римский 303
Чанибек (Джанибек) хан Золотой Орды 113
Чебан С.Н. 280
Черепнин А.В. 10, 133, 141, 151
Чернов А.В. 132, 134
Чистякова Е.В. 10, 11, 49, 65, 74, 89, 94, 101, 102, 119, 124, 233, 237
Чичагов Алексей Семенович стольник и подполковник стрелецкий 399
Шайдаков Михаил Федорович стольник кн. летописец 144, 162, 164
Шаковитый Федор Леонтьевич думный дьяк, думный дворянин, ближний окольничий и наместник Вяземский 54, 64, 88, 146, 170, 188-

- 191, 198, 199, 236-238, 243, 262, 264-270, 271, 275-278, 316, 337, 341, 355, 366, 370, 371, 375-378, 380, 381, 383, 385, 388-392, 394, 396-398, 414, 415, 422, 441, 443
- Шафиров Петр Павлович переводчик советник царя Петра 209
- Шеин Алексей Семенович б. воевода, ближний б. и главнокомандующий (с 1695 г.) 162, 184, 192, 196, 202, 203
- Шеин Михаил Борисович б. воевода, казнен как изменник 146
- Шепелева Л.С.* 202
- Шереметев Борис Петрович стольник воевода, с 1682 г. б. великий и полномочный посол и воевода 149, 184, 192, 196, 203, 385
- Шереметев-Большой Петр Васильевич б. воевода XVI в. 175
- Шлецер А.* 101
- Шляткин И.А.* 10, 207, 280, 367, 372, 375, 424
- Шмитковский Иоанн** выпускник Киево-Могилянской коллегии, настоятель московской церкви Иоанна Богослова 289
- Шхонбек** гравер голландский на русской службе 206
- Шапов Я.Н. 15, 16
- Щербан господарь валашский 191
- Щербатов Константин Осипович б. кн. воевода 162
- Цирский Иннокентий** гравер 229, 251, 254, 258-260 (Рис.2), 269
- Шука Станислав коронный гетман Правобережной Украины 164, 166
- Эварницкий Д.И. 165-167
- Эдигей эмир крупный политик времен распада Золотой орды 95
- Энгельгардт Андреас врач царя Алексея Михайловича прогност 415
- Эразм Роттердамский гуманист эпохи Возрождения 77, 81, 299, 437
- Эрмис Тривеличайший (Гермес Трисмегист) диалектик греческий 303
- Юдин Богдан стольник и подполковник стрелецкий 399
- Юдифь героиня библ. 234
- Юрий Владимирович Долгорукой в. кн. 57, 68,
- Юсим М.А.* 393
- Юстин Марк историк римский 65
- Юстиниан имп. византийский 284
- Яблонская Анна Тимофеевна вдова 384
- Яблонский Яков бывший дьякон царской дворцовой церкви 384
- Языков Д.И.* 202
- Ян III Собеский** король польский 115, 125, 126, 131, 150, 163-167, 170, 171, 173, 174, 180, 185
- Яхонтов И.* 351, 369, 409, 419
- Яцимирский Я.* 280

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ	Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии Наук
АИ	Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией императорской Академии Наук
АЮЗР	Акты Южной и Западной России
БАН	Библиотека Российской Академии Наук. Отдел рукописей и редкой книги
В. г. ц. и в. кн.	Великий государь царь и великий князь
ВОИДР	Временник императорского Общества истории и древностей российских
ВСМЗ	Владими́ро-Сузда́льский историко-культурный музей-заповедник
ГБЛ	Государственная библиотека СССР им. В.И.Ленина
ГИМ	Государственный исторический музей
ДАИ	Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией императорской Академии Наук
ДРВ	Древняя российская вивлиофика / Изд. Н.И.Новиков
ИА	Исторический архив. Периодический сборник
ИВ	Исторический вестник. Журнал
ИЗ	Исторические записки. Периодический сборник
ИЗ	Исторические записки. Периодический сборник
ИИИ СССР	Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Периодический сборник
ИИИР	Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Периодический сборник
ИОИ	Источниковедение отечественной истории. Периодический сборник
ИОРЯС	Известия Отделения русского языка и словесности императорской Академии Наук

ИРЛИ	Институт русской литературы РАН (Пушкинский дом). Древлехранилище
ИСССР	История СССР. Журнал
КИМ	Книга. Исследования и материалы. Сб. статей
КС	Киевская старина. Журнал
ЛХ	Летописи и хроники. Периодический сборник
МГАМИД	Московский государственный архив Министерства иностранных дел (фонды в РГАДА)
МГИАИ	Московский государственный историко-архивный институт
МГУ	Московский государственный университет
МК	Музей книги
НР	Наука и религия. Журнал
ОЛДП	Императорское Общество любителей древней письменности. Многотомное издание памятников
Памятники.	Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII в.: Литературные панегирики / <i>А.П.Богданов</i> . М., 1983
ПДПИ	Памятники древней письменности и искусства
ПДС	Памятники дипломатических сношений России с державами иностранными
ПКНО	Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник
ПСЗ-1	Полное собрание законов Российской империи. Серия I
ПСРА	Полное собрание русских летописей
РА	Русский архив. Журнал
РАН	Российская Академия Наук
РГАДА	Российский государственный архив древних актов
РГБ	Российская государственная библиотека
РНБ	Российская национальная библиотека
РС	Русская старина. Журнал
СГГиД	Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел
СПб. ИРИ	Санкт-Петербургское отделение Института российской истории РАН
ТОДРА	Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ
ЧОИДР	Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Становление Российской державы	13
Российское православное самодержавное царство	13
Россия и Вселенная	40
Мир и война	76
Глава 2. Публицистика и политика	108
Русско-турецкая война 1673—1681 гг.	108
Россия в Священной лиге. 1686—1700 г.	142
Глава 3. Борьба за власть	210
Правление царицы Софьи	210
Прообраз политического плаката	242
Глава 4. Борьба за просвещение	279
Полемика об училищах	279
Схватка за академию	309
Глава 5. Борьба за право разума	335
Спор о пресуществлении	337
Сыск «государственного преступника»	375
Обличение «латинствующих»	398
Заключение	428
<i>Указатель архивов</i>	<i>450</i>
<i>Указатель памятников</i>	<i>454</i>
<i>Указатель имен</i>	<i>467</i>
<i>Список сокращений</i>	<i>489</i>

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН
ЛР № 020768 от 15.04.98

Подписано в печать 22.05.01. Формат 60x84/16. Заказ № 21
Тираж 300 экз. 30,75 п.л. 27,90 уч.-изд.л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

